

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 2

Субъект деятельности

Книга 2

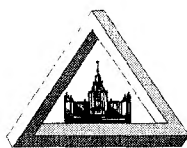
Издание второе, исправленное и дополненное

Ответственный редактор В.В. Петухов

Редакторы-составители Ю.Б. Дормашев,
С.А. Капустин

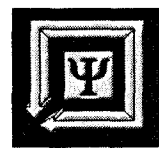
*Для студентов факультетов психологии высших учебных заведений
по направлению 521000 — «Психология»*

УМК «Психология»

Москва
2004

Московский психолого-
социальный институт

УДК 159.9(082.2)
ББК 88.3
О 28

РЕКОМЕНДОВАНО ОТДЕЛЕНИЕМ ПО ПСИХОЛОГИИ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ РФ

Рецензенты:

В.А. Иванников, доктор психологических наук;
А.Н. Гусев, доктор психологических наук

Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 2: Субъект деятельности.
О 28 Книга 2. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. В.В. Петухов. Для
студентов факультетов психологии высших учебных заведений по
направлению 521000 — «Психология». — М.: УМК «Психология»;
Московский психолого-социальный институт, 2004. — 527 с.

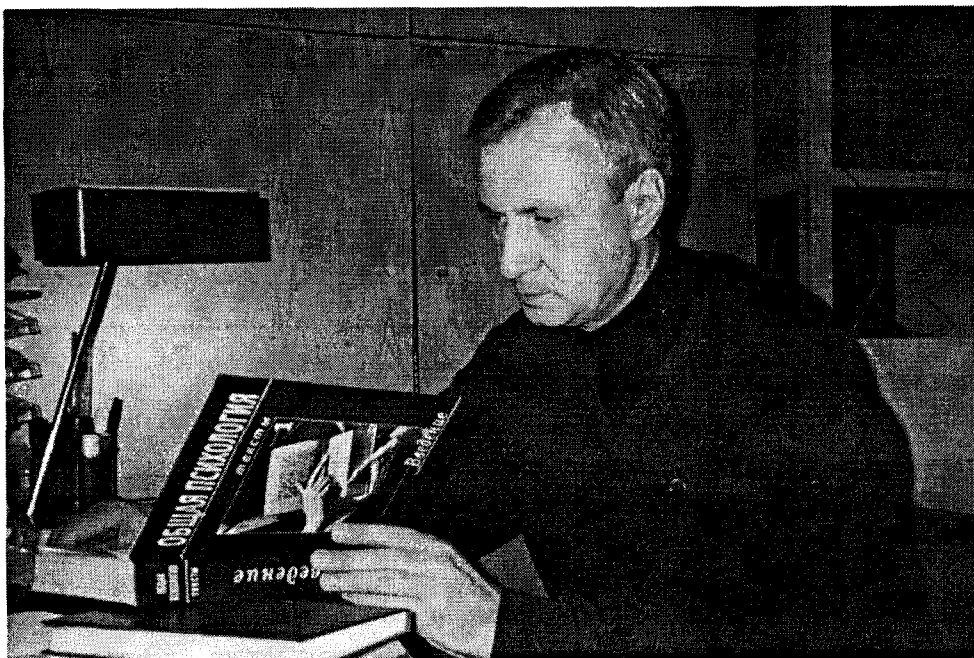
Собрание оригинальных психологических текстов в трех томах, дополняющее любой базовый учебник по общей психологии, предназначено для проведения семинарских занятий по данному курсу и самостоятельного чтения.

Второй том, представляющий раздел «Субъект деятельности», состоит из трех книг. Вторая книга посвящена мотивации и строению личности. Тексты могут быть использованы в таких традиционных разделах курса общей психологии, как «Психология мотивации и эмоций» и «Психология личности», а также как базовые в соответствующих спецкурсах, имеющих прикладную направленность.

Для студентов факультетов психологии высших учебных заведений, преподавателей, а также для всех интересующихся научной психологией.

ISBN 5-93692-054-2

© В.В. Петухов, отв. ред., предисловие, 2004.
© Ю.Б. Дормашев, С.А.Капустин, ред.-сост., 2004.
© УМК «Психология», оформление, 2004.

ПЕТУХОВ ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ

(15.09. 1950 — 6.09. 2003)

Эту книгу мы открываем с тяжелым чувством горечи и утраты. От нас ушел Валерий Викторович Петухов — наш друг и коллега, автор целостного курса общей психологии, ответственный редактор настоящего трехтомного издания текстов по общей психологии. Мы считаем своим долгом продолжить и завершить это издание, сохранив структуру авторского курса.

Ю.Б. Дормашев,
С.А. Капустин

Содержание

Предисловие	6
-------------------	---

ТЕМА 12. ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ

1. Общее представление о мотивации

Нюттен Ж. Явление мотивации	18
Стагнер Р., Карвозский Т. Мотивация поведения	21
Браун У., Гилхаузен Х. Желание и потребность	24

2. Проблема базовой мотивации. Различные стратегии ее выделения. Развитие мотивации

Хекхаузен Х. Классификация мотивов на основе инстинктов: Уильям Мак-Дауголл	26
Холл К., Линдсей Г. [Классификация потребностей Г. Меррея]	32
Олпорт Г. Трансформация мотивов	42

3. Примеры исследований базовой мотивации отдельных видов деятельности

Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Мотивация	76
Нюттен Ж. [Познавательная и социальная мотивации]	112
Хекхаузен Х. [Исследования мотивов аффиляции, власти, помощи и агрессии]	127

4. Ситуативная мотивация. Ее исследования в школе К. Левина

Левин К. Намерение, воля и потребность	169
Зейгарник Б. Запоминание законченных и незаконченных действий	209

5. Уровень притязаний и мотивация достижения

Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний	235
Нюттен Ж. Процесс формирования цели	239
Хекхаузен Х. Измерение мотивации достижения	245

*6. Оптимум мотивации. Закон Йеркса—Додсона.
Проблема внешней и внутренней мотивации*

Готтсданкер Р. [Закон Йеркса—Додсона: исследование научения и определение оптимального уровня его стимуляции]	248
Фресс П. Оптимум мотивации	254
Хекхаузен Х. [Внутренняя и внешняя мотивации]	260
Макалатия А.Г. Опыт аутоотлической деятельности	264

7. Мотивация и личность. Защитные механизмы личности

Хьелл Л., Зиглер Д. [Механизмы защиты]	279
Мамардашвили М.К. [Об искусстве осмысления апории]	286

ТЕМА 13. СТРОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

*1. Личность как совокупность
психологических качеств. Черты личности*

Мейли Р. Структура личности	332
Олпорт Г. [Теория черт]	341
Хьелл Л., Зиглер Д. Подход к личности с позиции факторного анализа	384

2. Представление о личности в психоанализе

Фрейд З. Разделение психической личности	402
Саймон Б. Платон и Фрейд: психика в конфликте и психика в диалоге ...	419
Юнг К. Определение терминов	445
Юнг К. [Структура души]	453

3. Личность и общение в транзактном анализе

Берн Э. Анализ игр	476
--------------------------	-----

4. Когнитивные теории личности

Келли А.Дж. [Основные положения теории личностных конструктов]	492
Хьелл Л., Зиглер Д. Эмпирическая валидизация концепций когнитивной теории	522

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

«Субъект деятельности» — второй раздел целостного курса общей психологии. Второй том настоящего издания посвящен этому разделу и состоит из трех книг. В первой книге вы узнали об индивидуальных особенностях человека: о развитии его способностей и их измерении, соотношении темперамента и характера, формировании характера и становлении личности (тема 8), различных стратегиях построения типологии индивидуальности (тема 9). Далее вы познакомились с основными видами внутренней регуляции деятельности: разнообразием эмоциональной сферы и результатами ее исследования (тема 10), развитием произвольного управления поведением, психологией воли как осознанного принятия решений и преодоления конфликтных ситуаций (тема 11). Эти материалы составляли первые две части данного раздела из четырех.

Напомним структуру раздела «Субъект деятельности», основания которой подробно изложены в предисловии к первой книге второго тома (рис. 1). Во *второй и третьей книгах* мы переходим от рассмотрения, главным образом, наличных, сложившихся психических свойств, качеств, способов поведения человека к изучению подлинных причин их происхождения — особенностей потребностно-мотивационной сферы, определяющей строение личности (вторая книга — третья часть раздела), создания личностью собственных свойств в процессе ее продуктивного развития, роста (третья книга — четвертая, заключительная часть раздела). Мы видим, что названия этих частей задают ключевые слова для входящих в них трех оставшихся тем: *мотивация (тема 12) — строение (13) и развитие (14) личности*.

Тексты для семинарских занятий и самостоятельного чтения подкреплены в данном издании материалами соответствующего лекционного курса. Так, в первой книге второго тома эти материалы были поме-

¹ В предисловие, написанное Валерием Викторовичем Петуховым, внесены незначительные поправки, связанные с тем, что материалы раздела «Субъект деятельности» издаются не в двух книгах, как предполагалось ранее, а в трех. (Примечание редакторов-составителей.)

Рис. 1

щены практически в каждую тему для разъяснения ее структуры и содержания. Структура второй и третьей книг в принципе ясна, и поэтому здесь мы поступим иначе: представим лекционный материал сразу — в предисловии.

Прежде всего напомним о том, что мы уже знаем (или должны знать) о потребностях и мотивах, а также строении соответствующей сферы человека из лекций по разделу «Введение». Так, в теме 6 мы рассматривали понятия потребности и мотива в контексте общепсихологической теории деятельности, не ограничиваясь, впрочем, только трудами А.Н. Леонтьева.

Понятие *потребности* вводилось нами¹ с помощью выделения двух основных свойств, отражающих ее объективную и субъективную стороны. Во-первых, потребность есть объективная *необходимость* субъекта (организма, социального индивида, личности) в чем-то внешнем, содержащемся в мире, в котором он живет и действует. Это «что-то внешнее» может быть названо благом для удовлетворения потребности, или, по А.Н. Леонтьеву, ее предметом — материальным или идеальным. Впрочем, слово «предмет» (для введения которого у автора теории деятельности были свои основания) едва ли охватывает все разнообразие благ, каковыми для человека являются, не только, скажем, пищевые объекты, но и другие люди, состояния эмоционального контакта с ними (которые уже

¹ Здесь привлекаются материалы учебника, написанного вместе с А.А. Бодалевым и В.В. Столиным для непсихологических факультетов университетов под условным названием «Психология для непсихологов», частично подготовленного к печати в середине 1980-х годов, но не опубликованного.

не назовешь «внешними»), предметы материальной, духовной культуры и процессы ее присвоения. Уступая критикам Леонтьева, мы именовали благом предметное содержание потребности (и понимали «предмет» в широком его значении). Но тогда следует уточнить еще одну важную деталь: ведь Леонтьев, рассматривая потребность как «фундаментальное биологическое понятие», называет ее «объективной нуждой»¹. Нет сомнений, что нужда есть потребностное состояние, но связано оно, пожалуй, с дефицитом благ: в аудитории душно, «нечем дышать», и это побуждает слушателей открыть окно для доступа свежего воздуха. Однако следует признать, что объективная необходимость, потребность в кислороде существует и тогда, когда аудитория оборудована кондиционерами и острой нужды в нем нет. Для снятия этой небольшой проблемы введем понятие *объема* потребности: это — количество благ, необходимых для ее удовлетворения. Различим постоянный и актуальный объем: первый суть количество благ, всегда необходимых субъекту для поддержания деятельности, а второй — потребных ему именно в данный момент (и, в частности, недостающих, что вызывает состояние нужды).

Во-вторых, потребность представлена субъекту психически: этот собственно психологический аспект, связь потребностей с эмоциями подчеркивал С.Л. Рубинштейн². Впрочем, эмоции — не единственная форма психического отражения потребностных состояний: таковы и желания, стремления, даже убеждения человека. Кроме того, отметим, что выражение потребностей в эмоциях, а также желаниях и стремлениях, бывает не только прямым, но и косвенным. Конечно, если, скажем, органическая или социальная потребность не может быть удовлетворена, то возникает непосредственный эмоциональный ответ — фрустрация. Обращаясь же к потребностно-мотивационной сфере личности, мы встречаемся с тем, что ее основанием может быть неразрешенное, неосознанное (бессознательное) противоречие, порождающее амбивалентные эмоции и подчас сильные желания, страсти, далекие от подлинного своего содержания. Вспомним, например, как в фильме А. Тарковского «Сталкер» (поставленном по повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине») его герои, прошедшие трудный путь к Комнате, исполняющей любые, самые заветные, но подлинные желания (потребности) человека, сидят на ее пороге. На своих встречах со зрителями кинорежиссер спрашивал: «А вы бы вошли в эту Комнату?», молчал минуту в безответном зале и говорил: «И я бы не вошел». Так и его герои понимают, а Сталкер — знает: исполнение действительных собственных желаний может быть опасным. Учитель Сталкера когда-то вошел в Комнату, от всей души желая вернуть к жизни своего брата, и вернулся домой — разбогатевшим. Комната удовлетворила настоящую его потреб-

¹ См.: Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. С. 410.

² См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. С. 141–143.

ность, и он с горя — убил себя. Таков один из многих примеров косвенной представленности потребностей в психике и сознании.

Итак, потребность есть *объективная необходимость в благе, имеющая определенный (постоянный и актуальный) объем и представленная (прямо или косвенно) психически — в форме эмоций, желаний и т.п.*

Теперь обратимся к определению *мотива*, который возникает тогда, когда потребность обретает свое конкретное предметное содержание. Происходит это в акте (или процессе) ее «опредмечивания» (таков условный, почти «жаргонный» термин сторонников теории деятельности). Действительно, потребности субъекта существуют и до первого их удовлетворения — «встречи» со своим предметом. Так, новорожденный обладает, например, пищевой потребностью, но до поры неизвестно, что именно станет для него привлекательным благом — материнское молоко или, возможно, его заменители. Аналогично, подросток меняет различные компании сверстников в еще ненаправленных «поисках» друга, так нужного ему для интимно-личного общения. Тем самым развитие потребностей можно разделить на два качественно разных этапа — *до* и *после* их опредмечивания.

Первый этап характеризуется, во-первых, *общей*, весьма интенсивной, но *ненаправленной активностью*, которую едва ли можно назвать деятельностью. Во-вторых, потребность как бы открыта для достаточно *широкого спектра возможных благ* при наличии *ключевых раздражителей*: вспомним, например, как в опытах К. Лоренца новорожденные гусята следовали за любым движущимся предметом, «заменяющим» им мать. И в-третьих, поскольку на данном этапе потребность еще не удовлетворена, субъект испытывает *фрустрацию*.

Но вот, положим, акт опредмечивания потребности произошел: гусенок пошел за матерью, ребенок накормлен, подросток нашел друга, а, скажем, ученый — принцип решения до поры запутанной проблемы¹. После этого наступает второй этап: психологическая картина поведения субъекта качественно меняется. Так, его *активность* становится *направленной*, и именно так можно теперь кратко определить *деятельность* — молярную, неаддитивную единицу жизни. Во-вторых, происходит *резкое сужение* («запечатление») *возможных благ*: иное предметное содержание потребности (скажем, сверстники для подростка) объективно остается благом, но субъективно таковым уже не является. И в-третьих, акт опредмечивания потребности сопровождается бурным всплеском положительных эмоций, и в результате найденное благо получает *эмоциональное (аффективное) закрепление*.

¹ В курсе лекций Ю.Б. Гиппенрейтер встречаем замечательный и поистине чисто женский пример опредмечивания: «Вспомним слова пушкинской Татьяны: “Ты чуть вошел, я вмиг узнала, Вся обомлела, запыхала И в мыслях молвила: вот он!”» — предмет потребности. См.: Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: ЧеРо, 1998. С. 118.

Объединив три указанные характеристики (перечисляя их от конца к началу), получим определение мотива. Это — *эмоционально закрепленный предмет потребности (благо), который направляет деятельность*. Отметим, что в концепции А.Н. Леонтьева эмоциональная (субъективная) «составляющая» была бы исключена: мотив определяется здесь только объективно — как *предмет*, причем одновременно — и *потребности*, и *деятельности*. Тем самым понятие мотива объединяет потребление благ с их производством, и именно в деятельности (на уровне ее действий) содержится резерв развития, в частности, возникновения новых мотивов (потребностей). Кроме того, связь мотива с потребностью и деятельностью позволяет выделить две соответствующие его *функции* — *побуждающую* и *смыслообразующую*.

Впрочем, включение эмоций в само определение мотива восходит к психологической классике. Это закономерно, ведь, согласно В. Вундту, любое психическое явление или действие, например, волевое, содержит как объективную, так и субъективную стороны: «всякий мотив расчленяется, в свою очередь, на элемент представления и элемент чувств, из которых первый можно назвать *основанием*, а второй — *побудительной причиной*»¹. В отечественной психологии данную теоретическую позицию, представленную уже у С.Л. Рубинштейна, активно развивает В.К. Вилюнас².

Тогда понятно, что если расширять объем понятия мотива в принципе, то в него надо включить наряду с объективными (так сказать, когнитивными) компонентами не только эмоциональные, но и волевые. Так и происходит: Х. Хекхаузен, рассматривая это понятие как родовой «гипотетический конструкт», замечает, что оно «включает такие понятия, как потребность, побуждение, влечение, склонность, стремление и т.д. При всех различиях в оттенках значения этих терминов указывают на «динамический» момент направленности действия на определенные целевые состояния [когнитивный компонент. — В.П.], которые независимо от их специфики всегда содержат в себе ценностный момент [эмоциональный. — В.П.] и которые субъект стремится достичь, какие бы разнообразные средства и пути к этому ни вели [волевой. — В.П.]»³. Конечно, при выделении конкретных проблем изучения мотивации определение мотива (и потребности) будет уточняться по содержанию.

При изучении потребностно-мотивационной сферы в теме 12 центральной является проблема ее *строения*, оснований, адекватных единиц анализа. Существуют по крайней мере три принципиальных решения этой проблемы: а) выделение *базовой* мотивации и механизмов ее преобразова-

¹ Цит по: Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 62.

² См.: Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986; Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

³ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1. С. 33.

ния; б) исследование закономерностей функционирования и развития *ситуативной* мотивации, возникающей при выполнении действия, и в) разделение потребностей по *способу удовлетворения*, связанное с определением их собственно человеческой специфики.

Теоретическим основанием выделения *базовой* мотивации является представление о том, что мотив (т.е. «приводящий в движение») изначально присущ самому субъекту, подобно тому, как в физике Аристотеля силы, приводящие в движение тела, находятся в них самих. Базовые потребности выступают как врожденные основания потребностно-мотивационной сферы, или, во всяком случае, изначальные для ее анализа, в результате преобразования которых возникают остальные, *производные* потребности. Принципиальным сторонником данной позиции был английский исследователь У. Мак-Дауголл, предлагавший понятие *инстинкта* (позже — склонности). Инстинкт представляет собой единство познавательного (избирательность восприятия), аффективного (эмоциональный импульс — ядро инстинкта) и моторного (наличие телесных механизмов для инстинктивного поведения) компонентов. Механизм преобразования, точнее, доопределения инстинкта раскрыл этолог К. Лоренц (считавший себя учеником Мак-Дауголла) при изучении его моторного, поведенческого компонента: это — уже известный нам механизм *запечатления* (*импринтинга*). Аналогична стратегия изучения мотивации в бихевиоризме: здесь выделяются *первичные* потребности — врожденные *драйвы*, на основе которых путем *научения* формируются *вторичные* потребности. Собственно, и в классическом психоанализе (если рассматривать его как теорию мотивации) изначальными побуждениями являются телесные (либидозные) *инстинкты* (*влечения*), а механизмами их преобразования — различные формы *сублимации*. Впрочем, существуют и другие стратегии выделения базовой мотивации. Например, при проведении массовых опросов, когда мотивы (мотивировки) жителей города или района образуют в результате взаимосвязанную «сеть», основными становятся общие для многих узловые потребности, скажем, потребность в безопасности, достойном социальном статусе, которые являются условием удовлетворения ряда других. Отметим, что здесь первичные потребности рассматриваются уже не как присущие человеку изначально, но возникающие при его взаимодействии с окружающей средой: так в концепции Г. Мюррея, создателя Тематического Апперцепционного Теста (ТАТ), *нужды* пациента определяются как результат социального *давления*.

Представление человека как действующего в предметном и социальном окружении является теоретической основой изучения *ситуативной* мотивации. Не отрицая наличия базовой мотивации, потребности субъекта рассматриваются здесь как возникающие здесь и сейчас, в процессе действия с объектом — так же, как в физике Галилея силы, приводящие тела в движение, суть результат их взаимодействия. Такова концепция К. Левина, уникального гештальт-исследователя мотивации, с центральным по-

нятием *мотивационного поля*, в котором как раз и возникают субъект-объектные напряжения. Напомним, что со стороны субъекта их источником является *квази-потребность*, которую кратко можно определить как потребность завершить начатое действие, выраженную в намерении, а объекты имеют свой «требовательный характер» — определенные *валентности*, являясь потенциальными мотивами. Помимо уже известных результатов, полученных в школе Левина, особый интерес вызывают исследования *уровня притязаний*, положившие начало изучению *мотивации достижения и избегания неудачи* (Д. Мак-Клелланд), построения *модели принятия риска* (Дж. Аткинсон).

Разделение потребностей по способу удовлетворения и определение их собственно человеческой специфики связано со становлением и развитием гуманистической психологии. Г. Олпорт выделил два таких способа: первый — это стремление к редукции напряжения, снятию мотивационных противоречий (считавшийся ранее единственным), второй — стремление к поддержанию напряжения, к развитию, а значит — поиску противоречий. А. Маслоу предложил иерархию («пирамиду») фундаментальных потребностей, которая начинается с уровня физиологических нужд, удовлетворяемых первым способом, а заканчивается потребностью в самоактуализации — ярким примером второго. Всего же уровней в иерархии — семь, и каждый следующий становится актуальным тогда, когда освоен предыдущий. Тем самым «пирамида» сравнима с «лестницей», а ее уровни — со «ступенями», которые можно сгруппировать в природные, социальные, собственно личностные. Сначала следуют два природных уровня: при удовлетворении физиологических нужд (например, когда животное сыто) возникает, точнее, становится самостоятельной потребностью в безопасности. Затем — два социальных уровня: потребность человека в принадлежности обществу, своей социальной группе (выражаемая в чувстве сопричастия с ней) и необходимость в принятии, признании другими людьми, выступающая как потребность в самоуважении¹. И наконец, три уровня собственно личностного развития (роста) — потребность в познании мира и себя в нем (здесь — ради самого познания), потребность в гармонии (эстетическая потребность), удовлетворение которой является ближайшим условием самоактуализации: действительно, когда человек понимает, что реальность в принципе гармонична (и фраза: «Истина — прекрасна» уже не является для него метафорой), он может решиться на поиск противоречий — источников дальнейшего самосовершенствования.

При выделении же специфики человеческих потребностей возможны два пути. Один из них — поверхностный и, скажем сразу, неверный, спровоцированный, в частности, пониманием указанных уровней как низших и высших (хотя в действительности фундаментален каждый из них, и

¹ У. Джеймс в своих «Принципах психологии» описывал оба эти уровня как потребность в общении, а необходимость человека в социальном признании называл стремлением быть замеченным.

все они — равноправны). Отсюда следует попытка отличить потребности человека от потребностей животных по *содержанию*. Еще сравнительно недавно только человеческими назывались и потребность в общении, и собственно познавательная потребность, но результаты экспериментов с животными заставляли все выше поднимать искомую разделяющую грань. Сегодня пора признать, что филогенетические предпосылки имеют все перечисленные уровни, вплоть до потребности в самоактуализации: ведь этот термин заимствован Маслоу у швейцарского невролога К. Гольдштейна, изучавшего организм. Более того, поиск собственно человеческой природы за рамками биологического смысла приведет в тупик: «высшими» придется считать аномальные потребности, именуемые в быту излишними, вредными привычками¹.

Иной, адекватный путь определения специфики любых, в том числе — природных потребностей человека уже назван: это — указание на способ их удовлетворения. Согласно гуманистической психологии, таково стремление к развитию, но следует добавить, что развитие, да и становление человеческих потребностей осуществляется через освоение культурных предметов — средств преобразования природы.

Возьмем одну из основных физиологических нужд — пищевую, и сразу вспомним известное замечание К. Маркса об отличии голода, утоляемого вареным мясом с помощью ножа и вилки, от того, когда глотают сырое мясо, разрывая его руками, ногтями, зубами (см. с. 467 первого тома настоящего издания). Сколько упреков (не всегда беспричинных) выслушал Маслоу в том, что поместил пищевое удовлетворение в начало своей иерархии! Но если это потребности человека, то освоение каждого, в том числе — данного, их уровня связано, прежде всего, с произвольной регуляцией, которая, согласно Л.С. Выготскому, носит как раз опосредствованный характер. В этом смысле гуманистическая психология родственна логотерапии, основатель которой В. Франкл выжил в фашистском концлагере, где непосредственное удовлетворение пищевой потребности было невозможным, а его произвольность (и создание соответствующих средств) — необходимой для того, чтобы и здесь остаться человеком. Собственно, любая потребность проходит испытание на человечность в ситуации дефицита благ. Когда-то опредмеченная, теперь она должна пройти процесс «распредмечивания», и человек возвращается (см. выше) к общей ненаправленной активности с широким спектром возможных благ при наличии фрустрации. Приведем пример из еще недавнего советского прошлого, когда в конце 1980-х годов рассерженные «покупатели» бродили по, скажем, продуктовым магазинам в поисках... конца длинной очереди и

¹ В знаменитой пьесе «Безумный день» Фигаро и графиня пытаются (в своих целях) укорять всегда подвыпившего садовника Антонио за его непотребное состояние, но он с достоинством отвечает: «Пить, когда никакой жажды нет, и во всякое время заниматься любовью — только этим, сударыня, мы и отличаемся от других животных» (*Бомарше П.* Драматические произведения. Мемуары. М.: Художественная литература, 1971. С.192).

вставляли в ее конец, не зная, что дают в начале. И если на прилавке, например, тогдашнего рыбного отдела гастронома «Новоарбатский» оказывалось ранее неизвестное им «что-то — внешнее», то на изумленных лицах было отражено состояние распрямленной потребности («Это что — теперь тоже благо?»), однако первым вопросом хозяйки продавцу был не «Что это такое?», но — «Как это готовить?», т.е. вопрос о средствах, способах приготовления пищи: несмотря на острый дефицит благ, потребности людей остались человеческими. (Наблюдение автора: февраль 1990 г.).

Впрочем, в современной психологии специфика собственно человеческих мотивов продолжает обсуждаться в связи с вопросами, завершающими тему 12: это — проблемы различения внешней и внутренней мотивации и соотношения мотивации с разрешением личностных проблем. Так, во-первых, наряду с классическими исследованиями оптимума мотивационной стимуляции, проводимыми в основном на животных, дается сравнительное описание мотивации *внешней*, неспецифической по отношению к содержанию деятельности, и *внутренней*, адекватной ему самому, когда деятельность переживается как «самоцельная», аутоцелическая¹. Во-вторых, особую роль при переходе от изучения мотивации к собственно личности играет рассмотрение *защитных механизмов как препятствий* для ее развития: в книге представлены не только психологическая эмпирия механизмов защиты, но и условия их снятия при осмыслении внешне неразрешимых ситуаций, требующем знания *философских* оснований современной общей психологии.

Материалы тем 13 и 14 структурированы главным образом так, как они проходятся в семинарских занятиях. Лекционная же их основа состоит в следующем.

Во-первых, при анализе *строения личности* в теме 13 мы рассматриваем как широкое ее понимание, т.е. совокупность наличных качеств, черт, представленное факторными теориями, так и узкое, точное, задаваемое классическим фрейдовским психоанализом и аналитической психологией К. Юнга. Подчеркнем, что это вполне соответствует *двум основным подходам* к изучению индивидуальности (личности), предложенным и изложенным нами в первой книге данного тома (с. 24—31). Впрочем, пример когнитивных теорий личности показывает, что на практике эти подходы могут взаимодействовать: так, материал, полученный первоначально при диагностике познавательных личностных (персональных) конструкторов по Д. Келли, становится затем особо ценным в психотерапевтической беседе, т.е. привлекается для психологической помощи и консультирования.

Во-вторых, изложение материалов по *развитию личности* в теме 14 опирается на его основания, намеченные А.Н. Леонтьевым: богатство связей индивида с миром, степень иерархизации деятельности личности и ин-

¹ Ср. «феномен встраиваемости в деятельность» в первом томе настоящего издания, с. 513—516.

индивидуальный профиль («многовершинность») ее мотивационной сферы (см. с. 290—292 первого тома). Поэтому здесь сначала отражены различные *периодизации* психического и личностного развития, в том числе — охватывающие всю *общественную* жизнь человека, т.е. в аспекте его первого «рождения» как личности. Второе же «рождение» эмпирически раскрывается в становлении и развитии *самосознания*, в свою очередь излагаются его филогенетические предпосылки, социальные условия, основные составляющие и уровни развития «*Я-концепции*». Наконец, рядом с историей индивидуального, персонального развития «чувства Я» представлено философское понимание *морального закона* — того самого «категорического императива» по Канту, наличие которого не перестает удивлять личность во все времена.

И в *третьих*, мы, конечно, продолжаем привлекать разделение природного, социального и культурного субъектов: в этой книге — в силу специфики ее содержания — сравнивать *социального индивида* и *собственно личность*. Так, их строение в теме 13 сопоставляется на материале *транзактного анализа* Э. Берна и *когнитивных теорий*, а развитие в теме 14 рассматривается соответственно в концепциях *бихевиорального* (в том числе — социального) научения и *гуманистической* психологии. Особое значение имеет для нас *связь теорий* развития личности с *основными направлениями* ее воспитания, психологической практики, *неврачебной психотерапии*. Этой связи посвящен вопрос, завершающий тему 14 и второй том издания в целом. Последовательность данных основных направлений с их конкретными психотехниками, приемами психологической коррекции, помощи, консультирования здесь, разумеется, не случайна. В лекциях эта последовательность сравнивается с закономерными «*ступенями*», графически представленными в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского в форме известного «*параллелограмма*», отражающего развитие и формирование высших психических функций. Так, *первой* идет *терапия поведения*, основанная на приемах научения, разработанных в классическом и современном бихевиоризме, и едва ли затрагивающая личность в собственном смысле. *Вторая* «ступень» относится к «подростку» (не обязательно — по хронологическому возрасту) и фактически является *терапией причин* проблемного развития, чреватого невротическими расстройствами. Психологическую помощь в поиске их подлинных источников, а значит и решения собственно личностных проблем оказывают различные направления психоанализа — от З. Фрейда до Э. Фромма. И *третьей*, обращенной уже к здоровой, взрослой личности и направленной поэтому на обнаружение дальнейших возможностей ее развития, связанных с пониманием собственно человеческого в человеке, является *терапия процесса* личностного роста. Оригинальной здесь следует считать гуманистическую психологию А. Маслоу и К. Роджерса, а ее (если угодно, европейскими) аналогами — гештальттерапию Ф. Перлза, экзистенциальную психологию Р. Мэя, логотерапию В. Франкла. Надеемся, что отраженные в книге со-

временный научный взгляд на личностную зрелость, а также значимость оценки эффективности психотерапевтической работы позволят психологам-практикам правильно сориентироваться в разнородности бытующих сегодня (в частности — рекламируемых) методов и приемов, научиться отделять настоящее от мнимого. Завершение третьей книги (да и том в целом) содержит уникально подобранные материалы, в том числе — редкие, впервые публикуемые на русском языке.

На разных этапах преподавания курса общей психологии в разработке программы раздела «Субъект деятельности» принимали участие проф. А.Н. Ждан, доц. Н.Б. Березанская, доц. О.Н. Арестова, доц. А.А. Пузырей. Составление текстов данной книги осуществлялось с учетом курсов, представленных кафедрой психологии личности (зав. кафедрой — проф. А.А. Асмолов), при непосредственном контакте с сотрудниками кафедры доц. Е.Е. Насиновской и проф. А.Н. Гусевым. Мы особенно благодарны за содержательную и техническую помощь при подготовке материалов А.Г. Макалатия, О.А. Захаровой, Р.С. Шилко.

Изучение научной психологии личности — необходимый этап освоения общей психологии в целом, тесно связанный с личными интересами каждого. Иерархия мотивов составляет ядро строения личности, в продуктивном изменении которого — залог ее развития. Тому, кто изучает общую психологию мотивации и личности, реально дана возможность, осознавая свои частные мотивы и решая собственные (в том числе — учебные) проблемы, самостоятельно почувствовать конкретное содержание профессии психолога. Будущие практики или исследователи (а то и преподаватели психологии), после прохождения двух разделов курса мы уже готовы к культурному диалогу с повседневными психологическими представлениями о жизни, чтобы затем, встав в полный профессиональный личностный рост, отважно заглянуть в третий раздел (и том данного издания) — *«Субъект познания»*.

В.В. Петухов,
кандидат психологических наук,
профессор
(Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
факультет психологии)

ТЕМА 12

ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ

Основные проблемы психологии мотивации. Потребности как основа мотивационных процессов. Виды потребностей и их эволюция. Физиология и психология потребностей. Виды мотивов и основные критерии их классификации. Строение потребностно-мотивационной сферы и проблема ее уровней. Общее представление о базовой мотивации и механизмах ее преобразования. Различие стратегий выделения первичных источников побуждения. Мотивация и деятельность. Постоянная и ситуативная мотивация. Факторы, определяющие актуализацию и побуждающую силу мотивов. Уровень притязаний и его исследование. Мотивация достижения и модель принятия риска. Оптимум мотивации и продуктивность деятельности. Проблема внешней и внутренней мотивации. Мотивация и личность. Соподчинение мотивов, его роль в становлении и развитии личности. Мотивационные конфликты, их исследование и возможные способы разрешения. Защитные механизмы личности в классическом психоанализе и гештальттерапии.

Вопросы к семинарским занятиям:

- ❶ *Общее представление о мотивации.*
- ❷ *Проблема базовой мотивации. Различные стратегии ее выделения. Развитие мотивации.*
- ❸ *Примеры исследований базовой мотивации отдельных видов деятельности.*
- ❹ *Ситуативная мотивация. Ее исследования в школе К. Левина.*
- ❺ *Уровень притязаний и мотивация достижения.*
- ❻ *Оптимум мотивации. Закон Йеркса—Додсона. Проблема внешней и внутренней мотивации.*
- ❼ *Мотивация и личность. Защитные механизмы личности.*

❶ Общее представление о мотивации

Ж. Нюттен

ЯВЛЕНИЕ МОТИВАЦИИ¹

А) Очевидно, что в схеме «стимул — реакция», в соответствии с которой в экспериментальной психологии описывается поведение организма, проблеме мотивации отводится скромное место. Напротив, в обыденной жизни принято считать, что поведение человека направляется и определяется планом и стремлением реализовать этот план или достичь какого-нибудь объекта-цели. Эта вторая схема соответствует, вероятно, также и психической реальности и имеет поэтому научное значение. В то время, как первая схема берет в качестве модели элементарную рефлекторную реакцию, объектом второй является сложное человеческое поведение. Можно заметить, однако, что усилие или стремление достичь какой-то цели выражается во множестве действий, в той или иной степени подчиненных этой цели. Действительно, не следует забывать, что то, что в классических опытах по выработке условных реакций, как и в психологии поведения вообще, принято называть *стимулом* (безусловным), для животного в реальной жизни представляет собой конечную цель длительной поисковой активности. В лабораторных условиях экспериментатор рассматривает пищу как стимул, действующий на вкусовой орган животного, и изучает вызываемую им физиологическую секрецию, но для того, кто наблюдает поведение животного в естественных условиях, пища представляет собой объект-цель продолжительной мотивированной деятельности. Различные значения, которые можно, таким образом, придавать термину «стимул», делают проблему мотивации еще более сложной. Наша задача упростится, если помимо схемы образования условных связей и теории «стимул—реакция» читатель будет помнить о том, что поведение — это еще и поиск отсутствующих или еще не существующих ситуаций или предметов. На этом и основывается, по сути дела, точка зрения той группы психологов, для которых мотивация является ключом к объяснению и пониманию поведения человека.

¹ Экспериментальная психология / Ред.-сост. П.Фресс, Ж.Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5. С. 18—20.

Б) Какие же аспекты поведения связаны с мотивацией? Ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом. Организм или индивид характеризуют предпочтительные или избирательные отношения к окружающим объектам или ситуациям. При наличии определенного числа объектов некоторые из них оказываются желаемыми или предпочитаемыми, тогда как другие отвергаются; при отсутствии некоторых объектов или ситуаций ощущается потребность в них, их ищут и добиваются, другие же объекты и ситуации вызывают у индивида опасение. Такая ориентация выражается в том, что данное поведение будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнут объект, относящийся к строго определенной категории; этот объект явится, таким образом, завершением — временным или окончательным — деятельности субъекта. Именно такая избирательная ориентация на предпочитаемый или искомый объект придает поведению характерную для него направленность и организацию. Иногда необходимый организму объект неизвестен самому индивиду, в других случаях врожденные или приобретенные поведенческие связи направляют его непосредственно к желаемому объекту. Следует добавить, что для человека более или менее продолжительный поиск отсутствующего или еще не существующего объекта-цели имеет важное значение. Его познавательные способности и воображение позволяют ему воссоздавать отсутствующие объекты посредством предвосхищения или компенсации. Поэтому в некоторых исследованиях мотивации человека большое значение придается изучению продуктов воображения. <...>

Такая активная длительная и избирательная направленность поведения составляет сущность явления, определяемого как мотивация; конкретная форма этого явления зависит от типа поведения (например, врожденное или приобретенное) и уровня развития организма. Эта концепция предполагает, что мотивация является одновременно источником активности и направленности поведения; точнее, согласно этой концепции, поведение понимается как направленная активность. Эти два аспекта — динамический аспект и аспект направленности — часто отделяются друг от друга при изучении мотивации, в чем нам представится возможность убедиться при рассмотрении связи между общей активностью организма и процессом научения, с одной стороны, и мотивацией — с другой.

В) Для того чтобы лучше очертить сферу мотивации, иногда вслед за Вудвортом¹ различают «механизмы» поведения и факторы, от которых зависит приведение их в действие. Первая проблема — это проблема *как* осуществляется поведение, вторая — *почему* человек или животное поступает или действует так или иначе. Изучение мотивации относится именно ко второй проблеме. В этой связи говорят о *мотивах, побуждениях, импульсах, тенденциях и потребностях*, а некоторые авторы прибегают к поня-

¹ См.: Woodworth R.S. Dynamic psychology. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1918. P. 36—37.

тиям напряжения, силы и даже энергии. Конечно, неправильно было бы употреблять два последних термина в том смысле, какой они имеют в механике или физике. В психологии часто вообще не различают эти два понятия — сила и энергия. Старая физикалистская концепция, оправдывающая, по мнению некоторых психологов, употребление этих терминов при изучении поведения, утверждает, что психология, как и физика, ставит своей целью объяснить переход от стадии покоя к стадии действия или от одной формы «движения» к другой (сила); в результате часто говорят о некоей способности производить работу (энергия). Именно по этой причине возражения, иногда очень убедительные, против употребления в психологии этих терминов¹ не достигнут своей цели, пока психологи будут убеждены в тождественности этих выражений.

¹ См.: *London I.D.* Psychologists misuse of the auxilliary concepts of physics and mathematics // *Psychol. Rev.* 1944. 51. P. 266–291; *Wiener N.* Some maxims for biologists and psychologists // *Dialectica*. 1950. 4. P. 186–191.

**Р. Стагнер,
Т. Карвозский**

МОТИВАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ¹

Поведение человека динамично. Мы действуем в результате давления потребностей и импульсов. Поиски пищи, безопасности, следование высоким идеалам служат примерами мотивационной природы любой значимой деятельности человека. Динамичен и его сознательный опыт. Мотивы влияют на то, что именно мы видим, и что при этом чувствуем, на развитие наших идей и на мнения, которых мы придерживаемся. Решение проблем, сновидения и творческое воображение также отвечают каким-то потребностям. Полное понимание мотивации человека необходимо для получения ясной картины психических процессов, как наших собственных, так и происходящих в других, окружающих нас людях.

Мобилизация энергии является в своей основе процессом химическим, метаболическим или физиологическим. Его нельзя наблюдать непосредственно. Но в случаях, когда человек прилагает невероятные усилия, чтобы выбраться из горящего здания или, несмотря на усталость, заставляет себя бороться с врагом, мобилизация энергии, необходимая для достижения цели, становится очевидной. То же явление, хотя и не в столь драматичной степени, мы обнаруживаем в попытках студента успешно учиться, и в честолюбивом движении бизнесмена к вершинам престижа, богатства и власти.

Характеристики мотивированного поведения

Так как влечения не доступны прямому наблюдению, и потому их можно распознать только по своим эффектам, важно с самого начала ясно и точно определить критерии мотивированного поведения. Решая вопрос

¹ *Stagner R., Karwoski T.F. Motivation of behavior // Readings in General Psychology / L.D. Crow, A. Crow (Eds.). N.Y.: Barnes and Noble, 1967. P. 287–290. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)*

о степени мотивации¹, мы обращаем внимание на три особенности любой деятельности.

1. Энергичность. Воздействие мотивации пропорционально количеству энергии, расходуемой организмом в данной ситуации. Человек, голодавший 24 часа, прилагает гораздо больше усилий, чтобы достать пищу, чем поевший час тому назад. По мере усиления потребности крысы будут бежать быстрее, прогрызут ходы в более твердом материале и будут различным образом вкладывать все больше и больше энергии.

2. Настойчивость. Мотивированный индивид с трудом прекращает свою деятельность. Ребенок, узнав, что в комнате спрятаны конфеты, старается их найти, долго роется в ящиках, отодвигает книги на полках и заглядывает во все щели. Если же человек быстро сдается и не предпринимает новых попыток, мы делаем вывод, что у него нет сильной мотивации.

3. Изменчивость. С настойчивостью тесно связано явление изменчивости. Когда человек упорно продолжает свои усилия, чтобы достичь успеха, он не повторяет одно и то же действие. Он пытается достичь своей цели различными путями. Мальчишка, желающий повысить свой авторитет в школе, может постараться лучше учиться. Если же заработать хорошие отметки ему не удастся, он может заняться спортом. Если же и тут его усилия не принесут успеха, он может с той же целью, хотя и применяя различные способы, стать хулиганом.

Характеристики мотивированного опыта

Прямое наблюдение переживаний других людей невозможно. Однако другой человек может описать вам свой сознательный опыт. Или же вы сами можете наблюдать свои собственные психические процессы. В любом случае и тут, точно так же как и на уровне поведения, мы путем самонаблюдения можем распознать те же явления энергичности, настойчивости и изменчивости. Временами вы напряжены, насторожены и настроены на энергичный ответ, иногда же вы ленивы, расслаблены и заняты праздными мечтаниями.

Когда действует сильный мотив, наши психические процессы отличаются интенсивностью или высоким уровнем энергии. Сознательный опыт влюбленного юноши состоит из непреодолимых господствующих образов, мыслей и чувств, связанных с возлюбленной. Игнорировать или отбросить их если и удастся, то с большим трудом. Мысли о целевом объекте *настойчиво* возобновляются, их нелегко забыть, при малейшей

¹ Отметим, что мы предполагаем континуум, начиная от поведения с незначительным уровнем энергии ([слабая] мотивация) и кончая поведением с очень высоким уровнем энергии ([сильная] мотивация).

возможности они возвращаются в сознание. Вообще-то они *изменчивы* в том смысле, что принимают различные формы и могут адаптироваться к множеству различных контекстов. Так, очень голодный человек может думать о целом ряде продуктов питания, о различных способах приготовления пищи и так далее. В работах З. Фрейда мы находим удивительные иллюстрации того, какими разнообразными способами один и тот же мотив, одна и та же желанная цель, могут маскироваться на протяжении ряда сновидений одного и того же индивида.

Разнообразие мотивации

Несмотря на то, что явление *энергетической мобилизации* объединяет все формы мотивации, полезно рассмотреть не сам процесс мобилизации, а мотивирующие его факторы. В конечном итоге, первичным и единственным источником энергии человека является пища. Физиология расхода энергии будет одна и та же при любой целевой тенденции, при поисках как пищи, так и брачного партнера, как в случае страха при встрече с голодным львом, так и в честолюбивых попытках стать президентом. Поэтому в анализе мотивации более существенным является изучение *обширного множества условий* и обстоятельств, вызывающих энергичный ответ индивида.

Возможно, мы не ошибемся, если укажем на три важных класса мотивирующих факторов. (Точное их количество является предметом дискуссии; некоторые психологи говорят о двух и даже об одном таком классе, тогда как другие утверждают, что их гораздо больше.) Неважно, сколько их будет, — три или, например, шесть. В любом случае для студента будет полезно систематизировать эти мотивы, как это сделано ниже.

1. Биологические влечения. Наиболее простые формы мобилизации энергии возникают как следствие определенных биологических потребностей организма. Голод, жажда, недостаток кислорода, утомление, выделение отходов жизнедеятельности, избегание боли, — все это позволяет без труда указать на ряд условий, вызывающих мотивированное действие.

2. Эмоции. Такие слова, как страх, гнев, радость, любовь, ненависть, подразумевают наличие внутренних состояний, приводящих к более или менее энергичной деятельности. Они отличаются от биологических потребностей тем, что обусловлены главным образом внешними ситуациями, а не физиологическими потребностями и состояниями тканей организма. Поэтому они более гибкие и изменчивые, чем влечения.

3. Интересы и ценности. На еще более сложном и тонком уровне мы находим энергетический эффект широкого класса тех нефизиологических тенденций, которые можно назвать *ценностями*. Простым примером является религиозная убежденность. Человек, чувствующий свою религию остро и лично, будет усердно работать, помогая своей церкви, будет часто и настойчиво думать о ее благополучии и так далее.

У. Браун,
Х. Гилхаузен

ЖЕЛАНИЕ И ПОТРЕБНОСТЬ¹

Влечения (drives) проявляются в сознательном опыте человека как ряд субъективных состояний, называемых *желаниями* (desires). Это может быть желание пищи, сексуальной активности, отдыха или упражнения, опеки, выделения отходов жизнедеятельности. Желание выражает тот факт, что мы осознаем потребность; точнее, оно используется для выражения того, что мы осознаем цель и какое-то чувство или эмоцию, связанную с достижением этой цели. Проводят различие между *стремлением* (appetite), при котором желание является положительным или к чему-то направленным и *отвращением* (aversion) как желанием чего-то избежать или от чего-то освободиться. У человека как при стремлении, так и при отвращении участвует воображение. Мы представляем себе желаемый, целевой объект или предполагаемое страдание. Это представление обычно включает в себя более или менее определенные образы. <...> Необходимо подчеркнуть <...>, что представление целевых объектов является существенной особенностью желания. Как правило, чем больше мы думаем об этих объектах, тем сильнее стремление или отвращение к ним. Следовательно, желание не является полностью детерминированным объективной ценностью целевого объекта: оно отчасти определяется теми субъективными образами целевого объекта, которые мы формируем, когда представляем его себе.

Желание и действительные *потребности* (needs) не обязательно соответствуют друг другу. Так, нередко возникает желание что-то съесть (например, конфету) несмотря на то, что потребность в пище невелика. И наоборот, человек, находящийся на последней стадии истощения, нуждается в пище, но несмотря на это, сознательного желания поесть у него зачастую может и не быть. (Во всяком случае существует множество сообщений об этом эффекте.) Кроме того, потребности организма в витаминах, солях и других минералах, как правило, не отражаются в каком-то специфическом осознании или желании таких веществ.

Нередко, например, в случае алкоголя и табака, желания являются обусловленными и культурно детерминированными и не имеют очевидных со-

¹ Brown W., Gilhousen H.C. Desire and need // Readings in General Psychology / L.D. Crow, A. Crow (Eds.). N.Y.: Barnes and Noble, 1967. P. 277-279. (Перевод Ю.В. Дормашева.)

ответствующих потребностей. В случае секса чувствуемые желания также могут иметь слабую корреляцию с действительным органическим влечением. Если удовлетворение основного влечения не встречает препятствий, наступает приятное, энергичное, жизнерадостное состояние, называемое эйфорией. Это состояние зачастую характерно для желания, целью которого является упражнение, игра или просто сохранение существующего положения. Это состояние обычно основано на органическом благополучии, но иногда его переживают даже индивиды, далекие от физического благополучия.

Когда мы говорим, что желание не всегда соответствует потребности, мы неявно подразумеваем существование какой-то стоящей за ним подлинной потребности. Очевидно, что такие органические потребности, как, например, в пище, воде, кислороде, соли, выделении отходов из организма и, конечно, многие другие реально существуют. Но что можно сказать о вышеупомянутых алкоголе и табаке? Пока табак не обнаружили в Америке, все люди Старого Света обходились без него. И можно без труда вообразить, что люди, как и большинство животных, могли бы обойтись без алкогольных напитков. Тем не менее, огромное множество людей засвидетельствуют, что они испытывают *потребность* в табаке, виски или в том и другом. Такие «потребности» лучше назвать *квазипотребностями* (quasi-needs). Они не являются частью нашей первоначальной психологической природы. Любой индивид приобретает (т.е. научается) такие квазипотребности, хотя после того, как они приобретены, организм может стать зависимым от них точно так же, как если бы они были подлинными потребностями. <...> [Необходимо подчеркнуть, что] привычки, (прекрасным примером которых является курение) начинают выступать как мотивы (motives). Статус множества других так называемых подлинных «потребностей» еще более сомнителен. Некоторые психологи приводят целые списки таких потребностей, одним из которых является, например, нижеследующий¹.

Список «проявляющихся», в отличие от «латентных», потребностей, приведенный в алфавитном порядке:

1. Abasement — Унижение	6. Counteraction — Противодействие	11. Harmavoidance — Избегание вреда	16. Rejection — Неприятие
2. Achievement — Достижение	7. Dependence — Защита	12. Infavoidance — Избегание неудач	17. Sentience — Чувственные впечатления
3. Affiliation — Аффиляция	8. Deference — Почитание	13. Nurturance — Опека	18. Sex — Секс
4. Aggression — Агрессия	9. Dominance — Доминирование	14. Order — Порядок	19. Succorance — Помощь
5. Autonomy — Автономия	10. Exhibition — Демонстрация	15. Play — Игра	20. Understanding — Понимание

¹ Приведен список потребностей, предложенный американским психологом Генри Марри (Мюрреем) (Murray) в 1938 г. Подробное описание содержания этих потребностей представлено в данной книге в статье К. Холла и Г. Линдсея «Классификация потребностей Г. Меррея». (Примечание редакторов-составителей.)

② *Проблема базовой мотивации. Различные стратегии ее выделения. Развитие мотивации*

Х.Хекхаузен

**КЛАССИФИКАЦИЯ МОТИВОВ
НА ОСНОВЕ ИНСТИНКТОВ:
УИЛЬЯМ МАК-ДАУГОЛЛ¹**

Описательная система психологии мотивации Кеттелла в какой-то степени возрождает популярную в начале века объяснительную классификацию форм поведения, предложенную Мак-Дауголлом. Мак-Дауголлу² принадлежит первая грандиозная попытка свести все поведение к мотивационным диспозициям. В то время общеупотребительным названием для мотивационных диспозиций было понятие не мотива, а инстинкта. Так, например, фрейдовское понятие влечения в первых изложениях его работ на английском языке переводилось как «инстинкт». В XIX столетии как нечто противоположное интеллекту инстинкт входил в систему понятий психологии способностей. По мере триумфального шествия эволюционных идей Дарвина инстинкты все больше привлекались и для объяснения человеческого поведения.

Джеймс усматривал в инстинктах способность действовать таким образом, «чтобы производить некоторый результат, не предвосхищая его и без предварительного обучения выполнению действий»³. То, что у Джеймса было лишь одним из многих объяснительных принципов поведения, у Мак-Дауголла стало ключевым положением в любой «динамической», т.е. объясняющей поведение, психологии. Откровенно господствующая роль, которую Мак-Дауголл приписал инстинкту как объяснительному понятию, повлияла на дальнейшую историю проблемы, вызвав во втором десятилетии нашего века бурные разногласия по поводу понимания инстинктов. С одной стороны, ассоцианистское кредо главных критиков понятия инстинкта побуждало их к радикальной формулировке своих бихевиорист-

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1. С. 105—109.

² См.: McDougall W. An Introduction to Social Psychology. L., 1908.

³ James W. Psychology: The Briefer Course. N.Y., 1892. P. 383.

ских позиций, согласно которым любое поведение должно выводиться из простых рефлексов и научения¹. С другой стороны, Вудвортс², давно мечтавший о «мотивологии», окончательно заменил инстинкт понятием «drive» («влечение»). И наконец, Толмен сделал основные положения психологии мотивации Мак-Дауголла экспериментально проверяемыми, т.е. приемлемыми в теоретическом отношении и для бихевиористов. Дальнейшее уточнение понятия инстинкта и исследование инстинктивного поведения стали внутренним делом этологов, прежде всего таких выдающихся исследователей, как Лоренц и Тинберген.

В чем состояла позиция Мак-Дауголла? Он выступал против как чисто описательной психологии сознания, так и «механистического» объяснения поведения теоретиками ассоцианизма и рефлексологии. Для него любое поведение телеологично, целенаправлено, ориентировано на достижение намеченного будущего целевого состояния. О направленности говорят семь признаков:

- 1) спонтанность движения;
- 2) продолжительность и настойчивость движения вне зависимости от того, действует раздражитель или нет;
- 3) смена хода целенаправленных движений;
- 4) успокоение после достижения желаемого изменения внешней среды;
- 5) приготовление к новой ситуации, к которой ведет совершающееся действие;
- 6) некоторое повышение эффективности поведения при повторении его в схожих условиях;
- 7) целостность реактивного поведения организма.

Эти признаки целенаправленности поведения Мак-Дауголл объясняет с помощью инстинктов. Исходное для него понятие инстинкта является довольно сложным и охватывает три следующих друг за другом процесса: 1) предрасположенность к селективному восприятию в зависимости от специфических состояний организма (например, более быстрое обнаружение съедобных объектов в состоянии голода); 2) соответствующий эмоциональный импульс (ядро инстинкта); 3) активность инструментального типа, направленная на достижение цели (например, бегство при страхе). Мак-Дауголл подытоживает: «... любой образец инстинктивного поведения включает знание о чем-либо (об объекте), отношение к нему и устремленность к объекту или от него»³.

Очевидно, что здесь связываются воедино и обозначаются одним понятием совершенно разные вещи. Запутанность усугубляется тем, что Мак-Дауголл рассматривает как врожденный и меняющийся компонент ин-

¹ См.: *Watson J. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist*. Philadelphia, 1919.

² См.: *Woodworth R. Dynamic Psychology*. N.Y., 1918.

³ *McDougall W. An Introduction to Social Psychology*. L., 1908. P. 26.

стинкта лишь одну из трех его составляющих, а именно эмоцию (ядро инстинкта), в то время как когнитивный и моторный компоненты могут изменяться под влиянием жизненного опыта.

«Эмоциональное возбуждение с сопровождающей его нервной активностью центральной части диспозиции есть единственная составляющая целостного инстинктивного процесса, которая сохраняет свою специфичность и остается одинаковой у всех индивидов во всех ситуациях, где пробуждается данный инстинкт»¹.

При столь сложном по содержанию понятии Мак-Дауголл составил первоначальный перечень следующих 12 инстинктов, хотя пяти последним он не смог поставить в соответствие какую-либо определенную эмоцию (приводятся в скобках): 1) *бегство (страх)*; 2) *неприятие (отвращение)*; 3) *любопытность (удивление)*; 4) *агрессивность (гнев)*; 5) *самоуничтожение (смушение)*; 6) *самоутверждение (воодушевление)*; 7) *родительский инстинкт (нежность)*; 8) *инстинкт продолжения рода (—)*; 9) *пищевой инстинкт (—)*; 10) *стадный инстинкт (—)*; 11) *инстинкт приобретения (—)*; 12) *инстинкт созидания (—)*.

Поскольку термин «инстинкт» подвергся ожесточенным нападкам и давал основания для ошибочного толкования поведения, как определяемого в основном врожденными мотивационными диспозициями, Мак-Дауголл позже стал употреблять термин «склонность» (*propensity*). Однако содержание его почти не изменилось, за исключением того, что было введено различие между диспозицией (*propensity*) и функцией (*tendency*), о чем свидетельствует следующая цитата из его последней работы:

«Склонность представляет собой диспозицию, функциональную единицу общей психической организации, которая, будучи актуализованной, порождает активную тенденцию, стремление (*striving*), импульс или влечение (*drive*) к некоторой цели. Такая тенденция, сознательно направленная на превосходящую цель, представляет собой желание (*desire*)»².

Несколько склонностей могут синтезироваться в так называемые чувства (*sentiments*) — обусловленные опытом и научением когнитивно-эмоциональные оценки, которые связаны с отношением к предметам и обстоятельствам (с ними мы уже сталкивались у Кеттелла). Например, в восприятии и оценке понятия «отечество» участвуют многие склонности. Такие когнитивные схемы, центральную и организующую роль среди которых играет связанное с отношением к образу своего Я чувство самооценки (*self-sentiment*), составляют «характер». Они тем самым в значительной степени обуславливают индивидуальные различия на фоне врожденного базового набора инстинктоподобных эмоциональных импульсов (склонностей). В табл. 1 представлен окончательный вариант постулированных Мак-Дауголлом склонностей.

¹ *McDougall W. An Introduction to Social Psychology. L., 1908. C. 33.*

² *McDougall W. The Energies of Men. L., 1932. P. 118.*

Таблица 1

Инстинктоподобные мотивационные диспозиции (propensity)¹

1. Пищедобывание. Поиск (и, возможно, накопление) пищи
2. Отвращение. Неприятие и избегание определенно вредных веществ
3. Сексуальность. Ухаживание и брачные отношения
4. Страх. Бегство и затаивание в ответ на травмирующие, причиняющие боль и страдание или угрожающие этим воздействия
5. Любознательность. Исследование незнакомых мест и предметов
6. Покровительство и родительская опека. Кормление, защита и укрытие младших
7. Общение. Пребывание в обществе равных себе, а в одиночестве поиск такого общества
8. Самоутверждение. Доминирование, лидерство, утверждение или демонстрация себя перед окружающими
9. Подчинение. Уступка, послушание, примерность, подчиненность тем, кто демонстрирует превосходящую силу
10. Гнев. Негодование и насильственное устранение всякой помехи или препятствия, мешающих свободному осуществлению любой другой тенденции
11. Призыв о помощи. Активное обращение за помощью, когда наши усилия заканчиваются полной неудачей
12. Создание. Создание укрытий и орудий труда
13. Приобретательство. Приобретение, обладание и защита всего, что кажется полезным или почему-либо привлекательным
14. Смех. Высмеивание недостатков и неудач окружающих нас людей
15. Комфорт. Устранение или избегание того, что вызывает дискомфорт, скажем, чесыванием или сменой позы, местонахождения
16. Отдых и сон. Склонность к неподвижности, отдыху и сну в состоянии усталости
17. Бродяжничество. Передвижение в поисках новых впечатлений
18. Группа примитивных склонностей, обслуживающих телесные нужды, такие, как кашель, чихание, дыхание, дефекация

¹ См. там же. Р. 97—98.

При изучении этого перечня сразу становится ясным, что вряд ли возможно его убедительное обоснование. Почему столько, а не меньше и не больше мотивационных диспозиций? Не слишком ли много общего между «поиском помощи» (11) и «покорностью» (9)? Не является ли «страсть к бродяжничеству» (17) лишь одним из проявлений «любопытства» (5)? Можно задать эти и многие другие вопросы, поднимающие проблему эмпирических критериев классификации мотивов, отличающихся от представлений обычного здравого смысла.

Насущность этой проблемы, которая и по сегодняшний день не решена, ощущалась все больше по мере того, как под влиянием перечня инстинктов Мак-Дауголла прежде всего в смежных дисциплинах, таких, как социология и политология, стало привычным каждый поведенческий феномен объяснять через особый инстинкт примерно по такому образцу: войны возникают из-за инстинкта агрессивности. Но почему собственно известно, что существует инстинкт агрессивности? Да потому, что люди часто воюют. Подобная тавтологичность мышления никогда не была свойственна Мак-Дауголлу, но стала первопричиной разразившихся вскоре бурных дебатов вокруг инстинктов. С возражениями можно было справиться при помощи более четких критериев инстинктивно обусловленного поведения и систематических исследований. Однако в пылу споров до этого не дошло. Вторая, в чем-то схожая с первой, причина была связана с подозрением, что под вывеской инстинктов возрождается старая психология способностей, что, по сути, описывается и классифицируется само поведение. Третьей причиной была проблема подразделения поведения на инстинктивно обусловленное и основанное на приобретенных навыках. Для этого необходимо уметь различать взаимозаменяемые инструментальные активности и целевые состояния, к которым в конечном счете конвергируют эти формы поведения.

Наконец, четвертой причиной были существенные метатеоретические противоречия, которые подспудно питали споры, одновременно препятствуя их конкретно-эмпирическому прояснению. Для противников Мак-Дауголла понятие инстинкта отождествлялось с его убеждением, что поведение целенаправлено, т.е. организуется, исходя из цели. С ассоцианистской точки зрения это убеждение, однако, представлялось ненаучным, так как считалось, что Мак-Дауголл, как ранее виталисты, вводит под названием инстинктов некие мистические силы. Мак-Дауголл, конечно, был далек от этого. Однако такие метатеоретические подмены подогревали дискуссии и мешали выявлению фактических критериев для разрешения разногласий. Поскольку критики понятия инстинкта лучшей теории предложить не могли, противоречие по сути осталось неразрешенным. Вызванные спорами утомление и пресыщение привели к тому, что с умозрительными рассуждениями было покончено. Результатом, воспринятым повсюду с одобрением, было мнение, что следует больше экспериментировать, конкретизиро-

вать и детализировать. Этот резкий сдвиг в умонастроениях исследователей произошел в начале 30-х гг.¹

Мак-Дауголл, как и Фрейд, привнес в объяснение поведения типичный для психологии мотивации стиль мышления. Задавшись вопросом, что такое мотив и как его классифицировать, он выявил центральные проблемы, которые при попытке их объяснения по большей части путем описаний и дефиниций вызвали разногласия и в значительной мере определили эмпирический характер исследований мотивации последующего десятилетия. Является ли поведение преимущественно результатом предшествовавшего научения или врожденных импульсов? Мотивация поведения — это вопрос его энергетики или его направленности и избирательности? И главное: объясняется ли поведение механистически, исходя из связей «стимул — реакция», или телеологически, исходя из предвосхищающих будущее когнитивных процессов?

Слово «инстинкт» было отныне запрещено для обозначения мотивационных диспозиций. Его место заняли понятия влечения и потребности. Встали игнорировавшиеся ранее проблемы актуализации мотива и действенности мотивации. Однако между перечнем инстинктов Мак-Дауголла и полученным с помощью факторного анализа каталогом Кеттелла была еще одна серьезная и тесно связанная с измерением мотивов попытка их классификации: перечень потребностей (needs) Мюррея 1938 г.

¹ См.: *Krantz D., Allen D.* The rise and fall of McDougall's instinct doctrine // *Journal of the History of the Behavioral Sciences.* 1967. № 3.

К. Холл,
Г. Линдсей

[КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ Г. МЕРРЕЯ]¹

Потребность

Хотя понятие «потребность» в психологии использовалось и используется очень широко, ни один теоретик не подверг его столь тщательному анализу и не дал столь полной классификации потребностей, как Меррей. Особенности проведенного Мерреем анализа отражены в определении:

«Потребность — это конструкт (конвенциональная фикция или гипотетическое представление), который обозначает силу, действующую в мозге, силу, которая организует перцепцию, апперцепцию, интеллектуальную деятельность, произвольные действия таким образом, чтобы наличная неудовлетворительная ситуация трансформировалась в определенном направлении. Иногда потребность побуждается напрямую определенными внутренними процессами <...>, но чаще (в состоянии готовности) — появлением одного или нескольких обычно эффективных давлений (сил среды) <...>. Таким образом, она проявляется в том, что направляет организм в плане поиска или избегания встречи или, в случае встречи, в плане обращения внимания и реагирования на определенное давление <...>. Каждая потребность характерным образом сопровождается определенным чувством или эмоцией и склонна к определенным формам изменения. Она может быть слабой или интенсивной, кратковременной или продолжительной. Но обычно она сохраняется и придает определенное направление внешнему поведению (или фантазиям), что изменяет исходные обстоятельства так, чтобы приблизить конечную ситуацию, которая должна успокоить (умиротворить или удовлетворить) организм»².

Из этого определения видно, что понятию «потребность», как и понятию «личность», придается гипотетический статус, но тем не менее оно связывается с основополагающими физиологическими процессами мозга. По-

¹ Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М.: «КСП+», 1997. С. 202—213. (Здесь и далее заголовки в квадратных скобках даны редакторами-составителями.)

² Murray H.A. (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 123—124.

нятно и то, что потребности могут побуждаться «изнутри» или актуализироваться под влиянием внешней стимуляции. В любом случае потребность вызывает активность организма и поддерживает ее до тех пор, пока ситуация взаимодействия «организм—среда» не изменяется так, что потребность редуцируется. Некоторые потребности сопровождаются эмоциями и чувствами и часто ассоциируются с конкретными инструментальными актами, эффективными в плане создания желательного конечного состояния.

Меррей утверждает, что о существовании потребности можно заключить на основе: 1) эффекта или результата поведения; 2) конкретного паттерна или способа осуществления поведения; 3) избирательного внимания или реагирования на определенный вид стимульных объектов; 4) выражения конкретной эмоции или аффекта; 5) выражения удовлетворения при достижении определенного эффекта или неудовлетворения, если эффект не достигнут¹. Дополнительные показатели представляют субъективные отчеты о переживаниях, целях, намерениях. Дав общее определение, выявив перечисленные показатели, Меррей на основе интенсивного изучения небольшого числа субъектов составил ориентировочный список из двадцати потребностей. Хотя этот перечень подвергался в дальнейшей работе серьезной модификации, изначальные двадцать потребностей остаются высоко репрезентативными. Эти переменные были представлены в [цитировавшейся выше] работе (1938) с обозначением фактов, связанных с каждой из потребностей, и вопросов, с помощью которых можно осуществить оценку потребности; были указаны сопутствующие потребности эмоции и даны иллюстративные примеры. Двадцать потребностей приведены в таблице 1.

Таблица 1

Иллюстративный перечень потребностей по Меррею²

Потребность	Краткое определение
Унижение	Пассивно подчиняться внешним силам. Готовность принять обиду, обвинения, критику, наказание. Готовность сдаться. Подчиниться судьбе. Допустить собственную «второсортность», признать свои заблуждения, ошибки, поражения. Исповедоваться и искупать вину. Обвинять себя, принижать, выставлять в худшем виде. Искать боли, наказания, болезни, несчастья и радоваться им.
Достижение	Выполнять нечто трудное. Управлять, манипулировать, организовывать — в отношении физических объектов, людей или идей. Делать это по возможности быстро и самостоятельно. Преодолевать препятствия и добиваться высоких показателей. Самосовершенствоваться. Соперничать и опережать других. Реализовывать таланты и тем повышать самоуважение.
Аффиляция	Тесно контактировать и взаимодействовать с близкими (или теми, кто похож на самого субъекта или любит его). Доставлять удовольствие катектируемому объекту и завоевывать его привязанность. Оставаться верным в дружбе.
Агрессия	Силой преодолевать противостояние. Сражаться. Мстить за обиды. Нападать, оскорблять, убивать. Противостоять насилием или наказывать.

¹ См. там же. Р. 124.² См. там же. Р. 152–226.

Потребность	Краткое определение
Автономия	Освободиться от уз и ограничений. Сопrotивляться принуждению. Избегать или прекращать деятельность, предписанную деспотичными авторитарными фигурами. Быть независимым и действовать соответственно своим побуждениям. Не быть чем-либо связанным, ни за что не отвечать. Пренебрегать условностями.
Противодействие	В борьбе овладевать ситуацией или компенсировать неудачи. Повторными действиями избавляться от унижения. Преодолевать слабость, подавлять страх. Смыть позор действием. Искать препятствия и трудности. Уважать себя и гордиться собой.
Защита	Защищаться от нападений, критики, обвинений. Замалчивать или оправдывать ошибки, неудачи, унижения. Отстаивать эго.
Уважение	Восхищаться вышестоящим и поддерживать его. Восхвалять, воздавать почести, превозносить. С готовностью поддаваться влиянию ближних. Иметь пример для подражания. Подчиняться обычаю.
[Почитание]	Контролировать окружение. Влиять или направлять поведение других — внушением, соблазном, убеждением, указанием. Разубеждать, ограничивать, запрещать.
Демонстрация	Производить впечатление. Быть увиденным и услышанным. Возбуждать, удивлять, очаровывать, развлекать, шокировать, заинтриговывать, забавлять, соблазнять.
Избегание вреда	Избегать боли, ран, болезней, смерти. Избегать опасных ситуаций. Принимать предупредительные меры.
Избегание неудач	Избегать унижений. Уходить от затруднений или избегать ситуаций, в которых возможно унижение, презрение, насмешка, безразличие других. Воздерживаться от действий с целью избежать неудачи.
Опека	Проявлять сочувствие и помогать беззащитным в удовлетворении их потребностей — ребенку или кому-то, кто слаб, обессилен, устал, неопытен, немощен, потерпел поражение, унижен, одинок, удручен, болен, в затруднении. Помогать при опасности. Кормить, поддерживать, утешать, защищать, опекать, лечить.
Порядок	Приводить все в порядок. Добиваться чистоты, организованности, равновесия, опрятности, аккуратности, точности.
Игра	Действовать «забавы ради» — без иных целей. Смеяться, шутить. Искать расслабления после стресса в удовольствиях. Участвовать в играх, спортивных мероприятиях, танцах, вечеринках, азартных играх.
Неприятие	Избавиться от негативно катектируемого объекта. Избавляться, отказываться, изгонять или игнорировать нижестоящего. Пренебрегать объектом или обманывать его.
Чувственные впечатления	Искать чувственные впечатления и радоваться им.
Секс	Создавать и развивать эrotические взаимоотношения. Иметь сексуальные отношения.
Помощь	Удовлетворять потребности благодаря сочувственной помощи близкого. Быть тем, кого опекают, поддерживают, окружают заботой, защищают, любят, кому дают советы, кем руководят, кого прощают, утешают. Держаться ближе к преданному опекуну. Всегда иметь рядом того, кто окажет поддержку.
Понимание	Ставить вопросы или отвечать на них. Интересоваться теорией. Размышлять, формулировать, анализировать, обобщать.

Типы потребностей

Таким образом, мы видели, как Меррей определяет потребность, рассмотрели предложенные им показатели или критерии для идентификации потребности и типичный перечень потребностей.

Помимо этого, важно рассмотреть основания для различения типов потребностей. Прежде всего, различаются первичные и вторичные потребности. Первичные, или *висцерогенные*, потребности связаны с характерными органическими явлениями и физическим удовлетворением. Примеры — потребность в воздухе, воде, пище, сексе, лактации, уринировании и дефекации. Вторичные, или *психогенные*, потребности предположительно выводятся из первичных и характеризуются отсутствием очевидной связи с каким бы то ни было специфическим органическим процессом или физическим удовлетворением. Примерами служат потребность в приобретении, конструировании, достижении, признании, эксгибиции, доминировании, автономии, уважении.

Во-вторых, различаются *открытые* и *скрытые* потребности, т.е. проявляющиеся и латентные. Речь здесь идет о тех потребностях, которым позволительно проявляться более или менее непосредственно, и о тех, что в общем случае сдерживаются или вытесняются. Можно сказать, что открытые потребности обычно проявляются в моторном поведении, тогда как скрытые — в мире фантазий и сновидений. Существование скрытых потребностей — в значительной мере следствие образования интернализированных структур (*Суперэго*), определяющих правильное или приемлемое поведение. Некоторые потребности не могут быть непосредственно выражены без нарушения условностей и стандартов, привнесенных обществом через родителей, и эти потребности часто действуют на скрытом уровне.

В-третьих, существуют *фокальные потребности* и *диффузные потребности*. Некоторые потребности тесно связаны с определенными объектами среды, тогда как другие являются настолько общими, что подходят почти к любой ситуации. Меррей отмечает, что, за исключением некоторых особых случаев фиксации, объект потребности может изменяться, как и способ удовлетворения. Т.е. сфера, с которой связана потребность, может расширяться или сужаться, а количество инструментальных актов, связанных с удовлетворением потребности, может увеличиваться или уменьшаться. Если потребность прочно связана с неадекватным объектом, это называется *фиксацией* и обычно расценивается как патология. В то же время Меррей отмечает, что неспособность потребности к относительно стабильному «предпочтению» объекта и «перескакивание» с объекта на объект может быть столь же патологичным, как и фиксация.

В-четвертых, существуют потребности *проактивные* и *реактивные*. Проактивные потребности преимущественно детерминированы изнутри, когда человек становится «спонтанно действующим» в результате чего-то,

происходящего в личности, а не в среде. Реактивные же потребности активируются вследствие некоторых событий в среде, как реакция на них. Различие здесь во многом то же, что между реакцией, вызванной соответствующим стимулом, и реакцией, вызванной отсутствием важной стимульной переменной. Эти понятия Меррей использует также для описания взаимодействия между двумя или более людьми, когда один индивид выступает как *проактор* (инициирует взаимодействие, задает вопросы, вообще продуцирует стимулы, требующие чужой реакции), а другой — как *реактор* (реагирует на стимулы, продуцируемые проактором).

В-пятых, различаются *процессуальная активность, модальные потребности и эффектные потребности*. Американские психологи, традиционно обращающие внимание на то, что функционально и полезно, постоянно выделяли эффектные потребности — потребности, направленные на определенное желательное состояние или результат. Меррей же настаивал на равной значимости процессуальной активности и модальных потребностей — тенденций к осуществлению определенных актов ради самого осуществления. Беспорядочное, некоординированное, нефункциональное действие различных процессов (зрение, слух, мышление, речь и т.д.), возникающее с рождения, называется процессуальной активностью. Это — «чистое функциональное удовольствие», делание ради делания. Модальные же потребности предполагают, что нечто осуществляется на определенном уровне качества и совершенства. Это все еще активность, к которой стремятся и которая приносит радость, но доставляет истинное удовлетворение лишь тогда, когда выполняется на определенном — высоком — уровне.

Взаимоотношение потребностей

Очевидно, что потребности не полностью изолированы друг от друга, и природа их взаимодействий или взаимовлияний имеет огромное теоретическое значение. Меррей принимает положение о том, что существует иерархия потребностей, при которой определенные тенденции занимают более высокое положение, чем другие. По отношению к потребностям, которые, «не будучи удовлетворенными, начинают главенствовать с наибольшей силой»¹, используется понятие *доминирования*. Так, в ситуации, когда две или более потребностей требуют несовместимых реакций, именно доминирующая потребность (связанная с болью, голодом, жаждой, например) станет действующей, так как ее удовлетворение не может быть отсрочено. Минимальное удовлетворение таких потребностей необходимо прежде, чем смогут вступить в силу другие. При исследовании личности Меррей обычно рассматривал *конфликт*, в который включены по-

¹ Murray H.A. Toward a classification of interaction // T. Parsons, E.A. Shils (Eds.). Toward a general theory of action. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1951. P. 452.

требности. В его работах каждый субъект обычно оценивается в плане интенсивности конфликта в определенных ключевых сферах, например — автономия против уступчивости, достижение против удовольствия.

В определенных обстоятельствах посредством единой линии поведения может быть удовлетворено множество потребностей. В тех случаях, когда различные потребности реализуются в одном и том же поведении, Меррей говорит о *смещении* потребностей. Другая важная разновидность взаимоотношений потребностей описывается понятием *субсидиации*. Субсидирующая потребность — та, что служит удовлетворению другой: например, индивид может проявлять потребность в агрессии, но это служит лишь удовлетворению потребности в приобретении. Во всех случаях, когда действие одной потребности служит лишь инструментом удовлетворения другой, мы называем ее субсидирующей другую. Отслеживание звеньев субсидиации может иметь большую ценность для выявления доминирующих основных мотивов индивида.

Мы исследовали то, как Меррей представляет мотивацию индивида. Однако эти личные мотивы тесно связаны с событиями, происходящими вне индивида, и нам предстоит рассмотреть то, как эти важнейшие события среды представляет Меррей.

Прессы

Так же, как понятие «потребность» отражает важные внутренние детерминанты человеческого поведения, понятие «пресс» отражает важные детерминанты поведения, исходящие из среды. Проще говоря, пресс — это характеристика или свойство объекта среды или человека, которое облегчает или затрудняет достижение индивидом его цели. Прессы связаны с людьми или объектами, имеющими прямое влияние на усилия, предпринимаемые индивидом для удовлетворения своих потребностей. «Пресс объекта — это то, что он может сделать *с субъектом* или *для субъекта*, — сила, которая так или иначе влияет на благосостояние субъекта»¹. Представляя среду в терминах прессов, исследователь надеется выделить и классифицировать важные части того мира, в котором живут индивиды. Разумеется, мы лучше представляем, что — скорее всего — сделает индивид, если располагаем картиной не только его мотивов или направляющих тенденций, но и картиной его интерпретации среды. Понятие прессы предназначено именно для этого.

Для различных целей Меррей разработал различные перечни прессов. Это отражено в классификации, представленной в таблице 2, отражающей важные события или воздействия, имеющие место в детстве. На

¹ Murray H.A. (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 121.

Таблица 2

Сокращенный перечень прессов¹

1. Отсутствие семейной поддержки
 - Культурные противоречия
 - Семейные противоречия
 - Нетвердая дисциплина
 - Родительская сепарация
 - Отсутствие родителя — отца, матери
 - Болезнь родителя — отца, матери
 - Смерть родителя — отца, матери
 - Неполноценный родитель — отец, мать
 - Бедность
 - Бытовая неустроенность
2. Опасность беды
 - Отсутствие физической поддержки, высота
 - Вода
 - Одиночество, темнота
 - Бурная погода, молния
 - Огонь
3. Недостаток или потеря
 - кормления
 - собственных вещей
 - общения
 - разнообразия
4. Сдерживания, отказы
5. Отвержение, равнодушие, презрение
6. Соперник, конкурирующий завистник
7. Рождение сиблинга
8. Агрессия
 - Дурное обращение старшего мужского пола
 - женского пола
 - Дурное обращение со стороны сверстников
 - Заносчивые сверстники
9. Доминирование, принуждение, препятствование
 - Дисциплина
 - Религиозное воспитание
10. Опека, балование
11. Поддержка, требование нежности
12. Уважение, признание
13. Аффиляция, дружба
14. Секс
 - Обнажение
 - Обольщение: гомосексуальное, гетеросексуальное
 - Родительская половая связь

¹ Murray H.A. (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 291–292.

15. Ложь или предательство

16. Неполноценность

физическая

социальная

интеллектуальная

практике эти прессы не только определяются как действующие в данном индивидуальном опыте, но им приписывается и количественный рейтинг для обозначения силы или значимости в жизни индивида.

Важно различать значимость объектов среды в восприятии или интерпретации индивида (*бета-прессы*) и свойства этих объектов в реальности или в том, как они открываются в объективном исследовании (*альфа-прессы*). Поведение индивида теснее связано с бета-прессами, однако важно выявить ситуации значительных расхождений между бета-прессом, на который реагирует индивид, и альфа-прессом, действующим в реальности.

Редукция напряжения

Как мы уже видели, с точки зрения Меррея индивид действует на основе сложной системы мотивов. Далее, он признает, что при актуализации потребности индивид оказывается в состоянии напряжения, а удовлетворение потребности ведет к его редукции. Наконец, организм научится обращаться к тем объектам и осуществлять те акты, которые в прошлом ассоциировались со снижением напряжения.

Хотя Меррей одобряет такую формулировку, он утверждает, что она не полностью соответствует положению вещей. Индивид не только научается действовать так, чтобы редуцировалось напряжение и он таким образом был бы удовлетворен; помимо этого, он научается действовать так, чтобы увеличить напряжение, которое будет редуцировано в будущем — в связи с чем и удовольствие будет сильнее. Пример повышения напряжения с целью получения удовлетворения — игра, предвещающая завершение полового акта.

Следует заметить, что это положение применимо только к эффективным потребностям. Когда речь идет о процессуальной активности и модальных потребностях, удовлетворение приносит сам процесс активности, и интенсивность удовлетворенности в начале и в середине может быть той же, что в конце.

Меррей принимает положение, согласно которому человек действует как бы *имея в виду* возрастание удовлетворения и снижение напряжения. Однако это лишь намерение или вера со стороны действующего, и не всегда оказывается так, что действие, которое, как он полагает, при-

ведет к снижению напряжения и удовлетворению, действительно к этому приведет. Более того, люди не мотивированы на удовлетворение вообще; в каждом случае речь идет о специфическом напряжении, релевантном конкретной потребности: именно это напряжение человек старается редуцировать. Таким образом, удовлетворение — во многом следствие потребностных состояний и их поведенческих следствий.

Тема

Тема — молярная и интерактивная единица поведения. Она включает побуждающую ситуацию (пресс) и потребность. Таким образом, она соотносится с взаимодействием между потребностями и прессами и обеспечивает возможность более глобального, менее «частичного» взгляда на поведение. Благодаря этому понятию теоретик может представить ситуации, активирующие определенные потребности, а также исход или результирующие действия этих потребностей.

Темы варьируют от простых формулировок относительно субъект-объектных взаимодействий до более общих и приблизительных относительно длительных транзакций; возможны и формулировки, отражающие сочетания простых тем (*серийные темы*). Тема как единица анализа — естественное следствие убежденности Меррея в том, что межличностные отношения следует описывать как *диадические*. Это означает, что теоретик должен представлять не только интересующего его субъекта, но и того, с кем он взаимодействует. Чтобы предсказать конкретные социальные взаимодействия между двумя людьми, теоретик должен равное внимание уделить и субъекту, и объекту.

Потребностный интеграл

Хотя потребности не обязательно «привязаны» к особому объекту среды, часто случается, что индивид — вследствие опыта — начинает ассоциировать конкретные объекты с определенными потребностями. Таким образом с потребностью могут ассоциироваться усвоенные реакции, способы приближения к объекту или избегания объекта. Когда имеет место такая интеграция потребности, образа объекта или мысли о нем, и инструментальных актов, Меррей говорит о *потребностном интеграле*. Потребностный интеграл — это устойчивая «тематическая диспозиция» — потребность в определенном способе взаимодействия с определенного рода человеком или объектом. При наличии потребностного интеграта возбуждение потребности обычно побуждает человека к осуществлению соответствующим образом поиску того объекта среды, который соотносится с образом, выступающим как часть потребностного интеграта.

Единая тема

Единая тема — это по существу единичный паттерн связанных потребностей и прессов, извлеченный из инфантильного опыта, придающий смысл и связность большей части поведения индивида. В основном он действует как бессознательная сила. Единую тему не всегда возможно раскрыть, хотя возможно прийти к формулировкам относительно развития, которые проливают свет на поведение индивида (в целом или в большей части) и без которых поведение невозможно упорядочить. Меррей рассматривает единую тему человека как «ключ к его уникальной природе» и говорит:

«Единая тема — это соединение взаимосвязанных (сотрудничающих или конфликтующих) доминирующих потребностей с прессом, воздействию которого индивид подвергался в одном или более случаях, испытывая удовлетворение или травматические переживания, в раннем детстве. Тема может означать первичное детское переживание или последующее реактивное образование. Но, независимо от природы и особенностей генеза, она в многообразных формах повторяется в течение последующей жизни»¹.

¹ Murray H.A. (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 604–605.

Г. Олпорт

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВОВ¹

Личность, как и любое другое живое существо, по мере роста меняется. И мотивы — двигатели личности — должны расти и меняться. Нелегко объяснить огромную трансформацию, претерпеваемую мотивами на пути от младенчества к взрослости. Это постепенный и тонкий процесс. Нельзя сказать, что все мотивы меняются в равной степени. Влечения сохраняются. И даже в сложных взрослых мотивах нынешнего дня прошлое (иногда, в некоторой степени) все еще живо. Но необходимо раскрыть, какая часть прошлого еще горит в личности, а какая обратилась в пепел.

В предыдущей главе был заложен фундамент для нашего анализа. Напомним, что в ней были разделены теории, постулирующие *неизменные* энергии, и теории, постулирующие *изменяющиеся* энергии.

Требования к адекватной теории мотивации

Мы полагаем, что адекватная теория человеческих мотивов будет отвечать следующим требованиям.

1. *Она будет признавать современность мотивов.* То, что движет нами, должно двигать сейчас. Следовательно, мотивационная теория должна смотреть на *настоящее* состояние организма. Прошлое несущественно, если нельзя показать, что оно как-то динамически активно в настоящем. Возьмем для примера следующий случай:

Джордж — молодой преступник. Он осужден за воровство, поджог, вооруженный грабеж и злонамеренное нападение на нескольких полицейских. Ясно, что причина лежит в его несчастном детстве. Мать, которую он любил, умерла, когда ему было пять лет. После этой трагедии мальчик жил только с отцом-пьяницей, от которого не видел ничего, кроме отвержения и жестокости.

¹ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. С. 302–329.

«Объясняет» ли эта история сегодняшнее поведение Джорджа? В определенном смысле да, ибо она приводит исторические факты, существенные для понимания всего течения его жизни. Но есть другие мальчики, имевшие столь же суровое прошлое и при этом избежавшие таких сильных отклонений в сегодняшнем поведении. Действительно, у одного моего знакомого — пламенного иезуитского миссионера — была очень похожая семейная история. В чем тогда разница? Ответ, похоже, в том, что Джорджа все еще активно беспокоит его детский конфликт и он до сих пор проигрывает (и перемещает) свою враждебность к отцу, а миссионер как-то перерос конфликт и заменил детские враждебные мотивы другими — более добрыми. Следовательно, нельзя сказать, что прошлая история автоматически определяет нынешнюю «энергию» мотивов. Прошлые мотивы не объясняют ничего, если они не продолжают жить в настоящем.

По этой причине доктрина «вторичных влечений» представляется нам фатально алогичной. Напомним, что эта доктрина рассматривает нынешние мотивы как черпающие свою энергию из прошлого подкрепления. Вы любите ловить рыбу то ли потому, что много лет назад отец брал вас с собой на рыбалку, то ли потому, что он удовлетворял многие ваши первичные детские влечения? С исторической точки зрения эта логика верна. Но ваша нынешняя, сегодняшняя страсть к рыбалке уже не может брать «энергию» из первичных влечений вашего младенчества (с которым исторически связаны ваш отец и его приглашение вместе порыбачить).

В динамическом смысле нет «вторичных» мотивов. Можно говорить о мотивах, вторичных по времени (ибо все нынешние мотивы вырастают из предыдущих), или о мотивах, имеющих вторичную важность для личности. Но с точки зрения *энергии* или *динамики* все мотивы «первичны». Ни один не черпает свою «энергию» из прошлого, а всегда и только из настоящего¹.

2. *Это будет плюралистическая теория, учитывающая мотивы многих типов.* Помимо ошибочного анахронизма (взгляда на нынешнюю мотивацию с точки зрения прошлых событий), у многих мотивационных теорий есть и другой недостаток — чрезмерная упрощенность. Различные авторы уверяют нас, что все мотивы сводимы к одному типу: к влечениям, к поиску удовольствия, к бессознательному, к поиску могущества или к самоактуализации. Ни одна из этих формулировок не может быть полностью адекватной, ибо в каждой есть лишь доля истины. Смахнуть комара со щеки — мотивированный поступок, но столь же мотивированный поступок — посвятить жизнь искоренению желтой лихорадки или малярии. Добиваться глотка воды — не более и не менее мотивированное занятие, чем добиваться олимпийской победы в плавании.

¹ Идею своевременности всех мотивов с особой ясностью отстаивал Курт Левин: *Lewin K. A dynamic theory of personality*. N. Y.: McGraw-Hill, 1935.

Вспомним полезное различие, предложенное Маслоу. Он говорит о мотивах *дефицита* или *нужды* и мотивах *роста*¹. Первые включают влечения и элементарные психологические потребности: жажду, голод, сон, самосохранение, комфорт, базовую безопасность. Вторые включают амбиции, интересы, притязания нормально развивающегося взрослого. Адекватная теория должна охватывать и те, и другие.

Некоторые мотивы преходящи, другие повторяются, некоторые мгновенны, другие долговременны, некоторые бессознательны, другие осознанны; некоторые ситуативны, другие личностны; некоторые снижают напряжение, другие его поддерживают. Мотивы столь разнообразны, что трудно раскрыть то, что их объединяет. Мотивы человека включают все, что он пытается (сознательно или бессознательно, рефлексивно или намеренно) делать. И это почти все, что мы можем о них сказать.

Приняв этот принцип плюрализма, мы должны быть готовы посмотреть в лицо тому факту, что мотивы животных не будут адекватной моделью мотивов людей, а мотивы взрослых не всегда будут продолжать мотивы детства, и, наконец, мотивация невротичной личности не обязательно будет определять мотивацию нормального индивида. Многие исследователи надеялись распутать клубок человеческой мотивации с помощью упрощенных моделей машины, животного, ребенка или патологической личности. Ни одна из этих моделей не адекватна².

3. Эта теория будет приписывать динамическую силу когнитивным процессам, т.е. планированию и намерению. Мы завершаем эпоху крайнего иррационализма, когда человеческая мотивация приравнивалась к слепой воле (Шопенгауэр), к борьбе за выживание (Дарвин), к инстинктам (Мак-Дугалл и др.), к паровому котлу *ид* (Фрейд). Мощное влияние этих доктрин низвело роль «интеллекта» до уровня незначительной. В лучшем случае интеллект рассматривался как инструмент для реализации мотива. Когнитивные функции — простые слуги. Центральная нервная система — агент автономной нервной системы³.

Постепенно возник протест. Свыше сорока лет назад, сделав обзор теории Мак-Дугалла, Грэм Уоллас предложил пополнить перечень инстинктов «инстинктом мысли»⁴. Позднее представители гештальтпсихологии приписали динамическую силу когнитивным операциям. Мы

¹ См.: Maslow A. H. Motivation and personality. N. Y.: Harper, 1954. <Рус. пер.: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.> Подобное положение выдвигала Шарлотта Бюлер, которая на основе обширной работы с историями жизни сделала вывод, что каждый человек стремится и к равновесию, и к экспансии (Bühler Ch. Maturation and motivation // Dialectica. 1951. Vol. 5. P. 312–361).

² См.: Allport G. W. Scientific models and human morals // Personality and social encounter. Boston: Beacon, 1960. Ch. 4.

³ См.: Kempf E. J. The autonomic functions and the personality // Nervous and Mental Diseases Monographs. Ser. 1921. № 28.

⁴ См.: Wallas G. The great society. N. Y.: Macmillan, 1914.

придаем форму своему восприятию, изменяем свои воспоминания, решаем свои проблемы благодаря динамичным «самоопределяющимся» тенденциям в мозговом поле, у которых нет неизбежной связи с влечениями, инстинктами или другими побуждениями. Бартлетт обобщил такие силы словосочетанием «усилия осмысления». Это понятие играет большую роль в работах многих современных психологов, эмпириков, когнитивных теоретиков и экзистенциалистов¹.

Несомненно, люди жадно стараются познать смысл своих нынешних переживаний и своего существования как целого, но мы не должны резко отделять такие когнитивные мотивы от тех, которые традиционно называются волевыми или аффективными. Для людей типично пытаться делать что-то, в чем их желания и планы хорошо согласуются. Желание и разум не находятся в отношениях господина и слуги, а сплавлены в один мотив, который мы можем назвать «намерением».

Намерение — форма мотивации, обычно игнорируемая, но имеющая центральное значение для понимания личности. Понятие намерения позволяет нам преодолеть противопоставление мотива и мысли.

Подобно всем мотивам, намерение относится к тому, что *индивид пытается сделать*. Конечно, существуют сиюминутные и кратковременные намерения (получить стакан воды, смахнуть муху, удовлетворить то или иное влечение); но это понятие имеет особую ценность при указании на личностные диспозиции дальнего действия. Мы можем *намереваться* организовать свою жизнь по какому-то этическому кодексу, отыскать смысл своего существования. Религиозное намерение ведет нас к такому упорядочению жизни, чтобы нам светила надежда в конце достичь райского блаженства.

Понятие намерений позволяет нам признать несколько важных особенностей.

1. Когнитивные и эмоциональные процессы в личности сплавляются в интегральные побуждения.

2. Намерение, подобно всей мотивации, существует в настоящем, но имеет сильную ориентацию на будущее. Использование этого понятия помогает нам проследить динамику мотивации в направлении разворачивания жизни (в будущее), а не так, как это делает большинство теорий (в прошлое). Намерения говорят нам о том, какого будущего старается достичь человек. И это самый важный вопрос, который мы можем задать о любом смертном.

¹ Перечисленные ниже авторы по-разному ставят существенный акцент на динамическую силу познавательных процессов: *Bartlett F. G. Remembering*. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 1932; *Asch S. E. Social Psychology*. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1952; *Cantril H. The why of man's experience*. N. Y.: Macmillan, 1950; *Festinger L. A theory of cognitive dissonance*. Evanston (Ill.): Row, Peterson, 1957; *Existence: a new dimension in psychiatry and psychology* / Ed. by L. Festinger, E. Angel, H. F. Ellenberger. N. Y.: Basic Books, 1958. <Рус. пер.: Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001.>

3. Это понятие подразумевает «поддержание напряжения» и, таким образом, отражает универсальную характеристику всех долгосрочных мотивов.

4. Когда мы определяем главные намерения в жизни, мы получаем тем самым средство для удержания в перспективе второстепенных тенденций.

Молодой студент колледжа *намерен* стать хирургом. Это базовый мотив. Данное намерение неизбежно осуществляет отбор, какие из его способностей будут оттачиваться, а какие будут запущены. (Следовательно, мы не можем понять его личность, изучая только его нынешние способности.) Это намерение вполне может принести разочарование его родителям, планировавшим, что мальчик сделает карьеру в бизнесе. (Следовательно, мы не можем понять его личность, наблюдая его влияние на других.) Намерение также подавляет противоречащие ему мотивы. Он хочет жениться, но его намерение стать хирургом отодвигает реализацию этой цели; он любит футбол, но жертвует им ради учебы. (Следовательно, мы не можем узнать его личность с помощью простого перечисления его влечений и желаний.)

Полезно знать, что человек может делать, каково его влияние на других людей и какими могут быть его импульсы и желания, но картина никогда не будет полной, если мы не узнаем также, каковы намерения этого человека, какого будущего он пытается достичь¹.

Соглашаясь с открытиями психоанализа, мы признаем, что индивид не всегда точно знает свои собственные намерения. На уровне сознания он может ошибочно интерпретировать направление собственных усилий. Мать, которая бессознательно возмущается своим ребенком и ненавидит его, возможно, в сознании переполнена заботливостью и будет настойчиво уверять в своей любви («реактивное образование»). Она нуждается в психиатрической помощи для прояснения своих намерений. Но у большинства смертных импульсы и планы, желания и намерения, конфликты и противоречия довольно точно отражаются в их сознательных отчетах.

К несчастью, понятие намерения не занимает приоритетного места в современной психологии. Это обосновано тем, что оно означает цель, эффективность сознательного планирования и «тягу», направляющую нынешнее поведение человека к его образу будущего. Более популярная «физиологическая» концепция сказала бы, что его *толкают* его мотивы (а не *тянут* его намерения). Многие психологи сказали бы, что «влечения» полностью объясняют все то, что мы здесь приписываем намерениям. Но влечения как таковые слепы. Они не объясняют организацию и ориентацию посредством когнитивных установок, предвидения, кортикального контроля. И тем не менее все эти психологические функции связаны в единое течение мотивации.

¹ Ср.: Heider F. The psychology of interpersonal relations. N. Y.: Wiley, 1958. Ch. 4; Anscombe G. E. M. Intention. Oxford: Basil Blackwell, 1957.

Обсуждаемую тему могут проиллюстрировать два ответа разных психологов на вопрос: «Какой самый важный вопрос вы зададите человеку, чтобы понять его личность?» «Глубинный» психолог ответил: «Я бы спросил, какого рода фантазии посещают этого человека» (тем самым он выяснил бы, что бессознательно толкает его). Другой — консультирующий психолог с большим опытом — сказал: «Я бы спросил, где он хочет быть и что он хочет делать через пять лет» (тем самым он выяснил бы его долгосрочные намерения).

Прежде чем оставить понятие намерения, необходимо сказать следующее: если это понятие кажется неприемлемым (возможно, потому что оно восходит к Brentano и даже к святому Фоме Аквинскому, или потому что у него есть «менталистский» оттенок), суть может быть успешно сохранена с помощью подчеркивания понятия *интереса*. Намерения человека — это, в конечном счете, его характерные интересы. Даймонд определяет интерес как «предрасположенность заниматься некоторой культурно разработанной деятельностью без расчета на какое-либо иное последующее удовлетворение, чем простое проявление этой предрасположенности»¹.

Выражение «культурно разработанная» обращает внимание на различие между сложностью интереса и относительной простотой влечения. Интерес может включать или не включать первичное влечение, но он всегда включает нечто большее. Даже когда мы говорим, что индивидуум интересуется пищей или сексом, мы признаем, что это не влечения, а усвоенные способы удовлетворения влечений, которые определяют интерес. А на противоположном полюсе мы говорим о таких интересах, как архитектура, работа в ООН или религия. В этих случаях вообще может не быть поддающегося обнаружению элемента влечения.

4. *Эта теория будет учитывать конкретную уникальность мотивов.* Какая разница между мотивом конкретным и абстрактным? Рассмотрим таблицу 1, в левом столбце которой мы перечисляем определенные мотивы, обнаруживаемые при изучении реальных жизней; в правом столбце мы видим, как их можно приладить к разным абстрактным теориям.

Этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать разницу между конкретным и абстрактным видением мотивов. Последнее всегда прилажено к какой-то теоретической системе и вытекает из классификаций якобы базовых общих мотивов людей. Они касаются личности вообще. Они слабо приложимы к конкретному случаю. Ни четыре желания, ни восемнадцать инстинктов, ни тридцать потребностей, ни их любая комбинация или производные не могут адекватно объяснить бесконечное разнообразие целей, которых добиваются бесконечно разнообразные смертные.

¹ Diamond S. Personality and Temperament. N. Y.: Harper, 1957. P. 294.

Таблица 1

Конкретное	Абстрактное
У Мэри есть сильное желание стать профессиональной медсестрой	Она сосредоточивает на объекте сексуальное желание с отторженной целью (фрейдизм)
Джим страстно любит музыку	Его интерес — вторичное влечение, появившееся от его музыкальной матери, которая удовлетворяла его ранние первичные влечения (теория S—R).
Уильям надеется стать первоклассным механиком	Он таким образом выражает свою потребность в достижении (теория потребностей)
Ирэн испытывает страх перед открытым пространством (агорафобия)	Инстинкт бегства — корневой мотив (теория инстинктов)
Томас надеется, что будет избран президентом своего клуба	Мотив — желание господства
Похоже, что Сэм всегда ищет похвалы	У него потребность в заботе
Патриция любит принимать гостей у себя дома	Корни этого — желание компетентности

Возьмем последний пример из перечисленных в таблице. Верно, что Патриция в определенном смысле проявляет «компетентность» на своих приемах. Но в жизни есть миллионы видов компетентности, которые наверняка вообще не интересуют Патрицию. Ее мотив очень конкретен. Соль ее жизни — гостеприимство, а не абстрактная компетентность. А любая абстрактная схема полностью упускает этот момент и, следовательно, проливает мало света на действительное функционирование ее личности. Видение интересов человека просто как вариаций, звучащих в общем паттерне, — это карикатура на человека.

Этот акцент на уникальности мотивации может вызвать тревогу. Вы спросите: «Что же это будет за *наука* о мотивах, если мы не станем обобщать?» Ответ на это возражение состоит в том, что общие принципы мотивации (подобные тем, о которых идет речь в этой и предыдущей главах) могут помочь нам понять, как образуется уникальность. Ошибочно считать, что общий принцип мотивации может вести только к единообразному списку мотивов, общему для всех людей.

Функциональная автономия

Обратимся теперь к одному общему закону мотивации, полностью учитывающему конкретную уникальность личных мотивов и соответствующему всем другим критериям адекватной теории мотивации. Это отнюдь не единственный валидный принцип, подходящий к развитию человеческих мотивов, не объясняет он и *всю* мотивацию. Но это наша попытка избежать ограничений единообразных, негибких, абстрактных, ориентированных назад теорий и признать спонтанность, изменчивость, на-

правленность вперед, конкретный характер большей части мотивации взрослых.

Функциональная автономия рассматривает взрослые мотивы как разнообразные, самоподдерживающиеся актуальные системы, вырастающие из предшествующих систем, но функционально независимые от них. Со многими мотивами происходит то же, что с ребенком, который постепенно перерастает зависимость от своих родителей, становится независимым и переживает своих родителей. Переход может быть постепенным, но тем не менее радикальным. Когда индивидуум (или мотив) созревает, его функциональная связь с прошлым рвется. Историческая связь остается.

Очевидно, что такая теория противостоит всем концепциям «неизменных энергий». Она отказывается от взгляда на энергии взрослых как на инфантильные или архаичные по природе. Мотивация всегда современна. Жизнь современных Афин — это *непрерывное продолжение* жизни древнего города, но *эта* жизнь (в своем нынешнем «движении») ни в каком отношении не *зависит* от той жизни. Жизнь дерева — это непрерывное продолжение жизни семени, но семя больше не поддерживает и не питает полностью выросшее дерево. Более ранние цели ведут к более поздним целям, но люди отказываются от первых в пользу последних.

Давайте рассмотрим несколько банальных примеров. Бывший моряк жаждет видеть море, музыкант страстно желает вернуться к своему инструменту после вынужденного отсутствия, скупец продолжает накапливать свое бесполезное состояние. Моряк мог впервые полюбить море случайно, стараясь заработать на жизнь. Море было «вторичным подкреплением» для его первичного влечения. Но теперь, когда он, возможно, стал богатым банкиром, первоначальный мотив угас, а жажда моря продолжает существовать и даже усиливается. Музыканта сначала могли ранить упреки по поводу того, как плохо он владеет инструментом. Но теперь он в безопасности, над ним никто не насмехается, и он обнаруживает, что любит свой инструмент больше всего в мире. Скупой, быть может, приобрел свою привычку к бережливости в крайней нужде, но скупость устойчиво сохраняется и усиливается с годами, хотя в ней уже нет необходимости.

Удачный пример — мастерство. Квалифицированный рабочий чувствует себя вынужденным работать очень хорошо, даже если его доход больше не зависит от поддержания высоких стандартов. На самом деле в дни массового распространения «временок» его стандарты мастерства могут ставить его в экономически невыгодное положение. Но даже тогда он не может выполнять работу небрежно. Мастерство — не инстинкт, но оно может приобретать такое устойчивое влияние на человека, что не удивительно, что Веблен по ошибке принял его за инстинкт.

Бизнесмен, давно материально обеспеченный, доводит себя работой до болезни, а возможно, и скатывается назад в бедность, стремясь к вы-

полнению своих планов. Тяжелая работа, когда-то бывшая средством достижения цели, становится целью самой по себе.

Ни необходимость, ни рассудок не могут заставить человека получать удовольствие от жизни на сельском хуторе, после того как он адаптировался к активной энергичной городской жизни. Городские привычки побуждают его к неистовому существованию, даже если интересам здоровья соответствует более простая жизнь.

Занятия литературой, хороший вкус в одежде, использование косметики, прогулки в общественном парке или зима, проведенная в Майами, сначала могут служить, так сказать, интересам секса. Но каждая из этих «инструментальных» активностей может сама по себе стать интересом, поддерживаемым всю жизнь, даже после того, как перестает служить эротическому мотиву.

Некоторые матери неохотно рожают детей, смущаемые мыслью о том, что уход за ребенком — долгая и нудная работа. «Родительский инстинкт» полностью отсутствует. Мать может тщательно ухаживать за ребенком из страха перед тем, что скажут ее придирчивые соседи, или перед законом, или, быть может, в смутной надежде, что ребенок обеспечит ей старость. Такие грубые мотивы могут требовать от нее выполнения ее работы до тех пор, пока постепенно через практику самоотдачи ее ноша не превращается в радость. С ростом любви к ребенку первоначальные прагматические мотивы утрачиваются навсегда. Нет ничего устойчивее материнских чувств (их прочность вошла в поговорку), даже если (как в данном случае) можно показать, что они являются не изначальным, а приобретенным мотивом.

Позвольте добавить еще один пример. Многие мальчики выбирают профессию, идя по стопам отцов. Многие мальчики проходят также через период страстной «идентификации с отцом». Например, Джо — сын известного политика. Молодым парнем он имитирует все, что делает его отец, быть может, даже произносит «речи». Проходят годы, отец умирает. Теперь Джо — мужчина средних лет, глубоко увлеченный политикой. Он ходит в офис, возможно, на ту же работу, что и отец. Что мотивирует Джо сегодня? Детская фиксация на отце? Предположим, да, ибо возможно Джо не изжил свой эдипов комплекс (пытаясь быть подобным папе, чтобы завоевать привязанность мамы). Тогда сегодняшняя политическая деятельность Джо должна иметь невротическую окраску, и мы, возможно, обнаружим, что он демонстрирует компульсивную, ригидную, малоадаптивную манеру поведения. Однако есть шанс, что его интерес к политике вышел за пределы той «идентификации с отцом», с которой он начинался. Историческая непрерывность есть, но уже нет никакой функциональной непрерывности. Политика — это теперь его господствующая страсть, это его стиль жизни, это большая часть личности Джо. Первоначальное семя отброшено.

Все наши иллюстрации имеют одну общую черту. Описанный нами взрослый интерес зарождался как нечто иное. Во всех случаях активность, которая позднее стала мотивационной, сначала была инструментальным средством для какой-то другой цели (т.е. для какого-то предыдущего мотива). То, что было некогда внешним и инструментальным, становится внутренней побудительной силой. Когда-то активность служила влечению или какой-то простой потребности, теперь она служит сама себе или, в более широком смысле, образу Я (идеальному Я) человека. Теперь диктует не детство, а зрелость.

Таким образом, функциональная автономия относится к любой приобретенной системе мотивации, в которой напряжения носят иной характер, чем предшествовавшие напряжения, из которых выросла эта сформировавшаяся система¹.

¹ Функциональную автономию (под другими названиями) признавали многие авторы. Много лет назад Ф. Brentano описал ее как «известный психологический закон: то, чего вначале желали просто как средства для чего-то другого, в конце концов из привычки становится тем, чего желают ради него самого» (*Brentano F. The origin of the knowledge of right and wrong / Transl. by C. Hague. London: Constable, 1902. P. 16*). Толмен говорит о «приобретенной приверженности определенным типам средств», обладающих силой возвыситься «в собственных правах» и приобрести «мертвую хватку» (*Phil. Sci. 1935. Vol. 2. P. 370*). В другом месте Толмен признает наличие «независимых третичных мотивов», которые для всех практических целей должны рассматриваться как функционально автономные (цит. по: *Toward a general theory of action / Ed. by T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1951. P. 32f*).

Более известно утверждение Р. С. Вудворта, что «механизмы могут становиться влечениями». «Фундаментальным влечением к определенной цели может быть голод, секс, драчливость и т. д., но, когда активность началась, средства для достижения цели становятся сами по себе объектом интереса» (*Woodworth R. S. Dynamic psychology. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1918. P. 201*).

В. Штерн отмечает то же самое, когда пишет, что «феномотивы» могут превращаться в «геномотивы» (*Stern W. General psychology from the personalistic standpoint / Transl. by H. Spoerl. N. Y.: Macmillan, 1938*). Как мы видели в предыдущей главе, нашу позицию поддерживает понятие «вторичной автономии эго» Х. Хартмана.

Несмотря на эту широкую поддержку, многие критики заметно сопротивляются этому понятию. В общем, они утверждают: если достаточно далеко распространить теорию инстинктов или теорию редукции влечений, то они охватят все случаи «функциональной автономии» (см.: *Bertocci P. A. Critique of Gordon W. Allport's theory of motivation // Psychological Review. 1940. Vol. 47. P. 501–532*; *Oppenheimer O. The functional autonomy of motives // Journal of Social Psychology. 1947. Vol. 25. P. 171–179*). Критику, исходящую из признания адекватности S-R-психологии, см. в: *McClelland D. C. Functional autonomy of motives as an extinction phenomenon // Psychological Review. 1942. Vol. 49. P. 272–283*; *Rethlingshaefer D. Experimental evidence for functional autonomy of motives // Psychological Review. 1943. Vol. 50. P. 397–407*.

Сомневаюсь, что этих критиков удовлетворит данное изложение фактов в пользу функциональной автономии. Тем не менее я извлек пользу из этой критики и моя аргументация, надеюсь, стала более убедительной, чем в первоначальном изложении (*Allport G. W. Personality: a psychological interpretation. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937. Ch. 7*).

Уровни автономии

Я мог бы бесконечно множить примеры функциональной автономии, но это ни к чему. Пора систематизировать наши представления об этом явлении. После нескольких лет размышления над проблемой я пришел к выводу, что его нужно рассматривать на двух уровнях. Следует рассмотреть уровни: (1) *персеверативной* функциональной автономии и (2) *собственной, или проприативной*, функциональной автономии. Первый уровень может быть приблизительно объяснен простыми (или с виду простыми) неврологическими принципами. Однако второй уровень прямо зависит от определенных философских допущений относительно природы человеческой личности: дело не в том, что эти допущения как-то противоречат известным неврологическим фактам, а в том, что они выходят за пределы нынешних знаний о способах действия нервной системы.

Персеверативная функциональная автономия. Начнем с некоторых экспериментов с животными. Не очень понятно, как их трактовать. С одной стороны, нервный и эмоциональный базис животных сходен с таковым у человека. С другой стороны, у животных так плохо развиты высшие корковые центры, что способности к символизации, задержке и собственная система отсчета у них в основном или даже полностью отсутствуют.

1. *Доказательства на животных.* Экспериментатор кормит крысу через равные промежутки времени. Крыса наиболее активна как раз перед временем кормления. Спустя некоторое время экспериментатор перестает кормить крысу. Но хотя она теперь голодна все время, предыдущий ритм максимальной активности (как раз перед обычным временем кормления) устойчиво сохраняется¹.

Моллюск, чьи привычки зарываться в песок и вновь вылезать зависят от приливов и отливов, даже перенесенный с пляжа в лабораторию будет сохранять тот же ритм².

Крыса, научившаяся двигаться в лабиринте, побуждаемая голодом, будет правильно пробегать лабиринт даже после насыщения, не ради пищи, но, очевидно, «ради развлечения»³.

Один исследователь заливал крысам в уши коллодий, тем самым вызывая чистящие движения. Месяц спустя после начала эксперимента, когда в ушах крыс под микроскопом не было найдено даже следов раздражителя, количество «чистящих» движений еще оставалось очень большим⁴.

¹ См.: *Richter C. P.* A behavioristic study of the activity of the rat // *Comparative Psychology Monographs*. 1922. Vol. 1. № 2.

² См.: *Crawford S. C.* Characteristics of nocturnal animals // *Quarterly Review of Biology*. 1934. Vol. 9. P. 201—214.

³ См.: *Dodson J. D.* Relative value of reward and punishment in habit formation // *Psychobiology*. 1917. Vol. 1. P. 231—276.

⁴ См.: *Olson W. C.* The measurement of nervous habits in normal children. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1929.

Эти и многие подобные эксперименты показывают то, что мы имеем в виду под *персеверацией*. Этот механизм вступает в действие вследствие того, что один мотив продолжает (по крайней мере, некоторое время) «подпитывать» себя. Здесь мы имеем самый элементарный пример функциональной автономии.

Пока еще невозможно обозначить неврологический базис, лежащий в основе устойчиво продолжающейся функциональной автономии этого типа. Только что упомянутые явления, как и перечисленные ниже, указывают на наличие самоподдерживающихся контуров или подструктур, приспособленных уже не только к контролю стимула. Неврологи признают эти явления и рассуждают относительно участвующих в них нервных механизмов¹.

2. *Зависимости*. Никто не станет отрицать, что жажда табака, алкоголя или препаратов опиума — это приобретенная страсть, которая может быть очень интенсивной. Вот что пишет алкоголик, проходящий лечение:

«Эти пароксизмы страстного желания наступают через регулярные промежутки времени (три недели) и длятся в течение нескольких дней. Это не жеманная слабость и не предмет для зубоскальства. В отсутствие “жидкости” я физически и психически заболеваю. Из рта течет слюна, желудок и кишечник, кажется, сводят судороги, тошнит, я становлюсь желчным, впадаю в беспричинную нервную хандру»².

Можно сказать, что такой физиологический голод, искусственно вызванный наркотиками, — неправильный пример. Новые работы по зависимостям показывают, что их механизм, в основном, психологический. Так, обезьяны и люди, получавшие опиаты по медицинским показаниям, привыкали и сильно страдали от их «отмены», но после излечения не демонстрировали желания снова употреблять наркотики. С другой стороны, настоящие зависимые даже после лечения, когда все симптомы отмены исчезли, в огромном большинстве случаев возвращаются к своей зависимости. Это происходит не вследствие *физиологического* голода, а только потому, что сформировалась подсистема личности, которая справ-

¹ Так, Д.О. Хебб считает, что «открытые группы клеток в мозге» могут обеспечивать некоторое длительное воспроизведение активности (*Hebb D. The organization of behavior*. N.Y.: Wiley, 1949). Морган говорит о «центральных мотивационных состояниях» (*Morgan C.T. Physiological psychology*. N.Y.: McGraw-Hill, 1943. Ch. 22). Дж.Ч. Экклз утверждает, что старое научение никогда не утрачивается, но может быть реорганизовано таким образом, что уже не проявляется в поведенческих паттернах, к которым раньше «принадлежало» (*Eccles J.C. The neurophysiological basis of mind*. Oxford: Clarendon, 1953). Олдз вводит понятие самостимуляции в объяснение «долговременной продолжительности» (*Olds J. The growth and structure of motives*. Glencoe (Ill.): Free Press, 1956).

Влискую линию рассуждений предлагает У.С.Мак-Каллох (*McCulloch W.S. A hierarchy of values determined by the topology of nervous nets* // *Bull. Math. Biophysics*. 1945. Vol. 7. P. 89). Этот автор утверждает, что нервная система не линейна; кортикальные нейроны организованы в круг. Импульс не возбудит моторный нейрон, пока не пройдет по всему кругу и соответственно не модифицируется. Во всех этих рассуждениях мы замечаем общую идею кортикального отражательного контура. Этот принцип может оказаться объяснением нервной основы персеверативной функциональной автономии.

² *Inmate W.E. Beyond the door of delusion*. N.Y.: Macmillan, 1932. P. 281.

ляется с жизненными фрустрациями при помощи наркотиков. Таким образом, «сидящий на игле» — это человек, сформировавший приобретенную и автономную мотивационную структуру¹.

3. *Круговые механизмы.* Каждый наблюдал, как ребенок почти бесконечно повторяет одно и то же действие. Добродушные родители поднимают ложку, вновь и вновь бросаемую малышом. От этой игры родители устают гораздо раньше малыша. Такая же нескончаемость свойственна детской болтовне, манипулированию и игре. Каждая активность дает «обратную связь» в сенсорные отделы, тем самым поддерживая «круговой рефлекс»². Признаться, этот пример иллюстрирует только временную функциональную автономию. Однако он демонстрирует важность наличия некоторого нервного аппарата для поддержания паттернов активности без необходимости проследивать каждый акт до мотива-влечения.

4. *Персеверация задания.* Многие эксперименты показывают, что незавершенные задания повышают напряжение, удерживающее человека за работой, пока задача не завершена (неважно, сколько времени она занимает). Даже тривиальная задача может потребовать значительного времени. Попросите испытуемого провести час, придумывая и записывая все возможные слова, начинающиеся с буквы «С». Когда он покинет кабинет экспериментатора, даже во сне и, быть может, на следующий день он будет устойчиво продолжать, не желая того, вспоминать новые слова на «С»³. Здесь функциональная автономия также имеет короткую протяженность, но суть в том, что для объяснения временно находящейся в разгаре самоподдерживающейся динамической системы не требуется гипотеза о самоутверждении, соперничестве или любой другой базовой потребности.

Гештальт-психологи говорят о «тенденции завершения» (*Gestalt-drang*), которая продолжает действовать вплоть до завершения задачи. Известно, что запоминание незавершенных задач лучше, чем завершенных⁴. Любое незаконченное задание давит в направлении продолжения работы над ним.

¹ См.: *Lindesmith A.R.* Opiate addiction. Bloomington (Ind.): Principia Press, 1947; *Wilker A.* Opiate addiction: Physiological and neurophysiological aspects in relation to clinical problems. Springfield (Ill.): Charles C. Thomas, 1953.

² См.: *Holt E.B.* Animal drive and the learning process. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1931. Ch. 7, 8. На более высоком уровне анализа Ф.Г. Олпорт поднимает вопрос, не обладают ли все «структуры событий» (по присущей им природе) качеством самоподдержания на физическом, психологическом и социальном уровнях (*Allport F.H.* Theories of perception and the concept of structure. N.Y.: Wiley, 1955. Ch. 21).

³ См.: *Kendig I.* Studies in perseveration // *Journal of Psychology*. 1936. Vol. 3. P. 223–264.

⁴ См.: *Zeigarnik B.* Über das Behalten von erledigten und unerledigten Handlungen // *Psychologische Forschung*. 1927. Bd. 9. S. 1–5. <Рус. пер.: *Зейгарник Б.* Запоминание законченных и незаконченных действий // *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 427–495.>

Вудворте первоначально говорил о «привычках, становящихся влечениями». Это утверждение приемлемо только отчасти. Будучи однажды выученными, большинство привычек становятся просто инструментальными навыками. Мы пользуемся своей пишущей машинкой, автомобилем или языковыми привычками только для обслуживания своих активных мотивов. Однако «привычки, стремящиеся вверх» высоко динамичны. Ребенка, только учащегося говорить и ходить, похоже, влечет к совершенствованию этих умений. Подросток не имеет покоя, пока не доведет до совершенства свое умение кататься на коньках, танцевать или водить машину. Конечно, некоторые умения никогда реально не становятся совершенными. Концертирующего пианиста ежедневно влечет к многочасовым занятиям. Мы можем заключить так: влекущей силой обладают не совершенный талант или автоматическая привычка, а, скорее, несовершенный талант и привычка в процессе становления.

5. *Знакомство и рутина.* Джон Дьюи писал: «Суть рутины — настаивать на своем собственном продолжении. Нарушение ее — это осквернение прав. Отклонение от нее — проступок»¹.

Как мы видели, бесконечное повторение имеет свойство навязчивости, особенно в детстве. Если вы рассказываете историю маленькому ребенку, он не позволит вам вносить вариации при повторном рассказе. Всегда лучше знакомые игровые предметы, пища, семейные обычаи. Поездки, например, в летний лагерь, часто вызывают острую тоску по дому. Как указывает Пиаже, детская моральность — это, главным образом, моральность обычая, послушания и рутины².

Читатель может возразить, что знакомая обстановка — это только условное подкрепление, которое будет удовлетворять наши влечения. Так, наша обычная кровать связана с освежающим сном; она нравится нам, потому что она является «вторичным подкрепителем» отдыха. Но это объяснение неудовлетворительно. Удовольствие, идущее от знакомой постели, — это не удовольствие сна, а удовольствие простой знакомости. Ребенок находит не больше удовлетворения голода в знакомой пище, чем в новой, но хочет знакомой. А какое влечение удовлетворяется точным повторением рассказа?

Динамизм рутины можно обнаружить, когда влечения отсутствуют или встречают на пути препятствия. Например, иногда случается, что мы попадаем в новый город и теряем чувство направления. Мы думаем, что восток — это север, или что север — это юг. Это состояние «перевернутости» досадно и явно не удовлетворяет влечений, но оно сохраняется. Быстро устанавливается система координат, становящаяся для нас рутиной и почти не поддающаяся коррекции. Мы не хотим этого, но не можем избавиться от нее.

¹ Dewey J. Human nature and conduct. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1922. P. 78.

² См.: Piaget J. The moral judgement of the child. N. Y.: Harcourt, Brace, 1932.

В серии экспериментов Маслоу показал, что у людей быстро развиваются предпочтения к произведениям искусства и даже к иностранным именам, которые они раньше встречали. Они считают, что русское имя, раз-другой встречавшееся им раньше, более благозвучно, и нравится им больше, чем совершенно новое русское имя¹.

Предположим, вы присутствуете на конференции, где есть утренние и дневные сессии. Не обнаружите ли вы, что все участники днем садятся на те же места, которые занимали утром? И если конференция продолжается несколько дней, пространственная привычка устанавливается прочно. Эта рутинизация не удовлетворяет влечений, если только желание однообразия (знакомости) само не является влечением.

Гарднер Мэрфи ввел понятие, которое частично (но только частично) пересекается с функциональной автономией. Он называет это *канализацией*². Этот автор указывает, что притяжение знакомого часто тесно связано с удовлетворением влечений.

Мы хотим удовлетворять наши потребности знакомым способом. Большинство из нас ест три раза в день, а не два или пять. Этот ритм приема пищи не является независимым от влечения голода, но определяет его и накладывает на него это выработанное предпочтение. Некоторые люди не могут нормально спать иначе, чем только на одной подушке, на двух подушках или вообще без них. Всем нужен кислород, но некоторые люди — энтузиасты свежего воздуха и любят, чтобы в их спальнях дул сильный ветер; другие предпочитают, чтобы свежий воздух проникал через щелочку. Времена, места и сезоны, которые мы выбираем для еды, питья, выделения и сексуальной активности, высоко индивидуальны и являются очень важными компонентами общего мотивационного паттерна.

Но, строго говоря, такая приобретенная привязанность не является функциональной автономией, ибо всегда присутствует мотив базового влечения. В то же самое время, иногда влечения вообще едва ли могут действовать, если не получают удовлетворения высоко индивидуальные приобретенные вкусы. И потому мы делаем вывод, что понятие канализации в основном принадлежит к теориям «неменяющихся энергий», а не к функциональной автономии, хотя и имеет с последней поверхностное сходство.

Собственная функциональная автономия. До сих пор мы фиксировали свое внимание на относительно «низкоуровневых» процессах, показывающих переход раннего динамизма в более поздний. Последний вырастает из первого, хотя уже от него не зависит. Во всех своих иллюстрациях мы предполагали, что некоторые виды передаточных механизмов или механизмов обратной связи работают на поддержание систем на их нынешнем уровне, даже если эти системы подвергаются внутреннему изменению.

Нам, однако, не удастся объяснить все взрослые мотивы, если мы остановимся на этом. Прежде всего, если бы мы так сделали, итоговая картина личности напоминала бы ремонтную мастерскую, полную механических самозаводящихся хронометров, показывающих разное время. Лич-

¹ См.: *Maslow A. H.* The influence of familiarization on preference // *Journal of Experimental Psychology*. 1937. Vol. 21. P. 162–180.

² См.: *Murphy G.* Human potentialities. N. Y.: Basic Books, 1958.

ность содержит много таких самоподдерживающихся систем, но ее главная энергия — господствующая система мотивации — дает ей больше единства, чем могут дать отдельные персеверативные системы. Следовательно, наше описание не может быть полным, пока мы не свяжем понятие функциональной автономии с проприативными функциями личности. Рассмотрим несколько примеров, относящихся к этому уровню функциональной автономии.

1. *Способность часто превращается в интерес.* Установлено, что люди обычно *любят* делать то, что могут делать хорошо (корреляция между способностями и интересами высока). Но первоначальным основанием для обучения навыку может быть вовсе не интерес. Например, студент, который сначала выбирает область занятий в колледже из-за того, что это требуется, нравится его родителям, или потому что занятия приходятся на удобное время, может в конце концов увлечься темой даже на всю жизнь. Первоначальные мотивы могут быть полностью утрачены. То, что было средством достижения цели, становится целью самой по себе.

Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие.

Важно заметить, что основные жизненные интересы редко ясно формируются и даже определяются в детстве (исключение — музыкальная одаренность).

В одном исследовании старшеклассников было показано, что устойчивость их интересов за трехлетний период (с 10 по 12-й класс) имеет корреляцию, равную только 0.57, тогда как тот же тест показал гораздо более высокую стабильность интересов более чем за двадцатидвухлетний период после окончания колледжа (0.75)¹.

Ясно, что юношеские интересы менее стабильны, чем интересы взрослых. С уверенностью можно сказать, что интересы большинства детей, даже подростков, очень похожи на интересы других детей, а взрослые отличаются уникальностью (индивидуализация). Господствующие страсти взрослых чрезвычайно разнообразны: один поглощен бизнесом и гольфом, другой — религией и искусством. Пожилая женщина выполняет хлопотную работу в доме престарелых, надеясь только на то, что «кто-то помянет ее добрым словом».

¹ См.: *Canning L.* et al. Permanence of vocational interests of high school boys // *Journal of Educational Psychology*. 1941. Vol. 32. P. 481–494; *Strong E.* Permanence of interest test scores over twenty years // *Journal of Applied Psychology*. 1951. Vol. 51. P. 89–91.

Дело не в том, назовем ли мы эти собственные мотивы *интересами*, *чувствами*, *ценностями* или как-то еще. Как бы мы их ни назвали, они являются приобретенными и исключительными. Поскольку порождаемое ими напряжение — иное, чем напряжение исконных мотивов, они, по нашему определению, функционально автономны.

2. *Приобретенные интересы и ценности обладают избирательной силой.* [Далее] мы покажем, что то, что человек воспринимает, запоминает и думает, в значительной мере определяется его проприативными образованиями. По мере возрастания интереса он создает стойкое напряженное состояние, ведущее к соответствующему поведению, а также действует как молчаливый агент, отбирающий и направляющий все то, что к нему относится. Так, люди с сильным эстетическим интересом быстрее реагируют на слова, связанные с этим интересом, чем на слова, относящиеся к отсутствующему у них интересу¹. Просматривая газету, они читают больше статей, относящихся к искусству, чем люди без выраженного эстетического интереса². Такая же избирательная тенденция обнаруживается во всех изученных видах интересов.

3. *Образ Я и стиль жизни — организующие факторы.* Было бы ошибкой думать об интересах как об одной-единственной побудительной силе. Вместе они формируют сложный образ Я (или жизненный стиль), который также функционально автономен. Он развивается постепенно в течение жизни и день за днем направляет и объединяет все (или, по крайней мере, многие) усилия личности.

Я здесь говорю о высших уровнях организации личности. Многие теории личности (особенно те, что постулируют «неизменные энергии») не замечают мотивационной силы образований высокого уровня. Моя позиция такова: низкоуровневые самоподдерживающиеся (персеверативные) системы существуют, но более важный случай функциональной автономии обнаруживается в сложной организации проприума, детерминирующей «общую позицию» зрелой системы.

Важнейший компонент этого главного динамизма — чувство ответственности, которое человек принимает за свою жизнь. То, как человек определяет свою роль и обязанности в жизни, в значительной мере детерминирует его повседневное поведение. (Мак-Дугалл называет этот уровень организации «чувством по отношению к себе», другие называют его «эго-идеалом».)

¹ См.: *Cantril H.* General and specific attitudes // *Psychological Monographs*. 1932. № 192; *Jenkin N.* Affective processes in perception // *Psychological Bulletin*. 1957. Vol. 54. P. 100–127.

² См.: *Cantril H., Allport G. W.* Recent applications of the *Study of Values* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. Vol. 28. P. 259–273; *Engstrom W. C., Power M. E.* A revision of the *Study of Values* for use in magazine readership research // *Journal of Applied Psychology*. 1959. Vol. 43. P. 74–78.

Какие процессы не являются функционально автономными?

Я утверждал, что личностная структура большей частью постинстинктивна: в норме она не детерминируется полностью ни врожденными влечениями, ни ранними юношескими комплексами. В отличие от Фрейда и Адлера, я не считаю, что основы личности обычно закладываются к трем или пяти годам.

Однако не все мотивы функционально автономны. Несколько их видов не могут быть названы таковыми.

1. *Влечения.* С рождения до смерти человек подчиняется биологическим влечениям. Человек должен есть, дышать, спать и выделять, а его тело должно осуществлять бесчисленные гомеостатические приспособления для поддержания тонкого жизненного равновесия. Конечно, выше указывалось, что у большинства влечений развиваются канализирующие их стили выражения; они ищут удовлетворения определенным предпочтительным способом. Но канализация — это не подлинная функциональная автономия. В качестве нашего первого обобщения скажем: если мотив можно проследить до напряжения первоначального влечения, он не служит примером функциональной автономии.

2. *Рефлекторные действия.* Моргание, коленный рефлекс, процесс пищеварения — ни одно из этих действий не должно считаться функционально автономным, хотя все они также проявляют индивидуальные особенности функционирования. Это автоматические реакции, поддающиеся только легкой модификации и приспособленные к специфической стимуляции. Сомнительно, что их вообще можно классифицировать как мотивы.

3. *Конституциональная оснастка.* Некоторые способности и образования лучше рассматривать как фиксированные и неизменные в течение жизни. Мы прежде всего имеем в виду такое «сырье», как *телосложение, интеллект, темперамент*. Можно добавить индивидуальные ограничения телесной силы и здоровья. Сюда же относятся заданные законы развития (такие, как созревание способностей с возрастом, наступление половой зрелости и т.д.). Ничто из этого прямо не является «мотивом», но разумно учитывать их ограничительное влияние на трансформацию мотивов.

4. *Привычки.* Хотя утверждалось, что «привычки, стремящиеся вверх», хорошо соответствуют нашей концепции персеверативной функциональной автономии, неблагоразумно считать привычки в целом примером функционально автономной мотивации. На самом деле, большинство привычек вообще не являются мотивами. Это инструментальные системы, находящиеся на службе у мотивов.

5. *Первичное подкрепление.* Все паттерны поведения, требующие первичного подкрепления, находятся за пределами концепции функциональной автономии.

Маленький соседский ребенок подходит к нашей двери и получает печенье. Он возвращается снова и снова. Приобрел ли он новый (функционально автономный) мотив? Чтобы получить ответ, мы должны отменить печенье. Если ребенок перестанет приходить, это покажет, что его мотивация полностью была связана с его любовью к сладостям. У него не сформировался новый интерес к нам.

Если рабочий делает что-то хорошо только под влиянием похвалы, мы не можем сказать, что мастерство приобрело для него силу мотива. Аналогично, если он получает наследство и совсем прекращает работать, мы смело можем сказать, что для него его профессия была всего лишь внешней привычкой, служащей его потребности зарабатывать на жизнь, а не внутренним функционально автономным мотивом.

Я надеюсь, что теперь ясна моя позиция по «подкреплению». Всякий раз, когда, как в вышеприведенных примерах, форма поведения «затухает» при неудовлетворении первоначального влечения, мы вообще не можем говорить о трансформации мотивов. Функциональной автономии здесь нет. Что касается «вторичного подкрепления», то это объяснение трансформации мотивов смутно и еще слишком привязано к «неизменным энергиям», чтобы дать удовлетворительную теорию роста зрелых интересов.

6. *Инфантилизм и фиксация.* Всякий раз, когда взрослый человек демонстрирует детский или юношеский конфликт, мы не можем говорить о функциональной автономии. Этот человек следует желанию, в основном не изменившемуся с детства.

У девочки двенадцати лет была очень неприятная привычка шлепать губами несколько раз в минуту. В конце концов анализ обнаружил, что восемью годами раньше мать сказала ей, что когда она вдыхает воздух, он «хороший», а когда выдыхает его — воздух «плохой». Эти моралистические понятия огорчили четырехлетнюю девочку, так как из них она поняла, что виновата в том, что делает воздуха «плохим». Глубоко встревоженная, она пыталась совсем не дышать. Потерпев неудачу в этих героических усилиях, она изобрела ритуал целования воздуха, который выдыхала, чтобы «снова сделать его хорошим». Привычка сохранилась, отрицательные эмоции привели к вытеснению воспоминаний о событии; тик остался. Потребовался психоанализ, чтобы вернуть в сознание захороненный конфликт и вылечить тик.

В этом случае поведение в двенадцать лет по существу представляет собой отреагирование нерешенного конфликта четырехлетнего возраста.

Проницательный читатель может спросить: «Не имеем ли мы здесь дело со случаем *персеверативной* функциональной автономии? Похоже, девочка страдает от диссоциированной самоподдерживающейся мотивационной системы». Это хорошее наблюдение. Навязчивые действия типа мытья рук, лицевых тиков, грызения ногтей, чесания, сосания пальца, конечно, действуют как питающие себя системы. Импульсивный акт не завершается, пока не вызовет повторение этого же навязчивого акта. Стоит дать концепции персеверативной функциональной автономии место в теории навязчивых неврозов.

Но есть и серьезная разница. Мы замечаем, что маленькую девочку *вылечили*, когда устранили конфликт восьмилетней давности. Следовательно, ее невротическое поведение не было *первоначально* самоподдерживающимся.

7. *Некоторые неврозы*. Как показывает наш пример, проблема невротического поведения с точки зрения функциональной автономии усложняется. Главное, что нам бы хотелось утверждать — это то, что невротические мотивы не являются функционально автономными, ибо актуальные действия невротичного человека изначально нагружены прошлым. Его поведение преследует эхо прежней жизни. Невротик оказывается не способным адекватно сосредоточиваться на настоящем или будущем. Фрейд научил нас, что корни невроза часто лежат в первых годах жизни.

Но есть и другая сторона картины. Любой невроз — это сложнопереплетенная система маневров, предназначенных для поддержания жизни в сложных условиях¹. Это выученный стиль выживания, и он может рассматриваться без ссылок на прежние неосуществленные потребности. Невротический стиль жизни может жестко установиться и больше не таить в себе прошлых конфликтов. В особенности так называемый «невроз характера» отражает образ Я, плохо соответствующий реальности, но тем не менее стойкий и сохраняющий стилистическое постоянство. Так не является ли он функционально автономным?

Существует по крайней мере теоретическое отличие, которое поможет нам дать ответ. Если в процессе психоанализа пациент оживляет в памяти прошлое (как сделала наша двенадцатилетняя девочка) и узнает, какие вытесненные события создавали проблему, и *если это прослеживание назад обеспечивает исцеление* (потому что пациент видит, что вызвавшему проблему элементу нет места в нынешней мотивационной системе), то невроз *не* был функционально автономным. С другой стороны, если «невроз характера» столь жестко структурирован, что теперь составляет паттерн жизни, и ничто не может устранить его, то у нас нет иного выбора, как признать, что он является приобретенной, функционально автономной мотивационной системой.

Отсюда мораль для психотерапии. Было бы мудро со стороны терапевта научиться определять, облегчать ли симптомы пациента через «движение к корням проблем» или примирять пациента с его собственным сформировавшимся стилем жизни. В первом случае терапевт полагает, что невроз не является функционально автономным. Во втором случае он полагает, что невроз является таковым и с ним лучше справляться посредством переучивания, а не оживления в памяти.

¹ См.: *Angyal A. A theoretical model for personality studies // Theoretical model and personality theory / Ed. by D. Krech, G. S. Klein. Durham (N. C.): Duke Univ. Press, 1952. P. 141.*

На психозы можно посмотреть с той же точки зрения. Некоторые психотические расстройства временны и отражают неуравновешенность в существующих системах мотивации. Нарушение не является функционально автономным. Однако некоторые психически больные полностью не способны справиться со своим существованием и постоянно «переходят в другой мир». Такой пациент принимает иллюзорный паттерн и усеченный диапазон поведения как постоянный стиль жизни, и для него этот новый уровень существования становится функционально автономным. Он «привыкает» к своей болезни и выстраивает свою жизнь вокруг нее.

Наконец, вернемся к случаю политика, идущего по стопам своего отца. Когда мы говорили об этом, то подняли вопрос, является ли его взрослый профессиональный интерес простым невротическим «выражением» его детской идентификации с отцом. Если это так (о чем мы судим по наличию у него компульсивности и ригидности), то этот интерес нельзя рассматривать как функционально автономный. Однако если он уже давно проработал свою юношескую зависимость и теперь интересуется политикой ради нее самой, то мотивация функционально автономна. Мы упоминаем этот случай, чтобы подчеркнуть, что необходимо исследовать каждый конкретный пример, чтобы определить, в какой степени и как в нем может присутствовать функциональная автономия.

8. *Сублимация*. Привычная теория Фрейда считает, что все взрослые мотивы (даже наиболее социально ценимые и идеалистичные) — это «очевидные сублимации» примитивных мотивов секса и агрессии. Врач, художник, миссионер вытесняют свои «желания с отторженной целью»; они находят замену тому, чего *реально* хотят в жизни. Несомненно, «очевидная сублимация» действительно иногда существует, но мы решительно не согласны, что она объясняет *все* мотивы взрослых.

Для доказательства своей точки зрения критики функциональной автономии приводят особые случаи. Один исследователь пишет:

Мой уклон биологический, механистический и фрейдистский. Позвольте мне описать случай, соответствующий моему уклону и, видимо, отрицающий функциональную автономию.

У меня есть друг, который, похоже, сильно мотивирован эстетическими ценностями. Все, что он делает, кажется соответствующим этой хорошо интегрированной мотивационной системе. Он поднимает глаза от внимательно рассматриваемой фотографии безрукой Афродиты и вздыхает: «Ах, если бы нынешние люди были такими». В поисках совершенной подруги он каждый уик-энд проводит с новой девушкой. Как-то, возвратившись с одного такого свидания, он сказал: «Она в порядке, но у нее нет *бюста*». Он любит поэзию. Когда он читает стихи, слова падают из его рта подобно кусочкам мрамора. Он цитирует Ноэля Коуарда. И во многих других отношениях он — эстет высшей пробы. Составляет ли его любовь к прекрасному функционально автономный мотив? Я думаю, нет.

Его зовут Ларс. Его разведенная мать и он крайне преданы друг другу. В конечном счете, его «идеальная девушка» — его мать. Его озабоченность гру-

дами, его «пережевывание и сосание» прекрасных поэтических строк, — все это демонстрирует его желание обладать своей матерью (или вернуться в нее). Эстетизм Ларса невротичен, это просто очевидная сублимация его истинных мотивов.

Если случай в основном таков, как утверждает этот исследователь, нет оснований предполагать, что эстетический стиль жизни Ларса функционально автономен. Он не присущ внутренне его природе, а стоит на службе другого, более сильного и, в лучшем случае, наполовину осознанного мотива.

Вот другой случай, описанный исследователем, также скептически относящимся к функциональной автономии.

Недавно я встретил одного священника и заинтересовался его случаем. Многие говорили мне, что он — человек с единственным мотивом в жизни: собрать деньги на постройку женского монастыря. Пока я не познакомился с ним, я не мог даже вообразить столь всепоглощающее доминирование этого одного мотива во всем его поведении.

Например, я должен был договориться с ним об аренде школьного зала для подростковых танцев. Он спросил, какой процент прибыли он получит для своего проекта монастыря. Я пытался обсудить с ним проблему досуга подростков; его это не интересовало. Я пытался обсудить межрелигиозное напряжение в общине, он и это отмел. На каждый гамбит в разговоре он отвечал: «Сколько я получу на монастырь?»

У него плохие отношения с людьми в городе, ибо он немилосердно преследует их ради денег. В его офисе находится большая картина предполагаемого монастыря, причем она не висит на стене, а стоит на мольберте, так что сразу бросается в глаза. Даже архиепископ, говорят, не очень благоволит этому проекту, потому что священника подозревают в том, что он расходует на свою цель часть приходских денег.

Как же можно объяснить это единство цели? Примем ли мы психоаналитическую интерпретацию, что сексуально подавленный холостяк нашел способ собрать вокруг себя женщин (монахинь)? Можно представить себе валидность этого объяснения, но я сомневаюсь, ибо других свидетельств сексуального интереса в его поведении нет, и он очень стар. Едва ли можно принять и гедонистическое объяснение, ибо он не только непопулярен из-за своей неприятной настойчивости, он в действительности не сильно продвигается вперед. Его поведение скорее наказывается, чем вознаграждается.

Возможно, лучшее, что мы можем сделать — это сказать, что его главенствующая страсть функционально автономна. Но не уходим ли мы тем самым от попыток объяснить его центральный мотив?

В данном случае, как и во многих других, мы просто недостаточно знаем об обсуждаемой жизни, чтобы прийти к ясному решению. С одной стороны, весьма навязчивая природа поведения священника ставит вопрос о том, не присутствует ли здесь невроз навязчивых состояний, приводящий к смещению какого-то желания с заторможенной целью (быть может, сексуального). С другой стороны, многие люди, вроде старого Фауста, нашли свой смысл жизни в каком-то ограниченном проекте схожего масштаба. В жизни этого священника проект может быть просто конкретным фокусом

приложения религиозного мотива и стиля жизни. Может быть, мы должны принять это как способ сведения всех испытываемых им сложных жизненных влияний с его развивающимися потребностями и интересами в уникальном паттерне проприативного стремления. С этой точки зрения его мотив организации монастыря функционально автономен. В данном случае мы действительно не можем сказать, что тут лучше подходит («сублимация» или функциональная автономия), просто потому, что мы недостаточно знаем о жизни этого человека.

Добавим несколько слов относительно жалобы автора наблюдения на то, что доктрина функциональной автономии «даже не пытается объяснить его центральный мотив». Если автор имеет в виду, что он хотел бы исторического объяснения в виде тех шагов в жизни священника, которые привели его к нынешней главенствующей страсти, то мы можем ответить, что не видим препятствий для его попытки реконструировать историю жизни этого человека. Но историческое объяснение — это *не* функциональное объяснение. В самом реальном смысле функционально автономный мотив *и есть* личность. Мы не можем требовать никакой дальнейшей редукции. Сама по себе жизнь есть энергия и «объяснение». Нет нужды, да и возможности смотреть «глубже» — там ничего нет, если мотив функционально автономен.

Однако мы можем связать любой функционально автономный мотив с тотальной системой проприума и раскрыть его относительную значимость для стиля жизни. Функциональная автономия — не «доктрина отчаяния». Скорее это четкая маркировка одного важного и часто игнорируемого аспекта человеческой мотивации.

Резюмируем: если мы имеем дело с сублимацией (очевидной или нет), то это не случай функциональной автономии. С другой стороны, бездоказательное декларирование того, что все интересы взрослого человека — всего лишь маскировка для его подлинных потребностей (главным образом, в сексе и агрессии), выглядит так же неправдоподобно, как химеры.

Степени функциональной автономии. Наше обсуждение прояснило, что не всегда можно определить, коренится ли данный мотив во влечениях, инфантильной фиксации, сублимациях или полностью взрослых формулах жизни. В сущности, мотив может отражать комбинацию сил: детских и взрослых, инстинктивных и намеренных, сознательных и бессознательных, внешних и внутренних. Даже влечения, как мы видели, посредством канализации приобретают новые высоко индивидуальные привкусы. По этим причинам мы не можем заявить, что мотив всегда *либо — либо*. Мы должны учитывать возможность того, что жизненные мотивы могут демонстрировать много степеней чистоты и примесей в том, что касается функциональной автономии.

Следовательно, на вопрос: «Когда это не так?» — не может быть категоричного ответа. Решение можно найти только после интенсивного изучения индивидуальной жизни. На практике часто трудно принять

решение. Однако в принципе мы можем сказать, что *в той степени, в которой нынешний мотив стремится к новым целям (т.е. обнаруживает напряжение иного вида, чем у мотивов, из которых он развился), он является функционально автономным.*

Как возникает функциональная автономия

Наш научный интерес был бы удовлетворен, если бы мы могли дать простой ответ на трудный вопрос: как возникает функциональная автономия. К несчастью, нам это не удастся по двум причинам. Во-первых, нам не хватает знаний о *неврологических процессах*, которые могут быть включены в трансформацию старых и поддержание новых систем мотивации. Во-вторых, у современной психологии нет последовательной теории *природы человека*. Нельзя ясно понять феномен функциональной автономии до тех пор, пока мы не узнаем больше о соответствующих неврологических механизмах и не придем к корректной формулировке целевой природы мотивов.

Поэтому в настоящее время мы попытаемся только сориентировать наш ответ в правильном (как нам кажется) общем направлении. Мы назовем первую группу соображений «квазимеханическими», а вторую группу — «проприативными».

Квазимеханические соображения. Мы обратили внимание на различные персеверативные системы как на относительно низкий уровень функциональной автономии. Эти самоподдерживающиеся системы не исчерпывают диапазон функционально автономных мотивов, но они уже создают сложности для распространенной теории научения. Комментируя это, Миллер пишет:

«...Мы говорим, что сильное приобретенное влечение может не угасать на протяжении многочисленных попыток и, тем не менее, в конце концов угаснуть. Когда к этой возможности добавляются генерализация, подкрепления высшего порядка и переключения с одного аспекта подкрепления на другой, можно увидеть, как трудно в комплексных человеческих ситуациях определить, является привычка на самом деле функционально автономной или нет»¹.

Этот отрывок показывает нам, что *S—R*-теоретики предпочитают по возможности отрицать функциональную автономию, объясняя то или иное явление в привычных для них понятиях *S—R*². К несчастью, эти понятия становятся чрезвычайно туманными, когда применяются к тому, что Миллер называет «комплексными человеческими ситуациями».

¹ Miller N. E. Learnable drives and reward // Handbook of experimental psychology / Ed. by S. S. Stevens. N. Y.: Wiley, 1951. Ch. 13.

² Другие попытки приведены выше, в сноске 1 на с. 51.

Давайте сделаем обзор нескольких релевантных квазимеханических соображений, которые могут быть нам полезны.

1. *Замедленное угашение.* В процитированном выше отрывке Миллер считает, что некоторые устойчивые приобретенные системы реально находятся на пути к угасанию. Так, маленький мальчик, который научился любить рыбную ловлю потому, что эта деятельность связана с получением любви и внимания от отца, может какое-то время сохранять собственный интерес к рыбалке. Но, если этот интерес не подкрепляется вниманием отца, мальчик в конце концов утратит его. Если такое случится, то, конечно, мы должны будем сказать, что интерес мальчика к рыбалке не стал функционально автономным. Мы принимаем это, но хотим обратить внимание на множество случаев, где приобретенные интересы *никогда не угасают*.

В этой связи мы вспоминаем твердо установленный факт, что мотивы избегания, будучи однажды выученными, не поддаются угашению. Этот факт признают представители *S—R-теорий*¹. Дается объяснение, что животное (или человек) «играет наперняка», никогда не позволяя себе повторно оказаться в том положении, в котором оно получило болезненное повреждение (шок, ожог). «Обжегшийся на молоке — дует на воду». У всех нас есть обширный репертуар таких мотивов избегания, и нам нет нужды возвращаться к первому болезненному переживанию, чтобы поддерживать эти мотивы. Они длятся всю жизнь, не угасая.

Теперь давайте сделаем вывод. Если спустя какое-то время приобретенный интерес исчезает (угасает), то мы имеем дело не со случаем функциональной автономии. Но многие случаи «отсроченного угасания» являются, по-видимому, *постоянно отсроченными*, и, следовательно, в них участвует функциональная автономия.

2. *Самоподкрепляющийся контур.* Обратная связь — привычный термин в современной неврологической теории. Он относится к тому факту, что исход ситуации (реакция) посылает обратные нервные импульсы в мозг. Эти обратные импульсы разряжаются на свободных нервных путях и, таким образом, служат поддержанию круговой (или слегка модифицированной) последовательности действия системы². В качестве элементарного примера такого рефлекторного кольца мы уже упоминали младенческий лепет и другие повторяющиеся последовательности действий.

Мы не знаем, насколько постоянной может быть такая система. Мы только можем сказать, что поддержание себя — это базовое неврологическое свойство, лежащее в основании понятия функциональной автономии.

3. *Частичное подкрепление.* Было обнаружено, что деятельности, вознаграждаемые иногда, оказываются более стойкими к затуханию, чем

¹ См.: Solomon R. L., Wynn L. C. Traumatic avoidance learning: the principles of anxiety conservation and partial irreversibility // Psychological Review. 1954. Vol. 61. P. 353–385.

² См. выше сноски 1 на с. 53 и 2 на с. 54, а также: Chang H. T. The repetitive discharge of corticothalamic reverberating circuits // Journal of Neurophysiology. 1950. Vol. 13. P. 235–257.

деятельности, вознаграждаемые всегда. В последнем случае прекращение подачи вознаграждения ведет к немедленной смерти деятельности.

Возьмем пример с животными. Голуби, которых кормят каждый раз, когда включается свет, очень скоро отвыкнут начинать клевать при включении света, если в течение какого-то времени не будут получать корм. Но если их иногда кормят, а иногда нет, привычка сохраняется. Давая такое нерегулярное подкрепление, Ферстер и Скиннер обнаружили, что даже после того, как корм не дается, голуби клюют долго и пылко, в тысячах и тысячах попыток¹.

На уровне человека хороший пример являет азартная игра. Закоренелому игроку нужно выигрывать только *время от времени*. Его страсть поддерживается *надеждой* на выигрыш. Подобным же образом, фактор непредсказуемости улова может поддерживать рвение рыбака.

В случае с голубями мы видим, что «нерегулярное подкрепление» предотвращает затухание, но удовлетворение влечения еще явно присутствует. В случаях игры и рыбалки, с другой стороны, не удовлетворяются никакие известные элементарные влечения. Оказывается, что цели более привлекательны, если их иногда достигают, а иногда — нет. Этот элемент «риска», конечно, очевиден во многих интересах зрелого возраста. Таким образом, наша «азартная игра» на ход поведения может влиять на формирование автономии.

4. *Смесь нового и знакомого*. Возможно, динамические эффекты частичного подкрепления могут быть частным случаем более общего принципа, изложенного Хеббом. Этот автор указывает, что самоподдерживающиеся интересы отражают озабоченность новым, когда оно смешано с уже знакомым². Ученый зачарован новым в комбинации со знакомым; музыкант поглощен разбором новых и более сложных пьес в общих границах своих возможностей; ребенку нравится игрушка, соответствующая некоторым его ожиданиям, но не всем. Овладение искусством ходьбы — захватывающий мотив для ребенка пятнадцати месяцев, ибо он расширяет его способности. Навыки, которыми уже овладели, лишены мотивационного характера. Именно привычка в процессе ее становления (превращение нового в знакомое) обеспечивает нейрофизиологическую систему автономией.

Этот тип центрального мотивирующего состояния (хотя нам не известна его неврологическая природа) хорошо соответствует типу функциональной автономии, который мы называем «персеверация задания». Незавершенные задачи имеют свойство быть навязчиво принудительными (заметим, что некоторые из них никогда не решаются). Исследователи, ученые, искатели конечной религиозной истины ставят себе новые задачи внутри знакомых условий и преследуют свои цели до смерти. Мы

¹ См.: *Ferster C. B., Skinner B. F. Schedules of reinforcement*. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957.

² См.: *Hebb D. O. The organization of behavior*. N. Y.: Wiley, 1949. P. 224–231; см. также сноску 1 на с. 53.

раньше обращались к одной разновидности предпочтения знакомого (рутины), которой отмечена значительная часть нашей мотивационной жизни. Не отрицая этот динамизм, быть может, стоит принять поправку Хебба: мотивирующий характер рутины значительно увеличивается, если она содержит в себе усложняющий стресс новизны.

5. *Главенство фильтров высокого уровня.* Общепринятый неврологический принцип гласит, что организации более высокого уровня отбирают (отклоняют и пропускают) специфические реакции всех типов. Этот принцип сам по себе благоприятствует развитию функциональной автономии.

Это можно проиллюстрировать так. Мы допускаем, что влечение голода присутствует у нас с рождения до смерти. Оно не является функционально автономным. Однако в ходе жизни у нас развилось много специфических путей его канализации (мы будем есть эту пищу, но не ту), а также некоторые очень общие установки по отношению к чистоте, внешнему виду, качеству своего питания. У некоторых едоков развивается крайнее гурманство, у других — удивительно изысканный подход к еде. И теперь каждый раз при возникновении голода эти (явно приобретенные) стили активизируются и определенно контролируют и направляют манеру потребления пищи.

В вышеупомянутой критике функциональной автономии Миллер говорит о «генерализации» и «подкреплении высокого уровня». Нам кажется уместным подумать об этих факторах как о «шлюзах», управляющих приобретением специфических привычек и реакций, а не как о подкреплении конкретных влечений. Ошибка *S—R*-теории лежит в старомодном взгляде на нервную организацию как на сплетение множества специфических влечений и отдельных подкрепляемых привычек. Подобно тому, как физики перестали думать о природе как о сочетании единиц «сантиметр, грамм, секунда», так и современная нейропсихология поворачивается от подкрепляемых конкретных привычек к динамическому неврологическому полю, главенствующему над конкретными привычными реакциями.

В этой связи мы можем обратиться к генетической теории интеллекта Пиаже. Этот автор утверждает, что в течение жизни развиваются новые «схемы» высшего порядка, которые и начинают контролировать наше мышление. Он справедливо утверждает, что более старые схемы остаются как бы «спящими» и часто могут быть использованы вновь. Временами мы «регрессируем» к ним. Но в норме мы предпочитаем работать с вновь приобретенными системами, а не с их предшественниками¹.

6. *Множественные механизмы.* Сверхдетерминированность выживания — еще один принцип поведения млекопитающих: хороший способ адаптации поддерживается многими механизмами. Случись одному механизму потерпеть неудачу, останется дюжина других, которые будут обеспечивать тот же результат. Природа не кладет все яйца в одну корзину. Сле-

¹ См.: Piaget J. The psychology of intelligence. (Transl.) London: Routledge & Kegan Paul, 1950.

довательно, весьма возможно, что функциональная автономия может существовать благодаря и с помощью всех и каждого из тех принципов, на которые мы обратили внимание, а также дополнительных принципов, к которым мы теперь обратимся.

Философия роста: критический вопрос. Прежде чем продолжить наши попытки рассказать, «как образуется функциональная автономия», сделаем паузу и рассмотрим самый главный вопрос всей психологической теории: вопрос о *природе человека*.

Расхожая точка зрения говорит нам примерно следующее: человек — это животное, стремящееся к равновесию. Он состоит из очень многих не согласующихся между собой влечений. Каждое из них само по себе стремится к снижению напряжения. Когда обнаруживается некоторый конкретный способ успешного приспособления (т.е. когда действие вознаграждается), оно усваивается. Таким образом, человек есть сплетение подкрепленных способов реагирования.

Но мы замечаем, что на этом портрете человека отдельные сегменты его существования изображены так, будто они самодостаточны. Мы говорим: «вознаграждается *активность*», а не «вознаграждается *человек*». Мы говорим: «удовлетворяется *влечение*», а не «удовлетворяется *человек*». Мы относимся к каждой системе как к отдельной и не рассматриваем функционирование жизни как целого.

Этот взгляд на человека мы назвали *гомеостатической* теорией¹. Понятие гомеостаза относится к поддержанию или восстановлению «устойчивых состояний» в организме. Поддержание равновесия среди желез внутренней секреции, метаболических систем, биологических влечений и потребностей — это столь тонкое и высокое искусство, что Кеннон говорит о нем как о «мудрости тела»². Но в лучшем случае эта мудрость ведет к обслуживанию существующего порядка.

Многие психологи не видят в человеческой личности ничего сверх этого базового закона. Но сформулировавший его Кеннон не считал, что он объясняет все человеческое поведение. Он писал: «Наряду с существенными потребностями, удовлетворяемыми с помощью гомеостаза, может существовать и тяга к бесценному несущественному»³.

Другими словами, в жизни человек хочет значительно большего, чем здоровое биологическое равновесие и удовлетворение влечений. Приходя домой с работы, усталый и голодный человек хочет пищи и отдыха. Но когда он подзаправился и восстановился, что тогда? Если он здоров, он хочет новой деятельности, обращается к своему хобби, читает увлекательную книгу или выходит вечером в общество.

¹ См.: Stagner R. Homeostasis as a unifying concept in personality theory // Psychological Review. 1951. Vol. 58. P. 5–17; Mowrer O.H. A cognitive theory of dynamics. Review of R.S. Woodworth «Dynamics of behavior» // Contemporary Psychology. 1959. Vol. 4. P. 129–133.

² См.: Cannon W. B. The wisdom of the body. N. Y.: Norton, 1932.

³ Ibidem. P. 323.

То, что Кеннон называет «бесценным несущественным» жизни — самая заметная черта человеческой личности, если только болезнь или полное отсутствие средств не сведут нас к чистому влечению, гомеостатичному, ищущему равновесия уровню существования. Не отрицая истину гомеостаза, мы нуждаемся в жизненно важном дополнении к нему, если собираемся объяснить человеческую мотивацию.

Проприативные соображения. Возвращаясь к функциональной автономии, мы теперь готовы утверждать, что вдобавок к квазимеханическому рассмотрению, предложенному выше в качестве частичного объяснения, нам нужны по меньшей мере три дополнительных принципа, тесно связанных с проприативными функциями личности. Взятые вместе, они равносильны утверждению, что функциональная автономия образуется потому, что она является сущностью или сердцевиной целенаправленной природы человека.

1. *Принцип организации уровня энергии.* Рассмотрим человека, который после хорошего обеда и отдыха оглядывается в поисках новых миров для завоевания. Подобно всем здоровым людям, он должен что-то делать со своей энергией. Если его рутинные мотивы (выживания и удовлетворения влечения) не поглощают все его силы, он будет вынужден «изобретать мотивы». Здоровая женщина, достигшая средних лет и больше не занятая заботой о детях, будет жадно искать, «чем заняться». Такая женщина будет чувствовать себя несчастной, пока у нее не появятся новые интересы — к политике, социальной службе, искусству, учебе или к каким-то подобным целям.

Эта линия мышления не объясняет, как возникает конкретный мотив, но она дает нам важный базовый план для теории приобретенных мотивов. Должны существовать мотивы, потребляющие доступную энергию человека. Если существующих мотивов недостаточно, развиваются новые. Если у бездельничающего подростка нет конструктивных интересов, занимающих его время, он легко переходит к бунту, вандализму или преступлению, чтобы дать выход своей энергии.

Мы говорим: природа человека такова, что новые мотивы *должны* вырастать в здоровой жизни в дополнение к гомеостатическим мотивам, которых явно недостаточно.

2. *Принцип мастерства и компетентности.* Здесь мы ссылаемся на обсуждение мотивационных теорий, постулирующих «изменяющиеся энергии». Некоторые из них полагают, что базовым побуждением в жизни является мастерство («первичность поведения»), которое в разных возрастах принимает разные новые формы. С этим сходны принципы «компетентности» или «адекватности», а также «мотивы роста» и «самоактуализация». Короче говоря, многие теории личности убеждены, что движущая сила человеческой жизни лежит не столько в удовлетворении первичных влечений и их производных, сколько в осуществлении трансакций сверх этого минимального уровня существования.

Проследивая развитие зрелых мотивов, Шарлотта Бюлер указывает на обычно встречаемую последовательность. Во-первых, новые и странные объекты вызывают тревогу (ребенок может быть напуган щелчком выключателя электрической лампы; взрослый может испытывать дезориентацию и тревогу в новом незнакомом городе). Однако вскоре приходит нормальное избавление от тревоги. Затем возникает «потребность знать и контролировать» новый и «опасный» объект или ситуацию. Наконец, наступает конструктивное его использование, позволяющее индивидууму расширить свой прежний диапазон компетентности и контроля. «Другими словами, индивид продвигается от своего приспособления к окружению к приспособлению окружения к себе»¹.

Таким образом, ясно, что многие авторы отрицают «реактивную» точку зрения на человека. У человека есть энергия для использования, пробиравшая путь за пределы потребности реагировать. Прежде всего, у него есть расширяющийся образ себя (концепция того, чем он хотел бы быть), и достижение этой цели во многом или даже в основном направляет его поведение.

3. *Принцип проприативного структурирования.* Концепция функциональной автономии не означает, что в зрелом паттерне каждый мотив автономен от любого другого; она также не означает, что мотивы разлетаются как множество независимых движущих сил вне зависимости от структуры проприума. За исключением определенных изолированных персеверативных систем, функционально автономные мотивы являются высоко проприативными, т.е. прочно коренящимися в Я. По сути, они составляют значительную часть Я <...>.

Таким образом, важная часть нашего ответа на вопрос о том, как образуется функциональная автономия, состоит в том, что этого требует структура Я человека. Молодой человек намеревается стать врачом, человеком мира, политиком или отшельником. Ни одна из этих амбиций не является врожденной. Все это приобретенные интересы. Мы утверждаем, что они существуют *сейчас* не вследствие отдаленного подкрепления. Скорее они существуют потому, что постепенно формирующемуся образу Я требуется именно этот конкретный мотивационный фокус.

Должны ли мы далее сказать, что именно существование Я объясняет функциональную автономию? Этот ответ опасен, так как он подразумевает, что мистический внутренний агент (душа) в конечном счете придает форму динамическим силам жизни. Мы уже высказали сильное неприятие сомнительной процедуры поиска объяснений в терминах отдельного Я.

Мы предпочитаем говорить, что сущностная природа человека такова, что подталкивает к относительной унификации жизни (никогда полностью не достигаемой). В этой тенденции к унификации мы можем распознать много центральных психологических черт. Среди них — поиск человеком ответов на «трагическую триаду» проблем: страдание, вина, смерть. Мы видим также его усилия установить связь со своими

¹ Bühler Ch. Maturation and motivation // *Dialectica*. 1951. Vol. 5. P. 312–361.

ближними и с миром в целом. Мы видим, что он пытается открыть свое особое место в мире, установить свою «идентичность». Как следствие этого поиска (который и есть сама суть человеческой природы) мы отмечаем, что поведение человека в большой степени проактивно, интенционально и уникально для него. В этот тотальный процесс включено чувство самости (образ Я). Однако порождает его не Я (как отдельный субъект). Самость есть отражение этого фундаментального процесса становления.

С этой точки зрения функциональная автономия — это просто способ утверждения, что мотивы человека меняются и развиваются в течение жизни, потому что это заключено в природе человека. Только теоретикам, преданным реактивной, гомеостатической, квазизакрытой модели человека, оказывается трудно с этим согласиться.

Травматические трансформации

Изменения мотивов обычно так постепенны, что нельзя сказать, где исчезает один и появляется другой. Любовь к музыке ради нее самой может лишь постепенно заменить прилежные занятия; религиозное стремление может медленно развиться из религиозной рутины; забота о других может шаг за шагом сменять детский эгоцентризм. Изменения могут действовать так же постепенно, как прилив, поднимающий сидящее на мели судно, пока вдруг оно не окажется на плаву.

Но некоторые трансформации происходят внезапно и имеют далеко идущие последствия. Жизнь может быть перевернута одним решающим событием: обращение святого Павла или Толстого, итальянское путешествие Гёте, заражение Ницше от проститутки. Такие травматические трансформации составляют особый пример функциональной автономии.

Травматические изменения могут относиться либо к персеверативному типу функциональной автономии, либо к проприативному типу. Рассмотрим вкратце оба типа.

Персеверативные травмы. Мы отметили, что мотивы избегания никогда не угасают. Обжегшийся ребенок боится огня *навсегда*. Если страх необычайно глубок и навязчив, мы говорим о *фобии*. У многих людей есть иррациональные, но неискоренимые страхи такого типа.

Ребенка младше трех лет так ужаснул несущийся локомотив, когда он ненадолго отделился от матери, что над всей его жизнью господствовал страх потери безопасности. Став взрослым, он мог отдаляться от своего дома не больше чем на несколько кварталов. С возрастом ситуация ухудшалась. В конце концов этот страдалец (он работал учителем) был вынужден проводить занятия со студентами колледжа у себя дома¹.

¹ См.: Leonard W. E. The locomotive God. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1927. Эта автобиография отличается литературными достоинствами и психологической привлекательностью. О персеверативных неврозах у животных см.: Masserman J. H. Behavior and neurosis. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1943.

Дэвид Леви, детский психиатр, пишет, что «отягощенные тревогой события, согласно моим записям, часто происходят в течение первых двух лет жизни»¹. Дети, которые еще не могут понимать или контролировать свое окружение, находятся во власти пугающих событий. Хирургическая операция, случаи, когда дети «теряются» на улице города, грозовые молнии, необдуманные отвергающие действия со стороны родителей, переезд в новое окружение, смерть в семье — все эти и другие специфические события могут раз и навсегда устанавливать фобические тенденции, возможно, с любопытными ритуалами безопасности со стороны ребенка. И эти системы могут продолжать существовать годами, иногда всю жизнь. Некоторые психиатры (например, О. Ранк) утверждали, что травма рождения — это катастрофическое событие, которое, вероятно, оставляет постоянный шрам на каждом смертном. Можно, однако, усомниться, обладает ли нервная система при рождении достаточной зрелостью, чтобы надолго запечатлеть событие рождения.

Как бы то ни было, разумно согласиться с Леви в том, что в довербальный период жизни ребенок особенно чувствителен к потрясениям, которые он не может ни понять, ни обсудить, ни рационально пережить. Появление нового малыша с вытекающим отсюда чувством ревности, раннее переживание тяжелой утраты или переход в приемную семью — это все готовые поводы для травматических переживаний.

Когда в возрасте примерно шести лет ребенок покидает домашнее убежище и попадает в обстановку школы и площадки для игр, его ждут новые переживания по поводу собственных неудач и насмешек окружающих. Особенно может страдать от беспощадных насмешек других детей хромой ребенок или ребенок с каким-то заметным шрамом (или принадлежащий к группе меньшинств). Такие травмы имеют длительное влияние. Чувствительный ребенок может расти постоянно больным, или у него возникает чувство неполноценности, которое продолжается всю жизнь, даже если он достигает в последующие годы оглушительного успеха. Это все примеры «персеверативной функциональной автономии», вызванной острыми «психологическими ранами», причиненными определенными, поддающимися датировке событиями.

В жизни американского мальчика особенно важен пубертатный период, когда он должен начать двигаться по восходящей лестнице возмужания. Он должен преодолеть критический «барьер маменькиного сынка». Быть может, драка на кулаках, состязание по ходьбе, взрослая стрижка или какой-то отважный поступок помогут ему достичь цели. Если это произойдет, то перед ним откроется жизнь «нормального мальчика». Если барьер не был успешно преодолен, может произойти радикальное изменение в жизни, начнут развиваться новые виды компенсации, новый образ Я.

¹ Levy D. M. On evaluating the «specific event» as a source of anxiety // Anxiety / Ed. by P. H. Hock, J. Zubin. N. Y.: Grune & Stratton, 1950.

Вскоре возникают новые требования от группы сверстников, включая взаимоотношения с противоположным полом. Развиваются религиозные интересы. Переживания успеха и неудачи, угрызений совести и вины, обращения, детской любви могут быть крайне важны. Это новые миры, которые надо завоевать, экзамены в колледже, которые надо сдать, профессия, которую надо выбрать, средства к существованию, которые надо заработать. На всех этих критических стадиях возможна встреча с травматическим переживанием.

Во взрослые годы шок, вызванный неудачей в бизнесе, болезнью, тяжелой утратой, также может привести к быстрым и глубоким изменениям. Однако, как правило, после тридцати лет личность гораздо меньше подвержена внезапным потрясениям, чем до этого возраста. Больше всего критических и резких перемен происходит в подростковом возрасте.

Не надо думать, что все изменения в жизни отмечены какими-то травмами. Напротив, в большинстве случаев жизнь меняется постепенно, хотя все люди могут указать на живые и впечатляющие эмоциональные переживания. На самом деле, невозможно провести резкую границу между травматической и постепенной трансформацией.

В одной группе автобиографий, собранных у студентов колледжа, оказалось, что более 10 % описали отчетливо травматические события, внезапно трансформировавшие большую область их личности. На прямой вопрос 48 % заявили, что у них имелись необычные впечатляющие эмоциональные переживания, но в редких случаях они приводили к внезапной переориентации жизни.

Собственные травмы. Как мы отметили, отдельное волнующее событие может создать некоторую доминирующую персеверативную систему (фобию, отвращение, ритуал). Но такие события могут также положить начало смещению центра образа Я и тем самым повлиять на эволюцию функционально автономных проприативных состояний. Некоторые травмы просто замораживают страхи и ограничивают рост, другие меняют направление развития.

Антрополог Рут Бенедикт рассказывала, что ее отец умер, когда ей было всего лишь два года. Каким-то образом, несмотря на горе, трагическая сцена у гроба отца дала ей впечатление, что мир смерти — мирный и красивый. Позже, в возрасте шести лет, она рассматривала свое потайное место в стоге сена как свою «могилу». Она пишет: «...Меня озаарило — я поняла, что всегда и без проблем могу быть сама с собой, и что если я никому не расскажу о вещах, которые для меня важны, никто не сможет отнять их у меня. Я думаю, это было фундаментальным знанием, которым я жила до тридцати пяти лет...»¹.

Из этих эпизодов двух- и шестилетнего возраста Рут Бенедикт выковала свой стиль жизни на много лет. Следующие два эпизода имеют дело с травматическими переживаниями в школе и колледже.

¹ Цит. по: An anthropologist at work / Ed. by M. Mead. N. Y.: Basic Books, 1959. P. 102.

Женщина, которой сейчас шестьдесят лет, прослеживает свою неизменную преданность поэзии в значительной степени до эпизода на уроках по Вергилию в средней школе. Она выполняла обычный перевод, трудный и скучный. Учитель, в сотый раз пытаясь придать смысл задаче, спросил, как отрывок был бы выражен в Библии. К счастью, она уловила ссылку и сказала: «Склони твое ухо к моей мольбе». И именно в этот момент ее буквально озарило необыкновенно сильное переживание красоты поэзии. Это чувство к поэзии она пронесла через всю жизнь.

Некий новичок в колледже, пришедший из семьи с низкой культурой, высокомерно презирал всяческую интеллектуальную деятельность. Он был плохо подготовлен к колледжу, непривычен к учебе и чудовищно безграмотен. Особые трудности у него были в курсе английского сочинения. Однажды, когда преподаватель в очередной раз устало бранил его, мальчик в очередной раз огрызнулся: «Я не люблю английский, никогда не любил и никогда не полюблю». Но настойчивый учитель скучающим тоном сказал: «Сейчас я говорю не об английском, а о твоей жизни». Эффект был совершенно ошеломляющим. Удар каким-то образом попал в цель. Парень не только изменил свою манеру поведения, но увлекся предметом, получил высокие оценки, вступил в общество «Фи Бета Каппа» и в конце концов стал учителем английского.

Нет нужды говорить, что принятие и использование таких травматических переживаний должно быть как-то подготовлено. Происходит, по-видимому, то, что старые материалы в личности внезапно перегруппировываются и обретают новое значение. Уильям Джеймс говорил об эффективных религиозных обращениях как об «изменении центра» жизни. Это понятие хорошо описывает то, что, наверное, происходит во всех случаях травматических трансформаций.

Резюме

В этой длинной главе много о чем говорилось. Утверждалось, что простая гомеостатическая теория мотивации неадекватна. Утверждалось также, что мы не можем понять роль, которую играют взрослые мотивы, просто проследив их назад до их происхождения в детстве. Различия между юными и взрослыми мотивами громадны.

Явление трансформации мы называем *функциональной автономией*. Это понятие относится к любой приобретенной системе мотивации, напряжения в которой отличаются по своей природе от тех, из которых развилась эта приобретенная система.

Некоторые функционально автономные системы являются персептивными, т.е. локальными самоподдерживающимися системами; однако другие имеют отношение к центральным тенденциям жизни и должны рассматриваться в контексте развития проприума, как характеристики самой природы человека. Таким образом, в функциональной автономии участвуют как квазимеханические, так и проприативные функции. Большинство трансформаций происходит постепенно, но некоторые внезапны и травматичны.

③ *Примеры исследований базовой мотивации отдельных видов деятельности*

**Г. Глейтман,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг**

МОТИВАЦИЯ¹

Гомеостаз

Декартовский взгляд на поведение был сосредоточен на факторах внешней среды: стимулах, которые воздействуют на наши органы чувств, и реакциях, которые развиваются в наших мышцах. Спустя примерно 200 лет после Декарта другой француз, психолог Клод Бернар (1813—1878), обратил внимание на то, что любой организм имеет не только внешнюю среду, но также и внутреннюю — организм обладает собственной жидкой средой. Как отмечал Бернар, даже при значительных колебаниях параметров внешней среды эта жидкая среда остается устойчивой и постоянной — в концентрации солей, уровне кислорода в крови, количестве питательных веществ типа глюкозы, уровне pH (кислотности). Кроме того, многие животные (включая всех птиц и млекопитающих) сохраняют относительно постоянную температуру тела.

В здоровом организме значения всех этих показателей колеблются в очень небольших пределах. И, разумеется, они должны оставаться в этих пределах, потому что иначе организм подвергнется серьезной опасности. У здорового человека, например, минимальная концентрация глюкозы в крови должна составлять 75—140 мг на 100 см³. Уменьшение концентрации глюкозы ниже этого порога вызывает истощение, болезни глаз и почек, сердечные приступы и параличи, а иногда приводит и к летальному исходу. Эти примеры внутреннего баланса отражают процесс поддержания гомеостаза (стабильного состояния), процесс, настолько впечатляющий

¹ Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 86, 89, 94–119, 128–136.

своей сложностью и эффективностью, что иногда о нем говорят как о выражающем «мудрость тела»¹.<...>

Жажда

<...> Рассмотрим ситуацию с запасом воды в организме, который является жизненно важным аспектом его нормального функционирования. Мы постоянно теряем воду: регулярно — вместе с мочой, потом и калом, при выдохе; периодически — при рвоте и кровотечении. Таким образом, нашему организму необходимо тщательно отслеживать все потери воды и при необходимости принимать меры для их восполнения, а также задерживать воду, когда ее запас недостаточен. Как организм определяет, что ему необходима вода? Здравый смысл подсказывает, что таким показателем служит сухость во рту. Но оказывается, что это лишь один из симптомов жажды. Эксперимент, в котором крысам вживлялись трубки, через которые вода откачивалась из их желудков с той же скоростью, с какой она туда поступала, показал, что крысы продолжали пить воду несмотря на то, что их пасти были хорошо увлажнены².

Наш организм обладает еще двумя независимыми характеристиками внутреннего водного баланса. Первый — объем воды, находящейся внутри клеток. Второй — объем воды, циркулирующей вне клеток, например, в слюне, крови, лимфе, цереброспинальной жидкости. Каждая из этих характеристик нашего водного баланса — внутриклеточная и внеклеточная — управляется своим собственным комплектом индикаторов и обладает своим набором средств для поддержания гомеостаза.

Объем внеклеточной воды

Рецепторы, определяющие объем внеклеточной воды, расположены по всему телу. Основные из них расположены в сердце и окружающих его сосудах. Они фиксируют снижение кровяного давления, которое происходит при уменьшении общего объема воды в организме. Эти рецепторы отправляют по своим аксонам сигнал в мозг, который направляет деятельность организма на восстановление нормального кровяного давления. В основном это происходит при помощи гормона под названием *вазопрессин* (иногда его называют антидиуретическим гормоном), вырабатываемого гипоталамусом и выделяемого в кровь через гипофиз. Вазопрессин вызывает сужение сосудов, что ведет к повышению давления; он также дает сигнал почкам удерживать воду, а не выделять ее.

¹ См.: Cannon W.B. The Wisdom of the Body. N.Y.: Norton, 1932 and 1960 (revised and enlarged).

² См.: Blass E.M., Hall W.G. Drinking termination: Interactions among hydrational, orogastric and behavioral controls in rats // Psychological Review. 1976. Vol. 83. P. 356–374.

Рецепторы давления оказывают влияние на поведение животных, что продемонстрировал опыт на собаках, которым в вену, ведущую к сердцу, вставляли маленький баллончик. Когда этот баллончик накачивали, собаки начинали жадно пить воду. Баллон препятствовал притоку крови к сердцу, вызывая спад давления, и рецепторы давления подавали в мозг сигнал о жажде¹.

Другие рецепторы, расположенные в почках, также определяют внеклеточный объем воды. Они опосредованно передают информацию в мозг, варьируя количество выделяемого в кровь гормона *ангиотензина II*. Попадая в мозг, он воздействует на рецепторы, расположенные перед гипоталамусом и в других областях, прилегающих к наполненным жидкостью полостям мозга². При введении в кровь или непосредственно в мозг ангиотензин II становится сильнодействующим и немедленным стимулятором к потреблению воды.

Объем внутриклеточной воды

Еще одна группа рецепторов следит за уровнем воды внутри клеток организма. Эти рецепторы чувствительны к биохимическому процессу осмоса (уравновешивания концентрации ионов в двух полостях), поэтому они называются *осморецепторами*. Роль осморецепторов видна в экспериментах, в которых крысам в область гипоталамуса или вокруг него вводились маленькие капельки соленой воды; сразу после инъекции крысы начинали пить: повышение концентрации ионов натрия в жидкости вокруг клетки приводило к тому, что вода выделялась из клетки в процессе осмоса (рис. 1). Это, в свою очередь, приводит к некоторому сплющиванию клетки и возбуждению осморецепторов³.

Зачем организму столько различных систем, контролирующих объем воды? Здесь, как и в случае с терморегуляцией, естественный отбор обеспечил нас многоуровневой защитой, так что если одна система нарушится, ее функции возьмет на себя другая. И, так же как и при терморегуляции, внутренние компенсаторные механизмы могут лишь восстановить внутренний баланс. По существу же, коррекционные меры должны включать некоторые действия, посредством которых организм

¹ См.: *Fitzsimons J.T., Moore-Gillow M.J.* Drinking and antidiuresis in response to reductions in venous return in the dog: Neural and endocrine mechanisms // *Journal of Physiology*. 1980. Vol. 307. P. 403–416; *Rolls B.J., Rolls E.T.* Thirst. N.Y.: Cambridge University Press, 1982.

² См.: *Epstein A.N., Fitzsimons J.T., Rolls B.J.* Drinking induced by injection of angiotensin into the brain of the rat // *Journal of Physiology*. 1970. Vol. 210. P. 457–474; *Rosenzweig M.R., Leiman A.K., Breedlove S.M.* Biological Psychology. Sanderland, Mass.: Sinauer, 1996.

³ См.: *Blass E.M., Epstein A.N.* A lateral preoptic osmosensitive zone for thirst in the rat // *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1971. Vol. 76. P. 378–394; *Rolls B.J., Rolls E.T.* Thirst. N.Y.: Cambridge University Press, 1982.

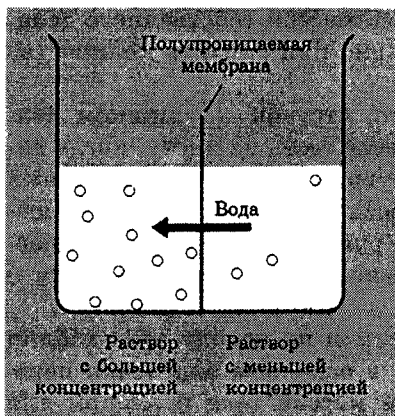

Рис. 1. Обезвоживание в процессе осмоса

Если два раствора разделить полупроницаемой мембраной, которая свободно пропускает воду, но не пропускает вещества, растворенные в воде, то происходит отток воды из области с меньшей концентрацией в область с большей

вступает в контакт с внешним миром. В ситуации жажды эти действия заключаются в потреблении воды — взрослый человек выпивает, в среднем, 2—3 литра в день.

Мы столкнемся с еще большим количеством дублирующих систем, когда обратимся к следующему процессу саморегуляции: поддержанию необходимого запаса питательных веществ с помощью пищи.

Голод

<...> Всем животным необходимо есть, и большая часть их жизни вращается вокруг пищи — ее поиск, охота за ней, ее поглощение и приложение максимальных усилий к тому, чтобы не стать пищей для других. Все эти действия, безусловно, имеют жизненную важность для поддержания гомеостаза, поскольку пополняют запас питательных веществ во внутренней среде организма. Какие же механизмы заставляют животное есть и прекращать прием пищи?

Исследования современной психологии

Не слишком ли я полный?

Огромное число людей считают себя слишком полными. Исследования показывают, что в США в любой период времени 40% женщин и 25% мужчин пытаются похудеть¹. Для большинства из них диета —

¹ См.: National Institutes of Health. Methods of voluntary weight loss and control // Technology Assessment Conference Statement, March 3–April 1, 1992. Washington, D.C.: NIH Office of Medical Applications Research, 1995.

наиболее предпочитаемый способ контроля за массой собственного тела, который состоит в том, чтобы или есть меньше, или снизить количество потребляемых калорий.

Что мы имеем в виду, говоря о ком-то, что «он — слишком полный»? Многие люди считают, что пришло время сесть на диету, когда видят, что одежда стала для них тесной. Другие пользуются таблицами «идеальной массы» для мужчин и женщин разного роста, другими подобными таблицами в страховых компаниях и других учреждениях. Согласно этим таблицам многие люди действительно имеют лишнюю массу и должны сбросить несколько килограммов.

Однако мнение врачей по этим вопросам и по поводу этих таблиц существенно изменилось в последние годы, в основном благодаря переменам в отношении к связи между лишней массой тела и риском для здоровья. В настоящее время имеются данные о том, что не существует риска, связанного с небольшим превышением массы (до 20% сверх нормы). Даже для умеренно полных людей (8—12 кг сверх нормы) риск для здоровья остается незначительным¹. А как насчет людей, которые еще тяжелее? Они действительно имеют прогноз более короткой жизни, чем худые люди, но это, скорее всего, результат их физической малоподвижности, а не лишней массы. Полные люди, ведущие физически активный образ жизни, живут так же долго, как и худощавые люди². <...>

Эти обстоятельства побудили Национальный институт здоровья (НИЗ) в 1998 году выпустить новые нормативы. Эти нормативы базируются на индексе массы тела (ИМТ), формула которого определяет соответствующую массу, ориентируясь только на рост человека, без учета его пола и возраста. Для расчета ИМТ берут массу человека в килограммах, делят ее на рост в метрах, возведенный в квадрат. Оптимальное значение ИМТ равно 25. Если полученный результат колеблется в пределах от 25 до 30, человек имеет лишнюю массу тела; если результат превышает 30, человек страдает ожирением. Согласно статистике НИЗ, оптимальная масса тела для человека ростом 153 см составляет 57 кг; ростом 163 см — около 66 кг, ростом 173 см — 75 кг, ростом 183 см — 84 кг.

Что вам следует делать, если индекс массы вашего тела превышает оптимальный? НИЗ дает несколько неожиданную рекомендацию: если вы не превышаете свою норму более чем на 12, то не набирайте больше массу, но в то же время бросьте свои диеты, потому что лучший выход — это сохранить свое теперешнее состояние!

¹ См.: *Andres R.* Influence of obesity on longevity in the aged // *Borek C., Fenoglio C.M., King D.W.* (Eds.). *Aging, Cancer, and Cell Membranes*. N.Y.: Thieme-Stratton, 1980. P. 230–246.

² См.: *Kampert J.B., Blair S.N., Barlow C.E., Kohl H.W.* Physical activity, physical fitness, and all-cause and cancer mortality: A prospective study of men and women // *Annals of Epidemiology*. 1996. Vol. 6. P. 452–457.

Что рационального в таком совете? Риск для здоровья, связанный с лишними 12 килограммами, незначителен. Но если вы все же постараетесь похудеть, то вы, скорее всего, в скором времени вновь вернетесь к прежней массе, так что польза будет очень кратковременной. В одном исследовании пациенты проходили курс специальной диеты. В среднем, пациенты теряли 84% своей лишней массы, но в течение последующих двух с половиной лет они вновь набрали 80% от той массы, которую сбросили. В другом исследовании группа пациентов снизила массу в среднем на 25 кг, но 50% из них вернулись к исходной массе в течение трех лет, а через девять лет 90% из этой группы снова вернулись к прежней массе. В сущности, идентичные результаты были получены и в отношении всех других диет, по которым проводились исследования¹.

Почему так происходит? Ваше тело имеет свою собственную точку критической массы <...>, и, когда вы садитесь на диету, оно «стремится» к тому, чтобы сохранить этот уровень, разрушая результаты любых диет. Кроме всего прочего, ваш организм начинает более продуктивно использовать те калории, которые вы потребляете. Одно из исследований было посвящено изучению группы людей, достигших в результате диеты желанной массы. Чтобы поддерживать ее, им приходилось ограничивать калорийность пищи до 1298 калорий в день. Контрольная группа потребляла 1950 калорий в день для поддержания той же массы².

Приспособительные реакции организма требуют от человека, чтобы, садясь на диету, он всегда был начеку, если хочет сохранить свою новую форму. Если он расслабится, то эти же приспособительные реакции сделают более сложным снижение массы во второй раз, и еще более сложным — в третий раз, даже если диеты (количество и калорийность потребляемой пищи, уровень физической активности) будут идентичными³.

Эти факты помогают объяснить повсеместно наблюдаемый замкнутый круг: диета — возврат к исходной массе — снова диета; эта схема сама по себе может представлять угрозу для здоровья⁴. Множество проблем со здоровьем, включая сердечные приступы и параличи, связаны с проблемами лишней массы⁵.

¹ См.: Seligman M.E.P. What You Can Change and What You Can't. N.Y.: Knopf, 1993.

² См.: Geisler C., Miller D., Shah M. The daily metabolic rate of the post-obese and the lean // American Journal of Clinical Nutrition. 1987. Vol. 45. P. 914–920; Blackburn G., Wilson G., Kanders B. et al. Weight-cycling: The experience of human dieters // American Journal of Clinical Nutrition. 1987. Vol. 49. P. 1105–1109.

³ См.: Brownell K.D., Greenwood M.R.C., Stellar E., Shrager E.E. The effects of repeated cycles of weight loss and regain in rats // Physiology and Behavior. 1986. Vol. 38. P. 459–464.

⁴ См.: Carlson N.R. Physiology of Behavior. Boston: Allyn and Bacon, 1991.

⁵ См.: Hamm P., Shekelle R., Stamler J. Large fluctuations in body weight during young adulthood and the twenty-five year risk of coronary death in men // American Journal of Epidemiology. 1989. Vol. 129. P. 312–318.

Короче говоря, полнота — в некоторых пределах — не ведет к проблемам со здоровьем, а вот диета, скорее всего, — ведет! Означает ли это, что люди должны бросить свои разгрузочные дни и выкинуть таблицы калорийности? Вероятно, нет, потому что, в конце концов, стремление к снижению массы тела обусловлено больше социальными и этическими требованиями, чем заботой о здоровье. К тому же силы, утверждающие в обществе представления об идеальном сложении — это силы чрезвычайно мощные, и поэтому очень трудно для любого человека — с лишней массой или с нормальной — даже просто принять свое тело таким, какое оно есть. Люди могут понимать, что созданное обществом представление об идеале — вовсе не святыня и нет такого закона (и даже медицинского предписания), требующего от каждого человека соответствия этому идеалу. Но эти знания — прозрачная ширма, которая не может заслонить людей от мира, наполненного социальными стандартами и рекламными моделями, утверждающими торжество худосочности, которая для большинства из нас противоестественна и, вероятнее всего, нездорова¹.

Масса тела, питание и энергия

В процессе пищеварения питательные вещества извлекаются из пищи и дают организму энергию, которая снабжает его теплом, дает возможность мышцам сокращаться и поддерживает все жизненно важные функции². Животные, имеющие крупный головной мозг, выделяют значительную часть своей энергии — до 20% — на поддержание резервного потенциала нейронов.

Животные в значительной степени различаются по скорости «сжигания» пищи, т.е. по скорости базального метаболизма — добыче энергии и необходимых «строительных» материалов для организма. Эндотермальным животным, для которых характерен быстрый метаболизм и которые едят почти постоянно, требуется больше пищи, чем эктотермальным, которые могут не есть иногда неделями или месяцами. К тому же мелкие животные в основном имеют большую скорость метаболизма, чем крупные, что означает, что им требуется больший (пропорционально массе) объем пищи.

При достаточном наличии еды взрослые животные обычно съедают именно столько, сколько требуется для удовлетворения насущной потребности в питательных веществах и поддержания примерно постоянной массы тела. Примечательно, что «именно столько» в данном случае относится не к количеству съеденной пищи, а к количеству калорий, т.е.

¹ Подробнее см.: *Smith C.A. Women, weight and body image // J.C. Chrisler, C. Golden, P.D. Rozee (Eds). Lectures on the Psychology of Women. N.Y.: McGraw-Hill, 1996.*

² См.: *Rosenzweig M.R., Leiman A.K., Breedlove S.M. Biological Psychology. Sanderland, Mass.: Sinauer, 1996.*

к потенциальной метаболической энергии, содержащейся в еде. Это было продемонстрировано в эксперименте, где исследователи варьировали уровень калорийности пищи для крыс, добавляя в нее низкокалорийную клетчатку. Чем больше добавок было в пище, тем большее количество ее съедалось, при этом общая сумма потребленных калорий оставалась примерно постоянной¹.

Но что происходит, когда пища недоступна? Здесь также проявляется действие закона гомеостаза: у животных немедленно замедляется скорость метаболизма и снижается уровень активности, так что основные потребности организма продолжают удовлетворяться и нормальная масса тела поддерживается настолько долго, насколько это возможно². Чуть ниже мы рассмотрим явное влияние этого процесса на людей, сидящих на диете.

Сигнал к еде

Что лежит в основе чувства голода и желания поесть? Когда мы чувствуем себя сытыми и прекращаем трапезу? Большинство из нас не встает на весы, чтобы определить количество пищи, которое необходимо съесть (и, разумеется, этого никогда не делают животные). Вместо этого мы поддерживаем нормальную массу своего тела, полагаясь на множество внутренних сигналов, говорящих о состоянии питательных запасов нашего организма. Некоторые из этих сигналов показывают состояние кратковременных источников энергии, используемых при возникновении опасности и других всплесках активности, другие — состояние долгосрочных источников, необходимых при длительном напряжении.

Сигналы из печени

Основным источником информации о потребности в восполнении питательных веществ является печень, которая выполняет важнейшую функцию определения и контроля основного питательного элемента, используемого для кратковременных затрат энергии: глюкозы.

Сразу после приема пищи глюкоза поступает в кровь. Некоторая ее часть сразу же используется организмом, а другая превращается в *гликоген* (часто называемый животным крахмалом) и различные жирные кислоты, которые сохраняются для последующего употребления. Этот процесс идет в обратном направлении, когда организм испытывает потребность в этой законсервированной энергии. Тогда гликоген и жирные кислоты превращаются в необходимую глюкозу.

¹ См.: *Adolph E.F.* Urges to eat and drink in rats // *American Journal of Physiology*. 1947. Vol. 151. P. 110–125.

² См.: *Keesey R.E., Powley T.L.* The regulation of body weight // *Annual Review of Psychology*. 1986. Vol. 37. P. 109–134.

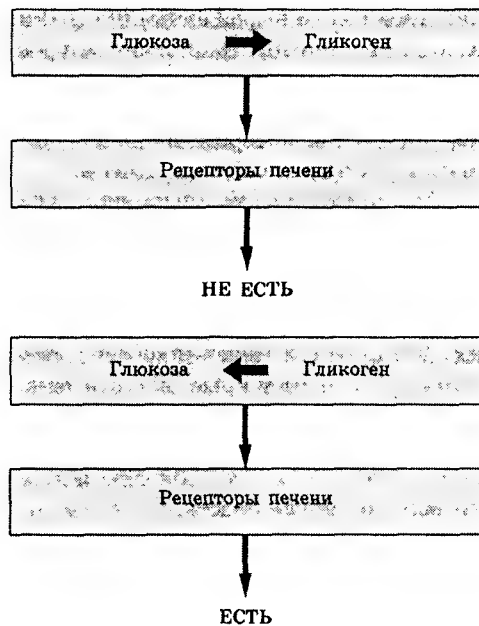

Рис. 2. Связь глюкозо-гликогенового баланса с печенью и питанием

Печень управляет этим двусторонним процессом и информирует другие органы о том, в каком направлении происходит метаболизм — глюкоза перерабатывается в гликоген и жирные кислоты или наоборот. Если организм начинает откладывать запас (наличие превышает потребность, поэтому излишек может быть переработан в гликоген), печень посылает сигнал о насыщении и животное прекращает есть. Если организм осуществляет воспроизводство глюкозы (потребность превышает наличие, поэтому используются резервы), печень передает сигнал о голоде и животное начинает есть (рис. 2). Роль печени видна в эксперименте с голодными собаками, которым делали инъекцию глюкозы. Когда глюкозу вводили в вену, ведущую непосредственно к печени, собаки прекраща-

ли есть. Когда глюкозу вводили в вену, ведущую к другой области, соответствующего эффекта не наблюдалось¹.

Заметим, однако, что эта система регуляции должна действовать со значительным опозданием. Представьте, что печень до тех пор не дает сигнала к началу еды, пока уровень глюкозы в крови не опустится. Поскольку пищевой метаболизм — процесс медленный, будет достаточно большой разрыв между моментом подачи сигнала «нужна глюкоза!» и моментом, когда необходимое пополнение поступит. Эта ситуация может быть опасной для организма, и поэтому должна быть исключена. Печень должна предвосхищать будущую потребность организма, следовательно пища должна поступать заранее.

Как же печень определяет нужное время? Это происходит при помощи сигналов, информирующих ее о повышении и понижении уровня глюкозы в крови: когда пища не поступает в организм в течение некоторого времени, этот уровень начинает падать. До того как этот уровень упадет слишком низко, печень начинает извлекать гликоген из запаса и

¹ См.: Russek M. Hepatic receptors and the neurophysiological mechanisms controlling feeding behavior // *Neurosciences Research*. Vol. 4. / S. Ehrenpreis (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1971; Friedman M.I., Stricker E.M. The physiological psychology of hunger: A physiological perspective // *Psychological Review*. 1976. Vol. 83. P. 409–431.

перерабатывать его в глюкозу. В результате уровень глюкозы в крови возвращается к норме. Этот процесс имеет ярко выраженные признаки: вслед за постепенным снижением уровня глюкозы, продолжающимся обычно достаточно долго, следует резкий скачок, причиной которого является компенсаторная деятельность печени.

Эта симптоматика медленного спада — быстрого роста не означает, что запас энергии исчерпан; она показывает, что организм использовал свои резервы и что наступило время пополнить их. Когда эти изменения уровня глюкозы происходят у крыс, животные начинают есть¹. Когда это происходит с людьми, они также говорят, что голодны и хотели бы что-нибудь съесть.

Внутренние сигналы

Мозговые рецепторы. Печень — лишь один из компонентов в системе, регулирующей прием пищи. Многие исследователи считают, что и сам мозг содержит клетки, чувствительные к уровню глюкозы в крови, и концентрируются эти клетки в структуре, так много значащей для процесса гомеостаза, — в гипоталамусе. Доказательства существования таких рецепторов были получены в эксперименте, в котором гипоталамус подвергли химической обработке, в результате чего его клетки стали невосприимчивыми к глюкозе. Это привело к чрезвычайному обжорству. Возникшее в результате обработки «молчание» рецепторов было расценено мозговыми механизмами как показатель энергетического дефицита, что и привело к необходимости срочно поесть².

Желудочные рецепторы. Мы выяснили, почему животные начинают есть. Но что заставляет их остановиться? Мозговые рецепторы не могут быть причиной, так как они реагируют на недостаток глюкозы в крови, который не может быть устранен до того, пока пища хотя бы частично не переварится. Однако животные прекращают есть задолго до этого. Почему?

Распространенное мнение, что мы едим, пока не наполним желудок, верно лишь отчасти. Животное перестанет есть, когда его желудок наполнен лишь частично, если пища была калорийной, и оно будет продолжать есть, если желудок наполнен некалорийной массой того же объема. Это означает, что стенки желудка имеют рецепторы, чувствительные к питательным веществам, растворенным в пищевой массе. Эти рецепторы посылают сигнал в мозг о том, что норма питания получена, а следствием является чувство сытости³.

¹ См.: *Campfield L.A., Smith F.J.* Transient declines in blood glucose signal meal initiation // *International Journal of Obesity*. 1990. Vol. 14. P. 15–33.

² См.: *Miselis R.R., Epstein A.N.* Feeding induced by 2-deoxy-D-glucose injections into the lateral ventricle of the rat // *Physiologist*. 1970. Vol. 13. P. 262.

³ См.: *Deutsch J.A., Puerto A., Wang M.L.* The stomach signals satiety // *Science*. 1978. Vol. 201. P. 165–167.

Импульсы жировой ткани. Поскольку животное не может быть уверено, что пища будет в наличии в следующий раз, когда понадобится энергия, оно удовлетворяет не только сиюминутную потребность в еде. Оно потребляет пищу в количестве, достаточном как для текущих нужд, так и для создания питательного потенциала на будущее. Для создания запаса животные используют жировые клетки своего организма. Эти клетки усваивают жирные кислоты, выработанные печенью, и за счет этого растут. При необходимости жирные кислоты выделяются из жировой ткани в кровь и перерабатываются в глюкозу.

Хотя жировая ткань рассматривалась обычно как пассивный запас, теперь выяснилось, что жировые клетки также влияют на чувство голода. Они производят вещество, называемое лептином, которое выделяется в кровь и оказывает действие на рецепторы гипоталамуса и областей, прилегающих к кровеносным сосудам мозга¹. Некоторые ученые предполагают, что лептин производит сигналы, говорящие о том, что жира в запасе достаточно и нет нужды его пополнять, и это, возможно, уменьшает потребность в пище. Тот факт, что определенные виды мышей, для которых характерно врожденное ожирение, значительно теряют в весе при инъекциях лептина, подтверждает эту гипотезу². Исследователи предполагают выяснить действие лептина на гипоталамус, а также определить, могут ли лептин и его близкие заменители быть полезными при лечении некоторых видов ожирения у людей.

Сигналы из окружающей среды

Люди и животные питаются, чтобы сохранить гомеостаз; другими словами, они едят, когда организм требует пищи. Но они едят и побуждаемые другими причинами. Например, внешние раздражители, скажем, запах жареного мяса, может быть весьма сильным побудителем к началу еды. Важное значение имеет и время суток: организм более настроен на еду в привычное время. Курица, уже насытившаяся зерном, продолжает клевать его, если кормится рядом с другими курицами, которые еще голодны³.

¹ См.: Maffei M., Hallaas J., Ravussin E. et al. Leptin levels in human and rodent: Measurement of plasma leptin and ob RNA in obese and weight reduced subjects // *Nature Medicine*. 1995. Vol. 1. P. 1155–1161; McGregor G.P., Desaga J.E., Enlenz K. et al. Radiomunological measurement of leptin in plasma of obese and diabetic human subjects // *Endocrinology*. 1996. Vol. 137. P. 1501–1504.

² См.: Pelleymounter M.A., Cullen M.J., Baker M.B. et al. Effects of the obese gene product on body weight regulation in ob/ob mice // *Science*. 1995. Vol. 269. P. 540–543.

³ См.: Bayer E. Beitrage zur Zweitkomponententheorie des Hungers // *Zeitschrift der Psychologie*. 1929. Bd. 112. S. 1–54.

Эффективность внешних стимулов напрямую зависит от внутреннего состояния организма. Если мы только что съели слишком сытный обед или у нас болит живот, даже вкуснейший десерт больше не будет нас волновать. Эти общеизвестные истины могут быть подтверждены и в лаборатории: в серии исследований ученые вживляли обезьянам электроды в гипоталамус и обнаружили группы нейронов, которые возбуждались только тогда, когда обезьяне показывали орех или банан, причем эта реакция наблюдалась только у голодной обезьяны. Если животное сначала кормили досыта, а затем показывали ему пищу, нейроны гипоталамуса оставались невозбужденными. Оказалось, что, по крайней мере для гипоталамуса, глаз значит не больше, чем желудок¹.

Тот факт, что привлекательность пищи зависит от степени голода, вновь обращает наше внимание на механизм действия любого мотива — потенцирование определенной реакции. В конце концов, животные никак не могут знать, что конкретно нужно их организму в данный момент; ни они, ни большинство из нас никогда не читали книг по физиологии системы пищеварения. Но, к счастью, природа заложила в их (и в нашу) нервную систему эту информацию таким образом, что конкретные потребности управляют восприятием, делая пищу особенно привлекательной для голодного. То, что самый приятный десерт становится непривлекательным после двух или трех порций, лишний раз демонстрирует движущую силу мотивов, которые влияют на наши чувства не меньше, чем на наши действия.

Центры гипоталамической регуляции

Теперь мы знаем, что существует множество сигналов к принятию пищи; одни из них поступают из печени, другие — из желудка и жировых тканей, и еще одна часть сигналов зависит от уровня питательных веществ в крови. Естественно было бы предположить, что эти разнообразные сигналы интегрируются в некотором центре нервной системы, где принимается окончательное решение — есть или не есть. В течение многих лет главным претендентом на роль такого центра считался гипоталамус, который, как известно, является к тому же регулятором температуры тела и водного баланса. Физиологами была разработана теория двустороннего гипоталамического контроля питания, которая аналогична системе температурного контроля. Она постулирует существование двух центров-антагонистов, один из которых связан с голодом, другой — с насыщением.

¹ См.: *Mora F., Rolls E.T., Burton M.J.* Modulation during learning of the responses of neurons in the lateral hypothalamus to the sight of food // *Experimental Neurology*. 1976. Vol. 53. P. 508–519.

Два центра регуляции питания

Согласно теории двустороннего контроля, гипоталамус содержит блоки, «включающие» и «выключающие» процесс приема пищи. Центр «включения» предположительно находится в боковой части гипоталамуса; он действует как центр голода, т.е. его возбуждение приводит к началу приема пищи. Другой центр находится в его вентроме-диальной (центральной) части и включает механизм, прекращающий прием пищи.

Эти выводы были сделаны на основе данных о различных нарушениях головного мозга. Крысы с поврежденной боковой частью гипоталамуса страдали от *афагии* (от греч. недоедание). Они отказывались есть и пить и умерли бы от голода, если бы их принудительно не кормили через трубку¹. Примечательно, что со временем происходило заметное восстановление функции.

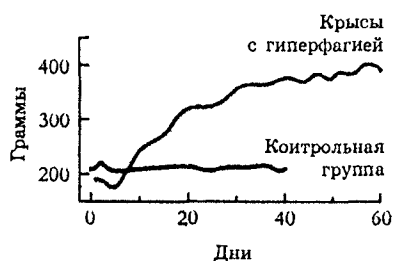

Рис. 3. Гиперфагия

Кривая показывает набор массы тела у крыс с гиперфагией после операции, нарушающей работу гипоталамуса. Впоследствии масса устанавливается на новом уровне⁴

После нескольких недель животные снова начинали есть, особенно если им предлагали соблазнительные деликатесы вроде гоголя-моголя².

Повреждения вентроме-диальной части приводили к совершенно противоположному результату. Животные с такими повреждениями страдали *гиперфагией* (от греч. переедание). Они становились ненасытными и ели бесконечно. Если повреждение было обширным, крысы превращались в настоящие горы жира, достигая массы, в 3 раза превышающей дооперационную. Опухоли в этой части гипоталамуса, хотя и очень редки, приводят к такому же результату у людей³.

Хотя повреждения вентроме-диальной части и приводят к быстрому набору массы тела, этот процесс прекращается через месяц или два. После этого масса животного остается постоянной на новом уровне, который намного превышает прежний (рис. 3). Животное ест достаточно для того, чтобы поддерживать эту массу,

¹ См.: Teitelbaum P., Stellar E. Recovery from failure to eat produced by hypothalamic lesions // Science. 1954. Vol. 120. P. 894–895.

² См.: Teitelbaum P., Epstein A.N. The lateral hypothalamic syndrome: Recovery of feeding and drinking after lateral hypothalamic lesions // Psychological Review. 1962. Vol. 69. P. 74–90.

³ См.: Miller N.E., Bailey C.J., Stevenson J.A.F. Decreased «hunger» but increased food intake resulting from hypothalamic lesions // Science. 1950. Vol. 112. P. 256–259.

⁴ См.: Teitelbaum P. Sensory control of hypothalamic hyperphagia // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1955. Vol. 48. P. 156–163.

но не больше¹. Это означает, что повреждение приводит к сдвигу верхнего уровня в регуляции массы тела — уровня, который служит чем-то вроде ориентира при приеме пищи. Как мы увидим ниже, эта интерпретация может быть применима к некоторым аспектам ожирения у людей.

Новый взгляд на теорию двусторонней регуляции питания

Теория двусторонней регуляции питания поддерживала идею двух управляющих центров на протяжении нескольких десятилетий. Однако последние годы доказали ее несостоятельность, отчасти благодаря нейрохимическим исследованиям, показавшим, что все не так просто, как кажется. К примеру, рассмотрим роль боковой части гипоталамуса в процессе питания. Действительно, некоторые нейрохимические соединения, называемые *орексинами*, при введении в мозг вызывают желание поесть, и они вырабатываются именно в этой части гипоталамуса². Однако были открыты еще одни соединения, *нейропептиды Y*, которые оказались весьма сильными стимуляторами аппетита³, настолько сильными, что инъекция в мозг даже совершенно сытой крысы заставляла ее снова приниматься за еду⁴. Нейропептиды Y оказывали наибольший эффект в стороне от боковой части гипоталамуса, так что эту часть вряд ли можно назвать «главным центром питания».

Другая проблема касается нарушений в центральной части гипоталамуса. В соответствии с теорией двусторонней регуляции, крысы с повреждениями в этой части перепадали из-за нарушения механизма, прекращающего еду. Но данные повреждения вызывают усиленную работу парасимпатического отдела АНС, который стимулирует перепроизводство инсулина, а он, в свою очередь, увеличивает долю полезных питательных веществ, особенно глюкозы, превращаемых в жир и переводимых в жировые ткани. Короче говоря, откладывается в запас так много, что не удается обеспечить процесс метаболизма. В результате животное чувствует себя голодным и вынуждено есть все больше и больше, чтобы получить необходимую энергию. Оно оказывается в роли богатого скупца, который запер в сундуки все свои сокровища и у которого, вследствие этого, не осталось денег на жизнь.

¹ См.: Hoebel B.G., Teitelbaum P. Weight regulation in normal and hyperphagic rats // Journal of Physiological and Comparative Psychology. 1976. Vol. 61. P. 189–193.

² См.: Sakuriam T., Amemiya A., Ishii M. et al. Orexin and orexin receptors: A family of hypothalamic neuropeptides and G protein-coupled receptors that regulate feeding behavior // Cell. 1998. Vol. 92. P. 573–582.

³ См.: Gibbs W.W. Gaining on fat // Scientific American. 1996. Vol. 275. P. 88–94.

⁴ См.: Stanley B.G., Magdalin W., Leibowitz S.F. A critical site of neuropeptide Y-induced eating lies in the caudolateral paraventricular/perifornical region of the hypothalamus // Society for Neuroscience Abstracts. 1989. Vol. 15. P. 894.

Ожирение

Все эти детерминанты процесса питания так или иначе связаны с проблемой, в чем-то обусловленной изобилием современного общества, — с ожирением. Существует много причин, почему люди переедают. В некоторых случаях причина имеет физиологическую природу (связана с генетическими факторами). В других дело заключается в том, что люди просто много едят и мало двигаются.

Конституциональные факторы

Большинство из нас принимает как данное то, что масса нашего тела норма зависит от потребления калорий и расхода энергии. Это, конечно, верно, но это еще не все. Конституциональные факторы могут предрасполагать человека к полноте, даже если он ест не больше (и двигается не меньше), чем его стройный сосед, живущий рядом. Что это за факторы? Это может быть и более эффективный пищеварительный аппарат, поскольку у человека, организм которого усваивает большую часть той пищи, которую он потребляет, прибавка в массе неизбежно будет больше, чем у его собратьев с менее продуктивной пищеварительной системой. Другой причиной может быть более низкий уровень метаболизма; чем меньше потребляемых калорий сжигается, тем больше накапливается жирового запаса. У некоторых людей слишком большая доля потребляемых питательных веществ превращается в жир и слишком малая — сжигается в качестве топлива для получения внутренней энергии. Эти различия помогают объяснить тот факт, что одни люди набирают массу легче, чем другие¹. Но где же скрыты эти конституциональные факторы? Частично на этот вопрос может ответить генетика. В некоторых случаях у людей, так же как и у мышей, выраженное ожирение объясняется, вероятнее всего, нарушениями в генах, которые регулируют производство лептина².

Очень часто наша полнота обусловлена генами, определяющими особенности метаболического процесса, которые мы только что рассмотрели. Это было подтверждено результатами исследования 12-ти пар близнецов мужского пола. Каждый из участников эксперимента потреблял в день на 1000 калорий больше, чем было необходимо для поддержания нормальной массы тела. Активность участников оставалась прежней, и они почти не занимались физическими упражнениями. Этот режим продолжался в течение 100 дней. Нужно ли говорить, что все 24 участника набрали лиш-

¹ См.: *Sims E.A.* Energy balance in human beings: The problems of plenitude // *Vitamins and Hormones: Research and Applications*. 1986. Vol. 43. P. 1–101; *Friedman M.I.* Body fat and the metabolic control of food intake // *International Journal of Obesity*. 1990. Vol. 14. P. 53–67.

² См.: *Reed D.R., Ding Y., Xu W., Gatner C. et al.* Extreme obesity may be linked to markers flanking the human OB gene // *Diabetes*. 1996. Vol. 45. P. 691–694.

нюю массу, но разница была довольно существенной, от 4 до 11 кг. Еще больше различий наблюдалось в том, в каких местах откладывались лишние килограммы. У одних это был живот; у других — бедра и ягодицы. Важно отметить, что значение набранной каждым участником лишней массы было сходным с тем значением, которое набрал его близнец (рис. 4). Это касалось также и мест отложения лишних килограммов. Если человек толстел в области живота, то же происходило и с его близнецом; если у другого жировая ткань откладывалась на бедрах и ягодицах, его близнец поправлялся там же. Эти данные в значительной степени подтверждают то, что у разных людей организм по-разному распределяет лишние калории, и этот метаболический механизм является врожденным¹.

Является ли такая метаболическая продуктивность генетическим дефектом? Для сторонников теории «запасливых генов», которые считают, что такой продуктивный метаболизм был выгоден для наших предков в те времена, когда пиры были редкостью, а голод — обычным явлением, конечно нет². В подобных обстоятельствах тенденция к накоплению жировых тканей в сколь можно большем количестве служила цели выживания, так же как в случае с медведем, который накапливает лишний жир, готовясь к долгому зимнему посту. Но та же самая продуктивность не идет на пользу сегодня, особенно тем, кто живет в странах, где добывание пищи (к тому же высококалорийной) сводится к простой поездке в супермаркет на автомобиле!

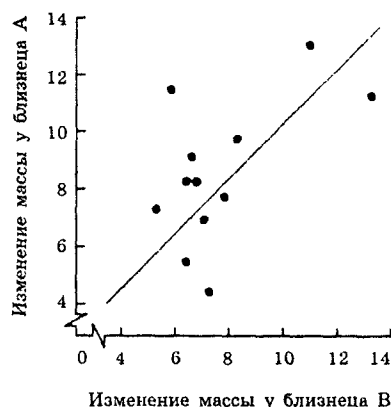

Рис. 4. Сходство в появлении лишней массы тела у близнецов

Прибавка у 12 пар идентичных близнецов после 100 дней усиленного питания. Каждая точка представляет пару близнецов, где прибавка у близнеца А соответствует значению по вертикальной оси. Прибавка измеряется в килограммах

¹ См.: Bouchard T.J., Jr., Lykken D.T., McGue M. et al. Source of human psychological differences: The Minnesota study of twins reared apart // Science. 1990. Vol. 212. P. 1055–1059.

² См.: Fujimoto W.Y., Bergstrom R.W., Boyko E.J. et al. Susceptibility to development of central adiposity among populations // Obesity Research. 1995. Vol. 3 (suppl. 2). P. 179s–186s; Groop L.C., Tuomi T. Noninsulin-dependent diabetes mellitus – a collision between thrifty genes and an affluent society // Annals of Medicine. 1997. Vol. 29. P. 37–53; Ravussin E., Pratley R.E., Maffei M. et al. Relatively low plasma leptin concentrations precede weight gain in pima Indians // Nature Medicine. 1997. Vol. 3. P. 238–240.

Поведенческие факторы

У некоторых людей тучность обусловлена конституциональными факторами. Но у многих людей причина тучности кроется в поведении: они просто едят намного больше, чем требуется для восполнения той энергии, которую они расходуют. Почему? Совершенно очевидно, что единого ответа нет; для хронически переедающих людей причина не одна — их множество.

Люди различаются по своим критическим точкам массы. Вероятно, это является отражением разной конституции тела, которая обусловлена генетически¹.

Угроза

<...> До сих пор наше внимание было сосредоточено на мотивах, диктуемых факторами внутреннего контроля гомеостаза. Дисбаланс внутренней среды заставляет организм предпринимать определенные действия, восстанавливающие равновесие. Однако эти так называемые внутренне регулируемые мотивы все же не являются чисто внутренними. Вкусная еда может заставить нас есть, даже если мы не голодны; предчувствие холода побуждает животных строить гнезда, хотя они еще не испытывают холода.

К другим мотивам это относится в большей степени, так как первоначально вызвавший их импульс полностью исходит из внешней среды (хотя внутренние факторы тоже имеют значение). Один из таких мотивов касается нашей реакции на возникшую угрозу. В этом случае стимул чаще всего является внешним — угрожающее обстоятельство или объект, — но ответная реакция протекает внутри, так как организм готовится убежать, отразить или уменьшить угрозу.

Угроза и автономная нервная система

Какие физиологические механизмы лежат в основе нашей реакции на угрозу? Выше говорилось, что автономная нервная система (АНС) делится на два отдела: симпатический и парасимпатический. По мнению американского психолога Уолтера Б. Кеннона (1871—1945), эти два отдела выполняют важные и различные между собой функции. Парасимпатический отдел управляет вегетативными реакциями повседневной жизни: накоплением питательных веществ, воспроизводством и выведением отходов. В общем, определяет работу организма в «мирное время» — поддерживает постоянный, умеренный сердечный ритм, перистальтику желудка и кишечника, секрецию пищеварительных желез и

¹ См.: Foch T.T., McClearn G.E. Genetics, body weight, and obesity // Obesity / A.J. Stunkard (Ed.). Philadelphia: Saunders, 1980.

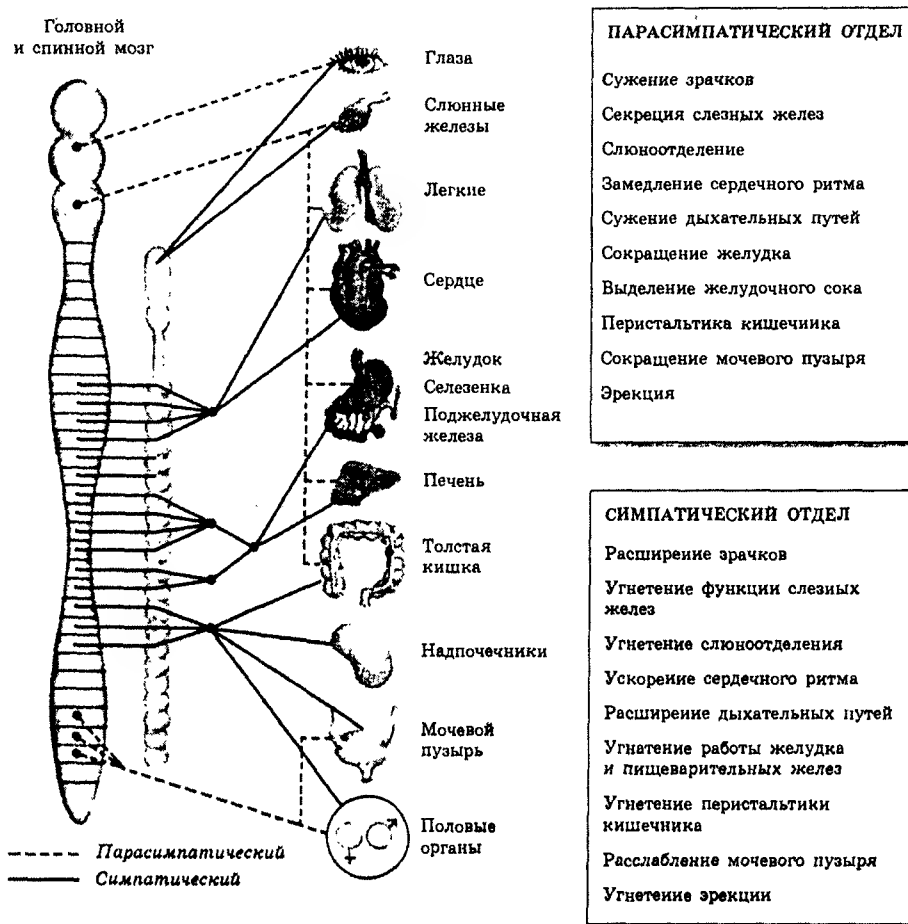

Рис. 5. Симпатический и парасимпатический отделы автономной нервной системы

Парасимпатический отдел обеспечивает выполнение вегетативных функций организма: стимулирует функции пищеварения, способствует развитию сексуальной активности и т.д. Симпатический отдел помогает организму подготовиться к встрече с угрозой: усиливает работу сердца и легких, высвобождает питательные вещества для работы мышц и угнетает пищеварительную и сексуальную функции.

Заметьте, что нервные окончания симпатического отдела связаны в цепь с нервными узлами, находящимися за пределами спинного мозга. В результате симпатическая активация носит в некотором смысле диффузный характер; любое симпатическое возбуждение распространяется скорее на все органы в целом, чем на какой-то один конкретный. Это в корне отличается от парасимпатического отдела, действие которого более специфично и осуществляется через блуждающий нерв — один из нервов, который берет начало в черепном отделе и проходит через грудную клетку и брюшную полость

т.п. Симпатический отдел АНС выполняет активирующие функции. Он задействует ресурсы организма в период кризиса и обеспечивает готовность организма к активным действиям¹.

Эта противоположность функций двух автономных отделов АНС заметна в различных видах деятельности организма. Например, парасимпатическое возбуждение замедляет сердечный ритм и снижает кровяное давление. Симпатическое возбуждение дает противоположный эффект, а также замедляет пищеварение и сексуальную активность. Кроме того, оно стимулирует мозговой слой надпочечников к выделению адреналина и норадреналина в кровь. Эти вещества оказывают, в сущности, то же действие, что и симпатическое возбуждение — усиливают сердечный ритм, ускоряют метаболизм и т.д. В результате симпатическая реакция проявляется еще сильнее (рис. 5).

Реакция готовности

Кеннон считал, что сильное симпатическое возбуждение служит реакцией готовности, которая мобилизует силы организма в случае угрозы — для того, чтобы, по его словам, «бежать или бороться». Рассмотрим пасущуюся зебру, безмятежно поддерживающую гомеостаз, жуя траву и расширяя сосуды под жарким солнцем Африки. Внезапно она видит приближающегося льва. Вегетативные функции теперь должны остаться на втором плане, поскольку если зебра не убежит, у нее не останется внутренней среды, которую надо поддерживать. Бегство потребует продолжительного мышечного напряжения и полной поддержки всех систем организма, а это именно то, что обеспечивается активной работой симпатического отдела. Вследствие его активации мышцы получают больше питательных веществ, поступающих в мгновенно раскрывшиеся кровеносные сосуды. В то же время выбрасываются отходы и несущественные органические функции приостанавливаются. И если зебра не убежит, то не потому, что ее симпатическая нервная система не сработала.

Кеннон предоставил достоверные доказательства, подтверждающие, что подобная автономная реакция происходит в ситуации борьбы, а не бегства. У кошки, готовой броситься на собаку, усиливается сердцебиение, шерсть поднимается дыбом (в нормальном состоянии это служит сохранению тепла), зрачки расширяются — присутствуют все признаки симпатического возбуждения, говорящие о том, что организм приготовился к интенсивному мышечному напряжению <...>.

Но формула Кеннона — «бежать или бороться» — слишком проста, чтобы учесть полную картину явления, либо животные реагируют на угрозу множеством способов. Например, крысы пытаются убежать при

¹ См.: Cannon W.B. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage. N.Y.: Appleton-Century, 1929.

возникновении угрозы, но сражаются, когда загнаны в угол. Некоторые животные становятся совершенно неподвижными, чтобы хищник не заметил их. Другие животные обладают более экзотичными способами самозащиты: некоторые виды рыб меняют цвет при возникновении угрозы, что делает их неразличимыми на фоне песчаного океанского дна. Этот эффект вызывается непосредственным действием адреналина на различные пигменты кожи животного.

А что происходит у людей? Когда мы напуганы, дыхание автоматически учащается, сердце начинает колотиться, ладони потеют и иногда у нас бегут «мурашки» по коже или начинается дрожь — все это действие симпатического отдела. Фактически, такие автономные реакции можно использовать для определения эмоционального состояния. Особенно часто используется измерение кожно-гальванической реакции (КГР). Мгновенное изменение электрического сопротивления кожи, вызванное деятельностью потовых желез, — это точный показатель физиологической готовности.

КГР и другие показатели автономной активности часто используются в комплексе тестов *полиграфа* — аппарата, чаще называемого детектором лжи.

Это название не отражает истинного положения вещей, поскольку ни одна машина не может распознать ложь. Суть использования полиграфа заключается в том, что он фиксирует автономное возбуждение в момент, когда испытуемому задают определенные ключевые вопросы. Реакция на эти вопросы (например, «Ударили ли Вы кого-либо ножом?») затем сравнивается с реакциями на контрольные вопросы, которые должны вызывать эмоциональную реакцию, но не имеют отношения к данному делу (например, «До девятнадцати лет лгали ли Вы кому-нибудь?»).

Вазовым утверждением, на котором основана работа детектора лжи, является то, что невинные люди больше волнуются при ответе на контрольные вопросы, чем на ключевые, и, следовательно, более интенсивно реагируют на первые, чем на вторые (рис. 6).

Однако это утверждение было подвергнуто серьезным сомнениям¹. И хотя операторы полиграфа довольно успешно выявляют виновных, некоторые люди, особенно те, кого называют антисоциальными личностями или психопатами, имеют особый талант обманывать полиграф². К тому же полиграф довольно беспомощен при выяснении невинности. Если, к примеру, невинный человек очень тревожен во время ключевых вопросов или его беспокоят выясняемые обстоятельства, это будет отражено как состояние возбуждения; данная реакция может совпадать с ре-

¹ См.: *Lykken D.T.* The detection of deception // *Psychological Bulletin*. 1979. Vol. 86. P. 47–53; *Lykken D.T.* The lie detector and the law // *Criminal Defense*. 1981. Vol. 8. P. 19–27.

² См.: *Waid W.M., Orne M.T.* The physiological detection of deception // *American Scientist*. 1982. Vol. 70. P. 402–409.

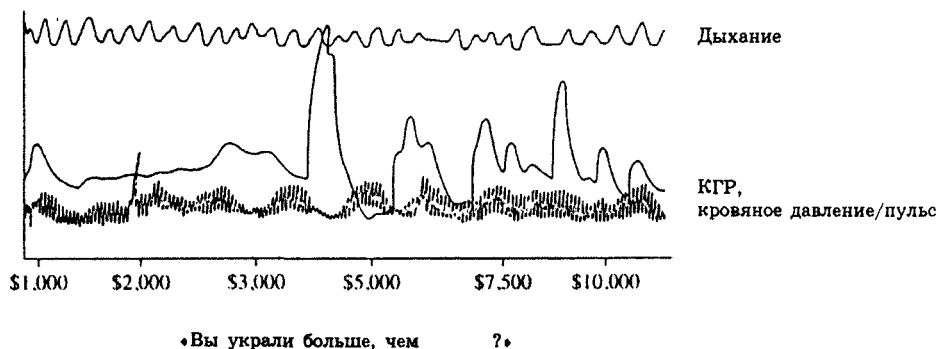

Рис. 6. Тестирование на полиграфе реакции автономной нервной системы:

а — автономное возбуждение измеряется различными приборами: трубка вокруг грудной клетки измеряет темп дыхания; электроды, соединенные с кистями рук, измеряют КГР, а ремень вокруг руки измеряет кровяное давление и пульс (Mary Shuford); б — запись дыхания, КГР, кровяного давления и пульса. Запись получена при тестировании продавца универмага, пойманного на краже денег. Вопрос заключался в количестве украденного. Чтобы решить это, стороны согласились провести тестирование на полиграфе.

Продавцу задавали такие вопросы: «Вы украли больше \$ 1000?», «Вы украли больше \$ 2000?». Запись фиксирует высший пик сразу после \$ 3000 и перед \$ 5000.

Позже продавец признался, что он присвоил \$ 4000¹

акцией истинного виновника происшествия². Принимая во внимание подобные факты, а также этические соображения, Конгресс США в 1988 году принял постановление о жестком ограничении использования детектора лжи при различных расследованиях.

Лимбическая система

До настоящего времени наше внимание было сконцентрировано на автономной нервной системе, ее симпатическом и парасимпатическом отделах. Но другие отделы мозга также играют важную роль в ответной реакции организма на угрозу. Эти зоны сконцентрированы в так называемой старой коре, находящейся под отделами новой коры. Они образу-

¹ См.: Inbau F.E., Reid J.E. Truth and Deception: The Polygraph ("Lie Detector") Technique. Baltimore: Williams and Wilkins, 1953.

² См.: Saxe L., Dougherty D., Cross T. The validity of polygraph testing: Scientific analysis and public controversy // American Psychologist. 1985. Vol. 40. P. 355–366.

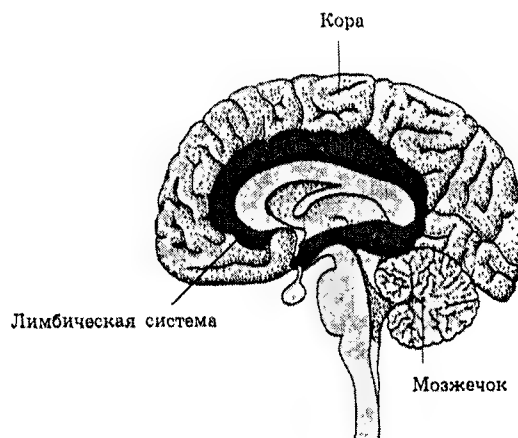

Рис. 7. Лимбическая система головного мозга человека¹

ют особый комплекс, часто называемый *лимбической системой* (рис. 7). Стимуляция лимбической системы электрическим током может превратить мурлыкающую кошку в шипящее чудовище. Стимуляция той же зоны у человека часто вызывает чувства сильной тревоги или гнева, как, например, у пациента, который рассказывал, что ему вдруг захотелось рвать вещи в клочья и швырять их в лицо экспериментатора².

Вероятно, разные отделы мозга приводят в действие различные виды агрессивного поведения. Стимуляция гипоталамической области у кошки вызывает к действию паттерн хищника: крадущееся приближение, а затем быстрый, смертоносный бросок. Стимуляция другого отдела приводит к модели Хэллоуина: контратаки при самообороне (вероятно, схожие с тем, что у человека характеризуется как ярость). Когда начинает развиваться эта модель действия, кошка игнорирует близкую мышь и злобно бросается на экспериментатора, в котором она, по-видимому, чувствует угрозу³. Атака хищника — это совершенно другое дело: лев, который бросается и затем потрошит зебру, вовсе не испытывает ярости,

¹ См.: Keeton W.T., Gould J.L. Biological Science. N.Y.: Norton, 1986/1993.

² См.: Magnus O., Lammers J. The amygdaloid-nuclear complex // Folia Psychiatrica Neurologica et Neurochirurgica Neerlandica. 1956. Vol. 59. P. 552–582; King H.E. Psychological effects of excitation in the limbic system // D.E. Sheer (Ed.). Electrical Stimulation of the Brain. Austin: University of Texas Press, 1961; Flynn J., Vanegas H., Foot W. et al. Neural mechanisms involved in a cat's attack on a rat // R.F. Whalen et al. (Eds.). The Neural Control of Behavior. N.Y.: Academic Press, 1970.

³ См.: Egger M.D., Flynn J.P. Effect of the electrical stimulation of the amygdala on hypothalamically elicited behavior in cats // Journal of Neurophysiology. 1963. Vol. 26. P. 705–720; Clemente C.D., Chase M.H. Neurological substrates of aggressive behavior // Annual Review of Physiology. 1973. Vol. 35. P. 329–356.

он занят обычным делом добывания пищи. (Приятно ли зебре то, что лев в это время на нее не сердится, — это уже другой вопрос.)

Разрушительное действие автономного возбуждения

Выше мы говорили о биологической ценности системы быстрого реагирования на появление угрозы. Однако сильное возбуждение симпатического отдела АНС может стать разрушительным и вредным для организма. Эта обратная сторона медали особенно очевидна в отношении человека. В нашей ежедневной жизни мы редко сталкиваемся с необходимостью приложения чрезмерных усилий, но наша биологическая природа не изменилась из-за того, что в современном мире больше нет саблезубых тигров. Мы обладаем все той же системой быстрого реагирования, которая служила нашим примитивным предкам и последствия действий которой могут наносить серьезный урон организму.

Вредное действие угрозы на наш желудок или сексуальные функции общеизвестно. В периоды острой тревоги диарея или запор — обычное явление, в те же периоды очень трудно достичь сексуального возбуждения и удерживать его. Это объясняется тем, что наши пищеварительные функции и многие аспекты нашей сексуальности (например, эрекция у мужчин и вагинальная смазка у женщин) в основном контролируются парасимпатическим отделом АНС и, следовательно, угнетаются при интенсивном симпатическом возбуждении. Более того, последствия угрозы иногда могут вызывать и такие расстройства, как боли в животе или головные боли. В тяжелых случаях психофизиологические последствия оказываются хроническими, как в случаях с гипертонией или коронарным расстройством, что может привести к параличу, сердечному приступу и даже к смерти <...>.

Боль и действие эндорфинов

Мы рассказали достаточно о том, как организм реагирует на различные угрожающие обстоятельства, но какие же стимулы вызывают реакцию в первую очередь? Значение некоторых из них мы усваиваем через научение (о чем мы поговорим в следующей главе), а некоторые вызывают мгновенную реакцию без какого-либо предшествующего опыта. Примером такого врожденного стимула является боль.

Боль как способность выжить

Кажется парадоксальным, но чувство боли имеет огромную ценность для сохранения жизни, представляя собой в гораздо большей степени благо, чем зло. Это ярко подтверждают редкие примеры детей с врожденной

нечувствительностью к боли. Они часто умирают молодыми, получив многочисленные ранения и имея множество шрамов¹. Будучи ребенком, одна такая девушка откусила кончик языка, когда жевала резинку, получила сильные ожоги, усевшись на горячий радиатор, а также имела серьезные вывихи суставов бедер и спины, потому что не могла правильно перевернуться во время сна. Перечисленные травмы стали причиной множественных инфекций, которые привели ее к смерти в 29 лет².

Снижение боли с помощью эндорфинов

Боль дает нам сигнал к действию, заставляя нас отстраняться от огня, лить холодную воду на ожог или переносить тяжесть тела на другую ногу при растянутой лодыжке³. Однако продолжительная боль может мешать осуществлению важных потребностей организма. К счастью, естественный отбор справился с этой проблемой, организм располагает средствами для облегчения своей боли.

Есть много историй о спортсменах, которые получают травмы, но не чувствуют боли до конца соревнований; подобные же случаи рассказывают о солдатах во время сражения или о родителях, спасающих своих детей. Эти истории говорят о том, что существуют внутренние механизмы, вызывающие *анальгезию* (нечувствительность к боли). Различные лабораторные эксперименты подтверждают это. Крысы, подвергнутые различным формам дистресса, — например, вынужденные плыть в холодной воде, — действительно становятся менее чувствительными к боли⁴. Подобный эффект наблюдается и у человека: как ни странно, разряд слабого электрического тока в спине или конечностях может действовать как анальгетик. Таким же свойством обладает акупунктура — древний китайский метод лечения с помощью игл, втыкаемых в различные зоны тела⁵. Эта процедура снимает боль у людей и животных⁶.

Какие механизмы лежат в основе этого явления? Вероятно, ответ содержится в химических характеристиках мозга. Давно известно, что боль можно притупить или полностью устранить с помощью наркотиков,

¹ См.: Manfredi M., Bini G., Cruccu G. et al. Congenital absence of pain // Archives of Neurology. 1981. Vol. 38. P. 507–511.

² См.: Melzack R. The Puzzle of Pain. N.Y.: Basic Books, 1973.

³ См.: Bolles R.C., Fanselow M.S. Endorphins and behavior // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. P. 87–102.

⁴ См.: Bodnar R.J., Kelly D.D., Brutus M. et al. Stress-induced analgesia: Neural and hormonal determinants // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 1980. Vol. 4. P. 87–100.

⁵ См.: Mann R., Bowsher D., Mumford J. et al. Treatment of intractable pain by acupuncture // Lancet. 1973. Vol. 2. P. 57–60.

⁶ См.: Nathan P.W. Acupuncture analgesia // Trends of Neurosciences. 1978. Vol. 1. P. 210–223.

таких, как морфий и другие опиаты. Эти наркотики обычно поступают в организм из внешней среды. Но иногда мозг сам является фармацевтом. В условиях различных дистрессовых ситуаций (включая боль) мозг вырабатывает особый вид опиатов, который потом сам и потребляет. Речь идет об эндорфинах (сокращенное от «эндогенный», произведенный внутри, и «морфин») — группе нейротрансмиттеров, по химическому составу схожих с опиатами типа морфия, модулирующих сигналы боли, направляемые в головной мозг по нервным путям спинного мозга <...>. Оказалось, что разработанные врачами новые опиатные формы действуют по принципу внутренних анальгетиков организма, причем некоторые препараты из группы эндорфинов мозга обладают на самом деле гораздо более сильным действием, чем наркотики, произведенные искусственным путем¹.

Плацебо. Многие исследователи полагают, что эндорфины играют определенную роль при снятии боли с помощью плацебо — химически инертных препаратов, которые, тем не менее, действительно уменьшают боль и способствуют выздоровлению <...>. Действие плацебо легко продемонстрировать на примере. В одном из экспериментов нескольким пациентам выдали сладкие пилюли под видом аспирина; другим — те же пилюли под видом морфина². В обоих случаях пилюли привели к существенному облегчению.

Действительно ли эндорфины принимают участие в оказываемом плацебо эффекте? Чтобы выяснить это, исследователи использовали препараты, блокирующие действие опиатов, такие, как налоксон и налтрексон. Эти лекарства обычно дают пациентам при передозировке героина; они-то и стали незаменимым инструментом исследований. Многие опыты показали, что налоксон блокирует эффект снятия боли, вызываемый акупунктурой³, а также эффект плацебо. В одном из таких исследований пациентам давали плацебо после удаления зуба мудрости. Это помогало некоторым пациентам, но не оказывало никакого действия, если пациенты вместе с плацебо получали налоксон⁴. Вывод заключался в том, что плацебо стимулирует производство эндорфинов; действие налоксона,

¹ См.: *Snyder S.H., Childers S.R.* Opiate receptors and opioid peptides // *Annual Review of Neuroscience*. 1979. Vol. 2. P. 35–64; *Bloom F.E.* The endorphins: A growing family of pharmacologically pertinent peptides // *Annual Review of Pharmacology and Toxicology*. 1983. Vol. 23. P. 151–170; *Olson G.A., Olson R.D., Kastin A.J.* Endogenous opiates: 1994 // *Peptides*. 1995. Vol. 16. P. 1517–1555.

² См.: *Evans F.J.* The placebo response in pain reduction // *Advances in Neurology*. 1974. Vol. 4. P. 289–296.

³ См.: *Mayer D.J., Price D.D., Raffi A. et al.* Acupuncture hypalgesia: Evidence for activation of a central control system as a mechanism of action // *Advances of Pain Research and Therapy*. Vol. 1 / J.J. Bonica, D. Albe-Fessard (Eds.). N.Y.: Raven Press, 1976.

⁴ См.: *Levine J.D., Gordon N.C., Fields H.L.* The role of endorphins in placebo analgesia // *Advances of Pain Research and Therapy*. Vol. 3 / J.J. Bonica, J.C. Liebesking, D. Albe-Fessard (Eds.). N.Y.: Raven Press, 1979.

следовательно, блокирует работу эндорфинов. Дальнейшие исследования показали, что хотя налоксон может уменьшать действие плацебо, он не устраняет его совсем. Это свидетельствует о том, что существуют другие способы снятия боли, не включающие эндорфиновую систему¹. У людей ярким примером обезболивания в обход эндорфинового механизма является гипноз. Гипнотическое избавление от боли имеет достаточную силу, чтобы применяться периодически в хирургии, и его анальгезирующий эффект не страдает от налоксона².

Зачем организму многочисленные обезболивающие системы? Ответ (по крайней мере, частичный) зависит от продолжительности боли: кратковременная боль, вероятно, снимается с помощью эндорфинов, но если боль продолжается, то в действие вступают другие механизмы. Если же стрессоры действуют особенно долго, тогда эндорфиновая система, вероятно, снова начинает действовать, чтобы справиться с болью³.

Исследования современной психологии

Почему некоторым людям нравится прыгать с парашютом?

Много лет назад психолог Кларк Халл предположил, что организм стремится минимизировать всякое напряжение и возбуждение: мы едим, чтобы уменьшить голод, уходим от громкого шума, чтобы избежать боли, и т.д. Однако можно привести множество примеров, в которых живые существа, в частности люди, стремятся к напряжению и возбуждению. Мы катаемся на «американских горках» и смотрим фильмы ужасов. Мы едим пищу настолько острую, что она причиняет боль. Некоторые из нас прыгают с парашютом, лезут по горам и бросаются головой вниз с мостов на резиновом канате. И популярность таких «экстремальных видов спорта» стремительно растет.

Почему? Почему люди (а также некоторые животные) активно ищут острых ощущений — включая и такие, которые для большинства из них являются действительно опасными? Одна из возможных причин кроется

¹ См.: *Watkins L.R., Mayer D.J.* Organization of endogenous opiate and nonopiate pain control systems // *Science*. 1982. Vol. 216. P. 1185–1192.

² См.: *De Benedittis G., Panerai A.A., Villamira M.A.* Effects of hypnotic analgesia and hypnotizability on experimental ischemic pain // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1989. Vol. 37. P. 55–69; *Moret V., Forster A., Laverriere M.-C. et al.* Mechanisms of analgesia induced by hypnosis and acupuncture: Is there a difference? // *Pain*. 1991. Vol. 42. P. 135–140.

³ См.: *Terman G.W., Shavit Y., Lewis J.W. et al.* Intrinsic mechanisms of pain inhibition: Activation by stress // *Science*. 1984. Vol. 226. P. 1270–1277; *Olson G.A., Olson R.D., Kastin A.J.* Endogenous opiates: 1994 // *Peptides*. 1995. Vol. 16. P. 1517–1555.

в том факте, что люди сильно различаются в своем отношении к «острым ситуациям». Некоторые обладают такой чертой, которую психологи называют *охотой за стимуляцией* — тенденцией к поиску разнообразных и новых ощущений, острых переживаний и приключений для того, чтобы избежать скуки.

Охота за стимуляцией обычно измеряется личностными тестами, которые содержат утверждения типа «Я бы хотела попробовать прыгнуть с парашютом», «Если бы я могла не тратить столько времени на сон» или «Иногда я люблю чудить, просто чтобы посмотреть, как это действует на других» <...>. Те, кто во многом соглашается с такими утверждениями, имеют высокий балл по шкале охоты за стимуляцией; те, кто не соглашается, имеют низкий балл.

Марвин Цукерман, разработавший эту шкалу, предоставил убедительные доказательства ее валидности¹. Люди, получающие высокие баллы по шкале, с большей вероятностью участвуют в «экстремальных видах спорта», становятся особенно беспокойными в условиях монотонии и ограниченности, меньше боятся змей, склонны водить машину быстрее, чем люди с низким баллом. Заключительная часть валидации была сделана на основе исследований «стрикинга», популярного увлечения 1970-х годов, приверженцы которого скидывали одежду и потом на виду у всех бегали, ходили или ездили на велосипеде обнаженными. Когда студентов спрашивали, думали ли они заняться «стрикингом» (или уже занимались), их ответы показали значительную корреляцию с баллами по шкале «Охота за стимуляцией».

Зачем такие люди ищут острых ощущений? С точки зрения Цукермана, у охотников за стимуляцией наблюдается сильная реакция на новые стимулы в некоторых системах мозга, особенно в тех, которые содержат фермент моноаминовой окиси (МАО); сюда входят системы, где в качестве нейротрансмиттеров служат норадреналин (НА) и допамин². Одно из основных доказательств было получено им из исследования, в котором уровень НА в цереброспинальной жидкости связывался с показателями различных личностных тестов. Результаты показали отрицательную корреляцию: чем более выражена тенденция к охоте за стимуляцией, тем ниже уровень НА. Это соответствовало генеральной гипотезе цукермана: если у человека низкий уровень НА, его норадре-

¹ См.: *Zuckerman M. Sensation Seeking: Beyond the Optimum Level of Arousal*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979; *Zuckerman M. Behavioral Expressions and Biosocial Bases of Sensations Seeking*. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.

² См.: *Zuckerman M. A critical look at three arousal constructs in personality theories: Optimal levels of arousal, strength of the nervous system, and sensitivities to signals of reward and punishment* // *Personality Dimensions and Arousal: Perspectives on Individual Differences* / J. Strelau, H.J. Eysenck (Eds.). N.Y.: Plenum, 1987. P. 217–230; *Zuckerman M. The psychophysiology of sensation seeking* // *Journal of Personality*. 1990. Vol. 58. P. 313–345.

налиновые системы, возможно, слабофункциональны. В результате он испытывает недостаток стимуляции, что заставляет его искать опасности и риска, чтобы активировать выработку НА.

Другие исследователи сконцентрировали свое внимание на допамине — медиаторе, родственном НА. Они обнаружили, что люди, употребляющие наркотики, имеют такие же высокие баллы, как и охотники за стимуляцией, и предположили, что биологическим фундаментом в обоих случаях служат допамино-медиаторные системы мозга.

Стремление к острым ощущениям характерно для многих членов одной семьи, и некоторые исследователи предполагают, что существует генетическая предрасположенность к этому. Поэтому, когда две отдельные группы исследователей выделили ген, который, по их мнению, содержал информацию об определенном типе допаминовых рецепторов и одновременно был связан с охотой за стимуляцией, это вызвало бурную реакцию. Однако последующая попытка подтвердить это открытие была безуспешной, так что оно остается пока гипотетическим. Наконец, стоит сказать несколько слов об еще одной группе людей, известной своим стремлением к риску и опасности, — о подростках. Факты ясно говорят о том, что подростки регулярно участвуют в различного рода рискованных предприятиях, что отражается в более частых случаях аварий, арестах за мелкие правонарушения, заражении венерическими заболеваниями и т.д.¹.

Что же заставляет подростков рисковать? Отнюдь не невежество. Данные свидетельствуют о том, что они полностью осознают риск, связанный с их поведением. Может быть, это чувство безнаказанности? Опросы показывают, что подростки обычно уверены, что каждый из них менее причастен, скажем, к аварии, чем другой. Однако у взрослых наблюдается такая же тенденция, поэтому это не может являться причиной различия между подростками и взрослыми <...>².

Одни ученые считают, что мы должны рассматривать стремление к риску среди подростков так же, как мы рассматриваем охоту за стимуляцией среди взрослых — в том смысле, что у подростков хронический дефицит стимуляции, вероятно, объясняется множеством обменных и гормональных изменений, происходящих в их организме. Чтобы компенсировать этот недостаток, они ищут дополнительного риска и острых ощущений³.

¹ См.: Arnett J. Reckless behavior in adolescence: A developmental perspective // *Developmental Review*. 1992. Vol. 12. P. 339–373; Hechinger F.M. *Fateful Choices: Healthy Youth for the Twenty-first Century*. Washington, D.C.: Carnegie Council on Adolescent Development, 1992.

² См.: Quandt M.J., Fischhoff B., Davis W. Adolescent invulnerability // *American Psychologist*. 1993. Vol. 48. P. 102–116.

³ См.: Arnett J. Reckless behavior in adolescence: A developmental perspective // *Developmental Review*. 1992. Vol. 12. P. 339–373.

Другие ученые опровергают это предположение, утверждая, что подростки стремятся к риску по другой причине: желая определить границы дозволенного в своем поведении, в своей социальной роли и в своей жизни вообще¹.

Вообще, в основе человеческого стремления к острым ощущениям лежит несколько разных механизмов. Некоторые люди (охотники за стимуляцией) жаждут сенсации и ищут новых и опасных ситуаций, чтобы утолить свою жажду. Другие, вероятно, недооценивают реальный риск, связанный с их поведением, и в результате действуют опрометчиво. Остальные, возможно, и понимают, что сильно рискуют, но тем не менее хотят испытать свои возможности. Так или иначе, но нет никакого сомнения в том, что мы, так же как и животные, не стремимся к какому-либо снижению мотивации или минимизации возбуждения, о которых говорил Халл много лет назад. <...>

Что общего у различных мотивов

В этой главе мы рассматриваем мотивы, которые побуждают нас к действию: голод, жажду, угрозу и т.д. Некоторые из них, например голод, призваны сохранить постоянство внутренней среды. Другие, такие как угроза, действуют через факторы окружающей среды и направлены на самосохранение. Функции некоторых мотивов (основной пример — это сон) до сих пор не ясны. Эти разнообразные мотивы абсолютно несхожи между собой, так же как и цели, к которым они направляют организм, — пища, вода, победа над хищником или врагом, хороший ночной сон. Но мы также можем спросить: а что общего у всех этих мотивов? Безусловно, все они стимулируют активность, организуют наши действия, наши взгляды и наши чувства. Но есть ли у этих мотивов какие-либо более специфичные общие черты?

Психология награды и уровень возбуждения

Многие ученые придерживались мнения, что все или, по крайней мере, большинство мотивов могут рассматриваться как поиск некоторого оптимального уровня возбуждения либо общей стимуляции. Однако одним из первых препятствий на данном пути стал вопрос о том, каков этот оптимальный уровень.

Основоположники данной концепции считали, что оптимальным уровнем, к которому стремится организм, является уровень нулевой. Одна-

¹ См.: Jessor P. Risk behavior in adolescence: A psychosocial framework for understanding and action // *Developmental Review*. 1992. Vol. 12. P. 374–390; Cole M., Cole S.R. *The Development of Children*. N.Y.: Freeman, 1996.

ко факты говорят о том, что это не так, поскольку некоторые виды раздражителей мы, несомненно, активно ищем сами, такие, например, как вкус сладкого, сексуальные заигрывания, спортивные тренировки или захватывающие дух аттракционы. Эти действия не имеют смысла, если стремишься снизить свой уровень возбуждения или избежать стимуляции.

Такой поиск стимуляции можно наблюдать даже у крыс, которые предпочитают пить искусственно подслащенную воду вместо обычной, хотя подсластитель не содержит калорий и не утоляет голода¹. Подобные выводы можно сделать и в отношении деятельности, подвижной любознательности, или «работы ради работы». Обезьянки потратят много времени на щеколду, прикрепленную к деревянному щиту, для того чтобы выяснить, как она открывается, даже если это не даст им абсолютно ничего <...>.

Похоже, сам процесс решения задачи уже является для них наградой. В этом отношении обезьянки действуют точно так же, как и люди, которые покупают складные мозаики-загадки, решают кроссворды и анаграммы в газетах и другим бесконечным множеством способов увеличивают стимуляцию вместо того, чтобы постараться снизить ее.

Эти факты говорят о том, что оптимальный уровень возбуждения, вероятно, находится выше нуля. Если мы находимся выше этого уровня, мы пытаемся снизить стимуляцию. Но если мы находимся ниже него, мы стремимся к поиску стимуляции.

Каков же этот оптимальный уровень? Несомненно, он меняется от мотива к мотиву. Оптимальный уровень голода, вероятно, очень низок, ибо мы очень недолго можем переносить голод, не испытывая желания поесть. Сексуальный оптимум, очевидно, выше, поскольку большинство животных довольно разборчивы в выборе своих партнеров, даже находясь в состоянии сексуального возбуждения <...>. Между людьми также, вероятно, имеются различия: по некоторым данным, одни люди постоянно «охотятся» за стимуляцией, разыскивая дополнительные раздражители, тогда как другие предпочитают спокойную жизнь².

Наркотики и наркомания

Обычно люди находят проторенные дороги для достижения оптимального уровня возбуждения: едят, когда чувствуют голод; спят, если устали; ищут интересных людей или неожиданных ситуаций, чтобы развеять скуку. К сожалению, иногда поиск стимуляции может привести к радикальным изменениям уровня возбуждения с помощью употребления наркотиков.

¹ См.: *Sheffield F.D., Roby T.B.* Reward value of a non-nutritive sweet taste // *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1950. Vol. 43. P. 471–481.

² См.: *Zuckerman M.* Sensation Seeking: Beyond the Optimum Level of Arousal. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979.

Наркотики, изменяющие уровень возбуждения. Для изменения уровня возбуждения используются две большие группы наркотиков: *транквилизаторы*, снижающие возбуждение, и *стимуляторы*, которые повышают его.

К транквилизаторам относятся различные седативные вещества (например, барбитураты), алкоголь и опиаты (опиум, героин и морфий)¹. Общий эффект выражается в снижении активности всех нейронов ЦНС. Это может показаться удивительным, так как все мы видели шумных и агрессивных пьяных, — вряд ли они кажутся сонными и подавленными. Однако это несоответствие разъяснится, если мы поймем, что гипервозбужденность пьяного — это пример растормаживания. После одной-двух порций спиртного деятельность тормозящих синапсов головного мозга подавляется, однако при таких (относительно низких) дозах функции возбуждающих синапсов еще не нарушены. Вследствие этого обычные рамки поведения расширяются, и человек может вести себя несвойственным ему образом, испытывать эйфорию и отсутствие сексуальных и агрессивных ограничений. Но если он продолжает пить, действие алкоголя распространяется на все мозговые центры. Теперь расторможенное возбуждение уступает место общему замедлению функций. Внимание и память будут становиться более расплывчатыми, движения — неловкими, а речь — смазанной, до тех пор пока человек не упадет и не потеряет сознание.

Действие стимуляторов, таких, как амфетамины и кокаин, — совершенно иное. Эти наркотики вызывают сильное сердцебиение, высокое кровяное давление, бессонницу, пониженный аппетит и, вероятно, в результате внутренней стимуляции — спокойное внешнее поведение. Это последнее открытие привело к широкому применению небольших доз стимуляторов из группы амфетаминов (например, декседрина, цилерта и риталина) при лечении людей, страдающих гиперактивностью или расстройством внимания².

Кроме того, стимуляторы повышают настроение. При употреблении, в частности, кокаина, подъем настроения может быть чрезвычайно сильным — возникает эйфорический «улет», или «кайф», дополненный ощущением огромной энергии и завышенной самооценкой. Все это привело к тому, что врачи в начале века (включая Зигмунда Фрейда) превозносили кокаин как волшебное лекарство, которое пробуждает у человека неограниченную энергию, чувство радости и эйфории без неблагоприятных побочных эффектов. К несчастью, это далеко от истины, так как за начальную эйфорию приходится платить высокую цену: амфетамины и кокаин часто вызывали зависимость, которая становилась единственным

¹ Говоря точнее, опыты принадлежат к отдельному классу. В отличие от алкоголя и успокоительных, они действуют как анальгетики (т.е. болеутоляющие) и влияют на отдельные опиатные рецепторы. К тому же один из них — героин — при внутривенном введении способен вызвать необыкновенно сильную эйфорию, «улет», иногда схожий с сильным сексуальным возбуждением.

² См.: Andreasen N.C., Black D.W. Introductory Textbook of Psychiatry. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1996.

смыслом жизни для человека, употребляющего эти стимуляторы. Кроме того, постоянное употребление этих наркотиков может привести к неадекватным состояниям, напоминающим некоторые виды шизофрении, с манией преследования, иррациональными страхами и галлюцинациями¹. Некоторые из препаратов этих наркотиков дают токсичные эффекты — метамфетамин, например, является мощным нейротоксином, который способен уничтожать нейроны.

Толерантность и отмена. Многие препараты — не только амфетамины и кокаин — могут вызывать зависимость. Вообще, синдром зависимости характеризуется двумя важными симптомами. Во-первых, у человека развивается повышенная толерантность к наркотику, и поэтому ему требуются все возрастающие дозы, чтобы достичь прежнего эффекта. Во-вторых, когда наркотик отсутствует, больной страдает от *абстинентного синдрома*. В общих чертах симптомы этого синдрома противоположны тому действию, которое оказывает наркотик. Так, героин вызывает спокойствие, эйфорию и избавление от боли. Героиновые наркоманы при отсутствии своего наркотика, напротив, чрезвычайно раздражительны, тревожны, беспокойны и страдают бессонницей. Таким же свойством обладают стимуляторы: кокаин и амфетамины вызывают подъем настроения, всплеск энергии; отсутствие этих препаратов приводит к катастрофической депрессии в сочетании с полным физическим истощением. Это касается многих физиологических симптомов, производимых наркотиками: для опиатов характерным следствием являются выраженные запоры (в течение многих столетий опиаты применялись при лечении диарей и дизентерии). И когда прием наркотика прекращается, наркоман начинает страдать острым расстройством ЖКТ и связанными с ним желудочно-кишечными симптомами².

Теория процесса противодействия в мотивации

Чем можно объяснить такое явление, как наркомания? Некоторые предположения выдвигает *теория процесса противодействия*, дающая общее представление о широком круге приобретаемых нами мотивов³. Базовая посылка данной теории опирается на принцип гомеостаза и гласит, что нервная система обладает свойством противодействия любому отклонению от нормы. Так, организм, испытывающий сильный холод, стремится получить тепло; при перегревании он ищет возможность охлаждения. То же

¹ См.: Siegel R.K. Changing patterns of cocaine use: longitudinal observations, consequences, and treatment // Cocaine: Pharmacology, Effects, and treatment of Abuse / J. Grabowski (Ed.). 1984. P. 92–110.

² См.: Julien R.M. A Primer of Drug Action. N.Y.: Freeman, 1985; Volpicelli J. Psychoactive substance use disorders // D.L. Rosenhan, M.E.P. Seligman. Abnormal Psychology. N.Y.: Norton, 1989.

³ Термин «процесс противодействия» первоначально применялся в области цветного зрения, где он обозначал нервные процессы, идущие в разных направлениях <...>.

самое относится к степени возбуждения или к степени удовольствия и боли. Если имеет место чрезмерный сдвиг в сторону радости и экстаза, в силу вступает процесс противодействия, который стремится восстановить нейтральное настроение. И наоборот: если начальный сдвиг наблюдался в сторону ужаса и отвращения, процесс противодействия будет направлен в позитивную сторону, чтобы вернуть человека в состояние равновесия.

Следующее положение данной теории заключается в том, что в каждом из этих случаев эффективность такого процесса противодействия возрастает по мере его развития. Так, при первом испуге человеку требуется некоторое время, чтобы восстановить душевное равновесие, но по мере повторения пугающей ситуации равновесие восстанавливается все быстрее и быстрее¹.

Этот «эффект повторения» может объяснить развитие толерантности, абстинентный синдром и, как следствие, порочный круг наркомании. Согласно этой теории, реакция на прием наркотика дает начало процессу, идущему в обратном направлении, т.е. — восстанавливающему первоначальное состояние организма. Чем чаще человек принимает наркотик, тем сильнее становится этот процесс противодействия. В результате повышается толерантность благодаря тому, что процесс противодействия теперь стал настолько мощным, что может быстро и полностью устранить действие наркотика. Поэтому требуется все большая доза наркотика для преодоления этого процесса противодействия и получения желанного «кайфа». А что происходит, когда наркотик отсутствует? Очевидно, что отсутствует и наркотический эффект, но остается процесс противодействия, сила которого увеличивалась с каждой дозой. Этот процесс погружает наркомана в состояние, обратное тому, которое оказывал отсутствующий наркотик, и это является причиной его мучений во время абстинентного синдрома, выражающихся в симптомах, прямо противоположных действию наркотика².

Физиологическое действие награды

Рассмотренные выше темы оптимального уровня возбуждения и процесса противодействия привлекают наше внимание к вопросу о том, что общего могут иметь различные мотивы с точки зрения физиологии. Все они включают некоторый оптимальный уровень возбуждения (даже если этот оптимум меняется от мотива к мотиву); все, вероятно, имеют свой процесс противодействия, поддерживающий стабильность организма. Но существуют ли какие-то общие физиологические черты, лежащие в основе различ-

¹ См.: *Solomon R.L., Corbit J.D.* An opponent-process theory of motivation: I. Temporal dynamics of affect // *Psychological Review*. 1974. Vol. 81. P. 119–145; *Solomon R.L.* The opponent-process theory of acquired motivation: The costs of pleasure and the benefits of pain // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 691–712.

² См.: *Solomon R.L.* The opponent-process theory of acquired motivation: The costs of pleasure and the benefits of pain // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 691–712.

ных мотивов? Может быть, есть некоторая отдельная область мозга, активация которой вызывает чувство, называемое нами «удовольствием» — будь то удовольствие от секса, прослушивания музыки или вкусной еды? Исследователи пытались ответить на этот вопрос, изучая действие награды с помощью электрической стимуляции различных зон головного мозга.

Общие исследования были начаты в 1954 г., когда Джеймс Олдс и Питер Милнер обнаружили, что крысы начинают нажимать на педаль, если получают в награду один лишь короткий разряд электрического тока в определенную зону гипоталамуса и лимбической системы¹. Подобное действие самостимуляции как награды было продемонстрировано на множестве примеров других животных, включая кошек, дельфинов, обезьян, а также и людей. Чтобы получить такую стимуляцию, крысы давили на педаль с частотой до 7000 нажатий в час в течение нескольких часов. Если им предлагали выбирать между едой и удовольствием, то крысы часто выбирали второе, даже если они буквально умирали от голода².

Специфические и генерализованные центры удовольствия

Чем можно объяснить действие самостимуляции, подобное получению награды? Единственное возможное объяснение заключается в том, что стимуляция мозга вызывает ощущение, схожее с тем, которое оказывает сама награда. Так, стимуляция одной зоны может ввести мозг в заблуждение, что была получена настоящая еда, стимуляция другой зоны — что произошел сексуальный контакт, и т.д. Другой взгляд на проблему заключается в том, что самостимуляция вызывает более генерализованный, неспецифический вид удовольствия, подобно тому, которое дает получение любой награды. Еда, питье и секс, безусловно, различны между собой, но возможно, что та разная информация, которую они посылают в мозг (только что поел, попил, совершил половой акт), в конечном итоге сливается в единую функциональную систему, которая на все эти сигналы реагирует практически однотипным образом («чувствую себя хорошо»).

Большинство полученных данных говорят в пользу первого предположения — стимуляция разных зон мозга дает ощущение получения новой неспецифической награды. Например, животные выполняют определенные действия, чтобы получить электрический стимул в латеральную часть гипоталамуса (которая отвечает за чувство голода), но то, насколько активно они работают для получения этой награды, зависит от степени голода. Если они долго не ели, то начинают работать активнее, чем в другом

¹ См.: Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal areas and other regions of rat brains // *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1954. Vol. 47. P. 419–427.

² См.: Spies G. Food versus intracranial self-stimulation reinforcement in food deprived rats // *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1965. Vol. 60. P. 153–157.

случае. Это значит, что мозг рассматривает стимуляцию этой зоны как эквивалент получения пищи. Аналогичный эффект наблюдается при стимуляции зон, связанных с жаждой и сексуальным поведением¹.

Допаминовая теория удовольствия и наркотического воздействия

Что является физиологическим базисом самостимуляции? Многие исследователи считают, что ответ содержится в допаминавых каналах головного мозга. Известно, что самостимуляция наиболее эффективна, когда она направлена на сгусток нервных волокон, который называется *медиальным пучком переднего мозга*. Эти волокна тянутся от области среднего мозга к гипоталамусу и, по мнению некоторых исследователей, вызывают активность других клеток. Эти волокна проходят от одной части среднего мозга (*вентромедиальная область — ВМО*) к зоне в области переднего мозга, называемой *передней комиссурой* <...>. Нейромедиатором в этих каналах является допамин. Это доказывает тот факт, что если препараты, являющиеся антагонистами допамина, вводятся в близлежащие области мозга, стимуляция действует намного слабее².

Многие ученые объясняют эти явления тем, что активация нервных волокон, исходящих из передней комиссуры, воспринимается мозгом как неврологический эквивалент: «это хорошо — давай еще раз!». Это, вероятно, может объяснить некоторые явления наркотической зависимости. И кокаин, и амфетамины повышают уровень допамина в синапсе. Кокаин блокирует возврат допамина в проводящий канал (благодаря чему он остается в этом канале дольше); амфетамины действуют так же, а кроме того, повышают выделение допамина в аксоновом окончании. Попадая в кровь, оба наркотика скоро находят область передней комиссуры и запускают по нервным путям механизм «это хорошо — давай еще раз!». Есть еще очень много непонятого в данной области. Очевидно, что допамин играет решающую роль в физиологическом механизме награды, и мы можем выделить некоторые структуры мозга, имеющие для этого механизма большое значение. Однако мы до сих пор не можем просуммировать все разнообразные знания относительно мозговой стимуляции, чтобы создать единую и непротиворечивую картину биологического базиса для механизма действия награды или, даже больше, биологической основы удовольствия. Когда мы сможем это сделать, то поймем не только то, что крысы (а также собаки и дельфины) нажимают на

¹ См.: Olds M.E., Fobes T. The central basis of motivation: Intracranial self-stimulation // Annual Review of Psychology. 1981. Vol. 32. P. 523–574.

² См.: Gallistel C.R., Shizgal P., Yeomans J. A portrait of the substrate for self-stimulation // Psychological Review. 1981. Vol. 88. P. 228–273; Stellar J.R., Stellar E. The Neurobiology of Motivation and Reward. N.Y.: Springer Verlag, 1985; Wise R.A., Rompre P.P. Brain dopamine and reward // Annual Review of Psychology. 1989. Vol. 40. P. 191–226.

педаль, желая получить небольшой разряд электрического тока в определенную зону головного мозга. Мы сможем понять работу неврологического механизма, лежащего в основе действия естественных наград и мотивов, а также понять, что именно в мозгу заставляет людей и животных отмечать некоторые события как события, которые они хотят пережить вновь (например, поесть, когда голоден; совершить половой акт, когда испытываешь сексуальное возбуждение; и т.д.). И мы, возможно, поймем также некоторые биологические механизмы, лежащие в основе «неестественных» видов награды, таких, как наркотики, употребляя которые, множество людей становятся зависимыми от них.

Природа мотивов

В течение последних десятилетий произошел огромный прогресс в области знаний о психологии и физиологии биологических потребностей и мотивов. Эти мотивы чрезвычайно разнообразны.

Некоторые из них: терморегуляция, голод и жажда — включают механизмы обратной связи; другие, такие, как потребность во сне или в сексе, их не имеют. Для некоторых мотивов, таких, как потребность в безопасности, оптимальный уровень довольно высок; для других, таких, как сон, — низок. Мы выделили психологические и физиологические черты, которые могут объединять мотивы, но в результате разнородность мотивов сохраняется. Возможно, наш поиск элементарного и общего не имеет смысла. Как и все ученые, психологи были бы счастливы получить ясные и точные определения. Но Природа создавала живой мир не для того, чтобы сделать психологов счастливыми; она создавала его, чтобы животные делали то, что они делают ради сохранения жизни и продолжения своих генов. Итак, в этой главе рассматривались мотивы, в основном формируемые внутренними механизмами. Эти мотивы связаны с физиологическими потребностями, которые мы должны удовлетворять, чтобы выжить. Но как только мы начинаем рассматривать мотивы в деталях, мы обнаруживаем, что наше мотивированное поведение зависит не только от физиологии, но и от наших знаний о той среде, в которой мы действуем. Например, то, что мы пьем, призвано не только сохранить наш водный баланс, но касается также и наших предпочтений, а в некоторых случаях, наших антипатий, привитых культурой. Большинству людей было бы очень трудно выпить стакан своей слюны, пусть даже она только что покинула их собственный рот; большинство из нас не смогли бы есть кузнечиков. То же касается и других мотивов — тех, которые направляют наше любопытство, наш страх, наше сексуальное возбуждение. Во всех этих случаях наше поведение строится на биологической основе, которая, подобно ткачу, вплетает нашу генетическую нить в ту ткань, которой в конечном счете и являемся мы сами.

Ж. Нюттен

[ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИИ]¹

Познавательная мотивация

Вудвортс привлек внимание к потребности, о которой прежде мало говорили: потребности в восприятии (will to perceive). Он справедливо заметил, что наши отношения со средой определяются такими факторами, как желание «видеть, слышать, отчетливо видеть, отчетливо слышать, выяснить или понять то, что мы видим или слышим в данный момент»². Аналогичные взгляды высказал Ниссен применительно к животным. Он отмечал у животного «почти постоянную активность, направленную на то, чтобы быть осведомленным об окружающей обстановке. Значительная часть повседневной активности грызуна, собаки, мартышки или шимпанзе состоит из движений тела и органов чувств, предназначенных для того, чтобы поддерживать контакт животного с происходящим вокруг»³. В начале века Мак-Дауголл (1908) говорил, что «у обезьян, животных, наиболее близких к человеку, явно выражено любопытство (или потребность в знании) и что оно не только заставляет животное приближаться к объекту и внимательно наблюдать за ним, но также и манипулировать им»⁴. Начиная с 1950 г. эти выводы были подтверждены и детально проанализированы в многочисленных экспериментах. <...>

¹ Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 49–63.

² Woodworth R.S. Reinforcement of perception // Amer. J. Psychol. 1947. 60. P. 119–124.

³ Ниссен Г.В. Филогенетическое сравнение // Стивенс С.С. Экспериментальная психология. М., 1960. Т. 1. С. 471.

⁴ Цит. по: McDougall W. An introduction to social psychology. L.: Methuen & Co., 1948. P. 49–50.

1. Любопытство и новые объекты

А) В своем первом исследовании Берлайн¹ помещал крыс в пустую экспериментальную клетку и позволял им знакомиться с ней в течение двух часов. Когда позднее крысы снова оказывались в этой клетке, они обнаруживали в ней три одинаковых предмета (первая группа из трех крыс — три кубика, вторая — три цилиндра), которые они могли обнюхивать два раза по 5 мин. Основная фаза эксперимента состояла в том, что, когда крыс в очередной раз помещали в клетку, один из трех знакомых предметов заменялся новым (два кубика и цилиндр — для первой группы, два цилиндра и кубик — для второй группы). Время, затраченное каждой крысой на исследование (обнюхивание) каждого из трех предметов, регистрировалось с помощью хронографа с тремя циферблатами (экспериментатор нажимал на соответствующую кнопку во время исследования каждого предмета). Время, затрачиваемое на обследование предметов каждой из 6 крыс экспериментальной группы, с точностью до 1 с приводится в первой строке таблицы 1. Различие между временем,

Таблица 1

Время (в секундах), затраченное на изучение каждого из трех предметов набора, один из которых является новым²

Крысы I— VI	Группа А: 2 кубика и 1 цилиндр			Группа Б: 2 цилиндра и 1 кубик		
	I	II	III	IV	V	VI
Экспериментальная группа	8—7—2	0—4—1	0—2—1	4—1—3	1—3—1	1—1—2
Контрольная группа	2—0—0	7—12—9	4—7—7	2—3—2	7—2—6	3—8—2

Порядок цифр соответствует порядку, в котором появлялись предметы в клетке: выделенная цифра относится к новому предмету. 6 крыс экспериментальной группы 20 с изучали 2 знакомых предмета (т.е. в среднем 10 с на предмет). Время, затраченное на новый предмет, равно 22 с (т.е. на 12 с больше для 6 крыс или на 2 с для одного животного). Такое различие является статистически значимым ($t = 3,55$; $p = 0,017$). У контрольной группы такого различия не наблюдалось (средняя разность для одного животного — 0,17). Среднее время исследования 2 сходных (и уже знакомых) предметов в экспериментальной группе также значимо меньше, чем время исследования сходных (но не знакомых) предметов в контрольной группе ($t = 2,27$; $p = 0,046$).

¹ См.: *Berlyne D.E.* Novelty and curiosity as determinants of exploratory behavior // *Brit. J. Psychol.* 1950. 41. P. 68–80.

² Там же. P. 77–78.

затраченным на исследование знакомого и нового предмета, оказывается статистически значимым. Контрольной группе, также состоявшей из шести крыс, после ознакомления с пустой клеткой сразу же предлагался набор разнородных предметов (2 кубика и цилиндр — первой группе, 2 цилиндра и кубик — второй). В контрольной группе не было различия между знакомыми и новыми предметами, ибо каждый из трех предметов исследовался в первый раз. Время, затраченное на исследование каждого предмета, показано во второй строке таблицы 1. Значимого различия между временем исследования в этом случае не наблюдается.

Б) Берлайну¹ принадлежит и первая попытка экспериментального изучения «эпистемической» любознательности человека (в отличие от любопытства на уровне восприятия). Экспериментальной группе из 34 испытуемых — студентов университета — он предлагал список из 48 вопросов, касающихся 12 животных (беспозвоночных), 8 из которых были заведомо известны испытуемому, а 4 являлись достаточно экзотическими животными. Испытуемые должны были осуществить несколько операций с этими вопросами; они должны были выделить 12 вопросов, ответы на которые представляли для них наибольший интерес, указать вопросы, вызывавшие удивление, и пр. Затем им предлагался перечень высказываний, содержащих, между прочим, ответы на вопросы первого списка; после этого испытуемые получали последний список, в котором повторялись вопросы первого списка, но сформулированы они были на этот раз в виде неоконченных предложений, закончить которые должен был сам испытуемый, исходя из того, что стало ему известно из предыдущего списка (изложения фактов). Контрольной группе (состоявшей из такого же числа студентов университета) первый вопросник не предлагался, и они, следовательно, не осуществляли связанные с ним операции. После того как в списке животных они отмечали известных и неизвестных им животных, им предлагался перечень высказываний (таким образом были созданы условия, при которых *любознательность испытуемых не была стимулирована* с помощью предварительных вопросов). Наконец, испытуемые получали последний список предложений-вопросов, которые они должны были закончить. Эффект любознательности измерялся с помощью различных тестов на запоминание и интроспективных отчетов испытуемых. Было отмечено, в частности, что на те вопросы последнего теста, которые вызвали наибольший интерес испытуемых экспериментальной группы, были даны самые обстоятельные ответы. Точно так же лучше всего запоминались те изложенные факты (второй список), которые испытуемые считали ответами на вопросы первого списка. Наконец, столь же хорошо запоминались и данные, вызывавшие удивление.

¹ См.: Berlyne D.E. An experimental study of human curiosity // Brit. J. Psychol. 1954. 45. P. 256–265.

2. Тенденция к манипулированию

А) Первые систематические исследования тенденции к манипулированию были осуществлены Харлоу¹. Обе его работы были проведены на макаках-резусах, а в качестве предметов для манипулирования использовались механические головоломки, состоявшие либо из 3, либо из 6 элементов (рис. 1). Первый эксперимент (с головоломкой из 3 элементов) показал, что в течение 14 опытных дней обезьяна с интересом манипулировала головоломкой и освоила все операции, с помощью которых головоломка разбирается, не получая за это никакого вознаграждения извне. Во втором эксперименте Харлоу подверг еще более детальному изучению процесс и возможности научения и динамику интереса обезьяны к этому виду манипуляций.

Эксперимент проходил следующим образом. Механическая головоломка (рис. 1) находилась в клетке обезьяны, расположенной в свою оче-

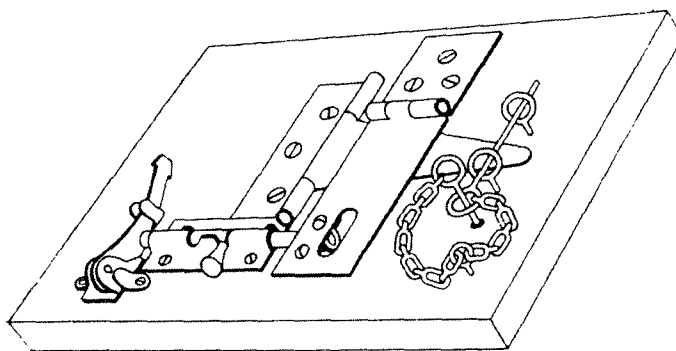

Рис. 1. Механическая головоломка из 6 элементов.
Головоломка, применявшаяся в первом исследовании²,
была проще и состояла из 3 элементов³

редь в закрытом помещении. Обезьяна все время (12 дней) имела доступ во внешнюю и значительно большую клетку, соединенную с первой. Пять раз в день (почти каждые 2 ч) экспериментатор входил в клетку, чтобы

¹ См.: Harlow H.F., Harlow M.K., Meyer D.R. Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. 40. P. 228-234; Harlow H.F. Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. 43. P. 289-294.

² См.: Harlow H.F., Harlow M.K., Meyer D.R. Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. 40. P. 228-234.

³ См.: Harlow H.F. Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. 43. P. 290.

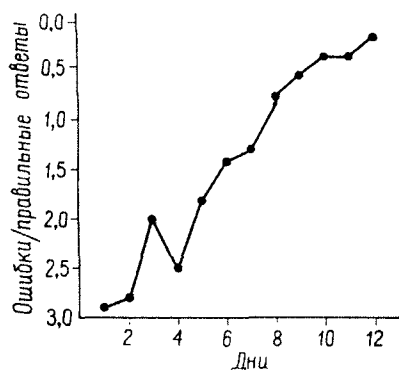

Рис. 2. Кривая научения (отношение неправильных ответов к правильным) для 5 элементов механической головоломки за 12 дней эксперимента

Головоломка состояла фактически из 5 элементов, шестой — шарнирная петля — был несъемным. Результаты 1-го, 2-го и 4-го дней значительно отличаются от результатов 10-го, 11-го и 12-го дней, $p = 0,01$. В конце каждого 2-часового сеанса экспериментатор входил в клетку и фиксировал число разобранных к этому моменту механизмов. Величина активности обезьян в ненаблюдаемый период определялась путем вычитания из этого числа количества механических элементов, разобранных в течение первых 5 мин. Эта величина также возрастала в течение 12 дней¹

снова собрать головоломку, которую обезьяна успела разобрать в перерыве между его посещениями. В течение первых 5 мин каждого периода экспериментатор наблюдал за поведением обезьяны. Он отмечал, в частности, число правильных и неправильных манипуляций с игрушкой, проделанных обезьяной за это время. Действия считались правильными, если они приводили к разбору или освобождению одного из элементов головоломки, и неправильными, если обезьяна манипулировала с элементами не в установленном порядке или не могла их освободить.

На рис. 2 представлена кривая успехов двух обезьян, принимавших участие в опытах в течение 12 дней подряд; по ординате откладывается отношение неправильных действий к правильным. Кривая показывает, что научение обезьян происходит, несмотря на отсутствие какого-либо вознаграждения (пищи, например) извне. Другие графики автора свидетельствуют о том, что эти две обезьяны осуществляли соответственно 63 и 82 правильных действия в течение первых шести дней и 157 и 134 в течение последующих шести дней (за первые пять минут каждого сеанса). Интенсивность мотивации и активности обезьяны проявлялась, в частности, в том, что в последние 6 дней 81% головоломок разбирались практически в первые 5 мин после предъявления их животному.

На 13-й день Харлоу изучал феномен насыщения — каждые 6 мин в течение 10 ч (всего 100 сеансов) он предлагал каждой из обезьян вновь собранную головоломку. Он отметил заметное сокращение числа манипуляций, что свидетельствует об эффекте насыщения. Однако каждая из двух обезьян разобрала почти половину из возможного числа механизмов

¹ См.: Harlow H.F. Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. 43. P. 292.

(100X6), а именно 286, что говорит об удивительной активности обезьяны и предполагает сохранение связанных с ней мотивов.

Б) *Первичная потребность или производная тенденция?* Пытаясь найти объяснение этой очень сильной мотивации, авторы предположили в своей первой работе¹, что она имеет социальный характер из-за присутствия экспериментатора в начале каждого сеанса. Однако в конечном счете они пришли к отрицательному выводу и даже обнаружили, что у двух из четырех участвовавших в эксперименте обезьян уход экспериментатора в большей степени стимулировал активность животных, чем его присутствие. Возможность вторичного подкрепления, связанного с потребностью в пище, также исключается. Таким образом, авторам пришлось признать существование особой потребности в манипулировании. Харлоу² обнаружил также, что удаление некоторых участков головного мозга приводит к снижению активности, связанной с манипулированием. Некоторые исследователи из школы Халла тем не менее подвергают сомнению специфический и первичный характер потребности в исследовании и манипулировании³. Следует отметить также, что до сих пор ни один из ученых не изучил происхождения и развития этой потребности у животных. С другой стороны, до сих пор точно не известны те свойства, которые придают новому стимулу положительную валентность для человека и животного. О более поздних исследованиях в этой области сообщается в работах Биндры и Спиннера, Карра и Брауна, Эрлиха⁴.

В) *Амбивалентность необычного и неизвестного.* При некоторых условиях неизвестное, новое или необычное вызывает негативную реакцию, причем ярко выраженные реакции страха наблюдаются значительно чаще, чем реакции приближения. В отдельных случаях имеет место любопытное сочетание притягательности и страха — тот соблазн опасного, но увлекательного приключения, который столь характерен для некоторых детских игр и поступков взрослых, стремящихся исследовать неизвестное. Виз⁵ изучал негативные реакции ребенка при встрече с чужими или странными людьми. Он проследил развитие таких реакций от полного двигательного торможения и перевозбуждения до постепенного

¹ См.: Harlow H.F., Harlow M.K., Meyer D.R. Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. 40. P. 232–233.

² См.: Harlow H.F. Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. 43. P. 289–294.

³ См., например: Brown J.S. The motivation of behavior. N. Y.: McGraw-Hill Book, 1961. P. 331–339.

⁴ См.: Bindra D., Spinner N. Response to different degrees of novelty: the incidence of various activities // J. Exp. Anal. Behav. 1958. 1. P. 341–350; Carr R.M., Brown W.L. The effect of sustained novelty upon manipulation on rhesus monkeys // J. Genet. Psychol. 1959. 61. P. 121–125; Ehrlich A. Effect of past experience on exploratory behavior in rats // Canad. J. Psychol. 1959. 13. P. 248–254.

⁵ См.: Lewin K. A dynamic theory of personality. Selected papers. N. Y.: McGraw-Hill, 1935. P. 261–264.

привыкания в зависимости от расстояния до незнакомого человека и времени его присутствия и от того, находится ли ребенок в поле зрения или позади этого человека. С другой стороны, Хебб и Ризен¹ изучали реакции страха у обезьяны, оказавшейся в незнакомой или новой обстановке. Выросший в изоляции шимпанзе не испытывает страха при первой встрече с человеком, хотя человеческое лицо, несомненно, является для животного «необычным» объектом. Но у той же самой обезьяны обнаруживаются реакции страха при виде нового человека после того, как она познакомилась с рядом людей и научилась их узнавать. Это нельзя объяснить ни образованием условных связей, ни генерализацией опасного стимула, поскольку до сих пор человек был для молодой обезьяны источником лишь приятных ощущений. Страх возникал у шимпанзе даже в том случае, когда кто-либо из известных уже ей людей приближался к клетке в одежде другого, также знакомого ей человека. На основании этих фактов Хебб² сформулировал следующую гипотезу: расхождение между тем, что воспринимают рецепторы в данный момент, и следами того, что было воспринято ранее, приводит к определенному нарушению мозговых процессов, в результате возникает эмоция страха. Некоторые эксперименты³ поставили под сомнение универсальность этой гипотезы. Все это говорит о том, что проблема валентности неизвестного и непривычного по-прежнему остается нерешенной.

3. Потребность в восприятии и исследовании

Стремление к визуальному восприятию и исследованию наилучшим образом было продемонстрировано в известных экспериментах Батлера⁴. Пять обезьян-резусов помещались в клетку с непрозрачными стенками, освещавшуюся изнутри лампочкой в 25 Вт. На передней стенке находились две небольшие дверцы (рис. 3), которые открывались посредством электрического механизма, как только обезьяна нажимала на одну из них. После предварительного периода тренировки перед дверцами вывешивались желтая и синяя картонки с тем, чтобы указать, ка-

¹ См.: *Hebb D.O., Riesen A.H.* The genesis of irrational fears // *Bull. Canad. Psychol. Ass.* 1943. 3. P. 49–50.

² См.: *Hebb D.O.* The organization of behavior. A neuropsychological theory. N. Y.: John Wiley & Sons, 1949. P. 149.

³ См.: *Hunt J.McV., Quay H.C.* Early vibratory experience and the question of innate reinforcement value of vibration and other stimuli // *Psychol. Rev.* 1961. 68. P. 149–156; *Warren R.P., Pfaffmann C.* Early experience and taste aversion // *J. Comp. Physiol. Psychol.* 1958. 52. P. 263–266; *Meier G.W., Foshee D.P. et al.* Helson's residual factor versus innate R-S relations // *Psychol. Rep.* 1960. 6. P. 61–62.

⁴ См.: *Butler R.A.* Discrimination learning by rhesus monkeys to visual-exploration motivation // *J. Comp. Physiol. Psychol.* 1953. 46. P. 95–98.

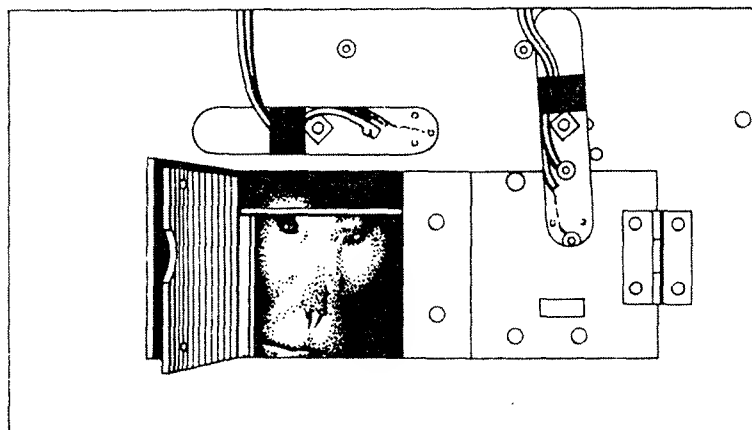

Рис. 3. Частичный вид устройства, применявшегося для изучения визуальной исследовательской деятельности. Видны две дверцы, закрывающиеся и открывающиеся автоматически с помощью электрического устройства. Через открытую дверцу видна голова макаки-резус, исследующей окружающую обстановку¹

кая из дверей автоматически откроется при нажатии на нее. Обезьяны, таким образом, обучались визуальному различению. Единственным вознаграждением обезьяне всякий раз, когда она нажимала на правильную дверцу, служило то, что, как только последняя открывалась, обезьяна получала возможность заглядывать через отверстие в лабораторию и наблюдать за тем, что там происходит. Через 30 с опускалась ставня. Если обезьяна нажимала на заблокированную дверцу, зажигалась маленькая лампочка и сразу же опускалась ставня, закрывавшая обе дверцы. За каждой пробой — как удачной, так и неудачной — следовал 30-секундный интервал, во время которого картонки менялись местами в случайном порядке, затем ставня поднималась, и обезьяна снова могла их видеть. Обезьяна располагала для выбора 5 мин. Если в течение этого времени она никак не реагировала на картонки, дверца открывалась извне, оставалась открытой в течение 30 с, затем опускалась ставня, и спустя 30 с снова предъявлялись картонки. Разумеется, пробы могли следовать с большей или меньшей частотой в зависимости от того, насколько быстро обезьяна нажимала на дверцу, после того как поднималась ставня. Каждая обезьяна делала 20 проб ежедневно на протяжении 20 дней (5 дней в неделю).

¹ См: Butler R.A., Harlow H.F. Persistence of visual exploration in monkeys // J. Comp. Psychol. 1954. 47. P. 259.

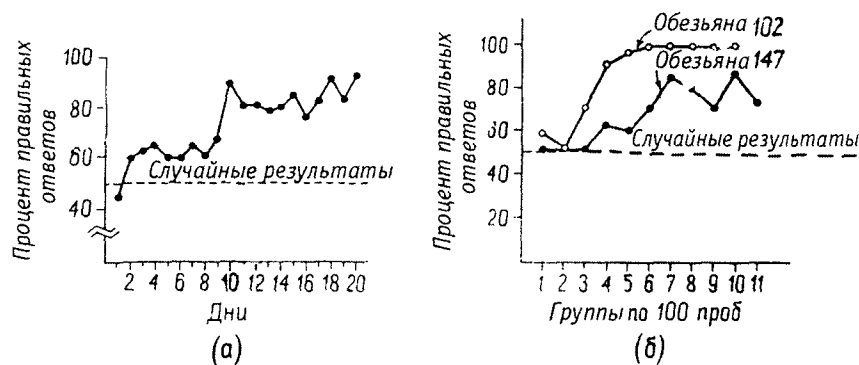

Рис. 4а. Кривая научения 3 обезьян в опыте Батлера с визуальным различением, где мотивацией являлась исследовательская деятельность¹

Рис. 4б. Индивидуальные кривые научения 2 других обезьян в опыте Батлера с визуальным различением, где мотивацией являлась исследовательская деятельность.

Показано увеличение числа правильных ответов на протяжении 11 последовательных серий по 100 проб в каждой. Обезьяна 102 достигла и удерживалась на уровне почти безошибочной деятельности в течение 600 последних проб. Результаты обезьяны 147 в последние 600 проб хотя и несколько хуже, однако значительно выше случайных ($p = 0,01$)²

Полученные результаты показывают, что все животные научились выполнять задачу на различение (рис. 4).

Исследователи измеряли также латентное время реакции (т.е. время от поднятия ставни до нажатия на одну из дверц). Были отмечены индивидуальные различия у 5 животных, участвовавших в этом эксперименте, но латентное время в последние дни опыта возросло (по сравнению с первыми днями) только в одном из пяти случаев. Следовательно, рассмотренная нами мотивация успешно противостояла насыщению³.

¹ См.: Butler R.A. Discrimination learning by rhesus monkeys to visual-exploration motivation // J. Comp. Physiol. Psychol. 1953. 46. P. 96.

² См. там же.

³ См. так же: Butler R.A., Harlow H.F. Persistence of visual exploration in monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1954. 47. P. 258–263.

4. Теоретическая интерпретация

Харлоу¹ подчеркнул различие между потребностью в исследовании и гомеостатическими потребностями. Он говорил о противоположности этих двух категорий потребностей: одни из них имеют внутреннее происхождение, другие — внешнее. Такое противопоставление кажется нам некоторым преувеличением, поскольку оно основывается на различном — внешнем или внутреннем — источнике мотивации. Действительно, наблюдения этологов показали важное значение внешних объектов (releasers, или пусковых механизмов) для развертывания поведения, что, однако, не умаляет значения органических или внутренних компонентов мотивационного фактора. С другой стороны, можно считать, что источником всякой мотивации является либо индивид, «имеющий определенную тенденцию», либо объект, обладающий валентностью.

Тем не менее нельзя, видимо, отрицать глубокого различия между гомеостатическими и вообще физиологическими потребностями и познавательными тенденциями (потребностью в исследовательской деятельности, восприятии, познании). Но искать это различие следует, скорее, в природе «завершающих реакций»², характерных для того и другого типа потребностей и поведения. В то время как удовлетворение гомеостатических потребностей связано, как правило, с действиями, оказывающими биологическое воздействие на организм или на его потомство, удовлетворение познавательных потребностей связано, видимо, с самим объектом. Отношения организма со средой предполагают, таким образом, некоторую активность, свидетельствующую о том, что организм на определенной ступени эволюции способен выделять некоторые объекты и интересоваться ими как таковыми. Видимо, именно здесь и следует искать источник могущественных объектных мотивов, или подчиненности объекту, столь характерных для некоторых поступков и помыслов человека, например для его научной деятельности. Келли³ справедливо подчеркивает, что такая установка, характерная для ученых, не является исключительно привилегией немногих избранных; каждый человек, говорит он, является одновременно *man-the-scientist*⁴, стремящимся познать мир таким, каков он есть, и *man-the-bio-logical-organism*⁵, на котором чрезмерно сосредоточен интерес психолога.

¹ См.: Harlow H.F. Mice, monkeys, men and motives // Psychol. Rev. 1953. 60. P. 23–32; Harlow H.F. Motivation as a factor in the acquisition of new responses // Current theory and research in motivation. A symposium. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1953. P. 24–49.

² См.: Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969. С. 311–314.

³ См.: Kelly G.A. The psychology of personal constructs. N. Y.: W.W. Norton & Co., 1955. Vol. 2. P. 4.

⁴ Человек-ученый (англ.).

⁵ Биологический организм (англ.).

5. Тенденция к чередованию

С потребностью в исследовании, с одной стороны, и феноменом насыщения — с другой, следует связать тенденцию к чередованию, отмеченную у животных, например, при выборе маршрута в лабиринте. Этот феномен можно описать следующим образом: животное, которое в Т-образном лабиринте поворачивает в первый раз направо, при второй пробе чаще всего поворачивает налево. Это происходит не только в опытах без подкрепления, но также и в том случае, если в конце первого коридора находится вознаграждение. Фаулер¹ уточнил этот вопрос, указав, что количественно небольшое вознаграждение (пища) практически не влияет на тенденцию к чередованию, тогда как большое явно уменьшает ее. В последнем случае тенденция к повторному выбору первого пути берет верх над тенденцией к чередованию.

Этот феномен чередования был впервые отмечен Толменом², а затем подвергнут систематическому изучению Деннисом³, Монтгомери и многими другими⁴. Это явление нельзя полностью объяснить реактивным торможением, как это пытался сделать Халл. Оно связано, скорее, как это показал, в частности, Монтгомери, с поиском новых стимулов и потребностью в исследовательской деятельности. Действительно, данный феномен является, видимо, упрощенной формой того, что наблюдается в более сложных ситуациях, например в лабиринте Дешиэлла⁵ с множественным выбором, когда животное выбирало маршруты, охватывавшие большую часть лабиринта. В лабиринте другого типа, в форме креста с двумя входами и двумя камерами на концах <...>, у животных отмечается отчетливая тенденция двигаться по очереди к каждой из камер, а не поворачивать попеременно то налево, то направо, как это требует за-

¹ См.: Fowler H., Fowler D.E., Dember W.N. The influence of reward on alternation behavior // J. Comp. Physiol. Psychol. 1959. 52. P. 220–224; Fowler H., Blond J., Dember W.N. Alternation behavior and learning: the influence of reinforcement magnitude, number and contingency // J. Comp. Physiol. Psychol. 1959. 52. P. 609–614.

² См.: Tolman E.C. Purpose and cognition: the determiners of animal learning // Psychol. Rev. 1925. 32. P. 285–297.

³ См.: Dennis W. A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit. // Amer. J. Psychol. 1935. 47. P. 488–490; Montgomery K.C. The relation between exploratory behavior and spontaneous alternation in the white rat // J. Comp. Physiol. Psychol. 1951. 44. P. 582–589; Montgomery K.C. A test of two explanations of spontaneous alternation // J. Comp. Physiol. Psychol. 1952. 45. P. 287–293; Montgomery K.C. Exploratory behavior and its relation to spontaneous alternation in a series of maze exposures // J. Comp. Physiol. Psychol. 1952. 45. P. 50–57.

⁴ См.: Dember W.N., Fowler H. Spontaneous alternation behavior // Psychol. Bull. 1958. 55. P. 412–428.

⁵ См.: Dashiell J.F. A quantitative demonstration of animal drive // J. Comp. Psychol. 1925. 5. P. 205–208.

кон реактивного торможения¹. Другими словами, животное не избегает повторения одного и того же движения (например, поворота налево), но оно старается не приходить два раза подряд в то же самое место и, как правило, идет туда, где оно еще не побывало.

6. Изоляция и сенсорное лишение

Среди исследований, показавших существование потребности во внешней стимуляции, необходимо выделить, помимо работ, посвященных исследовательскому поведению, многочисленные работы по изучению изоляции и сенсорного лишения², и особенно материалы симпозиума, опубликованные под редакцией Соломона и др.³ Мы ограничимся сообщением об исследовании, осуществленном на человеке в лаборатории Хебба⁴. Экспериментаторы просили испытуемых оставаться в полной неподвижности. Они лежали в удобной позе на диване в звуконепроницаемой камере, на них были надеты специальные очки, пропускавшие рассеянный свет, но не позволявшие различать предметы. Руки испытуемых были помещены в картонные цилиндры, чтобы свести к минимуму тактильные ощущения (рис. 5). Была обеспечена возможность удовлетворения физиологических потребностей; кроме того, испытуемые получали за день «безделья» крупную сумму денег (20 долларов). Результаты показывают, что после 12 ч отсутствия контакта с внешним миром у испытуемых наблюдается ряд психических нарушений; человек начинает испытывать различного рода трудности. Он оказывается не в состоянии правильно думать и поступать, у него наблюдаются даже эмоциональные расстройства. Посредством тестов были обнаружены и нарушения в интеллектуальной деятельности, иногда возникают галлюцинации. Одним словом, испытуемый не переносит отсутствия предметов. Студенты, испытывавшие потребность в деньгах, предпочитали выполнять тяжелую и скучную работу за 7 долларов в день, чем продолжать этот эксперимент, приносивший им 20 долларов, но лишавший их всего внешнего «мира». Это наводит нас на мысль о существовании очень сильной потребности в контакте с внешним миром. Исследования Спитца и многих других показали, что наблюдаемые у детей психические нарушения часто явля-

¹ См.: *Montgomery K.C.* «Spontaneous alternation» as a function of time between trials and amount of work // *J. Exp. Psychol.* 1951. 42. P. 82–93; *Montgomery K.C.* Exploratory behavior and its relation to spontaneous alternation in a series of maze exposures // *J. Comp. Physiol. Psychol.* 1952. 45. P.50–57.

² См.: *Wexler D. et al.* Sensory deprivation // *A. M. A. Arch. of Neurol. and Psychiat.* 1958. 79. P. 225–233.

³ См.: *Solomon P. et al.* (Eds.). Sensory deprivation. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1961.

⁴ См.: *Bexton W.H., Heron W., Scott T.H.* Effects of decreased variation in the sensory environment // *Canad. J. Psychol.* 1954. 8. P. 70–76.

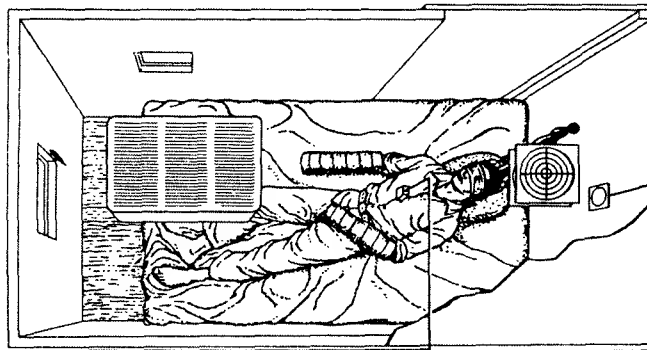

Рис. 5. Экспериментальная камера для изучения перцептивной изоляции (лаборатория Хебба)

На рис. показан вид камеры сверху (потолок отсутствует). Аппарат кондиционирования воздуха расположен в ногах испытуемого, вытяжной вентилятор — над его головой. Видны микрофон, громкоговоритель и провода для записи электроэнцефалограммы. На отдельных стадиях эксперимента голова испытуемого лежала на подушке, имевшей форму U¹

ются прямым следствием отсутствия эмоциональных контактов с человеком (см. Социальная мотивация).

Социальная мотивация

1. Поиски социального контакта

Известно множество различных интерпретаций того факта, что индивид ищет общества себе подобных. Причем такой контакт также может иметь самые различные формы <...>. Некоторые авторы, например, Мак-Дауголл², ссылались при этом на стадный инстинкт. В настоящее время существует тенденция рассматривать социальные мотивы как производные, обусловленные вторичным подкреплением некоторых физиологических потребностей. Индивид ищет общества других индивидов, поскольку таким образом он сможет удовлетворить свою потребность в пище. Посредством процесса генерализации связь одного индивида с другим, с помощью которого была удовлетворена его потребность, распространяется и на других представителей того же вида.

¹ См.: Sensory Deprivation // A symposium held at Harvard Medical School. Cambridge, 1961. P. 9.

² См.: McDougall W. An introduction to social psychology. L.: Methuen & Co., 1908; 28 ed. 1948.

Такое объяснение подтверждается многими данными. Известно, например, что овца не обязательно в силу врожденного инстинкта следует за бараном или за стадом; если человек будет ухаживать за овцой и кормить ее, она привязывается к этому человеку и уже больше не является неотъемлемым членом группы себе подобных. У этологов можно найти многочисленные данные о таких «пусковых механизмах» поведения, а также о времени, когда такие связи устанавливаются (Imprinting).

Что касается человека, то тот факт, что ребенок удовлетворяет свои многочисленные потребности благодаря взрослому, создает между ребенком и взрослым совершенно особые аффективные отношения. Тем не менее факты говорят о том, что объяснение социальных тенденций удовлетворением первичных потребностей едва ли правомерно. Известно, что начиная с определенного возраста ребенок ищет не столько общества взрослых, сколько товарищей в игре, которые не способствуют ему в удовлетворении его органических потребностей. Андерсон¹ и другие подчеркивали, что в этом случае необходимо искать иные факторы. После периода, когда ребенок играет один с какими-то предметами, наступает период, когда ему хочется «делать что-либо» *вместе с другими*. Он явно ищет общества других с целью совместной реализации того или иного игрового замысла, сложность которого увеличивается с возрастом².

Кроме того, систематические наблюдения Спитца³ показывают, что удовлетворение органических потребностей не является, видимо, достаточным условием для формирования социальных контактов ребенка. Несмотря на то что в условиях больницы ребенок получает со стороны взрослых все необходимое для удовлетворения его «первичных» потребностей, отсутствие матери отрицательно сказывается на эмоциональном и социальном контактах ребенка и даже на его интеллектуальном и физическом развитии. Таким образом, для нормального развития ребенка необходима, видимо, сложная сеть человеческих взаимоотношений, которая представляет собой самостоятельную ценность. (Критические замечания к работам Спитца см. в статье Пинно⁴; см. также ответ Спитца⁵.)

¹ См.: Anderson H. Social development // Carmichael L. (Ed.). *Manual of child psychology*. 1954. P. 1162–1215.

² См. также: Murphy L.B. *Social behavior and child personality*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1937.

³ См.: Spitz R.A. Hospitalism. An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // *Psychoanal. Stud. Child*. 1945. 1. P. 53–74.

⁴ См.: Pinneau S.R. The infantile disorders of hospitalism and anaclitic depression // *Psychol. Bull.* 1955. 52. P. 429–452.

⁵ См.: Spitz R.A. Reply to Dr. Pinneau // *Psychol. Bull.* 1955. 52. P. 453–459.

2. Аффективное значение человеческого лица

Эту ценность и особое значение человеческих контактов, не связанных с удовлетворением физиологических потребностей, еще более наглядно показало изучение первых аффективных реакций ребенка на человеческое лицо. Конкретным примером такой эмоциональной реакции является первая социальная улыбка ребенка (в отличие от *гастрической улыбки*, описанной Гезеллом) в двухмесячном возрасте.

Некоторые авторы пытались объяснить эту первую аффективную реакцию образованием условных связей на основе удовлетворения первичных потребностей или физического контакта¹. Напротив, К. Бюлер², исследовавший вместе со своими многочисленными сотрудниками эту проблему, считает социальную улыбку специфической и первичной реакцией на человеческое лицо. Деннис³ пытался решить эту проблему, установив безусловный раздражитель, вызывающий социальную улыбку. С этой целью он провел наблюдение за двумя близнецами в строго экспериментальных условиях и был вынужден прийти к выводу, что не существует более первичного раздражителя, чем присутствие человека. Спитцу и Вольфу⁴ удалось даже определить те части человеческого лица, которые являются особенно важными и вызывают реакцию ребенка.

Несмотря на отрицательные результаты, Деннис продолжал считать, что ребенок улыбается при виде человеческого лица потому, что воспринимает его как сигнал, предвещающий удовлетворение той или иной физиологической потребности. Однако все попытки заставить ребенка улыбнуться при виде соски, из которой он регулярно получал пищу, окончились неудачей⁵. С точки зрения Бюлера, человеческое лицо имеет для ребенка особое значение. Можно говорить, вероятно, о специфической восприимчивости у человека, лежащей в основе некой первичной потребности в социальном контакте. Как показал Спитц, исчезновение лица человека сопровождается у ребенка реакциями недовольства.

¹ См.: Watson J.B. Behaviorism. N. Y.: People's Inst. Publ. Co., 1924.

² См.: Bühler C. Die ersten sozialen Verhaltensweisen des Kindes // Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde, № 5). Jena: Fischer, 1927. P. 1–102; Bühler C. The social behavior children // Murchison C. (Ed.). Handbook of child psychology. Worcester: Clark Univ. Press, 1933. P. 374–416.

³ См.: Dennis W. A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit // Amer. J. Psychol. 1935. 47. P. 488–490.

⁴ См.: Spitz R.A., Wolf K.M. The smiling response // Genet. Psychol. Monogr. 1946. 34. P. 57–125.

⁵ См.: Dennis W. A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit // Amer. J. Psychol. 1935. 47. P. 220.

Х. Хекхаузен

[ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВОВ АФФИЛЯЦИИ, ВЛАСТИ, ПОМОЩИ И АГРЕССИИ]¹

Мотив аффиляции

Мюррей в 1938 г. описывал мотив (потребность) аффиляции следующим образом:

«Заводить дружбу и испытывать привязанность. Радоваться другим людям и жить вместе с ними. Сотрудничать и общаться с ними. Любить. Присоединяться к группам»².

Завязывание и поддержание отношений с другими людьми могут преследовать весьма различные цели, такие, как «произвести впечатление», «властвовать над другими», «получить или оказывать помощь». Под аффиляцией (контактом, общением) мы подразумеваем определенный класс социальных взаимодействий, имеющих повседневный и в то же время фундаментальный характер. Содержание их заключается в общении с другими людьми (в том числе с людьми незнакомыми или малознакомыми) и такое его поддержание, которое приносит удовлетворение, увлекает и обогащает обе стороны.

Степень, в которой это достигается, зависит не только от стремящегося к аффиляции, но также и от его партнера. Человек, стремящийся к аффиляции, должен добиться многого. Прежде всего он должен дать понять о своем желании вступить в контакт, сообщив этому контакту привлекательность в глазах предполагаемого партнера. Он должен сделать очевидным для партнера, что рассматривает его как равного себе и предлагает ему отношения полностью взаимные, т.е. он не только «стремится к аффиля-

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1. С. 289–292, 307, 317–320, 322–323, 338–346, 365–366, 376–388.

² Murray H.A. Explorations in personality. N.Y., 1938. P. 83.

ции», но и одновременно выступает партнером по аффиляции для соответствующей потребности человека, с которым он вступает в контакт. Несимметричность в распределении ролей или далеко идущие желания превратить партнера в средство удовлетворения своих потребностей (например, потребностей в независимости или зависимости, в превосходстве или унижении, в силе или слабости, в предоставлении или получении помощи) наносят ущерб аффиляции как таковой или даже совсем разрушают ее. Наконец, человек, стремящийся к аффиляции, должен добиться определенного созвучия своих переживаний переживаниям партнера, что побуждало бы обе стороны к взаимодействию и ощущалось бы ими как нечто приятное, приносящее удовлетворение и поддерживающее чувство собственной ценности. Цель аффиляции с точки зрения стремящегося к ней можно было бы определить как поиск если и не любви со стороны партнера по аффиляции, то, по крайней мере, приятия, желанности себя, дружеской поддержки и симпатии. Однако подобное определение подчеркивает в отношениях аффиляции лишь одну ее сторону, а именно получение, и пренебрегает другой, отдачей. Вот почему гораздо точнее определить цель мотива аффиляции как взаимную и доверительную связь, где каждый из партнеров если и не любит другого, то относится к нему приязненно, принимает его, дружески поддерживает и симпатизирует ему. Для достижения и сохранения такого рода отношений существует много как вербальных, так и невербальных способов поведения; их можно наблюдать, в частности, при вступлении в контакт с незнакомыми людьми. О мотивированности поведения стремлением к аффиляции можно судить по количеству и позитивному содержанию речевых высказываний, по дружелюбному выражению лица, длительности контакта глаз, частоте киваний головой, по позе и жестике-уляции и т.д.¹

Если руководствоваться моделью «ожидаемой ценности», то очерченная выше цель мотива аффиляции выступит перед нами как некоторая положительная ценность. Результаты действия, ведущего к ее достижению, будут обладать положительной привлекательностью. Индивидуальные различия в ее величине представляют собой один из детерминантов мотивации аффиляции. Ей противостоит, в качестве второго детерминанта, отрицательная привлекательность неудачной аффиляции, которой также свойственны индивидуальные различия. В зависимости от соотношения обобщенных положительной и отрицательной привлекательности мотив аффиляции индивида может быть охарактеризован как преимущественно связанный либо с надеждой на аффиляцию (НА), либо со страхом отвержения (СО).

Как и в случае других мотивов (например, мотива достижения), характеристика ожидаемого успешного или неуспешного исхода действия

¹ О способах невербальной коммуникации см.: *Mehrabian A. Nonverbal communication. Chicago, 1972.*

аффилиции не исчерпывается одной только положительной или отрицательной привлекательностью определенной величины. Каждый из альтернативных результатов действия также заранее ожидается с некоторой определенной вероятностью. Таким образом, каждый человек на основе своего прошлого опыта в сфере общения обладает обобщенными ожиданиями относительно того, удастся ли ему установить отношения аффилиции с незнакомым человеком или нет, т.е. обобщенными ожиданиями аффилиции и отвержения. Эти ожидания не только определяют, вкупе с соответствующими значениями привлекательности, величину мотивации аффилиции (расширяя, таким, образом, область применения модели «ожидаемой ценности»). Нередко они непосредственно проявляются в процессе направленного на достижение аффилиции поведения, приводя к тому, что завязывание и поддержание контакта происходит непринужденно, дружелюбно и адекватно ситуации или же, напротив, неуверенно, робко и неловко.

Тесная связь между ожиданием и поведением не только выделяет мотив аффилиции среди прочих мотивов, подобных мотиву достижения. Она оказывает также своеобразное обратное действие, приводящее к тесной ковариации ожидания и привлекательности аффилиции в случаях, когда партнером выступает незнакомый человек: чем сильнее ожидание успеха, тем выше положительная привлекательность, и наоборот, чем сильнее ожидание неуспеха, тем выше отрицательная привлекательность. Более детально цепь обратной связи можно представить себе следующим образом: ожидание оказывает влияние на ход действия, ход действия — на его результат, повторяющиеся успехи и неудачи формируют соответствующие ожидания, которые, в свою очередь, порождают различия в протекании действия, предопределяющие благоприятный или неблагоприятный результат аффилиции. Таким образом, привлекательность удачной или неудачной аффилиции становится в конце концов величиной постоянной, что и задает индивидуальный профиль соотношения обобщенной положительной и отрицательной привлекательности, т.е. надежды на аффилицию и страха отвержения.

Так возникает (в случае, когда объектом аффилиции является незнакомый человек) ковариация между ожиданием и привлекательностью для индивидуального мотива аффилиции, а также соответствующей ситуационной мотивацией: чем в большей степени обобщенное ожидание успеха преобладает над ожиданием неудачи, тем значительно положительная привлекательность превышает отрицательную, и наоборот. Такое соотношение ожидания и привлекательности отличает мотив аффилиции от мотива достижения, характеризующегося прямо противоположным соотношением этих параметров: чем выше вероятность успеха и, следовательно, легкость задания, тем меньше привлекательность успеха, и чем выше вероятность неудачи, т.е. трудность задания, тем значительно привлекательность успеха.

От обобщенных ожиданий следует отличать ожидания частные, связанные с определенным человеком, которого вступающий в аффиляцию субъект уже хорошо знает. В этом случае ожидание и привлекательность могут варьировать независимо друг от друга. Так, релевантная мотиву аффиляции привлекательность контакта с каким-либо хорошо знакомым человеком может быть весьма небольшой, но сопровождаться при этом высоким ожиданием легкого и быстрого установления контакта, или наоборот. Подобная ситуация складывается и в тех случаях, когда человек хотя и не знаком лично с предполагаемым партнером по аффиляции, но имеющиеся у него сведения позволяют прогнозировать трудность или легкость вступления в контакт. Например, партнер может обладать более высоким социальным статусом, чем стремящийся к аффиляции субъект. В этом случае у последнего, даже если его обобщенные ожидания успеха в принципе высоки, может снизиться уверенность в том, что старший по статусу позитивно отзовется на его усилия по установлению отношений аффиляции. К тому же он может опасаться (в силу малых шансов на успех) своей большей, чем обычно, скованности и напряженности, что приведет к потере привлекательности контакта с ним со стороны партнера, и, следовательно, субъект сам будет способствовать снижению шансов на успех при высокой положительной привлекательности контакта.

Устойчивость ковариации ожидания и привлекательности в случае мотивации аффиляции, направленной на незнакомого человека, до сих пор не проверена эмпирически. Примечательно, однако, что она молчаливо предполагается рядом исследователей, прежде всего Бирном, Мак-Дональдом и Микавой. Они пишут:

«Представляется правомерным утверждение, что накапливаемый на протяжении жизни опыт общения с другими людьми ведет к обобщенным ожиданиям встретить в них источник поощрения или наказания. Если доминируют ожидания первого рода, то субъект будет стремиться к другим людям и искать в них товарищей, будет доверять им и высоко их ценить. Если же доминируют противоположные ожидания, то субъект будет избегать других людей, относиться к ним с подозрением и низко их оценивать. Индивид, опыт которого носит смешанный характер и у которого, в силу этого, высоки ожидания обоих родов, будет находиться в сфере межличностных отношений в состоянии практически постоянного конфликта. А человек, у которого оба вида ожиданий низки, будет проявлять в ситуациях межличностного общения безразличие и незаинтересованность.

Люди, в опыте которых преобладают успешные межличностные взаимодействия, должны отличаться, во-первых, сильно развитыми мотивами сближения в ответ на связанные с аффиляцией ключевые стимулы; во-вторых, убеждением в том, что будущие ситуации межличностного взаимодействия дадут то же количество подкрепляющих взаимодействий; в-третьих, стремлением интерпретировать релевантные аффиляции стимулы в терминах собственного прошлого опыта и своих ожиданий»¹.

¹ Byrne D., McDonald D.R., Mikawa J. Approach and avoidance affiliation motives // *Journal of Personality*. 1963. 31. P. 34–35.

По мнению этих авторов, индивидуальный профиль мотива аффиляции определяется исключительно складывающимися в опыте обобщенными ожиданиями положительного и отрицательного подкрепления (вознаграждения или наказания), так что в конечном счете для объяснения индивидуальных различий соответствующей мотивации привлекательность результата оказывается излишней. Ибо она представляет собой либо константу, либо эквивалентную ожиданию переменную, причем в последнем случае привлекательность принимает то же значение, что и ожидание.

Еще отчетливее о такой взаимозаменяемости говорится в работе Мехрабяна и Ксензкого¹, представляющей собой наиболее разработанную попытку создания теории мотивации аффиляции. Эти авторы выделяют две тенденции мотива аффиляции: а) ожидание с надеждой на аффиляцию и б) ожидание со страхом отвержения — и обозначают их соответственно R_1 и R_2 (сокращение от reinforcement — «подкрепление», термин, указывающий не на ожидание, а на валентность). Такое ожидание, однако, относится только к случаям, когда партнер по аффиляции незнаком или мало знаком. В других случаях решающую роль приобретают не обобщенные ожидания R_1 и R_2 , а специфические ожидания, обозначаемые Мехрабяном и Ксензким как специфическая привлекательность (r_1 и r_2). Мы еще вернемся к этому вопросу.

Бирн и его соавторы, как видно из приведенной цитаты, предлагают перекрестную классификацию мотивов аффиляции, выделяя четыре типа возможных мотивов (эту классификацию приняли также Мехрабян и Ксензкий²). Если ожидание успеха относительно высоко, а ожидание неудачи невелико, мы получаем мотив аффиляции первого типа (НА выше СО), обратное соотношение этих ожиданий дает нам мотив второго типа (НА ниже СО). Третий тип представлен испытуемыми с конфликтной мотивацией (оба ожидания высоки), четвертый — испытуемыми со слабым мотивом аффиляции (оба ожидания низки). Как и в случае мотива достижения, исследователи, предпринявшие в начале 50-х гг. первые попытки измерения мотива аффиляции, исходили из существования двух отличных друг от друга тенденций — стремления к контакту и его избегания. Однако раздельная фиксация этих тенденций с помощью разработанных на базе ТАТ методик удалась, как и в случае мотива достижения, не сразу. <...>

¹ См.: Mehrabian A., Ksionzky S. A Theory of Affiliation. Lexington. Mass. 1974.

² См. там же.

Мотив власти

Определения мотива власти

<...> Остановимся вначале на точке зрения Мюррея, который еще в 1938 г. дал следующее определение мотива власти, назвав этот мотив потребностью в *доминировании*.

«Желания и эффекты. Контролировать свое социальное окружение. Посредством совета, обольщения, убеждения или приказаний воздействовать на поведение других людей и направлять его. Отговаривать, сдерживать и запрещать. Побуждать других поступать в соответствии со своими потребностями и чувствами, добиваться их сотрудничества. Убеждать других в своей правоте...

Действия (общие). Влиять, склонять, вести, убеждать, уговаривать, направлять, регулировать, организовывать, руководить, управлять, надзирать. Подчинять, править, властвовать, попирает, диктовать условия. Судить, устанавливать законы, вводить нормы, составлять правила поведения, принимать решения, разрешать конфликты. Запрещать, ограничивать, оказывать сопротивление, отговаривать, наказывать, лишать свободы, заключать в тюрьму. Очаровывать, покорять, заставлять других прислушиваться к себе, приобретать подражателей и последователей, устанавливать моду...»¹.

Определение Вероффа

Следующее определение принадлежит Вероффу, разработавшему, в отличие от Мюррея, не опросник, а первую основанную на ТАТ методику измерения мотива власти. Это приводимое ниже весьма краткое определение он дополняет важными указаниями по категориям анализа содержания, устанавливающими, какие высказывания следует относить к теме власти:

«...Под мотивацией власти мы будем подразумевать диспозицию, направляющую поведение на достижение того удовлетворения, которое доставляет контроль над средствами оказания влияния на других людей»².

«Тема власти: ...»(а)... Эмоциональные переживания по поводу достижения или удержания контроля над средствами влияния на кого-либо. Персонаж может ощущать удовлетворение, победив в споре, или же испытывать недовольство, когда ему не удалось поступить по-своему... Эмоциональные переживания этого рода можно обнаружить также в утверждениях, выражающих желание не проявлять слабость. Примерами могут служить оскорбление человека с высоким статусом, стыд за неспособность настоять на своем или достичь

¹ Murray H.A. Explorations in personality. N.Y., 1938. P. 152.

² Veroff J. Development and validation of a projective measure of power motivation // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1957. 54. P. 1.

господства, обида при подчинении другому и желание преодолеть его влияние ... (b)... некто, совершающий действия по поддержанию или достижению контроля над средствами влияния... Персонаж может добиваться определенного положения, доказывать что-либо, чего-то требовать, кого-то заставлять ... (c)... межличностные отношения, которые при их осуществлении определяются в данной культуре по типу: некто, вышестоящий по контролю за средствами влияния на подчиненное лицо...»¹.

Бросается в глаза, что обсуждение мотива власти Вероффом все время ведется вокруг приобретения источников власти, обладания ими, страха их потерять, а также страха перед ответным использованием власти. <...> В стороне остаются такие параметры, как способности, моральность цели и предпочтение тех или иных сфер. Сами действия власти оказываются в тени, а на первый план выходят их следствия и сопровождающие их эмоциональные явления. Что касается источников власти, то анализируются следующие из них: власть принуждения, нормативная власть, информационная и отчасти власть знатока. В целом складывается впечатление, что Верофф воспринимает власть в основном глазами человека, который, боясь потери своих источников власти, не столько сам ее применяет, сколько подвергается действиям власти другого. (Как мы увидим ниже, ситуация актуализации, созданная Вероффом при валидации категорий анализа, благоприятствует его пониманию мотива власти.)

Не удивительно поэтому, что ряд полученных с помощью методики Вероффа данных выявляет различные аспекты отсутствия власти у субъекта и страха перед властью другого². Так, Верофф и его коллеги в ходе общенационального исследования 1957 г. установили повышенную мотивацию власти у людей с минимальными доходами, низким образовательным уровнем, выросших в распавшихся семьях, у цветных, а также у вдовцов старше 50 лет³. Имеются также попытки измерения на основе анализа хрестоматийных рассказов национального индекса мотива власти (по Вероффу)⁴. Высокий национальный индекс (в США) мотива власти в период 1944—1950 гг. коррелировал с повышением уровня политических волнений и насилия в период 1955—1960 гг.⁵

¹ Ibid. P. 3–4.

² См.: Veroff J., Veroff J.B. Reconsideration of a measure of power motivation // Psychological Bulletin, 1972. 78.

³ См.: Veroff J., Atkinson J.W., Feld S.C., Gurin G. The use of thematic apperception to assess motivation in a nationwide interview study // Psychological Monographs. 1960. 74; Veroff J., Feld S.C. Marriage and work in America. N.Y., 1970.

⁴ См.: McClelland D.C. The Achieving Society. Princeton. N.J., 1961.

⁵ См.: Southwood K.E. Some sources of political disorder: A cross-national analysis. Неопубликованная диссертация. University of Michigan, 1969.

Определение Юлимана

Следующее определение, которое мы рассмотрим, принадлежит Юлиману¹. В работе 1972 г. он переименовал измеряемый конструкт из «потребности во власти» (need power) в «потребность во влиянии» (need influence). Юлиман не дает развернутого определения мотива власти, однако из разработанных им категорий анализа содержания становится ясно, что «оборонительному», акцентирующему страх власти пониманию этого мотива Вероффом он предпочитает «наступательное» его понимание. Об этом свидетельствуют следующие выдержки из его работы:

«...Сторона 1 (C 1) действует в отношении стороны 2 (C2) таким образом, что заставляет C2 реагировать... Действие первой стороны может быть явным и преднамеренным или произвольным. — ...высокий социальный статус, или престиж. В число индикаторов престижа входят слава, богатство и положение. — ... организация или член организации... — ...отсутствие осуждения, унижения, замешательства, принижения какой-либо участвующей в ситуации влияния стороны... — ...отсутствие мыслей о прошлом... — ...отсутствие страха, боязни и опасений... — ...последовательность действий — реакция... стороны планируют некоторую дальнейшую активность или ищут ...совета... — ...одна из сторон совершает действие, угрожающее важным интересам другой стороны, которая отвечает действием, направленным на нейтрализацию угрозы. — ...энергичный отход одной стороны от другой...»².

На первом плане здесь стоят действия власти, понимаемые как энергичное, создающее взаимные угрозы взаимодействие, не допускающее никакого страха и требующее мужества от обеих сторон. Ни один из остальных выделенных нами параметров не учитывается (возможным исключением является способность «планировать дальнейшую активность»). Из источников власти выделяются власть вознаграждения и нормативная власть. Ниже мы увидим, что условия побуждения мотива в валидизирующем эксперименте также вполне отвечают избранному автором пониманию власти.

Определение Уинтера

После ряда усовершенствований своей также основанной на ТАТ методики Уинтер опубликовал окончательный ее вариант, в котором частично использовал категории анализа содержания Вероффа и Юлимана. Коэффициент корреляции с ними категорий Уинтера колеблется от 0,39

¹ См.: Uleman J.S. A new TAT measure of the need for power. Неопубликованные тезисы диссертации. Harvard University. 1966; Uleman J.S. Dyadic influence in an «ESP study» and TAT measures of the need for influence and power // Journal of Personality Assessment. 1972. 35.

² См.: Uleman J.S. Dyadic influence in an «ESP study» and TAT measures of the need for influence and power // Journal of Personality Assessment. 1972. 35. P. 171–172.

до 0,47. Ниже приводится сначала общее определение Уинтером мотива власти, а далее выдержки из его категорий анализа содержания:

«...Социальная власть есть способность производить ...желаемые эффекты в поведении или переживаниях другого человека»¹.

«...Человек или группа людей ...заботятся об установлении, поддержании или восстановлении своей власти (т. е. о влиянии, управлении или контроле) над другим человеком, группой людей или миром в целом... 1. Человек проявляет свою заботу о власти в действиях... (а) активные насильственные действия, направленные на другого человека, например нападение... (б) оказание помощи, совет, поддержка, содействие без какой-либо просьбы со стороны другого человека... (с) попытка управлять другим человеком, либо прямо воздействуя на его поведение или условия жизни, либо стараясь найти соответствующую информацию... (d) попытка повлиять, убедить, уговорить, подкупить... пока не достигается согласие... (е) попытка произвести впечатление на другого человека или на мир в целом... 2. Человек делает нечто, возбуждающее в других людях сильные положительные или отрицательные эмоции... 3. Нечто... заботится о своей репутации или положении...»².

«Страх власти...: (а) связанная с властью цель достигается ради непосредственной или косвенной пользы другого человека... (б) субъект сомневается в своей способности влиять, управлять или производить впечатление..., (с) автор рассказа считает, что власть обманчива или что у нее есть свои изъяны...»³.

Усовершенствованные категории анализа Уинтера охватывают гораздо больше феноменов и параметров действий власти, чем категории Вероффа и Юлимана. В них выделяются приобретение источников власти (конкретные виды не рассматриваются) и действия власти (главным образом создание впечатления). Неявно учитывается и способность, ибо действие власти может строиться на различных мотивационных основаниях, в частности на оказании помощи и поддержки другому человеку. Кроме того, обращается внимание на моральность цели как в положительном, так и в негативном отношении. Впрочем, действия власти, направленные на общественное благо, своеобразно связываются со страхом власти (точнее, со страхом перед безуспешностью своего воздействия и моральной сомнительностью использования власти). Предпочитаемые сферы применения власти не выделяются.

Шнакерс и Кляйнбек, работавшие с переведенными на немецкий язык и валидизованными категориями Уинтера, определяют мотив власти как

«...стремление... проводить в жизнь свои намерения и решения, используя свои возможности контроля над происходящим в социальных ситуациях, предполагающих различные установки, планы и способы действия. Как правило, все это влияет на поведение и судьбу других людей»⁴.

¹ Winter D.J. The Power Motive. N.Y., 1973. P. 5.

² Ibid. P. 251–254.

³ Ibid. P. 261–262.

⁴ Schnackers V., Kleinbeck U. Machtmotiv und machththematisches Verhalten in einem Verhandlungsspiel // Archiv fur Psychologie. 1975. 127. P. 301.

Это определение еще точнее задает условия действия власти. А именно применение источников власти (впрочем, их приобретение не рассматривается, предполагается, что субъект уже обладает ими) и необходимость свободы действий обеих участвующих в социальном взаимодействии сторон, при этом неявно указывается также на доступность мотивационной основы и аспект способностей. Моральность цели, страх перед последствиями применения власти и предпочитаемые сферы ее использования не учитываются.

Особенности способностей и моральных установок, благоприятствующих при социальном взаимодействии овладению ситуацией, главным образом в «ситуациях с переговорами», проанализировали Кристи и Гейс¹ при валидации так называемой шкалы макиавеллизма. Поскольку к их работе мы еще вернемся, отметим пока яркую выраженность у макиавеллистов в относительно неструктурированных и эмоциональных социальных ситуациях не «мягкости обращения» (soft touch), а «синдрома спокойствия» (cool syndrom). Они не позволяют себе поддаваться эмоциям и чуждым влияниям, не теряют самообладания и быстро схватывают ситуационные возможности воздействия. В такого рода обстоятельствах они сохраняют ориентацию не на личность, а на задачу, захватывают инициативу и в большей степени, чем их партнеры и противники, контролируют и направляют происходящее в нужную для себя сторону. Эти способности сочетаются с несколько циничным отношением к другим людям, как к марионеткам. Однако остается неясным, служат ли все эти признаки показателями сомнительных в моральном отношении базовых установок или большей по сравнению с другими людьми готовности к выражению социально неодобряемых мнений.

Резюме

Подводя итоги критическому анализу определений мотива власти, следует сказать, что мотивация власти представляет собой гораздо более сложное явление, чем мотивация достижения или аффиляции, тем более что в стремление чувствовать себя сильным или оказывать влияние на других с обеих сторон социального взаимодействия могут оказаться втянутыми самые разнообразные мотивы. Несмотря на отсутствие ясности во многих аспектах этой проблемы, в определении мотива власти и основанных на интерпретации текстов методиках его измерения наблюдается определенный прогресс. Если проведенный нами анализ справедлив, то мотив власти можно представить себе примерно следующим образом (поскольку по возможности хочется учесть все измерения вероятных индивидуальных различий, наше определение неизбежно будет грешить длиннотами). <...>

¹ См.: Chrislle R., Geis F.L. Studies in Macheavellianism. N. Y., 1970.

Мотив власти направлен на приобретение и сохранение ее источников либо ради связанного с ними престижа и ощущения власти, либо ради влияния (оно может быть как основной, так и дополнительной целью мотива власти) на поведение и переживания других людей, которые, будучи предоставлены сами себе, не поступили бы желательным для субъекта образом. Влияние это должно так изменить их поведение, чтобы оно способствовало удовлетворению потребности субъекта. Для достижения этого субъект должен с помощью имеющихся источников власти и средств воздействия перестроить привлекательность наиболее важных мотивов другого, причем сделать это возможно более эффективным и экономичным способом. Сама эта деятельность может соответствовать весьма разнообразным мотивам. Она может совершаться ради своего собственного или чужого блага или же ради какой-либо высшей цели; она может принести другому вред либо оказать ему помощь. Индивидуальный мотив власти ограничен как в отношении приобретения власти, так и в отношении ее применения определенными содержательными областями, связанными с конкретными источниками власти и группами людей, подвергающимися воздействию. На нем также может лежать печать страха перед достижением власти, ее потерей, использованием, перед ответным применением власти или перед безуспешностью своего воздействия. <...>

Помощь

Под оказанием помощи, альтруистическим, или просоциальным, поведением могут пониматься любые направленные на благополучие других людей действия. Действия эти весьма многообразны. Диапазон их простирается от мимолетной любезности (вроде передачи солонки) через благотворительную деятельность до помощи человеку, оказавшемуся в опасности, попавшему в трудное или бедственное положение, вплоть до спасения его ценой собственной жизни. Соответственно могут быть измерены затраты помогающего своему ближнему: внимания, времени, труда, денежные расходы, отодвигание на задний план своих желаний и планов, самопожертвование. Мюррей в своем перечне мотивов ввел для деятельности помощи особый базовый мотив, назвав его заботливостью (need nurturance). Отличительные признаки соответствующих ему действий он описывает следующим образом:

«Выказывать сочувствие и удовлетворять потребности беспомощного Д (другого) — ребенка или любого Д, который слаб, покалечен, устал, неопытен, немощен, унижен, одинок, отвержен, болен, который потерпел поражение или испытывает душевное смятение. Помогать Д в опасности. Кормить, опекать, поддерживать, утешать, защищать, успокаивать, заботиться, исцелять»¹.

Однако то, что в конечном счете идет на пользу другому и поэтому на первый взгляд представляется деятельностью помощи, может тем не менее определяться совершенно различными движущими силами. В отдельных случаях возникают сомнения в том, насколько оказывающий помощь ру-

¹ Murray H.A. Explorations in personality. N. Y., 1938. P. 184.

ководствуется в первую очередь заботой о благе объекта его помощи, т.е. насколько им движут альтруистические побуждения. Макоули и Берковиц определяют альтруизм как «поведение, осуществляемое ради блага другого человека без ожидания какой-либо внешней награды»¹. Как и в случае достижения, аффиляции и власти для отграничения помощи от других типов деятельности недостаточно одного лишь бихевиористского описания поведения. В ее определении должны указываться цель действия, собственные намерения, короче говоря, «мотивация» субъекта, а также его восприятие и объяснение положения человека, нуждающегося в помощи. Решающим отличием мотивированной помощью деятельности является то, что она в меньшей степени ведет к собственному благополучию, чем к благополучию другого человека, т.е. ее большая полезность для другого, чем для самого субъекта. Поэтому внешне одинаковые акты помощи могут быть в одном случае альтруистическими, в другом же, напротив, побуждаться мотивом власти и совершаться в надежде поставить другого человека в зависимость и на будущее подчинить его себе. Решающий для выделения деятельности помощи критерий «чужой пользы» едва ли можно сформулировать более выразительно, чем это сделано в притче о сострадательном самаритянине:

«...Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самаритянин же, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе»².

Акт помощи сострадательного самаритянина потому так примечателен, что был осуществлен при отсутствии социального давления и даже не на глазах у способного его оценить зрителя, потому также, что самаритянину не были предписаны столь жесткие моральные нормы, как священнику и левиту, и потому еще, что самаритянин взял на себя труд и затраты, связанные с оказанием помощи, не имея никаких видов на вознаграждение.

Однако как бы сильно акты помощи, требующие высоких и наивысших затрат, ни привлекали общественное внимание и как бы ярко они ни описывались в литературных произведениях в качестве образцов поведения, как бы ни были распространены более повседневные действия помощи, психология мотивации до начала 60-х гг. не уделяла им никакого внимания (если не считать включения мотива заботливости в перечень потребностей Мюррея). В предложенном Мак-Дауголлом в начале нашего

¹ Macaulay J.R., Berkowitz I. (Hg.) *Altruism and Helping Behavior*. N. Y., 1970. P. 3.

² Евангелие от Луки. 10. 30–35.

века перечне инстинктов¹ просоциальные мотивы представлены лишь родительским инстинктом, ограничивающимся заботой о питании и безопасности собственного потомства. (Правда, среди чувств Мак-Дауголл упоминает своеобразное «примитивное пассивное сочувствие», которое, как мы увидим ниже, играет центральную роль в современных попытках психологии мотивации объяснить действия помощи.) Вопрос о том, не могло ли в ходе истории вида приобрести отчасти инстинктивную основу альтруистическое поведение, направленное не только на благо своего потомства, но и на благо других представителей своего вида, последнее время активно дискутируется. Однако каких-либо убедительных выводов пока не получено².

Из истории исследований психологических аспектов помощи

<...> Когда во второй половине 60-х гг. количество исследований поведения помощи резко возросло, причины этого лежали как в науке, так и в общественной жизни. Что касается последней, то тон задали, по-видимому, прежде всего два события, вызвавших сильный общественный резонанс. Одним из них явился процесс над Эйхманом, привлечший запоздалое внимание к людям, которые во время второй мировой войны спасали евреев от уничтожения в условиях острой угрозы своей собственной жизни. В результате в 1962 г. в США было учреждено общество, поставившее своей целью выяснение мотивов и личностных свойств этих людей³. К сожалению, данная попытка, осуществлявшаяся в русле психологии личности, оказалась бесплодной, тем более что исследователям удалось собрать критериальную группу только из 27 успешных эмигрировать лиц. В ходе интервью были выяснены некоторые общие для них особенности — жажда приключений, идентификация с родительским моральным образцом, социальная критичность.

Вторым событием явилось убийство женщины (Кэтрин Дженовэз) в ночь на 13 марта 1964 г. в Нью-Йорке, на вокзальной площади в Бронксе. Несмотря на то что убийце потребовалось около получаса, чтобы нанести три удара вызывавшей о помощи жертве и в конце концов убить ее, и хотя 38 обитателей соседних домов не спали и, подойдя к окнам, наблюдали за происходящим, никто из них не вмешался и даже не вызвал полицию. Отклики средств массовой информации были столь же возмущенными, сколь и растерянными. Эксперты в различных областях знания не

¹ См.: McDougal W. An introduction to Social Psychology. L., 1908.

² См.: Campbell D.T. On the genetics of altruism and the counter-hedonic components in human culture // Journal of Social Issues. 1972. 28.

³ См.: London P. The rescues: Motivational hypotheses about Christians who saved Jews from the Nazis // Macaulay J.R., Berkowitz I. (eds.). Altruism and Helping Behavior. N. Y., 1970.

могли найти объяснения. Вместо этого ответственность за происшедшее приписали таким глобальным факторам, как анонимность, урбанизация или скученность.

Столь шокирующее событие побудило нескольких социальных психологов покинуть надежную почву теоретически понятных лабораторных феноменов поведения и обратиться к изучению действий помощи в полевых условиях, приближенных к реальной жизни. Этому благоприятствовала дискуссия, разгоревшаяся к тому времени в социальной психологии. Ее участники критиковали лабораторные эксперименты за «отрыв от реальности» и призывали для достижения большей «релевантности» перейти к полевым исследованиям¹. Вызванный этой дискуссией поворот к квазинатуральным полевым условиям привел к тому, что проводящиеся до сих пор исследования просоциального поведения носят ситуационный характер и отличаются теоретической скудостью.

Таким образом, в этой области сложилось весьма своеобразное положение дел. С одной стороны, о ситуационных детерминантах действий помощи мы сегодня знаем больше, чем о ситуационной мотивации большинства других видов деятельности. Даже сама притча о сострадательном самаритянине послужила прототипом для проведения эксперимента². Но с другой стороны, о личностных переменных, предрасполагающих к оказанию помощи, пока можно только догадываться, не говоря уже о разработке методики измерения мотива помощи. К тому же пока отсутствует объяснение данного поведения с третьего взгляда, т.е. недостает исследований взаимодействия личностных и ситуационных переменных.

В весьма остроумных полевых исследованиях ситуации, требующие помощи, создавались помощниками и соучастниками экспериментатора на улицах, в транспорте, в помещениях лабораторий и т.д. Проходящим или присутствующим в помещении лицам (потенциальным субъектам оказания помощи) нуждающийся в помощи человек всегда был незнаком. Используемые ситуации помощи можно подразделить на случаи мимолетного одолжения и положения, действительно являющиеся бедственными. К первым относятся: обращение с вопросом типа «Который час?» или «Как пройти...?»; просьба монеты, чтобы позвонить из автомата или уплатить за проезд в автобусе; находка на улице неотосланного письма или кошелька с деньгами; встреча с беспомощной женщиной, не справляющейся с заменой колеса у автомашины; обращение за чем-либо к человеку, занятому срочной работой. Бедственные положения были представлены следующими ситуациями: с человеком случается эпилептический припа-

¹ См: *Israel G., Taifel L.H.* (eds.) *The Context of Social Psychology*. L., 1972; *Ring K.* *Experimental social psychology: Some sober questions about some frivolous values* // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1967. 3.

² См: *Darley J.M., Batson C.D.* «From Jerusalem to Jericho»: A study of situational and dispositional variables in helping behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 27.

док или приступ почечных колик; из соседнего помещения слышно, как какая-то женщина падает с лестницы; в метро или на улице кто-то теряет сознание; человек сидит с поникшей головой у входа в дом и кашляет; на глазах у испытуемого некто похищает деньги из стола только что вышедшей секретарши; в помещение, где испытуемый выполняет задание, внезапно из щели в стене проникает дым, и т.д. Посвященный в смысл происходящего третий участник опыта скрытно, с некоторого расстояния или же в качестве соприсутствующего свидетеля либо простого прохожего наблюдает, в какой мере и каких именно людей ситуация побуждает к деятельности помощи.

Ситуационные факторы

Начало анализу ситуационных детерминантов оказания помощи положила монография Латане и Дарли под названием «Неотзывчивый свидетель: почему он не помогает?»¹. Остановимся сначала на повседневных ситуациях. К прохожим или пассажирам нью-йоркского метро по разнообразным поводам внезапно обращаются за помощью. Полученные здесь данные очень просты, они сводятся к вычислению процента людей из числа всех, оказавшихся в данной ситуации, которые реагируют на нее действенной помощью. Примером может служить просьба у прохожего небольшой суммы денег. Если человек спрашивает: «Не дадите ли вы мне 25 центов?», то лишь 34% людей удовлетворяют его просьбу. Этот показатель растет, если проситель добавляет свое имя (49%) либо ссылается в качестве причины своей просьбы на необходимость позвонить (64%) или на украденный кошелек (72%).

Этот пример, как и многие другие, показывает, что человек, потенциально являющийся субъектом действия помощи, первым делом должен ближе познакомиться с ситуацией и разобраться в происходящем, т.е. выяснить, нуждается ли кто-либо в помощи, какой характер она должна принять и стоит ли вмешиваться ему лично. Прохожие, о которых шла речь в нашем примере, прежде всего старались уяснить себе мотивацию обратившегося за помощью человека: то ли он просто попрошайничает, считая меня за дурака, то ли ему нужно преодолеть временное затруднение, то ли он незаслуженно оказался в бедственном положении. Сообщаемые просящим дополнительные сведения ограничивают диапазон приписываемых ему потенциальных намерений и увеличивают частоту интерпретации ситуации как бедственного, требующего оказания помощи положения. Соответственно повышается и частота ее предоставления. Остается невыясненным только, почему 34% людей дают деньги даже в неопределенной ситуации (простая просьба о деньгах) и почему

¹ См.: Latane B. Darley J.M. The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help? N. Y., 1970.

28% людей отказываются удовлетворить просьбу при полной ясности (украденный кошелек). Воспринимают ли ситуацию представители первой группы как требующую помощи (например, «несчастный нищий»), или же они считают просьбу нахальной, но испытывают неловкость или страх при мысли об отказе? Расценивают ли вошедшие во вторую группу люди ситуацию как все еще не требующую помощи, или они считают помощь необходимой, но не могут решиться ее оказать?

Взвешивание затрат и пользы

Для объяснения полученного материала Латане и Дарли привлекли модель «затрат и пользы»¹ (а не модель «ожидаемой ценности»). Они предложили элементарную схему использования этой модели, сводящуюся к вычислению соотношения затрат и пользы действий только помогающего субъекта в случае оказания и неоказания им помощи и сопоставлению между собой полученных значений. Исходя из соображений, навеянных теорией справедливости², и эмпирических данных³, можно предположить, что на деле оказывающий помощь принимает также в расчет соотношение затрат и пользы для обратившегося за помощью, особенно, вероятно, в тех случаях, когда последствия неоказания помощи были бы слишком существенны. Согласно одному из очевидных следствий модели «затрат и пользы», человек тем менее готов оказать помощь, чем дороже она ему обходится⁴, т.е. чем выше поставленные на карту ставки.

Для проверки положения о падении с ростом затрат готовности к оказанию помощи Алленом⁵ был проведен следующий эксперимент в нью-йоркском метро. Два помощника экспериментатора (П1 и П2) входили в вагон; П1 садился рядом с одним из пассажиров, П2 подходил к ним и, обращаясь сразу к обоим, спрашивал, направляется ли поезд в центр или в пригород. На это П1 всегда давал неверный ответ, после чего фиксировалось, поправлял его пассажир или нет. В двух других экспериментальных ситуациях этой сцене предшествовал небольшой эпизод: П2 спотыкался о ногу П1. В одном случае П1 (дававший затем неверный ответ) реагировал на это сильным раздражением, вплоть до угрозы

¹ См.: Thibaut J.W., Kelly H.H. The Social Psychology of Groups. N. Y., 1959.

² См.: Adams J.S. Toward an understanding of inequity // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. 67; Walster E., Piliavin J.A. Equity and innocent bystander // Journal of Social Issues. 1972. 28.

³ См.: Schopler J. An investigation of sex differences on the influence of dependance // Sociometry. 1967. 30.

⁴ См.: Berkowitz L., Daniels L.R. Affecting the salience of the social responsibility norms: Effects of past helps on the response to dependency relationships // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. 68.

⁵ Цит. по: Latane B. Darley J.M. The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help? N. Y., 1970.

физического воздействия, в другом — ограничивался сдержанным замечанием. Полученные результаты вполне согласуются с предположением о влиянии затрат. Без предварительного эпизода ложный ответ исправляли 50% пассажиров, при слабом варианте стычки П1 со споткнувшимся П2 их доля уменьшилась до 28%, а когда стычка приобретала угрожающий характер, она составила всего лишь 16%. Очевидно, что в двух последних случаях потенциально готовые оказать помощь пассажиры боялись, что в результате их вмешательства сидящий рядом с ними сосед снова начнет скандалить, причем теперь уже направит свой гнев на них. Одновременно в этом исследовании был зафиксирован другой ситуационный фактор поведения помощи — снятие с себя ответственности. Частота исправления ложного ответа была меньшей, если задававший вопрос человек обращался не к обоим пассажирам одновременно (50%), а лишь к неверно информировавшему его П2 (16%).

Характерной чертой только что описанного эксперимента, как и многих других исследований (в том числе моделирующих действительно бедственные положения), является непосредственная понятность и предсказуемость их результатов «человеком с улицы». Это наглядно продемонстрировали Пеннер, Саммерс, Брукмайр и Дертке¹, использовавшие прием «потерянного доллара». «Потерянная» долларовая банкнота лежала либо в бумажнике (где был также и адрес его владельца), либо в конверте, адресованном в университетскую кассу, либо же просто на полу или на стуле. Доллар мог быть найден в одном из трех различных помещений: (1) в одной из лабораторий своего (психологического) факультета, где нашедший его студент в одиночестве выполнял задание в качестве испытуемого; (2) в помещении чужого факультета, где студент слушал курс по какой-либо вспомогательной дисциплине; (3) в умывальной комнате университетского туалета. Как и следовало ожидать, доллар присваивался тем чаще, чем большей анонимностью характеризовалось место находки (т.е. чем оно дальше находилось от места, где человек был «у себя дома» и где его знали): в умывальной комнате — в 58, на чужом факультете — в 18, у себя на факультете — в 15% случаев (рис. 1 а). Кроме того, с ростом анонимности доллар все реже возвращался владельцу — соответствующие показатели составляют 18, 35 и 40% (в прочих случаях доллар игнорировался). В то же время независимо от места находки доллар в бумажнике чаще возвращался, чем в конверте, а последний — чаще, чем просто лежащий доллар (и, соответственно, реже присваивался; рис. 1 б).

В исследовании, моделирующем этот эксперимент, испытуемых (каждого отдельно) просили представить себе одну из ситуаций, задавае-

¹ См.: Penner L.A., Summers L.S., Brookmire D.A., Dertke M.C. The lost dollar: Situational and personality determinants of pro- and antisocial behavior // Journal of Personality. 1974. 44.

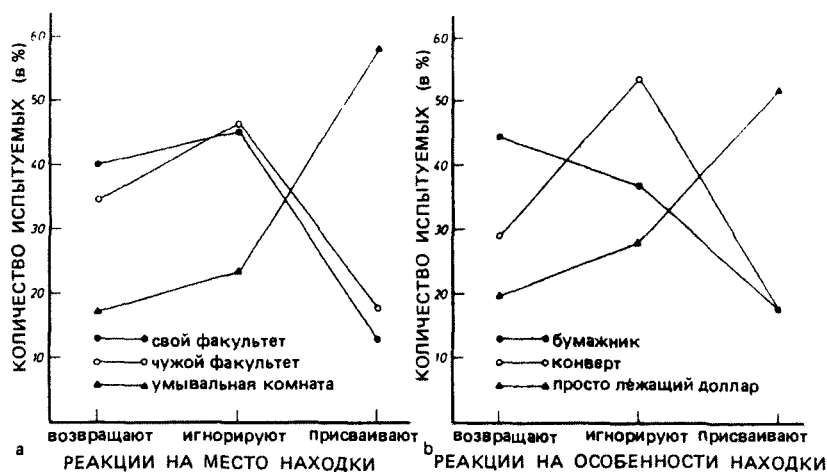

Рис. 1. Реакция испытуемых на найденный ими доллар в зависимости от:
а) места находки и б) особенностей находки¹

мых 9-клеточной матрицей условий (например, «доллар в бумажнике в умывальной комнате»), и спрашивали, как, по их мнению, будут действовать в этой ситуации они сами и другие люди. Результаты этого опроса полностью совпали с фактически полученными данными. Испытуемые, принимавшие участие в симулирующем исследовании, должны были также оценить, во-первых, какой вред будет причинен владельцу, во-вторых, насколько сильный риск связан с присвоением доллара и, в-третьих, каковы могут быть причины такого присвоения. Все они единодушно пришли к выводу, что наибольший ущерб будет нанесен владельцу доллара в бумажнике, наименьший — владельцу просто лежащего доллара. Наиболее опасным испытуемые сочли присвоить доллар на своем факультете, в то время как присвоение его в умывальной комнате они оценили как наименее рискованное.

Личностная атрибуция как дополнительный объяснительный фактор

Приписывание (атрибуция) той или иной мотивации акту присвоения доллара может отвечать рассмотренному [ранее] объяснению поведения с первого и второго взглядов. Чем более условия ситуации препятствуют присвоению доллара, т.е. чем оно рискованнее (скажем, случай

¹ Penner L.A., Summers L.S., Brookmire D.A., Dertke M.C. The lost dollar: Situational and personality determinants of pro- and antisocial behavior // Journal of Personality. 1974. 44. P. 282.

своего факультета), и чем большим представляется вред, наносимый владельцу (скажем, доллар в бумажнике), тем в большей степени оно приписывается личностным переменным (отрицательным чертам характера). С другой стороны, чем больше ситуация благоприятствует этому поступку, т.е. чем менее он рискован (скажем, вариант умывальной комнаты), и чем меньше вредит владельцу (скажем, просто лежащий доллар), тем в большей степени он представляется обусловленным ситуационными факторами. Если исходить из понесенных затрат, то в ситуации присвоения доллара следует, по-видимому, учитывать затраты трех типов: 1) затраты, которых стоила владельцу доллара его потеря; 2) затраты нашедшего, связанные с возможностью попасться; 3) затраты нашедшего, связанные с понижением самооценки.

Чем менее понятно действие помощи с точки зрения анализа затрат, чем более парадоксальным оно в этом случае кажется, тем скорее оно объясняется особенностями личности оказавшего помощь человека, его бескорыстием. Такого рода каузальная атрибуция играет также решающую роль в том, насколько сильным окажется влияние данного акта альтруистического поведения в качестве образца для подражания. Например, если прохожий находит бумажник с вложенным в него письмом от человека, ранее нашедшего этот бумажник и сообщавшего, что он отправляет его владельцу вопреки совету друга (или несмотря на отрицательный опыт, который он приобрел, потеряв некогда собственный бумажник), то доля людей, нашедших бумажник вторыми и возвращающих свою находку владельцу, оказывается в три раза выше, чем в случае, когда первый нашедший бумажник человек пишет, что возвращает его по совету своего друга и сообразуясь с собственным опытом¹.

Если анализ затрат применить к притче о сострадательном самаритянине, мы вынуждены будем обратиться к явной личностной атрибуции. Действие самаритянина потому кажется нам столь бескорыстным, что оно противоречит типу поведения, навязываемому обстоятельствами, и должно быть приписано ярко выраженным личностным особенностям оказавшего помощь. Затраты, которых стоит оказание помощи, здесь велики, затраты же, связанные с отказом от помощи, напротив, практически равны нулю, ибо на уединенной дороге не было никого, кто мог бы привлечь самаритянина к ответственности за неоказание помощи; чрезвычайно высокими, вплоть до потери жизни, были бы лишь затраты жертвы разбойников. К этому следует добавить, что в силу своей социальной принадлежности самаритянин имел право чувствовать меньшую ответственность за судьбу жертвы нападения, чем священник и левит. Обсуждая эту ситуацию, мы переходим уже к анализу актов помощи в действительно бедственных положениях.

¹ См.: *Hornstein H.A., Fisch E., Holmes M.* Influence of the model's feelings about his behavior and his relevance as a comparison on others observer's helping behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. 10.

Диффузия ответственности

В отличие от ситуаций обычной помощи для случаев чрезвычайных характерно одно обстоятельство, затрудняющее адекватное и немедленное оказание помощи. Такие случаи возникают непредвиденно, у человека нет наготове какого-либо подходящего для них плана действий, ибо ситуации несчастья довольно редки, что не позволяет субъекту накопить опыт уместного в них поведения. Кроме того, подобная ситуация может угрожать состоянию, здоровью и самой жизни оказывающего помощь, т.е. затраты могут оказаться несоразмерно высокими по отношению к пользе (в том числе и к пользе для другого человека). Наконец, бедственная ситуация требует быстрого реагирования и практически не допускает длительного обдумывания возможных действий (многие случаи героической помощи происходили только потому, что помогавший не тратил времени на размышления об опасности, связанной с вмешательством в происходящее). Таким образом, внезапно возникшая ситуация беды прежде всего должна быть воспринята в качестве таковой; далее, необходимо более точно оценить ее причины и наличные возможности оказания помощи, и только после этого человек может взять на себя ответственность и выбрать из разнообразных возможностей помощи ту, которая представляется наиболее подходящей, чтобы, в конце концов, принять решительные меры. Этот сложный процесс, начинающийся первичным восприятием ситуации и заканчивающийся действием помощи, может на отдельных стадиях различным образом нарушаться или замедляться.

Не приходится поэтому удивляться, когда дело вовсе не сразу доходит до оказания помощи. Нередко возможность помощи реализуется тем меньше, чем больше свидетелей оказывается у ситуации несчастья. Латане и Дарли¹ объясняют подобный эффект «множественной неосведомленностью» и «диффузией ответственности». Множественная неосведомленность характеризует стадию оценивания ситуации. Будучи не один, человек при оценивании ситуации использует реакции окружающих. В то же время каждый из присутствующих сдерживает свою реакцию, чтобы ее чрезмерная сила или поспешность не поставили его в неловкое положение, не привлекли к нему внимание. Но поскольку в такое замешательство, ведущее к задержке реакции, первоначально впадают все присутствующие, то требующая неотложной помощи ситуация несчастья ошибочно интерпретируется как менее критическая².

Когда же на следующей стадии человек должен почувствовать себя ответственным за оказание помощи, он ожидает того же от всех присутствующих, в силу чего происходит диффузия, а тем самым и уменьшение

¹ См.: *Latane B., Darley J.M. Group inhibition of bystander intervention in emergencies // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. 10.*

² См.: *Bickman L. Social influence and diffusion of responsibility in an emergency // Journal of Experimental Psychology. 1972. 8.*

ответственности. Диффузия ответственности позволяет объяснить каждый из следующих случаев: (1) когда в помещение, где проходит эксперимент, из щели в стене неожиданно показывается дым, испытуемый, работающий в одиночестве, быстрее проявляет беспокойство и сообщает о происходящем находящемуся вне комнаты экспериментатору, чем испытуемый, работающий в паре (соответственно 75 и 10%), тем более когда второй испытуемый, являясь в действительности помощником экспериментатора, не уделяет инциденту никакого внимания¹; (2) слыша, как в соседней комнате кто-то падает с лестницы и кричит от боли, на помощь ему бросаются 70% испытуемых, выполняющих задание в одиночестве, и только 40% тех, кто работает в паре²; (3) когда в ходе групповой дискуссии, проводимой с помощью микрофонов и наушников, с одним из испытуемых случается эпилептический припадок, а каждый участник сидит в отдельной кабине, то в случае двух участников другой в 100% случаев быстро (в среднем через 52 с) бросается на помощь, в случае трех участников — 85% и через 93 с, в случае шести участников — 62% и через 166 с.

Впрочем, как показывают более поздние исследования, «обсуждаемый» эффект имеет свои пределы. В частности, Шварц и Клаузен³ обнаружили его в ситуации «эпилептического припадка» только для испытуемых-женщин, но не мужчин. В ситуациях, когда несчастный случай совершенно не допускал ошибочного истолкования, таких, как внезапное падение пассажира в движущемся вагоне метро, предоставление помощи не зависело от количества пассажиров, а его латентное время с ростом числа свидетелей даже несколько уменьшалось⁴. Наконец, если свидетели несчастия не были незнакомыми людьми, а составляли организованную группу, члены которой взаимодействовали между собой, то диффузии ответственности также не наблюдалось <...>. Вместе с тем явные признаки диффузии ответственности (низкая частота и большое латентное время действий помощи) при проведенных в метро исследованиях наблюдались в случаях, когда какие-либо особенности нуждавшегося в помощи человека наводили потенциальных субъектов действия помощи на мысль о том, что связанные с оказанием помощи затраты могут быть высокими. Такими характеристиками нуждавшегося в помощи, предполагающи-

¹ См.: Latane B., Darley J.M. The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help? N. Y., 1970.

² См.: Latane B., Rodin J.A. A lady in distress: Inhibiting effects of friend and strangers on bystander intervention // Journal of Experimental Social Psychology. 1969. 5.

³ См.: Schwartz S.H., Glauser G. Responsibility, norms and helping in an emergency // Journal of Personality and Social Psychology. 1970. 16.

⁴ Piliavin I.M., Piliavin J.A., Rodin J. Costs, diffusion, and the stigmatized victim // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. 32; Piliavin I.M., Rodin J., Piliavin J.A. Good samaritanism: An underground phenomenon? // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. 13; Clark R.D., Ward L. Why don't bystanders help? Because of ambiguity? // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. 24.

ми высокие затраты, были: явное опьянение¹, сочившаяся изо рта кровь², большое красное родимое пятно на лице или несколько неряшливый внешний вид³. Причем в случае родимого пятна диффузия ответственности еще более увеличивалась, когда рядом с упавшим пассажиром сидел человек в белом халате, казавшийся врачом или санитаром. <...>

К настоящему времени имеется множество данных, свидетельствующих о стимулирующем помощи или препятствующем ей влиянии целого ряда особенностей ситуации. Однако эти результаты не намного приблизили нас к пониманию мотивации помощи, ибо индивидуальные различия остаются пока вне поля зрения исследователей. Недооценка возможной роли личностных факторов особенно свойственна позиции Латане и Дарли, и это несмотря на то, что все полученные ими результаты нуждаются в объяснении, почему при любых препятствующих оказанию помощи условиях всегда находится меньшинство, которое помогает, а при любых благоприятствующих условиях — меньшинство, которое не помогает. Исследователи, ориентированные социально-психологически, оказались в высшей степени изобретательными в организации ситуационных обстоятельств и их варьировании. К сожалению, этого нельзя сказать о разработке ими теоретических конструкторов, относящихся к сфере психологии личности, и о создании соответствующих диагностических методик. <...>

Агрессия⁴

В обывденном языке слово «агрессия» означает множество разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), наносят ему мате-

¹ См.: Piliavin I.M., Rodin J., Piliavin J.A. Good samaritanism: An underground phenomenon? // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. 13.

² См.: Piliavin J.A., Piliavin I.M. The effect of blood on reaction to a victim // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. 23.

³ См.: Piliavin I.M., Piliavin J.A., Rodin J. Costs, diffusion, and the stigmatized victim // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. 32.

⁴ Приводимые в этом разделе данные в основном относятся к индивидуально агрессивному действию, которое принципиально отличается от групповой агрессии. Конечно, в борьбе с такими антисоциальными явлениями, как терроризм, мафия, захват заложников, знание психологических особенностей формирования агрессивного действия может помочь, но оно не решит самой проблемы, поскольку такие явления есть результат социального неблагополучия совсем иного рода, чем то, которое приводит к свершению индивидуального агрессивного действия. Социальное неблагополучие первого рода в основном определяется господствующей в обществе системой ценностей. Если в обществе явно или неявно поощряется (например, тем, что остается безнаказанным или всячески рекламируется) стремление любыми средствами подчинить себе людей (например, приобрести состояние или держа их в страхе), то такие явления, как мафия, — это только доведение до логического конца принятой в обществе системы ценностей, смена которой воз-

риальный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений, противодействуют его интересам или же ведут к его уничтожению. Такого рода антисоциальный оттенок заставляет относить к одной и той же категории столь различные явления, как детская ссора и войны, упреки и убийство, наказание и бандитское нападение. Мотивационно-психологический анализ деятельности предполагает не только фенотипическую, но и генотипическую дифференциацию этих явлений. Однако, когда речь идет об агрессивных действиях, выяснение условий их совершения представляет собой особо сложную задачу. Как и в случае других социальных мотиваций, человек, совершая агрессивное действие, как правило, не просто реагирует на какую-либо особенность ситуации, но оказывается включенным в сложную предысторию развития событий, что заставляет его оценивать намерения других людей и последствия собственных поступков. Поскольку многие (хотя и не все) виды агрессивных действий подлежат к тому же регуляции моральными нормами и социальными санкциями, исследователю еще приходится принимать в расчет многообразные заторможенные и завуалированные формы агрессивного действия.

Количество работ, направленных на выяснение того, какие виды и формы агрессивных действий возможны и при каких условиях, за последние 15 лет чрезвычайно возросло. За 10 лет, с 1964 по 1973 гг., на эту тему появилось в три раза больше публикаций, чем за три предыдущих десятилетия; а в период с 1970 по 1976 гг. было опубликовано более 1200 работ¹. К настоящему времени лишь о человеческой агрессивности написано более 350 монографий². Причина этого не в последнюю очередь заключается в стремлении содействовать посредством лучшего понимания агрессивных действий предотвращению и сдерживанию явных актов насилия. Ибо террористические акты (как в странах, где идет гражданская война, так и там, где она отсутствует), новые формы преступности (такие, как ограбление банков, угон самолетов, захват заложников, шантаж), влияние сцен насилия, ежедневно «с доставкой на дом» получаемых населением от средств массовой информации, вызывают все большую обеспокоенность международной общественности. <...>

можно лишь в результате радикальных социальных преобразований, а не вследствие изучения особенностей агрессивного действия. В случае же индивидуального агрессивного действия дело обстоит принципиально иначе. Такое действие может свершаться не благодаря, а вопреки принятой системе ценностей и быть свидетельством социального неблагополучия не общества в целом, а или самого индивида, или его непосредственного окружения, как, например, в случае детской агрессивности. И знание психологических особенностей формирования такого действия — одно из средств борьбы с ним. (*Примечание редактора источника.*)

¹ См.: Stonner D.M. The study of aggression: Conclusions and the prospects for the future // R.G. Green, E.C. O'Neal (eds.) Perspectives on aggression. N. Y., 1976.

² См.: Baron R.A. Human aggression. N. Y., 1977. Ch. VII.

Из истории психологических исследований агрессии

Существуют три отличные друг от друга группы теорий агрессии, которые мы рассмотрим в той последовательности, в какой они создавались. Это теории влечения (или инстинкта), фрустрационная теория агрессии и теории социального научения (в том числе попытки, относящиеся к психологии мотивации). Теории влечения в современной психологии считаются устаревшими, а в последнее время это отношение распространилось отчасти и на фрустрационную теорию агрессии. Последняя явилась переходной ступенью от психоаналитической теории влечения к теориям социального научения; она положила начало новейшим исследованиям агрессии и сильно стимулировала их.

Теории влечения

В теориях влечения агрессия рассматривается как устойчивая диспозиция индивида, поэтому построены они довольно просто. В первоначальном варианте психоаналитической теории Фрейда (1908)¹ агрессия трактовалась как составная часть так называемого «Я-влечения», однако позднее (1915)², главным образом под влиянием первой мировой войны, Фрейд ввел в свою теорию в виде «влечения к смерти» самостоятельное агрессивное влечение. (Нет смысла останавливаться на теории Фрейда более подробно или обсуждать взгляды других представителей психоанализа, таких, как Адлер или неопрейдисты, ибо они уже давно никак не влияют на психологические исследования агрессии.) В переписке с Альбертом Эйнштейном о возможностях предотвращения войн Фрейд в 1932 г. указывал на инстинктивные основы человеческого стремления к разрушению, считая бесплодными попытки приостановить этот процесс. Благодаря общественному прогрессу разрушительному стремлению можно только придать безобидные формы разрядки.

Аналогичного понимания агрессии придерживается основоположник этологии Лоренц³. По его мнению, в организме животных и человека должна постоянно накапливаться особого рода энергия агрессивного влечения, причем накопление происходит до тех пор, пока в результате воздействия соответствующего пускового раздражителя она не разрядится (в частности, у некоторых видов животных подобная разрядка наблюдается при вторжении на территорию данной особи незнакомого представителя своего вида). Эта простая «психогидравлическая модель» критиковалась

¹ См.: *Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie // Gesamte Werke. Bd. V (3 Aufl.). Frankfurt. M., 1961.*

² См.: *Freud S. Triebe und Triebchicksale // Gesamte Werke. Bd. X. Frankfurt. M., 1952.*

³ См.: *Lorenz K. Das sogenannte Bose. Zur Naturgeschichte der Aggression. Wien, 1963.*

как этологами¹, так и психологами² не только за рискованный перенос на человека результатов, полученных в исследованиях животных, или за планы снижения уровня агрессии цивилизованного человека путем организации различных состязаний и т.п., но и за недостаточную фактическую обоснованность. Критиками, однако, не оспаривается, что человеческая агрессия имеет свои эволюционные³ и физиологические⁴ корни. К числу физиологических факторов агрессии относятся половые гормоны⁵. Хотя современное состояние исследований роли этих гормонов пока мало что дает для психологического изучения агрессии, все же пренебрегать их значением не следует. Более понятными и на сегодняшний день гораздо лучше изученными являются половые различия агрессивного поведения, обусловленные особенностями социализации. Проведенные исследования показывают, что в целом мальчики агрессивнее девочек, а мужчины агрессивнее женщин⁶. По-видимому, у женщин агрессивные действия тормозятся сильнее. Проявив агрессию, они скорее будут реагировать на нее чувством вины и страха⁷. Однако из анализа литературы по экспериментальным исследованиям видно, что картина не столь уж единообразна, как это могло бы показаться при поверхностном рассмотрении⁸.

К представителям теорий влечения следует отнести также Мак-Дауголла⁹. В его перечне 12 основных инстинктов мы находим «агрессивность» с соответствующей ей эмоцией гнева. В более поздней редакции этого перечня¹⁰, содержащей 18 мотивационных диспозиций (см. табл. 1 на с. 29 настоящего издания), инстинкт агрессивности стал выглядеть следующим образом: [гнев]. Негодование и насильственное устранение всякой помехи или препятствия, мешающих свободному осуществлению любой другой тенденции». Этой формулировкой Мак-Дауголл

¹ См.: *Hinde R.A.* The study of aggression: Determinants, consequence, goals and functions // *J. de Wit, W.W. Hartup* (eds.) *Determinant and Origins of Aggressive Behavior*. Den Haag, 1974.

² См.: *Montague A.* (ed.) *Man and Aggression*. N. Y., 1968; *Montague A.* *The Nature of Human Aggression*. N. Y., 1976.

³ См.: *Bigelow R.* The evolution of cooperation, aggression and self-control // *J.K. Cole, D.D. Jenson* (eds.) *Nebraska Symposium on Motivation* 1972. L., 1973.

⁴ См.: *Moyer K.E.* *The Psychology of Aggression*. Chicago, 1971; *Moyer K.E.* *The Psychology of Aggression*. N. Y., 1976.

⁵ См.: *Maccoby E.E., Jacklin C.N.* *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Calif., 1974.

⁶ См.: *Maccoby E.E.* (Hg.) *The development of Sex Differences*. Stanford, 1966. P. 323–326; *Maccoby E.E., Jacklin C.N.* *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Calif., 1974.

⁷ См.: *Maccoby E.E.* (Hg.) *The development of Sex Differences*. Stanford, 1966.

⁸ См.: *Frodi A., Macaulay J.R., Thome P.* Are woman always less aggressive than man? A review of the experimental literature // *Psychological Bulletin*. 1977. 84; *Merz F.* *Geschlechtsunterschiede und ihre Entwicklung*. Gottingen, 1979.

⁹ См.: *McDougal W.* *An introduction to Social Psychology*. L., 1908. Гл.3.

¹⁰ См.: *McDougal W.* *The Energies of Man*. L., 1932.

фактически предвосхитил точку зрения фрустрационной теории агрессии Долларда и его коллег¹.

Фрустрационная теория агрессии

В противоположность чисто теоретическим концепциям влечения фрустрационная теория, как она представлена в монографии 1939 г. Долларда и его соавторов, положила начало интенсивным экспериментальным исследованиям агрессии. Согласно этой теории, агрессия — это не автоматически возникающее в недрах организма влечение, а следствие фрустраций, т.е. препятствий, возникающих на пути целенаправленных действий субъекта, или же ненаступления целевого состояния, к которому он стремился. Рассматриваемая теория утверждает, что, во-первых, агрессия всегда есть следствие фрустрации и, во-вторых, фрустрация всегда влечет за собой агрессию.

В приведенной выше формулировке оба эти постулата не подтвердились. Не всякая агрессия возникает вследствие фрустрации (в частности, с фрустрацией не связана ни одна из форм инструментальной агрессии). И не всякая фрустрация повышает уровень стремления к агрессии (этого не происходит, например, если подвергшийся фрустрации человек воспринимает ее как непреднамеренную или как вполне оправданную). Так называемая гипотеза катарсиса (мы обсудим ее особо), согласно которой агрессивное поведение снижает уровень побуждения к агрессии, также не при всех обстоятельствах соответствует действительности.

Теория социального научения

Концепции агрессии, разработанные в русле теорий социального научения, ведут свое происхождение от теоретических представлений S—R-типа (прежде всего от Халла): в них различным образом определяются и по-разному связываются между собой компоненты поведения, ответственные за его побуждение и направление. Наиболее влиятельными представителями этого течения являются Берковитц и Бандура. Первоначально Берковитц² стоял на позициях, тесно связанных с фрустрационной теорией агрессии. Отказавшись от не выдерживающего критики постулата о том, что фрустрация всегда ведет к агрессии, он ввел две промежуточные переменные, одна из которых относилась к побуждению, а другая — к направленности поведения, а именно гнев (как побудительный компонент) и пусковые раздражители (запускающие или вызывающие реакцию ключевые признаки). Гнев возникает, когда достижение целей, на которые направлено действие субъекта, блокируется извне. Однако сам по себе он еще не

¹ См.: *Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R. Frustration and Aggression.* New Haven, Yale, 1939.

² См.: *Berkowitz L. Aggression: A Social Psychological Analysis.* N. Y., 1962.

ведет к поведению, определяемому побуждением данного типа. Чтобы это поведение осуществилось, необходимы адекватные ему пусковые раздражители, а адекватными они станут лишь в случае непосредственной или опосредованной (например, установленной с помощью размышления) связи с источником гнева, т.е. с причиной фрустрации. Таким образом, основополагающей для Берковитца здесь оказывается концепция поведения как следствия толчка (push), вписывающаяся в парадигму классического обусловливания. Сам он дает следующее определение:

«Сила агрессивной реакции на какое-либо препятствие представляет собой совместную функцию интенсивности возникшего гнева и степени связи между его побудителем и пусковым признаком»¹.

Позднее Берковитц² расширил и видоизменил свою соответствующую лоренцовской модели врожденного запускающего механизма механистическую концепцию толчка. Пусковой раздражитель уже не является необходимым условием перехода от гнева к агрессии. Далее, допускается побуждение к агрессии раздражителями, связанными с обладающими подкрепляющим значением последствиями агрессивных действий, иными словами, в качестве дополнительной опоры своей концепции Берковитц привлекает парадигму инструментального обусловливания. Кроме того, предполагается, что появление релевантных агрессии ключевых раздражителей может повысить интенсивность агрессивного действия, например, замечаемое оружие в ситуации, воспринимаемой человеком как провокационная, так называемый эффект оружия³.

Бандура⁴ больше ориентирован на парадигму инструментального обусловливания, причем центральное место он отводит научению путем наблюдения за образцом. Эмоция гнева не является, по его мнению, ни необходимым, ни достаточным условием агрессии. Поскольку гнев представляет собой с точки зрения Бандуры всего лишь состояние возбуждения, получающее обозначение лишь постфактум, всякое эмоциональное возбуждение, идущее от негативно воспринимаемой стимуляции (скажем, шум, жара), может влиять на интенсивность агрессивных действий, если только действие вообще пойдет по пути агрессии. Ход такого действия не связан с простым запуском условных реакций, зависящих от предвосхищаемых последствий возможных действий, и никакое состояние эмоционального возбуждения, никакой побудительный компонент не являются для него необходимыми. Теоретическая позиция Бандуры, будучи

¹ Berkowitz L. Aggression: A Social Psychological Analysis. N. Y., 1962. P. 33.

² См.: Berkowitz L. Some determinants of impulsive aggression: The role of associations with reinforcement for aggression // Psychological review. 1974. 81.

³ См.: Berkowitz L., LePage A. Weapons as aggression-eliciting stimuli // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. 7.

⁴ См.: Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs, 1973.

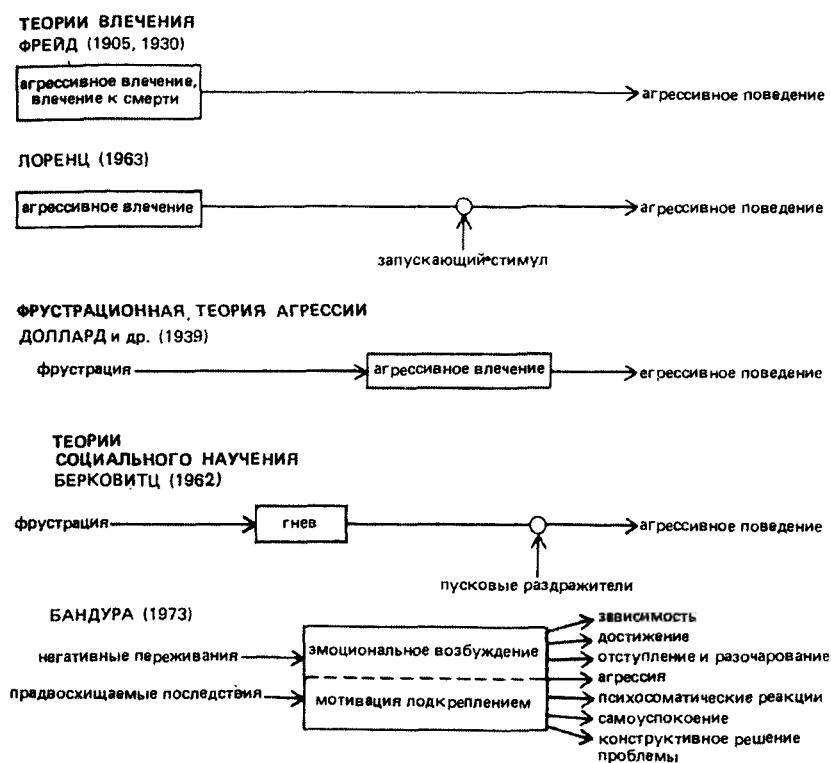

Рис. 2. Схема различных теорий агрессии.
 Гипотетические конструкторы заключены в рамку¹

многокомпонентной, ориентированной на теорию привлекательности концепцией поведения в духе притяжения (pull), представляет собой синтез традиций теории научения и когнитивных теорий мотивации. В первую очередь поведение определяется привлекательностью превосходящих последствий действий. К числу таких решающих дело последствий относится не только подкрепление со стороны других людей, но и самоподкрепление, зависящее от соблюдения внутренних обязательных для личности стандартов поведения. Поэтому при одних и тех же особенностях ситуации вместо агрессии может быть выбрано действие совершенно иного типа, например: подчинение, достижение, отступление, конструктивное решение проблемы и т.д.

Основные положения концепций Фрейда, Лоренца, Берковитца и Бандуры в виде несколько упрощенных схем представлены на рис. 2. Более

¹ См.: Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs, 1973. P. 54.

поздние теоретические подходы, базирующиеся на теории социального научения, в значительной мере объединяют их отказ от подчеркнутой простоты и строгости S—R-механизма за счет расширения роли когнитивных процессов в осмыслении ситуационной информации — тенденция эта восходит к Хайдеру¹. К этим процессам относятся атрибуция состояний эмоционального возбуждения, интерпретация намерений других людей, объяснение как своего, так и чужого действия диспозициональными или ситуационными факторами, обозначение поведения как агрессии².

Наряду с Берковитцем и Бандурой среди авторов, сыгравших значительную роль в разработке данного направления, следует назвать и Фешбаха³. <...>

Экспериментальное изучение агрессии

<...> Экспериментальное исследование агрессии началось с ответа на один нелегкий вопрос. Как, возбуждая агрессивность в лабораторном эксперименте, контролировать условия ее возникновения, измерять ее воздействие на поведение и не причинять при этом страдания испытуемым и не нарушать этических принципов? Как правило, испытуемый получает инструкцию, предписывающую ему осуществить электроразряд на другом человеке, выполняющем какое-либо задание. (В действительности этот человек, будучи помощником экспериментатора, никакого удара током не получал.) Разумеется, чтобы побудить испытуемого наказывать другого человека, требуется какой-либо фиктивный повод. Рассмотрим три экспериментальные процедуры, обычно применявшиеся в этих опытах. Первой из них была «машина агрессии» Басса⁴. Испытуемый с помощью электроразряда различной интенсивности должен был сообщать другому человеку, который в том же или в соседнем помещении выполнял задание на научение, о допущенных тем ошибках. Испытуемым говорилось, что таким образом они смогут оказывать влияние на успешность научения другого человека. Как правило, в их распоряжении находилось 10 различных интенсивностей электроразряда (минимальная из них должна означать успех). Помимо силы тока зависимыми переменными выступали количество, продолжительность и латентное время наказаний, последнее, скорее, отражало импульсивные тенденции наказывающего⁵. Вторая про-

¹ См.: Heider F. Psychology of International Relations. N. Y., 1958.

² См.: Dengerink H.A. Personality variables as mediators of attack-instigated aggression // R.G. Green, E.C. O'Neal (eds.) Perspectives on aggression. N. Y., 1976.

³ См.: Feshbach S. The function of aggression and regulation of aggressive drives // Psychological Review. 1964. 71; Feshbach S. Aggression // P.H. Mussen (ed.) Carmichael's manual of Child Psychology. 1970.

⁴ См.: Buss A. H. The Psychology of Aggression. N. Y., 1961.

⁵ См.: Berkowitz L. Some determinants of impulsive aggression: The role of associations with reinforcement for aggression // Psychological review. 1974. 81.

цедура¹ — незначительное видоизменение первой. Испытуемый должен оценить работу (типа сочинения) другого и выразить свое мнение ударом тока определенной интенсивности. Удар током осуществлялся под предлогом обратной связи, направленной на улучшение результатов, и мог, как и в случае «машины агрессии», истолковываться (что и происходило на самом деле) в качестве просоциального акта². В последнее время появилось также немало исследований, в которых вместо электроразряда используются шумы различной силы, превосходящей болевой порог³.

Третья процедура — выполнение задания на скорость реакции — была предложена Тейлором⁴. Испытуемые-мужчины соревновались с подставным партнером. Перед каждым туром им предлагалось выбрать одну из 5 интенсивностей тока, которую они могли применить к сопернику, если время реакции последнего превосходило время реакции испытуемого. Испытуемым также сообщалось, что их «противник» будет вести себя точно так же.

Типичные вариации условий заключались в предшествующем опыту оскорбления, т.е. в преднамеренном ударе током, нанесенном партнером, и в ожидании возможности ответить тем же. По данным самоотчета испытуемых по степени агрессивности разделили на три группы: высокая степень, средняя степень (контрольная группа), низкая степень. Оказалось, что у испытуемых, склонных к подавлению своей враждебности (низкая степень), в отличие от испытуемых с высокой степенью возбуждения агрессивность проявляется тем меньше, чем сильнее предшествующее оскорбление. Хотя казалось бы, что предварительное оскорбление, примешивая к инструментальной агрессии еще и враждебную, должно было усиливать ее. Актуализованная агрессивность контролировалась главным образом с помощью опроса, направленного на выяснение ее типа, степени и состава (данные опроса, конечно, соотносились с последующей силой ударов током). Применявшиеся в этих исследованиях экспериментальные ситуации являются весьма искусственными. Поэтому остается неясным, в какой мере полученные результаты обладают внешней (экологической) валидностью, иначе говоря, сохраняют или нет обнаруженные взаимосвязи свою силу для ситуаций повседневной жизни. Удар током был выбран исследователями, поскольку он весьма со-

¹ См.: Berkowitz L. *Aggression: A Social Psychological Analysis*. N. Y., 1962.

² См.: Baron R.A., Eggleston R.J. Performance on the «aggression machine»: Motivation to help or harm // *Psychonomic science*. 1972. 26.

³ См.: Firtz D.A. A renewed look at Miller's conflict theory of aggression displacement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. 33.

⁴ См.: Taylor S.P. The relationship of expressed and inhibited hostility to psychological activations. Неопубликованная диссертация. University of Massachusetts. 1965; Taylor S.P. Aggressive behavior and psychological arousal as function of provocation and the tendency to inhibit aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. 95.

ответствовал строго бихевиористскому определению агрессии Басса и поскольку причинение физической боли считалось существенным признаком нападения. Однако в действительности это оказалось не так. В частности, в ситуации перемены ролей не было обнаружено никаких различий в силе ответных ударов током для случаев, когда перед этим испытуемый получал от своего противника реальные удары и когда он просто узнавал, током какой интенсивности противник предполагал его ударить¹. Кроме того, сомнения вызывает и внутренняя валидность результатов, полученных при помощи машины Басса².

Лишь в очень немногих исследованиях испытуемые не включались в структуру весьма искусственного механизма наказания электротоком, а вовлекались в события, подстроенность которых заметна далеко не сразу³. Однако в этих случаях всегда остается проблематичной этическая сторона дела, даже когда после эксперимента испытуемым все объясняют. Как показывают результаты уже рассмотренного исследования Бандуры и его коллег⁴, для многих испытуемых то, что им приходится делать, представляется сомнительным с моральной точки зрения.

Ситуационные факторы агрессивного поведения

О них благодаря активно ведущимся в последнее десятилетие исследованиям агрессии многое уже известно. Ниже будет проанализирована та роль, которую в мотивации агрессии играют следующие факторы: намерение, приписываемое нападающему; ожидания достижения цели и возмездия за осуществленную агрессию; способствующие агрессии ключевые раздражители; удовлетворение, приносимое достигнутыми в ходе агрессии результатами; самооценка (чувство вины); оценка со стороны других людей. Значение каждого из них мы рассмотрим на примере какого-либо одного исследования.

¹ См.: Schuck J., Pisor K. Evaluating an aggression experiment by the use of simulating subjects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 74. 29.

² См.: Werbik H., Mounzert H. Kann Aggression handlungstheoretisch erkart werden? // *Psychologische Rundschau*. 1978. 29.

³ См.: Kornadt H.-J. Toward a motivational theory of aggression and aggressive inhibition: Some considerations about an aggression motive and its applications to TAT and catharsis // J. de Wit, W.W. Hartup (eds.) *Determinant and Origins of Aggressive Behavior*. Den Haag, 1974.

⁴ См.: Bandura A., Underwood B., Fromson M.E. Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims // *Journal of Research in Personality*. 1975. 9.

Намерение

Когда человек видит, что другой собирается на него напасть или помешать ему, то решающим оказывается прежде всего то обстоятельство, приписываются ли этому другому агрессивные намерения и враждебные по отношению к себе планы¹. Для начала агрессии нередко бывает достаточно одного только знания о том, что другой питает враждебные намерения, даже если субъект еще и не подвергся нападению². Вместе с тем если противник заранее просит извинить его за агрессивное действие, то очень часто гнев не возникает вообще и ответной агрессии не происходит <...>. В проведенном по этой схеме с некоторыми добавлениями исследовании Цумкли³ показал, что этот эффект основан на различной атрибуции мотивации, т.е. на приписывании субъектом другому враждебных или безобидных намерений. Как только субъект решит, что другой намерен ему навредить, и возникнет гнев, то изменить после этого такую атрибуцию можно лишь с большим трудом, чем и объясняется так называемый эффект персеверации атрибуции⁴.

Если же субъект придет к выводу, что инцидент был непреднамеренным или что произошла ошибка, то гнев, желание мести и стремление к ответной агрессии могут быстро пройти. Например, в эксперименте Маллика и Мак-Кэндлесса⁵ подставной испытуемый, работавший вместе с испытуемыми-детьми, мешал им довести действие до конца и тем самым добиться обещанного вознаграждения. После того как дети получили возможность наказать этого человека, уменьшения агрессивности не наблюдалось. И напротив, она сразу же исчезала, как только им сообщали, что причиной созданного этим испытуемым препятствия была неумелость. В другом исследовании⁶, где применялась методика Басса, испытуемые, до того как получить возможность наказывать другого, сами подвергались сильным ударам током. Непосредственно перед сменой ролей экспериментатор сообщал им, что по ошибке клавиши электроаппарата оказались неправильно подсоединенными и поэтому им вместо слабого электроразряда пришлось терпеть очень сильный. В этом случае испы-

¹ См.: *Masseli M.D., Altrocchi J.* Attribution of intent // *Psychological Bulletin*. 1969. 71.

² См.: *Greenwell J., Dengerink H.A.* The role of perceived versus actual attack in human physical aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 26.

³ См.: *Zumkley H.* Aggression und Katharsis. Gottingen, 1978.

⁴ См.: *Ross L.* The intuitive psychologist and his short-coming: Distortions in the attribution process // *L. Berkowitz (ed.) Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 10). N. Y., 1977. P. 204 и далее.

⁵ См.: *Mallick S.K., McCandless D.R.* A study of catharsis of aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. 4.

⁶ См.: *Nikel T.W.* The attribution of intention as a critical factor in the relations of frustration and aggression // *Journal of Personality*. 1974. 42.

туемые пользовались разрядом более низкой интенсивности, чем применявшийся по отношению к ним самим.

Ожидание достижения цели агрессии и возмездия за агрессивное поведение

Пока субъект располагает возможностями совершения прямой агрессии, реализация которых не представляет трудностей, ожидание вероятности нанесения вреда жертве и тем самым достижение цели агрессивного действия играют незначительную роль. Существенное значение это ожидание приобретает лишь в том, практически еще не исследованном случае, когда ответная агрессия субъекта не может достигнуть инициатора агрессии непосредственно, например нет возможности с ним встретиться или же субъект боится такой встречи. Тогда может последовать непрямая агрессия типа нанесения ущерба или собственности агрессора, или его репутации. Вероятность, что подобные косвенные агрессивные действия на самом деле поразят агрессора, весьма различна и является в качестве ожидания последствия результата действия (т.е. его инструментальности) одним из решающих детерминантов действия. Например, если единственное, что человек может сделать, состоит в жалобе на агрессора начальнику, а поведение последнего не позволяет надеяться на его заинтересованность в содержании жалобы и в принятии им мер, то часть возникшей агрессивной тенденции останется нереализованной и сохранится на будущее¹ (см. также ниже).

Если же прямая агрессия возможна, то решающее значение приобретает ожидание иного рода, а именно вероятность ответа на агрессию субъекта также агрессией (т.е. что в результате своего агрессивного акта субъект снова превратится в жертву). Как уже отмечалось, такого рода ожидания вытекают из принципа возмездия, позволяющего надеяться на восстановление справедливости². Вопрос в том, не отменяет ли ожидание ответного возмездия самого принципа возмездия. В общем случае это, по-видимому, не так, о чем свидетельствуют, в частности, результаты исследования Бэрона³. В его эксперименте испытуемые подвергались ударам тока и оскорблению (т.е. враждебному нападению). Перед тем как они в свою очередь получали возможность наказать агрессора, экспериментатор сообщал им либо что на этом эксперимент будет закончен (группа с низким

¹ См.: *Zumkley H.* Aggression und Katharsis. Gottingen, 1978.

² См.: *Adams J.S., Freedman S.* Equity theory revisited: Comments and annotated bibliography // *L. Berkowitz, E. Walster (eds.) Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 19). N. Y., 1976; *Walster E., Berscheid E., Walster G.W.* New direction in equity research // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 25.

³ См.: *Baron R.A.* Threatened relation to the victim as inhibitor of physical aggression // *Journal of Research in Personality*. 1973. 7.

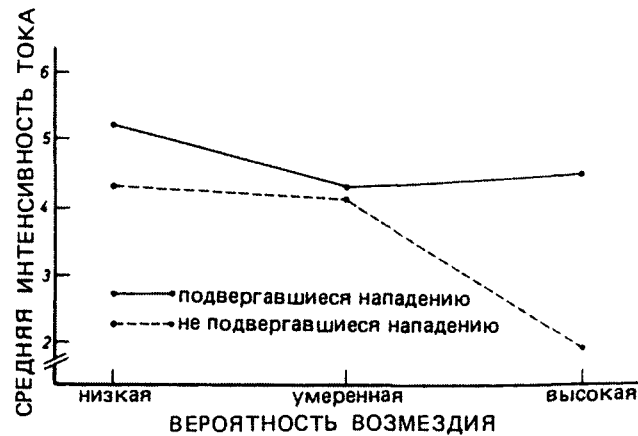

Рис. 3. Интенсивность тока, применявшаяся испытуемыми, при различной вероятности возмездия¹

ожиданием возмездия), либо что смена ролей произойдет, если останется время (группа с умеренным ожиданием возмездия), либо что смена ролей произойдет еще раз (группа с высоким ожиданием возмездия). Как видно из рис. 3, различия в ожидании возмездия едва ли повлияли на применявшуюся испытуемыми интенсивность тока. Напротив, испытуемые контрольной группы, не подвергавшиеся предварительно ни ударам тока, ни оскорблению, принимали во внимание ожидание возмездия и при высокой вероятности ответной агрессии использовали ток более низкой интенсивности (эти результаты подтверждает и другое исследование²).

В действительности ожидания возмездия решающим оказывается обстоятельство, подвергся субъект нападению или нет. Если субъект стал жертвой агрессии, то он осуществляет принцип возмездия, даже когда вероятность ответного возмездия велика. Исключение из этого правила Шортелл, Эпштейн и Тэйлор³ наблюдали лишь в ситуации сильной угрозы, когда наказываемый располагал возможностью сверхсильного возмездия (ударом, интенсивность которого в два раза превышала максималь-

¹ См.: Baron R.A. Threatened relation to the victim as inhibitor of physical aggression // Journal of Research in Personality. 1973. 7.

² См.: Baron R.A. Threatened relation to the victim as inhibitor of physical aggression: Mediating effects of the instrumental value of aggression // Bulletin of Psychonomic Society. 1974. 3.

³ См.: Shortell J., Epstein S., Taylor S.P. Instigation to aggression as a function of degree of defeat and the capacity of massive relations // Journal of Personality. 1970. 38.

ную). В этих условиях наказывающие прибегали к току более слабой интенсивности по сравнению с тем, которым они пользовались при отсутствии возможности сверхсильного ответного удара. Денгеринк и Левендаски¹ наблюдали также снижение агрессивности в случае, когда оба противника располагали возможностями сверхсильного возмездия и ими не пользовались, т.е. когда существовало «равновесие страха» (ситуация, несколько напоминающая стратегию паритета сверхдержав, владеющих ядерным оружием).

С точки зрения модели «ожидаемой ценности» полученные результаты дают довольно сложную картину. С одной стороны, переменная ценности указывает на непосредственные последствия результатов действия (позитивная привлекательность возмездия или расплаты). Соответствующая ей переменная ожидания значима только при не прямой агрессии и лишь в той мере, в какой оказывается неясным, настигнет ли агрессора агрессивное действие субъекта и будет ли сила этого действия соответствовать намеренной (инструментальность действия или достижения желательных последствий). С другой стороны, переменная ценности включает негативную привлекательность ответного возмездия (опосредуемое противником последствие действия). Соответствующей переменной ожидания является инструментальность осуществляемого субъектом возмездия как приводящего и в какой мере к ответному возмездию со стороны наказуемого. Таким образом, решающей переменной ожидания является не ожидание результата действия (вероятность адекватного наказания агрессора субъектом), а инструментальность результата действия для одного из последствий (ответного возмездия).

Такое положение дел имеет место, по-видимому, для всех мотиваций социального характера, особенно для мотивации аффиляции (я любезен с тем, чтобы и другие по отношению ко мне были любезны). В случае мотивации власти, помощи и агрессии оно наблюдается всегда, когда действие подчинено принципу взаимности, т.е. всегда, когда субъект принимает в расчет ответную власть, надеется на благодарность и признательность, боится ответного воздействия. Насколько нам известно, это обстоятельство пока не учитывалось при построении теоретических моделей; планомерно не исследовалось и то, каким образом характерные для мотивации агрессии переменные ценности и ожидания взвешиваются и связываются между собой. Как свидетельствуют последние из рассмотренных результатов, чтобы негативная привлекательность сверхсильного ответного возмездия стала действенной, достаточно одной лишь его возможности, уточнение его вероятности (инструментальности), по-видимому, ничего не меняет.

¹ См.: Dengerink H.A., Levendusky P.G. Effect of massive relations and balance of power on aggression // Journal of Experimental Research in Personality. 1972. 6.

Благоприятствующие агрессии ключевые раздражители

Особенности контекста влияют на оценку ситуации, указывая субъекту, какой смысл ей следует приписать (атрибутировать). С одним из примеров их роли мы уже познакомились — это так называемый эффект оружия¹. Если в лабораторном помещении находится оружие, то агрессивность испытуемого будет повышаться, но только при актуализации его агрессивной мотивации. Иначе говоря, чтобы ключевые раздражители оказывали мотивирующее воздействие, они должны содержательно отвечать текущему мотивационному состоянию. С этой точки зрения не удивительны и те случаи, когда даже при актуализованной агрессивной мотивации созерцание оружия не дает стимулирующего агрессию эффекта или даже сдерживает ее: если человек считает оружие чересчур опасным, его созерцание вследствие предвосхищения угрожающих последствий может усилить тенденцию избегания². Но и помимо этого случая, эффект оружия наблюдается не всегда³. Он отсутствует, в частности, если испытуемый подозревает, что оружие специально положено как стимулирующее агрессию средство⁴.

Усиление мотивации под воздействием ключевых раздражителей, соответствующих по своему содержанию наличному мотивационному состоянию, было продемонстрировано в исследовании Джина и Стоонера⁵. После того как часть испытуемых подверглась агрессии (ударам тока), все испытуемые смотрели фильм об одном из матчей чемпионата по боксу, который трем экспериментальным группам был представлен по-разному. Первой группе было сказано, что это матч-реванш после поражения одного из его участников, второй — что это матч профессиональных боксеров и дерутся они за деньги, третья группа никаких объяснений не получала. После этого испытуемые должны были научить чему-либо другого человека (помощника экспериментатора), наказывая его за ошибки ударами тока. Полученные результаты вполне соответствуют основному принципу эффекта оружия, согласно которому совпадение содержания мотивации и ключевого раздражителя эту мотивацию усиливают. Испытуемые, перед просмотром фильма подвергшиеся аг-

¹ См.: Berkowitz L., LePage A. Weapons as aggression-eliciting stimuli // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. 7.

² См.: Berkowitz L. Aggression: A Social Psychological Analysis. N. Y., 1962.

³ См.: Schmidt H.D., Schmidt-Mummendey A. Waffen als aggressionsbahnende Hinweisreize: Eine Kritische Betrachtung experimenteller Ergebnisse // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1974. 5.

⁴ См.: Turner C.W., Simons L.S. Effects of subject sophistication on aggressive response to weapons // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. 30.

⁵ См.: Geen R.G., Stoner D. Context effect of observed violence // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. 25.

рессии, проявляли большую агрессивность в случае, когда считали матч вызванным желанием реванша, чем когда воспринимали его как бокс ради денег (сам фильм в обоих случаях был одним и тем же). Для испытуемых, не подвергавшихся предварительно агрессии, соотношение оказалось обратным: профессиональный бокс в большей мере стимулировал их агрессивность, чем матч-реванш.

Впрочем, немаловажно и то, воспринимает ли субъект реальные сцены насилия, наблюдаемые после провоцирующей агрессию стимуляции, как справедливые или несправедливые. В первом случае он мстит человеку, спровоцировавшему его на агрессию, более сурово, чем когда та же сцена интерпретируется им как несправедливая или же как не реальная, а подстроенная¹. О существовании эффекта оружия свидетельствует и уголовная статистика:

«Между количеством находящегося в распоряжении населения огнестрельного оружия и частотой убийств существует тесная и, по всей вероятности, причинная взаимосвязь, что недвусмысленно удостоверяет опыт, накопленный Соединенными Штатами за последние 10—20 лет. С ростом обладания оружием (сегодня оружие имеется примерно у половины американских семей) количество убийств по стране также растет. Уже к 1968 г. огнестрельное оружие, находящееся в частном владении, по-видимому, составляло 90 миллионов единиц, в том числе 24 миллиона револьверов. В южных штатах, где оружием обладают уже не 50, а 60% семей, убивают чаще. По сравнению с 1960 г. количество убийств, совершенных в Соединенных Штатах, в 1975 г. утроилось, перевалив при этом за 14000. Доля людей, убитых огнестрельным оружием, возросла в среднем с 55 до 68%.

...В Кливленде доля убийств из огнестрельного оружия возросла с 54 до 81%. При этом ножи стали использоваться реже, доля совершенных с их помощью убийств упала с 25 до 8%.

...Анализ убийств показывает, что большинство из них было предпринято вне связи с другими насильственными преступлениями. Лишь 7% убийств сопровождалось в Кливленде взломами, грабежами, захватами заложников или другим преступлениям. Большинство убийств не было результатом хладнокровно рассчитанного и заранее обдуманного деяния. По большей части речь шла о столкновениях, развившихся из ссор между родственниками, друзьями или знакомыми, т.е. об импульсивном насилии, совершенном в ходе борьбы за «справедливость» или из желания мести. В подобных ситуациях как раз и применяется находящееся под рукой оружие, причем без оглядки на опасность для жизни. Раньше таким оружием обычно был нож, теперь же все чаще им становится легко доступный пистолет. Поскольку при использовании огнестрельного оружия смертельный исход наступает в 5 раз чаще, чем при применении ножа, рост числа убийств не должен удивлять»².

¹ См.: Meyer W.-U. Überlegungen zur Konstruktion eines Fragebogens zur Erfassung von Selbstkonzepten der Begabung. Неопубликованная рукопись. Psychol. Institut der Ruhr-Universität Bochum, 1972.

² Frankfurter Allgemeine Zeitung от 21.9.1977. S. 8.

Удовлетворение, приносимое достигнутым в ходе агрессии результатом

Результаты приведенного выше исследования Джина и Стоннера¹ можно также объяснить, исходя из различной ценности фильма о боксе для удовлетворения текущих потребностей субъекта. Для человека, подвергнувшегося агрессии и думающего о возмездии, восприятие поединка боксеров после испытанного одним из них поражения сопровождалось замещающим переживанием, отражавшим, возбуждавшим и умножавшим надежды на отмщение, что, видимо, и приводило к усилению мотивации.

В связи с этим возникает вопрос: не упустил ли Бандура при анализе условий научения по образцу (имитационного научения, научения по модели) упомянутый мотивационный процесс как одну из решающих предпосылок научения? Михаэлис² отметил, что в классическом эксперименте Бандуры, Д. и С. Росс³ по имитации детьми продемонстрированной взрослым агрессии испытуемым-детям свойственна очень высокая игровая мотивация, которая и обусловила имитацию. Еще в 1962 г. Дейч⁴ говорил, что между способностью к имитации и мотивацией следовало бы провести более четкое разграничение. Но выяснение роли мотивации в процессе имитации началось лишь в самое последнее время. Эта проблема включает в себя и вопрос об атрибуции мотивационных переменных. Например, приписывает ли субъект дурные намерения агрессору, за поведением которого он наблюдает, и как расценивает собственное имитирующее поведение⁵?

Наиболее непосредственное удовлетворение субъекту приносят любые реакции жертвы, выражающие ее страдание, прежде всего реакции, свидетельствующие об испытываемой ею боли. Если враждебная агрессия базируется на принципе возмездия, то максимальное удовлетворение принесет созерцание боли заранее определенной силы. Подобное созерцание сокращает агрессивную мотивацию вплоть до нулевого уровня и одновременно закрепляет агрессивное поведение в аналогичных ситуациях. Причинение незначительной боли не полностью удовлетворит субъекта и сохранит остаточную агрессивную тенденцию (см. ниже, а также⁶). Чересчур

¹ См.: *Geen R.G., Stoner D.* Context effect of observed violence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 25.

² См.: *Michaelis W.M.* Verhalten ohne Aggression? Koln, 1976. P. 79 и далее.

³ См.: *Bandura A., Ross D., Ross S.A.* Transmission of aggression through imitation of aggressive models // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. 63.

⁴ См.: *Deutsch M.* Comments of Dr. Bandura's papers // *M.R. Jones (ed.). Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: Nebr., 1962.

⁵ См.: *Joseph J., Kane T., Nacci P., Tedeschi J.T.* Perceived aggression: A reevaluation of the Bandura modeling paradigm // *Journal of Social Psychology*. 1977. 103; *Zumkley H.* Aggression und Katharsis. Gottingen, 1978.

⁶ См.: *Zumkley H.* Aggression und Katharsis. Gottingen, 1978.

сильная боль вызовет чувство вины и тенденцию к компенсации причиненного вреда. Проверка всех этих положений предполагает измерение стандарта возмездия (аналогичного задаваемому уровнем притязаний); насколько нам известно, оно пока не осуществлялось. Имеется ряд исследований, продемонстрировавших снижение агрессии под влиянием выражения боли жертвой¹. Однако Бэрон² наблюдал также и повышающее агрессию действие реакций боли у рассерженных испытуемых, если перед этим им сообщали об отсутствии просоциального, т.е. способствующего научению, действия тока. Вместе с тем испытуемые, не подвергавшиеся агрессии, при проявлении жертвой признаков боли уменьшали интенсивность электро-разряда. Решающими факторами усиления агрессии под влиянием реакций боли являются: провоцирующее агрессию поведение жертвы, сильный гнев подвергшегося нападению субъекта и (или) привычность к высокому уровню агрессивности (с чем мы сталкиваемся, например, имея дело с постоянно применяющими насилие преступниками). В этих случаях болевые реакции жертвы служат признаками успешности агрессивного действия и оказывают на него подкрепляющее влияние³. Выражение боли, как показали Фешбах, Стайлс и Биттер⁴, может обладать определенным подкрепляющим значением и при выполнении заданий на вербальное научение⁵.

Самооценка

Процессы самооценки представляют собой решающий детерминант агрессивности субъекта, уровень самооценки регулирует внутренние обязательные нормативные стандарты, которые могут как препятствовать, так и благоприятствовать свершению агрессии. Если в результате несправедливого (по мнению субъекта) нападения, оскорбления или намеренно созданного препятствия будет задето и умалено его чувство собственного достоинства (его нормативный уровень), то агрессия будет нацелена на восстановление своего достоинства осуществлением возмездия⁶. В случае избыточной агрессии тот же принцип, а также присвоенные субъектом

¹ См.: *Dengerink H.A.* Personality values as mediators of attack-instigated aggression // *Green E.C. O'Neal (eds.) Perspectives on aggression.* N. Y., 1976.

² См.: *Baron R.A.* Aggression as function of victim's pain cues, level of prior anger arousal and exposure to aggressive model // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1974. 29.

³ См.: *Hartmann D.P.* Influence of symbolically modeled instrumental aggression and pain cues on aggressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1969. 11.

⁴ См.: *Feshbach S., Stiles W.B., Bitter E.* The reinforcing effect of witnessing aggression // *Journal of Research in Personality.* 1967. 2.

⁵ См.: *Rule B.G., Nesdale A.R.* Emotional arousal and aggressive behavior // *Psychological Bulletin.* 1976. 83.

⁶ См.: *Feshbach S.* The function of aggression and regulation of aggressive drives // *Psychological Review.* 1964. 71.

общезначимые моральные нормы приведут к самоосуждению, чувству вины, угрызениям совести, короче, к негативной самооценке. В рассмотренных исследованиях (в частности, в исследовании Басса¹) уменьшение агрессии под влиянием проявлений жертвой признаков боли было, по-видимому, опосредовано процессами самооценки. Этому вопросу пока посвящено мало исследований, результаты и процедура проведения которых были бы убедительны². Попытки такого рода мы еще обсудим при анализе индивидуальных различий агрессивности.

Нормативные стандарты, определяющие в сфере агрессии, что человек считает дозволенным и недозволенным, регулируют его агрессивные действия не автоматически. Чтобы стандарты самооценочного характера оказались действенными, на них должно быть направлено внимание субъекта, т.е. должно возникнуть состояние так называемой «объективации самосознания», наблюдаемое, когда внимание обращается на какие-либо части или атрибуты себя самого, например когда человек видит себя в зеркале. (Более подробно результатами и теоретическими положениями этого направления исследований, зачинателями которого стали Дювел и Висклунд³ мы займемся [далее]). С одним из примеров смягчающей (в смысле подчинения поведения общезначимым нормам) агрессию «объективации самосознания» мы встречаемся в исследовании Шейера, Фенигштейна и Басса⁴. В этом эксперименте испытуемые-мужчины должны были, согласно процедуре Басса, ударить током женщину, причем над аппаратом, посредством которого осуществлялись электроразряды, у части испытуемых помещалось позволяющее им видеть себя зеркало. Интенсивность тока у испытуемых, видевших себя в зеркало, оказалась значительно меньшей, чем у остальных, что полностью соответствовало норме: мужчина не должен применять к женщине физического насилия.

Таким образом, «объективация самосознания» как бы цивилизует людей, заставляет их в большей мере соблюдать требования морали, иными словами, их действия начинают сильнее соответствовать признаваемым в качестве обязательных общепринятым и личным нормам. Это подтверждалось неоднократно. Установлено, например, что сообщаемое испытуемым позитивное или негативное отношение к телесным наказаниям соответствует его реальным агрессивным действиям (использовалась процедура Басса) лишь в случае, когда он может видеть себя в зеркале⁵. В

¹ См.: Buss A.H. The effect of harm on subsequent aggression // *Journal of Experimental Research in Personality*. 1966. 1.

² См.: Dengerink H.A. Personality values as mediators of attack-instigated aggression // Green E.C. O'Neal (eds.) *Perspectives on aggression*. N. Y., 1976. P. 74 и далее.

³ См.: Duval S., Wicklund R.A. *Theory of objective Self-awareness*. N. Y., 1972.

⁴ См.: Scheier M.F., Fenigstein A., Buss H. Self-awareness and physical aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. 10.

⁵ См.: Carver C.S. Physical aggression as function of objective self-awareness and attitude toward punishment // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1975. 11.

отсутствие ситуационной «объективации самосознания» (с помощью зеркала) тесная взаимосвязь оценки собственной агрессивности (по данным самоотчета) с фактическими ее проявлениями наблюдалась лишь у испытуемых, предрасположенных к повышенной чувствительности к себе (private self-consciousness), что устанавливалось с помощью специального опросника¹. Иными словами, чтобы индивидуальные различия в мотивированных нормами агрессивных действиях могли регулировать реальное агрессивное поведение субъекта соответственно его собственным устойчивым нормативам, ценностям и противостоять непосредственным влияниям ситуации, необходима определенная «объективация самосознания». Что же, однако, происходит, когда субъект находится в стимулирующем агрессию состоянии сильного гнева? При «объективации самосознания» в этом случае должно усиливаться не только приглушающее агрессию осознание норм, но и гнев.

Выяснению этого вопроса было посвящено исследование Шейера², в котором испытуемые-мужчины с помощью процедуры Басса доводились подставным испытуемым (также мужского пола) до состояния гнева, а затем получали возможность осуществить ответную агрессию. Под воздействием спровоцированного гнева и ситуационно объективированного (зеркалом) самосознания диспозициональная чувствительность к себе веда не к уменьшению, а к усилению ответной агрессивности, в то время как при отсутствии гнева наблюдалась противоположная тенденция. Отсюда следует, что аффект гнева при «объективации самосознания», заполняя все чувства субъекта, затушевывает значимость нормативных ценностей в саморегуляции действий и их влияние сходит на нет.

Оценка другими людьми

Поскольку эта оценка по сравнению с самооценкой легче поддается манипуляции в эксперименте ситуационными переменными, в ряде исследований было вскрыто ее значение как предвосхищаемого субъектом последствия агрессии и как действенного мотивационного стимула. Барон³ в одном из своих экспериментов заставил часть испытуемых поверить, будто применение тока высокой интенсивности служит признаком «мужественности» и «зрелости». При задании такого критерия внешней оценки испытуемые, даже когда они ожидали сверхсильного ответного удара, действовали более агрессивно, чем представители конт-

¹ См.: Scheier M.F., Fenigstein A., Buss H. Self-awareness and physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. 10.

² См.: Scheier M.F. Self-awareness, self-consciousness and angry aggression // Journal of Personality. 1976. 44.

³ См.: Baron R.A. Threatened relation to the victim as inhibitor of physical aggression: Mediating effects of the instrumental value of aggression // Bulletin of Psychonomic Society. 1974. 3.

рольной группы. Усиливающий или тормозящий агрессию эффект оказывает уже само присутствие других лиц, которым субъект приписывает определенное отношение к агрессивности. У Бордена¹ в первой части опыта присутствовали наблюдатели, воспринимавшиеся испытуемыми либо как склонные к агрессии (тренер университетского клуба каратистов), либо как отвергающие ее (один из основателей «Общества против ядерной экспансии»). Если за экспериментом следил «агрессивный» наблюдатель, то испытуемые действовали более агрессивно, чем в присутствии наблюдателя-пацифиста. Как только «агрессивный» наблюдатель уходил, используемая первой подгруппой интенсивность тока снижалась до уровня, характерного для подгруппы с наблюдателем-пацифистом (у последней подгруппы после ухода наблюдателя интенсивность тока по-прежнему оставалась низкой).

В описанных исследованиях подставными лицами выступали мало-знакомые реальным испытуемым люди. Когда же предварительно их близко знакомили друг с другом, то последующая агрессия уменьшалась². Очевидно, в этом случае больший вес приобретают мысли об оценке своего агрессивного действия партнером, с которым субъект только что дружески беседовал. В конечном счете не следует также забывать, что все эти искусственные эксперименты с электроразрядами могут осуществляться лишь при условии, что испытуемый точно следует инструкциям экспериментатора и является в его глазах «понятливым» и проявляющим готовность к сотрудничеству. До каких пределов может дойти агрессия испытуемых при подобном послушании экспериментатору, продемонстрировал сенсационный эксперимент Милгрэма³, в котором агрессия осуществлялась испытуемыми при все усиливавшихся (фиктивных) криках боли жертв.

¹ См.: *Borden R.* Witnessed aggression: Influence of an observer's sex and values of aggressive responding // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. 31.

² См.: *Silverman W.H.* The effect of social contact, provocation and sex of opponent upon instrumental aggression // *Journal of Experimental Research in Personality*. 1971. 5.

³ См.: *Milgram S.* Behavioral study of obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. 67.

④ *Ситуативная мотивация. Ее исследования в школе К. Левина*

К. Левин

НАМЕРЕНИЕ, ВОЛЯ И ПОТРЕБНОСТЬ¹

I. Некоторые факты²

1. О влиянии времени на действенность намерения. Резкое прекращение действенности намерения после завершения действия

Обычно в преднамеренном действии видят основной тип *волевого действия* в собственном смысле слова. При этом под преднамеренным действием, из которого исходят в теоретических построениях, понимают процесс, имеющий в наличии все фазы, а именно процесс следующего типа: 1) первую его фазу составляет *процесс мотивирования* — более или менее длительная и напряженная борьба мотивов; 2) вторая фаза состоит в акте выбора, или принятия решения, *намерения*, прекращающего эту борьбу; 3) за ним следует, сразу же или по истечении более или менее продолжительного промежутка времени, третья фаза — собственно *преднамеренное действие* в узком смысле слова. Центральным феноменом собственно психологии воли считается вторая фаза — *акт намерения*. Возникает вопрос, как на основании акта намерения позднее осуществляется соответствующее ему действие, особенно в тех случаях, когда осуществление действия не следует непосредственно за этим актом. Ведь было выяснено, что в таких случаях акт намерения вовсе не нуждается в том, чтобы быть еще раз воспроизведенным непосредственно перед действием.

¹ Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 122, 125–145, 148–164.

² Подробный обзор предшествующей литературы по вопросам экспериментальных исследований психологии воли читатель найдет у: Lindworsky J. Der Wille. 3 Aufl. Leipzig; 1923.

Опыты Аха доказали¹, что инструкция, данная загипнотизированному лицу, выполняется в постгипнотическом состоянии при наступлении сигнала, причем испытуемый может и вообще не знать о факте сообщения ему инструкции во время гипноза. Следовательно, достаточно наступления *соответствующего случая*, представленного в акте намерения, например, зрительного сигнала (Ах называет это «представлением отношения»), чтобы за ним последовало соответствующее *исполнительное действие*, например, нажим на клавишу (Ах называет это «представлением цели»). Спрашивается, можно ли (и как именно) более детально охарактеризовать это последствие, исходящее из акта намерения.

Господствующая теория понимает это положение дел по существу в том смысле, что на основе акта намерения между «представлением отношения» и «представлением цели» устанавливается связь такого рода, что возникновение «представления отношения» влечет за собой соответствующее «представлению цели» действие. Ассоциативная теория² видит причину этого в ассоциации между представлениями отношения и цели. Но и теория детерминирующей тенденции, отрицающая ассоциативный характер этой связи, допускает в качестве *причины* преднамеренного действия сцепление в акте намерения представлений отношения и цели.

Чтобы понять, откуда вообще возникла эта теория, необходимо припомнить, что экспериментальный анализ воли вышел из так называемых опытов с реакциями, в которых намерение состоит в том, чтобы выполнить определенное действие в ответ на произвольно выбранный сигнал, причем действие имеет слабое отношение к сигналу, или вообще никакого отношения к сигналу не имеет. <...>

2. Действенность намерения при отсутствии предварительного установления соответствующего случая и способа выполнения, а также при ненаступлении соответствующего случая

Обычно основным типом деятельности намерения считают такой случай, когда при акте намерения точно устанавливается *строго определенный соответствующий случай и определенный способ выполнения действия*. При этом имеют в виду, например, процессы типа «опытов с реакциями», от которых и берет свое начало экспериментальное исследование волевых процессов. «Представление отношения» состоит, например, в определенном зрительном сигнале, «представление цели» — в нажатии кнопки.

¹ См.: Ach N. Über die Willenstätigkeit und das Denken. Göttingen, 1905.

² См.: Müller G.E. Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufs. III. Teil // Zeitschrift für Psychologie. 1913. Ergänzungsband 8.

Однако в действительности далеко не каждый акт намерения содержит такого рода точную фиксацию соответствующего случая и определенного способа выполнения действия.

Прежде всего, *само конкретное действие может оставаться в значительной мере неопределенным*. Можно решить, например, уговорить кого-нибудь выполнить какое-либо дело. Но при принятии намерения может оставаться совершенно открытым, какие при этом будут говорить слова, какие будут приводиться доводы; быть может, сначала будет иметь место просто прогулка, установление дружеских отношений, а вовсе не речь о деле и т.п. Намерение уклониться от брошенного мяча уже *может* заключать в себе желание уклониться, например, влево, но может и сохранять полную неопределенность, будет ли уход совершен вправо или влево, прыжком вверх или пригибанием к земле.

Подобного рода общие намерения вполне обычны и отнюдь не менее действенны, чем намерения максимально конкретизированные. Напротив, часто бывает гораздо целесообразнее предоставить конкретному способу выполнения намерения самому собой вырасти из целостности *конкретной ситуации осуществления намерения*, чем заранее однозначно устанавливать способ действия (например, способ уклонения от мяча, форму разговора).

Точно так же обстоит дело и с точным определением в акте намерения *соответствующего случая*. Как правило, чрезвычайно неопределенными в этом отношении оказываются именно жизненно самые важные и самые широкие намерения, например, намерение посвятить себя тому или другому призванию, намерение ребенка быть послушным. Здесь остается совершенно открытым, какие конкретно действия и при каких обстоятельствах будут осуществляться. *Из одного и того же намерения*, смотря по обстоятельствам, могут даже возникнуть *совершенно противоположные действия*. Один раз более «подходящим» поведением будет выполнение какого-либо действия, другой раз — невыполнение этого же действия.

Но даже если в акте намерения заранее предустановлены и соответствующий случай и способ выполнения действия, все же часто имеет место удивительное явление: действие намерения *направляется на другой, не тот, что был установлен в акте намерения, соответствующий случай и вызывает другие, не те, что предусматривались в акте намерения, действия*. Там, где нет осмысленной связи между соответствующим случаем (представлением отношения) и выполнением действия (представлением цели), как например, в опытах с реакциями, это явление редко имеет место¹. Но там, где, наоборот (как в большинстве случаев повседневной жизни), имеется *содержательная* связь между представле-

¹ К вопросу о широте и изменчивости таких актуализирующих раздражителей см.: Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. 2. S. 90.

нием соответствующего случая и способом выполнения, такое явление встречается часто.

Например, у человека возникло намерение, вернувшись вечером домой, написать открытку своему знакомому. В полдень он заходит в такое место, откуда можно позвонить, вспоминает о своем желании известить знакомого и вместо открытки использует для этого телефон. Другой пример: я решил (намерение) по дороге бросить в почтовый ящик письмо. Заходит друг, и я прошу его бросить письмо.

В такого рода случаях мне кажутся существенными два пункта. Во-первых, силы, исходящие из намерения или с ними связанные, актуализируются совершенно иным переживанием (видом телефона), чем зафиксированный в акте намерения соответствующий случай (возвращение домой, открытка). Это переживание действует, следовательно, так же, как наступление заранее представленного соответствующего случая: вызывает выполнение действия, хотя и совершенно *другого*, чем то, которое было представлено в акте решения. Это действие с точки зрения акта намерения можно назвать «*замещающим действием*», или, точнее, эквивалентным, «соответствующим ситуации» действием. <...>

Возможно, еще большие трудности для данной теории представляют собой следующие случаи: человек намеревается что-то сообщить своему знакомому, воспользовавшись его предполагаемым посещением. Посещение не состоялось. В случае такого *выпадения ранее предусмотренного соответствующего случая* действенность намерения не исчезает, но начинаются *поиски* нового соответствующего случая. Здесь непосредственно обнаруживается, что *налицо состояние напряжения, которое изнутри побуждает к разрядке через действия, лежащие в определенном направлении*. <...>

Такие внутренние напряжения могут приводить к выполнению действия только потому, что точно предустановленный случай заставляет себя слишком долго ждать. В соревнованиях по бегу, например, имеет место сильная тенденция *стартовать раньше времени*. Нечто подобное бывает в опытах с реакциями, и даже в таких областях как политическая жизнь можно наблюдать подобного рода *поспешные* действия до наступления предусмотренного соответствующего случая.

Все эти случаи: действенность намерения, при котором остались неопределенными соответствующий случай или способ выполнения, или оба вместе; действенность иных, чем предусмотренные в акте намерения, соответствующих случаев (адекватные ситуации, замещающие случаи) и осуществление эквивалентного по содержанию действия; поиски других возможностей при ненаступлении точно установленного случая и слишком поспешное возникновение действия; прекращение действенности намерения после выполнения предусмотренного в акте намерения действия или действия замещающего, — все эти ситуации показывают, что

причины преднамеренного действия недостаточно охарактеризовать как силы, которые при наступлении определенных соответствующих случаев побуждают к определенным действиям, сцепленным с этими случаями в акте намерения по законам связи представлений.

3. Возобновление прерванных действий

В этой же связи должна быть рассмотрена еще одна группа фактов, на которой я хотел бы остановиться подробнее¹.

Пусть выполнение намеченного действия прервано во время самого выполнения. Если бы сцепление соответствующего случая и выполнения намерения имело бы решающее значение, то после прерывания действия ничего не могло бы начаться без повторного наступления соответствующего случая, если само начатое действие не порождает силы для следующего действия. Можно сравнить это со случаями, когда действенность намерения исчерпывается после его срабатывания на первый же соответствующий случай. Я ограничусь упоминанием только некоторых результатов исследований Овсянкиной, существенных для рассматриваемого вопроса.

Действия, которые использовались в экспериментах Овсянкиной, были *не слишком интересны*. Они состояли, например, в составлении фигур из цветного строительного материала, в переписывании корреляционной схемы сдвига ранговых мест, в нанизывании бусинок, вылепливании животного из пластилина и т.д.

В момент прерывания первого действия можно наблюдать очень сильный и *яркий эффект*. Испытуемый *сопротивляется* прерыванию своего действия (даже не особенно приятного). Это сопротивление временно принимает весьма *упорные* формы. Силы, противодействующие прерыванию, по-видимому, тесно связаны, помимо всего прочего, с процессом действия как таковым, с его структурой и отношениями с более широкими целостностями.

В связи с рассматриваемой проблемой особый интерес представляют следующие вопросы. Что получится, если испытуемый все же, в соответствии с инструкцией, обратится ко *второму* действию, прервавшему первое, и *закончит* его? В этом случае возникает, говоря коротко, чрезвычайно сильная *тенденция к возобновлению первого действия*.

В опытах использовались два типа прерывания. Первый тип составляют «случайные» *перерывы*: как будто благодаря случайной неисправности гаснет свет; у экспериментатора падает ящик с мелкими предметами и испытуемый из вежливости помогает их собрать и т.д. Второй тип прерывания осуществляется путем прямой инструкции, требующей перехода к *другому действию*.

¹ Обсуждаемые процессы были подробно проанализированы г-жой Овсянкиной в Берлинском Психологическом институте.

Хотя случайные перерывы растягивались приблизительно на 20 минут, все они без исключения вели к возобновлению первого действия. Очень часто возобновление первого действия наблюдалось даже при прерывании путем постановки другой задачи, иногда после промежутка времени почти в целый час. При этом испытуемый знал, что экспериментатор совершенно не требует возобновления, иногда даже прямо *запрещает* его.

Особый интерес для нас представляет сам *акт возобновления*. Обнаружилось, что тенденция к возобновлению усиливается, как только испытуемый вновь видит перед собой материал первого незаконченного действия (например, лист бумаги с начатым рисунком). *Но и при отсутствии этого внешнего раздражителя обнаруживается сильная тенденция к возобновлению действия.* Наблюдения за поведением испытуемых и данные самонаблюдения показывают, что даже если испытуемый не думает во время новой работы о первом задании, по истечении нескольких секунд после окончания второй работы возникает позыв возобновить первую работу, иногда сначала в неопределенной форме «хочется закончить еще что-то» без определенного осознания, что именно. <...>

Мы стоим, следовательно, перед следующим фактом: обнаруживается сила, которая даже после относительно длительного перерыва побуждает к окончанию прерванного действия. Ее проявление никак не связано с наличием внешнего побуждения к возобновлению действия после прерывания, напротив, возобновление часто возникает спонтанно и исходит изнутри.

Другие примеры.

На одном собрании были подняты некоторые вопросы, но разрешение их не было доведено до конца. В таком случае этими вопросами начинают заниматься потом, и они на долгое время могут стать предметом разговоров между людьми. Это бывает прежде всего тогда, когда эти вопросы сильнее затрагивают личность.

Некто хотел помочь школьнику в решении математической задачи, но, не доведя его до конца, был чем-то отвлечен. Эта задача, неинтересная сама по себе, может всплыть в сознании долгое время спустя.

Некто погрузился в чтение глупого газетного романа, но не дочитал его до конца. Этот роман может годами преследовать его.

Здесь важен тот экспериментально обнаруженный факт, что «интерес» нельзя рассматривать в подобных случаях как решающее условие.

В заключение необходимо отметить те теоретически важные случаи, когда определенная содержательная связь между первоначальным действием и прервавшим его действием является причиной того, что *тенденция к возобновлению отсутствует*. Например, ребенка, рассказывавшего какую-нибудь историю, прерывают предложением нарисовать какую-нибудь сцену из этой истории. Возобновления рассказа в таком случае не последует, — очевидно потому, что этим рисунком предше-

ствующая деятельность рассказывания была каким-то образом завершена. Можно сказать, что здесь имеет место своего рода «*замещающее завершение*» рассказа. Мне представляется, что такие случаи хорошо освещают природу тех сил, которые задействованы при выполнении намерения. Важно также, что в случаях возобновления прерванной работы возобновленное действие вовсе не должно представлять собой «недостающий кусок» первоначального действия; после перерыва может начаться совершенно иначе структурированное действие, однако направленное на ту же цель. Иногда возобновление может вообще принять форму игры с соответствующим материалом.

4. Забывание намерения

Ближайший, в известном смысле прямой путь к изучению последствий намерения есть исследование забывания намерений.

Необходимо тщательно разграничить *два понятия забывания*. Одно относится к тому, что обычно понимают под *памятью* (способность воспроизводить знание, когда-то раньше бывшее в распоряжении человека). К этому же типу мы будем относить в данном контексте и способность воспроизводить знакомые ранее действия (хотя по существу речь здесь отчасти идет совершенно о другом)¹.

Второе понятие забывания относится к *невыполнению намерения*. В этой связи в повседневной жизни говорят о «*забывчивости*». Само собой разумеется, что человек, забывший выполнить предусмотренное актом намерения действие, обычно вполне в состоянии воспроизвести содержание этого намерения. Следовательно, знание об акте намерения в смысле памяти налицо. Хорошая память как ярко выраженная способность воспроизводить знания или действия отнюдь не идет рука об руку с добродетельной привычкой не оставлять невыполненным «по причине забывчивости» то, что мы намеревались сделать (впрочем, некоторая связь здесь может иметь место). <...>

Впрочем, нельзя упускать из виду еще и *третье* значение забывания: человек не помнит неприятностей, которыми он обязан какому-нибудь определенному лицу, не мстит ему за них, прощает и забывает. Эта большая или меньшая «*злопамятность*» особенно важна в связи с психологией воли и аффектов, в то же время она не совпадает с вышеприведенными двумя другими понятиями памяти. Можно иметь плохую память, быть очень забывчивым и в то же время чрезвычайно злопамятным.

У нас, следовательно, идет речь о втором понятии забывания — *непреднамеренном невыполнении намерения*.

При этом мы не будем рассматривать случаи, когда забывание намерения может быть объяснено тем, что человека в самый решительный

¹ См.: Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II // Psychologische Forschung. 1922. 2. 125 f.

момент что-то резко отвлекло. Ведь как раз другие случаи дают возможность непосредственно увидеть те обстоятельства, при которых последствие намерения прекращается.

Как уже было упомянуто, отнюдь не создается впечатления, будто действенность намерения ослабевает пропорционально времени. *Вообще, в психологии, так же как и в физике, нельзя считать время причиной реального процесса.* Там, где обнаруживается падение интенсивности какого-нибудь переживания с течением времени, это падение всегда можно объяснить нормальными жизненными процессами. Однако и в этом случае оправдан и даже необходим вопрос: что же в рамках более широкого жизненного процесса является *конкретной причиной*, например, забывания определенного намерения?

В ходе экспериментальных исследований забывания намерений¹ испытуемый должен был выполнить ряд заданий и при этом в конце каждого выполненного задания (или на какой-либо другой определенной стадии работы) поставить в качестве подписи свою фамилию и дату. Каждый листок после выполнения задания он должен был передать экспериментатору.

Было обнаружено следующее:

1) Намерение не является, как правило, изолированным душевным фактом, но обнаруживает *свою принадлежность к определенной целостности действия*, к определенной *сфере личности*. Поэтому подпись включается обычно не в «содержание работы», а в сферу «личного», которая актуализируется при «передаче работы» экспериментатору.

Переход от той сферы действий, в которую *включено* намерение к другой сфере может повлечь за собой забывание этого намерения. Например, в опытах было обнаружено следующее: подпись часто забывается, если после шести *однородных* действий седьмым должно быть выполненное действие совершенно другого рода. <...>

Такие намерения, включенные в какую-нибудь сферу действий, не забываются, если жива *соответствующая сфера действий*, и только в этом случае.

В повседневной жизни забывание намерения (или, правильнее, бездействие намерения при появлении представленного в акте намерения или другого пригодного соответствующего случая) также часто можно наблюдать тогда, когда конкретный психический комплекс, включающий это намерение, прекратил существование. Как раз наиболее частые случаи забывания, которые обычно оправдывают тем, что человек «слишком занят чем-нибудь другим», невозможно объяснить просто высокой *интенсивностью других переживаний*. Если речь идет об интенсивных переживаниях, принадлежащих к *тому же самому* психическому комплексу, то это, наоборот, может только благоприятствовать выполнению намерения. С другой стороны,

¹ Опыты проводились г-жой Биренбаум в Берлинском Психологическом институте.

забывание может наступить и без интенсивного отвлечения, если господствующая в данный момент психическая сфера отстоит достаточно далеко от той сферы, в которую включено намерение. Впрочем, определенное значение наряду с этим имеет и фактор интенсивности.

2) Для вопроса о забывании существенное значение имеет также и сам *соответствующий случай*. Так, например, испытуемый с чрезвычайной регулярностью забывает подписать свою фамилию, если ему неожиданно приходится выполнять задание на бумаге большего формата или иной окраски. Очевидно, бумага сама по себе напоминает испытуемому о намерении, как почтовый ящик — об опускании письма (или узелок на платке напоминает о том, что не должно быть забыто). Лист бумаги обладает тем, что я мог бы назвать *побудительностью* (Aufforderungscharakter). Выше мы говорили о случаях, когда даже при совершенно конкретном намерении целый ряд разнообразных вещей и событий обладают побудительностью (почтовый ящик — друг). Однако эта побудительность может быть фиксирована и на предметах вполне определенного вида, как это показывает пример с бумагой.

Я вынужден ограничиться здесь лишь простым указанием на значение для забывания намерения его включенности в какую-нибудь целостность действия или в определенную личностную сферу и на значение особенностей соответствующего случая и хотел бы перейти к более подробному обсуждению третьего фактора.

3) В упомянутых выше опытах было задание, которое состояло в рисовании собственной монограммы. Испытуемые с большой регулярностью забывали подписывать свою фамилию на листах с этим заданием. Если исходить из понятия ассоциации, можно было бы скорее ожидать, что вследствие прочной связи монограммы с написанием фамилии в этом случае забывание своей подписи будет особенно редким.

Более подробный анализ показывает, что здесь имеет место своего рода *замещающее выполнение*. При прямом размышлении испытуемый едва ли мог бы, исходя из своей ситуации, прийти к выводу, что монограмма фактически служит достаточным указанием для экспериментатора на принадлежность работы определенному лицу. Подпись без особых размышлений просто «забывается». Потребность в подписи, обусловленная актом намерения, по-видимому, как-то удовлетворена этой подписью-монограммой (впрочем, в этом играют роль еще и другие факторы). Показательно, что написание монограммы уже не действует в качестве замещающего действия, если она пишется не как личная монограмма, а как выполнение «художественного» задания.

Если обратить внимание на случаи забывания в повседневной жизни, то нередко можно обнаружить, что причинами их являются такого рода замещающие действия или же частично выполненные намерения. Я приведу в качестве примера два таких случая, действительно имевших место.

Один человек постоянно забывал о том, что должен купить себе запонку для воротничка. Однажды, исключительно с этой целью, он пошел окольным путем по улице, где находятся соответствующие магазины. Радуюсь, что «дело не забыто», он пришел в библиотеку и заметил, что так и не купил запонку.

Некая учительница намеревалась задать определенный вопрос своей ученице, которой она давала частные уроки. Приблизительно посередине урока учительница вспомнила об этом и порадовалась, что «это так вовремя пришло ей в голову». В конце концов, по дороге домой она вспомнила, что так и не исполнила свое намерение. (В этом случае, как и вообще в ситуациях повседневной жизни, нет, конечно, однозначного доказательства того, что действительной причиной забывания было именно замещающее выполнение намерения в виде прохождения по нужной улице или напоминания себе.)

Нередко можно наблюдать, что даже *запись* намерения, что с точки зрения ассоциации между представлениями отношения и цели скорее должно было бы привести к усилению намерения, легко ведет к его забыванию: запись действует почти как выполнение намерения, как разрядка. Человека успокаивает, что запись своевременно напомнит о намерении, и тем самым *ослабевает внутренняя потребность не забыть*. Это похоже на случай с учительницей: воспоминание о том, что нужно спросить ученицу, действует так же, как само выполнение, так что реальный вопрос так и не задается.

Наряду с этим бывают и другие случаи, когда письменная пометка, даже если ее и не видят, все же благоприятствует припоминанию намерения. Этот может зависеть, например, от того, что намеченное действие благодаря записи вступает в связь с определенной сферой личности (профессиональной сферой) или образом жизни (аккуратность), и поэтому в его осуществлении участвует вся энергия этой сферы.

4) Там, где нет никакого замещающего выполнения, забывание нередко может быть объяснено наличием естественных *противодействующих потребностей*. Даже многократно воспроизведенное намерение — написать неприятное письмо — часто оказывается невыполненным: как раз тогда, когда есть время написать письмо, об этом забывают. На это таинственное противодействие указал З.Фрейд. Разумеется, ни в коем случае нельзя всякое забывание объяснять наличием таких естественных потребностей (тем более исключительно сексуальных потребностей), но, во всяком случае для проблемы действенности намерения, центральное значение имеет следующее: *последствие намерения есть сила, которая может вступать в конфликт с потребностями и в результате этого утрачивать свою действенность*.

Мы уже указывали на положительную связь действенности намерения с реальными потребностями, из которых собственно, и вытекают

намерения (ср. возобновление «серьезных» прерванных действий). Намерение забывается с различной степенью легкости в зависимости от силы тех истинных потребностей, которые побуждают к его выполнению. Так, подпись фамилии забывается несравненно реже при групповых опытах, чем при индивидуальных. Потребность отметить свою работу опознавательным знаком (если отвлечься от других факторов) при групповых опытах намного актуальнее.

Именно от этой *укорененности намерения в более общих волевых целях или естественных потребностях, а вовсе не от интенсивности акта намерения*, зависит, сможет ли оно, преодолев все препятствия, осуществиться. В исследовании забывания выяснилось также, что намерения, акт принятия которых очень интенсивен (вплоть до степени судорожного напряжения), часто обнаруживают гораздо меньшую действенность, чем исключительно спокойные акты намерения, не отягченные аффектами. Это может быть связано с тем, что вообще аффективные или судорожно напряженные действия, за некоторыми исключениями, гораздо менее «результативны», чем спокойные. Кроме того, говоря о самом акте намерения, следует обратить внимание на следующее.

Можно ли поставить вопрос: при каких обстоятельствах вообще возникает акт намерения, особенно интенсивный акт намерения? Поистине поучительная, хотя и утрирующая поговорка гласит: «Что намереваемся, то и забываем». Это значит, что *к намерению вынуждены прибегать тогда, когда нет естественной потребности в выполнении соответствующего действия*, или даже когда налицо естественная потребность противоположного характера. Если акт намерения не вытекает из реальной потребности, он сулит мало успеха. Именно тогда, когда нет настоящей потребности, ее обычно пытаются заменить «интенсивным актом намерения». (Это можно заострить до парадокса: или в намерении нет нужды, или оно сулит мало успеха.)

О.Уайльд в «Портрете Дориана Грея» констатирует: «Добрые намерения — бесполезные попытки вмешаться в законы природы. Их источник — чистая суесть, их результат — абсолютный нуль».

II. Теория преднамеренных действий

1. Возникновение квазипотребности в результате акта намерения

Опыты по забыванию намерения и особенно по возобновлению прерванных действий обнаруживают в намерении силу, действенность которой не определяется тем, действительно ли наступает представленный в акте намерения соответствующий случай, который, будучи «представлением отношения», как внешний стимул влечет за собою намеченное действие.

Скорее существует некоторый внутренний «нажим» в определенном направлении, внутреннее состояние напряжения, которое побуждает к осуществлению намерения, причем даже тогда, когда никакой предусмотренный соответствующий случай сам по себе не побуждает к действию.

На уровне переживаний это наиболее ясно обнаруживается при возобновлении прерванного действия в тех случаях, когда по окончании второго действия сначала ощущается «нажим» совершенно общего характера, типа «мне хотелось что-то еще сделать». В этом случае (подобные примеры нам часто дает повседневная жизнь) неясно даже само содержание того, что входит в намерение человека, и заметно только внутреннее напряжение как таковое. Только во второй фазе осознается еще и цель желания. В повседневной жизни бывают и такие случаи, когда несмотря на отчетливое стремление к «чему-то» желанному, человек никак не может вспомнить, что же ему нужно. (Такие вначале неопределенные по содержанию напряжения появляются, между прочим, иногда и в тех случаях, когда наперед установленный соответствующий случай сам напоминает о намеченном действии¹.) Во всяком случае, выполнение намерения здесь часто начинается под влиянием внутреннего «нажима» без соответствующего случая, побуждающего к этому извне. <...>

(а) Отсутствующие и непредусмотренные соответствующие случаи

Представление о том, что движущую силу осуществления намерения следует искать не в феномене сцепления, а во внутреннем состоянии напряжения, в направленном нажиме изнутри, дает возможность объяснить также и другие различные случаи, упомянутые нами ранее.

Исходя из этого представления, становится понятным, почему при *отсутствии соответствующего случая* ищется другой соответствующий случай или почему тогда, когда соответствующий случай заставляет себя долго ждать, а внутренний «нажим» слишком велик, возникает преждевременная внезапная разрядка энергии.

Отсюда понятно также, почему намерение может обращаться не на заранее представленный в акте намерения соответствующий случай, а на вещи или переживания порой совершенно другого рода (почтовый ящик — друг). Состояние внутреннего напряжения разряжается, как только появляется возможность устранения или, по крайней мере, ослабления напряжения, иными словами, если налицо ситуация, при которой чувствуется возможность действия в направлении определенной цели.

¹ См.: Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

(б) Затухание психических сил при осуществлении или замещающем осуществлении намерения

Если главной причиной выполнения действия считать не сцепление, а наличие внутреннего напряжения, отсюда также естественно вытекает тот факт, что побудительность, присущая предусмотренному соответствующему случаю (например, почтовому ящику), обычно затухает, как только намеченное действие осуществилось. Это относится также и к тому крайнему варианту, когда действенность представленного в сознании соответствующего случая исчезла еще до его наступления, поскольку еще раньше внутреннее напряжение разрядилось в результате «замещающего осуществления».

Таким образом, силы, действующие при акте намерения, обнаруживают далеко идущее типическое сходство с теми психическими силами, которые обычно обозначаются как *потребности* и которые берут свое начало во влечениях или в центральных волевых устремлениях (типа желания получить определенную профессию).

(в) Параллельные проявления истинных потребностей и квазипотребностей

1. Истинные потребности и естественные побудители

В случае *инстинктивных потребностей* (например, голода), мы также имеем дело с внутренними напряжениями, «нажимом» в определенном направлении, который побуждает к известным действиям — к действиям по удовлетворению потребности. С другой стороны, и здесь существенную роль играют определенные «соответствующие случаи», и тоже имеются известные вещи или события, которые привлекают человека, т.е. обладают *побудительностью*.

То, что дано нам психологически как окружающая среда, не есть сумма зрительных, слуховых и тактильных ощущений; напротив, мы видим перед собой целостные вещи и события¹. Понимание этого факта проникало в психологию лишь постепенно. Этим вещам и событиям с давних пор приписывалась определенная эмоциональная окраска: они нам приятны или неприятны, вызывают у нас удовольствие или неудовольствие.

В добавление к этому необходимо подчеркнуть ту старую идею, что вещи и события окружающего нас мира отнюдь не нейтральны для нас как *действующих* существ. И дело не только в том, что их собственная природа создает большие или меньшие затруднения для нашей деятельности или же благоприятствует ей, но еще и в том, что многие вещи или события, с которыми мы встречаемся, проявляют по отношению к нам более или ме-

¹ См., например, подробные рассуждения на эту тему у: Katz. Die Erscheinungsweisen der Farben // Zeitschrift für Psychologie. 1911. Ergänzungsband 7.

нее определенную волю, *побуждают нас к определенным действиям*. Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели. Здесь не место подробно останавливаться на сущности этой «побудительности» вещей и событий, ее видах и функциях. Следует указать лишь на некоторые ее основные особенности. Причем мы можем пока оставить совершенно открытым вопрос о том, какую роль во всем этом играют опыт и привычка.

Сила требований, исходящих к нам от вещей и событий, очень различна. Начиная от «неодолимого влечения», которому без размышления подчиняются ребенок и взрослый и которому невозможно или почти невозможно сопротивляться, существует масса промежуточных ступеней «*требовательности*», вплоть до слабой степени «*приглашения*», т.е. притягательности, которой легко противостоять и которая заметна только тогда, когда человек и так ищет, чем бы ему заняться. Термин «побудительность» должен охватывать все эти ступени.

Можно различать *позитивную* и *негативную* побудительность в соответствии с тем, что одни вещи нас притягивают (например, прекрасный концерт, интересный человек, красивая женщина), а другие отталкивают (неприятности, опасность). Это подразделение обоснованно, поскольку побудителям первой группы присуще свойство побуждать к *приближению*, второй — к *удалению* от соответствующих вещей и событий. Но было бы ошибкой видеть в этом их существенное свойство. Скорее характерно то, что эти побудители толкают к определенным более или менее узко очерченным *действиям*, и что эти действия даже для одних только позитивных побудителей могут быть чрезвычайно различными. Книга влечет к чтению, пирожное — к еде, озеро — к плаванию, зеркало зовет смотреться в него, запутанная ситуация — разобраться в ней.

Побудительность того или иного объекта *ни в коем случае* не должна быть всегда *постоянной*, напротив, она в значительной степени зависит от внутренней и внешней *ситуации*, в которой находится человек. Изучение этих изменений дает нам, помимо всего прочего, возможность более детально разобраться в сущности феномена побудительности предметов.

В определенных основополагающих случаях значение обладающих побудительностью объектов достаточно прозрачно — вещи, обладающие побудительностью, суть *прямые средства к удовлетворению потребностей* (пирожное, концерт, если только на него идут слушать, а не себя показывать и т.п.). Здесь можно говорить об *автономной побудительности*.

Наряду с этим, побудительностью могут обладать вещи и события, которые в силу определенной ситуации стоят в известном отношении к такого рода реальным средствам удовлетворения потребностей, напри-

мер, если с их помощью возможность удовлетворения потребности становится ближе. Они имеют лишь сиюминутное значение средств для достижения цели. Другие случаи *такой производной побудительности* представляют собою пространственно-временное «расширение» объекта с самостоятельной побудительностью: само жилище, улица, и даже город, в котором живет возлюбленная, могут приобретать побудительность. Переходы между этими двумя видами побудительности (первичной и производной), естественно, подвижны и само понятие автономности здесь весьма относительно.

Побудительность объекта может сильно изменяться в зависимости от того, в какое *целостное действие* включен данный объект или событие: зеркало, которое привлекло испытуемого и побудило его осмотреть свою прическу и костюм, становится нейтральным «инструментом», как только тот же испытуемый получает задание, в котором необходимо использовать зеркало¹. Подобного же рода превращения, но гораздо более сильные, претерпевает на войне окружающий человека ландшафт в момент сражения².

Помимо превращений, зависящих от господствующего в данный момент процесса деятельности, можно наблюдать еще и другие изменения побудительности объектов. Лакомый кусок, который еще недавно был источником сильного притяжения, становится нейтральным, как только человек *насытился*. При *пресыщении* обычно появляется даже побудительность с противоположным знаком: то, что еще недавно привлекало, теперь отталкивает. Пресыщение может даже привести к фиксации этой отрицательной побудительности на длительный срок (к любимому некогда блюду, из-за которого был испорчен желудок, иногда не прикасаются годами). Во всяком случае, для такого рода побудительности типичны ритмические подъемы и спады в соответствии с периодическими подъемами и спадами соответствующих потребностей.

Некоторые побудительности изменяются на протяжении более длительных отрезков времени — по мере *развития индивида* от младенчества к детству, потом к юности, зрелости и старости. Они меняются в соответствии с возрастными изменениями потребностей и интересов и играют фундаментальную роль в процессе развития, поскольку развитие «способностей» индивида в смысле возможностей осуществлять те или иные действия (например, пользоваться речью, успешно выполнять интеллектуальные задания) зависит не только от имеющихся «природных задатков», но определяется еще и тем, с какой силой и в каком направлении действуют такого рода «склонности» в качестве движущих сил психических процессов.

¹ Пример взят из опытов доктора Френкеля (Fränkel).

² См.: Lewin K. Kriegslandschaft // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1917. 12. S. 440–447; См. также: Giese F. Handbuch der psychotechnischen Eignungsprüfung. Halle, 1925.

Эти изменения, исследования которых только начаты¹, обнаруживают, по-видимому, известное родство с теми изменениями побудительности, которые наступают при изменении *общих волевых целей*, значимых для данного человека.

В качестве примера такого рода общих волевых целей можно назвать желание посвятить себя той или иной профессии. С момента принятия решения приобрести определенную профессию многие до того нейтральные вещи получают позитивную или негативную побудительность², и многое, что на первый взгляд кажется «природной», врожденной склонностью или «природным» нерасположением — например, предпочтение определенной работы, тенденция к аккуратности и точности или к работе монотонного характера, — все это может быть выведено из профессиональных целей индивида.

И действительно, мир существенно изменяется для человека, если меняются его основные волевые цели. Это относится не только к глубоким переворотам, которые несут с собой решение добровольно уйти из жизни или переменить профессию, но ясно обнаруживается и при временных отказах от привычных волевых установок, как например во время праздников или каникул. Давно привычные вещи могут в этом случае внезапно начать выглядеть по-иному. То, что сотни раз оставалось без внимания, становится интересным, а важные профессиональные дела — безразличными.

Это нередко удивительное для самого субъекта превращение положительных или отрицательных побудительностей в безразличные нередко описывалось поэтами, преимущественно в любовном контексте. Нередко такие изменения побудительности выступают как *первые* признаки изменения внутренней ситуации, еще до того, как сам человек заметит внутренние изменения собственных склонностей. Наличие или отсутствие изменений побудительности часто можно использовать как критерий того, что какое-либо решение (например, «начать новую жизнь в той или иной области») не только на словах, но и в *действительности* внутренне принято (оно не только выступило в переживании, но и стало психологически действенным динамическим фактором). Особенно далеко идущие и временами очень резкие превращения этого рода имеют место при «обращениях» («преследуй то, чему ты молился, и молись тому, что ты преследовал»).

Зависимость побудительности объектов от такого рода общих волевых целей в основном имеет такую же структуру, что и в случае более конкретной цели единичного действия.

¹ См.: Spranger E. Psychologie des Jugendalters. Leipzig, 1924; Bühler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena, 1922; Lau E. Beiträge zur Psychologie der Jugend in der Pubertätszeit. Langensalza, 1924.

² См.: Lau E. Ibidem.

Из этих кратких замечаний можно, во всяком случае, уяснить следующее: естественная побудительность находится в тесной связи с определенными склонностями и потребностями, которые отчасти можно свести к так называемым «влечениям», отчасти к более или менее общим центральным волевым целям. *В известной степени выражения «имеется такая-то и такая-то потребность» и «такой-то и такой-то круг объектов обладает побудительностью к таким-то и таким-то действиям» эквивалентны.* И всякому изменению потребностей всегда соответствует изменение побудительностей.

2. Проявление истинных потребностей и квазипотребностей

Отношение между истинными потребностями и естественной побудительностью вовсе не следует понимать так, что определенной потребности раз и навсегда можно поставить в соответствие совершенно определенные объекты с соответствующей побудительностью. Для новых потребностей, еще не часто удовлетворявшихся (особенно для потребностей до их первого настоящего удовлетворения), характерно весьма *широкое поле возможных побудителей*. Для систематического изучения, например, сексуальных и эротических склонностей, нужно подвергать систематическому изучению как основной случай не те стадии, когда уже установилась жесткая фиксация на одном или немногих определенных лицах и конкретизировался способ деятельности удовлетворения, а те стадии, на которых склонность еще остается несравненно более диффузной, а круг побудителей несравненно более широким и неопределенным¹. Впрочем, процесс развития не всегда идет от диффузной стадии к дифференцированной и четко определенной. Наоборот, существует процесс расширения первоначально узкой и конкретной склонности. Бывают, например, случаи, когда полуторагодовалый ребенок первоначально любит открывать и закрывать лишь определенный футлярчик для часов и только постепенно переходит к открыванию и закрыванию дверей, шкапуток и выдвижных ящиков. Также и в области тех потребностей, где имеется какая-либо общая волевая цель (например, в области профессиональных устремлений), часто бывают случаи, когда фаза неопределенности лишь постепенно сменяется конкретизацией и упрочением целей (впрочем, и с самого начала *может* быть налицо чрезвычайно конкретная цель).

При таких относительно диффузных потребностях, связанных с влечениями или центральными волевыми целями, что именно будет действовать как побудитель и какие действия будут выполняться, во многом зависит от *ситуации*. Например, потребность «продвинуться в профессиональной жизни» содержит мало или вовсе не содержит каких бы то ни было общих тенденций «за» или «против» *определенных* видов исполни-

¹ См.: *Allesch*. Bericht über die drei ersten Lebensmonate eines Schimpansen // Sitzungsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften. 1921. S. 672 f.

тельных действий. С точки зрения этой потребности остается неопределенным, должен ли человек писать или звонить по телефону, должен ли он вообще выполнить действие *а* или же совершенно другое действие *б*. Даже те работы, выполнение которых обычно считается «ниже профессионального достоинства» и от которых обычно стараются уклониться (например, разборка писем секретаршей), при определенных профессиональных ситуациях могут охотно выполняться в качестве почетных заданий (возьмем случай, когда секретарша избрана как доверенное лицо для разборки особо секретных бумаг). Таким образом, одинаковые по содержанию действия в зависимости от их назначения в общей целостности профессиональной деятельности могут считаться то желательными, то недопустимыми. И даже в случае довольно точной конкретизации и фиксации потребностей остается известный, обычно немалый диапазон возможных побудителей, фактическое появление которых зависит только от конкретной ситуации.

Мы сталкиваемся здесь с совершенно теми же соотношениями, какие мы обнаружили при исследовании намерений. И в случае намерений также вполне возможна значительная неопределенность соответствующих случаев и осуществляющих намерение действий. И для намерений также оказывается, что даже при точном установлении в самом акте намерения определенных соответствующих случаев, все же остается известный простор для побудителей, которые могут запустить осуществление этого намерения.

Такая *параллель между действием истинной потребности и последствием намерения* обнаруживается в целом ряде существенных пунктов, о которых мы будем говорить впоследствии; она и побуждает нас говорить применительно к намерению о наличии *квазипотребности*.

Как истинные потребности, так и последствие намерения проявляются типически в том, что определенные вещи или события обнаруживают *побудительность*, контакт с которой влечет за собой тенденцию к определенным действиям.

Однако в обоих этих случаях связь между побудителем и действием нельзя понимать так, что их сочетание является причиной действия. В случае потребностей, вытекающих из влечений, энергия действия, при всей значимости внешних стимулов, в основном также имеет своим источником определенные *внутренние напряжения*. Там, где средства и соответствующие случаи для удовлетворения потребностей не идут навстречу извне, их начинают *активно искать*, аналогично тому, как мы рассматривали это при анализе действенности намерения.

В противовес этому можно было бы указать на так называемые привычки. И действительно, популярная психология — до недавнего времени то же относилось и к научной психологии — обычно рассматривает привычку, понимаемую как сочетание соответствующих случаев и действий, в качестве источника энергии для привычных действий. Примером

такой привычки считается то, что люди принимают пищу в определенное время дня и не всегда в силу голода. Однако на основании новых экспериментальных данных¹ подобные случаи можно объяснить тем, что соответствующее действие включено в качестве несамостоятельной составной части в более глобальный комплекс деятельности, например «в распорядок дня» или «жизненный уклад», так что энергия — движущая сила этого процесса — теперь уже черпается из других потребностных источников. При такого рода привычных действиях, как и при специальной фиксации, структура движущих сил кажется мне в конечном итоге достаточно ясной: *при всем значении внешних побудителей в случае потребностей мы имеем дело в сущности с состояниями напряжения, которые направлены на удовлетворение соответствующих потребностей. Удовлетворение влечет за собой устранение состояния напряжения и может быть описано как психическое «насыщение».*

В результате такого *насыщения* известный круг объектов и событий теряет ту побудительность, которую они имели до удовлетворения потребности (в «состоянии голода»); они становятся нейтральными. Здесь обнаруживается процесс, совершенно аналогичный упомянутому выше «завершению» преднамеренного действия, где точно так же объекты, которые первоначально обладали побудительностью, внезапно становятся нейтральными. Этот основной феномен действенности намерения, который едва ли можно объяснить теорией сцепления без привлечения сложных вспомогательных теорий, становится понятным, если рассматривать образование намерения как возникновение квазипотребности и, соответственно, видеть в *осуществлении намерения «удовлетворение» и насыщение этой квазипотребности.*

И действительно, переживание *удовлетворенности* после завершения действия есть чрезвычайно частое явление, типичное даже для экспериментальных исследований.

Еще сильнее, чем феноменальное родство, подкрепляет этот тезис о родственности истинных потребностей и квазипотребностей то, что из него можно динамически объяснить действенность намерения и вывести его особенности.

Если наличие латентного состояния напряжения, побуждающего к его устранению (удовлетворению), принять как нечто первичное, то в самом деле, не только представленный в акте намерения, но и *всякий по своей сути подходящий соответствующий случай* (если он психологически существует для человека и не парализован противодействующими силами) должен актуализировать действие намерения. Если же соответствующий случай не подворачивается, то так же, как и в случае инстинк-

¹ См.: Lewin K. Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1922; Sigmar. Über die Hemmung bei der Realisation eines Willensaktes // Archive für die gesamte Psychologie. 1925. 52.

тивных потребностей и прочих истинных потребностей, в силу латентного состояния напряжения начинается его *активный поиск*. Если же напряжение слишком велико, то в этом, как и в том случае, нередко возникают нецелесообразные действия типа *«преждевременной суеты»*.

Истинные потребности и квазипотребности обнаруживают также далеко идущее сходство и в отношении феномена побудительности. (Поскольку последующие данные основаны только на наблюдениях повседневной жизни, они настоятельно требуют экспериментального исследования, а до тех пор могут рассматриваться лишь как предварительные.)

С ростом интенсивности истинных потребностей круг их побудителей обычно расширяется. В случае чрезвычайного голода вещи, которые при других обстоятельствах воспринимаются как несъедобные или даже отвратительные, обычно приобретают позитивную побудительность. В конце концов начинают есть землю и нередко становится возможной даже антропофагия. (В этом случае отчасти действуют, подчиняясь нужде, с внутренним отвращением, однако отчасти изменяется и феноменальная побудительность.) Даже при менее экстремальных состояниях напряжения становится заметным это расширение круга побудителей параллельно росту силы потребностей¹. То же относится и к так называемым духовным потребностям: «сытый буржуа», пресыщенный юноша. Соответствующие факты можно наблюдать и в случае квазипотребностей. Диапазон не предусмотренных в акте намерения соответствующих случаев, на которые также направляется намерение, обычно тем больше, чем сильнее создаваемое намерением состояние напряжения. Если речь идет о важном письме, от быстрой отправки которого многое зависит, то посещение друга или какая-либо другая возможность скорее, как правило, привлечет к себе наше внимание, чем когда дело касается безразличного письма. (Мы еще вернемся к исключениям, которые связаны с природой напряженно-судорожных действий.)

3. Фиксация при истинных потребностях и квазипотребностях

К наиболее существенным явлениям, касающимся отношения побудительностей и истинных потребностей, относится факт фиксации. Круг побудителей иногда оказывается чрезвычайно суженным по сравнению с кругом подходящих вещей и событий «самих по себе».

Например, девочка, у которой много кукол, постоянно желает играть лишь с одной из них или во всяком случае выделяет ее несравненно больше других. Ребенок утверждает, что «она всегда послушна», «никогда не говорит неправды» и даже будучи сломанной так, что другие куклы на ее месте сразу были бы заброшены, она по-прежнему вызывает любовь боль-

¹ См.: Katz, Toll. Die Messung von Charakter und Begabungsunterschieden bei Tieren // Zeitschrift für Psychologie. 93.

ше других. (Я не имею здесь в виду те случаи, когда кукла становится предметом особых забот именно вследствие своей поврежденности.)

Фиксация на *определенных* побудителях и на *определенных* способах удовлетворения играет большую и очень значимую роль в психической жизни. Хорошо известно, какой прочной может быть фиксация на том или ином человеке, профессии, работе и т.д. во всех областях истинных потребностей, как радикально она может исключать все остальные и как зачастую трудно бывает эту фиксацию ослабить.

Такая фиксация может приводить к тому, что соответствующие объекты приобретают особенно сильную побудительность, а сама она оказывается наделена определенной *исключающей функцией*: другие объекты полностью или частично теряют из-за нее свою побудительность. То же самое относится и к фиксации на определенных вариантах *действия* удовлетворения.

Нечто совершенно аналогичное можно наблюдать и при квазипотребностях. Представление определенного соответствующего случая в акте намерения может обладать известным фиксирующим значением; оно может сузить круг соответствующих случаев, исключив те, по существу также подходящие случаи, на которые могло бы быть ориентировано намерение, будь оно менее специализированно. То же относится и к действиям осуществления намерений. При заранее запланированном разговоре, но при отсутствии специального намерения привести совершенно определенные аргументы, выбираются аргументы, соответствующие ситуации и потому целесообразные. Специальный же подбор конкретных аргументов накануне беседы нередко влечет за собой совершенно неподходящие к данной ситуации высказывания.

Однако фиксация как при истинных потребностях, так и при квазипотребностях, как правило, *не является* полностью исключающей. Обычно наряду с фиксированным побудителем наличествует известный круг и других побудителей, особенно в том случае, если «нажим» истинной потребности или квазипотребности слишком велик.

В случае истинных потребностей обычно особое значение для фиксации имеют случай и способ *первого удовлетворения* (первая любовь). Это же относится и к намерениям, побуждающим к повторяющимся действиям. Если, например, перед первым осуществлением намерения вопрос о соответствующем случае оставался открытым и были возможны многие соответствующие случаи, то впоследствии тот вид соответствующего случая, на который в первый раз оказалось направлено намерение, приобретает особую значимость. <...>

Наши замечания относительно явлений фиксации при истинных и квазипотребностях не претендуют на исчерпывающую теорию фиксации, тем более, что фиксации играют в психической жизни значительную роль. К тому же мы ни в коем случае не утверждаем, что собственно феномены сцепления никак не участвуют в образовании фиксации.

Скорее мы довольствуемся здесь несколькими основными положениями: исключительная *фиксация* побудительности на вполне *определенном* соответствующем случае так же, как и точное определение способа выполнения, должна быть включена как *особый* случай в широкую область тех явлений, где побудительность свойственна более широкому кругу событий и объектов. С точки зрения теории квазипотребности и вопреки общеупотребительному пониманию, случаи без такой конкретной фиксации, значительно ограничивающей действенность остальных соответствующих по своему содержанию случаев, служат более чистыми примерами основного процесса намерения. Источниками энергии нужно признать лежащие в основе истинные потребности и квазипотребности. По крайней мере, в значительной степени с ними связаны также и фиксированные побудительности. Сама фиксация — не источник процесса, она только предписывает ему формы или предопределяет соответствующие случаи. И если действительно рассматривать представление определенного соответствующего случая и способа осуществления действия как феномен сцепления, его по существу следует понимать не по аналогии с сочетанием слов или других познавательных содержаний, но как фиксацию побудительности на определенном соответствующем случае.

4. Замещающее выполнение

Если источником преднамеренного действия является не сочетание между соответствующим случаем и выполнением, а наличие квазипотребности, вытекающей из намерения, то сами собой становятся понятными основные аспекты проблемы *замещающего выполнения* намерения.

Истинным потребностям также присуще замещающее удовлетворение. Существует целый ряд различных видов замещающих действий, причем аналогичных для истинных и квазипотребностей. Различия этих разнообразных видов иногда поистине глубоки. Однако их нелегко определить понятийно, к тому же существуют разные переходные ступени и смешанные типы. Мы используем термин *замещающее выполнение* для всех этих видов, т.е. в довольно поверхностном значении, и в пределах данной работы вынуждены ограничиться лишь названием некоторых главных типов, не имея при этом возможности обстоятельно обсудить все возникающие при этом вопросы.

1. Измененное в соответствии с ситуацией, но содержательно эквивалентное, короче, «*сообразное ситуации выполнение*». Пример: вместо того, чтобы, согласно первоначальному намерению, самому опустить письмо в почтовый ящик, его отправляют через друга. Здесь, собственно говоря, нет никакого замещающего осуществления. Лишь выполнение действия протекает иначе, чем было задумано первоначально. Мы видели, что этот случай считается по существу нормальным постольку, поскольку истинные потребности и квазипотребности обычно оставляют откры-

тыми способы своего осуществления. Для теории квазипотребностей этот вид замещающего выполнения не представляет не только никакой трудности, но даже и особого своеобразия (хотя подобные случаи трудны для понимания, если исходить из теории сцепления): цель исходной потребности на деле достигнута. *В результате действия выполнения напряжение устранено* (квазипотребность насыщена), а вместе с этим исчезает и побудительность. Как уже много раз указывалось, то же самое верно и для истинных потребностей.

2. *Выполнение «pars pro toto»¹*. Пример: вместо того, чтобы купить какой-нибудь предмет, человек довольствуется тем, что идет по нужной для этого улице или лишь отмечает намерение в записной книжке. Осуществление действия идет «*в направлении*» первоначальной цели, затем, по-видимому, тормозится. Однако динамические эффекты, столь типичные в других случаях для незаконченных действий, здесь не выявляются. Напротив, напряжение потребности еще до реального завершения действия несоразмерно резко спадает. Окончательное выполнение намерения, к примеру, забывается. (См. приведенный ниже пример с роялем.) Иногда здесь, по-видимому, появляется своеобразное переживание удовлетворенности после частичного выполнения, смешанное с виной из-за отсутствия окончательного выполнения.

В известном смысле ближе к первому типу, но, с другой стороны, скорее к третьему (к нему мы сейчас перейдем), стоят следующие случаи: возобновление незаконченной деятельности (записать стихи) не происходит, так как начато другое действие (рисунок, иллюстрирующий сюжет стихотворения), которое хотя и не ведет к той же самой цели, но проистекает из той же самой потребности и снимает соответствующее напряжение.

3. Ненастоящее выполнение, *видимость*, *тень выполнения* и родственное ему *суррогатное выполнение*. Пример: поскольку не удастся набросить кольцо на определенную бутылочку, то его набрасывают на ту, которую легче достать или на более близкий крюк (из опытов нашей сотрудницы Т.Дембо). Здесь нет действия в направлении действительной цели; к настоящей цели не приближаются ни на шаг, но осуществляемое действие в каком-то отношении сходно с тем, которое намеревались осуществить, принадлежит к *идентичному* типу. В результате сразу возникает известное удовлетворение. Но обычно оно непродолжительно и снова уступает свое место первоначальной потребности. Подобного рода случаи относительно легко могут быть вызваны экспериментально, например, в варианте отклоняющихся действий при выполнении трудных задач. <...>

«*Суррогатные удовлетворения*» часто наступают и при потребностях, связанных с влечениями и центральными волевыми целями, если действия, ведущие к действительному удовлетворению, наталкиваются на

¹ Часть вместо целого (лат.).

трудности; в таких случаях «довольствуются малым» и умеряют свои притязания. При этом могут иметь место все промежуточные ступени, начиная от почти полноценного удовлетворения и кончая простой видимостью или тенью удовлетворения. Там, где человек хотел бы приказывать, но в действительности не имеет возможности распоряжаться, он нередко согласен быть простым соучастником, «хоть быть при этом». Мальчик, не смеющий дать сигнала к отправлению поезда, по крайней мере кричит начальнику станции: «Поезд отправляется». Воспитанник детского дома вместо действительного желания вырваться из своего заведения страстно желает приобрести чемодан. Студент, не имеющий возможности из-за недостатка денег приобрести рояль, начинает коллекционировать каталоги роялей.

В случаях, подобных последнему примеру, действия могут значительно обособиться и породить подлинные «суррогатные потребности». (Здесь стоило бы обсудить понятие «сублимации».)

4. *Скрытое мнимое выполнение.* В приведенном выше примере набрасывания колец на бутылки место второй замещающей бутылки может занять игрушечный медвежонок или что-нибудь другое в этом роде. Сам тип действия может тоже внешне так сильно видоизмениться, что его с трудом можно узнать. Такое действие может появиться, например, тогда, когда ситуация требует скрыть замещающее действие, скажем, когда человек стесняется.

Кроме величины напряжения, связанного с данной потребностью, важна и *общая степень удовлетворенности или неудовлетворенности испытуемого*. Это показали упомянутые выше опыты с забыванием: подпись легче забывается, если испытуемый находится в состоянии особой удовлетворенности своими предшествовавшими достижениями.

Таким образом, и в этом пункте обнаруживается параллелизм с истинными потребностями, для которых важно не только состояние напряжения данной конкретной потребности, но и общее состояние насыщенности, пресыщенности или ненасыщенности потребностей данного индивида. (Вообще пресыщенный, «сытый буржуа» в конечном счете с трудом восприимчив к каким бы то ни было побудителям.)

(г) Реальная связь между квазипотребностью и истинной потребностью

1. Квазипотребности и противостоящие им потребности

Если действие намерения понимать как квазипотребность, то обнаруживается не только его формальная параллель с истинными потребностями, но одновременно проясняется и *реальное отношение между действием намерения и естественными потребностями*.

Различные естественные потребности могут вступить в конфликт друг с другом, т.е. соответствующие *состояния напряжения не полностью изолированы друг от друга*. Частью они образуют несамостоятельные мо-

менты одного более общего состояния напряжения, частью же стоят по меньшей мере в определенной реальной коммуникации в соответствии со степенью взаимосвязи соответствующих сфер или комплексов в психическом целом. (На эти факты часто не обращают достаточного внимания при исследовании влечений.)

То же самое верно и для реальных отношений квазипотребностей между собой и с истинными потребностями. Отсюда понятно, почему намерения постоянно забываются, если налицо имеется сильная истинная *противоположно направленная потребность*.

От вопроса о содействии и противодействии квазипотребностей и истинных потребностей можно перейти и к вопросу о «*полной произвольности*» намерений. Сам по себе заслуживает удивления тот факт, что человек обладает чрезвычайной свободой в том отношении, что может сделать предметом намерения любое, даже бессмысленное действие, т.е. вызвать в себе соответствующую квазипотребность. Эта свобода характерна для цивилизованного человека. Дети и, по всей видимости, дикари могут пользоваться ею в гораздо меньшей степени, и она, вероятно, отличается человека от наиболее родственных животных в большей мере, чем его более высокий интеллект. (Это различие очевидно связано с вопросом об «овладении».)

И тем не менее человек *отнюдь не может сделать объектом намерения любое действие*, если в качестве критерия взять возникновение реальной квазипотребности. Нельзя без реальной потребности сделать объектом намерения убийство себя самого или своего знакомого, или же предпринять что-нибудь серьезное против своих реальных интересов. Такие намерения не могут быть осуществлены даже под действием гипноза. В таких случаях с особенной ясностью обнаруживается реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями.

У детей граница произвольности намерения *гораздо уже*, у них часто отсутствует даже возможность придать вещам и событиям, самим по себе *нейтральным*, положительную побудительность на основе квазипотребности. Для детей особенно необходимо, чтобы действия, которые они хотят сделать объектом намерения, хотя бы в некоторой степени обладали естественной побудительностью. (Эти вопросы играют большую роль в педагогике раннего детства.)

2. Квазипотребности и одинаково с ними направленные истинные потребности

Реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями дает объяснение и такому на первый взгляд парадоксальному явлению: как однозначно показывают результаты различных экспериментальных исследований, *интенсивность акта намерения не является решающей для действительности этого намерения*.

То обстоятельство, что особенно интенсивные акты намерения нередко менее действенны, чем более слабые, основывается, как было уже упомянуто, частью на том, что вообще *«судорожные»* действия обычно менее успешны, чем спокойные. Это же относится и к акту намерения, понимаемому как действие.

Но еще существеннее следующее обстоятельство. Порожденные актом намерения напряжения и побуждательности не являются чем-то первичным. Они возникают на основе каких-то истинных потребностей, которые сами основываются на влечениях и общих волевых целях. Поэтому и *квазипотребность*, возникнув, в дальнейшем продолжает *сообщаться с комплексом существующих напряжений, таких как истинные потребности*. Намерение (например, опустить письмо в почтовый ящик, посетить знакомого, или даже в качестве испытуемого заучить ряд бессмысленных слогов) даже в том случае, если выполнение соответствующего действия представляет собой относительно хорошо обособленное целое, не является чем-то изолированным (благодаря лежащим в его основе силам), а вытекает из более широких потребностей: из желания закончить свою профессиональную работу, или продвинуться вперед в своих студенческих занятиях, или оказать дружескую услугу знакомому. По существу, действенность намерения зависит не от интенсивности акта намерения, а (если отвлечься от других факторов) от *силы* и жизненной значимости или, вернее, от *глубины укорененности* в психике тех истинных потребностей, в которые включена квазипотребность.

«Истинные» *потребности*, о которых идет речь, суть, во-первых, *те, из которых выросли сами намерения*, т.е. которые привели к тому, что человек решил выполнить соответствующее действие. Следовательно, при намерении опустить письмо в почтовый ящик была потребность кого-то известить, основанная, в свою очередь, на еще более общей волевой цели.

Наряду с этим при осуществлении намерения нередко обнаруживаются *напряжения* и силы, которые *в возникновении самого намерения почти или вовсе не принимали участия*. Очень часто бывает так, что как только намерение принято или действие начато, захваченной оказывается «вся личность» целиком и тем самым устанавливается коммуникация с напряжением, связанным с «самосознанием» и «боязнью неполноценности». Индивидуальные различия в легкости, с какой такого рода побочные силы вливаются в действие выполнения намерения, а то и становятся его единственными движущими силами, представляются очень значительными: например, содержанием принятого жизненного идеала может быть желание «возможно тверже держаться принятого решения». Громадное значение в этом отношении имеет и *ситуация*. Так, например, упомянутая выше значительно меньшая забывчивость при *групповых* опытах, чем при индивидуальных (Биренбаум), может быть объяснена действием подобных сил.

Как показывает пример с групповыми опытами, коммуникация с подобного рода различными истинными потребностями может существовать с самого начала. Но нередко при самом акте принятия намерения ее еще нет, и она возникает только в ходе дальнейшего развития процесса. Речь идет здесь не только о понятийной связи, существующей, например, при понятийном родстве между различными типами потребностей, но о *реальной коммуникации* конкретных состояний напряжения. Ее наличие или отсутствие устанавливается не вообще, а от случая к случаю; она возникает в определенные моменты времени и ее возникновение — это реальный процесс, который может развиваться постепенно или пррываться внезапно.

Во всяком случае, остается открытым и требующим экспериментального исследования вопрос о том, не существует ли наряду с этими истинными потребностями еще и некоторый *фонд* (различный у различных индивидов) *«активной энергии»*, который мог бы быть использован теми преднамеренными действиями, которые сами по себе не связаны ни с какими истинными потребностями. <...>

Раз действительность квазипотребности в основном зависит не от интенсивности акта намерения, а от реальной связи с *истинными* потребностями, становится понятным то постоянно проявляющееся в эксперименте обстоятельство, что *«феноменальное одеяние»*, в котором выступает в сознании намерение, имеет, по-видимому, весьма малое значение.

Уже Ах указал на случаи сильной действительности менее интенсивных актов намерения (он обозначает их как слабое, привычное или несовершенное желание). Бывают даже многочисленные случаи, когда вообще нельзя говорить о наличии акта намерения и тем не менее имеет место психологический эффект, совершенно эквивалентный акту намерения. Намерение испытуемого, динамически содержащееся в «принятии инструкции», часто принимается посредством акта, который феноменально едва ли отличим от простого понимания инструкции. Часто простая «мысль» — «Это можно было бы, собственно, сделать так-то и так-то», или «Было бы хорошо, если бы случилось то-то и то-то», — выполняет одновременно *функцию* намерения.

Достоевский описывает крайний вариант такого случая, когда без акта намерения, и даже вопреки невозможности прийти к какому-либо решению, психические, *динамически-реальные* факты сразу оказались такими, как будто окончательное решение было принято: «Он ясно почувствовал и вдруг сознал, что бежит-то он, пожалуй, бежит, но что разрешить вопрос, *до* или *после* Шатова (после убийства. — К.Л.) ему придется бежать? — он уже совершенно теперь не в силах». Он чувствовал, «что бежит он не до Шатова, не от Шатова, а именно *после* Шатова и что уже так это решено, подписано и запечатано»¹.

¹ Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Художественная литература, 1990. С. 519.

Известное родство с этим обнаруживают также и некоторые другие случаи, когда решение «вырвано» у человека, а не принято им в собственном смысле слова¹.

В других, по крайней мере феноменально очень сходных, случаях подобный эффект, однако, отсутствует, и несомненно безразлично, останется ли потребность на стадии простого *желания* или же стусится в реальную *квазипотребность*. При этом мне кажется весьма важным, что в последнем случае *создается принципиальный доступ к моторной сфере, которого до этого не было*. Однако и в этом случае решающим моментом является не наступление ярко выраженного переживания «я действительно хочу», а то, установлена ли *реально* возможность доступа к моторике, или нет.

3. Различные степени динамической самостоятельности (обособленность квазипотребностей)

Та степень, в которой остальные потребности воздействуют на квазипотребность *во время выполнения действия*, в каждом отдельном случае очень различна.

Испытуемый получает задание прикоснуться двумя пальцами к концам медных проводов и после этого другою рукой самому нажать на кнопку, включающую ток, причем испытуемый должен получить при этом довольно сильный электрический удар. Бывают испытуемые, которые, раз решившись на выполнение этой задачи, производят особенное *деловое* впечатление. Их действие выглядит особенно прямолинейным (некоторые наблюдатели сказали бы: «по-военному»). Эта внешняя картина согласуется с показаниями самонаблюдения. Испытуемый показывает, что он действовал «почти как во сне», и кроме этого может сообщить о своих переживаниях поразительно мало.

Поведение других испытуемых кажется гораздо менее прямолинейным. Даже *после* решения приступить к действию у них заметны те внутренние колебания и противостоящие напряжения, которые предшествовали решению. Решение в этом случае не означает столь же существенного разрыва в течении предшествующих процессов, как у вышеупомянутого «делового» типа испытуемых. Но, как ни парадоксально, у «делового» типа не наблюдается более слабого страха перед электрическим ударом. Наоборот, в тех случаях, которые мы наблюдали, именно у этого типа страх перед неприятными последствиями действия оказывался значительно сильнее, чем у многих испытуемых более «субъективного» типа.

Описанное на этом примере различие, которое и в других случаях играет существенную роль при выполнении решений, связано с общими и фундаментальными вопросами структуры психического, которых мы мо-

¹ Michotte A., Prüm E. Étude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats // Archives de psychologie. 1910. 10. P. 117–299.

жем коснуться здесь только бегло. Вся совокупность психического, характеризующая индивида, вовсе не образует однородного единства, в котором каждый объект или процесс в равной мере связан со всеми остальными или в котором мера взаимного влияния зависит исключительно от интенсивности, мощности или значимости соответствующих объектов или процессов. Напротив, существуют психические сферы или комплексы, которые тесно связаны между собой, но по отношению к другим психическим комплексам обнаруживают более или менее сильную обособленность. По существу, включенность в один и тот же или в различные комплексы определяет, насколько сильно душевное событие или психическая сила будут воздействовать на другие душевные образования.

Степень самостоятельности и обособленности комплекса в каждом конкретном случае может быть очень различной. Рассмотрим пример из сферы моторики. Кинооператор, который должен равномерно вращать рукоятку кинокамеры, в начале своей профессиональной деятельности невольно застопоривается при внезапном неожиданном происшествии в поле зрения, на его работу влияет каждое движение головы, каждая смена руки, вращающей рукоятку камеры. Опытный оператор может равномерно вращать рукоятку независимо от всех этих влияний. Движение его руки и весь процесс вращения у него в значительной степени обособлены от прочих действий и впечатлений и образуют *относительно самостоятельный рабочий орган*. Часто (например, при продолжительной работе на штамповочном станке) такое действие становится регулярной реакцией на определенные раздражители.

Обычно в этих случаях говорят о «механическом» действии. Однако в нашей связи существенны не *рефлексоподобный характер* процесса и не *стереотипность* действия. И при нерегулярно протекающих действиях (если, например, надо поймать не всегда одинаково брошенный мяч или если при вращении ручки кинокамеры изменяется трение) может, опять-таки «чисто механически», возникнуть корректирующее изменение хватательных движений или напряжения мускулов при вращении ручки. Механизм, следовательно, часто работает как настоящий цельный орган, в котором согласованно действуют «перцептивная основа» и «моторика». (Впрочем, этот механизм, как и всякий другой орган, при известных обстоятельствах может перейти от естественной гибкости к жесткости и автоматизму.)

Здесь существенна, следовательно, не механистичность, а то обстоятельство, что возникает специальный *самостоятельный «орган действия»*: вращение ручки аппарата уже не образует, как прежде, несамостоятельную часть единой моторики (взаимодействующей с перцептивной основой как единое целое). Особая часть моторной сферы — вращение ручки аппарата — выделена из прочей моторики и объединена с известной, ранее тоже несамостоятельной, частью перцептивного поля в один самостоятельный орган действия. Другими словами, тип гештальта и проч-

ность взаимосвязей в нем, его системные связи в динамическом отношении изменились. Старые связи оказались нарушены и образовалось новое относительно замкнутое целое.

О совершенно аналогичном процессе идет речь и в приведенном выше примере действенности решения. У испытуемой, которой задача была особенно неприятна и которая, тем не менее, потом преуспела в ее выполнении, произведя впечатление особенно деловой и прямолинейной, напряжение квазипотребности, порожденной актом решения, было гораздо сильнее *обособлено от остального «Я»*, чем у других испытуемых. Пограничный слой, образовавшийся между этой квазипотребностью и остальными психическими комплексами, действует в обе стороны. Он делает выполнение решения более независимым от остальных психических напряжений (отсюда прямолинейность), и в то же время, по-видимому, предоставляет индивиду сильную защиту от неприятных переживаний конкретного процесса (отсюда сновидность процесса). Тем самым понятно, что именно у той испытуемой, которая особенно боялась неприятностей, наступила столь сильная объективация и изоляция этого конкретного психического комплекса.

Во время войны в ходе боя нередко можно было наблюдать случаи аналогичного поведения определенного типа так называемых «лихих» солдат.

Степень самостоятельности квазипотребности по отношению к напряжениям остальных потребностей очень различна в каждом отдельном случае и по-видимому может иметь весьма различное значение у различных индивидов.

(Д) Запоминание законченных и незаконченных действий

Реальное состояние напряжения, из которого вытекает преднамеренное действие, заметно не только в самом этом действии, но может быть еще зафиксировано и косвенно — по фактам из психологии памяти. Можно, например, спросить, что *припоминается* лучше: законченные преднамеренные действия или незаконченные. На первый взгляд, можно было бы ожидать, что лучше удерживаются в памяти законченные действия, которые занимали человека большее время.

Эксперимент показал следующее¹: испытуемый в течение экспериментальной сессии должен был выполнить 20 действий. Часть этих действий была прервана экспериментатором до их окончания. Вскоре после окончания последнего действия экспериментатор проверял, о каких действиях у испытуемого сохранилось воспоминание.

¹ Опыты были поставлены г-жой Зейгарник в Берлинском Психологическом институте.

Оказалось, что в среднем *незаконченные действия на 50 % лучше удерживались в памяти, чем законченные*. Различные виды действий (действия с четким концом и длящиеся действия, интересные или безразличные действия), а также различные типы испытуемых обнаруживали характерные различия. В целом здесь следует отметить, что при прерывании преднамеренного действия сохраняющееся *состояние напряжения* выражается не только в тенденции к возобновлению действия, но и в воспроизведении его в памяти.

Впрочем, это напряжение не при всех обстоятельствах и не у всех индивидов ведет к лучшему удержанию в памяти; оно может привести и к «*явлениям вытеснения*». С другой стороны, у людей определенного «*ребяческого типа*» это напряжение способствует особенно прочному сохранению в памяти.

2. Условия возникновения намерения. Преднамеренное действие, «волевое» (управляемое) действие и «импульсивное» (полевое) действие

Если попытаться, пусть приблизительно, установить, как часто в повседневной жизни появляются намерения, при которых хотя бы в незначительной мере переживался особый акт принятия этого намерения, то можно придти к поразительному на первый взгляд факту: *акты намерения не так уж часты*. Впрочем, день нередко начинается с акта намерения: около 50 % опрошенных студентов обычно показывают, что в этот день утреннее вставание потребовало от них специального акта намерения соответствующего содержания. Однако процессы одевания, выпивания кофе, ухода на работу лишь в единичных случаях сопровождаются актом намерения, который можно констатировать как таковой. Также и в последующем течении дня эти акты намерения в целом выступают очень редко.

Это не следует пытаться объяснить только тем, что привычка или более общее намерение, твердо определившее распорядок дня на длительный период, виновны в таком редком появлении актов намерения. При наблюдении за детьми во время их игры в новых ситуациях точно так же не создается впечатления частых актов намерения, даже и в том случае, когда игра идет возбужденно и дети ссорятся. Возникает ли какое-то новое событие, которое привлекает их, хотят ли они иметь определенный предмет, который есть у другого ребенка и т.п. — все случаи перехода к новым поступкам не опосредствуются актами намерения. Налицо непосредственное побуждение к действию, называемое обычно «импульсивным» или «непроизвольным». *Там, где непосредственно проявляются истинные потребности, действиям, как правило, не предшествует никакой акт намерения.* (Действительно, с точки зрения теории квази-потребностей такой акт намерения был бы бессмысленным.)

Однако с другой стороны, ни в коем случае нельзя называть «импульсивными действиями» все те действия, которым не предшествовал никакой акт намерения. В разговоре, например, ответу на вопрос или вообще реплике в ответ на реплику очень редко предшествует особый акт намерения; по существу, он появляется только тогда, когда хотят солгать или что-нибудь скрыть. И тем не менее ни в коем случае нельзя такой разговор, обмен вопросами и ответами, при которых отсутствует акт намерения, назвать импульсивным, скорее наоборот, ему необходимо приписать волевой характер. То же относится ко многим поступкам в повседневной жизни, например к профессиональным действиям: они не автоматизированы, но их нельзя также назвать и неуправляемыми, импульсивными действиями, хотя им и не предшествует никакой акт намерения. Такое положение дел, равно как и другие обстоятельства, обсуждение которых здесь завело бы нас слишком далеко, вынуждают меня признать, что *преднамеренное действие как таковое не является основным случаем волевого поведения. Для отнесения какого-либо процесса к определенному типу, необходимо выдвинуть на первый план не то, предшествовал ли ему по времени какой-либо другой акт или нет, а сам характер протекания этого процесса.*

Если исходить из этой точки зрения, то типичными случаями не импульсивных, а *волевых действий* необходимо считать следующее: человеку грозит какая-нибудь опасность или неприятность, однако он не уступает ей, но смотрит ей прямо в лицо или идет ей навстречу; человек остается спокойным, несмотря на все оскорбления; человек проявляет холодность или недружелюбие к тому, кто с ним приветлив. Это — *контролируемое действие*, которое становится теперь в центр нашего внимания¹.

Если отвлечься от *автоматизированных и рефлекторных* в узком смысле слова действий, обычное употребление термина «Trieb» (инстинкт, влечение, импульс) в этом контексте неоднозначно. Под *импульсивным действием* (Triebhandlung) понимают, во-первых, действие «непроизвольное, управляемое силами, неподвластными индивиду». Такие действия далеко не всегда выступают в качестве непосредственных по времени следствий определенной совокупности стимулов; им вполне может предшествовать некоторая нерешительность. Однако с другой стороны, внезапное «включение» действия в ответ на какую-нибудь группировку стимулов действительно является признаком неуправляемой реакции. Таким образом понятие «непроизвольное, импульсивное» получает свое второе значение — процесса, *противоположного тем процессам, которым предшествует особый акт намерения.*

Однако необходимо подчеркнуть, что реальное преднамеренное действие, т.е. действие, которому предшествовал особый акт намерения, да-

¹ См. также: Klages A. Prinzipien der Charaktereologie. Leipzig, 1921.

леко не всегда отличается тем управляемым характером, который образует противоположность импульсивному действию. Разумеется, преднамеренное действие вполне может быть управляемым. Если ребенок намеревается пройти мимо собаки, которой боится, то иногда это происходит как управляемое действие, т.е. ребенок хотя и осторожно, но с полным самообладанием и со спокойной выдержкой проходит мимо собаки. Однако во многих случаях *преднамеренное действие отнюдь не имеет характера управляемого действия* или имеет его лишь в очень незначительной степени. Так, в случае, подобном вышеприведенному примеру, выполнение принятого намерения часто принимает вид совершенно неуправляемого бега мимо собаки, а не осторожного контролируемого движения.

В этом случае процесс протекает, следовательно, так, как если бы намерение выступало просто как еще одна сила наряду с другими силами ситуации (психологического поля), и как если бы само действие протекало совершенно импульсивно, неуправляемо, на основании существующего в данный момент распределения сил.

Такие неуправляемые или малоуправляемые исполнительные действия очень часто возникают в ситуации преднамеренной активности; более того, они в известном смысле более характерны для преднамеренного действия, чем контролируемое выполнение намерения. Обычный, простейший опыт с реакциями, где при первой попытке безусловно имеет место настоящее преднамеренное действие (процесс, который происходит только на основе предшествовавшего намерения испытуемого), тем не менее обычно обнаруживает тип ярко выраженного неуправляемого действия, если иметь в виду процесс исполнения в собственном смысле слова (т.е. процесс, возникающий вслед за появлением сигнала). (Только в опытах с загадочными картинками или при осознании ошибок действие несколько изменяется в сторону управляемости.) Как раз в случаях полного успеха намеченного исполнительное действие часто после наступления соответствующего случая происходит произвольно (опускание письма в почтовый ящик) или же стоит на шкале контроля над действием безусловно ближе к неуправляемым действиям, чем к управляемым.

Итак, необходимо строго различать понятие волевого в смысле «преднамеренного действия» и понятие волевого в смысле «управляемого действия», а также оба противоположных случая, которые иногда обозначаются одним и тем же термином «импульсивное». Было бы целесообразно в интересах чистоты понятий и во избежание недоразумений вовсе отказаться от терминов «воля» и «импульсивный». Вместо них, по крайней мере в контексте обсуждаемых здесь проблем, следовало бы употреблять: (1) термин «*управляемое действие*» с противоположным ему понятием «*неуправляемое действие*» или, так сказать, «*полевое действие*» (т.е. действие, которое непосредственно определяется силами

поля)¹. Рядом с ним следует поставить (2) понятие «преднамеренное действие», которое подразумевает *не определенный тип исполнительного действия, а наличие предшествовавшего акта намерения, вытекание действия из квазипотребности*.

Во всяком случае, можно с полной уверенностью установить следующее: то, что действие вытекает из намерения, еще ни в коей мере не определяет характер выполнения этого действия. Оно *может* протекать в качестве управляемого действия, но в то же время случаи относительной неуправляемости для него характернее и теоретически существеннее. Ибо в них действенность намерения выступает во многих отношениях с особенной четкостью: на основе намерения определенные вещи или события, которые иначе были бы для данного лица нейтральными, безразличными, приобретают побудительность и непосредственно ведут к неуправляемым, чисто полевым действиям (теория детерминирующей тенденции тоже особенно подчеркивает эти случаи).

Отсюда основной момент действенности намерения следует видеть в подготовке²: на основании акта намерения позднее образуется психическое поле, которое без этого намерения не существовало бы или существовало бы не в этой форме. *Благодаря намерению создаются такие обстоятельства, которые позднее позволяют просто отдаться действию поля* (письмо опускается в почтовый ящик), или на основе которых это будущее поле так преобразуется или в нем возникают такие дополнительные силы, что становится легче (или же вообще возможно) осуществить управляемое действие.

Теперь можно ответить и на вопрос о том, в каких случаях вообще возникает намерение. Намерение не характерно для волевого действия в смысле действия управляемого, но намерение в узком смысле слова возникает только тогда, когда имеется известное *предвидение* (это не значит, что должен быть отчетливый образ будущего). Оно возникает именно тогда, когда предвидимая ситуация сама по себе не обладает той побудительностью, которая повлекла бы за собою желаемое действие как простое полевое действие; или же тогда, когда предвидимая ситуация естественным образом должна вызвать полевые действия, противоположные намеченному.

¹ Естественно, и управляемое действие подчинено силам общего психического поля. Но при управляемом действии человек обычно не отдается полностью соответствующему полю. Определенная часть личности остается в резерве, давая возможность «стоять над процессом», лучше контролировать действие. Иначе говоря, ограниченность психической системы здесь иная, чем при неуправляемом действии, прежде всего вследствие большей независимости или лучшего доминирования «Я-системы».

² Г.Е. Мюллер также видит существенный момент намерения в предварительной подготовке (Müller G.E. Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufs. III. Teil // Zeitschrift für Psychologie. 1913. Ergänzungsband 8), хотя излагаемое здесь понимание существенно отличается от его теории.

В качестве типичного примера можно было бы привести следующий случай из опытов госпожи Дембо, поставленных в другой связи. Испытуемый хотел бы покинуть свое место вопреки запрещению, но не смеет этого сделать, т.е. не в состоянии осуществить уход в качестве управляемого действия. В качестве выхода он прибегает к следующему намерению: «Как только стрелки стенных часов примут такое-то положение, я уйду» (подобные случаи часто имеют место и в повседневной жизни). Таким образом, он создает для определенного более позднего момента побудительность, которая непосредственно побуждает его уйти и тем самым непосредственно помогает выполнению преднамеренного действия, или, по меньшей мере, сильно облегчает его. (Очень интересен вопрос, почему в данной ситуации оказывается невозможным непосредственный уход, но возможен такого рода акт намерения, однако мы не можем заняться сейчас его обсуждением.)

С влиянием намерения на определенные будущие ситуации связаны также следующие случаи. Бывает, что человек боится тех или иных ожидаемых событий или ситуаций, и, соответственно, «вооружается сильными намерениями». Конкретная же ситуация, наоборот, оказывается относительно безобидной, и тогда возникает ощущение, что со своими интенсивными намерениями человек ломится в открытую дверь. На примере таких случаев, когда *знание* о будущем оказывается ошибочным и конкретная ситуация сама по себе отнюдь не оказывает ожидаемого противодействия, связь между намерением и предвидением становится особенно ясной.

Процесс, благодаря которому изменяется естественное воздействие будущего поля, в основном один и тот же и в случаях типа только что описанного примера, и в случаях типа опускания письма в ящик или в простых опытах с реакциями. Возникает, как мы видели, *квазипотребность* с определенными фиксированными или нефиксированными побудительностями.

Рука об руку с намерением идет процесс, который можно было бы назвать принятием решения в узком смысле слова. Функционально существенный эффект этого процесса состоит в том, что благодаря ему для определенного внутреннего напряжения создается или облегчается доступ к действию, к моторике, будет ли это реализовано сразу, или же намечено только в принципе (т.е. для будущей ситуации). Следовательно, при «решении» в узком смысле слова не возникают новые психические напряжения (или, поскольку они возникают параллельно с ним, это не составляет его сущности), а уже *существующее напряжение получает такой доступ к моторной сфере*, которого до этого момента не было. Феноменологически чистым выражением такого решения как динамического факта является в случаях немедленного действия переживание: «Я

действительно хочу»¹, «Да будет так»², в смысле: «Итак, я это сделаю». При решении часто речь идет о том, что в одном и том же человеке одновременно существует несколько противоположно направленных напряженных систем, и что в результате решения эти системы напряжения в известном смысле приводятся к равновесию, или же некоторые системы «выключаются»³. Во всяком случае создается такая внутренняя ситуация, при которой действие может управляться какой-то одной, относительно однозначной системой напряжения. В таких случаях иногда можно наблюдать определенные внутренние колебания перед принятием решения (так называемая борьба мотивов).

В этом случае говорят об окончательном решении. При этом часто дело заключается еще и в том, чтобы в интересах чистоты действия пресечь его связи с конкурирующими за доступ к моторике системами. Но это не всегда удается полностью. И поэтому нередко получается, что вопреки решению, в действие (хотя и в ослабленной форме) заметно вмешиваются те напряжения, которые притекают из оттесненных систем. Это может приводить к нецелесообразным смешанным действиям, а в итоге — к торможению или ослаблению основного действия.

Для такого решения, определяемого функционально, так же нельзя указать однозначных обнаруживаемых в переживании признаков, как и для намерения. Твердость решения и интенсивность соответствующего акта не находятся между собой ни в каком однозначном отношении, и даже существенные в функциональном смысле решения могут приниматься без сколько-нибудь существенных переживаний акта решения.

Намерение в функциональном смысле (т.е. возникновение квазипотребности) и решение в функциональном смысле (т.е. выключение или снятие существующих наряду друг с другом внутренних напряжений в аспекте их господства над действиями или моторикой) иногда обнаруживаются в очень тесной взаимосвязи — как два функциональных компонента одного и того же процесса, различимые лишь в теории, — а иногда выступают и раздельно в относительно чистом виде. Внутреннее решение, решимость действовать в каком-нибудь определенном направлении может повлечь за собой особое намерение относительно конкретного способа его выполнения. С другой стороны, одновременно с намерением и возникновением квазипотребности обычно сразу же открывает-

¹ См.: *Ach N.* Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910; *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation II // *Psychologische Forschung*. 1922. 2; *Michotte A., Priim E.* Étude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats // *Archives de psychologie*. 1910. 10.

² См.: *James W.* *Psychologie*. Leipzig, 1909. <Рус. пер.: *Джеймс В.* Психология. М.: Педагогика, 1986.>

³ См.: *Koffka K.* *Psychologie* // *Die Philosophie in ihren Einzelgebieten*. Berlin, 1925; а также: *Claparède E.* Does the Will Express the Entire Personality? // *Problems of Personality. Studies in Honour of Dr. Morton Prince*. London, 1925. P. 39–43.

ся принципиальный доступ к моторике, причем для этого нет необходимости в особом акте решения, по крайней мере тогда, когда нет противоположенных внутренних напряжений.

3. Квазипотребность как кондиционно-генетическое понятие

Для определения какой-либо конкретной квазипотребности, возникшей вследствие акта намерения, нельзя, как мы видели, просто обозначить ее как тенденцию к какому-нибудь определенному действию. Одна и та же конкретная индивидуальная квазипотребность может сама по себе проявляться при весьма разнообразных соответствующих случаях и вести к самым разнообразным исполнительным действиям, поскольку они оказываются одинаково подходящими для насыщения этой квазипотребности и разрядки имеющейся напряженной системы. *Лишь сочетание квазипотребности и конкретной ситуации определяет, какие действия будут выполнены.*

Тем самым мы обращаемся к тому типу образования понятий, который как раз в настоящее время широко распространен в биологии.

То или иное живое существо (а также отдельный орган) определяется согласно своему «генотипу» как совокупность задатков, в свою очередь характеризующихся не как тенденции к точно определенным действиям или к конкретному фенотипу, но как совокупность способов поведения, каждый из которых подчинен определенной ситуации, обуславливающей его возникновение. Одно и то же генотипическое образование в ситуации А ведет к фенотипическому образованию *a*, в ситуации В — к фенотипу *b* и т.д.¹

В этом смысле и квазипотребность следует определить не как напряжение, направленное на вполне определенное действие, а через указание на известный круг таких возможных действий, каждое из которых с необходимостью обусловлено определенной ситуацией.

Аналогичное относится и к конкретным процессам, посредством которых формируется определенная квазипотребность. Здесь также невозможно *никакое однозначное подчинение фенотипически определенному процессу возникновения*; одна и та же квазипотребность может быть,

¹ К. Бюлер (см.: *Bühler C. Bericht über den IX Kongreß der Gesellschaft für Psychologie 1925. Jena, 1926*) для пояснения отношения между богатой изменчивостью материала рефлексов и инвариантностью инстинкта привел сравнение с транспонированием мелодии в другие тональности, однако воздержался от помещения его в прессе. На самом деле, когда определенное намерение (квазипотребность) выполняется не заранее намеченным, а каким-либо иным способом, дело вовсе не в реализации одной и той же двигательной структуры движения на другом материале.

И ни в коем случае здесь не должна идти речь о замене понятия врожденности понятием привычки (см.: *Bühler C. Ibidem. S. 15*).

как мы видели, обусловлена фенотипически сравнительно разнородными процессами.

Вопреки обыкновению, необходимо подчеркнуть, что подобный способ образования понятий необходимо применять также к влечениям и другим видам истинных потребностей. «Нажим» потребности (исключая, может быть, случаи ярко выраженной фиксации на очень узком круге объектов) оставляет открытой определенную область конкретных возможностей осуществления действия и *только сочетание потребности и ситуации* (которую, в свою очередь, нельзя понимать как нечто сиюминутное) *фенотипически однозначно определяет конкретный процесс*.

Резюме

Преднамеренное действие нельзя рассматривать как основной тип волевой деятельности. Скорее, оно обнаруживает все переходные формы, начиная от вполне управляемых действий и кончая неуправляемыми, импульсивными полевыми действиями. Причем наиболее характерны для преднамеренных действий как раз те случаи, которые близки к последнему типу. В целом преднамеренные действия скорее следует отнести к полевым действиям, чем к управляемым.

Этому соответствует то, что большинство управляемых (волевых) действий не нуждается в предшествующем акте намерения. Преднамеренные действия относительно редки. Они представляют собою заранее подготовленные действия. При этом в рамках управляемого в целом действия акт намерения подготавливает, как правило, *неуправляемое полевое действие*.

Действие намерения идет по двум направлениям. Одно из них связано с *образованием* или преобразованием определенного *будущего психологического поля*, другое имеет своим результатом то, что для известных психических напряжений в данный момент или позднее создается *доступ к моторной сфере*. Эти два эффекта часто проявляются вместе, временами же раздельно.

Первый из названных функциональных моментов можно обозначить как «намерение» в более узком смысле слова, другой — как «решение» в более узком смысле слова.

Решение ведет к снятию уже существующих, противоположно направленных напряжений в целостной личности или, по меньшей мере, к сдвигу внутренней ситуации в направлении подчинения процессов действия относительно согласованным напряжениям.

Другой эффект описываемых процессов (тем самым мы будем говорить об их действии в качестве *намерения* в узком смысле слова) обнаруживается, в частности, в том, что известные соответствующие случаи, которые без акта намерения оставались бы нейтральными, теперь, приобретя побудительность, ведут к определенным исполнительным действиям. Такие *соответствующие случаи* могут быть однозначно заданы, воз-

можно даже ограничены определенным индивидуальным случаем, предопределенным в акте намерения. Точно так же *может* быть однозначно предопределен и *способ выполнения* намерения. Хотя этот случай намерения нельзя рассматривать в качестве его основного типа, даже здесь движущие силы преднамеренного действия *не удастся* обнаружить в возникшем в акте намерения *феномене сцепления* между представлением соответствующего случая и выполнением действия.

Акт намерения часто оставляет более или менее неопределенными как соответствующие случаи, которые побуждают к выполнению намерения, так и сам способ его выполнения. В таких случаях, а также, как правило, и тогда, когда в акте намерения соответствующий случай был предусмотрен, намерение может направляться на самые разнообразные *ранее не предусмотренные* соответствующие случаи, которые обнаруживают ту или иную содержательную связь с этим намерением или лежащей в его основе потребностью. То же самое относится и к осуществляющим намерение действиям.

Динамически намерение следует определить как *возникновение квазипотребности*, т.е. состояния напряжения, которое обнаруживает далеко идущие параллели и реальную связь с истинными потребностями.

А) Квазипотребностям соответствует (аналогично истинным потребностям) определенный круг вещей или событий, обладающих *побудительностью*, которая сама по себе влечет к выполнению действия, удовлетворяющего потребность (выполнение этого действия насыщает квазипотребность, т.е. устраняет имеющееся напряжение).

Эти исполнительные действия могут быть очень разными для одной и той же квазипотребности, в зависимости от конкретной ситуации выполнения. Квазипотребность может побуждать к единичным или многократно повторяющимся действиям.

В) *Круг* объектов, обладающих побудительностью, зависит, помимо всего прочего, от *силы* квазипотребности. Если этот круг неестественно сужен, то налицо такое положение дел, которое соответствует *фиксации* на определенных соответствующих случаях или способах удовлетворения в случае истинной потребности. Фиксация может наступить или в результате самого акта намерения, или в результате его первого осуществления, но далеко не всегда она укрепляется вследствие повторений.

С) Первичным фактом следует считать *напряжение потребности*. Если оно достаточно сильно, то ведет: к преждевременному наступлению (прорыву) действия, если соответствующий случай не наступает; к активному поиску соответствующего случая, если он отсутствует; к возобновлению действия, если оно было прервано до своего окончания; наконец, к лучшему удержанию в памяти этих действий.

Д) Если *квазипотребность насыщена*, то побудительность, как правило, исчезает, причем даже в случае фиксации (т.е. в случае особого ограничения круга побудительностей). Побудительность соответствующих

случаев, которые были предусмотрены в акте намерения, обычно исчезает даже тогда, когда осуществление намерения произошло другим путем и при совершенно другом соответствующем случае, чем было предусмотрено в акте намерения.

Е) Настоящее выполнение может быть заменено *замещающим выполнением* в его различных формах. В известной степени оно оказывает такой же эффект, что и настоящее выполнение, и может вести к забыванию намерения и к невозобновлению незаконченного действия.

Г) Порожденная актом намерения квазипотребность не представляет собой изолированного образования в душевной целостности, но обычно *включена в определенный* психический комплекс или в определенную сферу личности. Она *сообщается с другими квазипотребностями и с истинными потребностями*, которые коренятся в общих волевых целях или влечениях. Сила действенности намерения зависит от силы и центрального положения этих потребностей. Потребности, с которыми таким образом оказывается реально связана квазипотребность, не обязательно должны быть теми же самыми, которые привели к акту намерения. Действенность квазипотребности может быть заторможена противонаправленной истинной потребностью.

Г) Феноменальная интенсивность акта намерения и его прочее «феноменальное облачение» решающего значения не имеют.

Б. Зейгарник

ЗАПОМИНАНИЕ ЗАКОНЧЕННЫХ И НЕЗАКОНЧЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ¹

Намерение не просто порождает тенденцию к осуществлению намеренного действия при наступлении предусмотренного подходящего случая. Скорее, оно отвечает потребности (точнее, квазипотребности²), которая и без наступления такого случая подталкивает к осуществлению намерения, и становится, таким образом, динамически эквивалентной состоянию напряжения. Зададимся вопросом: влияет ли такого рода потребность лишь на осуществление намерения, или же соответствующее состояние напряжения может проявляться и в других областях поведения человека?

Наши опыты посвящены конкретной проблеме воздействия активных напряжений потребностного типа на определенные *результаты запоминания*.

В проводившихся до сих пор экспериментальных исследованиях памяти изучалось воздействие установленных ранее взаимосвязей между различными переживаниями на последующее воспроизведение (опыты с ассоциациями). Затем рассматривалось влияние на запоминание таких особенностей данных переживаний, как их осмысленность или бессмысленность, позитивная или негативная эмоциональная окраска, привлечение к ним внимания и т.д.

В отличие от этого, в нашей работе речь идет о воздействии актуальных потребностей, в частности квазипотребностей, на результаты запоминания. *Как соотносится воспоминание действий, которые были прерваны до своего завершения, с воспоминанием завершенных действий?* Мы предполагаем, что неудовлетворенная квазипотребность оказывает влияние на процессы памяти.

¹ *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 427–435, 439, 449–452, 454–457, 459–460, 462–464, 466–467, 471–474, 494–495.

² См.: *Левин К.* Намерение, воля и потребность (с. 169–208 настоящего издания).

Тем самым мы поднимаем вопрос, тесно связанный с понятием «забывания», которое весьма часто используется в повседневной жизни. Ведь о забывании говорится не только в случае связанного с памятью *незнания*, но также и в случае *невыполнения* заданий или намерений. Термин «забывчивый» употребляется почти исключительно именно в этом смысле.

Опыты проводились в течение 1924—1926 годов в Психологическом институте Берлинского университета, небольшая их часть — в литовском городе Пренай. В индивидуальных опытах участвовало 164 испытуемых (студентов, учителей и детей). Кроме того, были проведены два групповых опыта, первый из них — с 47 взрослыми, второй — с 45 школьниками 13—14 лет.

Я хочу выразить здесь сердечную благодарность моему учителю, д-ру Курту Левину за руководство работой и за его всестороннюю помощь.

Часть I

О причинах лучшего воспроизведения незаконченных действий

Глава I. Описание опытов и основных их результатов

1. Общая методика опытов

Экспериментатор давал испытуемому следующую *инструкцию*: «Сейчас вы получите ряд заданий, которые вам надо будет как можно лучше и быстрее выполнить»¹. После этого испытуемому последовательно, одно за другим, предлагалось выполнить от 18 до 22 заданий, однако ему не давали возможности довести до конца все задания. Половину из них экспериментатор прерывал до их завершения.

Завершенные и прерванные задания следовали в порядке, который испытуемый не мог предусмотреть, например, после двух незавершенных заданий шли два законченных, затем одно незавершенное, затем два законченных и т.д. После того как последнее задание забиралось у испытуемого, экспериментатор спрашивал его: «Скажите пожалуйста, какие задания Вы выполняли в ходе опыта?»

(Если бы результаты работы, использовавшиеся в ходе ее материалы или орудия, например, карандаш, оставались лежать на столе, то их восприятие оказывало бы влияние на воспоминание. Поэтому и продукты работы, и использовавшийся материал *прятались*, причем так, что испытуемый

¹ Испытуемые ничего не знали о цели опытов.

не обращал на это внимания: под тем предлогом, что на столе большой беспорядок, экспериментатор всякий раз убирал законченные или незаконченные результаты работы в ящик стола.)

Время перечисления заданий экспериментатором не ограничивалось. Испытуемый занимался этим до тех пор, пока не останавливался сам. Экспериментатор записывал называвшиеся задания в порядке их перечисления испытуемым.

Нередко после относительно быстрого перечисления наступала определенная заминка — пауза, во время которой испытуемый пытался вспомнить остальные задания. Выведенные нами количественные соотношения относятся прежде всего к тем заданиям, которые были перечислены до этой заминки¹. Задания, припомненные после заминки, учитывались отдельно. Стоит сразу отметить, что включение в подсчеты заданий, воспроизведенных после заминки, лишь незначительно изменяет общие результаты.

По окончании опыта испытуемые должны были написать *самоотчет*. Сначала они свободно описывали свои переживания. Затем их просили подробнее остановиться на прерывании заданий и их перечислении. И наконец, их спрашивали о том, какие задания они восприняли как интересные или неинтересные, как приятные или неприятные. Помимо этого, в нашем распоряжении находятся «*полусpontанные*» *высказывания*, сделанные испытуемыми в ходе эксперимента.

Задания, которые должны были выполнить испытуемые, отчасти относились к ручному труду (например, склеивание коробочек или вылепливание фигурки из пластилина), отчасти — к решению интеллектуальных задач (выполнение математического задания или отгадывание загадки); кроме того, были еще и задания другого характера (например, записать текст какого-нибудь стихотворения). Каждое отдельное задание должно быть не слишком коротким, чтобы у испытуемого было время действительно погрузиться в работу. Большинство заданий длились примерно 3—5 минут, лишь некоторые задания занимали 1—2 минуты или решались еще быстрее. Кроме того, надо было следить за тем, чтобы в течение сеанса испытуемому не встречалось двух похожих заданий.

2. Описание заданий

Ниже дано краткое описание всех заданий, использовавшихся в наших опытах. (Психологическая характеристика заданий, там, где она необходима, будет дана позднее.)

Задание 1. *Записать стихотворение*, выбранное самим испытуемым.

Задание 2. *Лепка*. Вылепить из пластилина любое животное.

Задание 3. *Нарисовать вазу с цветами* по своему вкусу. Испытуемый не должен делать набросков или рисовать несколько ваз — только одну.

¹ По поводу содержательных оснований этого см. ниже.

- Задание 4. *Начертить монограмму:*
а) испытуемый должен один раз начертить свою монограмму.
б) испытуемый должен нарисовать несколько вариаций своей монограммы.
- Задание 5. *Писать печатными буквами:*
а) испытуемый должен написать печатными буквами свое имя и адрес.
б) испытуемый должен переписать печатными буквами небольшой отрывок из книжки.
- Задание 6. *Копирование какой-нибудь корреляционной таблицы* (типа нашей табл. 2).
- Задание 7. *Начертить план* одного из кварталов Берлина (Университет — Унтер ден Линден — Замок).
- Задание 8. *Рисование крестиков:*
а) заполнить крестиками эллипс (с осями 3 и 6 см).
б) заполнить крестиками лист бумаги.
- Задание 9. *Заполнение спирали кружочками.* На листе бумаги нарисована двойная спираль. Испытуемый должен всю ее заполнить мелкими кружочками.
- Задание 10. *Продолжение ячеек по образцу.* Испытуемый должен продолжать начатый орнамент из ячеек до тех пор, пока не заполнит весь листок бумаги (примерно половину обычного листа)¹.
- Задание 11. *Нанизывание бусинок на нитку.* Бусинки отличаются друг от друга по цвету и величине, выбор узора оставлен на усмотрение испытуемого.
- Задание 12. *Наматывание ниток.* Испытуемый должен определенным образом непрерывно наматывать нитки с катушки на штырьки особой проволоочной конструкции.
- Задание 13. *Прокалывание дырочек.* В листке бумаги надо булавкой прокалывать рядами дырочки на расстоянии 2—3 мм друг от друга.
- Задание 14. *Нумерование* большого количества листов бумаги.
- Задание 15. *Плетение.* Из проволоки надо сплести косичку длиной 20 см. Испытуемый должен сам измерять длину косички линейкой.
- Задание 16. *Плетение из серпантина.* Испытуемому дают 2 мотка узкой бумаги (серпантина) и он должен сплести из них гирлянду.
- Задание 17. *Корректурная проба.* Дается текст, в котором надо подчеркнуть все л и н.
- Задание 18. *Составить осмысленное предложение* из слов: облако, ненависть, проволока, стол.
- Задание 19. *Считать назад от 55 до 17.*
- Задание 20. *Умножение.* Перемножить в столбик числа 5 457 и 6 337.
- Задание 21. *Извлечь квадратный корень* из числа 18 769.
- Задание 22. *Арифметическая задача.* Испытуемый должен найти пятизначное число, обладающее следующим свойством: если приписать к нему 1 сзади, оно будет в три раза больше, чем если приписать к нему 1 спереди.
- Задание 23. *Загадка.*

См.: Rupp H. Über optische Analyse // Psychologische Forschung. 1923. 4. S. 263.

а) Найти и записать название немецкого города и фамилию немецкого писателя, начинающиеся с одной и той же буквы и состоящие из 7 букв.

б) найти немецкого философа, немецкий город и немецкого актера, имена которых начинаются с одной и той же буквы. Количество букв в каждом слове задавалось черточками.

Задание 24. Написать названия *12 городов*, начинающиеся на букву К.

Задание 25. *Решить задачу со спичками:*

а) На столе выложены 9 квадратов из спичек, составляющие вместе 1 большой квадрат. Испытуемый должен убрать 4 спички так, чтобы осталось 5 квадратов.

б) Задание 25а предъявляется испытуемому нарисованным на бумаге. Испытуемый должен так зачеркнуть 4 стороны маленьких квадратов, чтобы осталось 5 целых маленьких квадратов.

Задание 26. *Построить из складной линейки пятиконечную звезду*. В качестве образца в распоряжении испытуемого имеется рисунок.

Задание 27. *Тест на складывание.*

а) Сложить фигуру из полоски бумаги¹. Испытуемому дается уже сложенный образец, который он не имеет права разворачивать.

б) Сложить шлем.

Задание 28. *Сплести стул*. Спичечный коробок разрезан на узкие полоски. Из этих полосок испытуемому нужно сплести стул.

Задание 29. *Вырезать спираль из большого листа бумаги.*

Задание 30. *Сделать коробочку с крышкой*. В качестве орудий и материала в распоряжении испытуемого имеются: картон, ножницы, линейка и карандаш.

Задание 31. *Наклеивание*. Испытуемому дается небольшой рисунок размером с открытку и листок бумаги, на котором в беспорядке разными цветами нарисованы отдельные части этого рисунка. Обратная сторона листка бумаги покрыта клеем. Испытуемому нужно вырезать отдельные детали и наклеить их на соответствующее место рисунка.

Задание 32. *Упаковать коробку*. Сделать маленькую посылку из коробки из-под сигарет, бумаги и шпагата.

Задание 33. *Выпрямить проволоку*. Испытуемый должен распрямить проволоку, сложенную в виде банта.

Задание 34. *Задание с ковриком.*

а) Испытуемый получает много маленьких (длиной 3—4 см) разноцветных кусочков бумаги разной формы. Эти кусочки он должен уложить так, чтобы получился узор для ковра.

б) Сплести коврик из разноцветных полосок бумаги.

Задание 35. *Складывание из треугольников*. Испытуемый получает 30 треугольников, различных по форме и величине. У каждого треугольника есть парный, и если их сложить, то получится четырехугольник. Испытуемый должен выбирать одинаковые треугольники и складывать из них четырехугольники.

Задание 36. *Конструирование ландшафта*. Для выполнения этого задания испытуемый получает вырезанных из разноцветного картона животных, деревья, дома и людей.

¹ Ср. Rupp H. Untersuchung zur Lehrlingsprüfung // Psychotechnische Zeitschrift. 1925. 2. Из этой же работы взяты задания 33 и 40.

- Задание 37. *Складывание мозаичной картины.* На небольшие кусочки фанеры разной формы и величины наклеены отдельные фрагменты картины. Испытуемый должен, пользуясь образцом, сложить из кусочков исходную картину.
- Задание 38. *Складывание открытки.* Открытка разрезана на кусочки неодинаковой формы. Испытуемому надо склеить из этих кусочков исходную открытку. Образца здесь нет.
- Задание 39. *Задание с шарами.* Испытуемый получает много разноцветных шаров, в которых в четырех местах по концам перпендикулярных друг другу диаметров просверлены отверстия, а также стержни, подходящие к этим отверстиям. Задача испытуемого состоит в том, чтобы сложить из этих шаров и стержней фигуру, нарисованную на листе бумаги.
- Задание 40. *Разворачивание флага.* Надо нарисовать флаг, развернув его в плоскости бумаги на 90, 180, 270 и 360 градусов.
- Задание 41. *Разборка* склеенного из картона домика.
- Задание 42. *Задание с кубиком.* Нарисовать эскиз кубика, стоящего на одной из своих вершин.
- Задание 43. *Сосчитать* большое количество крестиков, нарисованных на бумаге.

3. Опыты серии I

Испытуемому предъявляется 22 задания в следующем порядке: 1. Монограмма. 2. Задание со складной линейкой. 3. Наматывание ниток. 4. Нанизывание бусинок. 5. Стихотворение. 6. Спираль. 7. Тест на складывание. 8. Заполнение эллипса крестиками. 9. Задание со спичками. 10. Сделать коробочку. 11. Составление четырехугольников. 12. Обратный счет. 13. Рисование вазы. 14. Разворачивание флага. 15. Продолжение узора из ячеек. 16. Умножение. 17. Плетение стула. 18. Выпрямление проволоки. 19. Складывание коврика. 20. Плетение. 21. Загадка. 22. Печатание.

Поскольку каждый из испытуемых получал и те задания, которые он доводил до конца, и те, выполнение которых прерывалось, то разница в их запоминании не может быть объяснена индивидуальными особенностями испытуемых.

Однако, если бы у всех испытуемых прерывались одни и те же задания, то эта разница могла бы определяться особенностями самих *заданий*, независимо от того, доводится ли это задание до конца, или прерывается. Поэтому мы разделили всю совокупность заданий на две равные группы, *a* и *b*. Половина испытуемых доводила до конца задания группы *a*, другая половина — задания группы *b*, так что в конечном итоге каждое задание одинаково часто встречалось как в «законченном», так и в «незаконченном» виде.

(Ниже мы будем для краткости называть задание, доведенное до конца, «законченным», а задание, которое прерывается экспериментатором до его завершения, — «незаконченным».)

К группе *a* относятся задания: 1, 3, 6, 7, 10, 11, 13, 16, 17, 20, 22. Остальные задания относятся к группе *b*.

Результаты опытов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение запомненных незаконченных и законченных заданий ($ЗН/ЗЗ$) в опытах первого типа. Данные представлены в порядке убывания коэффициента $ЗН/ЗЗ$ у испытуемых

Ранг по $ЗН/ЗЗ$	Испытуемые	Задания				Средние арифметические значения по группам			
		ΣZ	$ЗН$	$ЗЗ$	$ЗН/ЗЗ$	ΣZ	$ЗН$	$ЗЗ$	$ЗН/ЗЗ$
1	Wd.	7	6	1	6	9,1	7	2,1	3,5
2	Be.	9	7	2	3,5				
3	St.	13	10	3	3,3				
5	Jf.	8	6	2	3,0				
	M.	8	6	2	3,0				
	Eu.	12	9	3	3,0	10,8	7	3,8	1,9
7	Pl.	7	5	2	2,5				
10	Paj.	9	6	3	2,0				
	Gin.	9	6	3	2,0				
	Hf.	6	4	2	2,0				
	Pt.	15	10	5	2,0				
	MI.	12	8	4	2,0				
14	Dm.	11	7	4	1,75	13,3	7,8	5,5	1,4
	V.	11	7	4	1,75				
	Git.	11	7	4	1,75				
	Dm. E.	13	8	5	1,6				
19	MI. R.	15	9	6	1,5	11,3	5,7	5,7	1,0
	Jn.	10	6	4	1,5				
	Rm.	15	9	6	1,5				
	Gld.	10	6	4	1,5				
	Jic.	10	6	4	1,5				
23	MI. E.	12	7	5	1,4	9,0	4,0	5,0	0,8
	Kür.	19	11	8	1,4				
	Hn.	12	7	5	1,4				
	Glk.	16	9	7	1,3				
	Jnk.	14	8	6	1,3				
28	Gl.	12	6	6	1,0	11,3	5,7	5,7	1,0
	Wlt.	12	6	6	1,0				
	Schn.	10	5	5	1,0				
30,5	Sim.	11	5	6	0,8	9,0	4,0	5,0	0,8
	Fr.	9	4	5	0,8				
32	Sim.H.	7	3	4	0,75				
	Среднее арифметическое	11,1	6,8	4,25	1,9*				

ΣZ = общее количество запомненных заданий;

$ЗН$ = количество запомненных незаконченных заданий;

$ЗЗ$ = количество запомненных законченных заданий;

$ЗН/ЗЗ$ = отношение числа запомненных незаконченных заданий к числу запомненных законченных заданий.

* Среднее арифметическое отношения $ЗН/ЗЗ$ не равно отношению средних арифметических $ЗН$ и $ЗЗ$.

Для того, чтобы выявилась разница в запоминании незаконченных и законченных действий, необходимо выбрать такую методику обработки результатов, которая позволит в возможно большей степени сгладить индивидуальные различия в качестве памяти отдельных испытуемых. Поэтому следует сравнивать, сколько незаконченных и сколько законченных заданий запомнил каждый из испытуемых, и определять не разницу этих величин, а их отношение.

Если бы законченные и незаконченные задания запоминались одинаково хорошо, то, поскольку оба типа заданий встречаются с одинаковой частотой, коэффициент отношения числа запомненных незаконченных заданий ($ЗН$) к количеству запомненных законченных заданий ($ЗЗ$) был бы равен 1.

Поэтому отклонение коэффициента ($ЗН/ЗЗ$) от 1 можно считать мерой лучшего или, наоборот, худшего воспроизведения незаконченных заданий. Если, например, коэффициент $ЗН/ЗЗ = 1,5$, это означает, что незаконченные задания запоминались на 50 % (по отношению к $ЗЗ$) лучше, чем законченные. При $ЗН/ЗЗ = 3$ незаконченные задания запоминались на 200 % лучше, чем законченные. Если коэффициент $ЗН/ЗЗ = 0,8$, это значит, что незаконченные действия запоминались на 20 % хуже, чем законченные.

Таблица 2

$ЗН/ЗЗ$ для отдельных заданий в опытах типа I

Задание	$\Sigma З$	$ЗН$	$ЗЗ$	$ЗН/ЗЗ$
Рисование вазы*	17	14 (17)	3 (15)	4,1
Проволока	10	8	2	4
Стихотворение	18	14	4	3,5
Загадка*	19	15 (17)	4 (15)	3,3
Флаг	10	7	3	2,3
Коробочка*	22	16 (17)	6 (15)	2,3
Счет	7	5	2	2,5
Спираль	15	10	5	2
Задание с ковриком	20	13	7	1,9
Складывание	13	8	5	1,6
Эллипс	21	13	8	1,6
Стул	18	11	7	1,6
Орнамент из ячеек*	14	8 (17)	6 (15)	1,2
Треугольники	14	8	6	1,3
Складная линейка	21	12	9	1,3
Плетение косички	13	7	6	1,2
Печатание	17	9	8	1,1
Бусы	24	12	12	1
Наматывание ниток	14	7	7	1
Задание со спичками	19	9	10	0,9
Монограмма	17	8	9	0,9
Умножение*	12	5 (15)	7 (17)	0,8
Среднее арифметическое	16	9,8	6,1	1,9

* Это задание неодинаково часто встречалось в качестве законченного и в качестве незаконченного, поэтому при вычислении $ЗН/ЗЗ$ необходимо $ЗН$ разделить на SH (число в скобках), а $ЗЗ$ — на $SЗ$ (число в скобках).

Таблица 1 показывает нам, что *незаконченные задания воспроизводятся лучше, чем законченные*.

Среднее арифметическое значение $ЗН/ЗЗ$ составило в наших опытах 1,9, иначе говоря, *незаконченные задания запоминались на 90 % лучше*, чем законченные. Отклонения от среднего значения вверх достигают значения 6 (что соответствует лучшему запоминанию незаконченных действий на 500 %), отклонения вниз — лишь 0,75 (что соответствует худшему запоминанию незаконченных действий на 25 %).

Преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания обнаруживается еще и в том, что из 32 испытуемых для 26 $ЗН/ЗЗ > 1$, для 3 испытуемых $ЗН/ЗЗ = 1$, и лишь для 3 испытуемых $ЗН/ЗЗ < 1$.

Пока мы воздержимся от детального обсуждения индивидуальных различий между испытуемыми. Лишь в конце второй части (глава VII) мы обратимся к вопросу о том, указывает ли коэффициент $ЗН/ЗЗ$ на ту или иную характерную особенность данного индивида.

То, что незаконченные действия запоминаются значительно лучше, чем законченные, показывает и сравнение результатов для отдельных *заданий* (табл. 2). Из 22 заданий для 17 $ЗН/ЗЗ > 1$, для 2 заданий $ЗН/ЗЗ = 1$, и лишь для трех заданий $ЗН/ЗЗ < 1$.

Кривая частоты (табл. 3) показывает, как часто запоминалось испытуемыми определенное число законченных (пунктирная линия) и незаконченных (сплошная линия) заданий. Кривая частоты вспоминания незаконченных заданий сдвинута вправо — в сторону больших чисел.

Перевес незаконченных заданий над законченными обнаружился не только в количестве запомненных заданий, но еще и в том *месте*, которое они занимали при *перечислении* заданий испытуемыми при опросе. В первую очередь испытуемые чаще всего называли именно незакончен-

Таблица 3

Кривая частоты воспроизведения незаконченных (сплошная линия) и законченных (пунктирная линия) заданий

Очевидное преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания становится еще более явным, если учесть, что законченные действия оказываются в более выгодных условиях для запоминания, поскольку испытуемые в среднем занимались ими в течение более длительного времени.

Полученные результаты не могут быть объяснены случайными особенностями заданий, поскольку, как мы уже указывали, каждое задание встречалось одинаково часто и в качестве незаконченного, и в качестве законченного.

Таблица 4

Порядок вспоминания заданий 14 испытуемыми (опыты типа I)

Номер места, на котором вспоминалось задание	Нескорректированные значения		Скорректированные значения*	
	Н-задания	З-задания	Н-задания	З-задания
1	12	2	12 >	3,8
2	10	4	10 >	7,6
3	9	5	9	9,5
4	10	4	10	7,6
5	9	5	9	9,5
6	6	5	6	9,5
7	5	5	6	9,5
8	3	3	3 <	5,7
9	2	3	2 <	5,7
10	2	1	2	1,9
11	2	—	2	—
12	—	1	—	1,9

* Скорректированные значения показывают ту относительную частоту, с которой бы назывались на каждом месте законченные и незаконченные задания, если устранить различия общей частоты ЗН и ЗЗ (значения ЗЗ умножались на число 1,9, соответствующее коэффициенту ЗН/ЗЗ).

ные действия (табл. 4). Даже если скорректировать вычисления с учетом того, что незаконченные действия назывались испытуемыми чаще (см. столбец со скорректированными значениями), окажется, что *незаконченные задания назывались на первом месте в три раза чаще*, чем законченные. На втором месте незаконченные задания также назывались существенно чаще, но далее это отношение менялось на противоположное. Таким образом, незаконченные задания не только лучше запоминались, но и *выступали при опросе на первый план во временной последовательности*.

Приведенные до сих пор таблицы содержат лишь задания, названные испытуемыми до паузы (см. выше). То, что включение заданий, называвшихся после паузы, не меняет результаты сколько-нибудь существенным образом, показывает табл. 5. В ней для испытуемых, которые делали паузу, приведены оба значения (без учета заданий, называвшихся после паузы, и с учетом этих заданий).

При учете заданий, воспроизведенных после паузы, значение коэффициента ЗН/ЗЗ уменьшается очень незначительно и по-прежнему указывает на существенное превосходство незаконченных заданий (на 80 %). <...>

Таблица 5

Значения $ЗН/ЗЗ$ для одних и тех же испытуемых
без учета и с учетом заданий после паузы (опыты типа I)

Испы- туемые	До паузы				До и после паузы			
	ΣZ	$ЗН$	$ЗЗ$	$ЗН/ЗЗ$	ΣZ	$ЗН$	$ЗЗ$	$ЗН/ЗЗ$
Nd.	7	6	1	6,0	9	6	3	2,0
Eng.	12	9	3	3,0	13	9	4	2,25
M.	8	6	2	3,0	10	7	3	2,30
Pl.	7	5	2	2,5	9	7	2	3,50
Pog.	9	6	3	2,0	10	7	3	2,30
Ginsb.	9	6	3	2,0	12	7	5	1,40
Goto.	12	8	4	2,0	13	9	4	2,25
Hn.	6	4	2	2,0	13	8	5	1,60
D.	11	7	4	1,75	10	6	4	1,50
Get.	11	7	4	1,75	13	8	5	1,60
Lk.	10	6	4	1,50	11	7	4	1,75
R.	15	9	6	1,50	16	9	7	1,30
MI.	12	7	5	1,40	14	8	6	1,30
Gl.	12	6	6	1,0	15	6	9	0,70
Sim.	11	5	6	0,80	12	5	7	0,70
Среднее арифме- тическое	10,1	6,5	3,7	2,1	12	7,3	4,7	1,8

Глава II. Теоретические возможности

Возникает вопрос: чем можно объяснить обнаруженное нами преимущество незаконченных заданий по сравнению с законченными?

<...> Нам надо выяснить, какие реальные психологические различия между законченными и незаконченными заданиями существуют в момент опроса.

В тот момент, когда испытуемый, следуя инструкции, намеревается выполнить задание, возникает квазипотребность, сама по себе побуждающая его к завершению этого задания¹. С динамической точки зрения этот процесс соответствует возникновению напряженной системы, которая стремится к разрядке. А завершение задания оказывается разрядкой этой напряженной системы или удовлетворением квазипотребности. Когда задание прерывается, сохраняется остаточное напряжение, квазипотребность остается неудовлетворенной.

Естественным способом удовлетворения этой потребности было бы завершение прерванного задания. И действительно, когда незаконченная

¹ См.: Левин К. Намерение, воля и потребность (с. 169–208 настоящего издания).

работа по недосмотру экспериментатора остается лежать на столе, испытуемые часто берутся за нее, чтобы ее закончить¹.

У маленьких детей, у которых *ЗН/ЗЗ* намного выше, чем у взрослых, потребность закончить действие и, следовательно, *тенденция к возобновлению действия* также намного сильнее. Нередко наблюдались случаи, когда дети приходили к экспериментатору через два или три дня после опыта и просили разрешения закончить задание. (Является ли задание приятным или интересным, почти не играет роли; все решает стремление к завершению действия. Это видно из того обстоятельства, что мы ни разу не наблюдали случаев, когда ребенок хотел бы повторить законченное, пусть и очень интересное, задание.)

В наших опытах естественный путь разрядки напряженных систем, а именно, завершение действия, был запрещен экспериментатором, так что напряжение сохранялось. И если решающими для полученных нами результатов оказались не переживания, связанные с самим актом прерывания, а фактическая незавершенность действия к моменту опроса, то это означает, что *сохранившаяся квазипотребность служит также и причиной преимущества незаконченных действий при запоминании*.

Значит, напряжение потребностного типа не только непосредственно побуждает к завершению задания, но и имеет своим следствием преимущество при последующем припоминании. И это припоминание играет здесь роль *индикатора существования напряжения потребностного типа*.

То, каким образом такого рода напряжения должны проявляться в процессах припоминания, обладающих совсем другой природой, можно будет вывести лишь из общей теории психической динамики, которой предстоит, в частности, решить, является ли процесс припоминания одновременно и разрядкой соответствующего напряжения.

Мы видим, что решающее значение для лучшего запоминания незаконченных действий имеет не переживание, окрашивающее задание в момент прерывания, но совокупность сил, действующих в момент опроса.

Однако напряжения потребностного типа, связанные с выполнявшейся ранее работой, вовсе не единственный среди этих сил динамический фактор. Ведь есть еще и инструкция экспериментатора перечислить задания, благодаря которой у испытуемого возникает *стремление к воспроизведению*, т.е. квазипотребность перечислить все задания.

Итак, общая ситуация при опросе в конце опыта с динамической точки зрения выглядит следующим образом: у испытуемого имеется возникшая благодаря инструкции квазипотребность перечислить все задания, а наряду с ней существует ряд квазипотребностей, связанных с

¹ См.: *Ovsiankina M.* Die Wiederaufnahme von unterbrochenen Handlungen // *Psychologische Forschung*. 1928. 11. S. 302–379. См. также: *Левин К.* Намерение, воля и потребность (с. 169–208 настоящего издания).

незаконченными действиями, а именно неудовлетворенные напряжения потребностного типа.

То, в какой степени эти напряжения влекут за собой преимущество незаконченных заданий при их воспроизведении, должно зависеть от *соотношения сил* обоих этих основополагающих факторов. Если господствующее положение занимает вызванное инструкцией стремление к воспроизведению, то *относительное* преимущество незавершенных заданий должно отступить на второй план (*ЗН* должно быть примерно равно *ЗЗ*). С другой стороны, чем слабее выражено намерение перечислить все задания, тем в более явном виде должно выступить относительное преимущество незаконченных заданий, основывающееся на соответствующих им квазипотребностях. В этом случае степень преимущества незаконченных действий по сравнению с законченными будет, в основном, зависеть лишь от силы квазипотребности, отличающей у данного конкретного испытуемого незаконченные действия от законченных.

Таким образом, возникают два вопроса: 1. Вопрос о значении стремления к воспроизведению при перечислении; и 2. Вопрос о природе и строении напряжений потребностного типа, связанных с незаконченными действиями.

Глава III. Стремление к воспроизведению и ситуация опроса

<...>

3. Различное понимание испытуемыми ситуации воспроизведения

Просьбу экспериментатора перечислить задания разные испытуемые воспринимали по-разному.

1. Перечисление — это не связанное с какой-либо самостоятельной целью *простое «рассказывание»* о том, что было.

2а. Перечисление — это *проверка памяти*, еще одно самостоятельное задание наряду с предшествующими двадцатью двумя заданиями.

2б. Это новое двадцать третье задание может представить весь предшествовавший опыт в новом свете: *весь опыт* внезапно превращается в проверку памяти.

4. Влияние различных установок по отношению к опросу на величину коэффициента $ЗН/ЗЗ$

Различное понимание опроса влечет за собой различное по интенсивности стремление к воспроизведению, которое оказывает воздействие на соотношение запомненных законченных (*ЗЗ*) и незаконченных (*ЗН*) действий у разных испытуемых.

Если испытуемые первой группы, для которых перечисление заданий есть лишь «рассказ о том, что только что было», *не старались* вспомнить по возможности все задания, а скорее предавались их «спонтанному потоку», то испытуемые второй группы прилагали все силы к тому, чтобы назвать *как можно больше* заданий. Эти испытуемые стремились показать, какая у них хорошая память. Поскольку они воспринимали перечисление как отдельное, причем особо важное, задание, здесь действовали те же силы, которые были решающими при выполнении других заданий, причем с еще большей интенсивностью, если это вообще возможно. Испытуемые хотели прежде всего продемонстрировать, на что они способны, показать, как высока их работоспособность. Вместо высказываний типа: «Я и не думал, что я такой неловкий», встречавшихся при выполнении ручных заданий, мы находим фразы типа: «Неужели у меня такая плохая память!..». Или же мы сталкиваемся с другим, неявным выражением честолюбия в форме предупреждения: «Я заранее говорю Вам, что у меня плохая память», — представлявшего собой смесь извинения и самооправдания.

Поскольку для этих испытуемых перечисление выступает заданием, которое они хотят как можно лучше довести до конца, то, пока они не перечислят *все*, это задание остается для них *незаконченным*. И перечисление они так же не хотят оставить незаконченным, как и все прежние задания. Поэтому они прибегают к различным мнемотехническим средствам, например распределяют задания по содержательным группам.

У испытуемых первой группы, для которых перечисление заданий оказывается «простым рассказыванием», оно не характеризуется такого рода «незаконченностью».

В принципе, можно было бы ожидать, что различная интенсивность стремления к воспроизведению в равной мере затрагивает и законченные, и незаконченные действия, так что коэффициент $ЗН/ЗЗ$ остается неизменным. Однако при ограниченном числе заданий любое увеличение общего числа названных заданий, приближающее к объективному максимуму (называнию всех заданий), влечет за собой сближение значений $ЗН$ и $ЗЗ$, поскольку оба вида заданий встречаются в эксперименте с одинаковой объективной частотой. Особенно сильно выраженное стремление к воспроизведению ведет к увеличению общего числа перечисленных заданий и, тем самым, к снижению значения коэффициента $ЗН/ЗЗ$, поскольку $ЗН$ уже находится около максимума, и возрастет может лишь $ЗЗ$.

Помимо всего прочего, отсюда следует, что общее число заданий в такого рода опытах не должно быть *слишком мало*. Если бы испытуемому предъявлялось такое количество заданий, что при опросе он мог бы достаточно хорошо удерживать их все в сознании, то сильное преимущество незаконченных заданий не могло бы проявиться.

Таблица 6

Сопоставление результатов испытуемых, вспоминая задания целенаправленно и в контексте рассказа

Испытуемые	Перечисление как проверка памяти			Испытуемые	Перечисление как рассказ		
	ЗН	ЗЗ	ЗН/ЗЗ		ЗН	ЗЗ	ЗН/ЗЗ
Gin.	6	3	2	Vi.	6	1	6
V.	7	4	1,75	Bi.	7	2	3,5
MI.R.	9	6	1,5	St.	10	3	3,3
Gld.	6	4	1,5	M.	6	2	3
Rw.	9	6	1,5	Bu.	9	3	3
Kr.	11	8	1,4	Pl.	5	2	2,5
Jw.	8	6	1,3	Mez.	8	4	2
Glk.	9	7	1,3	Dm.	7	4	1,75
				H.	6	4	1,5
				Un.	7	5	1,4
Среднее арифметическое	8	5,5	1,5	Среднее арифметическое	7,1	3	2,8

При рассмотрении ситуации с динамической точки зрения, существующие соотношения выглядят следующим образом: при установке испытуемого продемонстрировать как можно более высокую способность к запоминанию, связанные с незаконченными действиями квазипотребности, даже если они и сильны, могут оказывать на коэффициент $ЗН/ЗЗ$ лишь относительно слабое воздействие. Это означает, что разные по силе квазипотребности не будут вести к разным значениям $ЗН/ЗЗ$, причем эта тенденция будет тем более выражена, чем в большей степени на ситуацию влияет сильное стремление к воспроизведению, действующее в том же направлении. <...>

В табл. 6 результаты испытуемых, которые, судя по их поведению в целом и по данным самонаблюдения, явно рассматривают перечисление заданий как *проверку памяти* (2а и 2б), сопоставлены с результатами просто «*рассказывающих*» испытуемых. Как видно из таблицы, во втором случае коэффициент $ЗН/ЗЗ$ гораздо больше (2,8 вместо 1,5), причем именно в силу разницы значений $ЗЗ$ (3 и 5,5).

Сильно выраженное стремление к воспроизведению несколько увеличивает и $ЗН$, однако, в силу рассматривавшихся ранее причин это увеличение оказывается едва заметным. На коэффициент $ЗН/ЗЗ$ это увеличение $ЗН$ влияет в направлении сглаживания разницы между обеими группами испытуемых. <...>

Часть II

О природе и строении квазипотребностей, связанных с незаконченными действиями

Глава IV. О значении различных типов действия

1. Внешне законченные, но внутренне незавершенные задания

После того, как мы обсудили ситуацию в момент опроса, т.е. в тот момент, когда напряжения воздействуют на воспроизведение, обратимся к рассмотрению возникновения самих этих напряжений потребностного типа и их природы.

Прежде всего следует отметить, что наше предположение о воздействии неудовлетворенных квазипотребностей основывается не только на количественном преимуществе незаконченных действий при воспроизведении. Как отчетливо показывают приведенные выше описания поведения испытуемых, существование квазипотребности обнаруживается уже в *сопротивлении* испытуемых прерыванию действия и в *тенденции к возобновлению* действия.

Далее, можно указать еще и на то, что у детей, у которых тенденция к повторному возобновлению действия выступает в наших опытах в гораздо более чистом и явном виде, преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания также существенно больше, чем у взрослых (*ЗН/ЗЗ* составляет у детей 2,5, а у взрослых — 1,9).

Если наш тезис о квазипотребностях верен, то решающей для значения *ЗН/ЗЗ* должна быть не степень *внешней* завершенности задания, но мера напряженности квазипотребности, соответствующей этому заданию. Готовая внешне работа не всегда действительно *внутренне* завершена для испытуемого.

а) Субъективно неготовые задания

Перед тем, как отдать экспериментатору выполненное задание, испытуемый часто колеблется. С одной стороны, ему уже хочется отдать выполненное в общих чертах задание, однако, с другой стороны, у него еще остается ощущение неудовлетворенности, ему хочется усовершенствовать отдельные детали. Он протягивает задание и вдруг отдергивает его назад: «Нет, оно еще не готово». У некоторых испытуемых такие колебания происходят даже несколько раз. Как правило, экспериментатор не вмешивался, не требовал, чтобы испытуемый отдал задание, и даже выражал свое согласие с вносимыми улучшениями. Например, при выполнении задания сконструировать ландшафт (№ 36), экспериментатор мог сказать:

«Да, Вы правы, теперь, когда Вы поставили кур левее, действительно стало лучше».

В некоторых случаях экспериментатор вел себя иначе. Заметив, что испытуемый все еще возится с заданием, он спрашивал: «Вы готовы?». Это говорилось полувопросительным, полуутвердительным тоном, так что у испытуемого складывалось впечатление, будто экспериментатор думает, что задание должно быть уже выполнено.

В таких случаях реакция испытуемых могла быть двоякой:

1) испытуемый отвечал: «Нет, я еще не доделал, мне надо еще вот здесь улучшить», доделывал задание и затем, нанеся последний штрих, передавал полностью законченную работу экспериментатору.

2) вопрос экспериментатора побуждал испытуемого завершить работу над заданием: либо он решал, что тратит слишком много времени, либо просто откладывал задание после вопроса экспериментатора, не отдавая себе ясного отчета в том, почему он это делает. Иногда испытуемый делал еще какое-нибудь быстрое движение, чтобы хоть немного улучшить результат, однако сам тут же отдавал задание. Типичными для таких случаев были следующие высказывания испытуемых: «Конечно, это еще не совсем красиво, но сойдет!», «На сегодня сойдет!», «Ладно, ведь особая точность деталей здесь не обязательна!». Несмотря на это, задание остается для испытуемого не вполне законченным, у него сохраняется *неудовлетворенность* тем, как он его выполнил. И при перечислении обнаруживается, что такого рода задания лучше сохраняются в памяти, чем те законченные задания, выполнением которых испытуемый был удовлетворен.

б) Задания, результатами выполнения которых испытуемый остался не удовлетворен

Еще один тип неудовлетворенности, который не стоит смешивать с только что обсуждавшимся, обнаруживается, когда испытуемый *не удовлетворен качеством достигнутого результата* субъективно завершенной работы. Это бывает в тех случаях, когда либо задание превышает силы испытуемого (мы обсудим это позднее), либо испытуемый считает, что во второй раз он выполнил бы это задание лучше. Такая неудовлетворенность заставляет испытуемого субъективно находиться в ситуации, подобной той, которая образуется после прерывания задания. А именно, у него возникает потребность выполнить данное задание повторно.

И действительно, эти задания удерживались в памяти лучше, чем обычные законченные. Реально они запоминались даже лучше, чем среднее незаконченное задание. В наших опытах наблюдалось 35 случаев такого рода. В 26 из них соответствующее задание запомнилось. Это составляет 74 %, в то время как обычно законченные задания запоминались в среднем лишь в 43 % случаев, незаконченные — в 57,8 %.

Значит, в такого рода случаях потребность выполнить еще раз плохо сделанное задание оказывает по меньшей мере столь же сильное воздействие, как и квазипотребности, связанные с незавершенными заданиями. <...>

Д) Интересные и неинтересные задания

Потребностное напряжение в наших опытах создается намерением. К моменту опроса оно сохраняется в силу того, что действие было прервано до своего естественного окончания.

Мы обсудили сейчас ряд случаев, когда, несмотря на внешнюю законченность действия, оно оставалось, по тем или иным причинам, внутренне незавершенным. Подобного же сохранения потребностного напряжения можно ожидать и в случае *тех* заданий, которые вызывают естественное желание заниматься ими. Поэтому у таких заданий, называемых обычно «интересными», также следует ожидать высокой частоты запоминания законченных действий (ЗЗ). Соответственно, их коэффициент $ЗН/ЗЗ$ должен оказаться низким.

Если мы хотим эмпирически проверить этот вывод, то нам следует не просто считать одни задания интересными, а другие неинтересными, но отдельно выяснять у каждого испытуемого, какие задания были ему интересны, а какие — безразличны.

К интересным заданиям мы будем относить те, о которых испытуемый сказал, что они ему интересны. Часть из этих заданий может быть интересна испытуемому не только в контексте опыта (по сравнению с другими заданиями), но и может принадлежать к кругу его интересов в реальной жизни.

Таблица 7

ЗН и ЗЗ для интересных и безразличных действий

Вид заданий	<i>N</i>	<i>ЗН</i>	<i>З</i>	<i>ЗЗ</i>	$ЗН/З : ЗЗ/З$	<i>ЗН</i> в %	<i>ЗЗ</i> в %
интересные	36	23	49	32	1	64	65
неинтересные	130	96	155	60	1,9	74	39

Проведенное в табл. 7 сопоставление показывает, что для интересных заданий коэффициент $ЗН/ЗЗ$ фактически равен единице¹, причем именно интерес поднимает показатель запоминания законченных действий выше среднего уровня. (Для интересных заданий $ЗЗ (= ЗН) = 65 \%$, что примерно равно среднему значению $ЗН (= 67,8 \%)$ для всей совокупности заданий, в то время как среднее значение $ЗЗ$ составляет лишь 39% .) Если

¹ Поскольку количество законченных и незаконченных случаев было для этих заданий различным, то при вычислении $ЗН/ЗЗ$ мы разделили $ЗН$ на общее число незаконченных случаев, а $ЗЗ$ — на общее число законченных случаев.

задание интересно, то, выполнив его один раз, испытуемый стремится продолжить им заниматься. (В ходе опытов, так же, как и в повседневной жизни, можно было наблюдать, как испытуемые снова и снова дотрагивались до интересной работы или брали ее в руки.)

2. Внешне не готовые, но внутренне законченные задания

В случае незаконченных заданий важна не их внешняя незаконченность, но сохранение *потребности* к завершению задания. При определенных обстоятельствах могли наблюдаться случаи, когда хотя задание и оставалось *внешне* незаконченным, но потребность к завершению была уже удовлетворена или исчезла в силу каких-либо других причин.

Вообще, в определенном смысле можно говорить о том, что при каждом прерывании возникает желание хоть как-нибудь «поставить точку» в этом задании и, тем самым, уменьшить силу, толкающую к его завершению. Помимо этой общей тенденции, стоит выделить прежде всего следующие случаи.

а) Частичное выполнение как замещение полного выполнения

Задания «считать в обратном порядке от 55 до 17» (№ 19) и «перемещение флага» (№ 40) хотя и обнаруживают высокое значение *ЗН/ЗЗ*, но в то же время демонстрируют низкое *ЗН*. Если сравнить процентные значения *ЗН* для разных заданий <...>, то окажется, что эти задания занимают одни из самых низких мест, а именно, 25-е и 28-е места из 29 заданий.

Как это можно объяснить?

Перемещение флага прерывалось, как правило, в тот момент, когда испытуемый уже осуществил поворот флага на 90 градусов и хотел перейти к повороту на 180 градусов. Хотя испытуемый знает, что флаг надо повернуть 4 раза, тем не менее уже первый поворот может внутренне означать для него выполнение задания. В своем самоотчете один из испытуемых сообщает: «Ведь это совершенно все равно, повернул я его один раз или два раза, главное в том, что Вы видели, *как я это делаю*». Поэтому дальнейшее выполнение задания в определенном смысле излишне. Так, другой испытуемый отмечает: «Разве не бессмысленно, что я все еще продолжаю это делать?» Таким образом, *частичное завершение* задания выступает здесь временами как *полноценное замещение* выполнения всего задания.

Аналогично дело обстоит и для задания «обратный счет от 55 до 17». В большинстве случаев испытуемому совершенно все равно, досчитал ли он до 17, или только до 30 (что было типичным местом прерывания). «Если я бегло досчитал до 30, я могу это сделать и до 17. Главное

закljučается в том, чтобы считать бегло, а где остановиться — на 17 или на 30 — это совершенно все равно». *Потребность* закончить задание оказывается *удовлетворенной* еще до того, как задание действительно завершено внешне.

б) Испытуемый отказывается доделывать задание

Аналогично обстоит дело и с заданиями, где потребность исчезает еще до того, как испытуемый закончит работу. Бывает, что задание оказывается для испытуемого слишком сложным. Он заранее знает, что *не может* его закончить, и не пытается это сделать. Задания такого рода забывались после прерывания относительно часто. Мы наблюдали 23 подобных случая, в 10 из них задание забывалось (частота *ЗН* здесь составляет 43 %, т.е. столь же низка, как и среднее значение *ЗЗ*, равное 43 %).

Другой вид заданий — это те, при выполнении которых испытуемый *возмущается* и выходит из себя¹. Есть целый ряд испытуемых, воспринимающих прерывание как посягательство на их «прав» и подавление их личности, против чего они восстают. Так, один из испытуемых этого типа отмечает: «Не в моих правилах подчиняться желаниям другого человека. Поэтому от прерванных заданий я вообще отказываюсь».

При опросе такие испытуемые обычно забывали относительно много незаконченных заданий. Похоже, что они действительно *отказывались* от них.

При этом вопрос о том, что происходит с потребностным напряжением, остается открытым. Разряжается ли оно в ходе вспышки протеста, или же эти незаконченные задания «вытесняются» без какой бы то ни было разрядки напряжения?

Итак, мы видим, что преимущество при запоминании незаконченных действий не связано ни с каким-либо последствием акта прерывания <...>, ни с внешней незавершенностью работы, но все решает «внутренняя» завершенность задания, иными словами — удовлетворенность соответствующей потребности. И лучшее запоминание незаконченных заданий определяется сохранением неудовлетворенной потребности такого рода. <...>

3. Продолжающиеся действия и действия с четким концом

Выше мы уже видели, что в отдельных случаях внутренняя и внешняя законченность действия не совпадают. К этому стоит добавить, что и различные *типы* действий, в зависимости от своей структуры, ведут себя, с точки зрения образования напряжений потребностного типа, по-разному.

¹ Для этих заданий связанный с прерыванием *шок* оказывался особенно сильным. И то обстоятельство, что, несмотря на это, *ЗН* является здесь относительно небольшим, служит еще одним подтверждением того, что шоковый эффект как таковой не является причиной преимущественного запоминания незаконченных заданий.

а) Постоянство значения ЗН/ЗЗ для отдельных заданий

<...> Если взглянуть на те задания в табл. 1, для которых $ЗН/ЗЗ$ равен или примерно равен 1, т.е. для которых законченные и незаконченные случаи запоминаются одинаково хорошо или одинаково плохо, то окажется, что подавляющая масса их принадлежит к *одному* определенному *типу действий*. Это задания, которые, в отличие от *действий с четким концом*, можно назвать *продолжающимися действиями*.

В качестве примера действия с четким концом можно привести изготовление коробочки, решение загадки или рисование вазы, в качестве примера продолжающегося действия — нанизывание бусин или непрерывное рисование крестиков. Действие с четким концом — это действие, направленное на достижение *четко определенной, явной* цели. В отличие от этого, продолжающееся действие не имеет явно выраженного и четко определенного конца¹.

Если исключить задания, которые, в силу уже рассмотренных выше причин, занимают особое место (такие как конструирование ландшафта, задание со спичками, имя) и связаны с потребностью выполнить действие еще раз, то окажется, что почти все задания, для которых $ЗН/ЗЗ$ примерно равно 1, принадлежат к *продолжающимся* действиям: наматывание ниток, нанизывание бус, рисование крестиков, продолжение орнамента из ячеек. С другой стороны, если взять действия, у которых $ЗН/ЗЗ$ принимает особенно *высокие* значения, то это будут явно выраженные *действия с четким концом*: арифметическая задача, отгадывание загадки, изготовление коробочки, рисунок. <...>

Когда испытуемый приступает к выполнению действия с четким концом, ему задается ясная цель, благодаря чему становится возможным представить себе общую длительность и тип работы, а также может образоваться соответствующее данной работе напряжение. Можно заранее настроиться на определенный объем работы. О наличии у человека потребности в создании относительно самостоятельной системы для предстоящего задания говорят спонтанные вопросы испытуемых о конце продолжающихся действий.

Поскольку в случае продолжающегося действия нельзя обзреть «объем» работы, то всегда должна сохраняться возможность по мере необходимости черпать энергию «по каплям» из ее первоначального источника.

При осуществлении шага *a* продолжающегося действия испытуемый уже рассчитывает выполнять следующий шаг *b*. И если шаг *a* будет произвольно объявлен концом продолжающегося действия, и уже намеченный шаг *b* не будет осуществлен, то «внешне законченное» продолжающееся действие будет ощущаться испытуемым как незаконченное.

¹ См.: Левин К. Намерение, воля и потребность (с. 169–208 настоящего издания).

И поскольку при выполнении продолжающегося действия не образуется *четко ограниченной* напряженной системы, то и после прерывания такого действия может не *сохраняться* такой четко ограниченной системы, как в случае конечного действия (и действительно, $ЗН$ для продолжающихся действий меньше, чем для действий с четким концом: 55,5 % против 70 %); при этом неважно, является ли действие внешне законченным или нет, поскольку в любом случае сохраняется определенная готовность к осуществлению следующего шага ($ЗН=33$).

Таким образом, мы видим, что энергетическая структура продолжающегося действия, так же как и свойственный таким действиям коэффициент $ЗН/33$, указывают на отсутствие для продолжающегося действия разницы между законченностью и незаконченностью. <...>

Глава V. Интенсивность напряжения потребностного типа. Взаимосвязь квазипотребности с истинной потребностью

1. Прерывание на разных стадиях работы

Зависит ли преимущество незаконченных заданий при запоминании от того, осуществляется ли их прерывание в начале, середине или конце действия?

Как правило, мы прерывали действие в «момент наибольшего контакта испытуемого с заданием». Обычно этот момент наступает ближе к концу работы. Однако временами мы прерывали действия и на более ранних стадиях. Сопоставление нескольких действий, часть из которых прерывалась вскоре после начала работы, а часть — в середине или ближе к концу (однако до реального завершения действия), приведено в табл. 8. Оказалось, что задания второй группы запоминались лучше, чем те, которые были прерваны вскоре после начала. Для заданий, прерванных в начале работы, $ЗН = 65\%$, для прерванных в середине или в конце ее — $ЗН = 90\%$.

Разный эффект прерывания работы в ее начале и в конце обнаруживается и в повседневной жизни. Например, человек пишет письмо, кто-

Таблица 8

Сравнение результатов прерывания действия в середине или ближе к концу работы с прерыванием в начале

	H	$ЗН$	$ЗН/H, \%$
Прерывание в середине и в конце	38	33	90
Прерывание в начале работы	45	29	65

то неожиданно заходит в комнату и прерывает его. Если человек только что начал писать письмо, то это прерывание не так неприятно, как тогда, когда ему остается написать последние несколько строчек. Во втором случае потребность закончить письмо гораздо сильнее. Какие силы здесь задействованы? Почему почти законченное задание беспокоит нас гораздо сильнее, чем только что начатое?

Возможны разные объяснения. Нередко интенсивность действия ближе к концу увеличивается. Бегуны на соревнованиях, если только речь не идет об очень коротких дистанциях, как правило, сначала экономят свои силы. Однако при приближении к финишу такая экономия теряет смысл и их бег становится мощным и безудержным. Точно так же и у ряда действий, использовавшихся в наших опытах, например, при отгадывании загадки, ближе к концу психический процесс становился, похоже, более интенсивным, хотя у многих заданий эта разница внешне была и незаметной.

И вполне может быть, что прерывание *более интенсивного процесса* оказывает более сильное воздействие.

Но почему прерывание в момент более интенсивного процесса должно создавать более сильное напряжение? Если более интенсивный процесс понимать лишь как более *быстрый процесс*, тогда понятно, почему особенно сильное противодействие, например в форме сопротивления, возникает в момент его прерывания. Однако не вполне ясно, почему более сильное напряжение потребности должно все еще существовать и по прошествии некоторого времени. Ведь в любом случае после прерывания этот процесс прекратился, и испытуемый занялся чем-то другим.

Таким образом, надо объяснить, почему при прерывании действия в стадии его завершения сохраняется более интенсивное остаточное напряжение, чем при прерывании его в начале, несмотря на то, что в последнем случае человек израсходовал меньше энергии. По-видимому, здесь должен играть роль еще один фактор: присущая действию с четким концом *цель*, например отгадывание загадки, выполняет для испытуемого функцию притягивающей его *позитивной побудительности*.

Согласно К.Левину, сила такого рода побудителей зависит, помимо прочих условий, еще и от их *«удаленности»*. (Само собой разумеется, что здесь имеется в виду не физическая, а психологическая удаленность побудителя.) Целями заданий в наших опытах обычно являются побудители, сила которых увеличивается при приближении к ним. По мере того, как испытуемый придвигается все ближе к цели, общее напряжение увеличивается. К концу действия вся ситуация как бы уплотняется. Иначе говоря, *конечность* действия, его обсуждавшееся выше отличие от продолжающегося действия делается еще более выраженным.

Теперь становится понятнее, почему интенсивность сохраняющегося после прерывания напряжения будет больше, если прервать действие незадолго до его конца. С этим хорошо согласуется и то обстоятельство,

что напряжение ослабевает, как только побудитель (цель действия) удаляется от испытуемого. В этом может быть причина того, что «разрушение» работы при прерывании влечет за собой, как мы видели выше, столь поразительно слабое запоминание (*ЗН*). Ведь в этом случае испытуемый оказывается отброшенным от уже достигнутой точки вблизи цели назад, к самому началу работы.

К тому же результату ведет и еще одно соображение. К концу работы испытуемый обычно в большей степени находится «внутри» нее, чем в самом начале. Он *погружен в работу* всей своей личностью. И работа оказывается в более глубоком смысле «его работой», так что за ней стоит не только квазипотребность, образовавшаяся в результате исходного намерения, но и *истинные* потребности данного человека.

2. Истинные потребности, стоящие за напряжениями потребностного типа

а) Честолюбие

Различная *интенсивность* намерения закончить задание на величине коэффициента *ЗН/ЗЗ* не отражается. Об этом свидетельствуют результаты IV серии опытов, когда инструкция предписывала испытуемому закончить все задания. Общее наблюдение за поведением испытуемых также не обнаружило какой бы то ни было непосредственной связи между интенсивностью намерения и силой сохраняющегося напряжения.

С другой стороны, поведение испытуемых отчетливо показывает, насколько сильно на весь ход процесса влияет включенность или невключенность в него истинных потребностей человека.

Здесь имеются как индивидуальные различия между отдельными испытуемыми, так и различия, характерные для отдельных заданий.

Мы уже обсуждали в главе IV, что испытуемые побуждаются к выполнению заданий различными мотивами. Те из них, кого подстегивало

Таблица 9

ЗН/ЗЗ у честолюбивых испытуемых

Испытуемые	<i>ЗН</i>	<i>ЗЗ</i>	<i>ЗН/ЗЗ</i>
Md.	6	1	6
St.	10	3	3,3
J.	6	2	3
B.	8	3	2,7
Nr.	5	2	2,5
Ptz.	5	2	2,5
R.	7	4	1,75
Gl.	9	6	1,5
Klr.	6	4	1,5
Среднее арифметическое	6,9	3	2,75

«честолюбие», продемонстрировали особенно высокое преимущество незаконченных действий при запоминании: их $ЗН/ЗЗ = 2,75$ (табл. 9) вместо среднего значения I-й серии 1,9 (табл. 1).

Этот же мотив становится причиной того, что определенная группа заданий также обладает особенно высоким $ЗН/ЗЗ$. <...>

Резюме

Обобщая, мы можем констатировать следующее.

Незаконченные действия запоминаются лучше — в среднем, почти в два раза, — чем *законченные*.

При этом решающее значение в наших опытах принадлежало не эмоциональной окраске или значимости задания, и не шоковому эффекту от его прерывания. Главным можно считать существование в момент опроса *квазипотребности*, возникшей при образовании намерения или в процессе работы.

Этой квазипотребности соответствует *напряжение*, которое действует не только в направлении осуществления исходного намерения (закончить задание), но и влияет на воспроизведение.

То, насколько сильно эта квазипотребность проявляется при воспроизведении, зависит от *структуры и интенсивности напряжения*, а также от типа и силы *стремления к воспроизведению*, возникающего в момент опроса. А именно, поскольку стремление к воспроизведению направлено в ту же сторону, что и квазипотребность, то, если оно достаточно сильно, оно может полностью замаскировать воздействие квазипотребности. Это происходит в том случае, когда испытуемый воспринимает опрос как имеющую самостоятельное значение «проверку памяти», и не происходит, когда он просто свободно рассказывает экспериментатору о заданиях опыта.

Решающее значение для сохранения квазипотребности имеет не *внешняя законченность* или *незаконченность* работы, но *внутренняя незавершенность* действия. (Те задания, результатами выполнения которых испытуемый остался недоволен, и те, которые допускали несколько разных решений, хорошо запоминались и в качестве «законченных». То же относится и к интересным заданиям.) Аналогично обстоит дело и с незаконченными заданиями: внешне незавершенные действия, у которых, однако, *потребность в завершении удовлетворена* или исчезла, запоминались плохо (частично завершенные, «разрушенные» и вызвавшие отказ задания обладают низким $ЗН$).

В тех случаях, когда за квазипотребностями стоят явно выраженные истинные потребности человека, когда задействована *центральная «я-сфера»* личности, то напряжения потребностного типа оказываются более сильными. (У честолюбивых испытуемых, как и в случае возбуждающих

честолюбие заданий, перевес незаконченных заданий при перечислении особенно велик.)

Разница в запоминании законченных и прерванных действий выражена для *действий с «четким концом»* гораздо сильнее, чем в случае *«продолжающихся» действий*. Это связано с тем, в какой мере структуры действия способствуют образованию особых самостоятельных напряженных систем.

Напряженные системы воздействуют на воспроизведение только тогда, когда они достаточно *отделены* друг от друга. Если отдельные действия не обладают для испытуемого своим собственным лицом, то весь опыт в целом соответствует лишь *единственной* напряженной системе. (У испытуемых, которым уже в самом начале опыта перечислили все экспериментальные задания, а также у тех, кто воспринимал отдельные задания как несущественные «занятия», никакого преимущества незаконченных действий не было.)

Далее, для возникновения напряженной системы необходима еще и достаточная *упругость динамического поля в целом*. В случае «текучести» (при усталости) целостного психического поля или слишком больших колебаний напряжения в нем (например, при сильном возбуждении), образования напряжений не происходит. При *изменении ситуации* («расшатывание» или пересечение нескольких ситуаций) уже возникшие напряженные системы разряжаются.

Похоже, что интенсивность и прочность такого рода напряжений потребностного типа у разных людей различна и является весьма постоянной характеристикой каждого индивида.

Преимущество незаконченных действий при запоминании тем сильнее, чем *непосредственнее* выражаются *потребности* данного человека, чем меньше он может отказаться от их удовлетворения, и чем более естественно и «по-детски» он воспринимает весь опыт.

5 *Уровень притязаний и мотивация достижения*

*К. Левин,
Т. Дембо,
Л. Фестингер,
Р. Сирс*

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ¹

Почти любой комплекс психологических проблем, особенно в области мотивации и личности, с необходимостью включает проблемы цели и целенаправленного поведения. Значимость проблемы цели поведения особенно велика применительно к культуре с таким сильным элементом соперничества, как наша. До последнего времени, однако, было мало попыток изучения феномена цели как такового и влияния достижения или недостижения цели на поведение индивида. Концепция «уровня притязаний» Дембо <...> прояснила возможность изучения целевых уровней. Хоппе <...> провел первый эксперимент, направленный на анализ феномена уровня притязаний. К настоящему времени накопилось достаточно большое количество экспериментальных результатов.

Что такое уровень притязаний?

Типичная последовательность событий. При обсуждении многих проблем и аспектов уровня притязаний полезно рассмотреть характерную последовательность событий. Человек выбил 6 очков, стреляя в мишень, в центре которой находится 10. Он решает в следующий раз попробовать выбить 8. Он попадает в 5, сильно разочарован и решает в следующий раз снова выбить 6. Мы можем выделить в этой последовательности следующие основные моменты:

1) предшествующее действие (в нашем примере «выбил 6 очков»);

¹ Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 85–89.

2) установление уровня притязаний — решение о цели следующего действия («попробовать выбить 8»);

3) исполнение действия («выбил 5»);

4) реакция на достигнутое, такая, как чувство успеха или неудачи («разочарования»), прекращение всей деятельности или продолжение ее с новым уровнем притязаний («попробовать снова выбить 6»).

Каждый из этих четырех моментов можно рассматривать в его отношении к другим. В случае, когда индивид начинает новую деятельность, прошлое действие, конечно, отсутствует, но у индивида может быть опыт в похожей деятельности.

Каждый момент временной последовательности представляет ситуацию, по отношению к которой встают характерные проблемы. Для динамики уровня притязаний момент 2) (установление уровня притязаний) и момент 4) (реакция на достигнутое) особенно важны. Сразу возникают две проблемы:

а) что определяет уровень притязаний;

б) каковы реакции на достижение или недостижение уровня притязаний.

Пояснение терминов. Прежде чем приступить к обсуждению экспериментальных данных, следует прояснить некоторые термины и факторы, входящие в очерченную выше последовательность.

«Цель действия», «идеальная цель», «внутреннее несоответствие». Уровень притязаний предполагает цель, имеющую внутреннюю структуру. В нашем примере индивид не просто стреляет, а пытается попасть в мишень и даже в определенную область мишени. Но что он в действительности хочет сделать, так это попасть в центр. Это его «идеальная цель». Зная, что это «слишком трудно», он ставит целью очередного действия «попасть в восьмерку». Это мы будем называть «целью действия». Уровень цели действия обычно берется как критерий уровня притязаний индивида в данное время. Франк, один из первых исследователей в этой области, определяет уровень притязаний как «уровень будущих действий при решении знакомой задачи, который индивид, знающий свой уровень прошлых действий в этой задаче, явно предполагает достичь» <...>.

Постановка цели в точке 2 временной последовательности не означает, что индивид оставил свою идеальную цель. Чтобы понять этот момент поведения, мы должны рассмотреть цель отдельного действия внутри всей целевой структуры индивида. Эта структура может включать несколько более или менее реальных *целевых уровней*. Целевые уровни внутри одной целевой структуры могут включать высокую *цель мечты*, несколько более реалистичную *цель намерения*, далее — уровень, которого человек ожидает достигнуть, когда он пытается объективно оценивать ситуацию, и низкий уровень, который он достигает, если счастье от него отвернется. Где-то на этой шкале будет расположено то, что можно назвать целью действия, т.е. то, что человек «пытается сделать в данное

время»; где-то выше будет находиться идеальная цель. Иногда индивид будет приближаться к этой идеальной цели, иногда же расстояние между идеальной целью и целью действия будет увеличиваться. Назовем это *«внутренним несоответствием»*.

Другая характеристика целевой структуры — это несоответствие между уровнем цели действия и уровнем ожидаемого результата. Эта разница может быть прямо охарактеризована как *«несоответствие цель-ожидание»*. Это несоответствие будет частично зависеть от уровня субъективной вероятности, которого индивид придерживается в отношении шансов достижения цели действия. Одно из выражений субъективной вероятности — уровень уверенности.

«Целевое несоответствие». Можно сравнить уровень притязаний, например, уровень цели действия в точке 2 нашей временной последовательности с уровнем прошлого действия — точка 1 той же последовательности. Разницу между этими двумя уровнями мы будем называть *«целевым несоответствием»*. Целевое несоответствие считается положительным, если уровень цели выше уровня прошлого действия, в противоположном случае мы имеем дело с *отрицательным* целевым несоответствием.

Величина достижения; успех и неудача. Индивид установил свой уровень притязаний и затем произвел действие, имея в виду эту цель (точка 3 нашей временной последовательности). Результат этого действия можно назвать *«величиной достижения»*. Разница между уровнем притязаний и величиной достижения будет *«несоответствием достижения»*. Оно считается положительным, если достижение выше уровня притязаний, и *отрицательным*, если достижение ниже уровня притязаний.

Два главных фактора, от которых зависит чувство успеха или неудачи, — это знак и размер *«несоответствия достижений»*. Термины *«успех»* и *«неудача»* будут употребляться для обозначения субъективного (психологического) чувства успеха и неудачи, а не разницы между уровнями притязаний и достижения. В быту мы говорим об успехе и неудаче в обоих смыслах, иногда относя их к разнице между точками 2 и 3 (уровень притязаний и новое действие), иногда же — к точке 4 (реакция на новое действие). Мы называем разницу между точками 2 и 3 *«несоответствием достижений»*, а успехом или неудачей — реакцию на это несоответствие (точка 4 нашей последовательности).

Словесная цель и действительная цель. Как измерить или операционально определить различные целевые уровни действия — на этот технический вопрос в разных исследованиях приходится отвечать по-разному. В эксперименте наблюдение или измерение уровня действия (точки 1 и 3 временной последовательности) обычно не составляет труда. Трудным оказывается измерение уровня притязаний и других точек психологической целевой структуры, таких, как идеальная цель и уровень ожидания.

Можно было бы использовать несколько реакций для косвенного определения уровня притязаний, если бы были известны его законы. Од-

ним из лучших методов определения уровня притязаний, идеальной цели, а также уровня ожидания является пока прямое высказывание субъекта. Конечно, существует опасность, что словесное или письменное утверждение не будет на самом деле открывать «истинную цель» индивида или «истинное ожидание». Например, нельзя спрашивать индивида после действия в точке 4 нашей временной последовательности, каков был его уровень притязаний в точке 2 — после неудачи его словесное высказывание может быть рационализацией. Важно иметь словесное высказывание в ситуации, к которой оно относится. В случае, когда социальная атмосфера относительно благоприятна, прямое высказывание индивида является лучшим операциональным определением различных целевых уровней. При выборе задач с различной степенью трудности в качестве меры для определения цели действия может быть использовано поведение индивида.

Размер целевых единиц. Индивид может попытаться накинуть кольцо на стержень и при этом может достичь или не достичь своей цели. В другом случае цель может состоять в том, чтобы накинуть на стержень серию из пяти колец. Насколько высоко достижение (один промах, три промаха) — можно установить только после того, как брошены все пять колец. Реакция испытуемого на соответствующее достижение, сопровождающаяся чувством успеха или неуспеха, будет относиться в последнем случае к достижению в целом, а не к каждому броску в отдельности.

Размер единиц деятельности, к которой относится цель, является важным моментом, который нужно учитывать при обсуждении проблемы уровня притязаний. Максимальный размер и сложность единиц, к которым может относиться цель, — важные характеристики определенных возрастных групп детей. Чтобы избежать недоразумения, нужно всегда иметь в виду этот размер и характер единиц деятельности.

Ж. Нюттен

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛИ¹

Центральный процесс, опосредствующий влияние мотивации на результаты деятельности, — это процесс *выбора цели индивидом*. Мы называем этот процесс формированием цели (по аналогии с процессом формирования плана), оба процесса играют важную роль в поведении человека.

Объектом-целью мотивации человека часто оказывается не уже существующий материальный объект (к примеру, пища или сексуальный партнер), а определенный уровень исполнения или результатов, достичь которого собирается человек или достижения которого от него требует, как он полагает, общество. Даже стремление к достижению материальных объектов с целью удовлетворения физиологических потребностей приобретает характер профессиональной или социальной деятельности. Таким образом, в известной мере человек сам выбирает объекты-цели своей мотивации.

А. Генезис процесса. В экспериментальном плане некоторый свет на процесс формирования цели был пролит в работах, посвященных уровню притязаний. Многие исследования в области генетической психологии, например, работы Бюлера², Хетцера³ и Готтшальдта⁴, показали нам генезис этого процесса. Известно, что трехлетние дети любят рисовать каракули, они просто чертят какие-то линии и явно получают удовольствие от этого. Их мотивация, таким образом, вызывает у них целый ряд моторных реакций. Бюлер и Хетцер⁵ установили, что трехлетние дети очень редко придают своим каракулям значение какого-нибудь объек-

¹ Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 36–40.

² См.: *Bühler C.* Kindheit und Jugend. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1931.

³ См.: *Hetzer H.* Kind und Schaffen (Quellen und Studien zur Jugendkunde). Jena: G. Fischer, 1931.

⁴ См.: *Gottschaldt K.* Der Aufbau des kindlichen Handelns (Beiheft 68 zur Zeitschrift für angewandte Psychologie). Leipzig: J.A. Barth, 1933.

⁵ См.: *Bühler C., Hetzer H.* Das erste Verständnis von Ausdruck im ersten Lebensjahr // *Z. Psychol.* 1928. 107. S. 50–61.; *Bühler C., Hetzer H., Tudor-Hart B.* Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde). Jena: G. Fischer, 1927. Heft 5.

та. Если же это происходит, что случается не более чем в 10% случаев, то ребенок дает название своему рисунку только после окончания его. Было замечено, что некоторые четырехлетние дети уже в процессе деятельности поясняют, что будет означать их рисунок; однако среди них есть и такие, которые начинают составлять определенный план действий, т.е. ребенок говорит, что он собирается делать до начала деятельности. 80% пятилетних детей составляют предварительный план рисунка до начала его выполнения. В шесть лет так поступают все. То, что говорилось здесь применительно к рисованию, относится ко всем другим видам деятельности. Деятельность высокоорганизованного индивида не носит исключительно исполнительный характер, она протекает также и на уровне познавательных представлений и предполагает постановку цели. Речь идет здесь о форме антиципирующего поведения, имеющего мотивационный характер.

Рассмотрим теперь исследования уровня притязаний, в которых были подвергнуты систематическому изучению некоторые аспекты формирования цели.

Б. Уровень притязаний. Наиболее фундаментальной работой в этой области является исследование Хоппе¹, осуществленное под руководством Левина². Это исследование вызвало к жизни бесчисленное множество экспериментов, в общем более совершенных, чем эксперименты самого Хоппе³. Тем не менее, учитывая важное значение понятий, разработанных Хоппе на основе анализа собственных, недостаточно систематических экспериментальных данных, следует более подробно остановиться на этих понятиях. Результаты последующих 10 лет исследований были подытожены Левиным, Дембо, Фестингером и Сирсом⁴. Общий обзор этих работ на французском языке был сделан Гереном⁵. Определенный интерес в этом плане представляет также работа Робайе⁶.

Успех и неудача. Прежде всего Хоппе показал, что успех и неудача — или на языке торндайковской психологии научения «наказание» и «воз-

¹ См.: Hoppe F. Erfolg und Misserfolg // Psychol. Forsch. 1930. 14. S. 1–62.

² Опыты Юкнат были начаты в 1931 г. в Берлине, когда Левин еще жил там.

³ См.: Jucknat M. Leistung Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein // Psychol. Forsch. 1937–1938. 22. S. 89–179; Frank J.D. Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1935. 47. P. 119–128; Lezak M.D., Raskin N.J. A new method of analyzing the data in an experiment on «level of aspiration» // Amer. J. Psychol. 1950. 63. P. 617–618; Sutcliffe J.P. An evaluation of «A new method of analyzing the data in an experiment on “level of aspiration”» // Amer. J. Psychol. 1952. 65. P. 465–469.

⁴ См.: Lewin K., Dembo T. et al. Level of aspiration // Hunt J. McV. Personality and the behavior disorders. N. Y., 1944. P. 333–379.

⁵ См.: Guérin F. Aperçu général sur les tests et les expériences de niveau d'aspiration // Rev. Psychol. appl. 1958. 8. P. 37–89, 221–251.

⁶ См.: Robaye F. Niveaux d'aspiration et d'expectation. Critères de personnalité. Paris: P.U.F, 1957.

награждение» — не могут быть определены в объективных терминах. В данном случае, говорит автор, испытуемые, приступая к работе, ставят перед собой конкретную цель: они хотят и стремятся достичь определенного уровня результатов. Это и есть их уровень притязаний (*Anspruchsniveau*): то, к реализации чего они стремятся. Соотношением между уровнем конкретных притязаний и фактическим уровнем исполнения и определяется качественная оценка результатов деятельности, т.е. успех или неуспех деятельности. В одном из опытов Хоппе от испытуемого требовалось набрасывать кольца на крючки, закрепленные на ленте, передвигающейся перед ним с установленной скоростью. Оказалось, что один и тот же объективный результат (10 наброшенных колец из 16) может быть успехом для одного и неудачей для другого; и то, что может быть успехом в одном случае, при других обстоятельствах может оказаться неудачей. Более того, полученный результат является успехом или неудачей лишь в той мере, в какой он расценивается испытуемым как его *личное* достижение, а не как, скажем, случайность. Таким образом, для каждого испытуемого зона деятельности, в рамках которой он в состоянии оценивать свой результат как успех или неудачу, достаточно ограничена и более или менее специфична. За пределами этой зоны, т.е. когда задачи становятся либо слишком трудными, либо слишком легкими, результат расценивается в зависимости от природы самой задачи. В одном из экспериментов, предполагавшем определенную скорость реакции, испытуемый не расценивал отрицательный результат как неудачу, если данное ему время было меньше 60 с, точно так же он не считал хороший результат успехом, когда время превышало 2 мин. Можно утверждать, что в этом опыте субъективная зона успеха и неудачи располагалась между 70 и 110 с. Когда предложенная задача выходила за пределы этой зоны, часто можно было наблюдать появление у испытуемого *замещающих целей* <...> или реакцию избегания (игру и т.д.).

В. Повторение и новые цели. Очень важным моментом является повторение одной и той же деятельности. Вопреки известному закону эффекта испытуемый повторяет одну и ту же деятельность не потому, что она привела к успеху. Повторение деятельности мотивируется, например, тем, что испытуемый предполагает на этот раз набросить на каждый крючок два кольца вместо одного или же хочет испытать новый метод работы и т.д. Другими словами, речь в этом случае идет не о повторении, как таковом, а о новой задаче, которую ставит перед собой испытуемый. Сказанное имеет прямое отношение к изучению процесса формирования и постановки новых целей человеком (*Zielbildung*) в зависимости от предшествующего успеха или неудачи. В данном случае мы имеем дело с такой формой научения и развития поведения, которую нельзя объяснить с точки зрения подкрепления связей. Простое, стереотипное повторение (характерное для некоторых видов профессиональной деятельности) вызывает явления насыщения и скуки, которые порожда-

ют потребность в перемене деятельности и исследовании или заставляют пробовать новые действия и ставить новые цели.

Г. Притязание и ожидание. В экспериментах Хоппе проводил различие между реальной (Realziel) и идеальной (Idealziel) целями, которые испытуемые часто смешивают при определении уровня своих притязаний. Фестингер¹ показал, что результаты, которые испытуемые «хотели бы» получить, существенно выше тех, которые они «ожидают» получить. Работы Ирвина и Минтцера² подтвердили необходимость такого различения, что заставило некоторых исследователей говорить об уровне *ожиданий*³. Следует отметить, однако, что для Хоппе⁴ термин *Anspruchsniveau* относится к реальной цели. Как показал Хоппе, знание дистанции между идеальной и реальной целями особенно важно при изучении личности.

Д. Начальный уровень притязаний. Большее или меньшее постоянство колебаний уровня притязаний в зависимости от эффективности деятельности, по-видимому, как-то связано с динамической структурой Я. Сначала этот факт привлек к себе внимание Хоппе в связи с постоянством некоторых интраиндивидуальных закономерностей изменения начального уровня притязаний (*Anfangsniveau*). Испытуемый 19, который терпел неудачу за неудачей и был вынужден снижать всякий раз свой уровень притязаний в процессе испытаний, приступал к каждой новой задаче, имея более высокий уровень притязаний, чем у остальных испытуемых. Напротив, испытуемый 14, добившийся известных успехов, приступал к каждому испытанию с самым низким уровнем притязаний.

Е. Уровень притязаний после успеха или неудачи. Более важным, чем начальный уровень (который большинство более поздних исследователей склонно вообще игнорировать⁵), является изменение уровня притязаний в результате ознакомления с реальными результатами. И в этом случае первые важные выводы, в общих чертах подтвержденные позднейшими исследователями, были сделаны Хоппе. В целом в условиях нашей культуры уровень притязаний повышается после успеха и снижается после неудачи. В экспериментах Хоппе вслед за успехом уровень притязаний повышался в 32% случаев (из 165), никогда не снижался (0%) и оставался неизменным в 3% случаев. После неудачи в 27% случаев произошло снижение уровня притязаний, повышения не наблюдалось, в 12% случаев уровень остался неизменным (во всех остальных случаях испытуемые пре-

¹ См.: Festinger L. Wish, expectation, and group standards as factors influencing level of aspiration // J. abnorm. soc. Psychol. 1942. 37. P. 184–200.

² См.: Irwin F.W., Mintzer M.G. Effect of differences in instructions and motivation upon measures of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1942. 55. P. 400–406.

³ См.: Atkinson J.W. Motives in fantasy, action and society. N. Y., 1958; Robaye F. Niveaux d'aspiration et d'expectation. Critères de personnalité. Paris: P.U.F., 1957.

⁴ См.: Hoppe F. Erfolg und Misserfolg // Psychol. Forsch. 1930. 14. P. 30.

⁵ См. напр., Frank J.D. Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1935. 47. P. 119–128.

кратили эту работу и приступили к другой и т.д.). Юкнат¹, применившая усовершенствованную и более тонкую методику, получила более высокий процент повышения уровня притязаний в зависимости от степени успешности деятельности: 96%, 80 и 55% случаев соответствовали трем степеням успешности: большому успеху, явному успеху и просто успеху; аналогичным степеням неуспешности соответствовало снижение уровня в 88%, 80,5 и 78% случаев. В остальных случаях происходило изменение уровня притязаний в противоположном направлении, так как автор применял метод лабиринтов, который требовал от испытуемого в качестве последующего действия выбора лабиринта большей или меньшей степени трудности. Сохранение неизменного уровня притязаний оказывалось, таким образом, невозможным. Интересный вывод, следующий из целого ряда исследований, состоит в том, что испытуемые, принадлежащие к современной западной культуре, почти всегда выбирают себе в качестве цели при решении новой задачи результат, превосходящий полученный в первой предварительной попытке. Таким образом, можно осуществить сравнительное исследование формирования цели в условиях различных культур.

Ж. Уровень Я. Хоппе проанализировал также, как именно испытуемые повышают и снижают свой уровень притязаний. Некоторые интраиндивидуальные константы позволили ему снова сделать вывод об их связи с динамической структурой личности. Хоппе предложил такие понятия, как «уровень Я» (*Ichniveau*) и «самосознание», или «концепция Я» (*Selbstbewusstsein*). Последнее понятие близко к понятию «self-concept». Тщательный анализ Хоппе привел к тому, что исследование уровня притязаний превратилось в чрезвычайно ценный метод экспериментального изучения личности². Следует отметить, однако, что степень общности и постоянства результатов в этой области не всегда достаточно высока. Измерение разницы между результатом исполнения конкретной задачи и уровнем, которого предполагает достичь испытуемый в следующей попытке (эта разница называется *goal discrepancy score*³), показало, что значения корреляции между этими двумя величинами в двух опытах, проводимых с одним и тем же испытуемым, могут варьировать от 0,26 до 0,75⁴ и даже от 0,04 до 0,44⁵.

¹ См.: *Jucknat M.* Leistung Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein // *Psychol. Forsch.* 1937–1938. 22. S. 89–179.

² См., напр., *Murray H.A.* Explorations in personality. N.Y., 1938; *Rotter J.B.* Level of aspiration as a method of studying personality: I. A critical review of methodology // *Psychol. Rev.* 1942. 49. P. 463–474; *Rotter J.B.* Level of aspiration as a method of studying personality: II. Development and evaluation of a controlled method // *J. exp. Psychol.* 1942. 31. P. 400–422.

³ Величина отклонения цели (англ.).

⁴ См.: *Frank J.D.* Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // *Amer. J. Psychol.* 1935. 47. P. 119–128.

⁵ См.: *Gould R.* An experimental analysis of «level of aspiration» // *Genet. Psychol. Monogr.* 1939. 21. P. 1–116.

3. Приложения. Изучалась зависимость уровня притязаний от возраста детей¹, его связь с деятельностью группы², а также с потребностью в достижении и рискованным поведением³ и т.д. Особый интерес представляет тот факт, что большая вариабельность уровня притязаний характерна для патологии и личностей с высоким уровнем тревожности. Группа исследователей лондонского госпиталя Модсли⁴ показала, что неврастеники и дистимики ставят перед собой, как правило, более высокие цели, чем нормальные люди, тогда как для истериков характерен минимальный уровень притязаний: они часто ставят перед собой более низкую цель, чем та, которую они только что достигли.

¹ См.: *Anderson C.* The development of a level of aspiration in young children. Dissertation doctorale. Univ. de Iowa. 1940; *Gottschaldt K.* Der Aufbau des kindlichen Handelns (Beiheft 68 zur Zeitschrift für angewandte Psychologie). Leipzig: J.A. Barth, 1933.

² См.: *Hertzman M., Festinger L.* Shifts in explicit goals in a level of aspiration experiment // *J. exp. Psychol.* 1940. 27. P. 439–452; *Shelley H.P.* Level of aspiration phenomena in small groups // *J. soc. Psychol.* 1954. 40. P. 149–164; *Nuttin J., Rombauts J.* Le niveau d'aspiration en fonction de l'homogénéité et de l'hétérogénéité ethniques du groupe. Louvain, 1962.

³ См.: *Atkinson J.W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // *Psychol. Rev.* 1957. 64. P. 359–372; *Atkinson J.W.* Motives in fantasy, action and society. N. Y., 1958.

⁴ См.: *Eysenck H.J., Himmelweit H.T.* An experimental study of the reactions of neurotics to experiences of success and failure // *J. gen. Psychol.* 1946. 35. P. 59–75; *Himmelweit H.T.* A comparative study of the level of aspiration of normal and neurotic persons // *Brit. J. Psychol.* 1947. 37. P. 41–59.

Х. Хекхаузен

ИЗМЕРЕНИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ¹

Методика ТАТ в том виде, в каком она была разработана Мюрреем для клинико-психологической диагностики личности, не могла считаться надежным инструментом измерения отдельного мотива, что побудило Мак-Клелланда и его коллег заняться в конце 40-х гг. поиском средств измерения отдельных мотивов. Они изучали возможности применения ТАТ в более однозначных условиях, когда различные мотивационные состояния создавались при помощи экспериментальных средств. Например, использовалось голодание, длительность которого задавалась лишением пищи на различные сроки: 1, 4 и 16 ч, но при этом сами испытуемые, скажем матросы-подводники, не догадывались, что участвуют в исследовании². Кроме того, проведение ТАТ было объективировано и стандартизовано в форме группового варианта методики. Картинка, содержательно связанная с пищей, на 20 с показывалась испытуемому; затем ему давалось 4 мин для написания по ней рассказа. С этой целью на листе бумаги предъявлялись четыре вопроса, на которые требовалось дать ответ. (Это были вопросы о тех событиях, что происходят на картинке в данный момент, или о тех, что привели к возникновению изображенной ситуации, о том, что думают и чувствуют сами персонажи, а также о том, как будет ситуация развиваться дальше и чем закончится.)

Рассказы по ТАТ испытуемых, лишенных пищи на разные по длительности промежутки времени, тщательно анализировались с точки зрения имеющихся в них различий. Было установлено, что с увеличением времени пищевой депривации в рассказах начинают чаще встречаться высказывания, связанные с приемом пищи или продуктами питания, причем одновременно уменьшается число высказываний на другие темы. Отмечался также рост упоминаний скудости средств питания, инструментальной активности, приближавшей время принятия пищи, и нехватки пищи персонажам рассказа. Напротив, уменьшалось число упоминаний действий,

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1. С. 259–262.

² См.: Atkinson J.W., McClelland D.C. The projective expression of needs: II. The effect of different intensities of the hunger drive on thematic apperception // Journal of Experimental Psychology. 1948. 33.

связанных с едой и утолением голода. После тщательного отбора отдельных категорий содержания рассказов и их положительной или отрицательной оценки в баллах (в зависимости от увеличения или уменьшения частоты их появления с возрастанием депривации) была разработана процедура анализа содержания рассказов. Ее применение экспертами, не имевшими никакой информации об условиях пищевой депривации, в которых писались рассказы, выявило существенные расхождения показателей состояния голода при воздержании от пищи в пределах 1—4 ч по сравнению с 16 ч.

Учитывая столь тщательные поиски разделительных критериев, результат оказался не слишком впечатляющим. Однако он воодушевил исследователей на то, чтобы без дополнительной перекрестной валидации методики измерения состояния голода применить эту объективированную в отношении натуральных потребностных состояний методику для измерения более высоких, психогенных мотивов. Основной вопрос заключался в пригодности данного метода для получения не только показателя мотивации, но и индекса «мотив — мотивации», т.е. в том, насколько эта методика отражает относительно устойчивые индивидуальные различия в силе мотивов. В поисках ответа на этот вопрос МакКлелланд и его сотрудники¹ занялись изучением мотива достижения.

Логика метода измерения мотива была проста². Его апробация способствовала тому, что исследования мотивации значительно продвинулись вперед. Испытуемые вновь должны были писать рассказы по картинкам, тематика которых на этот раз уже относилась к достижениям. <...> И опять-таки перед написанием рассказов исследователи пытались создать различные мотивационные состояния, для чего использовался тест, состоявший из 7 разных заданий, предъявлявшихся в 6 различных условиях побуждения мотива достижения. Различная сила побуждения должна была по-разному проявиться в содержании рассказов, релевантных данному мотиву. Мы, таким образом, имеем здесь дело с экспериментальным планом типа Ia, который прежде всего пригоден для решения таких основных проблем, как классификация мотивов (в данном случае установление границ мотива достижения) и их побуждения; но этот план не решает еще проблемы измерения мотива (экспериментальный план типа IIa), поскольку для этого необходимо разработать способ анализа содержания рассказов по ТАТ, который позволил бы отличить друг от друга неодинаково стимулированные мотивационные состояния.

Длившийся 20—30 мин предварительный тест и непосредственно за ним предъявлявшаяся методика ТАТ проводились разными эксперимента-

¹ См.: McClelland D.C., Clark R.A., Roby T.B., Atkinson J.W. The projective expression of need for achievement on thematic apperception // *Journal of Experimental Psychology*. 1949. 39; McClelland D.C., Atkinson J. W., Clark R.A., Lowell E.L. The Achievement Motive. N.Y., 1953.

² McClelland D.C. Risk taking in children with high and low need for achievement // J.W. Atkinson (ed.). *Motives in Fantasy, Action, and Society*. Princeton, N. J., 1958; McClelland D.C. *Assessing Human Motivation*. N. Y., 1971.

торами с тем, чтобы оба были свободны в своих действиях. Предполагалось, что индуцированное в предварительной части исследования мотивационное состояние сразу не исчезает, но сохраняется и во время написания рассказов. Условия побуждения мотива были разделены следующим образом.

Расслабляющее. Экспериментатор представлялся испытуемым студентом старшего курса, вел себя во время эксперимента очень раскованно, сообщал, что предложенные тестовые задания еще только разрабатываются и поэтому проверяются не испытуемые, а сами задания с целью их совершенствования. Он также говорил, что испытуемым можно не указывать свои фамилии и не подписывать тестовые бланки.

Нейтральное. В этом случае тематически связанное с достижениями содержание ситуации не преувеличивалось, но и не преуменьшалось. Ситуация эксперимента должна была походить на обычное исследование.

Ориентирующее на достижение. В этом случае экспериментатор вел себя, как экзаменатор, подчеркивал значение предложенных заданий как теста, направленного на оценку способностей, и побуждал участников «сделать все от них зависящее».

Успех. Тестовые задания предъявлялись с теми же комментариями, что и в предыдущем случае. После выполнения первого из них и в конце серии испытуемые получали возможность сравнить свои результаты с сообщавшимися экспериментатором «нормами», которые были столь низкими, что каждый испытуемый добивался «успеха».

Неудача. Все происходило так же, как и в предыдущем случае, за исключением сообщаемых «норм», которые были заведомо выше результатов испытуемых, что неизбежно вело к переживаниям неудачи.

Успех—неудача. После первого задания следовал «успех», как в условии успеха, а в заключение теста — «неудача», как в условии неудачи.

Каждое из этих побуждающих условий несет в себе определенные, тематически связанные с достижением содержания, которые указывают на привлекательность (валентность) возможных последствий деятельности. Речь идет о тех естественно ожидаемых в данной ситуации, а затем и переживаемых валентностях, которые вызывают релевантные мотиву чувства, активируя определенное состояние мотивации (особенно сказывается при этом влияние успешных или неуспешных результатов на самооценку и оценку другими)¹. Вряд ли в расслабляющем условии, когда как бы проверяются сами тестовые задания, а не собственные способности испытуемого, хороший результат будет иметь решающее значение для самоутверждения или оценки другими. Точно так же не будет чрезмерной угроза плохого результата. Последний, однако, будет оцениваться иначе в условии индуцирования неудачи.

¹ См.: McClelland D.C. Assessing Human Motivation. N. Y., 1971; Heckhausen H. Achievement motivation and its construct: A cognitive model // Motivation and Emotion. 1977. 1; Heckhausen H. Motivation: Kognitionspsychologische Aufspaltung eines summarischen Konstrukts // Psychologische Rundschau. 1977. 28.

⑥ *Оптимум мотивации. Закон Йеркса—Додсона.
Проблема внешней и внутренней мотивации*

Р. Готтсданкер

[ЗАКОН ЙЕРКСА–ДОДСОНА:
ИССЛЕДОВАНИЕ НАУЧЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ОПТИМАЛЬНОГО УРОВНЯ ЕГО СТИМУЛЯЦИИ]¹

Гипотеза о максимальной
(или минимальной) величине²

Эксперимент по исследованию научения

Калфи и Андерсон³ не были удивлены своими результатами, чего нельзя сказать про двух *более* ранних исследователей (1908!). Теперь, 70 лет спустя, следуя по стопам этих пионеров, мы могли бы сказать, какой должна была быть их гипотеза. Но обратимся сначала к эксперименту.

¹ Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 278–283, 349–352. В книге представлены основные экспериментальные схемы, и два исследования, приведенные в тексте, являются примерами, соответственно, многоуровневого и факторного экспериментов. *Многоуровневый*, или мультивалентный, эксперимент – это эксперимент с несколькими (более двух) уровнями независимой переменной. *Факторный* эксперимент – это эксперимент с двумя или несколькими независимыми переменными. (Примечание отв. редактора.)

² «Экспериментальная гипотеза о максимальной (или минимальной) величине — предположение о том, при каком *уровне* независимой переменной зависимая переменная принимает максимальное (или минимальное) значение. Основана на представлении о двух *базисных процессах*, оказывающих противоположное действие на зависимую переменную: при достижении определенного (высокого) уровня независимой переменной «негативный» процесс становится сильнее «позитивного»; проверяется только в *многоуровневом* эксперименте» (Петухов В.В. Словарь экспериментатора // Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. С. 432).

³ См.: Calfee R.C., Anderson R. Presentation rate effects in paired-associate learning // Journal of Experimental Psychology. 1971. 88. P. 239–245. Автор сравнивает приводимое ниже исследование с многоуровневым экспериментом по запоминанию списка триграмм, в котором по-разному распределялось общее время их предъявления испытуемым. Наилучшие показатели запоминания (13 из 16 предъявленных триграмм) – максимальная величина зависимой переменной – были получены не при коротких (1 с) или длинных (20 с), а при средних интервалах (4 с) предъявления материала, что соответствовало проверяемой экспериментальной гипотезе. (Примечание отв. редактора.)

Экспериментаторами были Роберт Йеркс и Джон Додсон. Йеркс, который интересовался эволюционным развитием, в то время тщательно изучал любопытное маленькое животное под названием *танцующая мышь*¹. Это название связано с тем, что иногда из-за генетического дефекта данная разновидность домашней мыши непрерывно движется по кругу или выписывает восьмерки. Кстати, позже Йеркс провел свои известные исследования на шимпанзе и призывниках на военную службу.

В эксперименте 1908 г. у мыши вырабатывался навык, основанный на различении черного и белого. Перед мышью находились две двери в два туннеля. В каждой пробе мышь осторожно вынуждали войти в тот или другой туннель, постепенно уменьшая с помощью листа картона пространство камеры перед туннелями. Стены и потолок одного туннеля, как и пространство перед входом в него, были выложены белым картоном. Второй туннель аналогичным образом выстилался черным картоном. Пол каждого туннеля представлял собой проволочную сетку. Только в том случае, когда мышь входила в *белый* туннель, через сетку пропускался ток. Пройдя через любой туннель, мышь попадала в свою камеру-гнездо, где ее ожидала мышь противоположного пола. Так что страдание экспериментального животного компенсировалось состраданием.

Мышь не могла научиться избегать удара тока, просто ориентируясь на правую или левую сторону, поскольку местоположение белого и черного туннеля менялось в случайном порядке от пробы к пробе. С каждым животным ежедневно проводилось по 10 проб. Тренировки продолжались до тех пор, пока животное не совершало все пробежки в течение трех дней подряд без ошибок. Например, самец № 128 смог это сделать на 16, 17 и 18-й дни. Очевидно, он научился различать черное и белое к концу 15-го дня. Поэтому можно было считать, что данное животное достигло *критерия* научения после 150 проб — ведь ежедневно было по 10 проб.

Разным мышам подавали ток различной силы. Он измерялся в условных «единицах стимуляции». *Слабый* уровень (125 единиц) почти не замечался мышью. «*Сильный* стимул (500 единиц) был крайне неприятен даже самим экспериментаторам, и мыши *также* энергично реагировали на него»². *Средний* уровень составлял 300 единиц. Действие каждого уровня электроудара исследовалось на четырех мышках — двух самках и двух самцах.

В качестве зависимой переменной было выбрано среднее число проб, необходимых для достижения критерия научения всеми четырьмя мышками. Результаты показаны на рис. 1. Видно, что *минимальное* значение зависимой переменной, 80 проб, было получено при *промежуточном* уровне независимой переменной, 300 единицах стимуляции. На самом деле научение при са-

¹ См.: Yerkes R.M. The Dancing Mouse. N. Y.: Macmillan, 1907.

² Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. 18. P. 467–468.

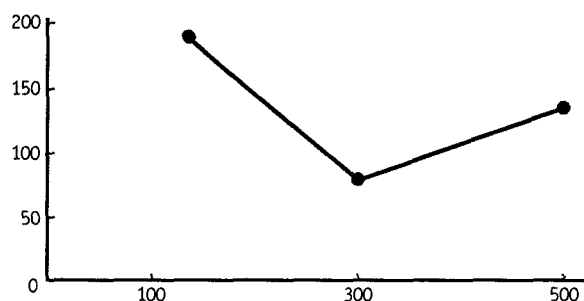

Рис. 1. Влияние силы электроудара на успешность научения (опыты на танцующих мышах): ось абсцисс — сила электроудара (в условных единицах); ось ординат — среднее количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач

мой слабой стимуляции было даже хуже, чем показано, поскольку одна из четырех мышей так и не научилась различать черный и белый туннели, и ей условно приписали 200 проб, ибо после них эксперимент прекратился.

Конечно, использование только трех уровней независимой переменной с трудом позволяет квалифицировать эксперимент как многоуровневый. Это беспокоило и Йеркса и Додсона: «Следует иметь в виду, что поскольку использовалось только три интенсивности стимула <...> возможно, наиболее благоприятная сила стимуляции обнаружена не была»¹.

Прогресс в понимании

Существует множество экспериментов, в которых гипотеза максимума или минимума вполне оправдана. Между прочим, не нужно считать, что термины *максимум* и *минимум* означают в этих экспериментах разное. Если бы в эксперименте Йеркса и Додсона мерой научения служило число правильных ответов, то при 300 единицах стимуляции достигался бы *максимум*. <...>

Одним из оснований гипотезы максимума (или минимума) является теория двух противоположных основных процессов, определяемых независимой переменной. Причем «негативный» процесс при достижении высокого уровня становится сильнее «позитивного». <...>

Можно показать, что танцующая мышь, учившаяся избегать удара током, <...> должна была различать два туннеля и ассоциировать туннель

¹ Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. 18. P. 482.

с ударом тока или его отсутствием. По свидетельству Йеркса и Додсона, различие было плохим при слишком сильном ударе. «Поведение мышей менялось по мере усиления стимуляции. При сильной стимуляции они выбирали не менее быстро, чем при слабой, однако в первом случае они были менее осторожны и действовали с меньшей осмотрительностью и уверенностью»¹. Таким образом, различие стимулов (черного и белого) ухудшалось с увеличением силы удара. Ассоциирование же белого туннеля с ударом (при состоявшемся различии) могло с усилением удара только усиливаться. Следовательно, здесь снова должен был существовать некоторый уровень независимой переменной (силы удара), оптимальный для дискриминационного научения.

Наверное некоторые из вас уже предвосхитили дальнейшее рассуждение. Оно состоит в том, что более сложное различие требует большей осторожности и осмотрительности, чем простое. Это означает прежде всего, что оно протекает медленнее. Более того, оптимальным для его освоения будет удар, более слабый, чем для простого различения. Как раз такие результаты и получили исследователи в своей дальнейшей работе. Вот их заключение: «По мере увеличения сложности различения интенсивность стимула, оптимальная для формирования навыка, приближается к порогу»². Эта зависимость сегодня известна под названием *закона Йеркса–Додсона*. Но мы забежали вперед. <...>

Проверка комбинированных гипотез³

С появлением факторных схем в технике экспериментирования совершается еще один шаг вперед. Теперь исследователи попытаются проверять гипотезы о том, каким образом влияют на поведение сразу две независимые переменные, сочетаясь друг с другом. Есть немало примеров, когда мы совершенно уверены, что данная деятельность определяется не единственной независимой переменной. Еще до экспериментов Йеркса и Додсона⁴ было известно, что на количество проб, необходимых для научения, будет влиять как сила электроудара, так и трудность различения стимулов. <...> У Йеркса и Додсона были основания для конкретного предположения об отношении между комбинациями силы элек-

¹ Там же. С. 476.

² Там же. С. 481.

³ «Комбинированная экспериментальная гипотеза – предположение об отношении между определенным сочетанием (комбинацией) двух (или нескольких) независимых переменных, с одной стороны, и зависимой переменной – с другой <...>; проверяется только в факторном эксперименте» (Петухов В.В. Словарь экспериментатора // Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. С. 432).

⁴ См.: Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. 18. P. 459–482.

трудоуара и трудности различия, с одной стороны, и количеством проб, необходимых для достижения критерия научения, — с другой. <...>

Закон Йеркса-Додсона: определение оптимального уровня

<...> Йеркс и Додсон повторили свой эксперимент, введя новые условия, затруднявшие и облегчавшие различение стимулов. Различение облегчали, сокращая доступ света в черный туннель и делая его тем самым еще чернее, а затрудняли, сокращая доступ света в белый туннель, так что он больше походил на черный.

Затем отдельным группам мышей давали задачи с легким различением (при пяти разных уровнях электроудара) и с трудным различением (четыре уровня электроудара). По каждой группе определяли количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач. Все полученные результаты, в том числе и те, что уже были представлены <...> для задач средней трудности (рис. 1), показаны на рис. 2. Очевидно, что основной результат воздействия переменной трудности различения очень высокий. Выделяются следующие общие зако-

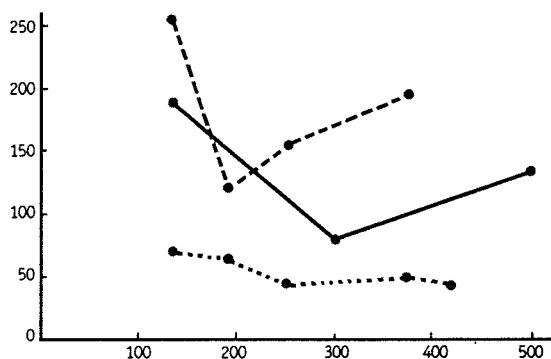

Рис. 2. Влияние силы электроударов на успешность научения при различных уровнях трудности задач (опыты на танцующих мышах):

I — трудные, II — средние и III — легкие задачи;
ось абсцисс — сила электроудара (в условных единицах);
ось ординат — среднее количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач

номерности: во-первых, при всех уровнях интенсивности электроударов быстрее всего научение протекало в тех случаях, когда различать туннели было легко. Во-вторых, можно говорить о некотором преимуществе при сильных ударах: правые ветви каждого из графиков несколько ниже левых. Однако по-настоящему интересно именно взаимодействие между двумя независимыми переменными, силой электроудара и трудностью различения. Гипотеза, о которой мы говорили <...>, подтвердилась. Мы уже знаем, что для задач средней трудности минимальное количество проб, необходимых для успешного научения, приходится на силу удара в 300 единиц. Теперь мы видим также, что для задач с трудным различением этот минимум наступает при более слабом ударе — 195 единиц. И наконец, для самых легких задач результаты продолжают улучшаться даже при 420 единицах; весьма вероятно, что при еще более сильном ударе мыши будут научиться еще быстрее.

П. Фресс

ОПТИМУМ МОТИВАЦИИ¹

Оптимум мотивации. Идея оптимума мотивации, в сущности, столь же стара, как и человеческая мысль, и моралисты всегда осуждали чрезмерные страсти, из-за которых человек терял контроль над собой.

Поэтому психологи разных стран признавали, что интенсивная стимуляция отрицательно сказывается на нашей эффективности, точнее говоря, на адаптации к задачам, которые непрерывно ставит перед нами среда. Как говорил в 1920 г. Пьерон, «объективно эмоция, видимо, характеризуется также довольно сильной диффузной реактивностью, которая выходит за рамки ответов, непосредственно соответствующих возбуждению»². Даже психологи, признающие континуум активации, отмечают это нарушение адаптации, возникающее, когда интенсивность ситуации становится слишком сильной. Так, Линдслей³ показал, что, когда активация становится чрезмерной, эффективность человека ухудшается, появляются признаки дезорганизации и ослабления контроля. Однако экспериментальное доказательство существования оптимума мотивации было получено гораздо позже ввиду трудностей экспериментального изучения эмоций. Первые работы, в которых был выявлен этот оптимум, не касались собственно эмоций, но они установили зависимость между показателем активации и качеством исполнения. Йеркс и Додсон⁴ были первыми, кто обнаружил оптимум мотивации у животных. В следующем параграфе мы вернемся к их важному вкладу в науку. Однако их работы не сразу получили признание. Даффи⁵ установила, что результаты де-

¹ Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 120–125.

² Piéron H. De l'actinie à l'homme. Paris: P.U.F., 1959. Vol. 2. P. 149.

³ См.: Lindsley D.B. Psychophysiology and motivation // Jones M.R. Nebraska symposium on motivation. Lincoln: Univ. Nebr. Press, 1957. P. 44–104.

⁴ См.: Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // J. comp. neurol. Psychol. 1908. 18. P. 458–482.

⁵ См.: Duffy E. The relationship between muscular tension and quality of performance // Amer. J. Psychol. 1932. 44. P. 535–546.

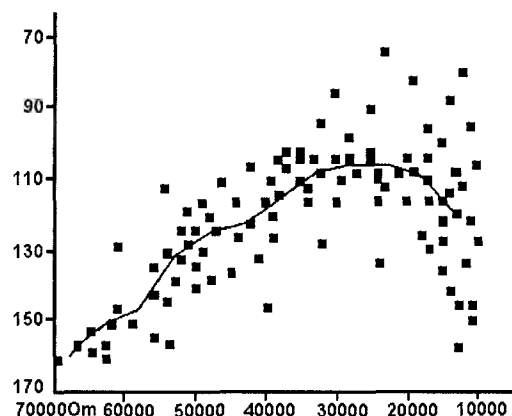

Рис. 1. Соотношение между величиной сопротивления кожи ладони и временем реакции у испытуемого в различных состояниях бодрствования¹

тей, которые были чрезмерно напряжены (напряжение измерялось с помощью динамографа), оказались хуже. Она вновь высказала мысль о существовании оптимума напряжения, зависящего от задачи и индивидов.

Наиболее важный эксперимент был поставлен Фрименом². Он измерял у одного испытуемого время реакции и одновременно уровень сопротивления кожи (КГР). Эти измерения, сделанные на протяжении нескольких дней и в разное время суток, дали результаты, представленные на рис. 1. На нем отчетливо виден оптимум активации. Шлосберг³, сомневаясь в этом, повторил эксперимент, измеряя помимо времени реакции тремор руки (амплитуду дрожания); сопоставив эти два измерения с сопротивлением кожи, он получил ту же самую кривую с максимумом.

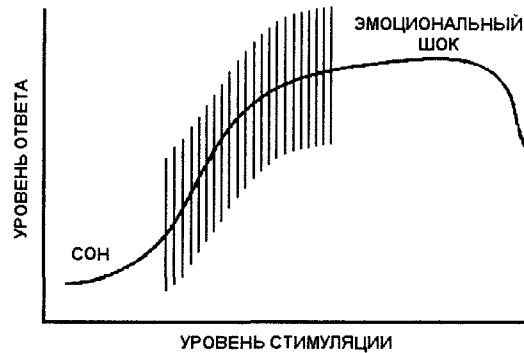
С этими результатами изучения спонтанного континуума активации, оцениваемой по физиологическим показателям, следует сопоставить данные, свидетельствующие о том, что с усилением мотивации повышается качество исполнения, но до определенного предела: если она слишком велика, исполнение ухудшается.

Это можно наблюдать и в повседневной жизни. Учащиеся теряются на экзамене, военным хорошо известно, что войска лучше маневрируют на учениях, чем в бою. Установлено, что в бою лишь треть солдат стреляет по команде.

¹ По: *Freeman G.L.* The relationship between performance level and bodily activity level // *J. exp. Psychol.* 1940. 26. P. 606.

² См. там же. P. 602–608.

³ См.: *Schlosberg H.* Three dimensions of emotions // *Psychol. Rev.* 1954. 61. P. 81–88.

Рис. 2. Оптимум реакции¹

Исследование Стеннетта² показывает отношение между активацией, мотивацией и исполнением. Задача была на слуховое слежение (tracking): испытуемый должен был поворачивать ручку так, чтобы исчез звук, при этом точка, соответствующая нулю, периодически перемещалась программистом. После обучения испытуемого вводились три уровня мотивации:

- 1) слабая мотивация: задача представлялась как калибровка прибора;
- 2) средняя: небольшие вознаграждения за успехи;
- 3) сильная: большое вознаграждение за успех, электрические удары за неудачу.

Активация, измеряемая по КГР и тонической активности (ЭМГ активной и неактивной руки), увеличивалась от ситуации 1 к ситуации 3, однако лучшие результаты были получены в ситуации 2.

Фримен³ обобщил эти результаты и представил их в виде кривой (рис. 2). Он явно связывает ухудшение эффективности с эмоциональной реакцией, чего не было в прежних исследованиях, в которых сильная активация, измеряемая по мышечному напряжению или уменьшению сопротивления кожи, означала только факт превышения оптимума мотивации.

Если точно воспроизвести схему Фримена, то нельзя согласиться со способом выражения переменных, отложенных им на ординатах и особенно на абсциссах. Если принять его формулировку, которая объясняется общей концепцией автора, то окажется, что то, что мы назвали уровнем активации, будет просто энергетическим эффектом стимуляции.

¹ По: *Freeman G.L.* The energetics of human behavior. Cornell Univ. Press., 1948. P. 114.

² См.: *Stennet R.G.* The relationship of performance level and to level of arousal // J. exp. Psychol. 1957. 54. P. 54–61.

³ См.: *Freeman G.L.* The energetics of human behavior. Cornell Univ. Press., 1948. P. 112.

Эта узкобихевиористская точка зрения не согласуется с психологическими фактами и даже с данными нейрофизиологии, которые показывают, что стимуляция воздействует на ретикулярную формацию в зависимости от чувствительности субъекта.

Хебб¹ подчеркивает, что ситуация оказывает двойное действие на нервную систему. Она дает субъекту информацию (cue function), а также посредством восходящей ретикулярной системы определяет уровень активации (arousal). Если этот уровень повышается и более сложная ситуация требует более тонкой адаптации, то происходит взаимодействие двух систем (cue function и arousal) и при наличии тревожных и эмоциональных реакций наблюдается ухудшение исполнения. Таким образом, Хебб получил кривую, которая имела такую же форму, что и кривая Фримена, хотя он стоял на совершенно иной позиции.

Мальмо² также предложил аналогичную кривую, устанавливая зависимость непосредственно между уровнем исполнения и уровнем активации. Ухудшение исполнения при сильной активации, очевидно, связано с природой задачи: замедленные реакции в задачах, требующих быстроты; неловкость, когда надо быть точным; более медленное научение, более низкое качество интеллектуальных решений. Нарушение адаптации может выражаться не только в количественной, но и качественной форме, и, в частности, наблюдается ухудшение во всех областях деятельности. <...>

Вариации оптимума. Закон Йоркса–Додсона. Оптимум мотивации изменяется, очевидно, при каждой задаче. Йоркс и Додсон провели в 1908 г. важный эксперимент, который дал одинаковые результаты на крысах, цыплятах, кошках и человеке. Задача состояла в различении двух яркостей, при этом один из ответов произвольно оценивался как неправильный. Задача была более или менее сложной и предполагала три уровня трудности различения. Кроме того, предусматривались три уровня мотивации, а именно: слабый, средний или сильный электрический удар как наказание за ошибки.

Общие результаты представлены на рис. 3. На абсциссе отложены уровни силы электрического удара, на ординате — число проб, необходимых для достижения одного и того же критерия хорошего различения. Три кривые соответствуют трем уровням трудности задачи. Они показывают, что в каждом случае имеется оптимум мотивации, при котором научение является наиболее быстрым. Однако результаты свидетельствуют также о том, что этот оптимум зависит и от трудности задачи, поэтому закон Йоркса–Додсона можно сформулировать следующим образом:

¹ См.: *Hebb D.O.* Drives and the conceptual nervous system // *Psychol. Rev.* 1955. 62. P. 243–254.

² См.: *Malmö R.B.* Activation. A neuropsychological dimension // *Psychol. Rev.* 1959. 66. P. 367–386.

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая закон Йеркса—Додсона¹

«С увеличением трудности задачи интенсивность наказания, определяющая оптимальную скорость научения, должна приближаться к пороговой величине». Это означает, что в случае трудной задачи оптимум достигается при слабой мотивации, тогда как при легкой задаче он соответствует сильной мотивации. Очевидно, что при легкой задаче избыточная мотивация не вызывает нарушений поведения, но такая возможность возникает при трудных задачах.

Такие же результаты были получены Хаммесом² и Бродхерстом³ на крысах. Другие исследования показали, что усиление возбуждения, или в более общей форме мотивации, влечет за собой ухудшение исполнения.

Так, Кардо⁴ изучал влияние амфетамина на условную реакцию избегания у крыс. Он установил, что слабые дозы улучшают эту реакцию, тогда как сильные вызывают беспорядочные ответы.

¹ По: Young P.T. *Emotion in man and animal*. N. Y.: Wiley, 1943. P. 307.

² См.: Hammes J.A. Visual discrimination learning as a function of shock fear and task difficulty // *J. comp. physiol. Psychol.* 1956. 49. P. 481–484.

³ См.: Broadhurst P.L. Emotionality and the Yerkes–Dodson Law // *J. exp. Psychol.* 1957. 54. P. 345–352.

⁴ См.: Cardo B. *Rapports entre le niveau de vigilance et le conditionnement chez l'animal. Etude pharmacologique et neurologique*. Paris: Masson, 1961.

Еще одним подтверждением этого закона являются результаты Патрика¹, полученные на человеке. Испытуемого помещали в кабину с 4 дверями, из которой он должен был как можно быстрее найти выход. Для этого нужно было определить дверь, которая не запиралась, причем место искомой двери менялось в случайном порядке, но никогда не повторялось два раза подряд. Следовательно, логического решения задачи не существовало, однако испытуемый мог найти более или менее рациональную стратегию. Если усиливали мотивацию испытуемого (в кабине сверху сыпались гвозди или пропускался слабый электрический ток через пол), решения становились менее рациональными, более стереотипными и в конечном счете неэффективными.

¹ См.: *Patrick J.R.* Studies in rational behavior and emotional excitement: the effect of emotional excitement on rational behavior of human subjects // *J. comp. Psychol.* 1934. 18. P. 153–195.

Х. Хекхаузен

[ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ МОТИВАЦИИ]¹

Совершенно очевидно, что поведение описывается как мотивированное либо «изнутри» (интринсивно), либо «извне» (экстринсивно). Это противопоставление почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации. Оно становится актуальным во всех тех случаях, когда исследователи, с определенным успехом сосредоточив свои усилия на изучении таких видов поведения, которые служат удовлетворению физиологических потребностей или избеганию негативных физиологических состояний, стараются объяснить все поведение, его изменения (научение) и лежащую в его основе мотивацию посредством внешних играющих роль подкрепления следствий поведения — вознаграждения, отсутствия вознаграждения и наказания. Подобное чисто инструментальное понимание, сводящее в конечном счете поведение лишь к обслуживанию организма, вынужденного восстанавливать нарушенный гомеостаз, всегда вызывало возражение, особенно когда данные, полученные при работе с животными, целиком переносились на человека. <...>

Различные концепции интринсивной и экстринсивной мотивации

Какого-либо единства взглядов по вопросу о том, чем различается интринсивно и экстринсивно мотивированное поведение, до сих пор не существует (что подтвердили, например, материалы опроса, проведенного среди специалистов по психологии труда). Можно выделить, по меньшей

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 2. С. 234–239. В источнике внутренняя мотивация обозначается как интринсивная, а внешняя — как экстринсивная. (Примечание редакторов-составителей.)

мере, шесть различных концепций, выдвигающих на первый план разные аспекты различий или в поведенческих проявлениях, или в отношении основополагающих процессов¹. Общим для всех них является лишь понимание интринсивно мотивированного поведения как совершающегося ради себя самого или ради тесно с ним связанных целевых состояний, как не могущего быть лишь простым средством достижения инородной по отношению к такому поведению цели.

Влечения без редукции влечения

В первой концепции утверждается лишь то, что интринсивно мотивированное поведение не направлено на удовлетворение физических потребностей типа голода, жажды и избегания боли. Одновременно постулируются упомянутые выше дополнительные влечения типа исследовательских, манипулятивных и т.п., которые не подчинены восстановлению организмом нарушенного гомеостаза. Подобные влечения не связаны с редукцией влечения. <...>

Самоутверждение

Четвертая концепция представлена работой де Чармса². Подобно Уайту³, он видит первичную мотивацию в том, чтобы чувствовать свою эффективность, ощущать себя источником изменений в окружающем мире <...>. Это стремление быть причиной собственных действий представляет собой не какой-либо особый мотив, а некоторый руководящий принцип, который пронизывает различные мотивы. Требования окружения, обещанные вознаграждения и возможные наказания, внешнее давление — все это может снижать уровень переживаемого самоутверждения, вплоть до появления ощущения полной зависимости (ощущения себя пешкой).

Человек стремится противостоять этому, и чем лучше ему это в конкретном случае удастся, тем сильнее он ощущает себя хозяином положения, тем больше он получает радости от своей деятельности и тем значительнее его интринсивная мотивация; но чем хуже ему это удастся, тем сильнее он ощущает себя игрушкой внешних обстоятельств, тем больше он воспринимает свою деятельность (даже и успешную с внешней стороны) как обесцененную и мотивированную лишь внешне. Отсюда де Чармс делает два кажущихся парадоксальными вывода о воз-

¹ Далее в тексте приведены критерии различения экстринсивной и интринсивной мотивации, используемые лишь в трех концепциях. (Примечание редакторов-составителей.)

² См.: de Charms R. Personal Causation. N. Y., 1968.

³ См.: White R.W. Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review. 1959. 66.

действии внешних подкреплений. Как мы увидим ниже, эти выводы решающим образом повлияли на дальнейшие исследования и в основных своих чертах подтвердились. Первый вывод гласит: если человек вознаграждается за нечто, что он делает или сделал по собственному желанию, то такое вознаграждение будет способствовать ослаблению интринсивной мотивации. Второй вывод гласит: если человек не вознаграждается за неинтересную, предпринятую им только ради вознаграждения деятельность, то интринсивная мотивация к ней может усилиться.

Инициаторами экспериментальных исследований в этой области были прежде всего Липпер¹ и Деси², развившие концепцию де Чармса в теоретико-атрибутивном духе. Липпер исходил из бемовской теории восприятия себя³. Если за некоторую активность, которую человек и так охотно проявляет, он получает дополнительное вознаграждение, то свое действие он воспринимает как «сверхподтвержденное» и начинает сомневаться: совершил бы он его по одной только доброй воле? Второй вывод де Чармса (о повышении интринсивной мотивации и после несостоявшегося вознаграждения) можно получить как следствие из объяснительных возможностей теории недостаточного подтверждения, разработанной в русле исследований когнитивного диссонанса.

Для характеристики интринсивной мотивации действия Деси использовал два вида переживаний, которые Уайт⁴ и де Чармс⁵ поставили в центре своих теорий мотивации, — ощущение своих возможностей (Уайт) и самоутверждение (у де Чармса — субъектная каузальность). Чем выраженнее эти два переживания в сознании действующего субъекта, тем сильнее он внутренне мотивирован. Таким образом, решающей оказывается внутренняя локализация (в смысле теории атрибуции) тех причинных факторов, которые субъект считает ответственными за результат, к которому он стремится или которого он достиг. Внешней же мотивация является или становится тогда, когда достигнутый результат субъект приписывает внешним причинам (а не своим возможностям) и (или) когда он предпринимает действие не столько по своему собственному желанию, сколько в силу внешних последствий типа вознаграждения и наказания. Такое понимание интринсивной мотивации весьма близко концепции мотива как системы самооценки. В частности, дея-

¹ См.: *Lepper M.R., Greene D., Nisbett R.E.* Undermining children's intrinsic interest with extrinsic rewards: A test of the overjustification hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 28; *Green D., Lepper M.R.* Effects of extrinsic rewards on children's subsequent intrinsic interest // *Child Development*. 1974. 45.

² См.: *Desi E.L.* Intrinsic Motivation. N. Y., 1975.

³ См.: *Bem D.J.* Self-perception theory // *Berkowitz L. (ed.). Advances in Experimental Social Psychology*. N. Y., 1972. Vol. 6.

⁴ См.: *White R.W.* Motivation reconsidered: The concept of competence // *Psychological Review*. 1959. 66.

⁵ См.: *de Charms R.* Personal Causation. N. Y., 1968.

тельность достижения в этом случае оказывается тем сильнее мотивированной интринсивно, чем значительнее ее ориентированность на успех, т.е. чем больше она определяется внутренней локализацией причин результата действия, связанной с проверкой своих возможностей и не нуждающейся ни в каких внешних подкреплениях.

Радостная поглощенность действием

В пятой концепции еще более усиливается значимость сопровождающего действие переживания как критерия, причем переживания, связанного не с *Я* (типа субъектной каузальности), а с действием. Интринсивная мотивация означает в этом случае, как отметил еще Вертхаймер¹ в своем исследовании продуктивного мышления, что человек с радостью отдается данному делу, что он полностью погружен в переживание продвигающегося вперед действия.

Чиксентмихали в своей работе, озаглавленной «По ту сторону скуки и тревоги»², предложил в качестве характеристики интринсивной мотивации определенное эмоциональное состояние — радость от активности. При этом он основывался не на теоретических объяснительных подходах с их искусственными конструктами, адекватность которых требует экспериментальной проверки, а на описательно-феноменологическом анализе, к которому в современной психологии мотивации относятся несколько пренебрежительно.

«Вместо отношения к радости как к чему-то, требующему объяснения в терминах каких-либо иных категориальных понятий, <...> мы попытались взглянуть на нее как на самостоятельную реальность, которая может быть понята на основе собственной терминологии»³.

Чиксентмихали попросил шахматистов, хирургов, танцоров и альпинистов описать свои профессиональную и осуществляемую на досуге деятельности и прошкалировать то радостное ощущение, которое они испытывают при этом. Выявившееся при опросе центральное описательное понятие он обозначил как «поток» (flow). «Поток» представляет собой радостное чувство активности, когда индивид как бы полностью растворяется в предмете, с которым имеет дело, когда внимание всецело сосредоточено на занятии, что заставляет забывать о собственном *Я*; «поток» есть «целостное ощущение, испытываемое людьми, когда они полностью отдаются своей деятельности»⁴.

¹ См.: Wertheimer M. Productive Thinking. N. Y., 1945.

² См.: Csikszentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety. San Francisco, 1975.

³ Там же. Р. 10.

⁴ Там же. Р. 36.

А.Г. Макалатия

ОПЫТ АУТОТЕЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Важнейшей частью этого состояния является наслаждение. Я настолько вовлечен в то, что делаю, что почти забываю о времени. Когда я переживаю это состояние, я действительно свободен от скуки и тревоги. Задача бросает мне вызов, но я полностью контролирую свои действия и свой мир. Я чувствую как растут мои способности, я максимально использую все возможности. Я действительно чувствую себя хозяином положения².

В цитате, приведенной в качестве эпиграфа, хорошо отражены основные особенности аутотелического опыта. Описания особых переживаний, сопровождающих деятельность и порождаемых ею, можно найти уже в психологической литературе XIX века. Например, в лекциях профессора Казанской духовной академии В.А. Снегирева эти явления были описаны под названием «волнения деятельности».

Волнение деятельности, имея специфические, не поддающиеся описанию особенности, отличающие его от всех других волнений, в то же время всегда приятно, и при энергичной, успешной деятельности, например, при здоровой, быстрой, энергичной умственной работе, а также при работе физической, когда она сопряжена с сосредоточением внимания и сопутствуется энергичной душевной деятельностью, может достигать высокой степени силы и переходить в так называемое наслаждение. Так как в волнении деятельности имеет значение не характер и содержание какого-либо душевного акта или ряда их, а характер общего хода и строя душевной жизни, то это содержание совершенно безразлично для возникновения его. Все дело состоит в том, чтобы в данный момент в душе была какая-нибудь более или менее энергичная и организованная по своим за-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 00-06-80115).

² Allison M.T., Duncan M.C. Women, Work, and Flow // Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihalyi, I. Csikszentmihalyi (ed.). Cambridge, 1988. P. 121.

конам деятельность, сосредоточивающая на себе внимание, степень силы которого всегда служит показателем степени энергии и организованности душевных процессов. <...>

Нетрудно видеть, что в намеченных нами явлениях, группирующихся около волнений деятельности и скуки, как и в самих этих явлениях, мы имеем перед собой предмет великой жизненной важности и значения, требующий самых тщательных исследований и распространения их результатов. К сожалению, этих исследований доселе почти нет; в системах психологии большей частью эти явления обходятся и не затрагиваются¹.

К сожалению, термин «волнение деятельности» не закрепился в словаре отечественной психологии, а в связи с устранением метода самонаблюдения эта область явлений сознания была надолго забыта. В зарубежной психологии, после длительного господства бихевиоризма, феномены сознания вновь начинают привлекать внимание исследователей. Одним из таких исследователей является американский психолог М. Чиксентмихайи. Его исследования, начатые в семидесятые годы [XX века] в Чикагском университете, вновь возвращаются к описанию и анализу переживаний, порождающихся в процессе деятельности. Эти исследования начинались с изучения явлений поведения, традиционно относимых к области внутренней мотивации. В настоящее время существует множество подходов к изучению данной проблемы. Общим для них является понимание внутренне мотивированного поведения как совершающегося ради себя самого или ради тесно с ним связанных целевых состояний (см. напр. в настоящем издании текст Хекхаузена [Внутренняя и внешняя мотивации]). Такие виды деятельности получили название аутоотелических, т.е. имеющих цель в самих себе. Чиксентмихайи указывает, что исследователи, как правило, игнорируют целый пласт явлений, относящихся к субъективному опыту, пытаясь объяснить поведение через внешние по отношению к сознанию факторы (например, бессознательные влечения в психоаналитически ориентированных исследованиях, стимулы окружающей среды в бихевиоризме, потребность в самоактуализации в гуманистической психологии). По мнению автора, эти подходы неизбежно оказывались редукционистскими, и хотя они могли объяснить какую-то часть феноменологии, объяснения такого рода неизбежно оказывались односторонними, не охватывающими всей полноты и связи явлений поведения и сознательного опыта. Чиксентмихайи считает, что ведущую роль в феномене внутренней мотивации играет именно субъективный опыт. Он утверждает, что переживания человека можно рассматривать не только как нечто, требующее объяснения, но как самостоятельную реальность, которая может быть понята в своих собственных терминах².

¹ См.: *Снегирев В.А.* Психология. Харьков, 1893.

² См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

Рассмотрим основные результаты, полученные в рамках «феноменологического подхода», успешно развиваемого на протяжении последних десятилетий Чиксентмихайи и его последователями.

Основные характеристики опыта аутотелической деятельности

Первоначально главная цель исследований формулировалась как описание и анализ субъективного опыта, порождаемого внутренне мотивированной деятельностью. Средствами, релевантными такой задаче, являются различные формы самоотчета. В качестве основного инструмента исследования на первом этапе применялась техника интервью и различные виды опросников. Интервью и опросы проводились с людьми, деятельность которых априорно предполагалась полностью или частично внутренне мотивированной и приносящей непосредственное наслаждение (ученые, путешественники, хирурги, баскетболисты, пловцы-марафонцы, шахматисты, композиторы, танцоры рок-н-ролла и др.). Это предположение было подтверждено результатами исследований. Опрашиваемые (респонденты) говорили, что даже при наличии внешних подкреплений, основным стимулом к продолжению или возобновлению деятельности служит она сама. Аналогичный вывод позволял сделать анализ ответов на опросник, в котором предлагалось проранжировать источники удовольствия от деятельности. Большинство респондентов поставили на первое место пункты «удовольствие от деятельности самой по себе» и «опыт, доставляемый деятельностью». Эти пункты значимо предпочитались таким позициям как «соревнование», «престижность деятельности» и т.п. Причем степень аутотеличности, т.е. предпочтение непосредственного наслаждения деятельностью всем остальным источникам удовольствия, оказалась положительно коррелирующей с субъективной оценкой степени вовлеченности в эту деятельность¹.

Дальнейшие исследования охватили гораздо более широкий круг респондентов и позволили выявить некоторые универсальные черты опыта, появляющегося в любой аутотелической деятельности, вне зависимости от ее содержания и общие для всех людей, вовлеченных в такую деятельность. В ходе этих исследований было показано, что внутренне мотивированными и приносящими непосредственное наслаждение могут быть не только развлекательные, игровые или досуговые виды активности, но и — при определенных условиях — любая деятельность, в том числе трудовая. Многие респонденты отвечали, что независимо от внешних наград главным стимулом их работы служит сама работа. При этом описываемые ими переживания, хотя и варьировали в деталях, в целом имели сходную структуру и много общих элементов. Такая схожесть описаний позволила Чиксентми-

¹ См.: Csikszentmihalyi M. *Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games*. Chicago, 1975.

хайи выделить «ядро» субъективных переживаний, сопровождающих внутренне мотивированную деятельность. Этим переживаниям в целом он дал название «опыта потока» (flow experience) или просто потока (flow). Это слово наиболее часто использовали респонденты, описывая свой опыт.

Поток представляет собой комплекс переживаний, состоящий из следующих элементов: (1) оценка требований ситуации как соответствующих воспринимаемым возможностям и умениям субъекта (т.е. их баланс); (2) чувство контроля своих действий и окружения; (3) ясные цели или требования к действиям и быстрая, недвусмысленная обратная связь; (4) «отсутствие Я» — потеря самоосознания; (5) слияние действия и осознания; (6) высокая степень концентрации внимания; и, наконец, (7) упомянутое выше свойство аутоотеличности, т.е. наличие внутренних наград в самом опыте. Рассмотрим эти характеристики подробнее.

1. Баланс требований и умений. Аутоотелическая деятельность обычно описывается респондентами как «бросающая вызов», предъявляющая высокие требования. Однако эти требования не должны быть чрезмерными. Они должны соответствовать возможностям, предоставляемым ситуацией, и умениям субъекта, чтобы деятельность, с одной стороны, давала чувство силы и владения ситуацией, а с другой — была «поглощающей», требующей полной самоотдачи. Следует подчеркнуть, что данное соответствие является чисто субъективным и может не коррелировать с реальной степенью овладения деятельностью (определяемой, например, спортивным разрядом). В качестве «вызовов ситуации» выступают задачи, поставленные субъектом перед собой или сознательно им принятые. Умения тоже определяются как субъективное восприятие себя умелым. Это свойство позволяет опыту потока быть практически независимым от реальной ситуации.

2. Контроль. При оптимальном соотношении (т.е. соответствии друг другу) требований и умений действия сопровождаются чувством полного контроля ситуации. В переживании субъекта этот элемент опыта потока может варьировать от простого «отсутствия опасений потерять контроль» до чувства титанической силы и власти. Причем такие переживания могут порождаться в деятельности, казалось бы, совсем к ним не располагающей. Например, один шахматист описывал свои ощущения во время игры следующим образом: «Я получаю титаническое ощущение власти. Я чувствую себя бесконечно сильным, мне кажется, что судьба всех остальных людей в моих руках. Я хочу убивать!»¹. Кроме того, контроль может переживаться как полная уверенность в правильности своих действий. В самоотчетах респондентов довольно часто встречаются фразы типа: «Я чувствую, что просто не могу сделать неверного шага»; «Все, что ты делаешь — существенно, каждое движение превосходно и необходимо»².

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 104, 136.

3. Ясные цели и обратная связь. В состоянии потока деятельность управляется четкими правилами. В каждый данный момент человек точно знает, что ему нужно делать дальше. Можно сказать, что аутоотелическая деятельность создает собственную редуцированную реальность, замкнутый микромир, в котором не существует противоречий. У человека, находящегося внутри него, не возникает сомнений или проблемы выбора. Существует один и только один правильный способ действий. Оценка происходит автоматически, без участия рефлексии. «Чувствую: хорошо или плохо»¹ — так обычно описывается это состояние.

4. Отсутствие Я. Это переживание, на наш взгляд, наиболее точно описывается словом «самозабвение». Действуя, человек забывает себя, не может ответить на вопрос: «кто я?». Однако, «потеря Я» не означает потерю чувства реальности собственного существования. Теряется только «представление Я», — знание о себе в терминах социально-ролевой принадлежности. «Это приятное чувство растворенности. Ты становишься как робот, нет, скорее как животное ... теряясь в кинестетических ощущениях барса, царящего над скалами». Так описывает это переживание один из альпинистов².

5. Слияние действия и осознания. Это переживание растворенности в действиях, нераздельности себя и окружения, гармонии с ситуацией. «Ты больше не участвующий наблюдатель, ты только участник. Ты двигаешься в гармонии со всем остальным, ты часть чего-то»³. Исчезает рефлексия, сознательная оценка и управление действиями. Действия следуют друг за другом согласно какой-то своей внутренней логике и кажутся не нуждающимися в сознательном вмешательстве деятеля. При этом ясное осознание своего тела и своих движений, как правило, сохраняется. Хорошей иллюстрацией такого рода переживаний является цитата из интервью танцора: «Я думаю, я осознаю себя, но я не использую это осознание так, как использую его обычно. Я осознаю себя, но когда я танцую, я не использую мое осознание для того, чтобы контролировать себя или направлять движения моего тела. По-видимому, я просто существую»⁴.

6. Концентрация внимания. Все вышеописанные переживания неразрывно связаны с еще одним важнейшим аспектом потока — концентрацией внимания. В состоянии потока человек не думает ни о чем, кроме непосредственно выполняемых действий. «Когда я начинаю работу, я как будто закрываюсь от всего мира»⁵. Интенсивная концентрация может под-

¹ См.: Csikszentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975. P. 125.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 123.

держиваться длительное время без каких-либо усилий. «Моя концентрация как дыхание. Я никогда не думаю о ней»¹. Все внешние по отношению к деятельности содержания уходят из сознания, исчезают воспоминания о неприятностях и проблемах, не связанных с наличной ситуацией. Респонденты сравнивали воздействие этого опыта с результатами психотерапии. Следствием такой концентрации могут быть отмечаемые в этом состоянии изменения восприятия окружающего, нарушение чувства времени (часы проходят как минуты) и т.п.

Все эти элементы Чиксентмихайи включил в операциональное определение потока. Иначе говоря, присутствие в том или ином виде в самоотчете испытуемого вышеописанных переживаний, а также оценка им данной деятельности как самоценной позволяет идентифицировать опыт этой деятельности как опыт потока.

Кроме основных характеристик, можно указать еще некоторые, не являющиеся определяющими, но так же характерные для потока. Так, деятельность, в которой он появляется, нередко воспринимается участниками как несоревновательная и творческая. При ответе на пункт вопросника «На что больше всего похожа эта деятельность?» большинство респондентов выбрали альтернативу «Понимание или открытие чего-то нового».

Итак, на первом этапе был описан особый опыт, названный опытом потока. Это определенный вид переживания, которое человек испытывает в процессе какой-либо деятельности, причем само это переживание имеет самостоятельную ценность, независимо от содержания деятельности и может служить достаточным стимулом для продолжения или возобновления деятельности, в которой оно появилось.

Факторы потока

Основным, определяющим, фактором Чиксентмихайи считает соответствие воспринимаемых требований ситуации и возможностей для действия воспринимаемым способностям к действию и умениям субъекта. При нарушении этого оптимального соотношения в сторону превосходства умений над требованиями деятельность перестает приносить удовольствие и становится скучной. Сдвиг в противоположную сторону, т.е. когда требования превышают умения, тоже сопровождается сменой знака переживания на отрицательный: в таких случаях человек испытывает тревогу, чувство беспомощности перед захлестывающими его требованиями. Зависимость качества опыта от соотношения требований (вызовов) и умений схематически показана на рис. 1.

На горизонтальной оси графика рис. 1 представлены умения, а по вертикальной — требования (вызовы). В случае их соответствия (зона, выделенная штриховкой) человек испытывает так называемый оптимальный

¹ Там же. С. 86.

Рис 1. Модель состояния потока
(по: Csikszentmihalyi, 1975, с. 49)

опыт, наслаждение от деятельности или состояние потока. При нарушении этого соответствия в сторону превосходства требований (область над диагональю) возникает сначала беспокойство, а затем чувство тревоги. Отклонение в противоположную сторону вначале приводит к скуке, которая переходит в тревогу, когда несоответствие становится слишком большим.

Как отмечалось выше, соответствие между требованиями и умениями является чисто субъективным и, хотя в какой-то мере зависит от объективных показателей успешности деятельности, не определяется ими полностью. Возможность достижения такого баланса в данный момент в свою очередь определяется двумя независимыми факторами: характеристиками деятельности и личностными свойствами субъекта.

Рассмотрим фактор деятельности. Как уже было отмечено, существенной чертой опыта потока является его независимость от конкретного содержания той деятельности, в которой он возникает. Однако поток появляется внутри одних деятельностей чаще, чем внутри других. Общими характеристиками таких активностей являются:

- 1) четкая структурированность деятельности, т.е. объективное наличие в ней ясных целей и быстрой, однозначной обратной связи;
- 2) в деятельности должна присутствовать в явном виде возможность для субъекта самому варьировать требования и ставить себе задачи;
- 3) стимулы, релевантные деятельности, должны быть легко отличимы от нерелевантных; искусственное ограничение стимульного поля тоже облегчает вхождение в поток.

Возникновению опыта потока способствует также предрасположенность человека воспринимать данную деятельность как приносящую удовольствие, самооценную, не ориентированную на результат. В действи-

тельности, количество активностей, мотивированных чисто внутренне, сравнительно невелико. Большинство деятельностей так или иначе подкрепляется извне, но, согласно самоотчетам, в подавляющем числе случаев потока ведущую роль играет внутренняя мотивация. Предрасположенность к восприятию той или иной деятельности как внутренне мотивированной во многом зависит от культуры, в которой живет индивид и его социального окружения. Любое общество предоставляет своим членам особые деятельности досуга, специально предназначенные для получения удовольствия. Существуют и более специфические культурные влияния. Так, например, во многих восточных культурах существуют особые системы религиозных предписаний, выполняющих, по сути, функцию ориентации на поток. Основными для них являются ориентация на настоящее: «не жалея о прошлом и не тревожась о будущем» и принцип «действуй, не думая о результатах», т.е. как бы выделение себя из временной и причинно-следственной перспективы¹. Подобные рекомендации встречаются и в современных психотерапевтических системах, например, знаменитое «действуйте здесь и теперь» или «ориентация на бытие»².

Свободный выбор деятельности, исходное (до возникновения потока) отсутствие конкурирующей мотивации так же выступает как фактор аутоотеличности, хотя, по мнению Чиксентмихайи, не является обязательным. Даже вынужденный труд может доставлять удовольствие при достижении баланса требований и умений. Но возможность трансформации первоначально неприятной деятельности в приносящую удовольствие вплотную зависит от личностных свойств самого человека. Путем так называемого когнитивного реструктурирования, включающего в себя: (а) направление внимания на другие аспекты ситуации и собственной деятельности в ней, (б) постановку дополнительных задач или наоборот, (в) игнорирование непосильных требований, возможно достичь переживания потока в любой деятельности, ничего не меняя в реальной ситуации. Показано, что даже монотонная работа на конвейере некоторым людям может приносить положительные переживания³.

Было выявлено, что люди различаются в своей способности к когнитивному реструктурированию. Эта способность коррелирует с некоторыми личностными чертами, т.е. люди определенного типа склонны чаще переживать подобный опыт. По наблюдениям Р. Логана, этим людям обычно свойственны большая направленность вовне, на окружающее, отсутствие склонности к рефлексии и высокий уровень самоконтроля⁴. Им удается с

¹ См.: Судзуки Д. Основы Дзен-Буддизма. Бишкек, 1993.

² См. напр.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

³ См.: Csikszentmihalyi M., Graef R. The Experience of Freedom in Everyday Life // American Journal of Community Psychology. 1980. Vol. 8. P. 401-414.

⁴ См.: Logan R. // Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I. (ed.). Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness. Cambridge, 1988.

помощью когнитивного переструктурирования достичь потока даже в самых неблагоприятных к этому условиях. Более того, для такой аутоэстетической личности потоком может стать вся жизнь.

Измерение опыта потока в повседневной жизни

Кроме вышеописанных качественных характеристик опыта потока было выделено количественное его измерение, названное сложностью или полнотой опыта. Переживания потока составляют континуум, верхний полюс которого представляет состояние «глубокого потока», характеризующееся наличием всех вышеуказанных элементов, а также особо интенсивными переживаниями чувства контроля, силы, власти, слияния с окружением. Противоположный полюс, названный микропотоком (micro-flow) обладает этими характеристиками в минимальной степени.

Переживания глубокого потока обычно оцениваются как резко отличные от опыта обыденной жизни, «более высокие». Поток максимальной степени близок к визионерскому опыту. Такое переживание сопровождается чувством вселенской гармонии, просветления. Все воспринимаемое приобретает новый, особый смысл. Человек переживает «океанические чувства» единения с миром, осознает смысл своего существования. Полный перечень отличий опыта глубокого потока (на примере скалолазов) от опыта повседневной жизни приведен в таблице 1.

Понятие микропотока Чиксентмихайи вводит также и для объяснения существования в обыденной жизни каждого человека целого ряда бесполезных и внешне никак не подкрепляемых активностей, таких как похаживание туда-сюда, насвистывание какого-нибудь мотива, верчение в руках предмета и т.п. Автор полагает, что деятельности такого рода позволяют человеку контролировать свой опыт, дают чувство внутренней свободы, структурируют время и являются защитой от скуки и тревоги.

Первые исследования микропотока проводились с помощью дневников, куда испытуемые должны были записывать все необязательные и внешне не вознаграждаемые деятельности, которыми они занимались в течение 48 часов. Таким образом были выявлены паттерны активностей, используемых испытуемыми для получения состояния микропотока. В самоотчетах испытуемых было указано множество такого рода активностей, которые автор разбил на шесть основных групп: (1) деятельность в плане воображения (мечтания, разговор с самим собой, с растениями и с домашними животными, напевание про себя); (2) восприятие (праздное наблюдение за другими людьми и предметами, просмотр телевизора, слушание радио или магнитофона, чтение); (3) оральная деятельность (курение, жевание жевательной резинки); (4) моторная активность (похаживание туда-сюда, прогулки, физические упражнения, верчение в руках цепочки,

брелка и других предметов); (5) творческая деятельность (рисование, музицирование, шитье, писание писем, рисование каракулей); (6) социальная активность (хождение по магазинам, болтовня, участие в вечеринках, секс). В результате оказалось, что самой распространенной группой деятельности микропотока является социальная (82% испытуемых), на втором месте — моторная деятельность (61%), на третьем — активность воображения (32%), на четвертом — восприятие (31%) и на пятом — оральная (27%). В общем числе отмеченных активностей оральная и творческая деятельность занимали около 10%, больше всего было названо социальных актив-

Таблица 1

Опыт глубокого потока в скалолазании
(по: Csikszentmihalyi, 1975)¹

Обычная жизнь	Опыт скалолазания
Информационный шум: отвлечения и неустойчивое внимание	Однонаправленность сознания
Нечеткость ограничений, требований, мотивации, решений и обратной связи	Ясность и управляемость ограничений, требований, мотивации, решений и обратной связи
Разделение действия и осознания	Слияние действия и осознания
Скрытые, непредсказуемые опасности, неуправляемые страхи	Опасности очевидны, их можно оценить и контролировать
Тревога, беспокойство, смятение	Счастье, здоровье, дальновидность.
Рабское подчинение часам, жизнь в постоянной спешке	Время вне времени, безвременье (потеря чувства времени)
Постоянный бег за приманкой, озабоченность внешним, материальным и социальным вознаграждением, направленность на результат	Ориентация на процесс, интерес к самоценным, внутренним наградам, стремление к бесполезному
Разделение сознания и тела	Интеграция сознания и тела
Непонимание себя, ложное самосознание, конфликт между разными Я	Понимание «истинного Я», интеграция личности
Приблемы в общении с другими людьми, маски, статусы, социальные роли, вносящие неравноправие, ложная независимость или ошибочная зависимость	Прямое и непосредственное общение с людьми на равных, реальная и добровольно принимаемая зависимость от других
Неопределенность с местом человека в природе и во вселенной; нарушение законов природы, уничтожение природы	Чувство места человека во вселенной, единство с природой
Поверхностные интересы, отсутствие глубины, плоские смыслы	Глубина, насыщенность, встреча с истинно важным

¹ Цит. по: Crook J.H. The Evolution of Human Consciousness. Oxford, Eng., 1980. P. 322.

ностей (29%), а моторных, воображения и восприятия было 25, 20 и 16%, соответственно. С возрастом количество всех, кроме социальной, активностей микропотока уменьшается. Кроме того, было обнаружено, что тип предпочитаемых деятельности микропотока коррелирует с некоторыми личностными чертами, такими, как отчуждение или чувство собственной неполноценности (напр., отчужденность коррелирует с предпочтением оральной активности и деятельности воображения).

Было проведено специальное исследование, в котором 20-ти испытуемым давалась инструкция избегать таких деятельностей в течении 48 ч. Результаты этого исследования показали, что в целом депривация микропотока отрицательно сказывается на настроении и самочувствии испытуемых. Они чувствовали себя более напряженными, раздражительными, настороженными, недружелюбными и угнетенными, чем обычно. Некоторые самоотчеты, полученные в период депривации, напоминали самоотчеты больных шизофренией. Все это позволило сделать вывод о важности и необходимости переживания опыта микропотока для нормального функционирования психики¹.

Следующим этапом изучения потока в обыденной жизни явилось применение метода выборочного описания опыта (Experience Sampling Method, в дальнейшем *ESM*). *ESM* представляет собой методику, позволяющую, не вырывая испытуемого из обыденной жизни, получить от него подробный отчет о его действиях, мыслях, состоянии, т.е., фактически, мгновенный срез потока сознания. Испытуемому дается пачка опросных листов и специальное устройство, которое он должен постоянно носить с собой. С помощью этого устройства в случайные моменты времени в течение дня ему посылается сигнал, по которому он должен прервать, если это возможно, текущую деятельность и заполнить опросный лист².

Вопросы, включенные в *ESM*, позволяют получить информацию о «внешних и внутренних координатах опыта». Под внешними координатами подразумеваются события и действия испытуемого. Информацию о них несут ответы на вопросы типа: «Где Вы находитесь?», «Что Вы делаете?» и т.п. Внутренними координатами опыта считаются эмоции, познавательные процессы и мотивация (или воля). Эмоциональная составляющая измеряется с помощью шкал семантического дифференциала, включающих пункты «аффекта» (например: веселый — грустный) и «активации» (возбужденный — спокойный). Когнитивная эффективность измеряется однонаправленными шкалами типа: «Насколько Вы сосредоточены?», «Насколько Вам трудно сосредоточиться?».

¹ См.: Csikszentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

² См.: Csikszentmihalyi M., Larson R. Validity and Reliability of the Experience Sampling Method // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol.175. № 9. P. 529–536; Massimini F., Carli M. The Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness / Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I. (Eds.). Cambridge, 1988.

«Насколько Вы осознаете себя?» По мнению авторов, это измерение отражает возможность человека эффективно использовать свою психическую энергию. И, наконец, на мотивационный компонент опыта направлены вопросы о причинах выбора данной деятельности и желании заниматься ею. Кроме этого, в опросник включены пункты о воспринимаемом соотношении вызовов и умений в текущей деятельности, переживании времени и т.п. Таким образом, опросный лист позволяет получить информацию о присутствии или отсутствии практически всех элементов потока. В зависимости от целей конкретного исследования эти пункты могут быть модифицированы или дополнены. Этот метод нашел достаточно широкое применение: мониторинг опыта повседневной жизни испытуемых, выделение регулярных паттернов в потоке сознания и обнаружение их связей с чертами личности испытуемого или ситуативным контекстом¹. Но мы остановимся только на его вкладе в исследования собственно опыта потока.

Одна из задач заключалась в проверке предположения о том, что поток действительно является оптимальным опытом, т.е. что баланс воспринимаемых требований и умений сопровождается высокими показателями по всем остальным измерениям элементов опыта. В более широкой формулировке эта задача состояла в проверке следующего из концептуальной модели (рис. 1) вывода о функциональной зависимости качества опыта от соотношения требований и умений. Первые результаты оказались обескураживающими: из всех показателей ESM с наличием баланса воспринимаемых требований и умений коррелировал лишь один — желание заниматься данной деятельностью. Следовательно, подтвердилась только гипотеза о том, что опыт потока является внутренне мотивированным. Но такой опыт вовсе не обязательно был оптимальным. Теоретическая концепция нуждалась в доработке, которую и произвел Ф. Массимини. Он выдвинул предположение о том, что для достижения высоких показателей по шкалам счастья, удовлетворенности, концентрации и т.д. недостаточно, чтобы воспринимаемые требования и умения находились в равновесии, нужно еще, чтобы они превышали средний для данного человека уровень. Если этого не происходит, человек будет находиться в состоянии апатии, характеризующейся наиболее низкими показателями по всем шкалам, т.е. ситуация почти полного отсутствия требований при столь же незначительных умениях, согласно Массимини, порождает опыт даже более негативный, чем скука или тревога. Эта гипотеза была подтверждена результатами многочисленных исследований с использованием ESM².

¹ См.: Csikszentmihalyi M., Larson R. Validity and Reliability of the Experience Sampling Method // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol. 175. № 9. P. 529–536.

² См.: Massimini F., Csikszentmihalyi M., Carli M. The Monitoring of Optimal Experience. A Tool for Psychiatric Rehabilitation // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol. 175. № 9. P. 545–549; Massimini F., Carli M. The Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness / Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I. (Eds.). Cambridge, 1988.

Как видно из рис. 2, качество опыта зависит не только от соотношения воспринимаемых требований и умений, но и оценки тех и других относительно субъективного среднего. В результате сочетаний различных уровней требований и умений в данной модели выделяются восемь состояний, отличающихся по своим феноменальным характеристикам. Состояние потока возникает только в одной из восьми зон, где уровни требований и умений соответствуют друг другу и превышают субъективные средние. Четыре из показанных на рисунке состояний считаются основными: поток, скука, тревога и апатия.

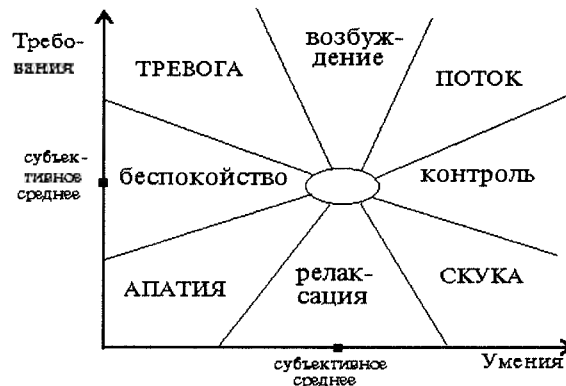

Рис. 2. Схема зависимости переживаемых состояний от воспринимаемого соотношения требований и умений (по: *Massimini, Carli, 1988*)

На рис. 3 представлена зависимость измерений опыта от основных состояний. Следует подчеркнуть, что ранняя модель потока теперь рассматривается как частный случай этой схемы. Видно, что в состоянии потока все эти показатели достигают своего максимума, а при апатии они минимальны. Состояние скуки характеризуется относительно высоким контролем при отсутствии концентрации, тревога же сопровождается довольно высокой концентрацией и потерей контроля. Удовольствие от деятельности, получаемое в этих двух состояниях, невелико, но все же немного выше, чем при апатии.

Согласно Чиксентмихайи, поток является ведущим фактором, двигателем развития человека и общества в целом. Чтобы понять, как это происходит, рассмотрим динамику опыта в процессе занятия какой-либо деятельностью. По мере упражнения в деятельности умения совершенствуются и в некоторый момент начинают превышать требования. Деятельность перестает приносить наслаждение, становится скучной. Поскольку утра-

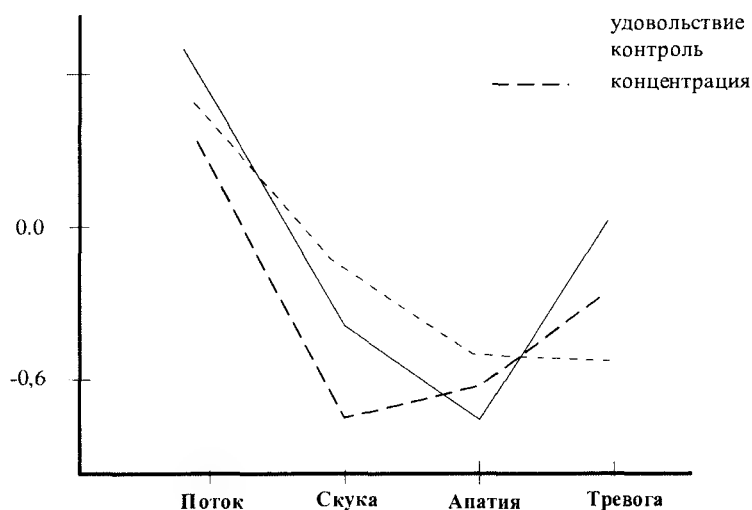

Рис. 3. Зависимость измерений опыта от состояний, определяемых соотношением требований и умений (по: *Massimini, Carli, 1988*): по вертикальной оси отложены средние нормированные значения показателей качества опыта по ESM; по горизонтальной оси — четыре базовых состояния, определяемых по соотношению требований и умений

тять уже приобретенные умения практически невозможно, единственный путь для возвращения баланса — взяться за более сложную задачу. Для поддержания состояния потока человеку приходится все время искать что-то новое, чтобы на полную мощность использовать свое внимание и возросшие умения, вырабатывать новые навыки, чтобы противостоять более сложным требованиям (вызовам).

Но наслаждение деятельностью может привести не только к положительным последствиям. Если человек слишком вовлечен в деятельность, он может стать настолько зависимым от узкого множества вызовов, что вне этой области все будет казаться ему скучным и бессмысленным. Превращая работу в наркотик, аутотелический опыт может сделать человека зависимым от нее.

В обыденной жизни в современном индустриальном обществе переживание потока стало довольно редким. Опыт обыденной жизни не структурирован, «постоянные случайности буквально вламываются в нашу концентрацию». Это заставляет людей искать поток в деятельности досуга и в результате приводит к тому, что «жизнь человека разрывается между нудной работой и бесполезным отдыхом»¹.

¹ Csikszentmihalyi M. Leisure and Socialization // *Social Forces*. 1981. Vol.60. №. 2. P. 112.

В последнее десятилетие в работах Чиксентмихайи и его последователей произошла экспансия данного направления на соседние области знания: социальную психологию, антропологию, культурологию. Решаются задачи определения места опыта потока в развитии культуры, оценки его роли в функционировании социальных систем и т.п.¹. К сожалению, вопрос о психологических механизмах, лежащих в основе этого феномена, практически не обсуждается, тогда как в работах более раннего периода эта проблема неоднократно поднималась, причем авторы подчеркивали ведущую роль внимания как одной из ключевых детерминант данного явления².

¹ См.: Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I. (Eds.) Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness. Cambridge, 1988; Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. N. Y., 1990; Csikszentmihalyi M. The Evolving Self: A Psychology of Third Millennium. N. Y., 1993; Csikszentmihalyi M. Finding Flow. N. Y., 1997.

² См.: Csikszentmihalyi M. Attention and the Holistic Approach to Behavior // The Stream of Consciousness / Pope K.S., Singer J.K. (Eds.). N. Y., 1978; см. также Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1999. С. 245–252.

7 Мотивация и личность. Защитные механизмы личности

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

[МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ]¹

Природа тревоги

Самые первые результаты Фрейда в терапии расстройств, которые по своему происхождению были скорее психическими, чем физиологическими, вызвали у него интерес к происхождению тревоги. Эта заинтересованность впервые привела его (в 1890-е годы) к предположению о том, что тревога, испытываемая многими его пациентами-невротиками, являлась следствием неадекватной разрядки энергии либидо. В дальнейшем он заключил, что состояние нарастающего напряжения является результатом не находящей выхода энергии либидо. Возбуждение, не завершившееся разрядкой, преобразуется и проявляется в неврозах страха. Однако по мере накопления опыта в лечении неврозов Фрейд пришел к пониманию, что подобная интерпретация тревоги и страха является неверной. Спустя 30 лет он пересмотрел свою теорию и пришел к следующему выводу: тревога является функцией Эго и назначение ее состоит в том, чтобы предупреждать индивидуум о надвигающейся угрозе, которую надо встретить или избежать. Тревога как таковая дает возможность личности реагировать в угрожающих ситуациях адаптивным способом².

Откуда берет начало тревога

Согласно приведенному тезису, первичный источник испытываемой человеком тревоги коренится в неспособности новорожденного справляться с внутренним и внешним возбуждением. Так как младенцы не способны контролировать свой новый мир, их переполняет диффузное чувство

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2000. С. 127–133.

² См.: Freud S. Inhibitions, symptoms, and anxiety. London: Hogarth, 1926. Vol. 20.

надвигающейся опасности. Эта ситуация вызывает травмирующее состояние, известное как *первичная тревога*, примером которой может служить сам процесс рождения. С точки зрения Фрейда, переживание биологического отъединения от матери является травмирующим, и поэтому последующие ситуации разъединения (например, ребенок остается один; он покинут в темноте или обнаружил незнакомого человека там, где ожидал найти мать) вызывают реакцию сильной тревоги. Подобное ощущение сильного стресса и беспомощности переживается при рождении, отлучении от груди, а позднее проявляется в страхе кастрации. Все такого рода переживания приводят к возрастанию напряжения и мрачным предчувствиям.

Типы тревоги: каким образом люди ощущают тревогу?

В зависимости от того, откуда исходит угроза для *Эго* (из внешнего окружения, от *Ид* или *Суперэго*), психоаналитическая теория выделяет три типа тревоги.

Реалистическая тревога. Эмоциональный ответ на угрозу и/или понимание реальных опасностей внешнего мира (например, опасные животные или выпускной экзамен) называется *реалистической тревогой*. Она в основном является синонимом страха и может ослаблять способность человека эффективно справиться с источником опасности. Реалистическая тревога стихает, как только исчезает сама угроза. В целом, реалистическая тревога помогает обеспечить самосохранение.

Невротическая тревога. Эмоциональный ответ на опасность того, что неприемлемые импульсы со стороны *Ид* станут осознанными, называется *невротической тревогой*. Она обусловлена боязнью, что *Эго* окажется неспособным контролировать инстинктивные побуждения, особенно сексуальные или агрессивные. Тревога в данном случае проистекает из страха, что, когда ты сделаешь что-то ужасное, это повлечет за собой тяжелые отрицательные последствия. Так, например, маленький ребенок быстро усваивает, что активная разрядка его побуждений либидо или деструктивных стремлений будет чревата угрозой наказания со стороны родителей или других социальных фигур. Невротическая тревога первоначально переживается как реалистическая, потому что наказание обычно исходит из внешнего источника. Поэтому разворачиваются защитные механизмы *Эго*, имеющие целью сдерживание инстинктивных импульсов ребенка — в результате последние всплывают на поверхность только в форме общего опасения. И только тогда, когда инстинктивные импульсы *Ид* угрожают прорваться через *Эго*-контроль, возникает невротическая тревога.

Моральная тревога. Когда *Эго* испытывает угрозу наказания со стороны *Суперэго*, результирующий эмоциональный ответ называется мо-

ральной тревогой. Моральная тревога возникает всегда, когда *Ид* стремится к активному выражению безнравственных мыслей или действий, и *Суперэго* отвечает на это чувством вины, стыда или самообвинения. Моральная тревога происходит от объективного страха родительского наказания за какие-то поступки или действия (например, за непристойные ругательства или воровство в магазине), которые нарушают перфекционистские требования *Суперэго*. *Суперэго* направляет поведение в русло действий, вписывающихся в моральный кодекс индивидуума. Последующее развитие *Суперэго* ведет к социальной тревоге, которая возникает в связи с угрозой исключения из группы сверстников из-за неприемлемых установок или действий. Позднее Фрейд убедился в том, что тревога, берущая свое начало из *Суперэго*, в конечном счете вырастает в страх смерти и ожидание возмездия за прошлые или настоящие грехи в загробной жизни.

Защитные механизмы Эго

Основная психодинамическая функция тревоги — помогать человеку избегать осознанного выявления у себя неприемлемых инстинктивных импульсов и поощрять удовлетворение этих импульсов надлежащими способами в подходящее время. Защитные механизмы *Эго* помогают осуществлению этих функций, а также охраняют человека от захлестывающей его тревоги. Фрейд определял защитные механизмы *Эго* как сознательную стратегию, которую использует индивид для защиты от открытого выражения импульсов *Ид* и встречного давления со стороны *Суперэго*. Фрейд полагал, что *Эго* реагирует на угрозу прорыва импульсов *Ид* двумя путями: 1) блокированием выражения импульсов в сознательном поведении или 2) искажением их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону.

Все защитные механизмы обладают двумя общими характеристиками: 1) они действуют на неосознанном уровне и поэтому являются средствами самообмана и 2) они искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивидуума. Следует также заметить, что люди редко используют какой-либо единственный механизм защиты — обычно они применяют различные защитные механизмы для разрешения конфликта или ослабления тревоги¹. Некоторые основные защитные стратегии мы рассмотрим ниже.

Вытеснение. Фрейд рассматривал вытеснение как первичную защиту *Эго* не только по той причине, что оно является основой для формирования более сложных защитных механизмов, но также потому, что оно

¹ См.: Cramer P. The development of defense mechanisms // Journal of Personality. 1987. 55. P. 597–614.

обеспечивает наиболее прямой путь ухода от тревоги. Описываемое иногда как «мотивированное забывание», вытеснение представляет собой процесс удаления из осознания мыслей и чувств, причиняющих страдания. В результате действия вытеснения индивидуумы не осознают своих вызывающих тревогу конфликтов, а также не помнят травматических прошлых событий. Например, человек, страдающий от ужасающих личных неудач, благодаря вытеснению может стать неспособным рассказать об этом своем тяжелом опыте.

Освобождение от тревоги путем вытеснения не проходит бесследно. Фрейд считал, что вытесненные мысли и импульсы не теряют своей активности в бессознательном, и для предотвращения их прорыва в сознание требуется постоянная трата психической энергии. Эта непрерывная трата ресурсов Эго может серьезно ограничивать использование энергии для более адаптивного, направленного на собственное развитие, творческого поведения. Однако постоянное стремление вытесненного материала к открытому выражению может получать кратковременное удовлетворение в сновидениях, шутках, оговорках и других проявлениях того, что Фрейд называл «психопатологией обыденной жизни». Более того, согласно его теории вытеснение играет роль во всех формах невротического поведения, в психосоматических заболеваниях (таких, например, как язвенная болезнь), психосексуальных нарушениях (таких, как импотенция и фригидность). Это основной и наиболее часто встречающийся защитный механизм.

Проекция. Как защитный механизм по своей теоретической значимости проекция следует за подавлением. Она представляет собой процесс, посредством которого индивидуум приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и поведение другим людям или окружению. Таким образом, проекция позволяет человеку возлагать вину на кого-нибудь или что-нибудь за свои недостатки или промахи. Игрок в гольф, критикующий свою клюшку после неудачного удара, демонстрирует примитивную проекцию. На другом уровне мы можем наблюдать проекцию у молодой женщины, которая не осознает, что борется со своим сильным сексуальным влечением, но подозревает каждого, кто с ней встречается, в намерении ее соблазнить. Наконец, классический пример проекции — студент, не подготовившийся как следует к экзамену, приписывает свою низкую оценку нечестно проведенному тестированию, мошенничеству других студентов, или возлагает вину на профессора за то, что тот не объяснил эту тему на лекции. Проекцией также объясняются социальные предрассудки и феномен «козла отпущения», поскольку этнические и расовые стереотипы представляют собой удобную мишень для приписывания кому-то другому своих негативных личностных характеристик¹.

¹ См.: Adorno I., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. The authoritarian personality. N.Y.: Harper and Row, 1950.

Замещение. В защитном механизме, получившем название замещение, проявление инстинктивного импульса переадресовывается от более угрожающего объекта или личности к менее угрожающему. Распространенный пример — ребенок, который, после того как его наказали родители, толкает свою младшую сестру, пинает ее собачку или ломает ее игрушки. Замещение также проявляется в повышенной чувствительности взрослых к малейшим раздражающим моментам. Например, чересчур требовательный работодатель критикует сотрудницу, и она реагирует вспышками ярости на незначительные провокации со стороны мужа и детей. Она не осознает, что, оказавшись объектами ее раздражения, они просто замещают начальника. В каждом из этих примеров истинный объект враждебности замещается гораздо менее угрожающим для субъекта. Менее распространена такая форма замещения, когда оно направлено против себя самого: враждебные импульсы, адресованные другим, переадресуются себе, что вызывает ощущение подавленности или осуждение самого себя.

Рационализация. Другой способ для Эго справиться с фрустрацией и тревогой — это исказить реальность и, таким образом, защитить самооценку. Рационализация имеет отношение к ложной аргументации, благодаря которой иррациональное поведение представляется таким образом, что выглядит вполне разумным и поэтому оправданным в глазах окружающих. Глупые ошибки, неудачные суждения и промахи могут найти оправдание при помощи магии рационализации. Одним из наиболее часто употребляемых видов такой защиты является рационализация по типу «зелен виноград». Это название берет начало из басни Эзопа о лисе, которая не могла дотянуться до виноградной кисти и поэтому решила, что ягоды еще не созрели. Люди рационализируют таким же образом. Например, мужчина, которому женщина ответила унижительным отказом, когда он пригласил ее на свидание, утешает себя тем, что она совершенно не привлекательна. Сходным образом, студентка, которой не удалось поступить на стоматологическое отделение медицинского института, может убеждать себя в том, что она на самом деле не хочет быть стоматологом.

Реактивное образование. Иногда Эго может защищаться от запретных импульсов, выражая в поведении и мыслях противоположные побуждения. Здесь мы имеем дело с *реактивным образованием*, или обратным действием. Этот защитный процесс реализуется двухступенчато: во-первых, неприемлемый импульс подавляется; затем на уровне сознания проявляется совершенно противоположный. Противодействие особенно заметно в социально одобряемом поведении, которое при этом выглядит преувеличенным и негибким. Например, женщина, испытывающая тревогу в связи с собственным выраженным сексуальным влечением, может стать в своем кругу непреклонным борцом с порнографическими фильмами. Она может даже активно пикетировать киностудии или писать письма протеста в кинокомпанию, выражая в них сильную озабоченность

деградацией современного киноискусства. Фрейд писал, что многие мужчины, высмеивающие гомосексуалистов, на самом деле защищаются от своих собственных гомосексуальных побуждений.

Регрессия. Еще один известный защитный механизм, используемый для защиты от тревоги, — это *регрессия*. Для регрессии характерен возврат к ребячливым, детским моделям поведения. Это способ смягчения тревоги путем возврата к раннему периоду жизни, более безопасному и приятному. Узнаваемые без труда проявления регрессии у взрослых включают несдержанность, недовольство, а также такие особенности, как «надуться и не разговаривать» с другими, детский лепет, противодействие авторитетам или езда в автомобиле с безрассудно высокой скоростью.

Сублимация. Согласно Фрейду, *сублимация* является защитным механизмом, дающим возможность человеку в целях адаптации изменить свои импульсы таким образом, чтобы их можно было выражать посредством социально приемлемых мыслей или действий. Сублимация рассматривается как единственно здоровая, конструктивная стратегия обуздания нежелательных импульсов, потому что она позволяет Эго изменить цель или/и объект импульсов без сдерживания их проявления. Энергия инстинктов отводится по другим каналам выражения — тем, которые общество полагает приемлемыми¹. Например, если со временем мастурбация вызывает у юноши все большую и большую тревогу, он может сублимировать свои импульсы в социально одобряемую деятельность — такую, как футбол, хоккей или другие виды спорта. Сходным образом женщина с сильными неосознанными садистическими наклонностями может стать хирургом или первоклассной романисткой. В этих видах деятельности она может демонстрировать свое превосходство над другими, но таким способом, который будет давать общественно полезный результат.

Фрейд утверждал, что сублимация сексуальных инстинктов послужила главным толчком для великих достижений в западной науке и культуре. Он говорил, что сублимация сексуального влечения является особенно заметной чертой эволюции культуры — благодаря ей одной стал возможен необычайный подъем в науке, искусстве и идеологии, которые играют такую важную роль в нашей цивилизованной жизни².

Отрицание. Когда человек отказывается признавать, что произошло неприятное событие, это значит, что он включает такой защитный механизм как *отрицание*. Представим себе отца, который отказывается поверить в то, что его дочь изнасилована и зверски убита; он ведет себя так, как будто ничего подобного не происходило. Или вообразите ребенка, от-

¹ См.: Golden G.K. Creativity: An object relations perspective // Clinical Social Work Journal. 1987. 15. P. 214–222.

² См.: Cohen J. Personality dynamics: Eye witness series in psychology. Chicago: Rand McNally, 1969. P. 34.

рицающего смерть любимой кошки и упорно продолжающего верить, что она все еще жива. Отрицание реальности имеет место и тогда, когда люди говорят или настаивают: «Этого со мной просто не может случиться», несмотря на очевидные доказательства обратного (так бывает, когда врач сообщает пациенту, что у него смертельное заболевание). Согласно Фрейду, отрицание наиболее типично для маленьких детей и индивидуумов более старшего возраста со сниженным интеллектом (хотя люди зрелые и нормально развитые тоже могут иногда использовать отрицание в сильно травмирующих ситуациях).

Отрицание и другие описанные защитные механизмы представляют собой пути, используемые психикой перед лицом внутренней и внешней угрозы. В каждом случае для создания защиты расходуется психологическая энергия, вследствие чего ограничивается гибкость и сила Эго. Более того, чем более эффективно действуют защитные механизмы, тем более искаженную картину наших потребностей, страхов и стремлений они создают. Фрейд заметил, что мы все в какой-то степени используем защитные механизмы, и это становится нежелательным только в том случае, если мы чрезмерно на них полагаемся. Зерна серьезных психологических проблем падают на благоприятную почву только тогда, когда наши способы защиты, за исключением сублимации, приводят к искажению реальности¹.

¹ См.: *Vaillant G.E. (Ed.). Empirical studies of ego mechanisms of defence. Washington, DC: American Psychiatric Press, 1986.*

М.К. Мамардашвили

[ОБ ИСКУССТВЕ ОСМЫСЛЕНИЯ АПОРИИ]¹

Эстетикой мышления можно назвать наши беседы в связи с тем, что искусство, <...> прежде всего, радость и речь у нас пойдет, я надеюсь, именно о радости мышления. <...> Очевидно, у мышления, имеющего непосредственное отношение к истине, есть своя эстетика, доставляющая порой единственную радость человеку. <...>

Иногда нам действительно ничего не остается, кроме ожидания светлой радости мысли. При этом к определению *светлая* можно добавить, <...> например, *честная*, когда достоинство человека выражается в том, что он честно мыслит. Ведь мы многое делаем по принуждению. <...> Но есть некая точка, в которой, вопреки всем силам природы и общественным силам, мы можем <...> хотя бы думать честно. И я уверен, что каждый из вас независимо от того, приходилось ли вам быть не просто в состоянии честности, а в состоянии честной мысли, знает об этом. А именно: что человек испытывает, когда в нем загорается вдруг неизвестно откуда пришедшая искра, которую можно назвать Божьей искрой. Так что существует это особое состояние некой пронзительной и <...> отрешенной, какой-то ностальгической или сладко тоскливой ясности. <...> Даже беду в мысли <...> можно воспринимать на этой звенящей <...> и, как это ни странно, радостной ноте. Хотя <...> что может быть радостным в беде?! Естественно, только то, что ты мыслишь. Оказывается, можно думать и тогда, когда тебе больно, и испытывать от этого радость. <...> Когда ты смотришь, опустив руки, и тем не менее никто у тебя не может отнять того, что ты видишь, если, разумеется, видишь.

Подобные состояния, я уверен, испытывает каждый, хотя их трудно объяснить, поскольку они растворены в других состояниях. Скажем, та-

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 9–11, 14–17, 20–27, 29–34, 37–42, 47, 49–50, 54–58, 60–63, 65–68, 70–71, 82, 85, 87–89, 91–94, 101–103, 108–111, 120–122, 124–125, 127–134, 139–142, 146, 148–152, 155–165, 174–183, 194–196, 217–218, 230–232, 259–261, 263–272, 290–293, 295, 358–360, 364–367, 381–382, 384–387, 398, 402.

кое <...> может возникать в ситуации неразделенной любви, и мы, естественно, отождествляем его с любовью, не отделяем одно от другого. <...> Или <...> – справедливость. Допустим, мы видим двух сцепившихся врагов, рвущих друг другу глотки, и знаем, что они братья родные, а они этого не знают, они продолжают борьбу. Но ты – знаешь, ты – видишь, а выразить этого не можешь, так как не можешь свое сознание о том, какова природа их действий, навязать другому, если он сам себя не понимает. Он же не понимает, что тот, кого он ненавидит, на самом деле его брат. <...> А значит, не можешь и помочь им. Но <...> в этой способности умственно видеть нота радости все же присутствует. Что бы ни случилось, как бы они друг друга ни терзали, куда бы ни покатился мир, но увиденное знание истинной связи этих людей – их братство – <...> это и называется мыслью или истиной. Это уже случилось, причем необратимо, и с этой <...> исполненностью мысли <...> связана радость. <...>

Пронзительная, сладко тоскливая ясность <...> при полной неразрешимости наблюдаемого возможна, лишь когда ты видишь ее в обнаженном виде, как таковую. <...> В юности это состояние <...> приходит к нам как молния <...> и так же быстро уходит. Не всякий научается потом всей своей жизнью и тренированными мускулами ума расширить это мгновение ясности. Сначала оно даром дается. Но <...> превратить его в устойчивый источник – <...> для этого нужен труд. Не всякий может встать на путь этого труда, <...> потому что иногда нам становится просто страшно от того, <...> перед чем нет никаких скидок, <...> компенсаций, <...> извинений, никакого алиби. <...>

Я уже не говорю о том, что в любой данный момент наша мысль существует в виде <...> собственных симулякров. *Simulacrum* по-латыни означает «призрак», «привидение», т.е. <...> подобную действительной вещи <...> ее мертвую имитацию. Но это значение перекрещивается с латинским же словом *simulator*, которое подчеркивает значение игры, <...> ибо мертвая имитация разыгрывается живым человеком. <...> Следовательно, мы видим чаще всего <...> *pale simulators* – бледные тени вещей. В <...> момент, когда вы захотите мыслить, ваша мысль, повторяю, уже существует в виде подобия мысли. <...> У кого из нас не было этого ощущения? <...> Наглядно это можно изобразить так, как если бы я на секунду встал с этого стула, <...> потом повернулся, снова захотел сесть, а там уже сижу я, какой помыслен другими, вместо меня. <...> Когда мы смотрим <...> на человека, который употребляет те же слова, что и мы, ставит вопросы, которые <...> составлены вполне логично, и при этом <...> думаем: ну не то все это. <...>

Возьмем, к примеру, пушкинскую фразу «На свете счастья нет, но есть покой и воля» и зададимся вопросом: можно ли, когда человек говорит <...> «я стремлюсь к покою», отличить покой от стремления ленивого человека <...>? <...> Особенно в контексте русской культуры, в которой присутствует <...> комплекс антимещанства и считается, что если чело-

веку хорошо, то это плохо. <...> Но <...> самое большое, на мой взгляд, чего можно хотеть, – это действительно внутреннего покоя. Но чем в таком случае отличается этот «внутренний покой» от желания покоя ленивым человеком? Как отличать одно от другого и как сформулировать вопрос? <...> Всегда есть вербальный мир (назовем его так), который <...> порождает псевдovoпросы, псевдопроблемы, псевдомысли, и отличить их от истинной мысли практически невозможно. <...>

Воспользуюсь сходством <...> с дантовским путешествием по Аду, когда Данте оказался перед зрелищем <...> «чудовища обмана», которое он-то видит ясно, но <...> чувствует, <...> что невозможно другому передать увиденное, поскольку для другого глаза (или уха) сказанные слова могут оказаться привычными. <...> И Данте чувствует: если он скажет их, то это уже будет не то, что он видит. И тогда он вдруг восклицает:

Мы истину, похожую на ложь,

Должны хранить сомкнутыми устами...¹ <...>

В то мгновение, когда вы <...> готовы высказать истину, вы вдруг обнаруживаете, что она похожа на существующую ложь. <...> Поэтому приходится молчать. <...> Но <...> люди не склонны к молчанию, и их душа начинает кричать, становится похожей на движения человека, пораженного <...> болезнью, <...> «пляской св. Витта». Болезнь эта выражается в том, что <...> все созданное для жеста и движения <...> начинает само по себе двигаться, причем в определенном порядке. <...> Скажем, рука делает жест, затем вторая рука делает такой же жест, за ней нога, и живое человеческое тело превращается в автоматический самодвижущийся механизм. Но представьте себе, что внутри этого механизма живая душа и это она совершает движения помимо ее воли. Как же она должна кричать <...> внутри цикла <...> вынужденных движений! <...> Она же где-то там за-таилась, <...> живая душа – где-то она существует?!

Если мы возьмем эту метафору <...> и предположим, что такое состояние может длиться, скажем, не пять минут и не выразаться в виде болезни, а продолжаться всю жизнь и сопровождаться непрерывным говорением, переживаниями и т.д., то это и будет экзистенциальной пляской св. Витта. Тогда мы получаем <...> знание: я могу испытывать *живое* состояние, а <...> место уже занято. <...> Следовательно, в области мысли можно испытывать не только радость, но и трагическую боль отсутствия, <...> когда <...> налаженный механизм мира <...> вытесняет, давит своей глыбой несомненное для меня живое состояние. Казалось бы, мое *Я* для меня абсолютно очевидно, а ему нет места в реальности. Обычно это и называют проблемой самовыражения, когда человек <...> страдает от непонимания других. <...>

В таких ситуациях обычно говорят: судьба или не судьба. Допустим, ты излагаешь что-то слушателям, а тебя не понимают, и ты думаешь

¹ Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967. С. 144.

про себя: ну не судьба. Не говоришь, что слушатели не умны, что сам недостаточно хорошо объяснил, нет. Т.е. мысль имеет какое-то отношение и к судьбе, а точнее, к тому, что философы называют существованием или бытием. <...> Когда мы разбираем ситуацию с живым, не уместающимся внутри пляски св. Витта, тогда мы говорим о бытии, поскольку уже сознаем себя живыми. Однако очень часто мы <...> с горечью произносим: это не жизнь, не существование. <...> Следовательно, слово «существование» появляется там, где возникает живая очевидность чего-либо (пока мы называем это условно мыслью), что может быть удачным и <...> неудачным, неуместным. <...>

Увы, очень часто, и особенно когда мы претендуем в наших отношениях на взаимность или когда взыскуем справедливости, то не по признаку <...>, получило бытие или нет, а исходя из своих психологических состояний. Не замечая, скажем, что <...> порыв честности психологически для нас может быть несомненен и тем не менее порыв – это одно, а честность – другое. Намерение справедливости есть одно, а справедливость – другое. <...>

Обозначим <...> это другое <...> более адекватным словом – искусство, труд, поскольку наша задача понять, что для торжества справедливости <...> придется основательно потрудиться. <...> Мы <...> начинаем отличать <...> эмпирически переживаемое нами состояние от действительности. Или, другими словами, проявлять недоверие к <...> несомненности психологических состояний в нас самих, которое сопровождается пониманием того, что просто желания добра, чтобы оно не обернулось злом, <...> недостаточно. Для этого нужен особый талант, умение. Добро есть искусство. И значит, <...> можно сказать себе: эмпирически (в его несомненном переживании) данное добро всего лишь вид желания, намерения, а реальное добро – это что-то другое.

Намерение добра наверняка переживает любой расхлябанный человек, как трус переживает <...> желание быть храбрым. <...> Человек – это существо, для которого не существует раз и навсегда данного естественного добра, естественной справедливости, <...> честности. <...> Скажем, в европейской религиозно грамотной и отшлифованной культуре эти вещи уже давно отработаны. <...> Язык религии и был нужен для того, чтобы отличить человека, стремящегося к добру, от человека действительного доброго. Т.е. отличить добро как психологическое качество (французы в этих случаях говорят *velleite* – потуг, поползновение к добру) от добра как такового¹. <...>

Если вдуматься, то в каком-то смысле человеческая жизнь как таковая относится к числу невозможных вещей. Но <...> я вовсе не ут-

¹ Указанное различие в русской литературе <...> появляется фактически только у Достоевского и появляется мучительно. <...> И не его вина, что известный <...> роман «Униженные и оскорбленные» после Белинского стал восприниматься как произведение, выполняющее человекозащитническую миссию русской литературы, которая всегда на

верждаю, что ее нет. Она есть, но это удивительно, <...> и, если она случается, это большое чудо. <...> Представьте себе, сколько вещей должно сойтись вместе, чтобы мы были живы теми частями нашей души, которые жаждут жизни, <...> чтоб они встретились <...> как раз с тем, что им нужно именно в данный момент и в данном месте! <...>

Вот отсюда и начинается мысль, или философия. Мысль рождается из удивления вещам как таковым, <...> из душевного потрясения. <...> Она есть такое твоё состояние, посредством которого ты себя не прославляешь, не украшаешь, не компенсируешь в себе какие-то недостатки, не прилепливаешь себе павлиньего хвоста, <...> не наказываешь кого-нибудь другого, <...> не соперничаешь <...> и т.д. Сколько в истории было персонажей, <...> когда через мысль просто канализировались комплексы, зависть, гнев, претензии к миру, желание самоутверждения. <...> И тогда вы поймете, что если есть мысль, то она может быть только чистой <...>, а чистая мысль в человеческих руках – невозможная вещь. <...>

Есть одно прекрасное письмо Платона, <...> которое было адресовано Дионисию, тирану Сиракуз. <...> До Платона дошли слухи, что Дионисий распространил <...> политический трактат, в котором он излагал идеи о государстве и при этом ссылался на то, что они являются якобы развитием идей Платона. <...> Платон вдруг говорит: в том, как вы пишете, ясно видно, что это пишет человек, который хочет показать себя мыслителем <...> и приобрести славу, а не *вспомнить*. Потрясающее словосочетание. <...> Здесь сталкиваются неожиданные термины. С одной стороны, высказывает слово «вспомнить», что приводит к <...> сгущению контекста в парадокс. И затем идет второй знаменательный парадокс. <...> Платон говорит: у человека, который мыслит для украшения себя мыслью, <...> не может быть ссылок на писания Платона – о чем в действительности мыслит Платон (а идеальное государство – предмет его мышления), не может быть ничего написанного. <...> Выразить письмом мысль невозможно, мысль невыразима. <...>

У Ницше обрисован идеал сверхчеловека, который тоже невозможен и утопичен. И Ницше знал, что сверхчеловеками мы не станем, но, стремясь быть сверхчеловеками, мы станем хотя бы людьми. <...> В этом смысле философ или мыслитель есть граничное существо, представитель того, что нельзя выразить. <...> Как-то в 1918 году в Лондоне в короткий период совместного труда Рассела и Витгенштейна я не помню кто из них в сердцах <...> сказал, <...> что логика – это ад. И я тоже вам

стороне угнетенных и обиженных. В действительности же (что странным образом оказалось незамеченным) в этом романе происходит как раз полное выворачивание такой позиции. <...> За бедностью и нищетой чаще всего скрывается зло, высокомерие и ненависть к окружающим. Т.е. в этом романе представлен тип человека, который может лишь наказывать окружающих своей бедностью, несчастьем. Оказывается, желание добра даже у самых в психологическом смысле добрых людей порождает вокруг них такое зло, какое едва ли снится отъявленным злодеям.

могу подтвердить: философия, или мысль, – это действительно похоже на ад. <...> С этим связан жуткий труд мысли: <...> мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил. <...> Декарт в свое время считал, что мышление <...> есть нечто, чем можно заниматься четыре часа в месяц, а остальное время отводить другим делам. <...>

Повторяю, удивление лежит в основе философии. <...> Наверняка каждый из вас испытывал чувство хрупкости окружающего. Это ощущение, часто посещающее нас в молодости, связано с убийственным сознанием необъяснимой <...> и как бы абсолютной обреченности на гибель всего прекрасного, <...> благородного. <...> Все отвратительное живет и процветает, <...> а это на минуту промелькнет и рассеивается, как бы его и не было. И конечно, выражение Гете «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» вовсе не гедонистическое <...> выражение такого чувства, <...> за этим стоит сознание действительно странной какой-то и непонятной обреченности всего высокого и прекрасного. Оно как бы не держится ни на чем, не на чем ему держаться.

Только у существ и только в таком мире, где хрупко и неминуемо обречено все высокое и благородное, есть и возможна мысль, потому что <...> они <...> находятся в точке <...> на какой-то бешено закрученной кривой, окруженной хаосом и гибелью. <...> Почему и зачем вообще – здесь я переверну вопрос так – нужно трудиться? Почему не все прямо? <...> Например, я добр, хочу добра. <...> Почему <...> история показывает, что хорошие намерения оборачиваются злом? <...> Непонятно и удивительно! <...> Вы прекрасно знаете, что можно написать роман с самыми лучшими намерениями, <...> а он будет сеять порок в силу того, что плохо написан. <...>

Поставленные вопросы явно указывают на то, что нечто, называемое мыслью, <...> я <...> буду расшифровывать как <...> место человека во вселенной и, конечно, <...> человека, существо загадочное. <...> Даже если мы не разгадаем эту загадку, <...> повозившись с ней, мы кое-что все-таки <...> поймем.

Вспомним чувство невыразимости, связанное с прустовской темой «неизвестной родины», с ощущением <...> какой-то ностальгической отстраненности от того, где мы живем, с кем связаны, от нашей страны, <...> географии, <...> обычаев. За этой <...> отстраненностью, несомненно, стоит отблеск чего-то другого. Это и есть первый отблеск мысли. <...> Это ощущение свойственно человеку вообще. О нем можно забыть, но не быть его не может. <...> И свойственно оно человеку по той простой причине, что люди стремятся жить. Хотя <...> жизнь есть нечто, <...> о чем никогда нельзя сказать <...> определенно, потому что <...> это всегда что-то еще. <...> Оно как бы расширительно. <...> Хотеть жить – это хотеть <...> восполнять или дополнять себя тем, чем мы сами не обладаем.

Допустим, я люблю Нану – существо, наделенное определенными качествами и в силу этих качеств вызвавшее во мне любовное стремление.

А на самом деле это мое стремление вызвано расширительной силой жизни. <...> Т.е. воспринимаемое мною как связанное с этими качествами в действительности есть реализация чего-то совсем другого; в том числе развитие и восполнение меня тем, чего я не могу сам. Мы ведь с другими хотим воссоединиться именно потому, что посредством других растем, <...> становимся больше самих себя и обретаем те миры, которые сами по себе не могли бы иметь. <...> Если говорить словами героя Пруста, Марсель на самом деле стремится вовсе не к Альбертине, а к миру Альбертины, которым нельзя овладеть, как можно было бы овладеть ее телом. <...> Чего же мы хотим, когда смотрим на трепещущую поверхность ручья, или на полет птицы, или на улыбку на губах женщины, на ее зовущие губы? <...> Чем мы владеем? Конечно, мы способны только на духовное владение. Как говорил Пруст, физическим обладанием называют то, в чем мы как раз ничем не обладаем. А расширив и восполнив себя способностями, к которым мы сами не могли бы прийти никаким, так сказать, саморазвитием, мы обладаем и полетом, и миром птицы, миром поверхности ручья, миром того, что сказало себя влекущими губами женщины. <...>

Это и есть одно из пространств, где уместно начать <...> отличать, что и почему ты любишь. Любишь ли ты Нану потому, что у нее голубые глаза, или ты любишь ее потому, что ты расширяешься? <...> Мы завоевали следующее различие между *реальностью* и *представлением*. Нана любима мною, потому что у нее голубые глаза и она верх совершенства – это представление, а реальность (причем та, которая скажет свое слово в моей судьбе и наложит отпечаток на <...> наши взаимоотношения) – это нечто другое. <...>

Ни из какой совокупности опыта нельзя вывести различие между реальностью и представлением о ней. <...> Первоначальной формой «другого» является <...> то, которое выступило в <...> еще невнятной <...> тоске, <...> когда <...> нас охватывает ностальгия и мы ощущаем <...> отстраненность от окружающих нас людей, <...> нравов и обычаев. <...> Не случайно такого рода вещи закреплены в легендах человечества <...> как воспоминание о золотом рае, которого могло и не быть. <...> Пруст <...> говорит так: *всякий рай есть потерянный рай, которого никогда не было*. <...> Именно <...> что-то неизвестное, другое, манит нас и вызывает тоску. <...> Эта тоска забудется, она уйдет, но мы ее вспомним. <...> Поэтому <...> мышление у Платона и называется словом «*вспомнить*». <...> Оно необходимо, потому что <...> в воспоминании заложено различие <...> между реальностью и представлением. <...> А иначе нам так и будет казаться, что именно качества Наны являются предметом, вызывающим любовь. <...>

Находясь в состоянии невыразимой мысли, мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования, <...> что живем вовсе не случайно, не напрасно. <...> Если бы было иначе, то, ис-

пытывая, например, чувство любви, мы казались бы себе лишними. <...> Эта неуместность меня в мире и обращает вопрос о мышлении в вопрос о бытии. Попробуем <...> разобраться в этом, взяв в качестве отправной точки рассуждение такого метафизического¹ поэта, как Осип Мандельштам. <...>

Мандельштам был одним из ярких и своеобразных деятелей акмеизма. <...> Словом «акмэ», как известно, греки называли период в жизни человека, когда полностью проявляются его способности и наступает зрелость. Я <...> хочу указать на <...> возможность отличия взрослости и невзрослости, или рожденности и нерожденности. <...> Мудрые греки сочли необходимым придумать по этому поводу целую классификацию, элементом которой и является слово «акмэ», обозначающее возраст мужа. И Мандельштам <...> провозгласил, что недостаточно создать идеал эстетического <...> человека, что выше его идеал совершенного мужчины. <...> Совершенный мужчина – это уже родившийся <...> – в акмэ. <...> Мандельштам написал манифест <...> под названием «Утро акмеизма», в котором, глубоко ощущая действительную задачу искусства, <...> заявил, что его нервом является <...> уяснение, в каком отношении искусство стоит к <...> предназначению человека. Что философия искусства – это <...> философия в самом искусстве в той мере, в какой оно строится так, когда реализуется сам человек.

В <...> манифесте мы встречаем такие слова: «Существовать – высшее самолюбие художника»². <...> Существовать именно в том, что это ты делаешь, <...> думаешь, <...> чувствуешь. Ведь чаще всего мы живем чужой жизнью, <...> думаем чужие мысли, питаемся отходами чужих чувств. Мандельштам обращается к художникам: <...> «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя»³. Очевидно, в этом и состоит искомое нами различие. Но <...> что значит это «больше самих себя» <...>? Если есть «Я—сам», у которого полумысли-получувства, то это все-таки Я, но не существующий. <...>

Мысль есть нечто, находящееся в области, необходимо <...> и только существующей. Это <...> философская формула Парменида о тождестве бытия и мышления. Он говорил, что <...> только в сущем мысль изрекается, сущее и мысль суть одно. <...> Я утверждаю (вслед за Парменидом <...>), что <...> рожденное может и должно быть высказано, <...> тогда как любые психологические состояния человека (в том числе и мысль, взятая как психологическое состояние) не самодостаточны. Если они существуют родившись, то в них уже есть нечто другое, являющееся

¹ В традиционном смысле метафизика – это первофилософия, т.е. учение о бытии. <...> Это слово идет <...> от Аристотеля, который обозначил «Метафизикой» свое сочинение, где речь шла о чем-то, что находилось за рамками физики.

² Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 177.

³ Там же. С. 180.

их основанием. Это нечто «что-то другое» нами уже введено – это бытие. <...>

Представьте себе, что у вас отрешенное ясное сознание, <...> отрешенность от всякого вашего окружения, <...> всяких обстоятельств вашей жизни. Конечно, такого человека очень часто охватывает страх, поскольку он заглядывает в бездну и чувствует, что принадлежит другой родине, но <...> неизвестной, это какая-то пропасть, ясное присутствие тайны. Таинственно и ясно. <...> Это страх перед акмэ, страх не сбыться, не осуществиться. Сущность его в ощущении тоски, когда мы чувствуем, что наши эмпирически испытываемые состояния недостаточны, <...> что для осуществления себя нет готового налаженного механизма, который срабатывал бы без нашего участия, без того, чтобы я сам прошел какой-то путь. Именно в этот момент, в этой точке, с одной стороны, мы подвешены в пустоте над зияющей пропастью неизвестной нам родины, которая нам ближе, чем реальный, но инородный мир, а с другой – ощущаем полное отсутствие естественного механизма реализации. И <...> проблемы мысли возникают именно здесь, в этом зазоре. <...> Все зависит от того, что именно я предпринял, какой путь прошел, что сделал для рождения-себя-в-мысли, а не остался недоумком. <...>

«Сбыться» идентично рождению, которое <...> предполагает органы рождения. Часто ими являются произведения искусства, заключенные в книгах, картинах, музыке. Но еще чаще ими являются и произведения искусного труда, бродящие в наших душах. <...> Тема искусства и труда важна здесь для понимания <...> сущности таких органов. В частности, человеческое зрение <...> есть рожденное каким-то органом, но этот орган не просто анатомический глаз; чтобы видеть, надо уметь видеть, в нас должно родиться искусство видения, ибо только так рождаются красота, честь, любовь, <...> т.е. все то, что мы ценим. Они рождаются непрерывно, и потому существует <...> нить преемственности, о которой мы помним. <...>

Значит, <...> есть некоторая область, в которую мы вступаем, если сами над собой что-то произвели и с нами или в нас что-то сделалось, и мы оказались измененными, другими. <...> Эта ситуация зашифрована в символе, с которого начинается <...> «Божественная комедия» Данте. Вы помните, что на середине жизненного пути ее герой оказался в «сумрачном лесу». Конечно, «сумрачный лес» – это <...> возраст «акмэ» <...>. В тексте <...> просто сказано: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Герой движется к волшебной горе, которая символизирует божественную жизнь, рай, предел человеческого духовного возвышения. <...> Гора достижима, как ему кажется, простым продолжением движения, а на его пути появляются звери, в том числе и волчица, из-за которой ему приходится свернуть с него. Волчица в каталоге элементарных символов означает жадность, <...> привязанность к тому, что имеешь или чем обладаешь.

Каждый человек обладает <...> в первую очередь самим собой, своими возвышенными желаниями. Ведь ты-то знаешь, что у тебя желания чистые и возвышенные, и хочешь взойти на гору. Однако для этого необходимо <...> отказаться от самого себя, даже от хорошего в себе. И Данте говорит, что нельзя прийти в конечную видимую точку пути, беря самого себя таким, какой ты есть. Оказывается, гора лишь продолжение твоего возвышенного взгляда. <...> Поэтому Данте и говорит, что если ты доволен собой (а наши возвышенные стремления <...> тоже одна из форм самодовольства), то гора, хотя она и перед носом, для тебя недостижима. И герой сворачивает. <...> Нужно нырнуть в недра земли, имея при этом <...> путеводителя <...> Вергилия, и пройти круги ада. И в художественном тексте это записано как одно из человеческих испытаний. <...> Для человека душевно грамотного символы говорят, <...> что есть точка, где нужно остановиться в своем движении.

Путь мысли аналогичен. Он прерывает непрерывность нашего сложения опыта. <...> Чтобы начать мыслить, в нас должно происходить нечто, что не есть <...> явление природы самой по себе. <...> Психической способностью, которой мы одарены в качестве <...> антропологических существ, <...> недостаточно, присутствует какой-то другой элемент. <...> Именно в нем я способен посмотреть на себя видящего и различить себя и свое существование. Как в той фразе Мандельштама: <...> художник должен ценить <...> свое существование больше самого себя. Ценить больше – это и значит отличать. Значит, есть еще что-то во мне. Я <...> могу принять это за факт <...> и показать, что <...> когда он есть, мы проходим путь человеческого опыта. <...>

В этом смысле человеческое существо есть существо трансцензуса. Трансцензус, трансцендирование означает нашу способность выходить за свои собственные пределы. <...> Только трансцендируя себя, можно иметь представления о вещах, их восприятие, что предполагает существо, способное сказать *Я*, в отличие от животного. <...> А раз так, то и способного тем самым отказаться от самого себя в пользу существования. Но, если мы способны на это, значит, существование нас – это какое-то другое *Я*. Их, как минимум, уже два *Я*. Одно, которое я знаю, – <...> существо с определенными качествами, а другое – какое-то действительно существующее *Я*, не тождественное первому. И это второе *Я* можно увидеть и узнать, только отказавшись от первого, т.е. от самих себя. <...>

Когда я говорю: кажимость и то, что есть на самом деле, – и ставлю вопрос, откуда вообще появляется такое различие, то тем самым ввожу философию в виде древней метафоры. <...> Это метафора знаменитой платоновской пещеры. Представьте себе, что у вас связаны руки и ноги, а голова закреплена <...> так, что вы не можете ее повернуть. Взгляд направлен прямо на глухую стену комнаты. И на нее же за вашей спиной источник света проецирует тени предметов. Но, поскольку вы свя-

заны, у вас нет возможности совершать <...> действия, и <...> вы потратите на них сто лет, прежде чем обнаружите, что <...> есть какой-то <...> источник света, который падает на предметы, и тогда сможете узнать, что то, что вы видите, – только их тени. А так вы вполне можете эти тени принимать за реальность, поскольку они движутся. Это и есть платоновская метафора человеческой жизни, так как мы находимся в пещере самих себя, если чего-то не делаем и не мыслим. <...>

Эта метафора обрисовывает всю ситуацию мысли, когда мыслить – это значит оперировать различием между кажущимся и тем, что есть на самом деле. <...> Мыслить можно и нужно только существующее. Тени ведь <...> отражения, существует что-то другое. Но <...> откуда тогда связанный человек (допустим, сам Платон <...>) узнал, что видимое им – это тени? Мне кажется, Платон, отвечая на этот вопрос, сказал бы <...> то же самое, что и другие философы: смысл жизни не находится в самой жизни и всей жизни не хватило бы на жизнь. <...> То, что объединило бы все части опыта и дало бы им смысл, не приходит к нам из опыта и не содержится в нем по частям. <...> Если бы человек имел только опыт, он никогда этого не узнал бы. <...> Как <...> же <...> он узнал, где реальность, а где кажимость, остается тайной, которую мы можем только принять как случившийся факт. Религиозные люди в таких случаях говорят: «Надо принять это за откровение». <...> Философ тоже принимает <...> этот факт, не пытаясь ответить, откуда он, <...> считает необходимым его ясно описать, <...> удостоверить его собой и получить <...> последствия. <...>

Ведь у всех нас <...> есть чувство, что наполненность нашего сознания предметами, знаками, формулами – это еще не жизнь. Такое интуитивное впечатление посещает нас в какие-то моменты, и, <...> значит, нам повезло – мы не совсем еще животные. Посещающее нас <...> чувство, что наше сознание наполнено не живым, а чем-то мертвенным, связано с тем, <...> что всего времени, <...> пространства «случая» недостаточно для смысла, и в определенном отношении всей жизни недостаточно для жизни. <...> Для жизни, очевидно, нужно пережить и то, в чем мы можем и способны сознательно принять смерть. <...> Поэтому символ смерти имеет такое большое значение в философии и для <...> актов мысли в самой нашей жизни. <...>

Первым актом мысли является не мысль о чем-то, а как бы ее конституирование самой себя, или рождение. Первый акт мысли – это <...> выделение чего-то, о чем вообще можно мыслить, <...> из которого видно, кто мыслит, а кто думает, что мыслит. Я имею в виду греческую легенду о встрече царя Креза и философа-законодателя Солона. Напомню вам ее.

Однажды Солон попал к Крезу и тот, считая себя счастливым, поскольку он был самый богатый человек, стоял во главе могущественного государства, спросил Солона, ожидая <...> заранее приятного <...> ответа,

что такое <...> счастье и знает ли он действительно счастливого человека. На что Солон ответил: ни о ком нельзя сказать, что он счастлив, пока он жив. Крез обиделся и расстался с Солоном. А затем любимый сын Креза был убит на охоте, <...> сам он попал в плен и, по одним легендам, погиб, а по другим – остался жив на <...> страшных условиях. Но я хочу обратить ваше внимание на то, как рассуждал Крез: несчастье случайно и не связано со мной лично, оно не вытекает из того, как я живу, что думаю, что делаю. Он пытался думать о счастье, но, думая, не имел соответствующего предмета мысли.

Солон же, напротив, выделяет такой предмет и, для того чтобы о нем думать осмысленно, <...> вводит тему смерти как символ. <...> В свое время Лев Толстой, сравнивая сознание смерти у крестьянина и у современного ему горожанина, говорил, что для крестьянина она имела смысл, а раз смерть имела смысл, поэтому и жизнь имела смысл. При этом он имел в виду, что горожанин рассматривает жизнь как бег, устремленный вперед: жизнь якобы состоит в том, что постоянно из открытого зева будущего в нее добавляется что-то, <...> постепенно выясняются смыслы, образуются истины и т.д. Но если следующий момент времени увеличивает понимание, если, например, эксперимент следующей минуты, более точный, уничтожает результаты сегодняшнего дня, то возникают два вопроса. Во-первых, какой смысл тогда вообще сейчас работать, если завтра все равно будет лучше, и, во-вторых, и умирать тогда не имеет смысла, потому что умираешь ты все время с поднятой ногой: одна нога у тебя все время поднята, чтобы шагнуть, – и тут обидная подсечка, и ты падаешь мертвым. Какой смысл? <...> Конечно, бессмысленно, потому что наша сознательная жизнь совершается всегда, имея параллельно некоторый завершенный план бытия, с которым соотносится то, что происходит здесь. Только перед лицом символа смерти я могу придать смысл тому, как я живу. <...> Если в жизнь принята смерть как ее конститутивный момент, а не случайность, тогда о жизненных событиях можно <...> разговаривать. А без этого <...> разговор <...> никого <...> не убеждает, хотя в него могут вовлекаться все новые и новые голоса, и так до бесконечности. <...>

Попытаемся, например, понять с этих позиций смысл страдания. <...> Мысль <...> появляется, когда есть предмет, о котором можно мыслить. Между тем о страданиях люди часто <...> бессмысленно и бесконечно разговаривают. И в <...> этих разговорах акт мысли, естественно, отсутствует; они сопровождаются псевдоактами мысли, ее симулякрами. Такие люди обсуждают, кто счастлив, а кто нет, есть ли законы счастья–несчастья и т.д. Эти <...> разговоры и заполняют чаще всего романы, повести, эссе и даже научные статьи. <...> Мы готовы бесконечно страдать, лишь бы не страдать, потому что посредством страдания мы избегаем большего страдания. Нам страшно заглянуть в самих себя, <...> в корень страдания, в ситуацию, которую часто сами же создаем и в которой <...> начинаем бегать по кругу. <...> Человеческое Я вращается как

белка в колесе, не видя реальности и предпочитая очередную утешительную ложь. Что это за круг? <...> Оказывается, что для человека, который вечно готов страдать, не существует реальности смерти. Разумеется, он знает, что это может случиться. Но ведь, конечно, не завтра, не сейчас. <...> Это как в аду: мы <...> вечно умираем. Ведь смерть со славой, о которой говорил Руставели, отличается <...> тем, что мы умираем раз и навсегда. А мученику в аду не дано <...> наконец-то перетерпеть страдания: он должен вечно это повторять. <...>

Увы, есть ситуации, которые исправимы, говоря метафорически, лишь с помощью атомной бомбы. Я вспоминаю в этой связи один веселый итальянский фильм. Дело происходит в Сицилии. И как это часто бывает в Италии, произошла очередная сицилийская нелепость, которая привела в бешенство полицейского-карабинера. И вот он стоит <...> перед картой страны, в досаде на нее смотрит и говорит: «Здесь нужна только атомная бомба». Т.е. за какую нитку ни схватись, все равно ничего не распутаешь. <...>

Я хочу вам напомнить <...> исходный этимологический смысл одного греческого слова. Речь пойдет об апории. <...> Смысл слова «апория» означает «непроходимое место». Интересно, что именно «место» фигурирует в слове «апория». <...> Вот я стою, смотрю, и мое сознание в своей ясности свидетельствует, что расцепить этого нельзя, и я не могу пойти ни направо, ни налево, ни вперед. <...> В этой ситуации мы впервые осознаем себя в качестве конечных существ, не имеющих времени. И когда нет времени, лишь тогда мы осознаем свою конечность. Но <...> неужели я так и должен быть в этом бардаке, абсурде и этим все кончится? Какой смысл тогда это переживать? Или – какой смысл видеть то, что я вижу? Если это кончится раньше того, чем кончится то, из-за чего у меня эти переживания. С этим оборотом всплывает за моей спиной почти весь род человеческий, <...> далекие во времени и близкие по родству, которые моим голосом тоже спрашивают: а за что, зачем мы страдали, какой смысл? <...> Человек, осознавая себя как живое и несомненное для себя состояние, именно в нем оказывается лишним в мире. <...>

Попытаюсь пояснить этот пункт апории, который приводит в движение нашу мысль, с известного нам переживания. <...> Возьму ситуацию, которую назову «псевдогероической». Когда мы находимся в непроходимом месте в том смысле, что мы уже втиснуты в образ героя и не можем из него выйти. В России такие ситуации (имейте в виду, что когда я говорю «Россия», я включаю туда и нашу блаженную Грузию) на бытовом уровне выглядят так, что мы сами создаем себе трудности, чтобы потом героически их преодолевать. Вы знаете, что весной этого года произошло в Чернобыле¹. <...> В одной из телевизионных передач, где

¹ Взрыв 4-го реактора на Чернобыльской АЭС произошел в 1986 году. (Примечание отв. редактора.)

показывалось, как там что-то строят и ремонтируют и т.д., я увидел плакат, на котором черным по-белому было написано: «Чернобыль – место героизма». А какой-то человек в интервью произнес такую фразу: «Ничего, зато мы построим пирамиду выше солнца». Т.е. выше пирамиды Хеопса. Короче, я хочу спросить: как живому человеку вписаться в этот образ героического, созданный сцеплением обстоятельств, <...> слов, которому он обязан следовать. Он ведь должен совершать поступки, уже обозначенные как героические, хотя, возможно, и знает, что все это следствие преступлений, совершенных разными людьми в разное время, а он должен жертвовать жизнью и уже заранее имеет название «герой». Случайно он может, конечно, сопротивляться этому, но не может не понимать, в силу сложившейся <...> традиции, что это будет выглядеть как эгоизм. <...> У него нет выбора между этими масками. Пойдешь на амбразуру – покрываешь героизмом чужое преступление. Не пойдешь на амбразуру – ты эгоист. <...> Шкурник, думаешь только о своей жизни. Причем все это объективные маски, а вовсе не психологические оценки, которые можно выбирать одну вместо другой. Это все неразрешимые переживания. А когда я разбираю это нелепое сознание (т.е. осознание себя трусом или героем), я <...> вношу ту ясность, которой нет в этом сознании. <...>

Есть ясность. Наш философ окаменел перед этой ситуацией, видит апорию – непроходимое место. Но он же видит при этом еще и то <...>, что люди в этих ситуациях явно выполняют роли марионеток. Ведь нельзя же на нормальном человеческом языке осмысленного описания сказать о человеке, совершившем то, что он совершил в Чернобыле, что он герой. Употребив термин «герой», мы тем самым понимаем поступок как некое проявление доблести. <...> Когда мы что-то называем, мы совершаем акт мышления, предполагающий осмысленность терминов, а сказать здесь, что «Чернобыль – место героизма», – это акт немышления. Или антимышления. Повторяю, если я мыслю, то не могу назвать это героизмом в смысле проявления человеческого качества и тем самым понимания мною мотивов и психологии людей. В действительности там <...> марионетки, которые действуют, сотрясаемые током, проходящим по сцеплениям этой ситуации. Разве можно рассматривать эти судороги как свободный танец человека? <...>

А с другой стороны, <...> я ведь тоже участвовал во всех тех начальных точках, которые, сцепившись, породили эту ситуацию. Я же участвовал вместе с этими людьми в их обычной жизни до катастрофы, когда, скажем, на заводе или в институте <...> после ничегонеделания в конце месяца вдруг устраивали так называемый аврал, чтобы выполнить план. И видели, что это абсурд, <...> особенно на фоне призывов: «Встанем во главе... Нет таких крепостей, которые перед нами не могли бы устоять» и прочее. Все это ритуальный бред. Но, независимо от него, мы участвовали в этом. Я хочу сказать, что отрешенное сознание, в котором

впервые рождается мысль, хотя и может видеть и чувствовать какую-то зачаточную исходную правду, человек тем не менее участвует в том, что противно его сознанию. В то время как проблема мышления состоит на самом деле в невозможности человека отказаться от сознания. <...> Традиционно эта ситуация <...>: я делаю то, что противно, и не делаю того, что хочу <...> – на уровне религиозного переживания (в терминах греха и добра), перед лицом Бога систематически фигурирует почти в каждом послании апостола Павла. <...>

Поэтому одной из первых философских фраз <...> является (в частности, на Востоке) фраза Будды: «Не думайте о том, конечен мир или бесконечен, непрерывен он или дискретен. Думайте о том, что все есть страдание». И то же самое означает высказывание знаменитого дельфийского оракула, которое Сократ берет как лозунг своего бытия и своей философии, а именно: «Познай самого себя». Как ни странно, эти фразы тождественны по содержанию. Познай самого себя – и ты увидишь мир, Бога, увидишь предметы как нечто отличное от представлений. <...> Мышление в данном случае есть <...> состояние, в котором видение видит себя. Свет, освещающий сам себя. Вот это или есть, или нет. <...> Чтобы ясно представить тайну, которая остается тайной, в древности люди пользовались метафорой света, выражающей как раз такое состояние. В частности, в Евангелии от Матфея примерно такой текст: если вы не видите даже то, что видите, как вы сможете увидеть того, кого вы не видите? Или там же: как можно посолить соль? Когда она есть, то разумеется, что она солит и придает всему свою соленость. А если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? <...>

Вводя различие между реальностью и кажимостью, я говорил, что <...> нечто подсовывает нам тени в качестве предметов реального мира. Кант в таком случае сказал бы: «Наши представления нами играют». <...> Платон человеческий путь представлял как путь <...> освобождения именно от этой игры. <...> Я же эту ситуацию назову <...> «ситуацией, когда уже поздно»: я решил что-то подумать, а уже подумалось. <...> Человек понимает то, что он способен сделать сам. А <...> тени, принимаемые нами за вещи, не мы сделали, и поэтому не можем их понять. <...> Уже произошло что-то – поздно.

Противовесом ситуациям кажимости, «когда слишком поздно», могут явиться лишь те элементы, которые я назвал неприродными. <...> Вырваться из пещеры можно, если что-то уже есть. Или, скажем по-другому, если нечто есть, оно должно быть явлено. <...> «Явленность», «явилось» предполагают какую-то уже случившуюся развитость событий <...> нашего сознания. Нечто осуществилось настолько, что могло явиться. <...> Гете, который, имея в виду это мгновение истины, говорил так: «И в нем разве только поэт рождается? Нет, рождается и философ», потому что всякая истина сначала является нам в произведенном виде и даже (как Gestalt) в виде образа. <...> Образ есть первоявление истины.

<...> И <...> если у меня есть это явление, я не могу помыслить иначе, чем оно говорит. <...> Это и есть человеческое первопереживание мысли. <...> Декарт называл такого рода состояния <...> «простыми интуициями ума» и добавлял, что <...> сама попытка их определения разрушительна для их достоверности. <...> Ведь обычно мышление оперирует терминами и понятиями, посредством которых мы что-то доказываем, устанавливаем, так это или не так. А здесь «помыслить» и означало бы одновременно знать, что это именно так. Иногда это похоже на религиозные переживания. <...> Например, в одном месте апостол Иоанн говорит: если ты знаешь, что Бог слышит твою просьбу, то ты уже имеешь то, что просишь, <...> нет интервала между одним и другим. <...> На неинтервальность внутри самого акта мышления указывает и постулат Декарта: *Cogito ergo sum* – «Я мыслю, я существую». Это не дедукция, не доказательство существования, <...> а интуиция; Кант впоследствии называл эту фразу тавтологией.

Это и есть <...> живое сознание, <...> мысль. И вся проблема <...> состоит в том, что оно, <...> мелькнув, <...> как разряд молнии, уходит затем на дно нашего сознания и существования, покрываясь другими вещами в силу закона <...> «уже поздно». <...> И нам бывает трудно или невозможно – на это может уйти вся жизнь – найти себя, установить тождество с самим собой. Философы и психологи называют это тождество *identity*¹. <...>

Представление – это первая мысль, поскольку она содержит в себе отличие восприятия от реальности и предполагает человеческое Я. <...> Все отличие человека состоит в том, что в описываемый предметный мир он вносит самого себя, нечто уже существующее в себе и способен извлекать это. <...> Именно в такого рода состояниях человек, <...> чтобы увидеть себя, <...> должен отвернуться от предметов. <...> Он должен понять, что предметная видимость, <...> является лишь проекцией его сознания. Предметам самим по себе <...> не свойственно ничего из того, в чем он может реализовать и развить себя как человеческое существо, а priori имеющее в себе такие феномены, как совесть, добро, любовь и т.д. <...> Человек тем самым строит экран по отношению к невидимым для

¹ *Identity* <...> может стать общекультурной проблемой. Начало XX века, например, было именно такой <...> общеевропейской кризисной проблемой <...> личности. Личности мыслящего, сознающего и переживающего человека. Его старые способы самоидентификации не срабатывали, а новые еще не сложились. Это и есть драматический случай разрушения *identity*, как это видно в философии Ницше, когда сама интеллектуальная или мыслительная проблема разыгрывалась в теле драматичной судьбы личности. Вы знаете, что драматичны не только писания Ницше, но и его жизнь и смерть. Последние примерно десять лет своей жизни он провел в сумасшедшем доме. <...> А в области искусства таким примером является Антонен Арто, один из теоретиков и основателей <...> французского театра <...> авангарда. Арто также мучился проблемой «*identity*», <...> сам был в своем деле и своей судьбе носителем этой проблемы, она его раздирала просто физически и тоже привела к сумасшествию.

него силам. <...> Такого рода движения, события в человеке и создают из него некую тяжелую и несдвигаемую точку в мире. Она служит точкой отсчета, в пространстве которой и находятся <...> телесно-образные <...> части нашего мышления.

Попробуем рассуждать так: если мы просто смотрим на предметы и пытаемся их описывать, то <...> мы описываем только тени и устремлены в дурную бесконечность. Но мы человеческие существа и вносим собой находящийся в нас внеэмпирический опыт, нечто такое, что становится для нас невидимым, но это наше невидимое, <...> мысль, которая есть только в момент деятельности <...>. Это <...> и есть законченный и завершённый план бытия, в отличие от никогда не завершённой и дурной бесконечности. <...>

Чтобы у нас <...> могла возродиться заново какая-то идея или мысль, мы должны прийти в движение. И <...> никакая сила в мире не может сделать этого движения, если оно не сделано вами. <...> Никакое понятие не может нам дать этого, если оно не случилось, а случившись, оно обладает фантастической инерцией и неадекватностью. <...> У Мандельштама в рассуждении о Данте фигурирует такой образ: ничто не ускорит вытекание меда из склоненной склянки. Этот прекрасный образ стоит в контексте того, что говорится о человеческом страдании, — <...> энергия, с которой испытывается <...> неразрешимое страдание, тоже не может быть получена никаким умом. <...>

Например, как можно любить врага или простить оскорбление <...>? Очевидно, это возможно, но при условии, если ты сразу не разрешил возникшее в тебе страдание действием. Тогда у тебя есть шанс что-то понять о самом себе и увидеть такое, что ты не увидел бы, если твое страдание превратилось в цепь психических причинных актов, в которой страдание, имея причину, порождает ответ <...> и т.д. <...> И <...> личностное ядро человека, если оно есть, составляется из <...> переживаний и состояний, которые как раз и открывают нам связь никогда не завершающегося конечного мира с завершённым и законченным планом бытия. <...> В это ядро и укладывается то, что можно назвать «токами убедительности», которые позволяют нам остановиться, испытав чувство удовлетворения от поступка, хотя <...> обоснования поступка бесконечны. <...> Мы поступаем, следовательно, <...> в горизонте незнаемого. <...> Философия — занятие, имеющее дело с незнакомым, <...> «невидимым» <...>: <...> есть что-то, чего нельзя знать из понятий или получить наблюдением и обобщением наблюдений. Это незнаемое, но я его сознаю и в этом смысле знаю, но это какое-то знание незнаемого. <...>

Нужно обязательно прийти в движение, представлять, чтобы в нас снова вспыхнуло то, что не может дать никакой текст. <...> Даже стихотворение, которое вы сейчас не читаете, в философском или метафизическом смысле не существует. Оно существует только во время чтения. <...> Есть два философа, <...> у которых сознательно и настойчиво употребля-

ется оборот «теперь, когда» Это Декарт и Кант. <...> Пример из Канта <...> хорошо иллюстрирует <...> именно неделимую содержимость обстоятельства дела или всей мысли в момент, когда, скажем, человек лжет. На это есть причины: дурно воспитан, плохие родители, генетическое какое-то наследие. <...> Среда такая, что, если в ней не соврешь, не выживешь. <...> Ну, солгал из-за воспитания, или выгодно было, или из страха, чтобы избежать опасности. И тем самым его вменяемость или ответственность начинает делиться – часть вины приходится на генетику, другая часть на семью и воспитание, третья часть вины приходится на среду, четвертая на страх и т.д. <...> Но описывать так и значит не мыслить о том, о чем мыслишь. Об этом Кант и говорит: да, все это так – плохие родители, среда, дурные влияния, но в момент, когда человек лжет, лжет именно он, и это абсолютный акт. Неделимый в своей ответственности.

<...> Конечно, русскую душу¹ такая серьезность и жесткость могла <...> пугать. Ведь действительно страшный момент. Устоять в этот момент «когда», который является буквально мгновением. <...> Физики говорят, что можно поделить движение на составные части в пространстве и времени, а есть еще нечто, называемое «моментумом движения», когда мы имеем дело со странной формой проявления вечности. Как бы вечность в нас заглянула в это окошечко мига, не имеющего времени. <...> Этого не было, никогда не будет <...>, потому что <...> (я почти буквально цитирую Парменида) есть только сейчас и всегда <...> – «тогда, когда». <...> Когда <...> только в том мире, в котором человек способен сказать: «я мыслю, я существую», может быть приостановлено действие <...> обманывающих сил, <...> а мы принимали бы их действие за продукты собственного размышления. <...>

Мы пользуемся часто таким выражением: самому мыслить. <...> Как правило, не вдумываясь в него, хотя оно <...> относится к проблеме определения мышления. <...>. Обычно, скажем, употребление терминов или понятий тоже называют мышлением. Например, солгав, человек может сослаться на то, что он ведь мыслит, поскольку приводит какие-то соображения, доводы, аргументы, хотя на самом деле все это мыслеподобие, а не мышление. Ведь лгун обосновывает свою ложь так же, как грабитель может ограбить человека и обосновать, почему. <...> В его обосновании будут тоже фигурировать какие-то части нашего сознания, похожие на акты мысли. Но все-таки почему-то сказано: пользуйся собственным умом. <...> Собственный ум есть та самая тяжелая точка, которую нельзя изменить и которую нельзя заставить быть иной, чем

¹ В русской культуре было такое выражение, «среда заела», а сам по себе я хороший человек. Кстати говоря, по этой же причине <...> в русской философии и в культуре все время было какое-то отталкивание от Канта. Порой он даже казался русским интеллигентам чуть ли не навевающим ужас чудовищем. У Александра Блока есть одно стихотворение, где скрюченный старичок, а это именно Кант, сидит за ширмочкой и сам боится и на всех других ужас наводит. Не Кант, а Кантище.

она есть в момент, когда. <...> Причем не только собственный, но еще и предстоящий <...> своим собственным лицом. Не посланником, не посредником, не гонцом, а собственнлично. Сам¹. Но тогда, как это ни странно, «собственным умом человека» (Декарт называл это «естественным светом») мы должны назвать нечто, что не сами создали. Значит, у человеческого существа <...> есть собственность, <...> которая ему дана в дар. Этот дар называют еще «талантом». Который есть у всех. <...> И можно быть только достойным или недостойным этого дара. <...>

Вместо слова «талант» я могу теперь другое слово употребить, совершенно эквивалентное <...> – «личность». Это и есть та тяжелая точка, которую мы называем в человеке <...> безусловным достоинством личности, которая ищет бесконечную ценность. А сама при этом не является таковой, потому что обозначить нечто как бесконечно ценностное значит отказаться оценивать это – соотносить с какими-либо антропологическими, практическими или другими потребностями человека. <...> Что бесконечно ценно, как тяжелое ядро, которое являет нам личность? <...> Нельзя восполнить или заменить некоторый акт, который может быть только сам и единичным образом в отдельном человеке. Именно этот опыт имеет незаменимую, или бесконечную, ценность. Его мы называем достоинством личности. Почему? Да потому, что мы заранее никогда, ни из какой возможной точки не можем увидеть то, что там может произойти. А если произошло, не можем отменить – только сама личность может это дальше развивать. В этом смысле личность одна, в одиночестве перед миром. <...> Т.е. эта точка тем более важна, что, оказавшись в ней, человек не может сослаться на то, что что-то со временем само сделается (изменятся обстоятельства, кто-то сделает другой и т.д.). Тогда он перестанет быть личностью. <...> Если я не осуществляю личностный акт, то через меня же этот мир уйдет в небытие. <...>

Нужно прийти в движение в неизвестном. <...> В поисках подходящего примера я вспомнил, что как-то встретился с одним интересным оборотом в интервью Жан-Люка Годара. <...> Беседуя с журналистом о природе кинообраза, Годар <...> заметил, что <...> нет истинного образа, такого, который где-то существует в единственном числе, и его нужно только найти и увидеть. <...> Проблема соотношения сценария и фильма вам, конечно, знакома. Вот есть текст, и по нему снимают. <...> Годар же фактически говорит: нет, мы пойдем, сконструируем и тогда узнаем,

¹ В случае с мыслью, <...> обозначенной нами словами «собственный ум», мы должны понимать, что имеем дело с чем-то, что <...> не является вербальным. <...> Приведу <...> фразу Декарта: «Чтобы знать, что такое мышление и сомнение, нужно самому мыслить и сомневаться». Ведь это не просто психологический или педагогический рецепт, который мы часто слышим: сделай что-то сам или думай сам. Нет! Здесь за простыми и обыденными словами скрывается фундаментальное утверждение – даже самоописанные мысли являются вербальной копией мысли, а не ею самой. И такого рода невербальный корень лежит не только в основе мышления, но и в основе того, что мы называем личностью.

что есть истина. <...> Ясно, что конструирование образа он понимал как способ найти то, чего не знаешь заранее. И тогда создание <...> кино-конструкции и будет способом порождения состояния, которое является истинным или действительным состоянием. Очень часто такие случаи связаны с так называемой проблемой мгновения, когда открывается соотношение вещей, которое можно захватить только в этот конкретный миг, <...> что мы потом воспринимаем как <...> истинный образ. <...> Следовательно, когда мы имеем дело с искусством (или мыслью), мы имеем дело с восприятиями совершенно особого рода. <...>

То простое, с чем я хотел это связать, было названо когда-то «знамением». <...> Скажем, раздался звук за окном, я его услышал и сказал: «Машина прошла». Знак сослужил свою службу и в этом смысле умер. <...> И бессмысленно его повторять. А знамения что-то говорят о скрытом и не исчерпываются фактом их простой восприимчивости, потребления, а тревожат нас тем, что говорят о чем-то более значимом. А что именно значат, мы не знаем. Но важно то, что это не обычные знаки. <...> Скажем, если я рисую цветок, значит, я снова рассматриваю его, <...> т.е. повторяю почему-то акт видения цветка. Или музыкант, повторяющий мелодию, о чем-то говорящую. <...> А <...> может повторяться только нечто, что мы не вполне знаем сами. <...> Ведь в чем скрытое значение произведения искусства, скажем романа или симфонии <...>? В том, что ни в симфонии, ни в романе, ни в живописи автор не излагает того, что он знает, <...> и поэтому всякое произведение есть своего рода вариация (или движение) этого незнаемого. Такие вариации, которые для слушателя и у самого автора выпадают в кристаллы какого-то прозрения и понимания. <...> Только в дороге, в пути может откристаллизироваться истинное состояние дел – возникать <...> образ, понимание и т.д. <...>

Хорхе Луис Борхес, аргентинский испаноязычный писатель, как-то бросил мимоходом крылатую фразу о том, что поэзия таинственна, поскольку никто из читателей до конца не знает, что поэту удалось написать. <...> В этом смысле произведение <...> является неким символом, требующим интерпретации и для самого автора¹.

¹ Реплика из зала: «Так чему мне аплодировать – тому, что человек не знает?»

Вы задаете серьезный вопрос, на который существует серьезный, хотя и парадоксальный ответ. Он, кстати, давался <...> Марселем Прустом. Его тоже это интересовало, как человека, вращающегося в определенном культурном кругу. <...> Люди круга Пруста читали книги, ходили в концерты, на выставки. И его как раз интересовал тип, который он называл «пожирателем симфоний», поскольку такие люди исчерпывают или растрачивают «ахами» восторга и аплодисментами то, чему они должны были бы дать развиваться в своей душе. Аплодисменты ведь чаще всего обозначают свернутое сознание, в которое, как в выхлопную трубу, выходит газ. Это восторг перед самим собой: «Ах, какой я молодец, что способен понимать то, что я слышу». Зритель прежде всего аплодирует самому себе, тому чувству эйфории, которое его охватило.

Пруст, считая восприятие произведения тоже произведением, творчеством, писал, что произведения, как и восприятие произведения, являются детьми одиночества и молчания,

Допустим, перед нами картина, скажем, пейзаж. Являются ли элементы пейзажа записью элементов природы? <...> В данном случае на полотне присутствует то, что не может порождаться никакими локальными воздействиями на нашу психику, а индуцируется игрой между структурными элементами нашего собственного движения упорядочивания. И тогда итоговое изображение становится продуктом не индивидуального контакта с действительностью, а продуктом действия каких-то структур. <...> Вы, очевидно, знаете, что в юнговском варианте психоанализа существует понятие архетипа, указывающего на наличие некоего коллективного бессознательного¹ со своими структурами, когда некоторые события нашей психики, образы, представления, комплексы являются его продуктами и находят свое выражение в сновидениях, в мистике и т.д. <...> Есть какие-то вещи, которые нельзя объяснить событиями индивидуальной истории субъекта. <...> Такие вещи имеют структурное происхождение. Они проистекают не из локального физического воздействия, а из того, что наведено структурой и что не обязательно должно присутствовать реально. Скажем, таковыми являются не только метафоры в искусстве, но и метафоры в так называемых психических проблемах бессознательного. <...> Часто не обращают внимания на тонкое замечание одного из грамотных физиков XX века – Нильса Бора, <...> что исследование бессознательного – это не обнаружение каких-то скрытых глубин, а создание условий для нового сознательного опыта, благодаря которому разрешается проблема. <...> Теоретические понятия <...> здесь <...> работают в качестве инструмента «врождения» нового переживания или <...> сознательного опыта, который и порождает то, чего нельзя достичь просто усилием мысли. <...>

Вдумаемся, например, в существование Эдипова комплекса: <...> возможно ли у такой вещи эмпирическое происхождение? <...> А что если ребенок никогда не видел отца и никогда в жизни его матери не фигурировал реальный отец или отчим, другой мужчина, который мог бы породить этот комплекс? Значит, он не должен возникнуть? Да нет, комплекс Эдипа – это метафора. Фрейд предупреждал: «Я никогда не говорил о комплексе Эдипа, я говорил о метафоре отца». Следовательно, вовсе не обязательно, чтобы произошло то, что произошло. <...>

а <...> не манкированного намерения. «Манкированным намерением» Пруст называет <...> то состояние полурожденного произведения, каким является чувство эляции, которое нас охватило: «Ах, как прекрасно!». Такая эляция на самом деле таинственна, <...> узнать о том, что она говорит, можно только в одиночестве, в молчании.

¹ Но если мы правильно движемся, то коллективное бессознательное будет для нас <...> натуралистическим термином, так как нет никакой необходимости полагать какую-то еще одну сущность рядом с другой, не менее непонятной. Ведь мы не знаем, что такое сознательное, и добавляем при этом к нашему незнанию еще и бессознательное – производное в человеческой душе от какой-то коллективной истории. Т.е. должны тем самым решать уравнение с двумя «х». Самого же Юнга интересовала другая проблема.

Произошло то, что метафора отца (или его образ) для ребенка является предметом, с помощью которого он <...> разбирается в своих состояниях. Способ взросления, который потом может отбрасываться, как отбрасываются костыли после выздоровления, хотя это и может оставить у него патологические следы, но сама эта история носит чисто конструктивный характер, а не изобразительный. <...> Поэтому весь смысл <...> любых начатков действительной мысли, собственно, и состоит в том, чтобы убирать из головы <...> картинки, которые мы видим вне себя и которые вызывают в нас вполне конкретные ощущения и представления. <...>

Причинная связь между предметом и представлением сама является способом идентификации представления как своего и любое переживание содержит образ причины самого себя. <...> Например, укол иглы переживается вместе с сознанием, что игла меня уколола. В данном случае понятие причины позволяет мне узнать свое состояние: я уколот. Чем? Иглой. Этот пример примитивный, но его можно расширить на многое.

Мы каждый раз фактически удваиваем мир: сначала в нас что-то родилось, потом мы пользуемся вторично своими собственными состояниями, чтобы рассмотреть их в связи с каким-то предполагаемым предметным или причинным на нас воздействием. <...> Именно в этом смысле я уже знаю, что такая-то идея во мне порождена определенным предметом или каким-то событием. Это можно назвать «рефлексивной картиной» или «зеркалом», так как все наши предметные картинки спроецированы как бы в зеркале.

Без рефлексии мы вообще не имели бы никаких внешних предметов. Мы полагаем или задаем их рефлексивным актом по отношению к испытываемому ощущению. Здесь сознание себя, рефлексивное сознание обязательно, и оно уже не зависит от реального переживания. Ведь, скажем, когда женщина производит на меня впечатление, то, естественно, я волнуюсь <...> по той причине, что <...> содержание самого переживания содержит причину переживания. Почему? Потому что она красива, <...> добра, <...> хороша. Значит, предметная картинка содержит в себе и причины, и качества предметов.

В принципе мы уже перевернули действительную связь. <...> Мы пришли в движение и там содержится какая-то интенция, <...> мысленное состояние. Оно уже – сразу – отразилось в зеркале, в котором <...> стало следствием качества женщины. Т.е. это состояние во мне потому, что женщина красива, хотя она красива потому, что во мне было это состояние. <...>

Так вот, условно <...> я назову этот зеркальный элемент «идеологическим элементом». <...> Потому что именно из идей мы получаем свои состояния. Качества женщины являются моей идеей, и они являются причиной того, что я испытываю к ней любовь. <...> Пометим, что в

идеологическом элементе всякая мысль перевернута, <...> как в зеркале моя левая рука становится правой. Но возникает вопрос: а все-таки что же <...> я в действительности об этом думаю? Или испытываю?

Вот это и есть вопрос мышления, в отличие от идеологии. Идеология приводит в видимый порядок уже предданные состояния и знания. <...> Поэтому я могу, скажем, идею женщины возвести в некий принцип – что можно любить только умных, интеллигентных женщин. Это идеология любви. Причем не в книжках написанная, а реальный идеологический элемент нашей жизни, из которого, кстати, и будет вырастать потом этическая идеология (она тебя будет поучать, что можно любить только добродетельных и т.д.). <...> Идеологический элемент случается в самой мысли. Но то, что остается, и есть мысль. <...> Часто эта проблема называется проблемой искренности. Искренность ведь это сказать то, что сказал, или подумать то, что подумал. А это очень сложно. Допустим, я подумал о том, что развиваюсь как живое существо и восполняюсь другими и хочу быть признан в этом восполнении <...> именно в этих своих чувствах, которые никому не хотят никакого зла, а подумал другое: «Ах, как она прелестна»¹. <...>

Ни мысли, ни искусство не являются для нас ценностями, <...> а являются органами производства нашей жизни. Каждый раз, когда мы ищем, что нам подумать, мы всегда имеем дело с живой точкой. <...> В ней вечно настоящий живой смысл происходящего. Мы ищем его в точке, в которой «понять что-то» означает «увидеть, что это именно так». <...> Только в этих состояниях, в отличие от идеологических, <...> присутствует этот вечно настоящий смысл. <...> Один француз дал прекрасное определение философии. Философия, сказал он, есть умение или искусство отдать себе отчет в очевидном. Оказывается, между очевидным, которое я вижу, и тем, чтобы отдать себе отчет в нем, лежит целый континент – континент движения. <...>

Такая очевидность, в которой нужно отдать себе отчет (ты начинаешь с очевидности и кончаешь очевидностью), и есть наши искомые состояния. <...> Причем состояние этой очевидности, что не менее важно, может быть одновременно и у другого человека, в другом месте пространства и времени. <...> У Камю есть рассуждение о том, что существуют истины, из-за которых люди не умирают. Ради истины «дважды два – четыре» никто не идет на смерть, и поэтому, по словам Камю, Галилей был прав, когда отка-

¹ Тем более что идеологический элемент мысли, который отразился в зеркале, перевернулся при этом и сросся со страстями, а <...> борьба со страстями бессмысленна. Это так называемые пафосы, причем все они, как правило, исключают друг друга. Именно в пафосе мы творим зло <...> в полной убежденности в собственной нашей правоте. <...> Один из писателей как-то заметил, что иногда завидуют садистам, думая, что ими движет чистое <...> наслаждение от совершаемого зла. Однако подобное наслаждение не дано даже садистам, потому что <...> садист считает, что он добивается тем самым справедливости.

зался от утверждения, что Земля вращается. <...> Я же хочу показать на этом примере то, что <...> называю неделимостью. <...> Поэтому я утверждаю, что наше право мыслить «дважды два – четыре» <...> есть именно право, достоинство человеческое, и мы это уже испытали, когда отказывались говорить, что дважды два – пять. <...> Право мыслить и есть то состояние, <...> в котором я есть личность, и оно неделимо в одном простом смысле, что уничтожение его в одних случаях уничтожает достоинство мысли во всех других непредсказуемых случаях, которые не имелись даже в виду. <...> Когда мы имеем дело с мыслью, мы имеем дело с таким состоянием очевидности, уничтожение которого <...> может привести к непредсказуемым последствиям. Вот такого рода зависимости и есть то, что я называю гармониями. <...> Если ты хочешь присутствовать в истине, скажем, «Бог есть» и не хочешь присутствовать в истине «дважды два – четыре», то ты не в истине, потому что в истине можно быть, только полностью присутствуя во всех точках ее существования. <...>

Из этого следует два вывода: во-первых, истину можно назвать элементом, или стихией, в древнем смысле этого слова. <...> Скажем, вода является таким элементом, который пронизывает собой все вещи. <...> Не истинность мы приписываем чему-то, а мы находимся (или не находимся) в истине, в элементе истины. <...> И <...> если истина – стихия, неделимая форма, являющаяся источником вообще каких-либо истин, <...> то, конечно, она ни на чем <...> не держится. Когда мы спрашиваем, на чем держится Земля, то этот вопрос <...> продиктован нашим наглядным мышлением. И точно так же наглядность диктует вопрос об истине. <...> Между тем <...> истина всегда абсолютна, относительных истин нет. Относительными бывают только знаково-логические построения знания, а истина абсолютна <...> и, <...> следовательно, невидима, но точно определена. <...>

И второй вывод – мысль есть прежде всего действие. <...> Хотя мысль, несомненно, ментальное состояние, <...> но по сути <...> она есть действие, благодаря которому у нас и появляется, помимо отражения, возможность создать что-то. Ибо чтобы увидеть что-то, мы вносим порядок и потом видим. <...> Короче говоря, в качестве определения мысли я предлагаю следующую тавтологию: мысль есть возможность мысли. Или мысль есть возможность большей мысли. И также я определяю сознание: сознание есть возможность сознания. <...>

Это относится ко всему. Философы называют это актом «второго первого рождения», что можно пояснить так. Нечто, родившееся однажды и впервые, как это ни странно, может родиться «вторым рождением», т.е., уже рожденное, родиться заново. <...> Все это повторение некоторых первоактов. <...> Так же как и наша любовь есть исполнение в этом смысле первого человеческого акта любви. Мы каждый раз первые Адам и Ева. Это свойство нашей сознательной жизни, она так устроена. Просто в нее нужно вдуматься, потому что из этого вытекают последствия.

Так вот, второй шаг и заключает в себе возможность того, что в исполнении будет существовать то, что родилось когда-то в первый раз. <...> Когда я говорю, что мысль есть возможность мысли, я «мыслью» называю создание возможности того, что такое второе первое, или снова-рождение может случиться. <...>

Проиллюстрируем это. <...> Мы обычно полагаем, что существуют некие чувства и представления до стиха, а стих есть их выражение. Но как предупреждал Рильке: «Werkes sind keine Sentimente» стихи вовсе никакие не переживания, <...> т.е. не выражение сентиментов. <...> Он имел в виду, что стихи и есть то, после чего стали возможны мои чувства и представления. <...> «Гамлет» написан – в мире стали возможны и существуют вполне определенные переживания, мысли, чувства и представления. <...> Мы по-новому увидели мир. Скажем, как об этом писал Пруст, после полотен Ренуара существует мир Ренуара, который нас окружал, но мы его не видели. А после его полотен он стал возможным. После Ренуара мы видим в мире женщин Ренуара. <...> Чувства возникают в человеке не потому, что у него определенная психофизическая организация и он способен вдруг эти чувства испытать, а потому, что возможность их рождения потенцирована в пространстве произведения, скажем стихотворения Рильке или трагедии «Гамлет». И тогда нас интересует «Гамлет» как структура и почему ее элементы, их сцепление и резонанс между ними рождает мысли. <...>

Пойдем дальше. Если я говорю то, что говорю, значит, должен сам соответствовать этому. <...> Из того, что я говорил об истине, вытекает еще одна важная вещь. <...> Каждый идет из своего далека, <...> и в том пространстве, в котором человек идет, нет никаких привилегированных точек, где каким-либо преданным образом <...> явилась бы истина. <...>

Совершенно случайно мы родились там, где родились. <...> Акт рождения не есть необходимое продолжение истории того места, в котором мы родились. Например, в Грузии. А я вообще родился в городе Гори на улице Карла Маркса. Я родился случайно, но существует ведь какая-то связанность, которую я называл «неделимым движением истины». Так вот, я вхожу в это движение неким актом. Большая часть таких актов завязывается в детстве и потом исчезает, уходит куда-то в глубину, в фундамент. Ну, разумеется, мы должны в этом случае отказаться от мысли, что <...> мол, это и есть история: одни люди рожают других людей, люди с определенной культурой рожают людей с другой культурой и т.д. Нет этого. <...> Культура рождается заново (или не рождается) каждым поколением, если оно совершает какой-то акт, <...> которым завязывается история, завязывается все, что было до. На его основе мы определяем, к какой истории мы принадлежим, что продолжаем, с чем в преемственности находимся. <...>

Дело в том, что это несомненное переживание мы испытываем всегда как граничное переживание, посредством которого оказываемся пе-

ред невозможностью возможного или перед возможной невозможностью. Скажем, в детстве у нас есть эквивалент этих состояний, когда мы с ясным сознанием себя как искренних, правдивых и имеющих право, оказываемся со всеми этими чувствами – неуместными и не принимаемыми миром. <...>

Возьмем <...> простой пример из первой части романа Пруста – «По направлению к Свану». Сцену, где его герой, маленький мальчик, переживает, почему его мать не приходит, причем переживает в метафорическом <...> смысле, который разыгрывается в воображении мальчика. <...> И знаком этого оказывается звон колокольчика. Колокольчик висит на садовой калитке. Когда <...> калитка открывается, значит, уходит Сван, присутствие которого отвлекало мать от сына. Сын в это время ждет ее в своей комнате, наверху, чтобы она поцеловала его на ночь. Переводя сказанное на наш язык: он ждал и не мог заснуть, не ощутив себя охваченным защищающим его и теплым, всеобъемлющим лоном, прообразом которого является пребывание ребенка в материнском чреве. Т.е. материнский поцелуй для него носитель несомненного человеческого чувства – любви к матери. <...> И это ожидание ребенка, который совершенно искренен и невинен в своем чувстве, <...> для матери выступает как террор посредством любви. Вы знаете, что террор посредством любви для нас совершенно невыносим. Мы воспринимаем его как покушение на нашу свободу. И она <...> раздраженно откладывает, оттягивает момент, когда ей нужно все-таки подняться и поцеловать сына, хотя знает, что она его тоже любит, и он может не заснуть. Но для нее это неуместное и тем самым вызывающее раздражение требование правой любви, <...> не содержащей никакого зла, <...> греха. <...> Сван ушел, но она не приходит, обрекая сына на долгие минуты, которые кажутся ему часами ожидания. Значит, в этом своем правом чувстве, невинном и искреннем, он изгнанник в этом мире? Никому не нужен? Наложите это переживание на <...> ряд ощущений, связанных, скажем, с чувством несомненной справедливости. <...> В момент, когда я <...> готов произнести некое истинное свое видение, оно уже обернулось ложью. Ну а я-то его испытываю. Казалось бы, что может быть человечнее ясного видения справедливости или ясного ощущения невинной любви? Это и есть граница. Именно такого рода вещи я называю актами. В них завязывается история, потому что при этом может случиться <...> так, что у мальчика действительно возникнет комплекс Эдипа. Т.е. в нем разовьется метафора отца и <...> соответствующие чувства – любовь и ненависть к отцу или матери и т.д.

Завязалась история, потому что из опыта таких актов выступают фигуры универсального опыта сознания, который проделывался другими людьми в данной культуре или вообще в истории человечества. И через них что-то уже начинает длиться. Не мальчик впервые выдумывает ненависть к матери, а ненависть выводима из структурных элементов са-

мого этого акта, который завязал историю. Какими-то актами мы всегда завязываем ту или иную историю. И в них всегда присутствует то, что я назову «неразрешенным сознанием», несущим некое бремя и муку страдания. Сознанием, которое на границе, потому что оно выталкивается эмпирическим миром. <...> Такие неуместные ситуации как раз и переживаются как возможные невозможности. Когда мир, даруемый мне поцелуем, я воспринимаю как мою невозможную возможность. Т.е. другого человека воспринимаю как возможную невозможность... самого себя. Это же естественная часть моего существа в полноте меня самого – и невозможно! Повторяю, здесь важны оба слова: и возможное, и невозможность.

В тех местах, в которых мы родились случайно, а потом совершили акты и завязали историю, мы очень часто, проходя путь, приходим к таким метафизическим невозможностям. В детстве они случаются произвольно, как бы сами собой, а на уровне взрослого опыта с той же структурой повторяются в наших социальных, гражданских и иных взаимоотношениях. Когда мы сталкиваемся с ситуациями, которые неразрешимы просто в силу того, что человек А в месте В совершил действие С, а другой человек в каком-то другом месте совершил еще действие, и они сцепились таким образом, будто каждый «встал не с той ноги». <...> С одной стороны, простейшее психологическое переживание ребенка <...>, а с другой стороны, скажем, интеллектуально изощренные переживания, характерные, в частности, для великих австрийцев – писателя Роберта Музиля и философа Людвиг Витгенштейна, не говоря уже о Фрейте. Переживания по поводу того, что все сцепилось в XX веке особым образом и, что ни делай, все обернется не так, как хочешь. Отсюда, кстати, у Музиля и появляется его роман-утопия о «человеке без свойств», который не имеет завязок или должен устранить их в себе, поскольку любое свойство – хорошее или плохое – так сцеплены друг с другом, что вся ситуация <...> превращается в хаос и абсурд. И его сознание, которое это видит, есть граничное сознание. <...> Ясное сознание, с которым ты стоишь перед этим сцеплением, оно и есть ядро и начало мысли. <...>

Я пытался пояснить смысл человеческого состояния перед лицом метафизических невозможностей, которые открываются нашему взору в ситуациях особого сцепления <...> обстоятельств. Проследить их во всех деталях мы не можем, но имеем ясное сознание того, что попали в какое-то непроходимое место. <...>

Эти ситуации я и называю «делаю, что противно, и не делаю то, что хочу». <...> Представьте себе Сократа, считавшего, что в силу его связей с людьми он должен просвещать их. У просвещения <...> (или обучения) есть, как известно, свои правила, <...> которые мы выполняем. И Сократ, естественно, тоже выполнял их, понимая, что образ учителя вообще-то противен, и учить кого-либо бесполезно, если человек сам не стремится к этому, исходя из собственного опыта. <...> Нет ничего хуже, когда тебя

втискивают в образ учителя и ты из него уже не имеешь права вырваться. <...> Сократ понимал, что с философской точки зрения вообще не существует дела как <...> налаженного механизма, которым человек мог бы служить, проявляя тем самым свои качества, <...>, мышление, <...> героизм и т.д. И тем не менее, <...> когда пошел на смерть, он <...> разорвал цепь человеческой солидарности и правил, посредством которых нужно достигать благородных целей... Ну, скажем, необходимо было бы где-то помолчать, <...> или же согласиться на изгнание. Ведь греки готовы были дать своему философу убежать, они вообще-то не очень серьезно собирались его убивать: приговор был скорее ритуальным жестом. <...> Сократ же почувствовал свою ответственность перед чем-то, что полностью освобождало его от участия в человеческих делах. Он считал, что малейшая неправдивость разрушает ту правду, ради которой он жил, во-первых, а во-вторых, для него важнее было быть в точке один на один со смертью (или с Богом), потому что только в этой точке можно знать нечто, что без этого и не в этой точке никогда не узнаешь.

И то же самое можно сказать о жизни Христа. Если вы обратите внимание на <...> то, как реально выглядела ситуация в Израиле того времени, вы поймете, что от идейного вождя, от Учителя ожидалось участие в <...> делах его народа, в частности в борьбе с римским гнетом. Но, как и Сократ, Христос выпал из точки дела и вошел в другую точку (назовем ее сократической). Хотя часть правды была, несомненно, и у тех людей, которые ожидали от него спасения от римского владычества. Но <...> он продолжал иметь то сознание, ответственное только перед лицом Бога, для которого проблемы израильского государства и войны с Римом не существовали. Перед лицом Бога у человека другие проблемы, нежели те, которые разрешаются в точке национального интереса¹. <...>

Я тоже мог бы оказаться в Чернобыле и сделать такое, от чего мне было бы противно. Но <...> мысль есть невозможность отказаться от сознания. <...> И я не презираю людей, совершивших в Чернобыле действия под видом героизма. <...> В публичной, гражданской жизни я готов поступать согласно нравам и обычаям той страны, в которой я живу. Но я не могу отказаться от сознания <...> того, что я вижу. А вижу я в таком случае, как выражался Борхес, тайну пути порядка. Это тайные сцепления того, как все выступает передо мной. Это как бы ослепительное человеческое прозрение, что все есть часть многосоставной гармонии. <...>

Быть способным на мысль – значит быть способным на жестокость, способным сказать самому себе: это так, как бы мне ни хотелось бы. <...>

¹ Поэтому есть и такая интерпретация поступка Иуды: он совершает свое преступление отнюдь не за 30 сребреников, <...> а из идейных соображений. Его можно назвать «прото-идейным преступником», т.е. архетипом всех последующих идейных преступников. Он спасает дело Христа от Христа. Заботится о бедных, а этот безумец явно делает что-то другое. Христос проходил свой путь, а Иуда спасал дело.

Скажем, в эсхиловской драме Орест, мстя за смерть своего отца, убивает мать. Но он совершает убийство с сознанием, которое отличается от этого действия. Ведь он слышит ее голос, голос материнской правды. Но героем его делает не месть, а то, что он не лишается сознания. Он не совершает этого акта из чувства мести или ненависти к матери. Наоборот, он слышит ее голос, он сын и не должен убивать – по смыслу это должно свершиться. Должно быть наказание за преступление, совершенное матерью, и наказание руками сына. И руки его действуют. Он готов отвечать за это. Нести ответственность. Т.е. он готов к тому, чтобы в его голове велся диалог между различными и несовместимыми правдами. Это апория. Он продействовал в апории. Потому что, по-своему защищая свою правду и убивая мать, прав и он. <...>

Для античного героя голос земли, <...> архаических сил имеет какую-то свою правду, а голос полиса, гражданственности (или государственности) имеет свою, другую правду. И мыслящее сознание должно держать их как части одного сцепления. Это трудно, конечно. Эти «тайные пути порядка», по поводу которых прекрасный русский поэт Ходасевич выразился так:

Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый¹. <...>

Простой душе – невыносимо. <...> Она будет кого-то ненавидеть, кого-то обвинять, всегда других, конечно, никогда саму себя. И, главное, простая душа не будет видеть. Поскольку ситуация, когда я делаю то, что противно, и не делаю того, что хочу, складывается так, что мы в ней запутываемся. <...> Поскольку то, что хочу, может быть, вообще опасно для окружающих. <...> Я могу держать эту мысль. А сможет ли другой? Я могу быть свободным, а не опасна ли будет моя свобода для соседа, с которым я нахожусь в человеческой связи, поступая так, как диктует мне ясное сознание? <...>

Сознание апории, <...> или <...> стояния перед лицом невозможностей, начинается с <...> вопроса: «Но при чем тут я?» Если все так сцепилось, при чем тут я? <...> Помните, <...> какой смысл тогда переживать, если я умру? Смысл пока мы видим только один: если я есть с теми чувствами и мыслями, которые содержатся в этом ясном сознании, то, может быть, будет другое. Т.е. изменится мир, и если другое наступит, то я бессмертен в том смысле, что я везде буду там, где будет другое, если здесь я прошел свой путь и впал в эти мысли и чувства. <...> В таком сознании содержится и сознание того, что это именно я мешаю другому миру своим телом. <...> Потому что оно участвовало вместе с другими, чтобы все это неразрывным образом сцепилось. И тем не менее хорош я или плох, но что-то спонтанно порождается во мне самим фактом моего существования, которое может осознаваться как помеха, и тогда...

¹ Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С. 131.

можно не бояться смерти. Когда мы не боимся смерти, тогда мы и оказываемся в точке, где начинается мысль. <...>

Но обратите внимание, когда есть это сознание, что я в полной невинности и чистоте своих помыслов и чувств, не совершив ничего плохого, хочу общаться с другими людьми, воссоединиться с ними, именно в этом я отрицаю миром. И эта ситуация разрешается подчас самоубийством. <...> Человек как бы актом самоубийства показывает самого себя: вот что вы не оценили и потеряли, а я вам покажу, каков я. <...> Так же как мы можем наказывать других своей святостью или <...> бедностью. Есть такие парадоксы в нашей топографии душевной жизни. Если вы помните, в одной из песен Высоцкого даже ангелы поют злыми голосами. Этот злой голос как бы наказывает мир за то, что тот его не понял. <...>

Когда мы находимся в этом смертном моменте, мы перед лицом. Тогда мы видим себя. Это единственная ситуация, в которой мы лицом к лицу, а не в отражениях зеркала. <...> Точнее, видимо, было бы сказать: «Смерть показала мне лицо». Ведь оно может быть и без черт; например, в одном из фильмов Бергмана лицо смерти представлено циферблатом без стрелок. Очень наглядный символ того, что смерть в данном случае обозначает простой факт отсутствия времени. И в этом интенсивном переживании взято все. Ибо какая разница: если все равно должен кончиться, а все окружающее меня не кончится, то есть ли разница, умру я сегодня или завтра (или через десять лет)? Имея в виду лицо, мы должны помнить одну простую вещь — не существует изображения лица. Обратите на это внимание и подумайте: можно ли изобразить лицо? Просто лицо человека. Лицо изобразить нельзя, оно есть нечто существующее, есть то, что мы увидели. Я утверждаю, что названное мною «сцеплением» (или судьбой), когда оно освещено смертью, есть не изображение, а лицо. То, что само себя изображает таким вот образом. Оно — выразилось. Все остальные элементы являются изобразительными, а само лицо не есть изображение. Лицо есть лицо. Оно само себя выражает, или изображает. Впервые увидев себя, я вижу лицо, а не изображение. <...> Мы ведь в зеркале себя не видим, а видим себя, смотрящего в зеркало. И <...> в наших идеологических представлениях, <...> частях сознания мы не видим себя вовсе. Мы видим кого-то, имеющего о себе такие-то представления и так на себя смотрящего. Это не мы сами. <...>

Символ смерти потому является начальным толчком работы мысли, что видение реальности является оборотной стороной видения и понимания смерти. В нашем жизненном, бытовом мышлении смерть ведь для нас всегда что-то далекое. <...> Вот завтра, причем в неопределенном завтра, я буду хорошим. А если в промежутке случится смерть, тогда она, конечно, бессмысленна. <...> А если наоборот, если символ смерти означает превращение далекого в близкое, то взгляд смерти, который видит конечность, входит в самую жизнь. Внутрь ее, потому что это самое

близкое. Ведь наше мышление есть просто приближающий взгляд, подобный телескопу. Оно приближает большое, лишь кажущееся маленьким. Обычно какая-то деталь кажется маленькой, а на самом деле это что-то громадное и близкое. Ну, скажем, фраза, написанная на плакате в Чернобыле: «Чернобыль – место героизма». Можно пожать плечами, но в действительности это самое близкое, лежащее в существе нас самих, если мы об этом мыслим. Мысль есть наша способность приблизить, сделать близким нечто далекое. <...>

Мысль есть состояние, в котором мы находимся и можем пребывать, концентрируя условия того, что мы находимся в этом состоянии в противовес всем силам природы и потому естественной необходимости или тому, что я называл сцеплением. Подобно обрушившейся на вас волне. <...>

И вот после того, как я расстался с вами в прошлый раз, <...> я случайно посмотрел фильм «Остановился поезд», сделанный по сценарию Миндадзе Абдрашитовым¹. Этот фильм является <...> одной из самых простых и ярких иллюстраций того, о чем я вам говорил. Если вы его видели, то помните, что следователь расследует случай железнодорожной катастрофы. <...> Он как раз попал в сферу мысли и стоит перед волной, а волна составлена очень страшно. Почему страшно? Да потому, что она соприродна ему самому.

Посмотрите на ситуацию в фильме. Там изображены существа, которые борьбой за выживание сбиты в коллективный организм, <...> подобный колонии полипов <...>, взаимно паразитирующих. Они все связаны <...> тем, что я называл бы *удавкой человечности*. И при этом все время звучит одно слово – «понимаешь». Все друг к другу обращаются с этим словом. И даже если вслух его не произносят, то все ситуации таковы, что так и слышишь: «Ну, ты же понимаешь, что он не герой, но ведь все – хорошие люди». Т.е. какое имеет значение, герой или не герой, если путем обмана его вдова может получить квартиру...

Ведь что случилось: один работник по человеческим причинам выпил и не вышел на работу, поэтому некто вместо него, не имея на это права, подписал постановление техосмотра о готовности локомотива. Второй, в силу сложившихся обычаев и того, что ничего нельзя выполнить по инструкции, поскольку они нежизненны, <...> выпустил локомотив с испорченным спидометром. Стрелочник заложил вместо двух колодок, полагающихся по инструкции, одну колодку. Т.е. во множестве точек

¹ СССР, «Мосфильм», 1982, цв., 96 мин. Автор сценария: Александр Миндадзе. Режиссер-постановщик: Вадим Абдрашитов. В ролях: Олег Борисов, Анатолий Солоницын, Михаил Глузский, Нина Русланова и др. Публицистическая драма. «В результате аварии пассажирского поезда гибнет машинист. Приехавший для расследований обстоятельств случившегося следователь убеждается в том, что этот случай – закономерность в цепи служебной недобросовестности на всех уровнях организационной структуры железнодорожного управления. Прокат – 6.2 млн. зрителей.» (nashekino.ru).

произошли понятные и человечески обыденные действия, а сцепление их таково, что человек, который совсем не герой и не собирался быть им, оказывается внутри образа героя, «жертвуя» своей жизнью, чтобы спасти пассажиров. <...> И нельзя это назвать даже злом или добром. Попробуйте назовите это злом, когда человек отправил локомотив в неисправном виде. Я обращаю ваше внимание на сам способ описания, т.е. на мысль как на инструмент нашей ориентации в реальности, жизни в ней. Можно назвать это злом? Нет. Добром? Нет. Перед нами что-то смутное и в общем отвратительное, чему нет названия. <...> Но как в действительности все происходило, неизвестно. <...>

И неизвестно то состояние, которое мы пытаемся как-то определить, почувствовать, определить как мысль и понять, что такое ум. Мы-то теперь понимаем, что есть и может быть <...> не являющееся формальным определением, а <...> некоторой базой для нашей собственной прикидки на самих себе, чтобы в себе понять, что такое ум. И на основе этого сказать, что ум – это некое *полное и абсолютное уважение к тому, что ты видишь*. <...> Не оставляющее никакого места для вольных интерпретаций. <...>

Только в этом смысле гений и злодейство несовместимы. Не моралистически, <...> а просто гений, т.е. человек мысли, <...> не может мыслить так, чтобы в мысли содержалось еще что-нибудь другое, исключенное абсолютным уважением к тому, что перед тобой. Следовательно, мысль не идеология. <...> Идеология есть нечто, что мы принимаем всегда по внемысленным причинам и интересам, <...> а о мысли не может возникнуть вопроса: принимать или не принимать.

Когда я мысль отличаю от идеологии, я мыслью называю что-то, чему невозможно дать позитивный предмет. <...> Поскольку мыслью является *что?* Сосредоточение, концентрация условий того, что ты можешь пребывать в этом состоянии. Что ты потом увидишь, это будут те или иные мысли, а сама мысль есть *вот это*. <...> В мысли нет никакого конкретного содержания. Точно так же, как нет такого содержания у совести. Совесть – это какой-то ясный для нас голос, но который заранее не имеет никаких критериев, никаких предметных признаков, по которым мы могли бы определять, <...> что является совестливым поступком, а что не является. <...>

<...> Мыслить – означает быть подвешенным в беспредметном состоянии и быть способным ждать. Все, что мы делаем, преходяще и гнило, – помните, в Екклесиасте «Все суета сует». Но с одной интересной оговоркой: <...> все вещи в *труде*. Тогда как сделанное – <...> преходяще и суета, а состояние видения действительности есть состояние способности ждать, не вносить в него <...> никаких возгласов и восклицаний, <...> что англичане называют *acting out*, т.е. разрешением посредством разыгрывания, или компенсацией. Скажем, мысль как компенсация чего-то, <...> способ показать самого себя, <...> сублимация. Короче говоря, ничего скорого,

а только то, что в *труде* создается. <...> При этом очень важно понимать <...> состав того, что называется актом пребывания в мысли – некое терпение, труд, способность соседства. Скажем, видеть беду, нищету, глупость и быть способным удерживать это в своей душе так, чтобы это не входило искажением в мысль. Поскольку иначе, реагируя на беду, можно свое мышление построить как способ компенсации этой беды. И тогда человек в своих актах мышления будет все время нуждаться в том, чтобы бедняки или несчастные были. Если отнять у него несчастных и бедных, у него отнимется смысл существования¹. <...>

Душу, которая способна к этому держанию времени, мысли, нашего следователя <...> я бы назвал *классической душой*. <...> Но здесь есть уже и <...> идеологическая вариация. Скажем, можно превратить себя в мыслящего идола, <...> и пытаться перестроить весь мир. <...> Как бы подложить под мир <...> рациональную конструкцию, которая именно <...> твоими умными силами выдумана. В свое время, в частности, Симона де Бовуар осознавала себя и друга своей жизни Сартра примерно так, что их мышление и есть нечто такое, к чему должен обратиться весь мир за поучением, как жить. По меньшей мере это весьма симптоматично как раз в том плане, что такого рода высказывания для другого, кто мыслит, и являются теми впечатлениями, которые нужно продумать до конца. <...> Т.е. <...> увидеть странность этого высказывания и <...> расшифровать: что на самом деле этим сказано². <...>

Только на пределе рождается мысль и извлекаются смыслы. Скажем, тот же следователь из <...> фильма «Остановился поезд» – это человек, который пытался стоять на пределе, границе. Для стоящего на ней время отсутствует, перед ним только лицо смерти. <...> И если он совершит <...> акт, диктуемый мыслью <...> это <...> останется. <...> Т.е. только тот, кто движется в неведомом и в незнаемом, где он получил уникальный опыт, который принадлежит только ему и только он может извлечь из него смысл, распутать его. <...> Как собственное незнание, которого нет ни у кого другого. Подобно тому, как мы все должны иметь свою тень. <...>

Русский философ Шестов говорил, что есть две вещи, которые всегда только личные: это смерть (умираешь только ты сам, за тебя никто

¹ Кстати, у русских нередко именно поэтому должен быть еврей, я бы назвал его «любимым евреем», а у революционеров обязательно должен быть «бедный пролетариат», хотя они не видят, что современные рабочие живут хорошо. Почему? Не по психологическим причинам, а потому, что акт мысли революционера приводится в движение только как сублимация и компенсация «бедности». Если не будет бедного пролетариата, то не будет и меня, зачем же я тогда вообще мыслю, зачем строю теорию?

² Или другой пример. Одна из деятельниц «красных бригад», Майнхоф, высказалась как-то не менее странно. Свой терроризм она объясняла таким образом: буржуазное общество – это фашистское общество, и нужно нашими акциями актуализировать потенциальный фашизм буржуазного общества, тогда все увидят это и придут к нам за поучением, как жить <...>.

не умирает) и – вторая вещь – понимание; <...> акт понимания – абсолютно личный. И я бы добавил к этому еще третью вещь – *тень*, имея в виду под ней собственное незнание, *личную утменность*, которая должна как-то разрешиться. И это вообще закон мысли. <...> И поэтому для нас важен опыт Достоевского, описавшего действительных бесов, поскольку он следовал при этом, по его словам, <...> реализму собственной души; эксплицировал действительный смысл и <...> облик реальности, существующей в виде побуждений прежде всего в нем самом. Т.е. делал это с сознанием, что бесы – это я, и останавливал в себе бесовскую возможность души, которая без такой проделанной работы выплескивается в других людях, <...> если ты в себе ее не остановил. Ведь в каких-то точках должны прерываться акты рождения бесов. Доступная точка – это прервать их в самом себе. <...>

Я снова возвращаю вас к <...> чистой мысли. <...> «Чистое» есть нечто, на что человек явно не способен, поэтому – существуют символы. Только сопрягаясь с ними, мы можем давать в себе рождаться определенным состояниям, которые естественным путем в нас не могли бы родиться. <...> Например, способен ли человек в своей жизни на поступок, происходящий из чистого добра? Когда нет никакой задней мысли о выгоде. Так же как <...> чистая жертвенность, очищенная от неминуемых движений человеческой психики, <...> желаний и т.д. Я вам приведу пример библейского описания жертвы: герой по приказу Господа жертвует своим сыном. Он настолько верит в Бога и настолько чиста эта вера, что он дает сына на заклание и должен убить его сам. Но своей верой он спасает его, потому что, когда он уже занес меч над головой сына, рука Всевышнего остановила его. Это описывается как совершаемое человеком, но возможно ли это в действительности? Мог ли человек, совершая этот акт, не иметь в голове мысль о том, что все это делается не по-настоящему? И в последнюю секунду все-таки что-то не случится – Бог вмешается. Здесь, конечно же, описывается некий символический акт, в пространстве соотнесенности с которым я, как эмпирический человек, буду порождать в себе состояния, которых не было бы без символа. Т.е. того, что называется чистыми объектами: <...> мыслью, <...> верой – это некие конструктивные машины, порождающие нечто вопреки действиям сил природы. Ведь естественно быть эгоистом, думать прежде всего о себе, <...> стремиться к выгоде и т.д. А те состояния, которые мы считаем человеческими, рождаются в лоне <...> созданных символов. <...> Человек эмпирически не способен на это, но делает, находясь в лоне символа чистой мысли или <...> добра и т.д.

Ну, а теперь немножко расслабимся. <...> Я возьму простой пример из Пруста. <...> Ревнивый герой романа «В поисках утраченного времени» <...> Сван, подозревая свою возлюбленную, бывшую куртизанку, <...> спрашивает, боясь одновременно оскорбить ее, была ли у нее когда-нибудь любовь с женщиной. Т.е. он не просто ревнует ее к мужчинам, но и к женщи-

нам. И Пруст по этому поводу <...> говорит, что мы представляем порой реальность как возможное, подобно облаку, которое напоминает нам нож. Мы разглядываем облако и пытаемся расшифровать реальность <...>, а в это время <...> реальность вонзается в нас, как нож в сердце, не имея ничего общего с тем, что мы представляем. А что мог себе представить Сван? Он мог представить, что может и на что способна Одетт, исходя из того, что он знает о женщинах. <...> И поэтому, когда Одетт, раздраженная его настойчивостью, ответила: «Да не знаю, не помню, может быть, два или три раза», – то эти слова поразили его в самое сердце. Почему? <...> Он знал, что она могла быть порочной и осознавать свою порочность, могла иметь какие-то угрызения совести, но чтобы она вообще могла не помнить и относиться к своему пороку безразлично, – он этого не мог вывести из своих представлений о женщине.

Интересно, что всегда в такого рода моментах как раз и появляется <...> различие между <...> обращением к *психологии* в своей собственной жизни, и искусством как элементом этой же психической жизни. В частности, когда Сван обращается к психологическим познаниям, чтобы решить свою жизненную проблему – изменяет ему Одетт или не изменяет – и как быть <...> с такой любовью, в романе сразу вводится тема искусства, причем в весьма неожиданном <...> ключе: Сван потому не мог построить свою жизнь, что он остался дилетантом и не работал как создатель произведений искусства. <...> Речь идет об искусстве как о вполне определенном *жизненном акте*. <...> Искусство выводит нас за рамки нашего горизонта возможного, и <...> мы способны увидеть реальность. Так как то, что есть на самом деле, всегда закрыто экраном кажущейся жизни и нашей психологии, сплетенной с этой кажущейся жизнью, <...> а за этим экраном – реальность. И путь к ней лежит через искусство <...>, когда мы можем создавать соответствующие конструкции, которые способны генерировать в нас <...> состояния <...> понимания, чувства <...> и т.д. <...>

У таких писателей, как <...> Рильке или Пруст, <...> тоже есть это <...> различие, связанное как раз с искусством. Для них искусство и было этой другой действительной жизнью, в отличие от повседневной. Так как <...> пережить то, что в действительности <...> происходит, можно только через произведение искусства или через мысль (в нашем случае); это и есть другая жизнь внутри текущей, или кажущейся, жизни. Т.е. здесь постоянно проходит разделение: что я на самом деле переживаю и что мне кажется. <...>

Важно понять, где <...> именно Сван остановился в своем «странствии». Буквально застрял и не пошел дальше, хотя он был большой любитель искусства. Но <...> для него искусство было лишь областью ассоциаций. <...> Например, изображение ликов у Боттичелли он ассоциировал со своей любовью и крутился в кругу умильности и растроганности, гордости своим образованием, тем, что он способен думать об Одетт не просто как о бабе, как о ней думает какой-нибудь вульгарный ухажер, а он и Боттичел-

ли знает, <...> испытывая элегическую тоску о невозможной любви к прекрасной женщине. <...> И – закружился. А потом из этого кружения вышел: просто в один прекрасный день разлюбил Одетт. Так и не извлек никакого понимания из своей любви. Просто разочаровался. Вот так и мы качаемся между обманом и разочарованиями. <...>

Наиболее точным, хотя и абстрактным изображением <...> этого циклического рока является форма мифологического сознания. <...> Миф цикличен. <...> Одно и то же состояние в нем психологически повторяется на массе индивидов, оно как бы перерождается в других людей, отсюда миф о миграции душ и т.д. <...> Он задает эпохи человеческого созревания сознания на уровне мировых картин. Скажем, для того, чтобы вырос плод, зерно должно умереть. Это закон жизни. А чтобы стать взрослым, нужно пройти особый опыт представления себя как умершего — опыт инициации. Все обряды и ритуалы инициации всегда связаны с тем, что иницируемый в какой-то момент оказывается <...> перед лицом смерти, чтобы он мог представить себе ее и пережить. Тогда он может родиться к взрослой жизни. <...> Кстати, только после такого обряда человеку давалось имя. А <...> имя <...> – это название. Лицо. Отличие. <...>

Всякая повторяемость уже задана и отражена, как в зеркале, в мифе. <...> Но мысль, когда она рождается, радикально меняет все это, делая противоположный ход. Она заменяет работу мифа и ритуала. Одним из первых актов мысли является демифологизация и деритуализация. <...> Потому что мысль связана с феноменом личности. <...> Символы есть <...> описания состояний <...> психики <...> в той мере, в какой состояние психики трансформируется в аппарате сознания. <...> Сознание и есть та область, где появляется произведение искусства, <...> мысли <...>. Следовательно, существуют какие-то неорганические перцепции, которых у нас не было бы без произведений. <...> Эти мыслительные понятия, имеющие отношение к устройству нашего сознания, как раз и амплифицируют, усиливают наши состояния, доводя их до такого вида, когда у нас появляется возможность говорить о символах чистых воли, добра, любви. Все это – <...> изобретения, которые сами по себе никогда не могут случиться в качестве эмпирического события, поскольку они рождаются сами в их лоне. А мы, как известно, рождены Богом, по образу и подобию Божьему¹. <...> Проблема свободы в этом смысле – проста. Она была бы сложной, если бы состояла в том, кому дают, а кому не дают свободу. А проста она, к сожалению, потому, что свобода – это наша способность представить себе ее как нашу неотъемлемую и единственную возможность жить.

¹ Именно это означает эта фраза, а не то, что якобы был некий физический акт, совершенный Богом. Когда представляют, что Бог физически рождает физического человека, то это идолопоклонство, которое никакого отношения ни к мышлению, ни к действительному религиозному опыту не имеет.

А вы прекрасно знаете, что можно жить и не имея этой потребности. <...> От того, что мы знаем слово «свобода» и производные от него, ничего не меняется. <...> Убеждения не внушаются заповедями, хотя заповеди существуют. Они возникают <...> из собственного опыта мысли и сознания человека и тогда могут совпасть с заповедью. Т.е. фактически существует обратный закон: повлиять мысленно ни на кого невозможно. Потому что все растет только из самих людей, из некоторого внутреннего источника. Растет путем труда и борьбы. <...> На одной из бесед я говорил о лекарстве для человечества, что оно, будучи введено в человека, позволяло бы ему все время склоняться к добру и отклоняться от зла. <...> Что якобы возможно создание механизмов, которые собственным действием создавали бы всеобщее счастье. <...> Философ скажет: эти вещи исключены онтологически. <...> Это возможно для автоматов, а не для людей. Ведь человек устроен так, что счастье для него может быть только даром. Наградой. Случаем. Нет и не может быть механизма счастья. <...> Все высшие человеческие состояния – равенство, достоинство и др. – нельзя превратить в орудия и механизмы, поскольку главное, что есть в человеке, существует только на вершине волны усилия, в момент деяния. <...>

Я вам процитирую в этой связи одну странную фразу, она повторяется раза четыре в Евангелии от Иоанна и звучит так: «Настанет время, и это – сейчас». Т.е. сначала говорится, что настанет время (имеется в виду время Суда), после которого воскреснут люди. Но при этом Иоанн <...> меняет <...> временную форму глагола и добавляет: «это сейчас». Он хочет сказать, что это может происходить в каждой точке времени. Нет отдельно выделенного момента времени в другом каком-то мире, в котором это происходило бы. Если ты не воскреснешь при жизни в своих чувствах и смыслах прошлых состояний, то никогда не воскреснешь. Даже в загробном, мифологическом мире. Умным людям (а Иоанн, безусловно, принадлежал к тем, кто глубоко прошел опыт сознания) это было известно. И поэтому художник может сравнивать <...> стояние перед лицом произведения – с Воскресением и бессмертием. Подтверждая своим творчеством, что все же существуют такие вещи. Однако, думая о них, мы чаще всего используем <...> временные и пространственные термины «там» и «после», когда они не имеют смысла. В связи с чем гениальный Кант и говорил, что бессмертие души – это не предмет доказательства и знания. Нельзя пытаться представить себе смерть как нечто, что будет после смерти¹. <...>

¹ Чаадаев как-то очень хорошо сказал одному своему другу в письме по поводу того, что у них разные философии. В вашей философии, писал он ему, вас от загробной жизни отделяет лопата могильщика; сначала вы хотите прожить эту жизнь, а потом надеетесь на какую-то другую. А я считаю, что ничего этого не существует, что другая жизнь уже вплетена в каждый момент этой жизни и нужно постараться уничтожить эту обыденную жизнь внутри ее самой. Об этом идет речь, а не о том, чтобы прожить с какими-то надеждами и потом уже жить другой прекрасной жизнью.

А теперь приведу пример, <...> наглядно иллюстрирующий, что нечто происходящее <...> проглядывает для нас разорванным во времени и пространстве, в разных его точках, сейчас и потом, хотя случается все совершенно иначе или уже случилось в некотором завершенном плане бытия. Посмотрите на последовательность романтической биографии Пруста в романе «В поисках утраченного времени», и вы поймете, что сама жизнь есть разворачивание <...> некоторых символов, а акт мысли и становление человека есть <...> способность связать разные вещи в один символ и извлечь опыт – чему-то научиться или изменить (что одно и то же) самого себя.

В одной из частей романа есть такой эпизод. Герой наш, Марсель, сам же рассказчик своей юности, вспоминает о Елисейских полях, куда его водила нянька играть с другими детьми. Играя, он оказывается около уборной и ощущает какой-то сырой запах, который почему-то завораживает его и действует на него странным образом – остается чувство какого-то загадочного впечатления. Он подходит ближе, беседует с дамой, которая обслуживает эту уборную. Конечно, это просто запах мочи, но у Пруста стиль без нажима, поэтому он говорит о запахе сырости, влажноти, и описывается эта сцена так, как описывалось бы какое-то знамение, как если бы тебе был подан какой-то странный знак, который ты обязан постигнуть. <...> Через несколько лет <...> он навещает своего дядю по материнской линии, который славился тем, что он бонвиван <...> и известен своими любовными увлечениями. Мальчик пришел навестить его, и в комнате, в которую он вошел, было что-то обволакивающее, как запах той самой сырости, и промелькнула уходящая от его дяди гостья в розовом платье. И с тех пор для мальчика это впечатление сохранилось в памяти под названием «комната дамы в розовом». Опять завораживающее впечатление и явление чего-то значительного для его жизни. Почему-то вид и запах этой комнаты ассоциировались с запахами уборной на Елисейских полях. Кстати, чтобы и вы могли расшифровывать, дама в розовом, увиденная героем, и была Одетт, впоследствии любовница Свана – героиня дальнейшего развития событий. Впечатление «комнаты дамы в розовом» продолжается впечатлениями взаимоотношений Свана и Одетт, которые станут основополагающими и роковыми для нашего героя. Они архетипичны для его собственной любви. Он по колеям, проложенным Сваном, испытывал и проживал свою собственную, уже взрослую любовь к Альбертине. А во времена любви к Альбертине есть еще одно впечатление – от ее поцелуя на ночь, который заменяет ему поцелуй матери, без которого он в еще совсем раннем возрасте страдал, не в силах заснуть.

Все эти вещи стали символами, но, будучи расшифрованы, превратились в одно простое событие, простое состояние души человека, длительно проглядывающее в разных местах пространства и в разные времена. Ка-

кое событие? Единственно доступная для него форма любви – это обволакиваться, как во влажном материнском лоне: запах уборной был возможной для данного человека, ему предназначенной формой любви. Эта возможность снова и снова говорит о себе и разыгрывается, когда он случайно в доме дяди увидит пропорхнувшую мимо даму в розовом, и она запомнится ему, почему-то сочетавшись с запахом влажности. И не случайно, что она окажется Одетт, любовницей Свана, которую Сван ревновал и в которой, очевидно, нуждался так же, как Марсель – в материнском поцелуе. Другими словами, он ищет такой мир, из которого не надо было бы выходить наружу и который все время тебя бы нежно обволакивал. Вот что с ним происходило на самом деле, и он смог это описать и понять, овладев тем самым собой и остановив в себе это. Фактически весь роман есть прощание путем письма, избавление себя от материнского комплекса, в котором любовь отождествляется с материнским лонем. Такая любовь несет только муки ревности и зависимости, она может быть только несчастной, разрывая сердце, и, главное, не может быть самостоятельным источником радости. <...>

Тем самым Пруст показал себе, что на самом деле происходит, <...> посредством письма (искусства) приобрел и сохранил эту способность, но уже в другом виде, чем та, которой его наделила судьба. <...> Мысль совершается как акт, вбирающий в себя пространство и время, и вместо разорванных пространственно-временных мест, где и когда что-то происходит, сам акт становится источником событий и мыслей. <...> Во-первых, происходит не то, что я вижу, во-вторых, происходит не там, где я вижу это происходящим, и, в-третьих, происходит не тогда, когда я вижу это происходящим. Не тогда, когда я увидел даму в розовом или почувствовал запах сырости. Значит, актом мысли надо выйти из этого и построить конструкцию, которая позволила бы установить действительно длящееся событие. Так вот, акт мысли ведет нас от кажущихся эффектов к действительно происходящему, он является <...> созданием чего-то, чтобы мыслить, или <...> текста сознания. <...> Литературный текст у Пруста есть текст сознания, посредством которого он может видеть то, чего не увидел бы никогда, как его коллега по любви Сван. <...>

Искусство есть работа <...> над формой самого искусства, через которую мы <...> вообще что-то можем испытать в мире. Фактически всякое искусство есть воссоздание искусства и такой формы, благодаря которой – и только через нее – может случиться событие моего опыта, <...> знания, <...> понимания, <...> чувства или переживания. <...> Я имею в виду <...> *формы силы* <...> как некоторый замкнутый объем самого движения по какому-то пути, стянутый граничными условиями, напряженный внутри. <...> Способность подчиниться такой форме и есть в нас голос той точки, где перекрещиваются свобода и необходимость. <...>

Скажем, акты, руководимые верой в справедливость и совершаемые так, как если бы справедливость была, и есть справедливость. <...> В событии этом очень существенно и важно выполнение мыслей и чувств во плоти, в материи особого рода. Ее называют трансцендентальной материей, сверхчувственной, метафизической. <...> Декарт говорил, что человек есть метафизическая материя, имея в виду некоторую абсолютно телесную конкретность совершенно особого события, которое является превращением времени в историю. <...>

Образец такого события в христианской культуре, конечно, образ Христа, который является отличительным и решающим для подлинной христианской веры. <...> Речь идет об устойчивой теме и в Евангелии от Иоанна, и в Апокалипсисе <...>, где она проводится в форме простой задачи – чем отличается <...> Христос от Антихриста? <...> Чем отличается Христос от Антихриста или Антихрист от Христа? Все время у Иоанна мелькает мысль, что Антихрист отличается от Христа тем, что он идеален. <...> Антихристом является человеческая неспособность в конкретном, плотском, телесно-конечном видеть высшее как совершенное в нем. Это отрицание того, что возможно такое событие. Божественное не может явиться в мир, так как человеческое не идеально, не совершенно и так далее. А вот для нормального духовного познания человеком самого себя (а Евангелие является совокупностью духовных истин человека о самом себе) это совершенно ясно, предполагая высшую степень человеческого развития, мускулатуру мысли и души, а не мешка, набитого благи́ми побуждениями, идеальными стремлениями и прочее. Идеальные стремления – пожалуйста, тогда вам Антихрист больше подойдет, чем Христос. Спаситель же – плоть, но плоть особая, то, что я называл словами Декарта «метафизическая материя». <...>

Дьявол <...> отвлеченно идеален, без того <...> плотского события, которое <...> я могу назвать «сдвигом сознания». <...> Ну примерно так, как если бы человек, увидевший четвертое измерение, тем не менее имел бы силу и мужество понимать, что строить дом можно только в трех измерениях. Т.е. строить форму, которой ты способен подчиниться, хотя всякая форма несовершенна и конечна. И <...> именно бесформенные души (а их очень много вокруг нас) <...> предпочитают конкретному делу некий тайный смысл своей бесформенности. Всякое конкретное дело для них – не то. Раз не все, значит, ничего. <...>

Лейбниц <...> говорил, что если все измерять силой и <...> напряженной искренностью убеждения, то и у дьявола должны быть свои мученики. <...> Таким образом, все, что человек осуществляет в себе путем <...> рождения, – мы срезаем, оставляя только идеальность. <...> И если у меня есть непосредственное нравственное чувство, то я предъявляю свои требования к миру и желаю, чтобы <...> мир был устроен разумно и человечно. Можно выразить эту ситуацию так: раз у

дьявола могут быть свои мученики, люди, обладающие силой убеждения, искренние и чистые, то они настолько чисты, что, обуреваемые чистотой, требуют ее от себя и окружающего мира. Но мы уже лишили их плоти, сказав, что чистоту мы имеем только на уровне идеального, а их чистота есть не что иное, как истерика возможности идеального <...>. Это, конечно, отличается от позиции точной мысли, которую я все время пытался ухватить и которую сейчас резюмирую как *мужество невозможного*.

Только такая позиция содержит в себе действительный трагизм нашего бытия, состоящий в том, что мужество возможного есть видение невозможности возможного и держание себя в горизонте этого видения без истерики и внутреннего злобного разрушения, обращаемого потом на мир. Невозможность возможности – это когда все не сходится. Не сходится не потому, что мир зол и плохо устроен, а потому что в строгом смысле истинная жизнь невозможна, хотя она и бывает. <...>

Истерика возможности идеального есть состояние человека, который не способен на такое мужество <...> терпения, <...> есть действительно дьявольская мука, потому что она направляется возвышенными чувствами, а не корыстью. Исходит из требования, чтобы мир был таким, каким ему положено быть по идеалу. Поэтому <...> для спасения лучшей тысячи людей мы готовы пожертвовать миллионами, поскольку в исходном пункте шли якобы от благородного и непосредственно нравственного чувства. Защищая человека от страданий, беды, угнетения, насилия. Но, повторяю, мы восстали за человека, будучи уверенными, что он добр от природы. А на самом деле человек добр, только проходя путь и только под знаком формы, естественным образом ему не данной. <...> И как только мы нарушаем эту нерасчлняемую посылку, в ход идет наше сошедшее с рельсов мышление, которое вгоняет нас в рассудочную, раскаленную, но в то же время холодную истерику. Нигилизм <...> является продуктом именно такой истерики, которой обуреваемы, например, революционеры. Революционер ведь не может быть человеком, не мечтая сделать весь мир человеческим. И тогда возникает алхимия мысли. Т.е. предполагается некоторое слияния «чистых» элементов в одно тело, называется ли оно коммуной – праобразом всей социалистической мысли или государством – в смысле фашистского сознания, которое выразимо в утверждении связки людей – от итальянского слова *fascio* – «связка», «пучок». Связка дров, скажем. И по аналогии со связкой представьте себе сцепление человеческих тел, которые вызывают такой огонь, что они алхимическим образом превращаются в некую божественную, чистую субстанцию, очищаясь и рождаясь в лоне этого «фашио». Фашистская формула предполагала, что государство – единственное лоно, в котором может рождаться новый человек. А что такое новый человек?

Чистый, в котором преодолена оппозиция реальности и мысли¹. Тогда как мужество невозможного всегда (!) держится в рамках этой оппозиции. <...>

Необходимость формы (а это есть невозможность ее обойти) означает: что-то должно быть доведено до артикулированного, оформленного вида. Тогда есть жизнь. Но всякая артикуляция несовершенна. И вот здесь как раз и лежит то, что называется <...> неискоренимым, изначальным злом человеческого сердца. Оно связано с почти что невозможностью человека выполнять акт подчинения форме. Изначальное зло есть ненависть к человеческому, а значит – к конечному, несовершенному и слабому по сравнению с идеалом. <...> Хронически наблюдается в истории, что людям неведомо, что их собственная человечность. Она предполагает способность обустривать себя, свой дом, утварь и эти конкретные и презренные вещи (что может быть презреннее обеспечения жизни!) превращать в чашу, в которой, если говорить словами Гегеля, «пенилась бы бесконечность». Другого места бесконечности нет. Об этом прекрасно замечено еще в одном древнем египетском папирусе под названием «Беседа человека со своей душой». <...> Беседующий человек алчет идеального, высокого и не находит его в мире. <...> Этот диалог <...> состоит из последовательных шагов обоснования необходимости самоубийства. <...> В самоубийстве присутствует это ложно возвышенное состояние, которое в действительности своекорыстно, является разновидностью злобной святости. <...> Человек <...> видит, что ни одна человеческая реализация не похожа на идеал. Поэтому он и обосновывает уход своей души из этого мира. Но параллельно <...> в тексте все время звучит <...>: наверху так же, как и внизу, и вся проблема в том, что низ (материальный, конечный, конкретный, плотский) должен быть домом верха. <...> Низ – единственный дом для верха, или высокого. Голос изначального человеческого зла, грубо говоря, состоит в том, что человек способен сам себя уничтожить. Томимый «духовной жаждой». Невмогуту человеку сам человек. Прежде всего это рождается в тебе самом. <...> Будучи не способен подчиниться форме, ты становишься невыносим сначала самому себе, а потом, в силу нашей способности к сублимациям, рационализациям и проекциям, ты ненавидишь весь род человеческий и готов исправлять и уничтожать его, поскольку он не достоин <...> высокого. Он есть мерзость, которая должна быть истреблена. Поэтому действительно тонкие и наблюдательные мыслители не приписывали зло

¹ Когда огонь совместного рождения стирает различие души и тела, мысли и реальности <...>, то это обязательно выражается в каком-нибудь истерическом состоянии. Как на пиру во время чумы, когда чистые мученики дьявола, <...> сцепившись друг с другом, «рождают» нового человека, казня тех, кто не умещается в это прокрустово ложе совместного рождения. <...>

чувственной природе человека, которая слишком часто в виде системы удовольствий, желаний, наслаждений, чувственных реакций понимается как некая бездна, таящая в себе зло. Нет, не чувственная природа является источником зла, а то превращенное отношение человека к самому себе, когда человек становится саморазрушителем, потому что именно человечность ему неможется. <...> Кант такое зло считал неискоренимым в человеческом существе. Я не знаю, искоренимо ли оно, но мы должны ясно его представлять.

Поделюсь одним воспоминанием. У меня был друг – еврейка из Прибалтики, побывавшая в гетто, в советском лагере, т.е. имеющая опыт и того, и другого. И она рассказала одну поразившую меня вещь, которая показывает, что для человека наиболее содержательными, глубокими и многозначительными являются детали, мелочи, а вовсе не вселенские картины. Так вот, меня поразила деталь, которая в себе, в малости своей содержит всю картину особого отношения человека к самому себе. Ненавидит ли он в себе человеческий облик или способен жить в мире с ним, делая хоть пять сантиметров вокруг себя осмысленными и достойными жизни. Строить дом. <...> Моя знакомая ускользнула из рижского гетто, где было уничтожено около семидесяти тысяч человек, включая ее родных, буквально за день до расстрела. В нее влюбился один швед и предложил бежать с ним через залив. Ночь они провели в каком-то заброшенном домике на берегу моря. Они не знали, придет ли за ними лодка или их поймут и расстреляют. Но первое, что она сделала, попав в дом, – вымыла полы. И эта деталь, знак достойного отношения к себе и своей жизни, она возвышает. Неизвестно, сколько остается жить, но прожить это время мы должны как люди, а не как животные.

Недавно я смотрел фильм режиссера Лопушанского «Письма мертвого человека»¹. В нем изображена атомная катастрофа со всеми ее последствиями – как выглядят люди и ужасы почти что вселенского пожара, вселенской жестокости и <...> беды. Но интересно, что эти картины настолько несоразмерны человеческой чувствительности, что они перестают действовать на способность человека страдать, сострадать, волноваться и так далее. Только однажды возникла какая-то искра иного, действительного общения, которое является признаком искусства, я двинулся в путь переживания и изменения сознания, или катарсиса, как говорили греки. Я говорю о сцене, когда герой фильма остается в подземном убежище с детьми, которых не берут в новое человечество, воссоздаваемое после катастрофы, потому что это больные, забракованные дети.

¹ СССР, «Ленфильм», 1986, цв., 88 мин. Авторы сценария: Константин Лопушанский, Вячеслав Рыбаков, Борис Стругацкий (участие). Режиссер-постановщик: Константин Лопушанский. В ролях: Ролан Быков, Иосиф Рыклин, Виктор Михайлов, Александр Сабинин и др. Социальная антиутопия (mega.km.rumega.km.ru).

Но он остается с ними и устраивает рождественскую елку. Т.е. я хочу сказать, что для этого не нужно никаких изображений атомного взрыва. Если мы вообще способны что-нибудь почувствовать, мы почувствуем это выбором простейших средств и <...> ситуаций. Рождественская елка здесь – деталь, но она символизирует в пределе религиозный опыт человечества. <...>

А все невнятные влечения сердца и ума остаются в области какой-то темной тягомотины. Как у медведя, ворочающегося во сне, или сознания, изнутри заросшего волосами, в дебрях которого проложить тропинки невозможно. Нечто вроде тягостного и муторного сна, похожего на те сны, о которых немецкий поэт и писатель Готфрид Келлер сказал (это архетипический сон, наверное, он всем снился): «Как во сне скакать без коня». Представьте себе: вы бежите и у вас ноги вязнут, <...> вы скачете, но без коня. Это значит, что вы на месте делаете все эти движения и в ужасе от чего-то сонно вращающегося на месте. Наше сознание очень часто похоже на эту скачку без коня. Иногда это бывает кроваво, потому что такой медведь, когда ворочается, давит муравьев и мелких животных, которые под его тело попадают. <...>

Кант как-то заметил, что одно из величайших и совершенных чудес в мире – это душа, полная чувства, все время находящаяся в открытости тому, что может порождать в нас волнение и полноту бытия. Но чаще всего наши нервы притуплены или просто хочется спать. Мы закрыты. Или, наоборот, мы в полноте чувств, но человек, на которого направлены наши чувства, охвачен какой-то анемией и безответностью – и ничего не происходит, нет тока. Поэтому надо держать эту настроенность и иметь мужество невозможного, чтобы жить в таком мире, где в строгом смысле жизни нет места, хотя она случается. Это чудо. И, ощутить этот дар и незаслуженное чудо можно лишь понимая, что в тебе есть очевидность, нерасчлененная цельность, которая не является естественным, природным состоянием. <...>

Чудо как возможность соединиться со своей судьбой. <...> Понимая, что интенсивность твоего ожидания и достаточно большого числа людей в таком же состоянии <...> индуцирует в нас нечто отличное от <...> сцеплений потока естественной необходимости, <...> в котором пойдешь направо или налево – все равно будет одно и то же (я вам описывал это как апорию). <...> Ведь суть в том, что только в <...> далеком, которое есть как прошлое, так и будущее, мы сбываемся, исполняемся, можем состояться. Человек в этом смысле *долгое* существо, оно совмещено с бесконечностью явно и своим назначением выходит за рамки хронологического пробега своей жизни. <...> Если я серьезно что-то подумал, то я подумал то, что думал другой, или думает кто-то рядом, или подумают в будущем. Вот тогда, когда меня не будет, все кончится, а это не кончится. Если я в этом, то (употребляя уже известный вам символ) я бессмертен,

имею абсолютное, очевидное сознание собственного бессмертия. Бессмертен не как физический предмет и не как некая сущность духовная, а в смысле того, как исполняется мысль или духовное состояние на глобальном человеческом пространстве и времени. <...>

И если так человек мыслит, находясь внутри <...> долготы человеческого существа, <...> видит тайные пути порядка под бушующим морем идолов крови, почвы и страсти, то он, конечно, испытывает то, что можно назвать светлой радостью мысли. <...>

ТЕМА 13

Строение личности

Проблема строения личности, выделения ее составляющих. Взаимосвязь представлений о строении и развитии личности. Представление о строении личности в психологии сознания и поведения. Категория бессознательного в классическом психоанализе и динамическое представление о строении личности. Социальное чувство и препятствия его реализации. «Комплекс неполноценности» и его компенсация. Архетипы коллективного бессознательного как образцы постановки и возможного решения личностных проблем. Общее представление о телесно-ориентированной терапии. Представление о личности в гештальттерапии и гуманистической психологии. Потребность в самоактуализации как источник саморазвития личности. Представление о реальном и идеальном Я. Представление об основных видах психотерапии. Бихевиоральная психотерапия: коррекция способов поведения. Психоаналитическая терапия: помощь в решении личностных проблем. Гуманистическая терапия: понимание (постановка) личностных проблем и самоактуализация человека.

Вопросы к семинарским занятиям:

- ❶ *Личность как совокупность психологических качеств. Черты личности.*
- ❷ *Представление о личности в психоанализе.*
- ❸ *Личность и общение в транзактном анализе.*
- ❹ *Когнитивные теории личности. Теория личностных конструктов.*

❶ *Личность как совокупность психологических качеств. Черты личности*

Р. Мейли

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ¹

Введение

Определение

Понятие «личность» определяли по-разному. Олпорт², например, приводит 50 различных определений. Между тем эти различия касаются не столько самого объекта нашего исследования, сколько его концептуализации и отражают, таким образом, теоретические разногласия авторов. В настоящей главе, где нам предстоит познакомить читателя с современными представлениями о структуре личности, мы вправе ограничиться определением того объекта, структуру которого мы собираемся изучать. Определение природы личности может быть только результатом исследования и не может ему предшествовать. Что же касается объекта нашего исследования, то им является тот конкретный человек, с которым мы встречаемся на улице, на работе или во время отдыха. Таким образом, под термином «личность» мы понимаем *ту совокупность психологических качеств, которая характеризует каждого отдельного человека*. Личность является, следовательно, не абстракцией, а тем живым существом, которое мы можем воспринимать вовне или ощущать изнутри и которое весьма индивидуально. Психология личности должна, стало быть, обязательно учитывать индивидуальные различия, и целью ее должно стать как можно более точное их определение и объяснение.

¹ Экспериментальная психология / Под ред. П.Фресса, Ж.Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып.V. С. 197–198, 215–221.

² См.: Allport G.W. Personality, a psychological interpretation. N. Y.: Henry Hill & Co., 1937, 1949.

Три аспекта личности

В этом широком смысле термин «личность» включает в себя такие понятия, как характер, темперамент и способности, соответствующие трем ее частным аспектам.

Относительно любого действия всегда можно задать три вопроса, хотя для исследователя особый интерес может представлять ответ лишь на один из них. Можно интересоваться тем, какие инструменты, или механизмы, участвовали в осуществлении действия; можно спросить, как оно развертывалось, какова его энергетика, динамика — каковы его скорость, регулярность, интенсивность; наконец, можно попытаться выяснить, в чем смысл, каковы происхождение и цель действия. Ответ на первый вопрос связывают со способностями, на второй — с темпераментом и на третий — с мотивацией. До того как последнее понятие получило широкое распространение, все в личности, что не удавалось объяснить ни способностями, ни темпераментом, называлось характером. В настоящее время принято считать, что к сфере темперамента в указанном выше смысле следует относить все, что связано с врожденными предрасположениями, в то время как способности и в еще большей степени мотивация связаны с воздействием внешних событий или, другими словами, с научением.

Теория и практика

Личность является конечным и, следовательно, наиболее сложным объектом психологии. В известном смысле она объединяет в одно целое всю психологию, и нет в этой науке такого исследования, которое не вносило бы вклад в познание личности. В этом замечании не кроется притязание на чужие территории, равно как и не претендует оно на то, чтобы превратить психологию личности в головную дисциплину; нам просто хотелось подчеркнуть, что каждый, кто изучает личность, не должен игнорировать другие области психологии.

В настоящей главе нам предстоит говорить о структуре личности. Понятие «структура» предполагает, что многочисленные и всегда разные проявления личности детерминированы более стабильной структурой, составляющей их основу. Большая часть определений личности является фактически попытками уточнить сущность этой структуры. Поскольку последняя является чрезвычайно сложной и имеет бесчисленное множество качественно различных проявлений, необходимо найти ее основные компоненты или категории, с помощью которых стало бы возможным ее однозначное описание.

Экспериментальное изучение структуры личности началось сравнительно недавно, и даже в настоящее время количество «теорий» личности обратно пропорционально числу систематических исследований. Такая диспропорция неизбежна в области, где каждый эксперимент относится

лишь к частному факту, абсолютно несоразмерному сложности самого объекта. Необходимо и полезно пытаться время от времени осуществлять синтез всех накопленных фактов; кроме того, столь же правомерно обращение к личному опыту и интуиции. Такие суммарные точки зрения имеют лишь относительную и преходящую ценность, подсказывая пути возможной экспериментальной проверки. Мы не предполагаем изложить здесь все существующие позиции, однако по мере необходимости будем говорить о теоретических концепциях, лежащих в основе тех или иных исследований. <...>

Черты личности

Важность понятия «черта»

Мы предпочитаем пользоваться термином «черта», а не «качество» или «свойство», поскольку он более нейтрален. Согласно наиболее распространенному определению, «личность» — это совокупность черт, характеризующих индивида. Ле Сенн¹ определил характер как «совокупность врожденных предрасположений, формирующих умственный остов человека», к которой присоединяются «все элементы, приобретаемые на протяжении жизни», образуя, таким образом, личность. В США Принс дал сходное определение, и оно получило широкое распространение; совсем недавно Гилфорд предложил следующую, очень сжатую формулу: «Личность индивида есть специфическое созвездие черт». Отметим, что эти определения не являются результатом теоретических размышлений, они лишь отражают общепринятое мнение: описать личность можно, только указав ее характерные черты.

Эти очень широко распространенные, хотя и несколько сомнительные определения подчеркивают важность понятия «черта» в психологии личности. Непосредственно наблюдаемая черта выступала вплоть до наших дней в качестве первичного материала психологии личности. На непосредственное выявление черт личности рассчитаны все вопросники и анкеты, предназначенные для изучения личности; к определению черт неизменно приходит исследователь, наблюдая поведение испытуемого или анализируя результаты выполнения какого-то теста. Наиболее распространенный способ раскрытия структуры личности — во всяком случае до настоящего времени — был сформулирован еще Поланом² следующим образом: «Надо свести все черты характера к простейшим психологическим элементам, к простейшим формам основных психологических законов, выявляя при этом природу обнаруживаемых связей». Мунье³,

¹ *Le Senne R.* Traité de caractérologie. Paris: P.U.F., 1945.

² *Paulhan Fr.* Les caractères. Paris: Alcan, 1894.

³ *Mounier E.* Traité du caractère. Paris: Ed. du Seuil, 1947.

процитировавший это высказывание, добавляет: «Что касается этих так называемых “элементов”, то это выражение употреблено здесь некритически, просто как речевой оборот».

Действительно, язык предоставляет в наше распоряжение обилие слов, с помощью которых можно охарактеризовать личность или поведение. Олпорт и Одберт¹ обнаружили в английском языке около 17000 таких слов, из которых 4505 являются названиями черт, как таковых; Клагес насчитал 4000 таких слов в немецком языке, а Баумгартен, выбравший более строгие критерии — 1093. Этому множеству слов соответствует, очевидно, еще большее разнообразие различных проявлений человека. Однако большинство этих терминов используется в самых разных смыслах и относится, как правило, то к одному аспекту личности, то к другому, причем автор нередко не отдает себе в этом отчета. Робость, например, может обозначать манеру поведения по отношению к другим лицам; это же самое слово может относиться к черте (свойству) личности, объясняющей, почему человек ведет себя так робко. В этом случае можно на основании ряда наблюдений прийти к выводу, что человек должен обладать такой чертой. Можно еще более отдалиться от первоначального значения этого термина, превратив эту черту в некоторое измерение личности, что означает, что каждый индивид занимает определенное место на шкале, охватывающей все степени робости от минимальной до максимальной, и что этим положением определяется значительное число поступков или черт менее общего характера, которые как будто бы вообще не имеют никакой связи с робостью в первоначальном смысле этого слова. Наконец, черта может служить указателем типа, примером этого является употребление слова «экстраверсия». В самом общем виде следует признать, что один и тот же термин может употребляться на самых различных уровнях обобщения.

Чтобы избежать возможных недоразумений и придать большую строгость нашим рассуждениям о чертах и структуре личности, необходимо более четко выделить категории, которыми принято оперировать в этой области.

Первичная черта

Под первичной чертой следует понимать результат непосредственного восприятия того или иного аспекта личности. Мёрфи² рассказывает, что Вертгеймер любил проигрывать на фортепиано небольшие музыкальные пьесы, характеризующие присутствующих людей, а затем просил своих помощников определить их. Число угадываний значительно превышало уровень случайности. Вот пример глобального восприятия личности, тогда как при восприятии черт выделяется только один ее частный аспект.

¹ См.: *Allport G.W., Odbert H.S. Trait-Names: a psycho-lexical study // Psychol. Monogr.* 1936. 47. № 211.

² См.: *Murphy G. A biosocial approach to personality.* N. Y.: Harper, 1947.

Вспомним, кстати, что дети, даже совсем маленькие, научаются правильно употреблять названия черт, не имея при этом никаких, по крайней мере явных, психологических знаний. Такое научение было бы невозможным, если бы эти слова не соответствовали реальному опыту детей.

В своем первоначальном смысле черты — это гештальты высшего порядка, предшествующие рефлексии и психологическому анализу и представляют собой сырой материал научной работы. Этот непосредственный опыт тем не менее не всегда имеет чистую перцептивную природу, и необходимо различать разные степени его сложности в зависимости от того, является ли черта выражением того, что воспринимается в данный момент, или же в основе ее лежит продолжительный опыт. Так, у нас может сложиться непосредственное впечатление об отношении к нам какого-либо человека сразу же, как только мы с ним встретимся, или мы можем заметить, что человек боится, сконфужен, печален, весел, колеблется и т.д. Во всех этих случаях мы схватываем одномоментные черты поведения. Когда же в других случаях мы говорим, что некто робок, боязлив, нерешителен, недоверчив, эмоционален и т.д., мы выражаем результат совокупности наблюдений, конденсирующихся в одно целостное впечатление. Такая идентификация черты в известной мере аналогична распознаванию формы, являющемуся результатом многочисленных зрительных раздражений. Даже психолог, привычный к анализу, чаще всего основывает свои выводы не на формальных рассуждениях, а на непосредственных впечатлениях.

Первичная черта является, таким образом, результатом субъективного опыта. Однако все науки зависят от субъективного опыта. Даже точные науки основываются большей частью на восприятии цвета и формы, на смену которому лишь очень постепенно приходит объективное измерение. Субъективное происхождение черт не является, следовательно, само по себе препятствием к обращению к ним в научной психологии, однако неточность этих понятий — их «субъективность» в смысле «отсутствия объективности» — такова, что применение их связано с рядом трудностей.

Точность субъективного описания личности нельзя контролировать таким же образом, как сенсорное восприятие. Если в каком-то конкретном случае объективные измерения не соответствуют субъективным впечатлениям, было бы неправильно считать последние неточными. Можно утверждать только, что в этих двух случаях, возможно, была отражена не одна и та же реальность. Этот факт необходимо подчеркнуть, потому что в литературе очень часто отрицается ценность эксперимента, если его результаты не соответствуют непосредственному наблюдению, и наоборот, в то время как в действительности оба результата обладают собственной ценностью и не следует их смешивать.

Мы, безусловно, не можем обойтись без первичных черт, несмотря на всю их субъективность. Очень часто они незаметно для нас проникают в наши рассуждения. В целях анализа структуры личности часто прибегают к помощи объективных тестов, как это делали Кэттел и Айзенк,

или же пользуются так называемыми прожективными тестами. Чтобы интерпретировать результаты этих тестов, создаются новые понятия, не связанные с непосредственно наблюдаемыми чертами. Так, например, в случае теста Роршаха говорят об «интимном резонансе» или «типе апперцепции». В других случаях из общей психологии заимствуются такие понятия, как персеверация, фрустрация, уровень притязаний и т.д.

Однако в конечном счете оказывается необходимым обращение к чертам в первичном значении этого слова. Невозможно удержаться от того, чтобы не попытаться узнать, чему же в реальном поведении человека соответствуют результаты, полученные в тесте, как соотносятся они с личностью в том виде, в каком она предстает перед нами и какую мы описываем с помощью черт. Важность, которая придается обнаружению таких корреляций, настолько велика, что ценность теста определяется тем, в какой мере с его помощью удастся их выявить. Действительно, валидность теста обычно определяется тем, насколько полученные благодаря ему результаты согласуются с нашими знаниями об этой личности. В этом и заключается то, что можно назвать драмой личностных тестов: ценность таких тестов, устанавливаемая на основе этого метода, оказывается, как правило, весьма низкой, результаты тестов в большинстве случаев лишь приблизительно соответствуют применяемым критериям¹. Проблема валидности очень важна с практической точки зрения, но решение ее сопряжено с многочисленными теоретическими осложнениями. Нет никаких сомнений в том, что определение черты играет очень важную роль. Основная цель наших замечаний, касающихся тестов и их валидности, состояла в том, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость отчетливого понимания природы черты.

Пониманию черты как явления восприятия противостоит понимание черты как переменной.

Черты как переменные

Как только исследование личности приобретает научный характер, сразу же появляется потребность в том, чтобы заменить субъективное восприятие объективными данными. В результате черта начинает определяться посредством реакций или поступков, наблюдаемых в определенных ситуациях. В вопросниках перечисляются ситуации, в которых должна проявиться эта черта.

В вопроснике Нигневитского, о котором сообщает Бренгельман², мы находим, например, следующие утверждения, соответствующие черте, называемой ригидностью:

¹ См.: Meili R. Das Problem der Validation der Methoden der Persönlichkeitsuntersuchung // Z. diagn. Psychol. Pers. forschung. 1958. 6. S. 283–303.

² См.: Brenghelmann J.C. Extreme response set, drive level, and abnormality in questionnaire rigidity // J. ment. Sci. 1960. 106. P. 171–186.

Вы никогда не позволяете Вашим друзьям беспокоить Вас во время работы. Перед тем как отправиться в путешествие. Вы всегда заранее составляете план и точный маршрут, отклонения от которого всегда для Вас болезненны. Вы всегда предпочитаете знакомые и безопасные ситуации новым и неизведанным возможностям.

Вас всегда чрезвычайно раздражает, если непрошенные посетители проникают в Вашу частную жизнь.

В других случаях можно оценить степень выраженности какой-нибудь черты (пунктуальности, например, или стремления к порядку) с помощью оценочных шкал, в которых определенным степеням выраженности черты соответствуют конкретные поступки. В случае пунктуальности на одном полюсе шкалы находится педантичность или чрезмерная скрупулезность, а на другом — небрежность или бесцеремонность.

В этих примерах, число которых можно при желании умножить, выделяются два факта: 1) понимание черты в первичном и субъективном смысле этого слова и стремление отыскать посредством интуиции или собственного опыта такие поступки, с помощью которых можно было бы проиллюстрировать ее; 2) для того, чтобы не приписывать черте слишком специфическое значение, обычно подбираются различные ее проявления.

Такая методика приводит к тому, что подлежащая определению черта превращается в переменную личности (или свойство), которая проявляется в той или иной степени в некоторых поступках или детерминирует их.

Измерить переменную — это значит не только констатировать ее присутствие, но и определить ее количественно. В случае переменных поведения, которые нас в данном случае интересуют, обычно прибегают к следующим двум способам: либо в вопросниках количество ответов, указывающих на присутствие соответствующего качества, рассматривается как показатель его интенсивности, либо степень выраженности переменной определяется непосредственно с помощью шкалы оценок. Однако эти два метода искажают весьма характерным образом ту черту, для выявления степени проявления которой они созданы. В вопроснике число значимых ответов указывает, скорее, на количество случаев, в которых проявилась искомая черта у индивида, чем на ее «интенсивность». Систематическое изучение того, согласуются ли между собой результаты измерения черты, полученные с помощью этих двух методов, не проводилось, однако из практики известно, что человек может быть очень смелым (или ригидным) в одних ситуациях и совсем несмелым — в других. Мы еще будем говорить ниже об этой весьма противоречивой проблеме генерализованности черт: здесь же достаточно сказать, что с помощью вопросников можно непосредственно измерить только вероятность проявления черты, что совершенно не обязательно связано с ее «интенсивностью».

Измерение по шкале оценок влечет за собой другую трансформацию черты. Часто оказывается очень трудным определить на вербальном уровне различные степени таких черт, как храбрость, робость, мягкость и т.д. В

этом случае мы также имеем дело с вероятностью проявления черты или же с указанием различных поступков или ситуаций, характерных для каждой ее степени, не имея, однако, никаких доказательств того, что они обуславливаются одной и той же переменной.

Учитывая все сказанное, не приходится удивляться, что очень часто «измеренная» черта мало соответствует черте, полученной на основании глобальной оценки. Можно считать все это результатом субъективности и, стало быть, недостоверности оценок, но, очевидно, более правильным было бы сделать вывод, что переменная и черта являются просто различными реальностями. Черта — это воспринятый гештальт, а переменная — это измеримый аспект поведения. Исследователь, учитывающий это различие, может избавить себя от излишней работы.

Специальным методом, позволяющим объективно выявлять фундаментальные переменные личности, является факторный анализ, речь о котором пойдет в следующем разделе. Чтобы отличить эти переменные от других, выявляемых с помощью иных методов анализа, их принято называть факторами. По Кэттелу, как мы позднее увидим, факторы — это «глубинные черты», лежащие в основе «поверхностных черт». Таким образом, мы снова приходим к различению понятий «первичная черта» и «переменная».

Черта как генерализованная реакция

Под влиянием бихевиоризма в Соединенных Штатах появилось много сторонников третьей концепции черты. Утверждение Уотсона, в котором выразилась его уверенность в том, что из одного и того же ребенка можно сделать как преступника, так и гения, высказанное им в его фундаментальном изложении теории бихевиоризма, приобрело большую известность. Это утверждение предполагает отрицание детерминирующих черт личности с самого начала ее становления. Если бихевиорист и говорит о черте, то только как об ответе, наблюдаемом в нескольких ситуациях и имеющем некоторые общие элементы, т.е. в смысле генерализованной реакции. Если же в результате повторных подкреплений определенный ответ распространяется на различные ситуации, то можно говорить о черте. Газри¹, сформулировавший теорию личности с позиции ассоциативного научения, приводит в качестве примера профессиональную деятельность, где человек очень часто оказывается в аналогичных ситуациях, требующих реакции с его стороны.

Согласно этой теории, вероятность того, что ответ станет генерализованным, не слишком велика и, стало быть, не может существовать слишком

¹ См.: *Guthrie E.R. Personality in terms of associative learning* // Hunt J. McV. (Ed.). *Personality and the behavior disorders*: 2 vol. N. Y.: The Roland Press Company, 1944. Vol. 1. P. 49–86.

много генерализованных черт. Действительно, получившая широкую известность важная серия исследований Хартшорна и Мея (1928—1930) как будто бы подтверждает это мнение. Целью экспериментов, в которых участвовало несколько сот детей, было изучение таких черт, как честность, склонность к оказанию помощи, склонность к сотрудничеству, упорство и самоконтроль. Детям предлагались небольшие задания, в ходе выполнения которых можно было наблюдать эти черты. Так, например, детям предоставлялась возможность жульничать, давать неточные сведения о том, что они делали, кланчить небольшие суммы денег и т.д. — предполагалось, что на основании всех этих поступков можно судить о честности детей. Корреляция между отдельными поступками, относящимися к одной и той же генерализованной черте, была настолько мала (например, 0,13 между воровством и ложью с целью скрыть жульничество), что авторы не без основания пришли к выводу, что все эти черты вообще не существуют.

Дискуссия, разгоревшаяся в результате экспериментов в защиту и против существования генерализованных черт, является исключительно следствием различного понимания термина «черта». Хартшорн и Мей показали отсутствие генерализованных реакций в данной области. Однако отрицать на основании этого существование генерализованных черт совсем другого порядка, таких, например, как переменные темперамента, можно лишь при наличии дополнительных доказательств.

Г. Олпорт
[ТЕОРИЯ ЧЕРТ]¹

Личность, характер, темперамент

Происхождение термина «личность»

Слово *personality*² и его корень *person* давно привлекают внимание лингвистов. Макс Мюллер, например, с энтузиазмом говорил об их абстрактности и широкой полезности.

«Давайте возьмем такое слово как *персона*. Ничего не может быть абстрактнее. Это не мужчина и не женщина, не молодой, не старый. В ряду существительных оно выражает не больше, чем *быть* в ряду глаголов. Во французском языке оно даже может означать “никто”. Так, если в Париже мы спросим своего консьержа, не звонил ли нам кто-нибудь во время нашего отсутствия, он ответит: “*Personne, monsieur*”, что значит: “Ни души, сэр”.

Но это слово *персона* движется удивительными прыжками, поражая направо и налево, порождая новые идеи, вызывая тучи противоречий и до сегодняшнего дня занимая выдающееся место во всех теологических и философских дискуссиях, хотя немногие из использующих это слово знают, откуда оно взялось»³.

Понятие *personality* в английском языке, *personalité* во французском и *Persönlichkeit* в немецком близки понятию *personalitas* в средневековой латыни. В классической латыни использовалось только слово *persona*. Все

¹ Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. С. 232–234, 236–241, 362, 370–382, 386–403.

² Личность (англ.).

³ Müller F. M. Biographies of words. N. Y.: Longmans, Green, 1888. P. 32.

филологи соглашались, что первоначально это слово означало *маску*. (Этот факт может дать некоторое ощущение комфорта тем, кто предпочитает определять личность в понятиях внешнего воздействия — ведь в нем подчеркивается внешняя видимость, а не внутренняя организация.) Но даже в древности слово *persona* означало и актера за маской, т.е. подлинное сочетание его внутренних и «масочных» качеств. Оно также означало важного человека (отсюда *personage*, *parson*¹). Это понятие также использовалось для обозначения трех ипостасей Троицы. И длительные теологические споры разворачивались вокруг того, были ли эти *personae* тремя масками одного Бога или тремя со-равными лицами. Самое, быть может, известное определение персоны дал в шестом веке Бозций: *Persona est substantia individua rationalis naturae* — персона есть индивидуальная субстанция рациональной природы. <...>

Определение для этой книги

Не бывает определений правильных или неправильных. Понятия определяются так, как это полезно для заданной цели. Для целей данной книги нам требуется «эссенциалистское» определение личности. Мы будем относиться к личности как к единице, которая находится «вовне» и сама по себе обладает внутренней структурой. Все формулировки полны ловушек, но наше определение (лучше ли, хуже ли) таково:

личность — это динамическая организация внутри индивида тех психофизических систем, которые детерминируют характерное для него поведение и мышление.

Кратко исследуем ключевые понятия этого определения.

Динамическая организация. Мы видели, что определения типа «омнибуса» или «лоскутной сумки» неадекватны. Центральная проблема психологии — психическая организация (формирование паттернов, или иерархии идей и привычек, динамически направляющих деятельность). Интеграция и другие организационные процессы необходимы для объяснения развития и структуры личности. Поэтому «организация» должна появиться в определении. Это понятие подразумевает также реципрокный процесс — *дезорганизацию*, особенно у тех аномальных личностей, которые отмечены прогрессирующим распадом.

Психофизические. Это понятие напоминает нам, что личность не является ни исключительно ментальным, ни исключительно неврологическим (физическим) феноменом. Она организует функционирование и «психики», и «тела» в некотором сложном единстве.

Системы. Система (любая) — это комплекс взаимодействующих элементов. Системами являются привычки, чувства, черты, представления, сти-

¹ Важная персона, священник (англ.).

ли поведения. Эти системы латентно существуют в организме, даже когда они не активны. Системы — это наш «потенциал активности»¹.

Детерминировать. Личность *является* чем-то и *делает* что-то. Латентные психофизические системы, запускаемые действием, либо мотивируют, либо направляют специфическую деятельность и мысль. Все системы, составляющие личность, должны рассматриваться в качестве *детерминирующих тенденций*. Они оказывают руководящее влияние на все приспособительные и экспрессивные поступки, через которые личность познается.

Характерное. Все акты поведения и все мысли характерны и уникальны <...> для данного человека. Даже поступки и представления, которые у нас явно общи с другими, в своей глубине индивидуальны, идиоматичны. Правда, некоторые поступки и представления более идиосинкратичны, чем другие, но нельзя найти ничего, что не имело бы личного оттенка. Следовательно, в некотором смысле, понятие «характерные» в нашем определении — лишнее. Однако избыточность — не обязательно плохо, она помогает добраться до сути.

Поведение и мышление. Этими двумя понятиями покрывается все, что может делать индивид. Его основное занятие — приспособление к своему окружению. Но в определении личности через одно лишь приспособление не было бы мудрости. Мы не только приспосабливаемся к нашему окружению, мы размышляем о нем. Мы также стремимся господствовать над ним и иногда добиваемся успеха. Следовательно, поведение и мышление ведут к выживанию и развитию. Это способы приспособления и выхода за границы ситуации, в которой мы находимся, всегда отбираемые, направляемые психофизическими системами, составляющими нашу личность.

Можно спросить, обладают ли личностью, согласно этому определению, животные. Ответом будет осторожное «да». Несомненно, у животных есть рудиментарные (зачаточные) формы наследуемых и приобретаемых путем научения психофизических систем, ведущих к характерной (уникальной) активности. (Об их мышлении мы ничего не знаем.) Но эта уступка не заводит нас слишком далеко. Психофизическая индивидуальность низших животных чрезвычайно примитивна и не может служить полезным прототипом человеческой личности. Осмелюсь утверждать, что различие между любыми двумя видами млекопитающих (до человека) не так велико, как различие между двумя людьми. Огромная сложность человеческого мозга, в противоположность более простому мозгу других животных, видимо, подкрепляет это утверждение. <...>

¹ См.: Sears R. R. A theoretical framework for personality and social behavior // American Psychologist. 1951. Vol. 6. P. 476–483.

В афоризме Р.Р. Сирса много привлекательного, но нет необходимого критерия организации. У нейрона есть потенциал для развития, но мы не можем рассматривать такую изолированную структуру как обладающую личностью.

Характер

Понятие «характер» не менее интересно, чем понятие «личность». Этими понятиями часто пользуются как взаимозаменяемыми, хотя первое имеет латинское происхождение, а второе — греческое. *Χαράκτῆρ* (гравировка) — это как бы примета человека, паттерн его черт или его жизненный стиль. Наиболее известным человеком, употреблявшим это понятие еще в Древней Греции, был Теофраст, ученик Аристотеля. Он создал множество тонких письменных зарисовок характеров, из которых сохранилось 30.

Мы уже сказали, что сегодня эти два понятия часто используются как синонимы. Однако европейские психологи предпочитают «характер», а американские более склоняются к «личности». На то есть интересная причина. *Persona* первоначально означала маску, *χαρακτήρ* — чекан. Первое понятие предполагает внешность, видимое поведение, поверхностные качества; второе предполагает глубокие (возможно, врожденные), фиксированные и базовые структуры. Сейчас американская психология отдает предпочтение изучению воздействий внешней среды, и эти бихевиористские наклонности приводят ее к подчеркиванию внешнего движения, видимого действия. Европейская же психология имеет тенденцию подчеркивать врожденное, природное в человеке, то, что глубоко «выгравировано» («вычеканено») и относительно неизменно. Фрейд, например, часто говорит о структуре характера, и редко — о личности. Понятие «характерология» широко используется в Европе, но редко в Америке. Американские психологи написали очень много книг под названием «Личность» и только несколько под названием «Характер». Так с помощью древнего различия в оттенках двух понятий можно объяснить сегодняшние региональные различия в их предпочтении¹.

Помимо первоначального значения (чекана) понятие «характер» приобретает особое дополнительное значение. Говоря, что у человека «хороший характер», мы акцентируем его моральную высоту. (Если мы говорим, что у него «хорошая личность», то просто имеем в виду, что он социально эффективен.) Таким образом, говоря о характере, мы обычно подразумеваем моральные стандарты и высказываем ценностное суждение. Этот нюанс беспокоит тех психологов, которые хотят уберечь структуру и функционирование личности от вторжения моральных оценок. Именно по этой причине в данной книге выбран термин «личность». (Проницательный читатель может сказать: «Подчеркиваемая вами *внутренняя структура* хорошо соответствует тому, что древние греки имели в виду под *характером*». Так и есть, но именно опасность ценностных суждений заставляет нас отказаться от использования этого термина.)

¹ Подробнее об этом см.: Allport G.W. European and American theories of personality // Perspectives in personality theory / Ed. by H.P. David, H. von Bracken. N. Y.: Basic Books, 1957. Ch. 1.

Относительно личности (всей целиком или любой ее части) тоже, конечно, можно высказать ценностное суждение, например: «Он — благородный человек» или «У нее много привлекательных качеств». В обоих случаях мы говорим, что обсуждаемый человек обладает чертами, желательными с точки зрения каких-то внешних социальных или моральных стандартов. Сырой психологический факт состоит в том, что качества человека — это просто то, что у него есть. Некоторые наблюдатели (и некоторые культуры) могут находить эти качества благородными и привлекательными, другие — нет. По этой причине и в соответствии с нашим собственным определением мы предпочитаем трактовать *характер* как *оцененную личность*, а *личность*, если хотите, как *лишенный оценки характер*.

Понятие «*характерный*» — птица другого полета. Мы использовали его в нашем определении личности, ибо, к счастью, оно лишено оценочной ауры, окружающей слово «характер», и не обращается к моральным суждениям. Так как понятие «характерный» близко к первоначальному (чеканному) значению характера, мы считаем его полезным. Оно послужит для охвата привычек, черт, установок и интересов — любых примет, *высеченных* на человеке. Забавно, что в производном слове сохранилось первичное значение, тогда как его корневая форма сильно обросла этическим мхом.

Прежде чем оставить этот вопрос, обратимся еще к одной (дополнительной) области применения понятия «характер». Так, один исследователь определяет его как «степень этически эффективной организации всех сил индивидуума»¹. Другой — как «прочную психологическую диспозицию сдерживать импульсы в соответствии с регулятивным принципом»². Было опубликовано несколько работ под заголовками «Изучение характера» и «Измерения характера»³. Их авторы исследовали честность, самоконтроль, заботу о других и религиозную убежденность у детей.

Наличие у ребенка (или взрослого) моральных идеалов, совести и религиозных убеждений — очень важный факт для изучения его личности, так как это черты его внутренней структуры. Важно также знать, обладает ли человек «диспозицией сдерживать импульсы в соответствии с регулятивным принципом». Но все эти тенденции находятся внутри *личности*. То, что они благосклонно воспринимаются и оцениваются, не меняет дела. И потому мы предпочитаем не рассматривать характер в качестве какой-то особой области личности. Мы можем придерживаться простого определения характера как *оцененной личности*. Этическая теория — важная ветвь философии, но ее не следует смешивать с психологией личности.

¹ Taylor W. S. Character and abnormal psychology // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1926. Vol. 21. P. 86.

² Roback A. A. The psychology of character. N. Y.: Harcourt, Brace, 1927. P. 450.

³ См.: Hartshorne H., May M. A., Shuttleworth F. K. Studies in the organization of character. N. Y.: Macmillan, 1930; Ligon E. M. Dimensions of character. N. Y.: Macmillan, 1956.

Темперамент

Из древних времен до нас дошла доктрина, что темперамент человека детерминирован в основном «жидкостями» (секретами желез) тела. Термин «темперамент» пришел в английский язык в средние века вместе с доктриной четырех жидкостей. Он означал тогда и означает сейчас «конституцию (склад) ума, особенно зависящую от физической конституции (или связанную с ней)». Исследования темперамента сегодня часто ведутся под названием «конституциональная психология».

Можно сказать, что темперамент, подобно *интеллекту и телосложению*, обозначает разновидность «сырья», из которого формируется личность. Все три фактора прочно опираются на генную детерминацию и, следовательно, являются аспектами личности, наиболее зависящими от наследственности. Темперамент относится к «химическому климату» («внутренней погоде»), в котором развивается личность. Чем сильнее диспозиция закреплена в природной конституционной почве, тем вероятнее о ней будут говорить как о темпераменте. «Ее природный темперамент отличается живостью». «У него медлительный и вялый темперамент».

Есть авторы (в частности в Великобритании), иногда применяющие понятие «темперамент» как эквивалент личности: они говорят «тесты на темперамент» вместо «личностные тесты». Но это исключение, причем редкое. Некоторые авторы, работающие по проблеме темперамента, ошибочно употребляют в названиях своих книг более широкие термины, например: «Железы, регулирующие личность», «Телосложение и характер», «Биологические основания личности». Во всех этих случаях тематике книг более точно соответствовало бы понятие «темперамент».

Для достижения необходимого прогресса в изучении темперамента надо проводить гораздо больше исследований в области человеческой генетики, биохимии, неврологии, эндокринологии и физической антропологии. Мы знаем, что личность в значительной степени обусловлена темпераментом, но у нас нет точного знания об источниках самого темперамента.

Что составляет темперамент? Ясный ответ невозможен. Когда мы говорим, что кто-то легко пугается, обладает сильными или слабыми побуждениями, имеет «ужасный нрав», по природе своей медлителен и сонлив или возбудим, энергичен или имеет «мрачную диспозицию», мы описываем темперамент. Делались различные попытки проанализировать наши базовые измерения темперамента с помощью психологических тестов, но окончательное согласие до сих пор не достигнуто.

Возможно, основной фактор действительно относится к *влечению и силе* в противоположность *апатии*. Конституции, характеризующиеся мощным влечением и силой, могут обладать высокой скоростью метаболизма и сильным функционированием щитовидной железы¹. Но наши

¹ См.: Adcock C. J. The differentiation of temperament from personality // Journal of General Psychology. 1957. Vol. 57. P. 103–112.

знания о физической основе еще ненадежны, и мы не знаем, сколько дополнительных параметров нужно для классификации основных форм темперамента¹.

Не имея более точных знаний о предмете, мы предлагаем следующее определение как достаточно представляющее нынешнее психологическое употребление понятия и адекватное целям этой книги.

Под темпераментом понимаются характерные феномены эмоциональной природы индивидуума, включая его подверженность эмоциональной стимуляции, его обычную силу и скорость реакции, преобладающее настроение и все особенности колебаний и интенсивности настроения. Эти явления рассматриваются как зависящие от конституционального строения, следовательно, в основном как имеющие наследственную природу.

В данном определении не подразумевается, что темперамент неизменен с рождения до смерти. Подобно телосложению и интеллекту, темперамент может меняться (в некоторых пределах) посредством медицинских, хирургических и диетических вмешательств, а также в ходе обучения и приобретения жизненного опыта. Темперамент может меняться с развитием личности. Однако остается тот факт, что в наших природных способностях, начиная с рождения, существуют конституциональные, химические, метаболические, нейронные уровни, устанавливающие нам определенные рамки. Изменение возможно, но не безгранично.

Резюме

Вольтер однажды написал: «Если вы собираетесь разговаривать со мной, сначала определите свои термины». Такие высоко абстрактные слова, как *личность*, *характер* и *темперамент* особенно требуют определения, чтобы разговор о них приносил пользу.

Я даю личности «эссенциалистское» определение. *Личность* — это то, чем человек «реально является» вне зависимости от того, как другие люди воспринимают его качества и какими методами мы их исследуем. Наше восприятие и наши методы могут быть ошибочны так же, как астрологом может потерпеть неудачу в изучении состава звезды. Но звезда находится все там же и по-прежнему интригует исследователя. Мое оп-

¹ С. Даймонд придерживается мнения, что исследование животных и факторный анализ человеческого темперамента содержат устойчивые подтверждения важности диспозиций к *аффилиативному*, *агрессивному*, *пугливому* и *контролируемому* (или импульсивному) поведению (см.: *Diamond S. Personality and temperament*. N. Y.: Harper, 1957). Многие цитируемые им авторы используют, конечно, разные термины, но Даймонд уверен, что все они указывают на одни и те же базовые измерения темперамента. Моя критика исходит из того, что эти термины предполагают черты личности, а не конституциональные диспозиции (истинный темперамент), однако могут существовать базовые физиологические диспозиции, поддерживающие эту (или какие-то подобные ей) классификацию тенденций темперамента. Необходимы дальнейшие исследования.

ределение, конечно, не отрицает, что человек изменчив и его поведение может меняться от ситуации к ситуации. Оно просто гласит, что у человека есть внутренняя структура и диапазон характеристик (конечно, изменчивых, но поддающихся установлению), и мы надеемся изучить именно эту структуру.

Характер — термин, без которого мы в основном можем обойтись, так как он относится (по нашему определению) к оценке личности. С другой стороны, понятие «характерный» сохраняет свое первоначальное значение чекана (уникально выгравированные черты) и, следовательно, полезно для наших целей.

Темперамент, подобно интеллекту и телосложению, относится к «сырью», из которого сформирована личность. Природные основы темперамента не остаются неизменными, хотя они устанавливают ограничения на развитие личности. <...>

Теория общих черт

Едва ли кто-нибудь усомнится в существовании черт как существенных единиц личности. Они включены в обыденную речь. Мы говорим, что этот мужчина грубоват и застенчив, но прилежный работник, а та женщина брезглива, болтлива и язвительна. Психологи также общаются с помощью этих терминов. Один психолог недавно написал рекомендательное письмо для бывшего студента, характеризуя его как *амбициозного, дружелюбного, увлеченного учителя*, но обладающего *вспыльчивым нравом*. Даже в своих специальных работах по изучению личности большинство исследователей используют какую-нибудь теорию черт <...>. В то же время психологам известно, что здравый смысл — плохой ориентир, а вопрос о чертах личности — одна из областей исследования, где здравый смысл, даже если он верен в своей основе, требует критической проверки и уточнения.

Аргументы против черт

Начнем с того, что названия черт, вроде тех, которые приведены в предыдущем абзаце, подразумевают слишком многое. Молодой учитель не всегда «дружелюбен», он не одинаково «амбициозен» по всем направлениям, его «увлеченность», конечно, зависит от того, кого и чему он обучает.

В ходе второй мировой войны Управление стратегических служб учредило Диагностический Центр, где экзаменовались кандидаты на секретную работу за рубежом. После того, как кандидата в течение нескольких дней тестировали и обучали, несколько психологов должны были

попытаться определить его характерные черты и предсказать, будут ли они способствовать или препятствовать ему при исполнении секретного задания. Исследователи нашли эту задачу чрезвычайно трудной, а соображения, которые они привели, могут быть восприняты как классическое утверждение об ограниченности любой доктрины черт:

«Легко точно предсказать результат соединения одного известного химического реактива с другим известным химическим реактивом в безукоризненно чистой пробирке. Но где тот химик, который может предсказать, что случится с известным химическим реактивом, если он соприкасается с неизвестным химическим веществом в неизвестном сосуде? Как тогда может психолог предсказать с какой-либо степенью точности результат будущих встреч одной едва знакомой личности с сотнями других неизвестных личностей в далеких неопределенных городах, деревнях, полях и джунглях, переполненных никому не ведомыми потенциальными неприятностями и выгодами?»¹.

Этот критический разбор настолько верен и настолько убедителен, что мы должны сразу признать, что *никакая теория черт не может быть доброкачественной, если она не принимает во внимание и не объясняет изменчивость человеческого поведения*. Давление со стороны окружающей среды, люди, с которыми человек общается, и противоречия самой личности могут задержать, усилить, исказить или полностью подавить поведение, которого мы могли бы ожидать в норме как проявления характерных черт человека. (Мы уже обсуждали «ситуационизм» [ранее].)

Все это правда, но в потоке человеческой деятельности кроме изменчивой части есть также часть постоянная, и эту постоянную часть мы стремимся определить с помощью концепции черт.

Основной принцип поведения — его непрерывное течение. Каждое последующее действие — это мобилизация значительной энергии для достижения конкретной цели. В каждый момент времени имеет место только одно интегрированное действие, и это действие — результат конвергенции энергий и напряжений, имеющих отношение к данной цели. Другими словами, данное действие есть результат взаимодействия многих детерминирующих сил, лишь одной из которых являются черты.

Действие — единственное, что мы можем наблюдать, но нет такого действия, в котором проявлялась бы только одна черта. Когда вы пишете письмо, в вашем поведении могут участвовать всевозможные детерминирующие факторы: чувство долга, некоторая тоска по вашему другу, просьба, с которой вы хотите к нему обратиться, тот факт, что у вас сейчас время написать, наличие ручки и бумаги, так же как наличие воспоминаний, эмоций, ассоциаций, связанных с этим действием. Такая сложная конвергенция детерминирующих свойств не позволяет нам сказать, что каждое отдельное действие оказывается исключительно ре-

¹ Assessment of men, OSS Assessment Staff. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1948. P. 8.

зультатом одной или более черт. Черты — это только один из факторов, которые детерминируют данное действие и делают его «характерным» для человека, но они никогда не бывают единственным определяющим фактором.

В отличие от «способностей» или «сил» (фигурировавших в ранней психологии), черты не могут быть уподоблены «маленькому человечку в груди», дергающему за ниточки нашего поведения. Черты — это свойства более гибкие, каждое проявление черты слегка отлично, поскольку оно сопровождается иными детерминирующими условиями. К тому же после того, как действие произошло, возникает «обратная связь» с нервной системой, и в дальнейшем черта никогда не будет точно такой же, какой она была прежде. Таким образом, *непрерывное течение* поведения — факт первостепенного значения. Однако мы знаем, что черты существуют, поскольку, несмотря на непрерывное течение и изменения, в образе действия человека есть большое постоянство. Можно сказать, что определенные действия являются характеристикой человека. Черты лежат в основе «характерного» поведения.

Черты: истина или вымысел?

В начале любого обсуждения черт встает один метафизический вопрос, который (если ему позволить) может исказить всю проблему. Чем скорее мы избавимся от него, тем лучше. Коротко говоря, вопрос заключается в следующем: являются ли черты подлинными, истинными диспозициями? Термин *истинный* в философии обозначает, что объект, подвергаемый обсуждению, действительно *там* есть. Таким образом, черта, если она истинна, соответствует некоторой нейропсихологической системе. Или, с другой стороны, черты являются быть может всего лишь номинальной фикцией — словами, удобно сгруппированными для обозначения множества разрозненных действий?

Процитируем два определения, авторы которых признают истинность черт:

«Черта — это постоянная направляющая психическая сила, которая определяет активное или реактивное поведение человека»¹.

«Черта — это измерение или аспект личности, состоящий из группы согласованных и связанных реакций, которые характеризуют типичную для человека приспособляемость»².

Номиналистический взгляд на черты выразил более столетия назад Иеремия Бентам, который всегда боролся с подменой реальных существей вымышленными:

¹ Baumgarten F. Character qualities // British Journal of Psychology. 1936. Vol. 26. P. 290.

² Shaffer L. F., Shoben E. J. The psychology of adjustment. (Rev. ed.) Boston: Houghton Mifflin, 1956. P. 317.

«В настоящее время диспозиция (черта) является вымышленной сущностью, выдуманной для удобства рассуждений, для того, чтобы выразить то, что мнится постоянным в человеческом настроении»¹.

Более современное изложение той же точки зрения таково:

«Черты — это исключительно вымышленные названия, данные типам или качествам поведения, обладающим общими элементами. Это не психологические объекты, а скорее категории для классификации привычек»².

Эта последняя цитата соответствует «доктрине специфичности». Привычки реальны сами по себе, черты же существуют не в самом человеке, а лишь во взгляде наблюдателя. На самом деле, это любопытная позиция. Фактически она утверждает, что малые единицы поведения (привычки) истинны, а более обширные диспозиции (черты) вымышлены.

[Ранее] мы уже обсуждали истинные и номинальные определения личности. Существует ли личность в действительности или она сконструирована взглядами и разумом наблюдателя? Теперь мы спрашиваем, существуют ли черты «в действительности», или это только категория для упорядоченного описания поведения (упорядоченного для наблюдателя).

Вот кратко изложенные аргументы в пользу номиналистической позиции: 1) Никто никогда *не видел* черты ни одного человека; мы не можем также доказать, что черты соответствуют нейрофизиологической структуре. 2) Весь язык, включая названия, которые мы даем чертам, является номинальным. Слова обозначают *социальные*, а не *природные* категории. Как мы увидим далее в этой главе, в английском языке существует около 18 000 терминов, описывающих так называемые черты, но эти термины суть классификационные ярлычки, они обладают социальной полезностью, но нельзя доказать их происхождение от существующего в природе разделения на черты. 3) Всем нравится излишне упорщать свои представления и суждения о людях. Например, кто-то может считать, что негры (все негры) ленивы, невежественны и суеверны. В этом случае чрезмерное обобщение явно лишено смысла³. Столь грубый способ приписывания черт всегда приводит нас к затруднениям. А кроме того, мы склонны классифицировать людей (как индивидов, так и группы) с помощью некоторого количества названий. Никто не обладает такой простой и жесткой структурой, какую предполагают наши ярлычки.

¹ Bentham J. Principles of morals and legislation. Oxford: Clarendon, 1879. P. 131.

² May M. Problems of measuring character and personality // Journal of Social Psychology. 1932. Vol. 3. P. 133. Этот аргумент был рассмотрен и обоснованно отвергнут в предыдущей главе.

³ См.: Allport G. W. The nature of prejudice. Cambridge (Mass.): Addison-Wesley, 1954. Ch. 10, 11.

И вот все эти аргументы прозвучали, но они не доказывают, что люди лишены черт. Они доказывают только то, что мы должны бороться с нашей склонностью упрощать структуру *другой* личности (личности другого человека). Мы предупреждены, что слова, которые мы используем, не точно соответствуют тем психологическим единицам, которые мы пытаемся назвать. В конце концов, эти аргументы говорят нам о том, что нужны хорошие методы для установления существования черт *другого*, поскольку мы никогда не можем наблюдать их напрямую.

Правда, что никто никогда *не видел* черты, но такая же правда, что никто никогда не видел структур и процессов, с которыми психологам неизбежно приходится иметь дело (влечения, привычки, ожидания, отношения, категории). Было внесено предложение говорить о «гипотетическом конструкте» в тех случаях, когда нам требуется допустить существование истинной диспозиции для объяснения наблюдаемой деятельности¹. Против этого возражений нет при условии, что мы не будем путать «гипотетический конструкт» с простым «вымыслом». Сейчас нам не избежать вывода о том, что *черта* является гипотетическим конструктом, но когда-нибудь она возможно будет продемонстрирована непосредственно. В свое время планета Плутон или скромный атом считались «гипотетическими конструктами». В один прекрасный день наука смогла показать их напрямую. Мы надеемся, что однажды нейрофизиология прямо покажет нам процессы интеграции, входной селекции и чередования фаз, которые соответствуют нашему гипотетическому конструкту².

В настоящее время наше доказательство существования черт истекает из согласованности отдельных наблюдаемых действий. По терминологии Стегнера, отдельные действия являются «индикаторами» черт. Например, в качестве индикаторов черты *изолированности* у Джона он отметил такие действия: отказ от приглашения на вечеринку; переход на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с недавним знакомым; планирование дня таким образом, чтобы сделать социальные контакты маловероятными³.

Конечно, трех индикаторов недостаточно. Все они указывают на черту *изолированности*, но могут также объясняться *деловитостью* Джона или временным *настроением*. Но когда не три, а десятки, сотни или даже тысячи действий демонстрируют регулярную зависимость и согласованность, мы ощущаем твердую почву под ногами, говоря, что Джон *должен* быть парнем, склонным к уединению. (И тут мы сделаем паузу, чтобы напомнить себе, что никогда нельзя ждать совершенной согласованности.)

¹ См.: MacCorquodale K., Meehl P.E. On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 95–107.

² О возможном нейрофизиологическом паттерне, лежащем в основе черт, см.: Hebb D.O. The organization of behavior. N. Y.: Wiley, 1949.

³ См.: Stagner R. Psychology of personality. N. Y.: McGraw-Hill, 1948. P. 151. (Rev. ed., 1961).

Природа общих черт

Мы проголосовали в поддержку взгляда на черты как истинные. Мы полагаем, что любая черта представляет собой обширную систему сходных тенденций к действию, существующих у человека, которого мы исследуем. «Сходными тенденциями к действию» являются те тенденции, которые исследователь, наблюдающий за ними с точки зрения действующего лица, может подвести под одну смысловую рубрику.

Но мы принимаем этот взгляд на черты с определенными оговорками. Во-первых, нам известно, что вербальные или математические ярлыки, которые мы клеим, берут начало в нашем собственном восприятии поведения других, а категоризация наших ощущений страдает пороком упрощения. Нам также известно, что мы насильно втискиваем наблюдаемое в имеющиеся у нас социальные или математические категории (такие, как *агрессивный* или *пылкий*, или факторы А, В, С).

Надо добавить еще одну важную оговорку. Мы делаем шаг в сторону от концепции истинности, когда пытаемся насильно приписать Джону единообразный набор черт, который мы стараемся приложить ко всем людям, включая Джона. Я сейчас продемонстрирую, что это же происходит при применении любого личностного теста, любой оценочной шкалы.

Предположим, что мы интересуемся чертой, которую можно назвать *доминирование* — *подчинение* (или *влияние*, или *лидерство*). Мы хотим протестировать силу этой черты у Джона. Мы можем осуществить это, только сравнивая его с другими людьми по одним и тем же измерениям. Поэтому мы разрабатываем шкалу, возможно, задавая вопросы следующего типа¹:

Некто пытается втиснуться перед вами в очереди. Вы уже стоите долго и больше ждать не можете. Предположим, что нахал того же пола, что и вы, тогда вы обычно

- увещеваете нахала;
- «пронзаете нахала взглядом» или отпускаете ясно слышимые комментарии, обращаясь к соседу;
- решаете не ждать и уходите;
- ничего не делаете.

Испытываете ли вы смущение в присутствии начальства в академическом или деловом мире?

- отчетливо;
- до некоторой степени;
- вовсе нет.

Некое ваше имущество ремонтируется в мастерской. Вы приходите за ним в назначенное время, но мастер говорит вам, что «только что начал работу над вашим заказом». Ваша обычная реакция?

- вы упрекаете его;
- вы мягко выражаете неудовольствие;
- вы полностью гасите ваше чувство.

¹ См.: Allport G. W., Allport F. H. The A-S Reaction Study. Boston: Houghton Mifflin, 1928.

Теперь мы просим множество людей из нашей «выборки стандартизации» ответить на тест и определяем средний уровень для группы. Затем мы сравниваем Джона с этой нормой и делаем заключение о том, что в сравнении с другими людьми он — парень уступчивый и податливый. Мы обнаружили, что он относится к низшим 10 % совокупности и, таким образом, приходим к заключению, что у него сильна черта «подчинения».

Теперь у нас есть хорошие логические основания для того, чтобы принять существование *общих черт* и оценивать данную личность вместе с другими людьми по общей шкале измерений. Эти логические основания таковы: *нормальные люди в данной культурной среде неизбежно вырабатывают до некоторой степени сопоставимые формы приспособления*. Например, у всех людей, живущих в англоязычных странах, вырабатывается в большей или меньшей степени умение владеть английским языком, и совершенно разумно предложить единообразный тест на успехи в языке, чтобы определить, находится ли умение владеть языком у данного человека на среднем уровне, выше его или ниже.

Или возьмем в качестве примера общую черту *доминирование — подчинение*. В обществе конкуренции (вроде нашего) каждый человек стремится выйти на уровень настойчивости, или доминирования, близкий его образу жизни. Один человек может жить вполне комфортно (и привлекательно), будучи уступчивым. Другой (благодаря характеру или тренировке) обнаруживает, что доминирование — более подходящий для него стиль приспособления к окружающей среде и овладения ею. У некоторых людей вырабатывается стиль чрезвычайной агрессивности, у других — чрезвычайной пассивности. Суть дела в том, что в нашем обществе людей можно сравнивать (приблизительно) по тому, как они решают проблему отношения к окружающей среде и к другим людям.

Герберт Спенсер давно обратил внимание на то, что вся эволюционная борьба заставляет животное (и человека) найти свой уровень доминирования. Когда два первых зверя встретились в лесу, говорил Спенсер, один из них заявил о своем *приглашении на обед*, а другой был вынужден сдаться и стать *обедом*. Недавние работы показали, что существует постоянная «очередность клева» у кур и других животных, такая, что животное А регулярно доминирует над животным В, животное В доминирует над С и т.д. К людям относится поговорка, что *приходится* быть либо ботинком, либо ковриком у двери.

Может показаться логичной разработка универсальной шкалы доминирования—подчинения, но эта процедура будет носить в лучшем случае характер *аппроксимации*. В конце концов, бесконечно разнообразие лидеров, тиранов, агрессоров, последователей, уступчивых и робких душ. Эта шкала не распознает и не может распознать тонких нюансов черт у разных людей. [Далее] мы более тщательно исследуем проблему индивидуальных личностных черт.

Теперь вернемся к общим чертам. Существует множество сторон личности, по которым может быть произведено приемлемое сравнение всех представителей данной культуры. Кроме доминирования—подчинения мы можем упомянуть разговорчивость, радикализм, заботу (только) о деньгах, уединенность, тревожность, потребность в достижении, расовые предрассудки и еще сотни измерений. *В таком случае, общие черты — это те стороны личности, в отношении которых может быть проведено осмысленное сравнение большинства людей, принадлежащих к данной культуре.*

Что касается истинности, то теперь должно быть ясно, что мы производим гораздо большее насилие над структурой личности Джона, когда втискиваем его в единообразные категории черт, чем когда рассматриваем его как человека самого по себе и пытаемся обнаружить действительно существующие внутренние системы его личной жизни.

Мы заключаем, что общие черты не должны полностью исходить из естественных различий у людей, поскольку сходным образом сконструированные смертные в сходных условиях среды *склонны* вырабатывать похожие цели и похожие методы их достижения. В то же время общие черты — это до некоторой степени продукт нашего метода *насилъственной* категоризации отдельных людей. Таким образом, общие черты в большей степени номинальны и в меньшей — истинны, чем личностные черты <...>. Тогда мы можем сказать, что они лишь наполовину истинны, но тем не менее незаменимы, исследуем ли мы личность с помощью шкал, тестов, оценок или любого другого сравнительного метода.

Как их выявить?

Предположим, вы сказали, что определенный ваш друг *великодушен, пунктуален, любитель искусства и шутник*. И, предположим, я спросил: «Откуда вы знаете, что он таков?» Вашим ответом наверняка будет: «Ну, я знаю его очень давно, и в ситуациях, связанных с интересами и благополучием других людей, он обычно поступает великодушно. Когда же мы назначаем встречу, он редко опаздывает. Он часто ходит на художественные выставки, немного рисует сам, а на его книжных полках много работ по искусству, и, сталкиваясь с суетой в своей жизни и в окружающем мире, он часто (но, конечно, не всегда) справляется с ней с легкостью и придает ситуации юмористический поворот». Другими словами, *частота*, с которой человек выбирает определенный способ адаптации, — вот один из критериев черты. Второй критерий — *круг ситуаций*, в которых он выбирает этот самый способ действия. Третий — *интенсивность* его реакций, согласованных с этим «предпочитаемым паттерном» поведения.

Психологи используют те же самые критерии. Взглянем на три приведенных нами выше пункта тестов. В первом и третьем вас спрашивают, каковы «предпочитаемые вами паттерны»: являются ли они паттернами доминирования или подчинения. Эти вопросы также приглашают вас оценить, что в вашем случае является обычным или привычным (частоту). Второй вопрос выявляет, насколько *силен* ваш отклик. С помощью всех трех вопросов (и многих других из той же оценочной шкалы) предполагается выяснить, насколько широк диапазон ситуаций, в которых вы принимаете «предпочитаемый паттерн» доминирования или подчинения. Все три критерия (частота, диапазон и интенсивность) поддаются количественному измерению и допускают статистическую обработку.

Конечно, психологу нет необходимости использовать самоотчет, как в этом подробном тесте «карандаша и бумаги». Он может не доверять самоотчетам и выбрать для использования прямое наблюдение. Например, он может использовать «периодическое наблюдение» (возможно, наблюдая за определенным ребенком на площадке для игр в течение десяти минут в день), фиксируя, как часто, насколько интенсивно и в каком диапазоне ситуаций этот ребенок доминирует или подчиняется. Он может наблюдать взрослых на групповых встречах (возможно, наблюдая через экран с односторонней видимостью — «зеркало Гезелла») и подсчитывать «взаимодействия» доминирования и подчинения. Или же он может использовать оценочную шкалу и просить других людей оценить, насколько сильна или слаба данная черта у Джона, Мэри или Тома. (Если он использует оценочную шкалу или даже сам проводит наблюдения, психолог захочет, чтобы суждения подтверждались другими исследователями, чтобы обеспечить то, что называют *надежностью наблюдения*.)

Статистическое подтверждение существования черт заложено в различных измерениях *надежности*. Если в исследовании принимают участие различные наблюдатели или оценщики, необходимо, чтобы они согласились друг с другом. Если используется тест, принципиально важно, чтобы у испытуемых воспроизводились примерно те же самые результаты в случае, когда тест повторно проводится через некоторое время (*ретестовая надежность*). Также существенно, чтобы человек, проявивший доминирование в одной ситуации, также демонстрировал (обычно) свое доминирование в других ситуациях. Поскольку, как мы видели, очень важно проводить индивидуальный опрос, статистическое измерение (его *внутренняя надежность*) просто определяет, коррелируют ли ответы на отдельные вопросы друг с другом и с общим результатом для всей совокупности в целом. Это означает, что для всех людей, заполняющих тест, существует тенденция: если показан высокий результат по одному пункту, то и по другим пунктам оказываются высокие результаты. Если это так, то тест измеряет общую черту с довольно высокой надежностью.

Мы утверждаем, что если можно доказать, что один вид деятельности статистически связан с другим видом деятельности, то это свиде-

тельствует о том, что нечто (а именно черта) лежит в основе обоих этих видов деятельности. Это — «общая черта», если данные получены на всей совокупности испытуемых. Тест на доминирование—подчинение, упомянутый выше, обладает ретестовой надежностью 0.78 (максимально возможное значение — 1.00), а внутренней согласованностью около 0.85. Поэтому мы приходим к заключению, что человек в общем устойчиво располагается в определенном месте континуума от сильного доминирования до крайней подчиненности, а поэтому люди могут успешно сравниваться по этим общим (генерализованным) свойствам личности.

Множество (возможно, тысячи) общих черт были установлены таким путем. Назовем некоторые: *невротичность, социальная экстраверсия—интроверсия, авторитаризм, внешняя тревожность, потребность в достижении, мужественность или женственность в интересах, конформизм.*

Проницательный читатель может обнаружить ловушку в этой процедуре. Предположим, исследователь намерен определить, является ли, скажем, *щедрость* общей и измеримой чертой. Во-первых, он должен придумать свою шкалу измерений. Делая это, он изобретает множество воображаемых ситуаций. Проведя предварительную проверку своей шкалы, он обнаруживает, что некоторые ситуации не подтверждают другие (низкая надежность по отдельным вопросам), поэтому он отбрасывает одни из них и изменяет формулировку других, пока не создает надежную шкалу. Таким образом, то, что он *вкладывает* в шкалу, определяет ту общую черту, которую он *получает на выходе*. Эта произвольность противоречит чистому натурализму (т.е. обнаружению того, каковы «в действительности» слои человеческой натуры). Это одна из причин, по которым мы не можем слишком решительно утверждать истинность общих черт.

Выявление общей черты может оказаться затруднительным. Вероятно, мы потерпели бы неудачу в поисках достаточного числа примеров *донкихотства, изменничества* или *клептомании* для того, чтобы оправдать шкалирование индивидов по этим переменным. У определенных людей они могут оказаться важными личностными диспозициями, но они *не являются* общими чертами.

Пытаясь определить, является ли *пунктуальность—склонность к опозданиям* общей чертой, Дудича обнаружил, что примерно 40 % испытуемых действительно устойчиво склонны приходить вовремя, с опозданием или слишком рано на собрания в колледже (столь различные, как баскетбол, восьмичасовые занятия, обед, частные встречи). Но около 60 % испытуемых продемонстрировали слишком большую вариативность, чтобы сделать вывод о том, что они обладают каким-либо «предпочитаемым паттерном» приспособления¹.

¹ *Dudycha G.J.* An objective study of punctuality in relation to personality and achievement // Archives of Psychology. 1936. № 204.

Научное свидетельство существования любой характерной черты — это всегда результат демонстрации *последовательности* человеческого поведения с помощью какого-либо подходящего метода. В случае общих черт необходимо также продемонстрировать, что вся совокупность испытуемых разумно последовательна в своем поведении с течением времени и в различных ситуациях. Но какого уровня согласованности должны мы требовать? Такого ответа нет. Говоря языком статистики, чем выше надежность измерений, тем надежнее свидетельства в пользу черты. В случае использования традиционных корреляционных измерений (ретестовой надежности или внутренней согласованности) большинство психологов не склонны полагаться на корреляции меньше, чем 0.80. Учитывая неустранимую изменчивость поведения, непосредственное воздействие ситуации и ошибки измерения, мы не удивляемся тому, что для достижения этого минимума в измерении шкалу зачастую приходится несколько раз пересматривать (это, как мы сказали, делает всю процедуру несколько искусственной).

Нормальное распределение

Одна из обычных (но не абсолютных) характеристик общих черт — это их так называемое нормальное распределение. (Отметим, что это утверждение относится только к общим чертам, так как по самой своей природе индивидуальные черты, которые мы обсудим в следующей главе, не могут быть приложены к совокупности испытуемых.)

Исследователь *хочет* думать об общей черте как о «континуальной» с количественными оценками, упорядоченными в форме «колоколообразного» распределения. В большинстве случаев наблюдаются средние оценки, а число остальных снижается по направлению к наибольшему и наименьшему значениям. Только в том случае, когда черта обладает этим нормальным распределением, мы можем применить обычные статистические методы измерения.

На рисунке 1 показана ситуация с одной общей чертой — доминированием—подчинением. На графике представлен широкий круг оценок (фактически 119 баллов), показывающих чувствительность шкалы. Крайние оценки встречаются нечасто. Большинство людей обладает умеренными оценками, сгруппированными вокруг «точного среднего» (середины). Средние оценки могут быть результатом предпочтения «умеренных» ответов, указывающих на диспозицию избегания крайних моделей адаптации; или же они могут быть (и иногда бывают) результатом усреднения ответов с высокой степенью доминирования и подчинения. (В последнем случае средняя оценка вводит в заблуждение, поскольку у испытуемого есть две сильные, но противоречивые диспозиции.)

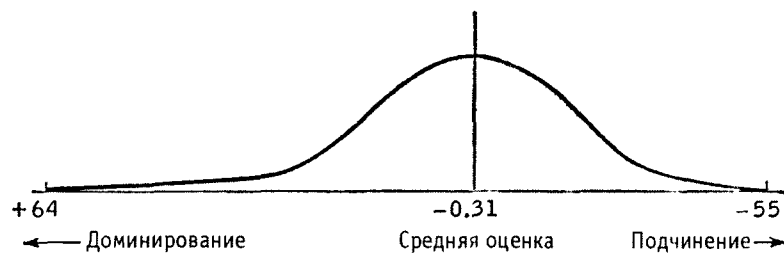

Рис. 1. Распределение баллов по Тесту доминирования-подчинения.
Составлено на основании децильного распределения оценок
из исследования реакций Д—П; форма для мужчин

Когда исследователь достигает такого нормального распределения оценок, он бывает вполне удовлетворен. Теперь он может сравнивать людей в отношении общих черт. Он знает, что высокие и низкие оценки — это важные отклонения от универсальной (или групповой) нормы. Он может использовать эти результаты в разных статистических целях.

Нормальная кривая — это сладкая мечта психодиагноста, но нелегко точно объяснить, что она означает. Фактически, обычно она бывает продуктом смешанных обстоятельств. Прежде всего, частично она может отражать стремление природы к усреднению; но вдобавок она отражает социальное давление в направлении конформности с некоторым принятым «средним» уровнем поведения. Нормальное распределение часто бывает результатом случайного наложения противоположных способов адаптации на одной линейной шкале. Наконец, распределение в определенной степени подвержено влиянию автора теста, который стремится к тому, чтобы последовательные улучшения, вносимые в шкалу, вели ко все более и более симметричному разбросу оценок. Последняя процедура не встречает серьезных возражений, как и полученная таким образом нормальная кривая, поскольку в любом случае шкалирование общих черт — всего лишь грубый способ подхода к личности. Тем не менее, в интересах хорошей теории важно осознать степень усложнений, которые вносятся в одну «простую» переменную ради удобства измерения. Только сделав это, мы можем избежать самонадеянных ошибок, допущенных целым рядом авторов, считавших, что «все в личности нормально распределено».

Черты и другие детерминирующие тенденции

Психологи жить не могут без концепции «установки», подразумеваемая под этим готовность к реакции. Без подобной концепции было бы невозможно объяснить стабильность и последовательность поведения¹.

Поскольку психологи всегда предполагали, что привычки, влечения, потребности, следы в памяти, подсознательные комплексы, чувства, психические установки и многие другие диспозиции и системы того же типа существуют в нейропсихологической структуре, присоединение «черт» к этому ряду не требует дополнительных аргументов.

Здесь нас заботит только вопрос терминологии. Когда следует использовать термин *черта*, а когда — какой-либо другой термин из этого ряда?

Черта и привычка. Обычно термин *привычка* используют для обозначения детерминирующих тенденций узкого и ограниченного типа. Маленький ребенок приучается (с трудом) чистить зубы утром и вечером. В течение нескольких лет эта привычка занимает обособленное положение, пробуждаясь только от соответствующих команд родителей в качестве звена в цепи действий, которые он осуществляет утром и вечером. Однако с течением лет чистка зубов становится не только автоматической (как действуют привычки), но вплетается в расширенную систему привычек — в черту *личной чистоплотности*. Многие взрослые обладают генерализованной привычкой избавления себя от грязи всех видов. Если кто-нибудь пренебрегает чисткой зубов, он ощущает дискомфорт не только потому, что нарушена привычка, но и потому, что такое пренебрежение противоречит более общей черте чистоплотности.

Из этого примера вытекает вполне корректное предположение о том, что каждая черта, по крайней мере частично, вырастает из интегра-

¹ Слабость формулы $S-R$ в том, что она не может охватить крайне сложную внутреннюю организацию, которая проявляется, когда стимул воспринимается, о нем думают, он направляется по тому или другому пути, неся на себе отпечаток личности все время вплоть до результирующего действия. Более приемлема формула $S-O-R$ (*паттерн стимуляции—внутренняя организация—реакция на продукты этой организации*). Знак «O» в этой формуле является свидетельством признания существования «детерминирующих тенденций» в том смысле, в котором мы используем этот термин. Строгие методологи утверждают, что точно понять, что из себя представляет «O», мы не можем, поэтому правильным было бы назвать «O» «промежуточной переменной». Но если настаивать, то даже самый строгий методолог признает, что под «промежуточной переменной» он понимает такие возможные «конструкты», как влечения, привычки, установки, черты. Те немногие экстремисты, которые пытаются подходить к психологическим проблемам на строгой основе $S-R$ («незаполненного организма»), в основном работают с голубями или крысами и не вносят вклада в исследование личности. Если спросить у них, как они подходят к проблемам личности, последует ответ, имеющий к этому отдаленное отношение: «Если бы мы достаточно знали о стимулах, понятие личности было бы не нужно». Не очень-то убедительно.

ции многочисленных специфических привычек, которые обладают для конкретного человека одним и тем же общим адаптивным значением. Привычки не объединяются автоматически, но они объединяются, когда человек обладает некоторым общим представлением, или некоторым образом себя, который приводит к их слиянию под воздействием организационной системы более высокого порядка. Ребенок никогда не бывает «вежливым вообще». Сначала он учится говорить «спасибо», не прерывать других, когда они говорят, придерживать дверь для матери, входящей в дом. Все это — характерные частички обучения. Однако когда он станет взрослым, можно будет говорить о вежливости как о его черте. Привычки теперь интегрированы в представлении о том, каким должен быть его собственный стиль жизни. В процессе изучения черт мы не должны забывать, что свою роль играет воздействие темперамента, ума и конституции. Вероятно, людям с одними врожденными особенностями характера легче развивать черту вежливости, чем людям с другими.

Итак, черта более генерализована, чем привычка. Она также более изменчива в своих проявлениях. Это очень важный момент. *Вежливость* — больше, чем простое скопление привычек. Истинно вежливый человек для того, чтобы поддержать свою черту *вежливости*, будет изменять свое поведение вплоть до нарушения своих вежливых *привычек*. Обычно считается невежливым пить за обеденным столом из руки, сложенной чашечкой, но рассказывают об одной хозяйке в Вашингтоне, которая поступила так для того, чтобы поддержать своего восточного гостя, который выпил из своей руки. Она нарушила свою привычку, но поддержала свою черту.

Вежливый американец быстро обучается тому, что в некоторых странах удовлетворение от принятия пищи выражают отрывкой, а в других избегают этого искреннего действия. Если у него есть привычка занимать самое неудобное место в комнате, в Германии он быстро нарушит свою привычку, когда узнает, что наиболее неудобным местом часто является софа, сидеть на которой, однако, почетно. В одной стране (для того, чтобы оказаться вежливым) он приучится в гостях расспрашивать хозяина о том, сколько тот заплатил за то или иное свое имущество, в другой стране (для того, чтобы оказаться вежливым) он не будет задавать такие личные вопросы.

Здесь мы вновь обращаемся к понятию *эквивалентности*. Во всех странах наш вежливый путешественник обнаружит, что социальные отношения большей своей частью пробуждают у него диспозицию вежливости. Следовательно, многие социальные стимулы *эквивалентны* в своем влиянии на эту черту. С другой стороны, его действия, хотя они и чрезвычайно разнообразны, также эквивалентны в том, что все они *означают* вежливость. Это положение иллюстрирует рисунок 2. (Понятие эквивалентности в чем-то сходно со стимул-реактивной концепцией «генерализации стимула». Эта последняя, однако, подразумевает, что генерализация — автоматический результат частого обусловливания.

«Эквивалентность» же требует, чтобы человек воспринимал общий смысл ряда стимулов, на которые он реагирует.)

Итак, черта — это *нейропсихологическая структура, обладающая способностью делать многие стимулы функционально эквивалентными и инициировать и направлять эквивалентные (разумно последовательные) формы адаптивного и экспрессивного поведения.*

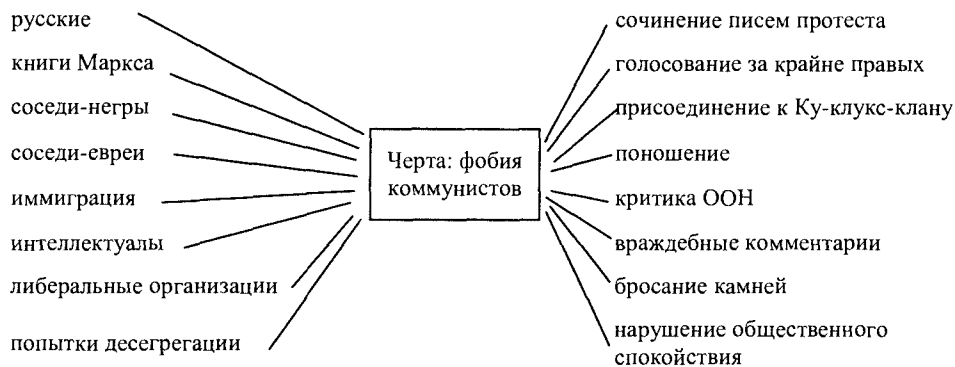

Рис. 2. Обобщенность черты. Диапазон черты определяется эквивалентностью стимулов, вызывающих ее, и эквивалентностью провоцируемых ею реакций

Черта и установка. Не всегда можно отличить, что правильно называть *чертой*, а что *установкой*. *Патриотизм* — это черта или установка в отношении родной страны? *Экстраверсия* — это черта или установка в отношении жизни? *Авторитаризм* — черта или установка? В этом и подобных случаях безразлично, какой термин мы используем. Приемлемы оба обозначения.

Но обычно существуют два различия между этими двумя понятиями: 1. Установка всегда обладает предметной отнесенностью. У человека бывает установка *по отношению к* Пастернаку, коммунизму или исследованиям Арктики. Черта — результат действия такого большого числа объектов, что мы не пытаемся точно определить их. Поэтому черта обычно рассматривается как носящая более общий характер (обладающая более высоким уровнем интегрированности), чем установка. Человек конформен, экспансивен, застенчив, влиятелен в таком множестве ситуаций, что мы не можем определить их, как в случае с установкой. 2. Установки обычно бывают в поддержку или против чего-то, благоприятные или неблагоприятные, расположения или неприязни; они ведут человека к объекту установки или от него. Эндрю обладает благоприятной установ-

кой в отношении своей церкви, негативной установкой в отношении соседа и амбивалентной (как благоприятной, так и неблагоприятной) установкой в отношении телевидения.

Это свойство приближения или удаления придает понятию установки определенный двигательный оттенок. Установка направлена на действие. В большинстве языков мы обнаруживаем сравнимые термины, которые объединяют «положение» движения с внутренним состоянием ума. Джонстон показал это на примере анализа 12 языков, как показал и то, что термин «установка» обычно в большей степени относится к движению, чем к внутреннему состоянию. В некоторых языках существуют более тонкие отличия, чем в английском. Так, когда говорят о политической установке (например, рассматривая положение Англии на Среднем Востоке), в греческом языке используют термин *stasis*, тогда как говоря об образе мышления и поведения (в том, что касается расовых отношений) в том же языке используется термин *sympenphora*¹.

Но, как мы уже сказали, область действия установки может быть настолько широка, что она может отождествляться с чертой. Если человек любит свою собаку, но не других животных, у него есть установка; если же у него есть установка на заботливое и сочувственное отношение к людям и животным, то у него в то же время есть черта *доброты*.

Как *установка*, так и *черта* — незаменимые понятия в психологии. Совместно они охватывают основные типы диспозиций, с которыми имеет дело психология личности. Однако мимоходом отметим, что, поскольку *установка* связана с направленностью людей на выявление различных сторон окружающей их среды (включая людей, культуру и общество), она является излюбленным понятием *социальной психологии*². Однако в сфере личности нас интересует личностная структура, в результате предпочитаемым понятием становится *черта*.

Черты и другие формы готовности. Выше мы обсуждали такие «промежуточные переменные», как *влечение*, *инстинкт*, *потребность*. Поскольку они оказались полезны в качестве единиц сравнения индивидов и считаются обозначающими реально действующие диспозиции, они могут быть отнесены к нашему понятию *общих черт*. *Фактор*, как мы показали, является несколько надуманным понятием, но все же это понятие родственно *черте*. Используются, кроме того, еще более близкие понятия. Коротко упомянем их. *Чувство* находится между *установкой* и *чертой*. Обычно мы можем назвать объект чувства, как можем сделать

¹ См.: Johnstone J. «Attitude» in psychology and psychosomatic medicine // Journal of Nervous and Mental Diseases. 1953. Vol. 117. P. 287–299.

² Об истории термина «установка» и его использовании в социальной психологии см.: Allport G. W. Attitudes // A handbook of social psychology / Ed. by C. C. Murchison. Worcester (Mass.): Clark Univ. Press, 1935. Ch. 17.

это для установки; кроме того, у них более или менее общие объекты¹. Патриотизм можно назвать *чувством*, или *установкой*, или *чертой*.

Гольдштейн² ввел понятие *предпочитаемых паттернов* поведения. Этот термин шире, чем черты, но удачен. Левин³ говорит об *областях* («внутриличностной» и «перцептивно-моторной»). Эта пространственная метафора предполагает модель теории поля, но она в высокой степени суггестивна. Другие термины, относящиеся к определенным видам черт: *интерес*, *ценность*, *комплекс*, *эго-система* (Коффка), *обобщенная привычка* (Дьюи), *стиль жизни* (Адлер), *синдром* (Маслоу).

Очертив эти разнообразные особенности, попытаемся теперь сформулировать итоговую формулировку. Фактически в этой формулировке сконденсировано все, о чем шла речь в этой главе.

Общая черта — это категория для классификации функционально эквивалентных форм поведения у широких групп людей. На общие черты воздействуют искусственные и надуманные соображения, но до определенной степени общие черты отражают соответствующие действительности и сопоставимые диспозиции многих людей, которые, благодаря общности человеческой природы и общей культуре, вырабатывают схожие (хотя и в неодинаковой степени) способы приспособления к окружающей их среде.

Если это утверждение покажется слишком специальным, читатель может предпочесть простое, хотя и менее точное утверждение о том, что общая черта — это некоторая *обобщенная диспозиция, в отношении которой можно успешно сравнивать людей*. <...>

Обозначение общих черт

В английском языке приблизительно 18 000 слов (главным образом, прилагательных), обозначающих различные формы поведения человека⁴. На первый взгляд эта масса слов напоминает семантический кошмар. Однако очевидно, что названия черт связаны с основными структурными единицами личности, и наша задача будет заключаться в том, чтобы по возможности обнаружить эту связь.

Эти тысячи названий возникают благодаря существованию двух различных видов воздействия. Прежде всего, мы должны быть уверены,

¹ Чувству как единице оценки личности отдают предпочтение Мак-Дугалл (*McDougall W. Energies of men*. N. Y.: Scribner, 1933) и Мюррей с Кристиной Морган (см.: *Murray H.A., Morgan Ch.D. A clinical study of sentiments, I* // *Genetic Psychology Monographs*. 1945. Vol. 33. P. 3–149).

² См.: *Goldstein K. The organism*. N. Y.: American Book, 1939. Ch. 7.

³ См.: *Lewin K. Principles of topological psychology*. N. Y.: McGraw-Hill, 1936. Ch. 17.

⁴ См.: *Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: a psycho-lexical study* // *Psychological Monographs*. 1936. № 211.

что люди испытывают желание давать имена тому, что действительно существует в человеческой природе. Если бы простые смертные не *имели* способностей и диспозиций, мы вряд ли давали бы им названия. Более того, названия в некоторой степени поправляют сами себя, поскольку бесполезно сохранять ложные верования в нечто фантастическое, давая ему имя; все преимущества в том, чтобы использовать названия, обозначающие реальные психические структуры. Это одна из причин, по которой существуют названия черт. Если бы она была единственной, то соответствие словаря психологической реальности было бы точным, гораздо более точным, чем на самом деле.

Другой фактор, влияющий на наш лексикон названий черт, в корне отличается от первого; он связан с причудливыми формами культурных влияний. Очень давно благодаря медицине Галена в английский язык вошли такие названия черт, как *сангвиник*, *холерик*, *меланхолик*, *флегматик*, *добродушный*, *гнилодушный*, а также *хладнокровный*, *душевный*, *безддушный* и *сердечный* (произошедшие из веры в то, что в сердце располагаются ум и чувства). Протестантская Реформация с ее подчеркнутым вниманием к духовному миру и самоанализу принесла много полезных прилагательных, обозначающих черты (среди них *искренний*, *набожный*, *нетерпимый*, *аккуратный*, *фанатичный*), а также многие составляющие *Я*: *самоуважение*, *самоуверенность*, *самолюбие*, *доверие к самому себе*, *самооценка*. *Себялюбие* — название, придуманное пресвитерианцами около 1640 года. Растущий субъективизм в литературе восемнадцатого века принес *апатию*, *разочарование*, *депрессию*, *мечтательность*. Высший свет добавил *пристойность*, *неотесанность*, *занимательность*, *скуку*. Нынешнему времени принадлежат многие выражения, некоторые из которых все еще считаются сленгом: *зазывала*, *карьерист*, *битник*, *громилла*, *подхалим*, *очковтиратель*, *недотепа*, *паникер*, *пройдоха*, *жиголо*, *экс-горожанин*. В этот постоянно пополняемый словарь характеристик человека психологи внесли *интроверта*, *невротика*, *регрессивный тип*, *психопата*, *соматотоника*, *шизоида* и многих других. Некоторые символические обозначения отмирают, но названиям черт свойственно множиться — без сомнения, это отражает постоянно растущий интерес к человеческой природе.

Поэтому мы заключаем, что отчасти действующие названия черт указывают на общие характеристики, по которым можно сравнивать людей. Иначе говоря, во многих терминах отражается стремление выразить истинные свойства людей. Этому соответствуют около 25 % названий.

Но язык сложен. Он служит также для оценок. Когда мы говорим, что женщина *привлекательна*, мы говорим не о диспозиции, расположенной «внутри человека», а о воздействии на других людей. Такой преобладающий оттенок оценки имеют около 30 % названий черт, среди них *прелестный*, *ангельский*, *скучный*, *отвертительный*, *завидный*, *злой*, *великолепный*, *докушливый*, *обаятельный*.

Часто трудно провести черту между названиями, отражающими действительность, и оценочными названиями. Прежде всего, слова похвалы или порицания, такие как *честный*, *законопослушный* или *бескорыстный*, могут подойти для того, чтобы отразить желаемый образ самого себя, и человек может стремиться (формировать черту) соответствовать социальному идеалу.

Есть еще два класса терминов. Мы обозначаем временные состояния ума, настроения, эмоций или текущей деятельности, например, *смущенный*, *тараторящий*, *ликующий*, *бешеный*. Такие названия описывают поведение, но не подразумевают постоянных «предпочитаемых паттернов». Из тех 18 000 слов таких около 25 %. Наконец, мы должны учесть большое множество обозначений (20 % от всех), являющихся метафоричными или сомнительными, таких как *бодрый*, *аморфный*, *полный*, *плодовитый*.

Когда мы говорим, что перечень простых описывающих человека терминов содержит примерно 18000 слов, мы упускаем громадное число пишущихся через дефис и составных выражений: *любитель природы*, *ненавидящий притворство*, *человек, которого никогда не заботят детали* и т.д. Не является ли число возможных описаний человека в английском языке (или в других высокоразвитых языках) практически бесконечным?

Подводя итоги, отметим, что наша теория названий черт считает названия, предложенные словарем, символами, в которых смешаны психологическая, культурная и этическая составляющие. Оценочные и уничижительные высказывания малополезны при изучении структуры личности, однако они могут быть полезны при изучении социального влияния одних людей на других. Вероятно, число простых (безоценочных) слов, явно указывающих на устойчивые (не временные) черты, находится между 4000 и 5000. Однако возможны столь многие комбинации слов, что число доступных обозначений черт гораздо больше.

В лучшем случае названия черт — это *классифицирующие названия*. Другими словами, называя и Тома, и Теда агрессивными, мы не подразумеваем, что их агрессивность по своей сути идентична. Обыденная речь — плохой ориентир в психологических тонкостях. Но слова — лишь грубые вместилища. Мы вкладываем в них громадное множество значений, которые приблизительно, но очень грубо сопоставимы друг с другом.

Словесные обозначения — это почти все, с чем нам приходится работать, как бы мы ни были этим недовольны. Возможно, когда-нибудь у психологической науки будут другие обозначения черт (факторные или математические), но прогресс в этом направлении слишком незначителен для того, чтобы склонить нас к отказу от элементарной приверженности родному языку. Наша участь — анализировать черты с помощью слов, делая в этом направлении все, что возможно, для *точной характеристики* наших терминов. <...>

Личностные диспозиции

<...> Продолжим наше обсуждение названий черт. Мы обнаружили, что некоторые из них берут начало от исторических лиц или вымышленных персонажей: донкихотство, нарциссизм (по-английски сначала было *Narcissusistic*, затем *narcissistic*, сейчас *narcistic*), шовинизм, садизм, квислинги. Человек может быть охарактеризован как гомеровский персонаж, раблезианец, толстовец. Мы можем назвать человека «иудой», «донжуаном», «пиквиком», «отелло», «фальстафом». Во всех этих случаях и во многих подобных мы замечаем некоторые особенно выдающиеся характеристики того или иного индивидуума, берем их как ярлычки и время от времени (не часто) навешиваем их на других людей.

Упомянутые выше черты не относятся к общим. Было бы абсурдом пытаться сравнивать всех (или большую часть) людей по шкале, созданной для измерения своеобразной *демонстративной утонченности* франта Брумеля или *сексуальной жестокости* маркиза де Сада. Уже сам факт, что мы сейчас используем эти характеристики, демонстрирует то, что мы отделили их от индивидуальных образов, стремясь приложить их к другим индивидам, которым они могут подойти. Слова обобщают. Даже говоря «этот мальчик», мы указываем на особенное посредством двух абстрактных слов. Только имя собственное — например, Франклин Рузвельт — приближается к обозначению личности как единственного на свете уникального события.

Уникальность личностных диспозиций

Мы вновь приходим к утверждению, которое так шокирует науку. Франклин Рузвельт был единственным на свете уникальным историческим событием, и невероятно сложная организация его психических процессов и нервной системы была также уникальной. Иначе и нельзя рассматривать индивидуальный характер его наследственности и индивидуальный характер его жизненного опыта <...>. Даже подсистемы его личности были в конечном счете уникальными. Столкнувшись с этой неопровержимой логикой, один разгневанный психолог воскликнул: «Я думаю, бессмысленно говорить о том, что никакие два человека не обладают одной и той же чертой. Я имею в виду, конечно, что это истина, но это одна из тех истин, с которыми нельзя согласиться». Мы ответим: к несчастью, это та истина, с которой исследование личности *должно* согласиться, какие бы большие осложнения это ни создавало.

Чтобы отделить эту проблему от проблемы общих черт, мы будем использовать различные термины. Уместно говорить об *индивидуальных* (или *личностных*) чертах в отличие от *общих* черт, поскольку есть сход-

ство между этими двумя понятиями (например, обе касаются комплексного уровня организации). Тем не менее, для ясности, мы будем называть индивидуальную структурную единицу не чертой, а личностной диспозицией (и будем время от времени использовать аббревиатуру ЛД)¹.

Большая часть того, что мы говорили об общих чертах, применима также и к личностным диспозициям. Те и другие являются широкими (обобщенными) детерминирующими тенденциями; те и другие одинаково отличаются от привычек, установок и типов; те и другие относятся к уровню анализа, наиболее удобному для исследования личности; существование тех и других выводится из наличия действий, обладающих «функциональной эквивалентностью».

Но есть и отличия. Нет смысла говорить о «нормальном распределении» ЛД, поскольку каждая из них уникальна для одного человека. Названия черт лучше подходят общим чертам, чем личностным диспозициям. (Обычно для обозначения ЛД требуется несколько слов, например, когда мы говорим: «Маленькая Сьюзан обладает своеобразным, присущим только ей тревожным стремлением приносить пользу» или «Он сделает что-нибудь для вас только в том случае, если это не потребует от него никаких усилий».)

Мы утверждаем, что ЛД (если она верно определена) точно отражает личностную структуру, тогда как общие черты представляют собой категории, под которые индивида подгоняют.

¹ Другое приходящее на память возможное обозначение для структурной единицы — *морфогенетическая черта*. Этот термин уместен применительно к единице, которая сохраняет «форму» личностной структуры и помогает поддерживать эту форму в течение значительных периодов времени.

Морфогенетика — это (относительно заброшенная) ветвь биологии, пытающаяся объяснить паттерны, свойственные организму как целому, обнаружить основные элементы, общие для всей жизни. Молекулярная биология продемонстрировала, что эти конечные единицы (описываемые на языке нуклеиновых кислот, протеинов, генетических принципов) замечательно сходны у всех организмов какой бы то ни было формы. Конечно, это открытие делает более насущным (а не менее насущным) отыскание сил, ответственных за структурное единство индивидуальных организмов. Аналогия с психологией здесь почти полная. С аналитическим усердием мы искали однотипные структурные единицы всех личностей (общие черты, потребности, факторы и т.д.), но утратили на этом пути видение внутреннего морфогенетического структурообразования.

Еще одно полезное предположение вытекает из концепции тенденции Ф.Г. Олпорта. Предлагаемая им единица — это обладающая высокой энергией система смысловых циклов, характерных для личности. «В переводе на обычный язык она представляет собой то, что индивид “пытается сделать характерным образом”, т.е. какой смысл он постоянно пытается достичь...» Тенденции «включены в структуры больших систем, таких как единство личности» (*Allport F.H. Theories of perception and the concept of structure. N. Y.: Wiley, 1955. P. 656*).

Хотя это предположение подкрепляет аргументы настоящей главы, кажется наилучшим для наших нынешних целей использовать более простой описательный ярлык — *личностную диспозицию*.

Например, с помощью методов, направленных на общие черты, мы обнаруживаем, что у Питера *эстетические интересы* и *тревожность* развиты сильнее, а *лидерство* и *потребность в достижении* — слабее. Но важно то, что *все* эти общие черты особым образом окрашивают его жизнь и (что еще более важно) взаимодействуют друг с другом. Таким образом, точнее будет сказать, что его ЛД — разновидность *артистической и самодостаточной уединенности*. Отдельные баллы, отражающие общие черты, не отражают полностью этот паттерн.

Но, спросите вы, не «более ли научно» работать с общими чертами? Постепенно мы ответим на этот вопрос. В настоящий момент мы просто утверждаем, что общие черты — это в лучшем случае приближение. Часто они оказываются не в состоянии отразить структуру данной личности.

Иллюстрация этой точки зрения взята из проведенного Конрадом исследования оценок. Трое учителей оценивали некоторое количество детей дошкольного возраста по 231 общей черте, тем самым невольно исходя из предположения, что всем детям в той или иной степени присущи именно эти (одни и те же) качества. Следуя этому ненадежному предположению, учителя продемонстрировали низкую степень согласия (средняя корреляция 0.48). Похоже, многие дети оценивались на основании догадки, лишь потому, что в исследовании *требовалось*, чтобы каждый ребенок получил оценку по каждому качеству. Но в ходе того же исследования учителей просили *поставить звездочку* оценки по тем качествам, которые, как они считают, занимают «центральное или доминирующее положение в личности ребенка». В этой части задания согласие между учителями было почти полным, корреляция их оценок равнялась приблизительно 0.95. Этот результат демонстрирует, что низкая достоверность оценок часто может быть следствием того, что испытуемых принудительно сравнивают по общим чертам, которые к ним не подходят. В отдельных случаях (качества, отмеченные звездочкой) общие черты довольно хорошо соответствовали некоторым замечательным индивидуальным ЛД, но по большей части общие параметры были неуместны¹.

Пусть читатель не думает, что мы осуждаем подход, основанный на общих чертах. Это далеко не так. Мы считаем его единственно возможным для сравнения людей друг с другом и признаем, что получаемые с его помощью оценки и профили проливают некоторый свет на то, что нам нужно. Мы просто говорим, что есть иной, более точный способ рассмотрения личности, а именно выявление внутреннего структурирования (морфогенеза) жизни как уникального продукта природы и общества.

Рассматривая личность тем единственным способом, каким она может быть понята, мы видим в ней структурную сеть (композицию), включающую системы внутри систем, некоторые системы малой величины и нечто вроде периферии по отношению к центральной и главной структуре, а также другие более масштабные системы, находящиеся в сердцевине всего сооружения. Некоторые из этих систем легко вовлечь в действие, дру-

¹ См.: *Conrad H.S. The validity of personality ratings of preschool children // Journal of Educational Psychology. 1932. Vol. 23. P. 671–680.*

гие более пассивны; одни настолько культуросообразны, что их можно легко рассматривать как «общие», другие определенно идиосинкратичны. Но, в конечном счете, эта сеть, содержащая биллионы и биллионы нервных клеток, сформированная наследственностью и никогда не повторяющимся опытом отношений с окружающей средой, уникальна.

Твердолобые ученые законники возразят: «Ну, все в мире уникально — каждый камень на лугу, каждая старая туфля, каждая мышь, но все они состоят из одних и тех же элементов. Уникальность появляется тогда, когда общие элементы комбинируются в различных пропорциях. Органическая химия, например, занимается главным образом различными комбинациями шести или семи элементов, и примерно подсчитано, что из этих немногих элементов можно получить около трех миллионов комбинаций. Принимая во внимание еще большее количество элементов (включающих общие черты), мы можем в конечном итоге объяснить уникальность любого человека».

Мой ответ таков: личность существует только на постэлементарном уровне; она появляется только тогда, когда общие черты человеческой природы уже провзаимодействовали друг с другом и создали уникальную, самоподдерживающуюся и развивающуюся систему. Это не значит, что поиск общих элементов или общих человеческих функций нежелателен. Этим (и больше ничем) занимается большая часть научной психологии. Я настаиваю только на том, что если мы интересуемся *личностью*, то должны выходить за пределы элементов в область морфогенетического¹.

Взаимозависимость диспозиций

Спросим себя, разумно ли думать о личности как состоящей из отдельных диспозиций. Не является ли ее структура настолько связанной, что не поддается расчленению на компоненты?

Без сомнения верно, что мы никогда не можем наблюдать только одну ЛД. В непрерывном потоке поведения одновременно задействованы всевозможные детерминирующие тенденции. Рассмотрим акт написания письма: для него необходима конвергенция психических установок, сиюминутных мотивов, навыков, стилистических привычек, а также глубинных личностных убеждений и ценностей. Поведение всегда требует эффективной конвергенции многих обуславливающих его влияний. Обобщая этот пример, мы можем сказать, что никакое отдельно взятое действие никогда не является однозначным результатом отдельно взятой черты или ЛД.

¹ Морфогенетическая точка зрения в биологии отражена в кн.: Sinnott E.W. The biology of the spirit. N. Y.: Viking, 1955. Этот автор полагает, что конфигурация человеческой личности определяется главным образом целенаправленными мотивами (не влечениями).

Вместе с тем, поскольку адаптивные действия, распределенные в некотором временном диапазоне, часто обнаруживают одни и те же цели и одни и те же особенности выражения, мы должны допустить существование некоторых стабильных и устойчивых влияний. Возьмем, например, *разговорчивого* человека, из которого по малейшему поводу начинает литься речевой поток. Должна же существовать некая нервно-психическая тенденция, влияющая на его поведение в этом направлении. Его болтливость, столь легко провоцируемая (эквивалентность стимулов), порождает речевой поток, в котором могут быть использованы идеи и слова любого рода (эквивалентность реакций). Нелегко понять этот случай в неврологических терминах, но должна существовать некоторая нейтральная система с низким порогом возбуждения, способная порождать такое согласованное поведение. Конечно, в каждом отдельном случае форма болтливости детерминирована также другими факторами: его идеями и установками, относящимися к теме высказываний и к собеседнику, наличием слушателя и другими ЛД, коренящимися в его характере.

То, что мы подразумеваем под личностными диспозициями, передается выражением *фокусы организации*. Средний человек обладает определенным набором интересов и ценностей, определенными способами и манерами самовыражения и, возможно, одной или двумя впечатляющими навязчивыми идеями. Эти собранные в фокус диспозиции могут возбуждаться широким кругом стимулов и вести к широкому кругу эквивалентных ответов (см. рис. 2). Но между этими системами нет жестких границ. Даже так называемые «логически непроницаемые ячейки» не полностью отделены; их границы по меньшей мере полупроницаемы.

В таком случае ЛД опознаются не по их четким контурам или границам, а по качественной характеристике их ядра. Такой ядерной характеристикой может быть некоторая важная цель, или смысл, или (иногда) способ выражения. Все это говорит нам о своеобразии индивидуальных усилий, направленных на выживание и овладение средой, и придает личности форму.

Согласованность диспозиций

Поскольку основной принцип поведения — его конвергентное течение, мы не можем ждать, что диспозиции будут полностью согласованными и предсказуемыми. Добавим, что наша проверка на ЛД (подобная проверке на общие черты) заключается в демонстрации повторения «функционально эквивалентного» поведения. Менеджера из Нью-Йорка, почти всегда решительного, аккуратного и быстрого, буквально разбивает паралич при виде подноса с французскими пирожными в ресторане. Почему? Возможно, это всего лишь усталость в конце дня, возможно, это скрытый комплекс, идущий от наказания в детстве за украденные пиро-

жные. Диспозиции никогда не бывают полностью согласованными. Какая была бы тоска, если бы они согласовывались полностью; и какой был бы хаос, если бы они не согласовывались совсем.

Мы уже обсуждали несогласованность как следствие ситуации и видели, как далеко заходят некоторые авторы, заявляя, будто личность совсем не обладает внутренней согласованностью, а обязана своей однородностью сходству ситуаций, с которыми она регулярно сталкивается. Мы спорили с этой позицией. Даже человек, в одном случае проявляющий власть, а в другом уступающий, в одном случае грубый, а в другом слащавый, должен обладать этими противоположными склонностями *внутри себя*. Иногда в человеке могут таиться прямо противоположные ЛД. Склонность к завоеванию и уступчивость, экстраверсия и интроверсия, святость и греховность — эти диспозиции могут принадлежать одной душе. Гёте создал Фауста из таких парадоксов. Система психологии Юнга в большой степени основывается на понятии противоположностей. Например, в природе человека мужского пола таится бессознательное *женское*.

Одна ситуация пробуждает к жизни одну ЛД, другая — другую. Мы не можем отрицать этот факт. Но мы должны обратить внимание на то, что поведение, выглядящее противоречивым, часто вовсе не является таковым. Видимое противоречие проистекает из того факта, что мы осуществили лишь поверхностный диагноз.

Рассмотрим случай доктора *D.*, всегда аккуратного в отношении самого себя и своего письменного стола; пунктуального в отношении к своим лекционным заметкам, конспектам и картотеке; его личное имущество не только в порядке, но и тщательно заперто на замок. Доктор *D.* также заведует библиотекой своего департамента. В этой работе он беспечен: оставляет дверь библиотеки незапертой (и книги пропадают), не беспокоится об уборке помещения (и накапливается пыль). Означает ли это противоречие в поведении, что у него отсутствуют ЛД? Вовсе нет. Он обладает двумя противоположными стилистическими диспозициями, одна из которых — аккуратность, а другая — неорганизованность. Если копнуть дальше, дуализм можно объяснить (по меньшей мере частично) тем, что *D.* обладает *одной* кардинальной (мотивационной) диспозицией, из которой проистекают оба контрастирующих стиля поведения. Исключительный факт, касающийся его личности, заключается в том, что доктор — сосредоточенный на себе эгоист, который никогда не действует в интересах других людей, но всегда в своих собственных. Этот кардинальный эгоцентризм (свидетельства которого имеются в изобилии) требует упорядоченности для себя, но не для других.

Итак, мы приходим к заключению, что согласованность диспозиций — вопрос степени. Прежде чем говорить о ней, должна быть доказана связь между разрозненными действиями. Вместе с тем, существование разобщенных, специфических и даже противоположных действий отнюдь не фатально для вывода о согласованности. Обычно мы обнаруживаем, что противоречие уменьшается, если точно определить действующую диспозицию.

Генотипические, фенотипические и псевдодиспозиции

Здесь нам вспоминается полезное различие, предложенное Левином. Описания в терминах «здесь и теперь» он называет *фенотипическими*. Объясняющие схемы, привлекающие более глубокие диспозиции, — *генотипическими*. В нашем случае доктору D. были присущи (фенотипически) как тщательный, так и неаккуратный стили поведения, но обе эти готовности вести себя противоположным образом (за каждой из которых кроется круг эквивалентных ситуаций и ответов) коренятся в более фундаментальной (генотипической) ЛД, которую мы определили как *эгоцентризм*.

Было бы некорректно отказывать фенотипическим диспозициям в истинности. Они по большей части «истинны» в том же самом смысле, в котором истинны общие черты. Иначе говоря, хотя они могут и не отражать основную динамику и центральную структуру личности, они, по крайней мере, выражают последовательность поведения человека.

Психоаналитическая теория, к примеру, полагает, что такое свойство как, например, *скупость*, является отражением анально-эротического характера. Если это так, скупость — фенотипическая диспозиция. Только анально-эротический характер должен был бы, строго говоря, рассматриваться как генотипический. Но некоторые скупцы могут не иметь этого конкретного базисного генотипа. Возможно, их накопительство берет начало с времен страшной нужды, став затем функционально автономным. Просто они любят ощущение золота (или его эквивалента). В этом случае скупость, возможно, и есть истинный генотип (так сказать, фундаментальная ЛД, которая, вероятно, обнаруживается в личностях скупцов). Этот пример демонстрирует, что *только путем исчерпывающего изучения отдельно взятой жизни мы можем надеяться достаточно успешно отличить генотип от фенотипа*.

Иногда наши заключения могут быть полностью ошибочными. Например, мы можем думать, что человек, дарящий подарки, *великодушен*. Но, возможно, он просто пытается купить благосклонность. В этом случае мы имеем дело не с фенотипической диспозицией великодушия (поскольку этот человек вовсе не склонен к великодушию), а с фенотипической диспозицией подкупа, и лежащий в основе генотип, судя по всему, может быть разновидностью глубинного ощущения небезопасности жизни. В таком случае появляются *псевдочерты* — ошибки заключения, неверные суждения, происходящие от того, что мы фиксируем внимание исключительно на видимости. Здесь мы вновь видим, что к правильному диагнозу приводят только самые доброкачественные методы и предельно критический взгляд. Главным образом именно благодаря способности отделить истинные диспозиции от псевдодиспозиций психология обладает преимуществом перед здравым смыслом.

Кардинальные, центральные и вторичные диспозиции

У каждого человека существуют ЛД большей и меньшей значимости. Некоторые ЛД настолько масштабны и настолько значимы в жизни, что их по праву можно назвать *кардинальными* диспозициями. Почти каждое действие можно проследить до его истоков. В начале главы приведен список терминов, происходящих от имен собственных исторических личностей и вымышленных персонажей (хоть он и не свободен от преувеличений и упрощений), наводящий на мысль о том, что подразумевается под кардинальными диспозициями. Ни одна из таких диспозиций не может остаться скрытой, человек осведомлен о них и может стать знаменитым благодаря им. Такое качество знаменитости иногда называют *выдающейся чертой, ведущей страстью, главным чувством, единой темой, корнем жизни*.

Лишь необычные личности обладают одной и только одной кардинальной диспозицией. Обычно средоточие жизни выражается в наборе различных центральных диспозиций. «Сколько их?» — вот вопрос, который мы задаем в первую очередь. Центральными диспозициями, вероятно, будут те, которые мы упоминаем, когда тщательно пишем рекомендательное письмо. Исследование Конрада, процитированное выше, также связано с центральными (главными) диспозициями личностей дошкольников (у которых, конечно, мы еще не ожидаем обнаружить такие жесткие структуры, как в дальнейшем).

На еще менее значимом уровне мы можем говорить о вторичных ЛД — менее заметных, менее генерализованных, менее последовательных и реже приводимых в действие, чем центральные диспозиции. Они расположены более периферически, чем центральные, и меньше связаны с проприумом.

Разумеется, эти три уровня выделены произвольно и сформулированы главным образом для удобства рассуждений. В реальности существуют всевозможные уровни организации, от наиболее приблизительных и нестабильных до наиболее масштабных и жестко структурированных. Тем не менее, полезно осознавать эти отличия, когда мы собираемся предварительно сравнивать значимость и интенсивность различных диспозиций данной личности¹.

¹ Следует сказать пару слов об «интенсивности». Если ЛД рассматривается как уникальная, то она не может существовать в какой-то «степени», поскольку нет внешнего стандарта для сравнения. Тем не менее, если мы рассматриваем конкретного индивида как точку отсчета, то можем (как в данном случае) оценить интенсивность одной ЛД по отношению к другим и, таким образом, выйти на нашу грубую шкалу: кардинальная — центральная — вторичная. Однако если мы попытаемся сравнить ЛД со сходными ЛД других людей, то, конечно, трансформируем ЛД в *общие черты*.

Сколько диспозиций может быть у человека?

Вопрос о том, сколько диспозиций может быть у человека, очень смел, и ответить на него можно только предварительно и предположительно. Смелым мы его называем по многим причинам: поведение идет непрерывным потоком, диспозиции никогда не проявляются поодиночке; люди проявляют противоречивые диспозиции в противоречивых ситуациях; к тому же, диагностические методы слишком плохо развиты для того, чтобы мы смогли найти ответ.

Тем не менее, на основании фрагментарных свидетельств мы можем высказать некоторые догадки, ограничившись кардинальными или центральными ЛД. Мы не рискуем даже гадать относительно вторичных диспозиций.

Обратимся сначала к биографической литературе. В своем описании жизни Уильяма Джеймса Ральф Бартон Перри писал, что для того, чтобы понять эту завораживающую личность, необходимо рассмотреть восемь основных «черт», или «составных частей». Первыми он внес в список четыре «нездоровые» диспозиции — тенденции, которые (взятые сами по себе) свидетельствуют о тяжелых нарушениях: (1) ипохондрия, (2) озабоченность исключительными психическими состояниями, (3) заметные колебания настроения и (4) отвращение к процессам строгого мышления. С этими болезненными ЛД смешиваются (и искупают их) четыре «доброкачественные» диспозиции: (5) чувствительность, (6) живость, (7) гуманность, (8) общительность. Конечно, используемые Перри обозначения — это названия общих черт, но он определяет их таким образом, что каждая приобретает своеобразный джеймсовский аромат. Для наших целей важно следующее: даже после весьма исчерпывающего исследования столь сложной личности Перри ощущает, что ограниченное число основных диспозиций (в данном случае восемь) адекватно охватывает ее базовую структуру.

Рассмотрим небольшой экспериментальный пример. Мы попросили 93 студентов «подумать о каком-нибудь человеке вашего пола, которого вы хорошо знаете», а затем «в письменной форме описать его или ее с помощью слов, выражений или предложений, которые достаточно хорошо определяют то, что представляется вам наиболее существенными характеристиками этого человека». Выражение *наиболее существенные характеристики* раскрывалось так: «любая черта, качество, интерес, тенденция и т.д., которую вы считаете очень важной для описания человека, которого вы выбрали».

Среднее число использованных студентами характеристик равнялось 7,2. Только 10 % отвечавших ощутили, что им требуется более 10 пунктов, чтобы описать «наиболее существенные характеристики» их друга¹.

¹ См.: Allport G. W. What units shall we employ? // Assessment of human motives / Ed. by G. Lindzey. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1958. Ch. 9 <...>. Биографические подтверждения см.: Perry R. B. The thought and character of William James: In 2 vols. Boston: Little, Brown, 1936. Vol. 2. Ch. 90–91.

Это всего лишь небольшие пришедшие в голову примеры, но они раскрывают важную возможность. *Когда психология разработает адекватные диагностические методы для выявления главных направлений, по которым организована отдельная личность (личностных диспозиций), может оказаться, что число таких узлов в норме варьирует от пяти до десяти.* Мы предлагаем это утверждение в качестве гипотезы, подлежащей возможной научной проверке.

Как изучать личностные диспозиции

Психология крайне редко фиксирует свое внимание на индивидуальности, поэтому для определения личных диспозиций отдельных людей у нас не так много методов, как хотелось бы. В большинстве источников преобладает клише: «Психология как наука имеет дело со всеобщим, а не с частным». На каждое исследование индивидуальных черт мы обнаруживаем сотни (возможно, тысячи) исследований общих черт. Тем не менее, методы (или методические подходы к такому исследованию) есть, и мы расскажем о них, чтобы показать, что наш научный вызов оправдан — в исследовании морфогенетической организации *можно* сделать больше, чем делается.

Спецификация общих черт. Первый и достаточно очевидный метод — рассмотрение положения индивидов при использовании универсальных инструментов тестирования или шкал оценок. Значительно более высокие или низкие оценки обычных переменных могут привлечь наше внимание к областям, в которых, если мы взглянем внимательнее, могут обнаружиться важные личностные диспозиции. Например, упомянем вновь исследование Конрада, в котором с помощью метода «помеченных звездочкой» оценок более чем 200 общих черт было продемонстрировано, какие переменные могут указывать на важные диспозиции у отдельных детей. Повторим, что согласие среди учителей по поводу отмеченных пунктов было особенно высоким. Идентифицируя таким образом возможные ЛД, мы можем даже обнаружить оттенки каждой из них, существующие у конкретных людей.

Изучение отдельных случаев. Наиболее очевидный метод — это исследование биографий, историй жизни или отдельных случаев. С первого взгляда он может показаться методом литературы или здравого смысла, но при использовании мер предосторожности и аналитических инструментов он может стать важным научным методом.

Тестирование на предполагаемые ЛД. Предположим, что поначалу мы смотрим на изучаемый объект с позиции здравого смысла (как и подобает здравомыслящим ученым). Затем мы предполагаем, что объект (в данном случае отдельная личность) обнаруживает определенные главные диспозиции. Далее мы, подобно любому ученому, попытаемся эмпи-

рически проверить нашу гипотезу и, если потребуется, скорректировать ее. Этот метод предложен Ф. Г. Олпортом в следующем примере¹.

Некий мальчик в школе отличается примерным поведением, аккуратен, исполнительен и внимателен. Но дома он шумный, неуправляемый и грубый по отношению к младшим детям. Фенотипически он демонстрирует противоположные диспозиции.

В таком случае психолог может сделать предположение: центральная диспозиция этого мальчика — страстное желание внимания. Лучше всего он достигает своей цели в школе — подчиняясь правилам, дома — не слушаясь.

Сделав это предположение, психолог может затем просчитать фактические действия мальчика в течение дня (проверенные каким-нибудь независимым наблюдателем), чтобы выяснить, сколько среди них было «функционально эквивалентных», т.е. демонстрирующих явные домогательства внимания. Если доля таких действий высока, мы можем считать, что гипотеза подтверждена, а ЛД установлена.

Более широкое использование этого гипотетического метода может привести нас к фокусированию на жизни индивидов как целом.

Эмпирический анализ действий одного человека. Имея в своем распоряжении большую совокупность действий отдельного человека, мы можем различными способами провести ее содержательный анализ. Например, письмо или дневник человека содержит повторяющиеся группы мыслей. Метод научного использования таких данных показан в работе Болдуина под названием «анализ личностной структуры»².

Этот исследователь проанализировал свыше сотни писем, написанных Дженни в возрасте 59—70 лет. Он задался вопросом: если Дженни упоминает об одном предмете, о чем еще она упоминает в то же самое время (в той же группе мыслей)? С помощью этого метода он нашел у Дженни несколько безошибочно определяемых центральных диспозиций. Она сильно ревновала своего сына, она проявляла паранойяльные черты в своих отношениях с женщинами, она имела выраженные эстетические интересы, и она была щепетильна в денежных делах.

Конечно, эти письма не могут полностью раскрыть структуру личности Дженни, но этот метод все же показал, что в области уникальных личностных диспозиций может быть проведено тщательное количественное исследование. Психология может заниматься отдельными случаями.

Клинический подход. Поскольку консультанты или терапевты имеют дело с индивидуальностями, они неизбежно выносят суждения, касающиеся личностных диспозиций. На протяжении процесса консультирования их волнует структура личности пациента. Конечно, они думают об

¹ См.: Allport F. H. Teleonomic description in study of personality // Character and Personality. 1937. Vol. 6. P. 202–214.

² См.: Baldwin A. L. Personal structure analysis: a statistical method for investigating the single personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1942. Vol. 37. P. 163–183.

общих законах, приложимых к поведению или проблеме клиента, но их внимание приковано к данному личностному паттерну.

К сожалению, до сих пор клинические психологи, психоаналитики и другие консультанты мирятся с преобладанием в их теоретизировании интереса к общим законам и статистическим предсказаниям. Иногда они даже умаляют ценность исследования морфогенетических образований в индивидуальной жизни¹.

Однако ясно, что клинический подход в принципе предоставляет завидную возможность для исследования морфогенетических диспозиций. В будущем мы можем надеяться на вдохновляющие исследования из этого источника.

Сказанного достаточно для того, чтобы подкрепить нашу точку зрения: наука может и должна заниматься отдельными личностями напрямую, а не привычным сравнением их общих черт.

Личностные диспозиции и мотивы

Теперь мы подходим к наиболее трудному для нас вопросу: какова связь между описанными нами личностными диспозициями и мотивами, рассмотренными выше <...>.

Во-первых, напомним читателю, что большинство теоретиков проводит четкое различие между мотивами и другими ингредиентами личности. Например, Мюррей отделяет потребности (базовые мотивы и наиболее важные ингредиенты личности) от способов удовлетворения потребностей (актонов)². Аналогично фрейдисты считают инстинкты мотивационными единицами, тогда как катексис представляет объекты, к ним привязанные. Другие четко отделяют мотивы (то, почему человек действует) от установок (то, как человек действует). Мак-Клеланд считает, что личность состоит из трех типов единиц: *мотивов, черт, схем*. Для него черта — это просто «благоприобретенная склонность индивида реагировать так, как он более или

¹ Ср.: Meehl P.E. Clinical vs. Statistical prediction. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1954; Perry R.B. The thought and character of William James. (2 vols.) Boston: Little, Brown, 1936. Vol. 2. Ch. 90–91; см. также: Sarbin T.R., Taft R., Bailey D.E. Clinical inference and cognitive theory. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960.

² См.: Murray H.A. et al. Explorations in personality. N. Y.: Oxford, 1938. В одной связи Мюррей говорит о *потребностной интеграции*. Как мы уже говорили, этот термин сам по себе точно указывает на то, что мы ищем, — на единую систему, в которой потребность, объект и способ поведения интегрированы в единую диспозицию. Но Мюррей, к сожалению, применяет этот термин не к устойчивым системам внутри личности, а только к сиюминутной интеграции потребностей и способов реагирования. Позже этот автор говорил о *векторе-ценности* как о единице анализа личности. Хотя этот термин в большей мере приписывает потребности предметное содержание, из него по-прежнему вытекает неправильное отделение мотивации от ее цели. См.: Toward a general theory of action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1951.

менее успешно реагировал в прошлом в сходных ситуациях со сходной мотивацией»¹.

У нас иной взгляд. Мы не можем поверить в то, что личность четко подразделяется на мотивы, с одной стороны, и манеры (способы достижения мотивов) — с другой. Все детерминирующие тенденции динамичны (т.е. являются причиной поведения), и в этом смысле все личностные диспозиции обладают определенной мотивационной силой. Тем не менее, поспешим добавить, что существует много уровней динамизма. Например, некоторые личностные диспозиции в гораздо большей степени служат мотивами, чем другие.

Рассмотрим пример. У мистера X есть поглощающая его страсть дать своим детям лучшее образование, чем получил он сам. У мистера X есть также устойчивая диспозиция вежливого поведения. Теперь мы легко можем представить, как он покидает утром свой дом для того, чтобы добиваться своей цели в отношении детей. Но, конечно, он никогда не покидает свой дом только для того, чтобы быть вежливым в отношении кого-либо. Вежливость — это в большей степени *стилистическая диспозиция* его натуры, а служение своим детям — в большей степени *мотивационная диспозиция*. Тем не менее, ни одна из них не лишена некоторой динамической силы.

В этой ситуации нам хотелось бы обратиться к нейрофизиологии. Но мы до сих пор не знаем, какого рода сложная сеть (или соединение) клеток соответствует диспозиции, мы также точно не знаем, как эти сети оказывают давление на поведение. Однако мы знаем, что наш нервный механизм устроен таким образом, что более сложные и высокие уровни играют двойственную роль побудителя и ограничителя в отношении более низких и простых уровней². Этот факт может помочь объяснить, как сложные диспозиции различают равноценные стимулы, приходящие из окружающей среды, и подстегивают или «открывают ворота» для равноценных реакций (при полной согласованности с диспозициями более высокого уровня).

В то же время у нас вовсе нет свидетельств того, что влечение (или импульс, или мотив) когда-нибудь действует отдельно и в одиночку. Напротив, Хебб настаивает на том, что побудительный импульс входит в организацию более высокого уровня и создает рассеянное общее мотивационное состояние, когда интегрированное давление далее «стекает» от коры к стволу мозга и в конце концов приводит к действию³.

Наше знание этого механизма оставляет желать лучшего, но есть свидетельства того, что сложные диспозиции в большей степени являются истинно мотивирующими, чем влечения, по той простой причине, что последние не функционируют без участия более высокоуровневых систем.

¹ McClelland D.C. Personality. N. Y.: Sloane, 1951. P. 216.

² См.: Sherrington C.S. The integrative action of the nervous system. London: Constable, 1906.

³ См.: Hebb D.O. A textbook of psychology. Philadelphia: Saunders, 1958. P. 160.

Рассмотрим так называемое *сексуальное влечение*, о котором столь часто говорят как об однородной, центральной и настоятельно требующей удовлетворения человеческой потребности. Наш вопрос заключается в том, существует ли сексуальная потребность отдельно от некоторой системы диспозиций. Рассматривая жизнь конкретных людей, мы видим, что секс сложным образом соединен со всеми приобретенными ими верованиями, вкусами, привычками и запретами. Нервной системе не удается отделять сексуальный импульс от тех факторов, с которыми он соединен. «Катексированные объекты» являются частью «мотива».

Например, утверждение, что определенный мужчина или женщина *гомосексуальны*, ни в коей мере не характеризует его или ее мотивацию. Существуют мириады форм гомосексуальности: явная, скрытая, активная, пассивная, импульсивная, сублимированная, диффузная, специфическая, альтруистическая, вежливая, садистская, защитная, подхалимская, подавленная, периферическая, центральная, временная, длительная, эстетическая, интеллектуальная — в конце концов, столько форм, сколько существует людей, перенесших свою сексуальную потребность на лиц того же пола. И вполне возможна мысль о многих других направлениях переноса. Тогда представляется в высшей степени искусственным говорить о том, что сексуальное влечение принимает одну и ту же форму или имеет одно и то же значение для любых двух людей. Каждый живет со своими отдельными паттернами. Изучение общих биологических основ даст нам некоторые знания о природе этих паттернов, но было бы ошибкой заключить, что отвлеченная сексуальная способность сама по себе является отдельной единицей мотивации.

Признавая, таким образом, что мы не можем в точности отделить мотивы от личностных диспозиций, мы все же вновь утверждаем, что одни личностные диспозиции обладают большей мотивационной силой, чем другие. Например, ЛД, включающие секс, вероятно, более настойчивы, чем стилистические ЛД вежливости, убедительности или негативизма. Все диспозиции до некоторой степени динамичны, но некоторые — только в инструментальном смысле. Они направляют деятельность, которая мотивирована другими ЛД, обладающими большей ударной силой. Например, можно ожидать, что *вежливый* человек будет проявлять свои сексуальные диспозиции с особой внимательностью к партнеру¹.

Вопрос, является ЛД мотивационной или инструментальной, — вопрос степени. Диспозиции варьируют от поглощающей страсти через легкие пристрастия до обычной воспитанности. Однако даже в стилистических диспозициях обнаруживается некоторая динамическая сила, особенно в ситуациях фрустрации. Если вежливый человек принужден вести себя невежливо, возникающий в результате дискомфорт привлекает внимание к тому нормальному давлению, которое оказывают даже стилистические ЛД. Мы находим, что наши стили поведения не полностью предназначены для обслуживания более сильных мотивов, но и сами обладают определенной направляющей силой.

¹ В. Штерн (см.: Stern W. Die menschliche Persönlichkeit. Leipzig: Barth, 1923. P. 83) различает мотивационные и стилистические диспозиции, используя немецкие термины *Richtungsdisposition* (направляющая) и *Rüstungsdisposition* (инструментальная).

Динамичны ли диспозиции, т.е. активны ли они сами по себе (спонтанно проявляя себя в движении)? Конечно, вне или внутри тела всегда есть сенсорный сигнал, *подстегивающий* напряжение. И в этом смысле, строго говоря, каждая диспозиция нуждается в первоначальном пробуждении, чтобы затем стать динамически активной.

Но в ином смысле мотивационные диспозиции активны сами по себе. Несомненно, что не звонок по телефону заставляет эгоиста бесконтрольно болтать в течение полутора часов о своих дальнейших планах, а сплетницу — подробно пересказывать действия своих соседей. В этом случае реакция берет начало не от телефонного звонка, а от глубоко скрытых тенденций. В самом деле, эгоист и сплетница могут находиться под таким напряжением, что будут *искать* предлог, чтобы поговорить. Они звонят друг другу для того, чтобы выплеснуться. Писатель, домашняя хозяйка, ремесленник, если не допускать их к любимому занятию, могут почувствовать «зуд», зовущий вернуться к своей работе. В этих случаях диспозиции (при всей практической цели) спонтанно активны сами по себе. Интересы, амбиции, обязательства, фобии, общие установки, склонности, хобби, ценности, вкусы, пристрастия, — все они являются одновременно и личностными диспозициями (некоторые лишь вторичными), и мотивами.

В заключение скажем, что невозможно рассматривать личностные диспозиции как единицы личности, полностью отделенные от мотивации. В некоторых случаях они оказываются ведущими жизненными мотивами, особенно тогда, когда представляют из себя зрелые, функционально автономные целевые системы. Очевидно, что они — не способы *реакции* на воздействия окружающей среды, а пути *соприкосновения* с ней.

[Ранее] мы упоминали, что некоторые влечения (например, боль или кислородная недостаточность) могут действовать по типу рефлексов, вызывая отношения типа «напряжение—снятие напряжения» и будучи мало связанными с системами более высокого уровня. Другие влечения (например, секс или голод) представляются в высокой степени связанными с функциями коры головного мозга. Они не остаются чисто биологическими по своей природе, а становятся составляющими личностных диспозиций.

Представляется необходимым постулировать, что с личностными диспозициями связан широкий круг мотивационных сил. Некоторые ЛД являются побуждающими, самоактивными, паровыми котлами жизни. Другие имеют стилистическую и инструментальную природу, но и они динамичны (в меньшей степени).

Определение

Это длинное обсуждение подготовило нас к тому, чтобы дать определение личностной диспозиции. Оно весьма похоже на наше определение *черты*. Внимательный читатель отметит, что каждая часть определения черты получила разъяснение.

Личностная диспозиция — это обобщенная нейропсихическая структура (специфическая для индивида), способная делать многие стимулы функционально эквивалентными и инициировать и направлять устойчивые (эквивалентные) формы адаптивного и стилистического поведения.

Резюме

<...> Мы пытались выявить уровень анализа, наиболее полезный для исследования человеческой личности. Это уровень «черт», который в действительности наиболее широко признан как психологами, так и нашими обыденными речевыми привычками. Тем не менее, мы нашли необходимым выделить на этом уровне два направления рассмотрения организации черт.

Общими чертами называют сложно организованные комплексы, рассматриваемые как общие (или сравнимые) в популяции людей. Вследствие принадлежности людей к общему виду и к общей культуре мы можем (с полным основанием) искать у них совершенно однородные категории поведения. Все сравнительные исследования личности, вся дифференциальная психология, большинство попыток измерений осуществляются на основе таких «общих черт».

Личностные диспозиции — это единицы того же порядка сложности, но они рассматриваются как «членение самой природы». Иными словами, это нейропсихические единицы, которые мы фактически обнаруживаем у различных людей. Иногда (весьма редко) человек оказывается столь типичным представителем своей культуры и своего вида, что может быть адекватно охарактеризован с помощью общих черт. Более вероятно, что его кардинальные, центральные и вторичные диспозиции будут в высокой степени окрашены его индивидуальностью. Тот способ, каким организована его жизнь, может не соответствовать сколько-нибудь хорошо никакой аналитической схеме общих черт. Термин *личностная диспозиция* (который может быть передан также как *индивидуальная черта* или *морфогенетическая черта*) привлекает внимание к любым обобщенным чертам, которые фактически присутствуют в нейропсихической системе отдельного человека.

Оба понятия используются на своем месте. Для целей сравнительных исследований (а таково большинство исследований личности) достаточно общих черт. Для детального исследования конкретного индивида должны быть определены личностные диспозиции.

Черты или диспозиции не поддаются прямому наблюдению, мы можем лишь прийти к заключению об их существовании. Конкретные действия — это всегда продукт многих детерминирующих факторов, не только устойчивых тенденций, но и напряжений, возникающих в данный момент в личности или в ситуации. Только повторяющиеся действия, обладающие одной и той же значимостью (эквивалентность реакций) и

являющиеся результатом определенного круга стимулов, имеющих одну и ту же личностную значимость (эквивалентность стимулов), приводят к необходимости заключения о наличии черт и личностных диспозиций. Эти тенденции не находятся все время в активном состоянии, но они продолжают существовать даже в латентной форме и обладают относительно низким порогом возбуждения.

Одно дело допустить, что черты и диспозиции — наиболее приемлемые единицы для исследования, другое — установить их точный характер у какого-либо конкретного человека. Для того чтобы избежать проекции своего собственного характера и многих других источников ошибок, исследователь должен использовать весь имеющийся отношение к делу эмпирический инструментарий своей науки в обосновании своих заключений. Черты и диспозиции нельзя вызвать как духов; их надо обнаружить.

При обозначении этих организованных единиц возникает множество ошибок, одна из которых — смешивание социальных суждений с объективными фактами. Если мы будем избегать терминов, выражающих похвалу и осуждение, то сможем составить психологический словарь «безоценочных» названий черт. Как ни прискорбно, но свойства человеческой личности могут быть описаны только с помощью обыденной речи, поскольку она одна обладает достаточной тонкостью и общепринятой понятностью.

Некоторые черты и диспозиции явно имеют мотивирующую силу, особенно те, которые обычно известны как интересы, амбиции, чувства, комплексы, ценности. Другие менее динамичны и обладают возможностью скорее управлять поведением (стилизовать его), чем инициировать. Иногда единицы, поначалу лишь направляющие, приобретают впоследствии движущую силу, а те единицы, которые вначале побуждали движение, могут стать просто направляющими. Стареющий спортсмен может утратить рвение, но все еще сохранять интерес к спорту.

Черты и диспозиции стабилизируют поведение, но они никогда не бывают ни полностью согласованными, ни независимыми друг от друга. Эффективное приспособление к окружающему миру требует гибкости: в различных ситуациях должны приводиться в действие различные детерминирующие тенденции. Конкретная личность может выглядеть противоречивой и конфликтной (как без устали повторяют романисты и клиницисты).

Наш взгляд на личностные диспозиции не отрицает важности социального взаимодействия в формировании человеческого поведения. [Ранее] мы отдали должное эффектам ситуации, социальной роли, культуры. Но мы считаем, что конкретный человек обладает широким набором привычек и диспозиций, которые могут быть активированы в разной степени и в различных комбинациях в зависимости от социальных и средовых требований текущего момента.

Черты и диспозиции — это *modus vivendi*. Их значимость — следствие той роли, которую они играют в успешном приспособлении человека к его миру и в овладении им.

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

ПОДХОД К ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИИ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА¹

В отличие от идеографического изучения черт по Олпорту, существенно иное направление в психологии черт личности открывается благодаря статистическому методу, известному как *факторный анализ*. Теоретики, использующие факторный анализ, полагают, что основополагающие аспекты личности являются общими для всех; т.е. основные элементы, из которых формируется структура личности, универсальны. Сторонники применения факторного анализа для изучения черт считают также, что люди обладают стойкой предрасположенностью реагировать определенным образом и что основные параметры личности имеют иерархически упорядоченную структуру. Ключевая особенность данного подхода к изучению личности состоит в количественном измерении черт личности. Выдающимися представителями этого количественного научного метода являются Рэймонд Кеттел и Ганс Айзенк. Данный раздел главы посвящен их вкладу в персонологию. Однако сначала мы сделаем небольшое отступление, чтобы рассмотреть процедуру проведения факторного анализа согласованных структур личности.

Метод факторного анализа

Факторный анализ представляет собой в высшей степени сложную математическую процедуру, рассмотрение которой выходит за рамки этой книги, однако логика, лежащая в его основе, сравнительно проста для понимания. По сути, это метод определения степени совместной

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2000. С. 303–305, 307–313, 314, 315–322.

изменчивости в большом наборе психологических переменных, полученных при тестировании представительной группы испытуемых. Основная посылка состоит в том, что определенные характеристики коррелируют, или являются ковариантными, таким образом, что это дает возможность выделить некий самостоятельный психологический показатель или фактор. Посредством изучения типов ковариации («что с чем связано») факторный анализ позволяет работать с огромными массивами данных, полученных путем различных измерений, приводя их к меньшему ряду групп или факторов, более пригодному для обработки. Предположим, например, что исследователю необходимо установить наличие взаимосвязей среди 50 различных личностных переменных, причем каждая из них представлена неким результатом или показателем теста. Вместо того, чтобы пытаться изучать все взаимосвязи среди этих переменных (свыше 12000 корреляций), исследователь может свести их к меньшему числу переменных, достаточно полно характеризующих всю совокупность данных. Переменные, образующие этот ряд, называются *факторами*.

Начальным этапом в проведении факторного анализа является получение нескольких переменных в большой выборке результатов измерений испытуемых. Измерение может проводиться в самой различной форме, включая самооценку, экспертные оценки и оценки объективного поведения. Тип или источник данных значения не имеет, при условии, что для всех субъектов используются одни и те же виды измерения. То, какие именно данные мы собираем и анализируем, с очевидностью определяет, какие личностные параметры мы получим в результате факторного анализа. Что получается из факторного анализа, зависит от того, что психолог в этот анализ вводит!

Вторым этапом процедуры является определение степени взаимосвязи каждой переменной с каждой другой переменной в общем ряду. Таким образом, при изучении 50 переменных должна быть определена взаимосвязь между переменной *a* и переменной *b*, переменной *a* и переменной *c*, *a* и *d* и т.д., а также взаимосвязь между переменными *b* и *c*, *b* и *d* и т.д. Мера или степень взаимосвязи представляет собой коэффициент корреляции, а общее множество корреляций между всеми переменными — это *корреляционная матрица*. Следующим этапом будет определение того, есть ли в пределах общей корреляционной матрицы группы переменных, которые имеют сходные закономерности изменения коэффициентов корреляции, образуя функциональные единицы в общем наборе (факторы). В этой процедуре, называемой *выявление фактора*, многочисленные взаимосвязи между всеми переменными сводятся к сравнительно малому числу факторов. Для одного фактора определяющими считаются те переменные, которые наиболее сильно коррелируют

между собой. По сути, факторы — это «просто структуры или модели, создаваемые сходимостью результатов измерений»¹.

Как только из корреляционной матрицы извлечены общие факторы, следующим этапом анализа будет определение факторных нагрузок значений переменных, относящихся к данному фактору. *Факторные нагрузки* — это корреляции между фактором как функциональным целым и значениями конкретных переменных, входящих в этот фактор. Это показатель того, до какой степени значение какой-либо переменной совпадает с основополагающим параметром данного фактора. Относительно высокие корреляции между значениями переменных и фактором (обычно требуется, чтобы они были не ниже 0,40) «нагружают» этот фактор, т.е. данные переменные являются определяющими для данного фактора, а переменные, имеющие низкий коэффициент корреляции, — нет. Короче говоря, природа фактора определяется значениями переменных, нагружающих этот фактор.

Заключительным этапом в факторном анализе является формулировка названия, или маркировка факторов. Суть процесса маркировки состоит в том, чтобы как можно более точно отразить содержание переменных, нагружающих фактор, в особенности переменной, которая имеет наибольший вес. Название для данного фактора выбирают с учетом смыслового значения той группы взаимосвязанных переменных, которая преимущественно нагружает этот фактор. Следует отметить, что название, данное определенному фактору, в высшей степени субъективно и может стать предметом споров и разногласий. Например, два психолога, изучающие один и тот же ряд факторов, могут выбрать разные названия для каждого из них и, следовательно, прийти к разным заключениям относительно природы изучаемых переменных. Поэтому при выборе названий факторов, или черт личности следует проявлять чрезвычайную аккуратность.

Итак, факторный анализ представляет собой статистический метод суммирования и упрощения рядов переменных, при котором сравнительно большой ряд переменных сводится к сравнительно малому ряду измерений черт личности, или факторов. Основные этапы осуществления типичного факторного анализа сводятся к следующему:

- сбор показателей по всем переменным на большой выборке испытуемых;
- получение интеркорреляций всех переменных;
- извлечение факторов из корреляционной матрицы;
- определение нагрузок факторов;
- интерпретация и подбор названий для факторов.

Получив вводную информацию о технике факторного анализа, рассмотрим теперь, как Кеттел и Айзенк использовали эту процедуру для идентификации основных аспектов человеческой личности.

¹ Kerlinger F.N. Foundations of behavioral research. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 671.

Рэймонд Кеттел: Структурная теория черт личности

В отличие от многих других теоретиков Кеттел начал не с клинических наблюдений или интуитивных представлений о природе человека. Наоборот, его подход прочно основан на использовании точных эмпирических методов исследования. Приверженность Кеттела конструированию научной модели поведения определялась одной ведущей целью: раскрыть (с помощью метода факторного анализа) основные черты личности. Он полагает, так же, как и Олпорт, что личностные черты составляют ядро структуры личности, и в конечном счете они ответственны за то, что будет делать человек в данной ситуации. Как и Олпорт, Кеттел различает общие и уникальные черты. Однако он не разделяет точку зрения Олпорта, согласно которой черты в самом деле существуют внутри человека. По Кеттелу, черты не имеют никакого реального нейробиологического статуса, и как таковые могут быть обнаружены лишь при точном измерении наблюдаемого поведения.

Попытка Кеттела разработать теорию черт личности на основе сложного статистического анализа объективных поведенческих характеристик достойна восхищения. Результатом его усилий является, быть может, наиболее комплексная система воззрений в современной персонологии. Несмотря на сложность теории Кеттела, его концепции необходимо серьезно изучать тем, кто посвятил себя исследованию личности. <...>

Теория черт личности: основные концепции и принципы

Теория Кеттела стремится объяснить сложные взаимодействия между системой личности и более объемной социокультурной матрицей функционирующего организма. Он убежден в том, что адекватная теория личности должна учитывать многочисленные черты, составляющие индивидуальность, степень обусловленности этих черт наследственностью и влиянием окружающей среды, а также то, каким образом генетические факторы и факторы окружающей среды взаимодействуют между собой, влияя тем самым на поведение. Он утверждает, что адекватная теория функционирования и развития личности должна непременно строиться на строгих методах исследования и точных измерениях. Его излюбленными методами изучения личности являются мультивариативная статистика и факторный анализ.

Согласно Кеттелу, личность — это то, что позволяет нам предсказать поведение человека в данной ситуации¹. Будучи сторонником математического анализа личности, он придерживался мнения, что предска-

¹ См.: *Cattell R.B. The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.*

знание поведения может быть осуществлено посредством уравнения спецификации. Главная формула, используемая Кеттелом для предсказания поведения с определенной степенью точности, имеет вид:

$$R = f(S, P).$$

Здесь сказано, что природа специфической ответной реакции человека (R), означающей, что он делает или думает, или выражает словами, есть некая неопределенная функция (f) от стимулирующей ситуации (S) в конкретный момент времени и от структуры личности (P). Уравнение спецификации показывает, что характерная реакция на какую-либо ситуацию представляет собой функцию от комбинации всех черт, значимых для данной ситуации; причем каждая черта взаимодействует с ситуационными факторами, которые могут оказать на нее влияние.

Кеттел признает, как трудно предсказать поведение какого-либо человека в данной ситуации. Чтобы повысить точность предсказания, психолог должен рассматривать не только те черты, которыми обладает личность, но также и не относящиеся к чертам переменные, такие как настроение человека в данный момент и конкретные социальные роли, требуемые ситуацией. Более того, необходимо взвешивать каждую черту с точки зрения ее значимости в рассматриваемой ситуации. Например, если бы человек оказался в эмоционально возбуждающей ситуации, тогда в предсказании его ответной реакции наибольший вес следовало бы приписать такой черте, как тревожность. Поэтому уравнение $R=f(S,P)$ представляет собой упрощенный экстракт теории Кеттела о чертах личности. Однако с познавательной точки зрения нельзя забывать, что эта главная формула подтверждает убежденность Кеттела в том, что поведение человека можно определить и предсказать.

Структурные принципы: категории черт личности

Несмотря на утверждение Кеттела о том, что поведение определяется взаимодействием черт и ситуационных переменных, его главная организующая концепция личности заключается в описаниях различных типов выявленных им черт. Согласно Кеттелу, черты личности представляют собой относительно постоянные тенденции реагировать определенным образом в разных ситуациях и в разное время. Спектр действия этих тенденций чрезвычайно велик. Иначе говоря, черты представляют собой гипотетические психические структуры, обнаруживающиеся в поведении, которые обуславливают predisposedность поступать единообразно в различных обстоятельствах и с течением времени. Черты личности отражают устойчивые и предсказуемые психологические характеристики и, безусловно, являются наиболее важными в концепции Кеттела.

Как отмечалось ранее, в исследовании структурных элементов личности Кеттел в значительной мере полагается на факторный анализ¹. В результате проведения многократных процедур факторного анализа данных, собранных в ходе исследования тысяч субъектов, он приходит к выводу, что черты личности можно классифицировать или разбить на категории несколькими способами. Рассмотрим предложенные Кеттелом принципы классификации черт (Кеттел использует также термин *факторы*).

Поверхностные черты—исходные черты. *Поверхностная черта* представляет собой совокупность поведенческих характеристик, которые при наблюдении выступают в «неразрывном» единстве. Например, наблюдаемые проявления неспособности сосредоточиться, нерешительности и беспокойства могут быть тесно связаны друг с другом и составлять поверхностную черту невротизма. Здесь невротизм подтверждается набором взаимосвязанных видимых элементов, а не какого-то одного из них. Поскольку поверхностные черты не имеют единой основы и временного постоянства, Кеттел не считает их значимыми для объяснения поведения.

Исходные черты, напротив, представляют собой основополагающие структуры, которые, как считает Кеттел, образуют блоки самого здания личности. Это некие объединенные величины или факторы, определяющие, в конечном счете, то постоянство, которое наблюдается в поведении человека. Исходные черты существуют на «более глубоком» уровне личности и определяют различные формы поведения на протяжении длительного периода времени.

Проведя обширную исследовательскую работу с использованием факторного анализа, Кеттел² пришел к выводу о том, что основополагающая структура личности образована примерно шестнадцатью исходными чертами (таблица 1). Эти факторы черт личности, вероятно, более известны в связи со шкалой, которая теперь используется для их измерения: опросник Кеттела «Шестнадцать личностных факторов» (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16 PF). Данная шкала самооценки и несколько других, также разработанных Кеттелом, оказались чрезвычайно полезными и популярными как в прикладных, так и в теоретических исследованиях. Ниже будет представлено обсуждение исходных черт, оцениваемых с помощью опросника «16 PF».

Конституциональные черты—черты, сформированные окружающей средой. Согласно Кеттелу, исходные черты можно разделить на два подтипа — в зависимости от их источника. *Конституциональные черты* развиваются из биологических и физиологических данных индивидуума. Например, выздоровление от пристрастия к кокаину может быть причиной внезапной раздражительности, подавленности и беспокойства. Кеттел

¹ См.: Cattell R.B. The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965; Cattell R.B. The scientific use of factor analysis. N. Y.: Plenum, 1978.

² См.: Cattell R.B. Personality and learning theory: The structure of personality in its environment. N. Y.: Springer, 1979. Vol. 1.

Таблица 1

Основные исходные черты, выявляемые с помощью
опросника Кеттелла «Шестнадцать личностных факторов» (16PF)

Обозначение фактора	Название фактора по Кеттеллу	Качество, соответствующее высокой оценке по фактору	Качество, соответствующее низкой оценке по фактору
A	Отзывчивость–отчужденность	Добродушный, предприимчивый, сердечный	Циничный, безразличный
B	Интеллект	Сообразительный, абстрактно мыслящий	Глупый, конкретно мыслящий
C	Эмоциональная устойчивость–эмоциональная неустойчивость	Зрелый, реалистичный, спокойный	Неустойчивый, нереалистичный, неконтролируемый
E	Доминантность–подчиненность	Уверенный, конкурирующий, упрямый	Застенчивый, скромный, покорный
F	Рассудительность–беспечность	Серьезный, молчаливый	Беззаботный, полный энтузиазма
G	Сознательность–безответственность	Ответственный, моралистический, стоический	Пренебрегающий правилами, нерадивый, непостоянный
H	Смелость–робость	Предприимчивый, раскованный	Неуверенный, замкнутый
I	Жесткость–мягкость	Опирающийся на свои силы, независимый	Цепляющийся за других, зависимый
L	Доверчивость–подозрительность	Принимающий условия	Упорный на грани глупости
M	Мечтательность–практичность	Творческий, артистичный	Консервативный, приземленный
N	Дипломатичность–прямолинейность	Социально-опытный, сообразительный	Социально-неуклюжий, непретенциозный
O	Склонность к опасениям–спокойствие	Беспокойный, озабоченный	Спокойный, самодовольный
Q1	Радикализм–консерватизм	Вольнодумно либеральный	Уважающий традиционные идеи
Q2	Самодостаточность–конформизм	Предпочитающий собственные решения	Беспрекословно следующий за другими
Q3	Недисциплинированность – контролируемость	Следующий собственным побуждениям	Пунктуальный
Q4	Расслабленность–напряженность	Сдержанный, спокойный	Переутомленный, возбужденный

Источник: адаптировано из *Cattell*, 1965.

мог бы утверждать, что подобное поведение является следствием изменений физиологии человека и, таким образом, отражает конституциональные исходные черты.

Черты, сформированные окружающей средой, наоборот, обусловлены влияниями в социальном и физическом окружении. Эти черты отражают характеристики и стили поведения, усвоенные в процессе научения, и они формируют модель, запечатленную в личности ее окружением. Поэтому человек, выросший на ферме Среднего Запада, ведет себя не так, как человек, который провел жизнь в городских трущобах.

Способность, темперамент и динамические черты. Исходные черты, в свою очередь, могут быть классифицированы в терминах модальности, посредством которой они выражаются. *Способности* как черты определяют умения человека и его эффективность в достижении желаемой цели. Интеллект, музыкальные способности, зрительно-моторная координация — вот некоторые примеры способностей. *Черты темперамента* относятся к другим эмоциональным и стилистическим качествам поведения. Например, люди могут работать над каким-то заданием либо быстро, либо медленно; они могут реагировать на какой-то кризис спокойно или истерично. Кеттел рассматривает черты темперамента как конституциональные исходные черты, определяющие эмоциональность человека. Наконец, динамические черты отражают мотивационные элементы поведения человека. Это черты, активирующие и направляющие субъекта к конкретным целям. Так, например, личность может быть охарактеризована как амбициозная, стремящаяся к власти или заинтересованная в приобретении материальных благ.

Общие черты—уникальные черты. Как и Олпорт, Кеттел¹ убежден в том, что имеет смысл классифицировать черты на общие и уникальные. Общая черта — это такая черта, которая присутствует в различной степени у всех представителей одной и той же культуры. Например, самооценка, интеллект и интроверсия относятся к общим чертам. И напротив, *уникальные черты* — это такие черты, которые имеются лишь у немногих или вообще у кого-то одного. Кеттел предполагает, что уникальные черты особенно часто проявляются в сферах интересов и установок. Например, Салли — единственный человек, собравший коллекцию сообщений о детской смертности в Швеции и Канаде в 1930 году. Очень немногие люди, если такие вообще найдутся, разделили бы этот интерес.

Практически все исследования Кеттела посвящены общим чертам, но признание им уникальных черт дает возможность подчеркнуть значение неповторимой индивидуальности людей. Он также полагает, что сама по себе организация общих черт в личности всегда уникальна. Однако нам не следует преувеличивать значение признания Кеттелом уникальности комбинации черт у каждого конкретного человека. В действи-

¹ См.: Cattell R.B. The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

тельности, его намного больше интересовали общие принципы поведения, чем личность отдельного индивидуума.

Источники данных для факторного анализа

Мы уже отмечали, что Кеттел особо подчеркивает значение факторного анализа для определения главных черт личности. Однако, прежде чем перейти к процедуре факторного анализа, необходимо сначала собрать массу данных по огромной выборке. Свои данные Кеттел черпает из трех основных источников: данные регистрации реальных жизненных фактов (*L-данные*), данные самооценки при заполнении анкет (*Q-данные*) и данные объективных тестов (*OT-данные*).

Первые, *L-данные*, представляют собой результаты измерения поведения в конкретных повседневных ситуациях, такие как успеваемость в школе или взаимоотношения со сверстниками. Эти данные могут также включать оценки личностных особенностей, даваемые людьми, хорошо знающими обследуемого в реальных жизненных ситуациях (например, сотрудниками). *Q-данные* — это, напротив, самооценки человека, касающиеся его поведения, мыслей и чувств. Подобная информация отражает самоанализ и самонаблюдения личности. Для получения *Q-данных* Кеттел разработал специальные тесты самооценки, из которых наибольшего внимания заслуживает опросник «Шестнадцать личностных факторов»¹. В то же время он выражает определенные сомнения в отношении этого типа данных: люди не всегда знают сами себя достаточно хорошо или же могут намеренно исказить или фальсифицировать свои ответы. Он предупреждает исследователей, что к данным самооценки следует подходить с осторожностью. И наконец, *OT-данные* получаются в результате моделирования специальных ситуаций, в которых действия личности по выполнению определенных заданий могут быть оценены объективно. Здесь, по мнению Кеттела, отличительной особенностью является то, что человека помещают в придуманные «миниатюрные ситуации», и он реагирует, не зная, по каким критериям оцениваются его ответы. Например, человеку могут предложить тест Роршаха, не дающий возможности для какой бы то ни было подделки. Итак, *OT-данные* трудно исказить.

Выявление исходных черт эмпирическим путем. Чтобы отразить сложность личности и создать *многоплановую стратегию исследования*, Кеттел считает необходимым использовать многие источники данных. Такой подход учитывает одновременно различные проявления параметров личности, однако, он не дает возможности исследователю манипулировать переменными. Кеттел утверждает: если такое многоплановое исследование, как факторный анализ, действительно способно достоверно оп-

¹ См.: Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M.M. Handbook for the 16 personality factor questionnaire. Champaign, IL: IPAT, 1970.

ределять функциональные блоки личности, тогда те же самые факторы, или исходные черты можно будет получать по трем вышеупомянутым различным типам данных. Это логическое утверждение предполагает, что каждый источник данных фактически измеряет общераспространенные и основополагающие черты личности.

Первоначально Кеттел подвергал факторному анализу только L-данные. Он обнаружил 15 факторов, которые, как представлялось, наилучшим образом объясняли индивидуальность человека. Затем он вместе с коллегами попытался определить, будут ли подобные факторы получены на основе Q-данных. Были разработаны буквально тысячи пунктов опросника, которые предлагали для заполнения очень большому количеству людей, после чего данные были подвергнуты факторизации с целью выяснения совпадающих пунктов. Результатом этих колоссальных исследовательских усилий явился «16 PF». Список исходных черт, выведенных с помощью «16 PF», представлен в табл. 1. В целом, факторы, обнаруженные с помощью Q-данных, совпадали с факторами, выявленными с использованием L-данных; только некоторые из них оказались единственными в своем роде для обоих видов данных. И в частности, первые 12 факторов, перечисленные в табл. 1, встретились как в Q-данных, так и в L-данных, в то время как последние 4 фактора, полученные по Q-данным, не соответствовали L-данным.

Касаясь вопроса о степени влияния черт личности на поведение, Кеттел¹ высказал мнение, что одна черта сильнее другой в том случае, если она имеет высокие нагрузки в большем количестве образцов поведенческих проявлений (т.е. общего набора черт, которые могут быть использованы для описания личности). Поэтому фактор А (отзывчивость—отчужденность) является самой сильной чертой из перечисленных в табл. 1, поскольку он оказывает большее влияние на поведение людей в различных ситуациях, чем любая другая черта. Идет ли речь о таких событиях, как успеваемость в школе, эффективность секретарской работы, подвиг солдата или удачный брак, — во всех этих случаях фактор А вносит весьма значительный вклад в деятельность человека. Не столь многочисленны ситуации, в которых принимает участие фактор В (интеллект); и еще меньше таких, в которых существенную роль играет фактор С (эмоциональная устойчивость), и так далее, по всему списку. Следовательно, сила черты определяется ее значимостью для регуляции поведения в различных обстоятельствах.

Роль наследственности и окружающей среды. Уникальность Кеттелла как ученого состоит в том, что он сделал попытку определить сравнительный вклад наследственности и окружающей среды в развитие черт личности. С этой целью он разработал статистическую процедуру — многопрофильный абстрактный вариантный анализ (Multiple Abstract Variance Analysis, MAVA), оценивающий не только наличие или отсутствие генетического влияния, но также и степень обусловленности черт генетическим

¹ См.: Cattell R.B. The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

влиянием или воздействием окружающей среды¹. Эта процедура предполагает сбор данных о различных проявлениях сходства между однояйцевыми близнецами, выросшими в одной семье; между сиблингами (братьями и сестрами), выросшими в одной семье; однояйцевыми близнецами, воспитанными в разных семьях и родными братьями и сестрами, выросшими врозь. Результаты применения техники MAVA (основанной на использовании личностных тестов для оценки той или иной черты личности) показывают: значение генетических и средовых влияний существенно меняется от черты к черте. Например, данные указывают на то, что около 65—70% вариаций в оценках интеллекта и уверенности в себе можно приписать влиянию генетических факторов, в то время как генетическое воздействие на такие черты, как самосознание и нейротизм, окажется, по всей вероятности, наполовину меньше. В целом, по оценке Кеттелла, около двух третей характеристик личности определяется влияниями окружающей среды и одна треть — наследственностью.

Согласно Кеттелу, помимо непосредственного воздействия ситуационных факторов, на поведение людей в значительной мере влияют те группы, к которым они принадлежат (семья, церковь, группы сверстников, коллеги, школа, национальность). Посредством черт личности можно описать не только отдельных людей, но также и социальные группы, членами которых они являются. Диапазон черт, с помощью которых могут быть объективно охарактеризованы группы, называется их *синтальностью* (syntality). Используя факторный анализ, Кеттел² изучал синтальность различных религиозных, учебных и профессиональных групп. Он исследовал также группу черт, составляющих синтальность целых наций³. Основные черты, идентифицирующие синтальность стран, включают величину ее территории, моральное состояние, достаток и степень индустриализации. Ни один другой персонолог не сделал столько, сколько Кеттел в направлении детального описания черт, характеризующих общество в целом, а также изучения влияния этих черт на поведение человека. <...>

Ганс Айзенк: теория типов личности

Айзенк соглашается с Кеттелом в том, что целью психологии является предсказание поведения. Он также разделяет приверженность Кеттелла факторному анализу как способу охватить целостную картину личнос-

¹ См.: Cattell R.B. The multiple abstract variance analysis equations and solutions: for nature-nurture research on continuous variables // Psychological Review. 1960. 67. P. 353–372.

² См.: Cattell R.B. The dimensions of culture patterns by factorization of national character // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1949. 44. P. 443–469.

³ См.: Cattell R.B., Bruel H., Hartman H.P. An attempt at a more refined definition of the cultural dimensions of syntality in modern nations // American Sociological Review. 1952. 17. P. 408–421.

ти. Однако Айзенк использует факторный анализ несколько иначе, чем Кеттел. По Айзенку, стратегия исследования должна начинаться с достаточно обоснованной гипотезы по некоей интересующей исследователя основной черте, за которой следует точное измерение всего того, что для этой черты характерно. В противоположность ему, Кеттел заявляет, что основные составляющие элементы личности выявляются путем применения батареи тестов и последующей обработки данных. Таким образом, подход Айзенка более жестко связан рамками теории, чем у Кеттела. В отличие от Кеттела, Айзенк был также убежден, что для объяснения большей части поведенческих проявлений человека необходимо не более трех *суперчерт* (которые он называет *типами*). Как вы, возможно, помните, Кеттел приводит, по крайней мере, 16 черт или факторов, составляющих структуру личности. И наконец, Айзенк гораздо большее значение придает генетическим факторам в развитии индивидуума. Это вовсе не говорит о том, что Айзенк отрицает ситуационные воздействия или влияние окружающей среды на человека, но он убежден в том, что черты личности и типы определяются прежде всего наследственностью. Несмотря на тот факт, что до сих пор еще не выяснено точное воздействие генетики на поведение, все большее число психологов полагают, что, возможно, в этом вопросе Айзенк прав¹.

Основные концепции и принципы теории типов личности

Суть теории Айзенка состоит в том, что элементы личности могут быть расположены иерархически. В его схеме (рис. 1) присутствуют определенные суперчерты или *типы*, такие как экстраверсия, которые оказывают мощное влияние на поведение. В свою очередь, каждую из этих суперчерт он видит построенной из нескольких составных черт. Эти составные черты представляют собой либо более поверхностные отражения основополагающего типа, либо специфические качества, присущие этому типу. И наконец, черты состоят из многочисленных *привычных реакций*, которые, в свою очередь, формируются из множества *специфических реакций*. Рассмотрим, к примеру, человека, который, судя по наблюдениям, демонстрирует специфическую реакцию: улыбается и протягивает руку при встрече с другим человеком. Если мы видим, что он делает это всякий раз, как кого-то встречает, мы можем предположить, что такое поведение является его привычной реакцией приветствовать другое лицо. Эта привычная реакция может быть связана с другими привычными реакциями, такими как склонность разговаривать с другими людьми, посещение вечеринок и т.д. Эта группа привычных реакций формирует черту общительности. Как это проиллюстрировано на рис. 1, на уровне черт общи-

¹ См.: Loehlin J.C., Willerman I., Horn J.M. Human behavior genetics // Annual Review of Psychology. 1988. 39. P. 101-133.

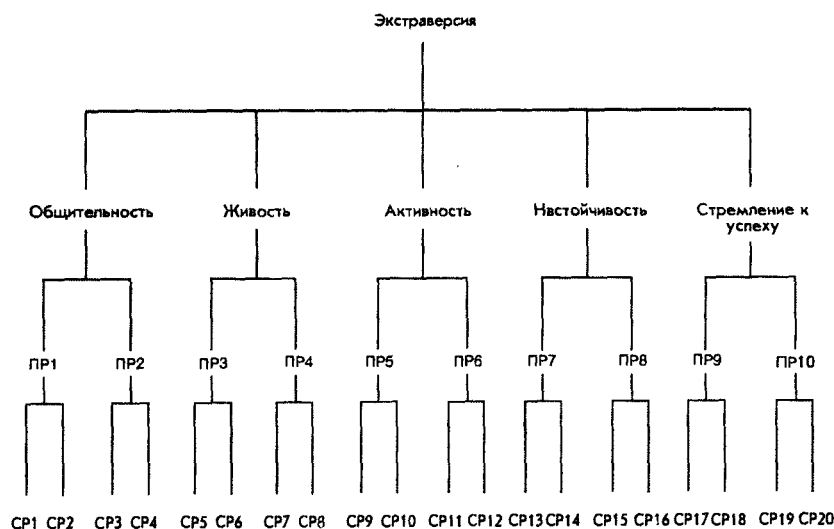

Рис. 1. Иерархическая модель структуры личности:
ПР — привычная реакция; СР — специфическая реакция¹

тельность коррелирует с predisposedностью реагировать в ключе активного, живого и уверенного поведения. В совокупности эти черты составляют суперчерту, или тип, который Айзенк называет *экстраверсия*.

Рассматривая *иерархическую модель* личности, по Айзенку, следует отметить, что здесь слово «тип» предполагает нормальное распределение значений параметров на континууме. Поэтому, например, понятие экстраверсия представляет собой диапазон с верхним и нижним пределами, внутри которого находятся люди в соответствии с выраженностью данного качества. Таким образом, экстраверсия — это не дискретный количественный показатель, а некий континуум. Поэтому Айзенк использует в данном случае термин «тип».

Основные типы личности

Айзенк использовал для сбора данных о людях разнообразные методы: самонаблюдение, экспертные оценки, анализ биографических сведений, физические и физиологические параметры, а также объективные психологические тесты. Полученные данные были подвергнуты факторному анализу для определения структуры личности. В своем раннем исследовании Айзенк выявил два основных типа², которые он назвал *интроверсия*— *эк-*

¹ Адаптировано из: *Eysenk H. The biological basis of personality*. Springfield, JL: Charles C. Tomas, 1967.

² См.: *Eysenck H.J. Dimensions of personality*. London: Routledge & Kegan Paul, 1947; *Eysenck H.J. The scientific study of personality*. London: Routledge & Kegan Paul, 1952.

экстраверсия и нейротизм — стабильность (иногда этот фактор называют *нестабильность — стабильность*). Эти два измерения личности ортогональны, т.е. они статистически не зависят друг от друга. Соответственно, людей можно разделить на четыре группы, каждая из которых представляет собой некую комбинацию высокой или низкой оценки в диапазоне одного типа вместе с высокой или низкой оценкой в диапазоне другого типа. Как показано в табл. 2, с каждым типом ассоциируются характеристики, названия которых напоминают описания черт личности. При рассмотрении природы этих четырех групп следует иметь в виду два момента. Во-первых, оба диапазона типов имеют нормальное распределение, являются непрерывными и предусматривают, таким образом, широкий спектр индивидуальных различий. Во-вторых, описания черт, присущих каждому типу, представляют собой крайние случаи. Большинство людей склонны быть ближе к средней точке — в обоих диапазонах типов — и поэтому получают не столь экстремальные характеристики, как в табл. 2.

Как видно из табл. 2, люди, которые являются одновременно интровертированными и стабильными, склонны придерживаться норм и правил, быть заботливыми и внимательными. И наоборот, комбинация интроверсии и нейротизма предполагает у индивидуума тенденцию проявлять в поведении больше беспокойства, пессимизма и замкнутости. Соединение экстраверсии и стабильности привносит в поведение такие качества, как заботливость, покладистость и общительность. И наконец, люди с экстраверсией и высоким нейротизмом скорее всего будут агрессивными, импульсивными

Таблица 2

Четыре категории людей, описанные Айзенком
на основе выраженности двух независимых параметров¹

Каждая категория, включая составляющие ее черты, является результатом комбинации высокого и низкого уровня интроверсии и экстраверсии с высоким либо низким уровнем стабильности и нейротизма.

	СТАБИЛЬНЫЙ	НЕВРОТИЧНЫЙ
ИНТРОВЕРТ	Спокойный, уравновешенный, надежный, контролируемый, миролюбивый, внимательный, заботливый, пассивный	Легко поддающийся переменам настроения, тревожный, ригидный, рассудительный, пессимистичный, замкнутый, необщительный, тихий
ЭКСТРАВЕРТ	Лидер, беззаботный, веселый, покладистый, отзывчивый, разговорчивый, дружелюбный, общительный	Ранимый, беспокойный, агрессивный, возбудимый, непостоянный, импульсивный, оптимистичный, активный

¹ Адаптировано из: *Eysenk H.J. The inequality of man* L.: Methuen, 1975.

и возбудимыми. Следует отметить, что Айзенк особое значение придавал индивидуальным различиям. Таким образом, никакая из комбинаций этих типов личности не может быть более предпочтительной, чем другая. Беззаботный и компанейский тип поведения имеет как свои хорошие, так и негативные моменты; то же самое можно сказать и о тихой, замкнутой манере поведения. Они просто разные.

Не так давно Айзенк описал и ввел в свою теорию третий тип измерения личности, который он назвал *психотизм* — *сила Суперэго*¹. Люди с высокой степенью выраженности этой суперчерты эгоцентричны, импульсивны, равнодушны к другим, склонны противиться общественным устоям. Они часто бывают беспокойными, трудно контактируют с людьми и не встречают у них понимания, намеренно причиняют другим неприятности. Айзенк предположил, что психотизм — это генетическая предрасположенность к тому, чтобы стать психотической либо психопатической личностью. Он рассматривает психотизм как личностный континуум, на котором можно расположить всех людей и который более выражен у мужчин, чем у женщин.

Нейрофизиологические основы черт и типов. Наиболее увлекательным аспектом теории Айзенка является его попытка установить нейрофизиологическую основу для каждой из трех суперчерт или типов личности. Интроверсия—экстраверсия тесно связана с уровнями *корковой активации*, как это показано электро-энцефалографическими исследованиями. Айзенк² использует термин «активация» для обозначения степени возбуждения, меняющей свою величину от нижнего экстремума (например, сон) до верхнего экстремума (например, состояние паники). Он полагает, что интроверты чрезвычайно возбудимы и, следовательно, в высшей степени чувствительны к поступающей стимуляции — по этой причине они избегают ситуаций, чрезмерно сильно действующих на них. И наоборот, экстраверты недостаточно возбудимы и поэтому нечувствительны к поступающей стимуляции; соответственно, они постоянно выискивают ситуации, которые могут их возбудить.

Айзенк предполагает, что индивидуальные различия по стабильности—нейротизму отражают силу реакции *автономной нервной системы* на стимулы. В особенности он связывает этот аспект с лимбической системой, которая оказывает влияние на мотивацию и эмоциональное поведение. Люди с высоким уровнем нейротизма обычно реагируют на болезненные, непривычные, вызывающие беспокойство и иные стимулы быстрее, чем более стабильные личности. У таких лиц обнаруживаются также более длительные реакции, продолжающиеся даже после исчезновения стимулов, чем у лиц с высоким уровнем стабильности.

Что касается исследований, посвященных выявлению основы психотизма, то они находятся в стадии поиска. Однако в порядке рабочей ги-

¹ См.: Eysenck H.J. Sex and personality. Austin: University of Texas Press, 1976.

² См.: Eysenck H.J. Personality, genetics, and behavior. N. Y.: Praeger, 1982.

потезы Айзенк увязывает этот аспект с *системой, продуцирующей андрогены* (химические вещества, вырабатываемые железами внутренней секреции, которые при попадании в кровь регулируют развитие и сохранение мужских половых признаков). Однако проведено слишком мало эмпирических исследований в этой области, чтобы подтвердить гипотезу Айзенка о связи между половыми гормонами и психотизмом.

Нейрофизиологическая интерпретация аспектов поведения личности, предложенная Айзенком, тесно связана с его теорией психопатологии. В частности, различные виды симптомов или расстройств могут быть отнесены на счет комбинированного влияния черт личности и функционирования нервной системы. Например, у человека с высокой степенью интроверсии и нейротизма очень высок риск развития болезненных состояний тревоги, таких как обсессивно-компульсивные расстройства, а также фобии. И наоборот, человек с высоким уровнем экстраверсии и нейротизма подвержен риску психопатических (антисоциальных) расстройств. Однако Айзенк спешит добавить, что психические расстройства не являются автоматически результатом генетической предрасположенности. «Генетически наследуемой является предрасположенность человека поступать и вести себя определенным образом при попадании в определенные ситуации»¹. Таким образом, вера Айзенка в генетический фундамент различного рода психических расстройств сочетается с равной по силе убежденностью в том, что факторы окружающей среды могут до некоторой степени изменить развитие такого рода нарушений.

Измерение черт личности. Как и Кеттел, Айзенк сконструировал множество опросников самооценки для определения индивидуальных различий по трем суперчертам личности. Самым последним из них является «Личностный опросник Айзенка» (Eysenck Personality Questionnaire, EPQ)². Образцы отдельных пунктов EPQ представлены в табл. 3. Следует отметить, что опросник содержит пункты, релевантные данным трем факторам, образующим структуру личности. Кроме того, EPQ включает шкалу лжи для выявления склонности личности к фальсификации ответов с целью показать себя в более привлекательном свете. Была составлена и анкета «Подростковый личностный опросник» (Junior EPQ) для тестирования детей в возрасте 7—15 лет³.

Тот факт, что Айзенк и Кеттел используют разные личностные опросники для дальнейшей факторизации данных, отчасти объясняет различие между ними по количеству черт, которое они считают необходимым для объяснения личности.

¹ Там же. Р. 29.

² См.: Eysenck H.J., Eysenck S.B. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire. San Diego, CA: EdITS, 1975.

³ См.: Eysenck S.B., Eysenck H.J. Test-retest reliabilities of a new personality questionnaire for children // British Journal of Educational Psychology. 1973. 43. P. 26–130.

Таблица 3

Примеры пунктов личностного опросника Айзенка

ЭКСТРАВЕРСИЯ-ИНТРОВЕРСИЯ		
1. Любите ли вы бывать в обществе?	Да	Нет
2. Любите ли Вы общаться с людьми?	Да	Нет
3. Могли бы Вы назвать себя счастливым?	Да	Нет
СТАБИЛЬНОСТЬ—НЕСТАБИЛЬНОСТЬ		
1. Часто ли Ваше настроение резко меняется?	Да	Нет
2. Вы легковозбудимый человек?	Да	Нет
4. Вы часто бываете расстроены?	Да	Нет
ПСИХОПАТИЯ		
1. Имеют ли для Вас значение хорошие манеры и опрятность?	Да	Нет
2. Стараетесь ли Вы не быть грубым с людьми?	Да	Нет
3. Любите ли вы сотрудничать с другими?	Да	Нет
ШКАЛА ЛЖИ		
1. Вы любите посмеяться иногда над непристойными шутками?	Да	Нет
2. Всегда ли, будучи ребенком, Вы сразу делали то, что Вам велели, без ворчания и жалоб?	Да	Нет

Источник: из анкеты EPQ для взрослых¹, опубликованной службой EdITS (Образовательная и Промышленная Служба Тестирования), Сан-Диего, Калифорния.

Причина здесь в том, что результаты факторного анализа в значительной мере зависят от источника или типа получаемых данных. В любом случае, Айзенк убежден, что его два основных типовых критерия интроверсия—экстраверсия и стабильность—нейротизм были эмпирически подтверждены в работах нескольких исследователей, применявших многие другие личностные тесты. Большая часть доказательств в поддержку этой точки зрения получена из исследований поведенческих различий между экстравертами и интровертами.

Различия между интровертами и экстравертами

Айзенк придает большое значение концептуальной ясности и точным измерениям своих теоретических концепций. До сегодняшнего дня большая часть его усилий направлена на определение того, имеются ли

¹ См.: Eysenck H.J., Eysenck S.B. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire. San Diego; CA: EdITS, 1975.

существенные различия в поведении, обусловленные индивидуальными различиями в пределах континуума интроверсия—экстраверсия. Айзенк утверждает, что индивидуальные различия в поведении могут быть выявлены посредством факторного анализа и измерены с помощью опросников, а также лабораторных процедур. Наш краткий обзор посвящен этой общей методологии.

В обзоре исследований¹, основанных на предсказаниях по результатам тестирования в рамках теории Айзенка, представлено впечатляющее количество фактов. Например, экстраверты гораздо более терпимо относятся к боли, чем интроверты; они делают больше пауз во время работы, чтобы поболтать и попить кофе, чем интроверты; возбуждение повышает эффективность их поступков и действий, в то время как интровертам оно лишь мешает.

Некоторые другие эмпирически установленные различия между экстравертами и интровертами приведены ниже.

- Интроверты предпочитают теоретические и научные виды деятельности (например, инженерное дело и химия), в то время как экстраверты склонны отдавать предпочтение работе, связанной с людьми (например, торговля, социальные службы).

- Интроверты чаще признаются в практике мастурбации, чем экстраверты; зато экстраверты вступают в половые связи в более раннем возрасте, более часто и с большим числом партнеров, чем интроверты.

- В колледже интроверты достигают более заметных успехов, чем экстраверты. Также студенты, оставляющие колледж по психиатрическим причинам, скорее интроверты; в то время как те студенты, которые уходят по академическим причинам, чаще оказываются экстравертами.

- Интроверты чувствуют себя более бодрыми по утрам, тогда как экстраверты — по вечерам. Более того, интроверты лучше работают утром, а экстраверты — во второй половине дня.

Одним из наиболее примечательных различий между интровертами и экстравертами является их чувствительность к стимуляции. Эта разница может быть легко продемонстрирована при помощи «теста лимонной капли»².

Если капнуть четыре капли лимонного сока на язык человека, окажется, что интроверты выделяют почти в два раза больше слюны, чем экстраверты. Основа этого интересного явления связана с различными паттернами физиологического функционирования у интровертов и экстравертов. Айзенк особенно подчеркивает, что за различия в реакциях на стимуляцию у интровертов и экстравертов отвечает восходящее активирующее влияние со стороны ретикулярной формации ствола мозга.

¹ См.: Wilson G. Introversion/extroversion // H. London & J.E. Exner (Eds.). *Dimensions of personality* N. Y.: Wiley, 1978. P. 217–261.

² См.: Corcoran D.W. The relation between introversion and salivation // *American Journal of Psychology*. 1964. 77. P. 298–300.

② Представление о личности в психоанализе

3. Фрейд

РАЗДЕЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ¹

<...> Я знаю, что в своих взаимоотношениях с лицами или вещами вы сами определяете, что является исходным пунктом. Так было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для отклика, который он нашел, было безразлично, что начал он с работы над симптомом, самым чуждым для *Я* элементом, который имеется в душе. Симптом происходит от вытесненного, являясь одновременно его представителем перед *Я*, но вытесненное для *Я* — это чужая страна, внутренняя граница, так же как реальность — разрешите такое необычное выражение — граница внешняя. От симптома путь лежал к бессознательному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда против психоанализа выдвигались глубокомысленные возражения, что человек — существо не только сексуальное, он знаком и с более благородными и более высокими порывами. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих высоких порывов, он нередко позволяет себе несуразные мысли и игнорирование фактов.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек страдает от конфликта между требованиями жизни влечений и сопротивлением, которое поднимается в нем против них, и мы ни на миг не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, обладает своими особыми силами, стремлениями *Я*, и которая совпадает с *Я* популярной психологии. Только ведь при всех трудных успехах научной работы и психоанализу не под силу было одновременно изучать все области и высказывать суждение сразу по всем проблемам. Наконец, дело дошло до того, что мы смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встали перед этим *Я*, казавшимся таким само собой разумеющимся, в твердой уверенности и здесь встретить вещи, к которым мы могли быть не подготовлены; однако бы-

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 334–349.

ло нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу с вами сегодня побеседовать!

Предполагаю, однако, что это мое изложение психологии *Я* подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, которое ему предшествовало. Почему это так, с точностью сказать не могу. Как казалось мне сначала, вы подумаете, что ранее я сообщал вам факты, пусть даже непривычные и своеобразные, тогда как теперь вы услышите преимущественно мнения, т.е. умозрительные рассуждения. Но это не так; получше все взвесив, я должен сказать, что удельный вес мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии *Я* не намного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования своего предположения я тоже вынужден был отбросить; теперь я считаю, что каким-то образом это кроется в характере самого материала и в непривычности нашего обращения с ним. Все же я не удивлюсь, если в своем суждении вы проявите еще больше сдержанности и осторожности, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся в начале нашего исследования, сама должна указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования *Я*, наше наисобственнейшее *Я*. Но возможно ли это? Ведь *Я* является самым подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? И все-таки, несомненно, это возможно. *Я* может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и бог знает что еще с самим собой делать. При этом одна часть *Я* противопоставляет себя остальному *Я*. Итак, *Я* расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере, на время. Части могут затем снова объединиться. Само по себе это не ново, возможно, непривычный взгляд на общеизвестные вещи. С другой стороны, нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом и срыв, в нормальном состоянии может иметь место расчленение. Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки предопределены структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные. И мы не можем им отказать в чем-то вроде почтительного страха, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от внешней реальности, но именно поэтому они больше знают о внутренней, психической реальности и могут нам кое-что выдать, что было бы нам иначе недоступно. Об одной группе таких больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения (*Beobachtungswahn*). Они жалуются нам, что постоянно и вплоть до самых интимных отправления находятся под удручающим наблюдением неизвестных сил, вероятно все-таки лиц, и в галлюцинациях слышат, как эти лица объявляют о результатах своих наблюдений: «Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти, и

т.д.» Это наблюдение — еще не то же самое, что преследование, но близко к нему, оно предполагает, что больному не доверяют, ждут, как бы застать его за запретными действиями, за которые его должны наказать. Что было бы, если бы эти сумасшедшие были правы, если бы у нас у всех была такая наблюдающая и угрожающая наказанием инстанция в Я, которая у них лишь резко отделена от Я и по ошибке смещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами то же, что и со мной. Но с тех пор, как под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального Я может быть в структуре Я закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением и других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Уже содержание бреда наблюдения намекает на то, что наблюдение является лишь подготовкой к суду и наказанию, и, таким образом, мы узнаем, что у этой инстанции есть другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли в нас найдется что-либо другое, что мы бы так постоянно отделяли от своего Я и так легко противопоставляли ему, как совесть. Я чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на основании того, что совесть мне этого не позволяет. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за него. Я мог бы сказать просто, что особая инстанция, которую я начинаю различать в Я, является совестью, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть является одной из ее функций, а самонаблюдение, необходимое как предпосылка судебной деятельности совести, является другой ее функцией. А так как, признавая самостоятельное существование какой-либо вещи, нужно дать ей имя, я буду отныне называть эту инстанцию в Я «Сверх-Я».

А теперь жду от вас иронического вопроса: не сводится ли эта ваша психология Я вообще к тому, чтобы буквально понимать общеупотребительные абстракции, превращая их из понятий в предметы, многого не выигрывая этим? Отвечу: в психологии Я трудно будет избежать общеизвестного, здесь речь будет идти, скорее, о новых точках зрения и систематизациях, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своем уничтожающем критическом мнении и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим исследованиям фон, который вы напрасно искали бы в популярной психологии. Далее. Едва мы примирились с идеей такого Сверх-Я, которое пользуется известной самостоятельностью, преследует собственные намерения и в своем обладании энергией независимо от Я, как перед нами неизбежно встает картина болезни, в которой со всей ясностью обнаруживается строгость, даже

жестокость этой инстанции и изменения ее отношения *Я*. *Я* имею в виду состояние меланхолии, вернее, приступа меланхолии, о котором и вы тоже достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. При этом недуге, о причинах и механизмах которого мы слишком мало знаем, наиболее яркой чертой является способ обращения *Сверх-Я* — про себя вы можете сказать: совести — с *Я*. В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой, в приступе меланхолии *Сверх-Я* становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное *Я*, заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прилива сил, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. *Сверх-Я* предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному *Я*, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между *Я* и *Сверх-Я*. Это весьма примечательный результат наблюдения: мораль, данная нам якобы от бога и пустившая столь глубокие корни, выступает [у таких пациентов] как периодическое явление. Потому что через определенное количество месяцев все моральное наваждение проходит, критика *Сверх-Я* умолкает, *Я* реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках происходит нечто противоположное: *Я* находится в состоянии блаженного опьянения, оно торжествует, как будто *Сверх-Я* утратило всякую силу и слилось с *Я*, и это ставшее свободным, маниакальное *Я* позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные нерешенных загадок!

Вы ждете, конечно, больше, чем простой иллюстрации, услышав от меня, что мы кое-что знаем об образовании *Сверх-Я*, т.е. о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, сравнившего нашу совесть со звездным небом, набожный человек мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почестей оба их за прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь бог поработал не столь много и небрежно, потому что подавляющее большинство людей получило ее лишь в скромных размерах или в столь малой степени, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении, что совесть — божественного происхождения, но это положение требует разъяснения. Если совесть тоже является чем-то «в нас», то это ведь не изначально. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно была с самого начала жизни, а не добавилась лишь впоследствии. Но маленький ребенок, как известно, аморален, у него нет внутренних тормозов против стремлений к удовольствию.

Роль, которую позднее берет на себя *Сверх-Я*, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказаниями, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх является предшественником более позднего страха совести; пока он царит, нет нужды говорить о *Сверх-Я* и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется *Сверх-Я*, которое точно так же наблюдает за *Я*, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, которое, таким образом, берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и мы скоро узнаем, каким путем. Но сначала остановимся на рассогласовании между ними. Кажется, что *Сверх-Я* односторонне перенимает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функцию, в то время как их исполненная любви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались строгого воспитания, то кажется вполне понятным, если и у ребенка развивается строгое *Сверх-Я*, однако против ожидания опыт показывает, что *Сверх-Я* может быть таким же неумолимо строгим, даже если воспитание было мягким и добрым, если угроз и наказаний по возможности избегали. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании *Сверх-Я*.

О превращении родительского отношения в *Сверх-Я* я не могу сказать вам так, как хотелось бы, отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не уместится в рамки введения, которое я хочу вам дать, а с другой стороны, потому, что мы сами не уверены, что полностью его поняли. Поэтому довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация (*Identifizierung*), т.е. уподобление *Я* чужому *Я*, вследствие чего первое *Я* в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибалистическим поглощением чужой личности. Идентификация — очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта. Различие можно выразить примерно так: если мальчик идентифицирует себя с отцом, то он хочет *быть*, как отец; если он делает его объектом своего выбора, то он хочет *обладать*, владеть им; в первом случае его *Я* меняется по образу отца, во втором это не необходимо. Идентификация и выбор объекта в широком смысле независимы друг от друга; но можно идентифицировать себя именно с этим лицом, изменять *Я* в соответствии с ним, выбрав его, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влия-

ние сексуального объекта на *Я* особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном отношении между идентификацией и выбором объекта я уже как-то говорил вам в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Если объект утрачен или от него вынуждены отказаться, то достаточно часто потерю возмещают тем, что идентифицируют себя с ним, восстанавливая в своем *Я*, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации.

Этими рассуждениями об идентификации я сам не вполне удовлетворен, но мне будет достаточно, если вы сможете признать, что введение в действие *Сверх-Я* может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией. Решающим фактом для этой точки зрения является то, что это новообразование превосходящей инстанции в *Я* теснейшим образом связано с судьбой Эдипова комплекса, так что *Сверх-Я* является наследием этой столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что с устранением Эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивной привязанности к объектам, которыми были его родители, а для компенсации этой утраты объектов в его *Я* очень усиливаются вероятно давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации, как следствия отказа от привязанности к объектам, позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности этого первого случая такой замены вполне соответствует то, что в результате этого в *Я* создается особое положение. Тщательное исследование показывает нам также, что *Сверх-Я* теряет в силе и завершенности развития, если преодоление Эдипова комплекса удастся лишь отчасти. В процессе развития на *Сверх-Я* влияют также те лица, которые заместили родителей, т.е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все больше отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличностным. Но нельзя также забывать, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на разных этапах жизни. К тому времени, когда Эдипов комплекс уступает место *Сверх-Я*, они являют собой нечто совершенно замечательное, утрачивая очень многое впоследствии. И тогда тоже происходят идентификации с этими более поздними родителями, они даже обычно способствуют формированию характера, но это касается только *Я*; на *Сверх-Я*, которое было сформировано более ранним образом родителей, они уже не влияют.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что понятие *Сверх-Я* описывает действительно структурное соотношение, а не просто персонифицирует абстракцию наподобие совести. Мы должны упомянуть еще одну важную функцию, которой мы наделяем это *Сверх-Я*. Оно является также носителем *Я*-идеала, с которым *Я* соизмеряет себя, к которому оно стремится, чье требование постоянного совершенствования оно старается выполнить. Несомненно, этот *Я*-идеал является отражением ста-

рого представления о родителях, выражением восхищения их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал.

Знаю, что вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характеризует как раз невротиков¹. Оно проявляется, в частности, в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание «комплекс неполноценности», считает, что этим он удовлетворяет всем требованиям психоанализа и поднимает свое творение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание «комплекс неполноценности» в психоанализе почти не употребляется. Он не является для нас чем-то простым, тем более элементарным. Сводить его к самовосприятию возможного недоразвития органов, как это любят делать представители школы так называемой индивидуальной психологии, кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет глубоко эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, и точно так же взрослый. Единственный орган, который может рассматриваться как неполноценный, это рудиментарный пенис, клитор девочки. Но по большей части чувство неполноценности происходит из отношения *Я* к своему *Сверх-Я*, являясь, так же как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

Именно потому, что комплекс неполноценности стал так популярен, я позволю себе сделать здесь небольшое отступление. У одного исторического деятеля нашего времени, который здравствует и поныне, но отошел от дел, вследствие родовой травмы имело место некоторое недоразвитие одного члена. Очень известный писатель наших дней, охотнее всего пишущий биографии замечательных людей, занялся жизнью этого упомянутого мной человека. Но ведь трудно подавить в себе потребность углубления в психологию, когда пишешь биографию. Поэтому наш автор отважился на попытку построить все развитие характера своего героя на чувстве неполноценности, вызванном этим физическим дефектом. Но при этом он упустил один маленький, но немаловажный факт. Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать. Если вы представите себе значение материнской любви для детской душевной жизни, вы, видимо, мысленно внесете поправки в теорию неполноценности биографа.

¹ Имеются в виду взгляды Адлера, считавшего комплекс неполноценности главной движущей силой развития личности. (Здесь и далее комментарии М.Г. Ярошевского.)

Но вернемся к *Сверх-Я*. Мы наделили его самонаблюдением, совестью и функцией идеала. Из наших рассуждений о его возникновении получается, что оно обусловлено чрезвычайно важным биологическим, а также определяющим судьбу психологическим фактом, а именно длительной зависимостью ребенка от своих родителей и Эдиповым комплексом, которые опять-таки внутренне связаны между собой. *Сверх-Я* является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в человеческой жизни. Поскольку оно само восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы узнаем еще больше о его значении, если обратимся к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного *Сверх-Я*. Как бы ни расходилось их *Я* со *Сверх-Я*, в воспитании ребенка они строги и выскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут наконец полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, *Сверх-Я* ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому *Сверх-Я*; оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения. Вы легко угадаете, какую важную помощь для понимания социального поведения человека, например, для понимания беспризорности, или даже практические советы по воспитанию можно извлечь из представления о *Сверх-Я*. Видимо, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделяются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях *Сверх-Я* продолжает жить прошлое, традиция расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока оно действует через *Сверх-Я*, оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни.

В 1921 г. при изучении психологии масс я попытался использовать дифференциацию *Я* и *Сверх-Я*. Я пришел к формуле: «Психологическая масса является объединением отдельных личностей, которые ввели в свое *Сверх-Я* одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем *Я*». Она относится, конечно, только к тем массам, которые имеют одного вождя¹. Если бы у нас было больше

¹ Попытка Фрейда распространить его представления о структуре личности на психологию масс привела его к ложной интерпретации общественных явлений, обусловленность которых классово-историческими условиями как первичным по отношению к проявлениям общественной психологии им отрицалась.

примеров такого рода, то предположение *Сверх-Я* перестало бы быть совершенно чуждым для нас и мы совсем освободились бы от той робости, которая все еще охватывает нас, привыкших к атмосфере преисподней, при продвижении на более поверхностные, более высокие слои психического аппарата. Разумеется, мы не думаем, что, выделяя *Сверх-Я*, мы говорим последнее слово в психологии *Я*. Это скорее начало, с той лишь разницей, что тут не только начало трудно.

Ну а теперь нас ждет другая задача, так сказать, с другой стороны *Я*. Она возникла благодаря наблюдению во время аналитической работы, наблюдению, собственно говоря, очень старому. Как уже не раз бывало, им давно пользовались, прежде чем решились признать. Как вы знаете, вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное. Объективным признаком сопротивления является то, что его ассоциативные мысли остаются необъяснимыми или далеко уклоняются от обсуждаемой темы. Субъективно он может и признавать сопротивление, потому что испытывает ощущение стыда, приближаясь к теме. Но этот последний признак может и отсутствовать. Тогда мы говорим пациенту, что из его отношения мы заключаем, что он находится сейчас в состоянии сопротивления, а он отвечает, что ничего об этом не знает и замечает только затруднения [в появлении] ассоциативных мыслей. Обнаруживается, что мы были правы, но тогда его сопротивление было тоже бессознательным, таким же бессознательным, как и вытесненное (*Verdrängte*), над устранением которого мы работали. Следовало бы давно поставить вопрос: из какой части его душевной жизни исходит такое бессознательное сопротивление!? Новичок в психоанализе быстро найдет ответ: это и есть сопротивление бессознательного. Двусмысленный, неприемлемый ответ! Если под этим подразумевается, что он исходит из вытесненного, то мы должны сказать: это не так! Вытесненному мы скорее припишем сильный импульс, стремление пробиться к сознанию. Сопротивление может быть только выражением *Я*, которое в свое время осуществило вытеснение, а теперь хочет его сохранить. Так мы всегда и понимали это раньше. С тех пор как мы предполагаем в *Я* особую инстанцию, представляющую ограничивающие и отклоняющие требования *Сверх-Я*, мы можем сказать, что вытеснение является делом этого *Сверх-Я*, оно проводит вытеснение или само, или по его заданию это делает послушное ему *Я*. И вот если налицо случай, когда сопротивление при анализе пациентом не осознается, то это значит, что либо *Сверх-Я* и *Я* в очень важных ситуациях могут работать бессознательно, либо, что было бы еще значительнее, что некоторые части того и другого, *Я* и самого *Сверх-Я*, являются бессознательными. В обоих случаях мы вынуждены прийти к неутешительному выводу, что *Сверх-Я* и сознательное, с

одной стороны, и вытесненное и бессознательное — с другой, ни в коем случае не совпадают¹.

<...> Прежде чем я продолжу, послушайте мои извинения. Хочу сделать дополнения к введению в психоанализ, которое я начал пятнадцать лет тому назад, и вынужден вести себя так, будто и вы в этот промежуток времени не занимались ничем иным, кроме психоанализа. Я знаю, что это невероятное предположение, но я беспомощен, я не могу поступить иначе. И связано это с тем, что вообще очень трудно познакомить с психоанализом того, кто сам не является психоаналитиком. Поверьте, мы не хотим произвести впечатление, будто мы члены тайного общества и занимаемся какой-то тайной наукой. И все же мы должны признать и объявить своим убеждением, что никто не имеет права вмешиваться в разговор о психоанализе, не овладев определенным опытом, который можно получить только при анализе своей собственной личности. Когда я читал вам лекции пятнадцать лет тому назад, я пытался не обременять вас некоторыми умозрительными моментами нашей теории, но именно с ними связаны новые данные, о которых я хочу сказать сегодня.

Возвращаясь к теме. Свое сомнение, могут ли *Я* или даже *Сверх-Я* быть бессознательными или они только способны осуществлять бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, значительные части *Я* и *Сверх-Я* могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными. Бывает, что *Я* и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Мы испытываем потребность основательно пересмотреть свой подход к проблеме сознательное — бессознательное. Сначала мы были склонны значительно снизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался столь ненадежным. Но мы поступили бы несправедливо. Здесь дело обстоит так же, как с нашей жизнью: она не многого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознания мы бы затерялись в потемках глубинной психологии; но мы имеем право попытаться сориентировать себя по-новому.

То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и самое лучшее значение слова «бессознательный» — описательное: бессознательным мы называем психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным.

¹ Это положение говорит о новом подходе Фрейда к проблеме неосознаваемой психики. Ее область, согласно излагаемому взгляду, охватывала, наряду со сферой бессознательных влечений, также (в известных масштабах) и другие компоненты личности, в том числе ее ядро — *Я*.

Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался *сейчас*, хотя *сейчас* мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся *латентными*, но легко могут вновь стать сознательными. Мы могли бы также сказать, что они стали бессознательными, если бы вообще были уверены, что в состоянии латентности они являются еще чем-то психическим. Таким образом мы не узнали бы ничего нового и даже не получили бы права ввести понятие бессознательного в психологию. Но вот появляется новый опыт, который мы уже можем продемонстрировать на [примере] ошибочных действий. Например, для объяснения какой-то оговорки мы вынуждены предположить, что у допустившего ее образовалось определенное речевое намерение. По происшедшей ошибке в речи мы со всей определенностью догадываемся о нем, но оно не осуществилось, т.е. оно было бессознательным. Если мы по прошествии какого-то времени приводим его говорившему и тот сможет признать его знакомым, то, значит, оно было бессознательным лишь какое-то время, если же он будет отрицать его как чуждое ему, то, значит, оно длительное время было бессознательным. Возвращаясь к сказанному, из этого опыта мы получаем право объявить бессознательным и то, что называется латентным. Учитывая эти динамические отношения, мы можем теперь выделить два вида бессознательного: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и лишь со значительными усилиями, а может и никогда не произойти. Чтобы избежать двусмысленности, имеем ли мы в виду одно или другое бессознательное, употребляем ли слово в описательном или в динамическом смысле, договоримся применять дозволенный, простой паллиатив. То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, другому же оставим название «бессознательный». Итак, у нас три термина: сознательный, предсознательный и бессознательный, которых достаточно для описания психических феноменов. Еще раз: чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его не называем, разве что в свободном изложении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни.

Надеюсь, вы признаете, что это пока не так уж сложно и вполне пригодно для употребления. Да, но, к сожалению, психоаналитическая работа настойчиво требует употребления слова «бессознательный» еще и в другом, третьем смысле, и это, возможно, и вносит путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания *Я*, так что протекающие в ней процессы следует признать бессознательными в правильном динамическом смысле, мы понимаем термин «бессознательный» также и в топическом или системати-

ческом смысле, говоря о системе предсознательного и бессознательного, о конфликте Я с системой бессознательного (ubw), все больше придавая слову скорее смысл области души, чем качества психики. Явно неудобное открытие, согласно которому даже части Я и *Сверх-Я* в динамическом отношении бессознательны, мы воспринимаем здесь как облегчение, ибо оно позволяет нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую Я область души системой ubw, так как неосознанность не является исключительно ее характеристикой. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека¹ мы будем называть его в дальнейшем Оно (Es). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. *Сверх-Я*, Я и Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем.

Но прежде только одна короткая вставка. Догадываюсь, что вы недовольны тем, что три качества сознательного и три сферы психического аппарата не сочетаются в три мирно согласующиеся пары, видя в этом нечто омрачающее наши результаты. Однако, по-моему, сожалеть об этом не стоит, и мы должны сказать себе, что не имеем права ожидать такого приглаженного упорядочивания. Позвольте привести сравнение, правда, сравнения ничего не решают, но они могут способствовать наглядности. Представьте себе страну с разнообразным рельефом — холмами, равниной и цепями озер, со смешанным населением — в ней живут немцы, мадьяры и словаки, которые занимаются различной деятельностью. И вот распределение могло бы быть таким: на холмах живут немцы, они скотоводы, на равнине — мадьяры, которые выращивают хлеб и виноград, на озерах — словаки, они ловят рыбу и плетут тростник. Если бы это распределение было безукоризненным и четким, то Вильсон мог бы ему порадоваться, это было бы также удобно для сообщения на уроке географии. Однако очевидно, что, путешествуя по этой стране, вы найдете здесь меньше порядка и больше пестроты. Немцы, мадьяры и словаки всюду живут вперемешку, на холмах тоже есть пашни, на равнине также держат скот. Кое-что, естественно, совпадет с вашими ожиданиями, т.е. в горах не занимаются рыболовством, а виноград не растет в воде. Да, картина местности, которую вы представили себе, в общем и целом будет соответствовать действительности, в частностях же вы допустите отклонения².

Не ждите, что об Оно, кроме нового названия, я сообщу вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то небольшое, что

¹ См.: Groddeck G. Das Bush von Es. Wien, 1923.

² Приведенное сравнение носит сугубо внешний по отношению к рассматриваемой проблеме характер и потому ничего не разъясняет в структуре личности.

вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности Я. Мы приближаемся к [пониманию] Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в Оно. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для Оно и совершенно не зависят от качества заряженного (Besetzte) — в Я мы

назвали бы это представлением. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства *Оно*, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части *Я* и *Сверх-Я* являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристике собственно *Я*, насколько оно допускает обособление от *Оно*, и *Сверх-Я* мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему $W—Ww$. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой *Я* является той частью *Оно*, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для *Я* стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед *Оно* для блага *Оно*, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, *Я* должно наблюдать за внешним миром, откладывая в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению *Оно* *Я* владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в *Оно*, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается *Я* системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается *Я* от *Оно*, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у *Оно*. Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты *Я*. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой *Я* обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что *Я* в ду-

шевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а *Оно* — неукротимые страсти¹.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей *Я*, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. *Я* является лишь частью *Оно*, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у *Оно*, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у *Оно*. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний *Оно*. *Я* сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя *Оно* вместо объекта, желая направить либидо *Оно* на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни *Я* принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, *Я* должно проводить в жизнь намерения *Оно*, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение *Я* к *Оно* можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между *Я* и *Оно* слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается. От одной части *Оно* *Я* отделилось благодаря сопротивлению вытеснения. Но вытеснение не продолжается в *Оно*. Вытесненное сливается с остальным *Оно*.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному *Я* еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что *Я* часто не справляется со своей задачей. Три тирании являются: внешний мир, *Сверх-Я* и *Оно*. Если понаблюдать за усилиями *Я*, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это *Я* в персонифицированном виде как некое существо. *Оно* чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой *Оно*, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между *Оно* и реальностью оно часто вынуждено одевать

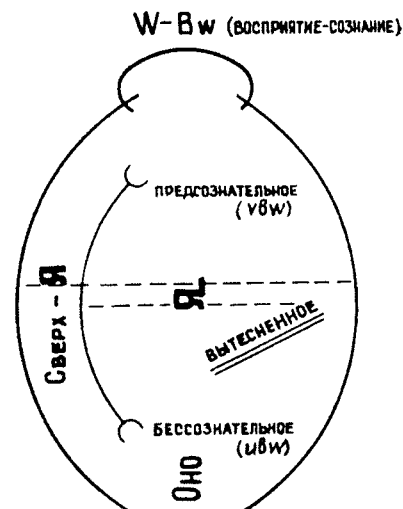
¹ В данном случае взгляд Фрейда на познавательные функции *Я* близок к материалистическому.

бессознательные (ubw) требования *Оно* в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать конфликты *Оно* с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если *Оно* упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое *Сверх-Я*, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны *Оно* и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так *Я*, движимое *Оно*, стесненное *Сверх-Я*, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если *Я* вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед *Сверх-Я*, невротический страх перед силой страстей в *Оно*.

Структурные соотношения психической личности, изложенные мною, я хотел бы представить в непритязательном рисунке, который я здесь прилагаю.

Здесь вы видите, что *Сверх-Я* погружается в *Оно*, как наследник Эдипова комплекса оно имеет с ним интимные связи; оно дальше от системы восприятия, чем *Я*. Оно сообщается с внешним миром только через *Я*, по крайней мере на этой схеме. Сегодня, конечно, трудно сказать, насколько рисунок правилен; по крайней мере, в одном отношении это определено не так. Пространство, которое занимает бессознательное *Оно*, должно быть несравненно больше, чем пространство *Я* или предсознательного. Прошу вас, сделайте мысленно поправку.

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на *Я*, *Сверх-Я* и *Оно*, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников. После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных

областей у различных лиц весьма вариабельно, возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют. Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного — дифференциации *Я* и *Сверх-Я*. Несомненно, что нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удастся опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями, так что, например, восприятие может уловить соотношения *Я* и *Оно*, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель — укрепить *Я*, сделать его более независимым от *Сверх-Я*, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части *Оно*. Там, где было *Оно*, должно стать *Я*. Это примерно такая же культурная работа, как осушение Зейдер-Зе.

Б. Саймон

ПЛАТОН И ФРЕЙД: ПСИХИКА В КОНФЛИКТЕ И ПСИХИКА В ДИАЛОГЕ¹

В *Я* и *Оно* Фрейд пишет: «*Я* олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность к *Оно*, содержащему страсти. Все это соответствует общеизвестным и популярным разграничениям...»²

«Общеизвестные разграничения», к которым апеллирует Фрейд, — на мой взгляд, ни что иное, как то, что появилось и отчетливо выступило в западной мысли благодаря платоновской философии. Моя задача здесь — очертить и расширить представление о психике как разделенной на части, одна из которых представляет разум, а другая — влечения, и показать приложения и некоторые следствия подобного взгляда на психику. Я считаю, что данное конкретное различие является фундаментальным в работах Платона и крайне важным в работах Фрейда, хотя для Фрейда это было только первым шагом в его теории.

Сравнение Платона с Фрейдом имеет долгую историю. Фрейд, помимо нескольких разрозненных замечаний касательно Платона в своих ранних работах (в частности, в Толковании сновидений) не проводил подобного сравнения вплоть до 1920 г., когда оно появилось в предисловии к четвертому изданию Трех очерков по теории сексуальности (*Freud, 1905*).

Что же касается «расширения» понятия о сексуальности, ставшего необходимым благодаря анализу детей и так называемых перверзных, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близко расширенная сек-

¹ Simon B. Plato and Freud: The mind in conflict and the mind in dialogue // *Psychoanalytic Quarterly*. 1973. Vol. 42. P. 91–122. (Перевод М.В. Фаликман.)

² Цит. по: Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 431. (Примечание редакторов-составителей.)

суальность психоанализа совпадает с Эросом «божественного» Платона (Нахманзон, 1915)¹.

Действительно, большинство ссылок Фрейда на Платона относится к некоторым аспектам сходства между Эросом² и либидо³. В процитированном Фрейдом эссе, первом широком обсуждении данного сопоставления, уже должным образом принимаются к сведению методологические трудности, вовлеченные в решение подобного рода задачи. Сначала Нахманзон критикует чрезмерное расширение объема понятия «либидо» у Юнга, а затем указывает, что платоновское понятие Эроса значительно ближе к фрейдовскому представлению о либидо. Он подчеркивает, что и представление о сублимации в неявном виде содержится в платоновской характеристике свойств Эроса.

Пфистер в определенной степени усиливает утверждение относительно сходства между Платоном и Фрейдом, называя Платона предшественником Фрейда (Pfister, 1922). В своей работе, написанной, по всей видимости, не без влияния Юнга, он пытается увеличить правдоподобие теории Фрейда, утверждая, что у одного из величайших мыслителей прошлого были идеи, подобные фрейдовским. Он сравнивает представления Платона и Фрейда относительно Эроса и либидо, относительно идеи бессознательного и в плане взглядов на гармонию и здоровье. В этом обсуждении, в целом некритичном, приводится несколько интересных наблюдений.

В книге Георгиадеса с вполне однозначным заглавием *От Фрейда к Платону*, подчеркивается один из особенно важных методологических аспектов подобного рода сравнений⁴. Георгиадес указывает, что Платон может быть предшественником Фрейда, но, вдобавок к толкованию его как психоаналитика, Платона считали христианином, мистиком, либеральным гуманистом, фашистом (или коммунистом), политическим теоретиком и протоевгенистом⁵. На самом же деле, считает автор, именно благодаря нашему интересу к Фрейду, благодаря вопросам, поставленным в работах Фрейда, мы оглядываемся и по-новому смотрим на работы Платона, обнаруживая сходство. Затем Георгиадес обращается к подробному обсуждению частей души в сравнении с фрейдовскими понятиями *Я*, *Оно* и *Сверх-Я*; он сравнивает образы коня и всадника в *Я* и *Оно* с платоновским описанием души в *Федре* как возницы с двумя конями. Он выде-

¹ Цит. по: Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: МЦ «Система», 1989. С. 6. (Примечание редакторов-составителей.)

² Эрос – греческий бог любви; в теории влечений Фрейда — совокупность влечений к жизни, противоположных влечениям к смерти. (Примечание редакторов-составителей.)

³ Либидо – гипотетическая форма психической энергии, источником которой является тело. (Примечание редакторов-составителей.)

⁴ См.: Georgiades P. De Freud a Platon. Paris: Bibliotheque-Charpentier, 1934.

⁵ Протоевгенист – предшественник евгеники как учения о наследственном здоровье человека и возможных методах влияния на эволюцию человечества. (Примечание редакторов-составителей.)

ляет множество других моментов сходства и различия, замечая, что в работах Платона действительно содержится некое представление о бессознательном, а также определенное понятие подавления.

Если говорить о более недавних исследованиях, то ценный вклад в эту проблему был сделан в работах Лэйн-Энтральго, Амадо Леви-Валенси, Лейббранда и Уиттли, которые привлекли наше внимание к рассмотрению Платоном различия между диалогом и диалектикой с последующим сравнением с психоаналитическим диалогом¹.

Однако упомянутые работы содержат в большей или меньшей степени неудачные попытки установить, действительно ли между общими формами теорий этих двух исследователей существует достаточная степень соответствия, которая оправдала бы осмысленность «сравнительно-противопоставительного» подхода. Если предположить, что мы можем говорить о центральном, лежащем в основе теоретических построений представлении о структуре, общей для обоих мыслителей, то такое сравнение оправдано. Это базовое представление состоит в том, что человек есть существо, находящееся в конфликте, что он расщеплен внутри себя, и что он расщеплен на высшую, рациональную часть и низшую, вожделеющую часть. В той степени, в которой верно это допущение, а также в той степени, в которой основные части теорий согласуются в плане признания изучения человека в конфликте своей центральной задачей, полезно и имеет смысл говорить о сходствах и различиях.

Насколько хорошо Фрейд знал Платона, насколько он использовал эти знания в собственных рассуждениях, к данному спору прямого отношения не имеет. Тексты Платона едва ли можно считать важным ближайшим источником взглядов Фрейда, да и Фрейд, вероятно, не был до такой степени погружен в платоновские работы. Можно считать само собой разумеющимся, что влияние Платона на все последующее развитие западной философии и психологии более чем значительно, однако мне не хочется останавливаться на проблемах исторической непрерывности и передачи идей. То, чем я на самом деле собираюсь заняться, — это обрисовать некоторые сходные структуры или формы в теориях двух авторов и, так сказать, вынести за скобки исторические проблемы.

Итоговый вывод из подобного рода анализа должен исходить из его результатов. Для меня, по крайней мере, настоящее исследование стало способом более острой постановки вопроса относительно того, что у Фрейда является оригинальным и радикальным. Схема конфликта, «модель», которая очерчена у Платона, присутствует у Фрейда в качестве одного из строительных блоков или модулей. Очерчивание ее контуров позволит более явно увидеть другие составные части здания. Еще более важно то, что

¹ См.: *Amado Levy-Valensi E. Verite et langage du dialogue platonicien au dialogue psychanalytique // La Psychanalyse. 1956. Vol. I. P. 257–274; Lain-Entralgo P. The Therapy of the Word in Classical Antiquity. New Haven: Yale University Press, 1970; Leibbrand W., Wettley A. Der Wahnsinn. Freiberg, Germany: K. Alber, 1961.*

подобный тип рассмотрения высвечивает определенные проблемы, связанные с понятием психики как разделенной на части. Эти проблемы не были более или менее удовлетворительно разрешены в мысли Платона; аналогичным образом, рассмотрение развития в меняющейся в течение ряда лет концепции Фрейда позволяет предположить, что и он сталкивался с целым рядом возможных решений. Предвосхищая последующее обсуждение, укажем некоторые из этих вопросов: место аффекта; ряд проблем, объединенных в понятии «сублимация»; вопрос о том, может ли психология конфликта излагаться в процессуальных терминах, которые не были бы предельно антропоморфными; и, наконец, вопрос касательно того, какой тип терапии (диалогической) необходим для изменения индивида.

Платоновская модель психики и подразделения внутри психики¹

Чтобы понять подоплеку, необходимо очертить некоторые детали интеллектуального и культурного наследия, доступного Платону. Он работал внутри сложившихся традиций и в то же время пытался радикально трансформировать и переформулировать их. Эта чарующая и важнейшая глава в истории западной мысли здесь может быть изложена только вкратце. Сократ, наставник Платона и главное действующее лицо всех платоновских диалогов, родился около 470 г. до н.э. Платон родился в 427 г. до н.э., ему исполнилось 28 лет, когда Сократ был осужден и казнен. Примерно за столетие до рождения Сократа действовала разнородная группа мыслителей, которых впоследствии назвали «досократиками» или «досократическими философами». В эту группу входили Анаксимандр и Анаксимен, Фалес, Гераклит, Парменид, Анаксагор, Эмпедокл и ряд других мыслителей². Перечислим основные черты их деятельности.

1. Они начали разрабатывать фундаментальный словарь абстракций и дефиниций всей последующей философской, психологической и физической мысли.

2. Они характеризовали «психику» и «психическое» (действительно впервые определяя эти термины) как то, что организует, планирует и абстрагирует общее из частного.

3. Они различили два способа мышления и рассуждения в терминах таких дихотомий, как «физиологическое» и «мифологическое», «бодрствующее» и «спящее», «истинно сущее» и «рождающееся и умирающее».

¹ Более детальное обсуждение материалов по Платону см. в работе Саймона (в печати), которая содержит также более обширную библиографию.

² Анаксагор и Парменид были старшими современниками Сократа и потому не являлись досократиками в хронологическом смысле.

4. Они утвердили превосходство первого способа мышления (который можно было бы более точно обозначить как «рациональное абстрагирование»).

5. Они утвердили превосходство тех, кто мыслит абстрактно (тех, кто впоследствии был назван «философами»)¹.

Наряду с интересом к работам этих мыслителей, Платон был в значительной степени вовлечен в интенсивное обсуждение моральных и политических проблем, проникших во все произведения культуры Афин V века до н.э. Вопросы морального суждения и моральной ответственности, индивидуальной и коллективной порывистости и, напротив, сдержанности, а также возможностей человека в плане самообмана и саморазрушения буквально витали в воздухе. Эти вопросы настойчиво и зачастую очень остро ставились в греческой трагедии, обсуждавшей проблемы закона и справедливости, и в учениях софистов². Политические процессы в Греции в целом, включая хронические братоубийственные войны, ряд гражданских переворотов в Афинах в 411 и 404 гг. до н.э. и последующая казнь Сократа в 399 г. не только легли в основу работ Платона, но и дали ему значительное количество наблюдений, послуживших для создания теорий природы и мотивации человека.

Впоследствии в работах Платона нашли отражение именно эти два направления греческой мысли: попытки досократиков выделить в чистом виде и определить абстрактное, рациональное рассуждение и мышление и давление этических и моральных проблем его времени. Крайне схематично мы можем представить Платона как мыслителя, который определил абстрактное и рациональное в качестве эквивалентного моральному благу. Он поставил равенство между самопознанием и самообузданием, сформулировал абстрактные понятия как знания, так и добродетели, а затем провозгласил, что знание — это *и есть* добродетель. Вдобавок ко всему этому, он отождествил все эти понятия (знание, добродетель и т.п.) с психическим здоровьем и стал утверждать, что невежество и иррациональность представляют собой моральное зло и, следовательно, сумасшествие.

Последующее обсуждение представляет собой крайне сжатое изложение взглядов Платона. В действительности, его взгляды со временем подвергались значительным изменениям, и каждый исследователь Платона просто обязан выработать свое собственное суждение относительно того, что является для Платона центральным и наиболее существенным.

¹ Это описание во многом позаимствовано из *Предисловия к Платону* Эрика Хэйвлока и других его работ (см.: *Havelock E.A. Preface to Plato*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963).

² Софисты — школа философов-просветителей, сложившаяся в V в. до н.э. в Древней Греции; софисты склонялись к релятивизму, т.е. утверждали относительность и условность всякого знания и отрицали возможность познания объективной истины. (*Примечание редакторов-составителей.*)

Слово, которое я перевожу как «психика» (*mind*), – это слово *psyche* (душа). Ему не соответствует в точности ни одно из слов английского языка, в значительной степени потому, что ни одного более или менее однозначного определения значения этого слова в текстах Платона нет. Было бы честным признать, что изрядная часть философской деятельности Платона сводилась к решению задачи определения и описания души (несмотря на то, что при первом прочтении диалогов Платона может сложиться впечатление, что он прекрасно знал, что такое душа, и использовал это как уже данное с целью дальнейшего обсуждения). Спектр основных и дополнительных значений слова *psyche* включает в себя следующее: «душа» как бессмертная часть человека, нечто вроде его духовной сущности; что-то по существу интеллектуальное и знающее («разум»); и, наконец, человек как таковой. (Фрейдовский термин «психический/ментальный аппарат» также означает *psyche*.) Как бы то ни было, существенными свойствами *psyche* для Платона являются, по всей видимости, следующие.

1. Это структура — несмотря на то, что нематериальная; это «нечто», устойчивое и состоящее из частей, которые функционируют связанно друг с другом.

2. *Psyche* описывается в терминах активности, а не пассивности (таких, например, как восприимчивость к влияниям извне и мотивация внешними воздействиями в описаниях психической жизни у Гомера). Одно из понятий, подразумевающее такую активность — «аутокинез»: душа является самодвижущей.

3. *Psyche* отвечает за исполнительные функции, принимает команды, организует и ассимилирует. Таким образом (*Теэтет*, 184 D), *psyche* управляет поступающими ощущениями, усваивает их и определяет их дальнейшую судьбу внутри психики. В противном случае психика вскоре оказалась бы переполнена ощущениями, как если бы она была троянским конем, заполненным воинами. В одном из описаний (*Государство*, 353 D) разумная часть *psyche* отвечает за «управление, обдумывание и другие подобные задачи» (можно заметить, что эти функции по смыслу очень близки к тому, чем ведает Я в структурной теории Фрейда).

4. То, что постигает разум, нематериально (или, по меньшей мере, то, что постигает уникальная и бессмертная часть *psyche*, нематериально). Здесь в неявном виде присутствует понятие умственного представления или разных степеней представления. Разум имеет дело с целым спектром представлений внешнего мира, начиная от почти буквальных, картинных и заканчивая словесными, мысленными и пропозициональными (*Филеб*, 38 C; *Софист*, 261 и сл.; *Теэтет*, 190).

5. У Платона везде предполагается (или, точнее, платоновские диалоги, позволяют нам в конечном счете утверждать), что *psyche* знает особым образом: она анализирует, абстрагирует и дает определения (т.е. психика осуществляет операции диалектики).

6. *Psyche* разделена на части. Хотя частные детали деления психики на части могут от диалога к диалогу меняться (Платон прекрасно осведомлен о том, что его схемы деления во многом экспериментальны), во всех них есть общее: расщепление (зазор) между высшей и низшей частями. Если сформулировать коротко, высшая часть души более «духовна», а низшая более «телесна». В диалоге *Федон*, где Платон рассматривает *psyche* как целое, она представлена как разделенная (и находящаяся в конфликте) с телом как целым. Следует подчеркнуть, что такое разделение вообще-то предполагает конфликт, и что при этом часто ставится вопрос о необходимости сотрудничества между частями души.

В схеме, представленной в диалоге *Государство* — пожалуй, наиболее известной — Платон проводит границу прежде всего между рациональной (*logisticon*) и вожделеющей (*epithumicon*) или «страждущей» частью. Третий элемент — аффективная, или «страстная» часть, и каждая из двух других частей пытается привлечь на свою сторону эту «энергетическую» часть в качестве союзника. Платон предлагает образ, или физическую модель, выражающую его понимание того, что являют собой эти три части: 1) «многоголикий и многоглавый зверь» с ликами домашних и диких зверей, расположенных по кругу, который «может изменять их и производить все это из самого себя» (соответствует вожделеющей части); 2) лев («страстная», или «аффективная» часть); 3) человек, который, однако же, значительно меньше льва (разумная часть) (*Государство*, 588)¹.

Эти три части различаются по функциям и, кроме того, по отношению к действительности. В целом, у Платона повсюду присутствует допущение, что более низменные части души приспособлены для постижения более низких частей мира и имеют разные цели: например, вожделеющая часть постигает посредством чувственного восприятия конкретные, отдельные, преходящие объекты, и ее цель — получение чувственного удовольствия. Разумная часть оснащена так, что способна к познанию наиболее общего и абстрактного, вневременного и нематериального, и всего того, что может быть резюмировано в понятии «формы» (идеи) (см. *Тимей* — везде, *Государство* — везде, *Федр*, 247C). «Становление» в противоположность «бытию» — другой способ выразить это противопоставление.

Противоположные свойства высших и низших форм умственной деятельности, которые могут быть извлечены из диалогов, можно суммировать следующим образом:

<i>Низшие части психики</i>	<i>Высшие части психики</i>
Вожделеющие	Рациональные
Телесные	Духовные
Рождающиеся и исчезающие	Истинно сущие

¹ Цит. по: Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 384. (Примечание редакторов-составителей.)

Мнение (докса)	Истинное знание (эпистеме)
Образные, иллюзорные	Идеальные
Тень	Солнце
Спящие, сновидящие	Бодрствующие
Детские	Взрослые
Императивные	Отсрочивающие
Подражание (мимезис)	Абстрактное понимание
Постоянное движение	Стабильность
Конфликт	Гармония
Гетеросексуальные	Гомосексуальные – асексуальные

Здесь, как мне представляется, мы имеем дело с фундаментальной моделью психики в конфликте. Эта модель, которая вошла в основные направления западной мысли благодаря Платону, является основой разделения психики на части, использованного Фрейдом в клиническом контексте. Одна из частей психики мыслит, и мышление предполагает оценку реальности; другая часть желает и вожделеет. Мыслящая часть — стабильная, взрослая, цивилизованная; она является собственно человеческой и устроена в соответствии с рациональной оценкой возможностей, средств и последствий. Другая часть «мыслит» совершенно иначе, на языке желаний и потребностей, образно, в большей степени посредством чувств, чем слов и предложений; она непостоянна, изменчива и легко возбудима.

Кроме того, здесь мы имеем дело с фундаментальным различием, которое Фрейд описывает в терминах первичных и вторичных процессов мышления и видов *разрядки* (*discharge*). Действительно, различение понятий «связанного» (*bound*) и «подвижного» (*mobile*) катексиса¹ можно соотносить с образом, который мы находим у Платона (см. диалог Менон) — «впечатления» (мнение, чувственные впечатления, неабстрактные формы мышления) постоянно перемещаются, как маленькие механические пружинные человечки. Высшая часть психики посредством операции «размышления» (схематизирующей и классифицирующей деятельности) объединяет, или *связывает*, эти свободно блуждающие психические содержания и может превратить их в *эпистеме* (абстрактное, организованное знание). Таким образом, высшая часть психики укрощает, цивилизует и воспитывает непокорные, нецивилизованные части психики. Но недостаточно разделить психику на части и на этом остановиться; эти части все еще обитают в одном и том же помещении и должны достигнуть определенного *modus vivendi* (образа жизни). Идеал Платона — доминирование высшего над низшим, которое, тем не менее, все еще предполагает некоторую степень кооперации.

¹ Катексис — количество энергии, свободно перемещающейся или же связанной с любым объект-представлением или с психической структурой. (Примечание редакторов-составителей.)

В целом, Платон указывает на противоположность и конфликт между каким-то видом рассудочности и каким-то видом потребности. У каждого есть свои собственные цели, интересы, особый способ мышления. Однако Платон, особенно в *Государстве*, настойчиво утверждает, что проблема не сводится к формуле «разум против эмоций», несмотря на то, что эмоции несут отпечаток потребностей в значительно большей степени, чем разум. Концептуальная проблема, с которой Платон вынужден вступить в противоборство, неотъемлема от расщепления психики — это необходимость в некотором энергетическом понятии, в чем-то, что движет психику в целом, заставляет ее работать. Язык и образы Платона в значительной степени антропоморфны: что может заставить высшую часть, человека разумного внутри многоглавого зверя, которым человек тоже является, что может заставить его хотеть или *желать* действовать разумным образом? Или, на менее антропоморфном языке машин, что движет психическим аппаратом?

Государство — диалог, в котором подчеркивается необходимость постулировать аффективную, одухотворенную, или энергетическую, часть психики (которую Платон уподобляет льву). Более того, именно в этом диалоге интенсивно обсуждается проблема того, как побудить человека искать истину, как стремиться использовать высшую часть психики, — короче говоря, проблема образования. Именно этот диалог дает первый набросок программы систематического образования в западном мире. Эта программа систематического образования явно включает в себя восхождение от физической подготовки к наиболее абстрактным видам умственной подготовки.

В других диалогах, особенно в *Пире*, построенном вокруг темы Эроса, или любви, и вокруг того, как *убеждать* человека, мы видим, что Эрос занимает теоретическую позицию, которую можно сравнить с позицией, занимаемой *thumoeides* — духовно-аффективной частью. Эрос в *Пире* — это, прежде всего, энергетическая сила любой человеческой деятельности, от низшей до возвышенной. Эрос побуждает нас любить и вожделеть, стремиться порождать детей и другие наследуемые формы (социальные институты, правительства, произведения искусства, стихи) и творить. Кроме того, он побуждает нас стремиться к знанию, учиться и приближаться к формам истины, добра и красоты. Каковы происхождение и природа этой любви? Является ли она исходно телесной или же приходит из высших сфер и впоследствии портится? В той части, где Сократ рассуждает об Эросе, он выдвигает несколько мифоподобных и аллегорических положений об Эросе, каждое из которых указывает на *промежуточную* и *опосредствующую* природу Эроса. Он не может быть назван ни человеческим, ни божественным; он — дитя Изобилия и Скудности. Эти положения говорят о том, что Платон не хочет определять эту энергетическую силу как имеющую явный источник в психическом или телесном, высшем или низшем. Скорее всего, он пытается сохранить ее зна-

чение как энергии, участвующей в функционировании и того, и другого. Но диалоги не дают полностью удовлетворительного ответа на вопрос — каким же именно образом любовь к абстрактной свободе (*philo-sophia* = философия) связана с телесной любовью и вожделением? Теперь становится очевидным, почему Фрейд с такой готовностью выдвигает предположение (см. *Nachmansohn*, 1915) о сходстве между Эросом и либидо. Для Фрейда либидо прежде всего телесно, однако один из вариантов его судьбы — это сублимация, в том числе сублимация в поиске и в любопытстве. Таким образом, Фрейд обсуждает связь между влечениями к зрелищам, «влечением к познанию» и потребностью ребенка узнать о тайнах соития и рождения.

Только теперь мы начинаем видеть, сколь многое в действительности влечет за собой модель психики как расщепленной на низшую и высшую части. Ни в случае Платона, ни в случае Фрейда не так уж и важно, что это расщепление определяется как начальная точка для построения теории. А важно то, что расщепление — это структура, которая лежит в основе их формулировок. Время от времени она всплывает в относительно явном виде, как в утверждении Фрейда из *Я* и *Оно*, процитированном в начале статьи. В попытках Фрейда создать теорию, полезную для клинических целей, мы можем обнаружить группировки мотивов и функций по линии именно этого расщепления. Иногда его язык более откровенен в отношении мотивов и целей, иногда — способов функционирования. Так, в различении сознания и бессознательного (например, в *Толковании сновидений*) рациональность, испытание реальностью (*reality testing*), отсрочка (*delaying*), мышление, вербализация и бдительность (*being aware*) уравниваются с сознанием. Желание, импульсивность, немедленное удовлетворение, картинность (*pictorial*) и сон уравниваются с бессознательным. Различение первичного и вторичного процессов, соотношение их с мышлением и способами освобождения (разрядки) опирается на сходные критерии, но в большей степени затрагивающие способ функционирования, чем цели и мотивы.

В *Проекте научной психологии* Фрейда мы обнаруживаем, что *Я* характеризуется как психическая структура, которая связывает, откладывает, фильтрует и преобразует импульсы, связанные с относительно неустойчивыми нейронными системами¹. Среди прочих задач, *Я* делает возможной память, преобразуя образы восприятия в постоянные воспоминания. Эта точка зрения на *Я* в *Проекте*, равно как и обсуждение развития мысли в виде галлюцинируемого отсутствующего объекта в *Толковании сновидений*, направлены на решение проблемы того, как телесные импульсы и желания преобразуются в мысли, суждения и другие высшие формы умственной деятельности. Позднее, в 1910 г., Фрейд усилил различение меж-

¹ См.: Freud S. Project for a scientific psychology // Standard Edition. I. 1950 [1895]. P. 295–307.

ду влечениями *Я* и сексуальными влечениями. Само понятие влечения неявно уже содержит в себе смесь психического и телесного. Различение влечений *Я*, в большей степени ориентированных на выживание и приспособленных к оценке реальности, и сексуальных влечений, направленных на удовольствие и удовлетворение, представляет собой иную форму размещения разных классов мотивов в разных частях личности. В последующем разделении *Я* и *Оно* проводится более формальное структурное различие между этими двумя видами функционирования.

Аналогичным образом, т.е. в контексте лежащего в их основе расщепления, следует рассматривать проблемы, к которым адресуются понятия «сублимации», «нейтрализации» и «регрессии на службе *Я*». Необходимо разобраться в способах взаимодействия между разделенными частями психики. Отсюда естественным образом вытекают вопросы, образуются ли *Я* из *Оно* (или же *Я* и *Оно* развиваются независимо друг от друга из какой-то недифференцированной матрицы), можно или нельзя говорить об отдельной энергии *Я*. Польза терминологии психоанализа состоит в явной постановке проблем, недостаточно выявленных в платоновском обсуждении взаимосвязи различных частей психики. Решить эти проблемы адекватным образом с помощью данной терминологии вряд ли удастся. Тем не менее, она ставит действительные вопросы, и служит как концептуальная основа и набор директив для детального изучения некоторых важных аспектов как нормального, так и патологического функционирования психики. Расщепление не является ни единственной, ни главной детерминантой теорий Фрейда, но представляет собой скорее особого рода ограничение, некое сдерживающее условие для возможных формулировок [предлагаемых решений]¹.

Язык и основные метафоры, обращенные к психике, у Платона в высшей степени антропоморфны². Понятия, используемые им для описания психических процессов, — те же, что описывают взаимодействие между людьми; различные части психики проявляют волю и желают, противостоят, взаимодействуют, строят козни и враждуют, наконец, пытаются одолеть друг друга. Таким образом Платон успешно справился с проблемой [описания взаимодействия частей психики], однако он вовсе не хотел быть понятым слишком буквально: «Господин самого себя» отнюдь не означает, что в одном и том же человеке заключены двое. И все-таки он не ввел никакого иного способа выражения. В истории психологических теорий, включая и психоанализ, мы обнаруживаем

¹ См. обсуждение «bridge concepts» в аналитической теории в работах Гроссмана и Саймона (*Grossman W. Reflections on the relationships of introspection and psycho-analysis // Int. J. Psych. 1967. Vol. XLVIII. P. 16–31; Grossman W., Simon B. Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child. 1969 Vol. XXIV. P. 78–111.*).

² Разумеется, для *Государства*, где структуры психики сравниваются с государственными структурами, уместен также термин «социоморфны».

неоднократные попытки очистить теории от антропоморфного языка. Однако, как утверждалось и в других работах¹, как только мы начинаем анализировать человека с целью обсуждения нравственных проблем, конфликтов между желаниями и средств социального управления, антропоморфный язык потихоньку вползает обратно. (Мы можем попытаться устранить его как чертика из табакерки в известной пословице, но он все равно выскакивает снова и снова.)

По мнению профессора Ирвина, части души по Платону следует, в сущности, рассматривать как выделение разных классов мотивов; т.е. эти части не столько анализируют функционирование и функции психики, сколько очерчивают спектр мотивов, побуждающих человеческое поведение. Такой взгляд на Платона (как и на Фрейда), по сути, правилен, особенно если учесть, что разные типы мотивов могут повлечь за собой разные виды функционирования. В итоге разделение психики на части с использованием антропоморфного языка конфликтующих целей и мотивов отражает различия в психике разных людей, обладающих разными стилями деятельности.

Антропоморфный язык неизбежен, поскольку платоновская модель в значительной степени опирается на самонаблюдение, а интроспективные данные о поведении, конфликтах, решениях и затруднительных положениях представлены в форме внутреннего диалога. (Платон определяет мышление как разговор с самим собой). Данные самонаблюдения, в свою очередь, во многом сходны с диалогом, как потому, что этот метод исследования психики основан на диалоге между двумя или более людьми, так и потому, что при нормальном развитии субъекта формирование, осознание и определение его внутренней жизни в значительной степени зависит от диалога с другими людьми². В общем и целом, платоновская модель состоит в выделении рациональной и иррациональной, или вожделеющей, частей психики. Ту же модель мы находим у Фрейда как в ранних, так и в поздних описаниях конфликтов, а именно, в противопоставлении сознания и бессознательного, вторичных и первичных процессов, влечений *Я* и сексуальных влечений, наконец, *Я* и *Оно*.

Что касается третьего понятия фрейдовской трехчастной модели психики, — *Сверх-Я*, то Фрейд пришел к его выделению как отдельной инстанции постепенно, исходя из клинических соображений. В более ранних работах, например, в *Толковании сновидений*, функции нравственности в целом связываются с рациональной, структурированной частью психики, т.е. той ее частью, которая мыслит и репрезентирует человеку требования реальности. Реальность описывается как сочетание физичес-

¹ См. например: Grossman W., Simon B. Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child. 1969. Vol. XXIV. P. 78–111.

² См.: Grossman W. Reflections on the relationships of introspection and psycho-analysis // Int. J. Psych. 1967. Vol. XLVIII. P. 16–31.

кой и социальной действительности, включающей общие моральные и этические стандарты культуры. Первоначально «цензор» сновидений не был оформлен как отдельная инстанция. Для Платона равенство морального блага и истинной реальности не столь случайно, как для Фрейда. Оно образует краеугольный камень его мысли: абсолютная истина, формы истины, добра и красоты существуют, моральное благо и истина неразделимы.

Психические расстройства: что такое болезнь и что такое сумасшествие?

Хотя точки зрения Платона и Фрейда на болезнь и сумасшествие не идентичны, мне хотелось бы провести некоторые важные аналогии между платоновским понятием сомы и определением болезни по Фрейду.

Во-первых, сумасшествие и бешенство (неистовство) не были вовсе чуждыми для жизни Афин V в. до н.э. Греческие трагедии полны сцен, в которых герой переживает внутренний конфликт, а также таких, где герой в конечном итоге сходит с ума. Наиболее плодовитым автором в этом отношении был, вероятно, Еврипид, но и у Эсхила (Ио в *Прикованном Прометее*) и Софокла (Аякс)¹, без сомнения, используются драматические описания сумасшествия. Право и медицина, хотя и с иных позиций, также были вынуждены иметь дело с крайними формами сумасшествия, и к V в., например, врачи стали говорить о сумасшествии более естественно и в плане морали более нейтрально. Платоновское обсуждение «сумасшествия» и «душевной болезни» проходило на фоне этих тенденций. Термин «душевная болезнь», хотя и был введен не Платоном, использовался им значительно чаще, чем другими классическими авторами. У Платона оба термина встречаются довольно часто и в самых разнообразных контекстах, причем сумасшествие и его варианты трактуются в значительной степени прозаично. Однако Платон трансформировал понятие болезней души и исцеления от этих болезней, что выходило далеко за пределы достижений культуры его времени. В работах Платона, если попытаться сформулировать вкратце, уникально то, что психическое здоровье отождествляется с высшими абстрагирующими и рациональными видами деятельности, тогда как сумасшествие относится к телесным, вожделеющим и связанным с ними формам мышления. «Кажущееся», тень, жажда, выход из-под контроля — все это из разряда сумасшествия. Термин «кажущееся», или «мнение» (*doxa*), Платон использует для описания мышления низших частей души. Кроме того, этот

¹ Еврипид (ок. 480–406 до н.э.), Софокл (ок. 496–406 до н.э.) и Эсхил (ок. 525–456 до н.э.) — величайшие древнегреческие поэты-драматурги. (*Примечание редакторов-составителей.*)

термин соответствует обычному, повседневному мышлению, — здесь можно говорить о верном мнении (хорошо выверенное эмпирическое знание и здравый смысл) или о плохом мнении, однако мнение всегда является низшим по отношению к знанию (*episteme*). Похоже, что мнение (*doxa*) обозначает и то, что другие греческие авторы называли «галлюцинацией», или иллюзией.

Платон, как и другие греки того времени, отождествляет здоровье (и психическое здоровье) с гармонией, а болезнь и сумасшествие — с недостатком гармонии между частями психики. Этот же принцип характеризует рассуждения Фрейда относительно равновесия между импульсом и ограничением, желанием и запретом. Если мы зайдем слишком далеко в одном направлении, то будем иметь дело с безудержным варварством, в другом — с неврозом. Платон, как мне кажется, принял достаточно «не-эллинистическую» точку зрения относительно того, где должен быть расположен пункт равновесия — между правящим разумом и подчиненными ему страстями.

Разумеется, точка зрения Фрейда относительно ценности влечения была более позитивна, и сам Фрейд находился под более сильным впечатлением опасности чрезмерного подавления влечений. Тем не менее, борьба между влечением и разумом, и та же самая борьба в связи с понятиями болезни и недуга, отражена во всех работах Фрейда. «Там, где было Оно, должно стать Я», — таков один из вариантов целей терапии. Аналогичным образом, в обсуждении недугов цивилизации и недовольства ею (в *Будущем одной иллюзии* и в первой главе *Недовольства цивилизацией*) можно увидеть ту же самую модель: культура требует от людей отказа от удовлетворения влечений, а люди обижаются и готовы к тому, чтобы когда-нибудь сбросить хомут цивилизации. Культура должна предложить хоть какую-то оболочку для этой горькой пиллюли¹.

Но есть еще один аспект платоновского определения сумасшествия и душевной болезни, который связан для Фрейда с чем-то более фундаментальным и центральным, а именно, с важностью «невежества». «Невежество» у Платона не является чем-то случайным или легко поправимым благодаря передаче знаний. Оно представляет собой глубинное явление и поддерживается интересами человека, исконно ему присущими. (Общий термин Платона — *aphrosune*, т.е. «безрассудство» как смесь невежества и сумасшествия.) Например, Сократ в раннем диалоге *Гиппий меньший* говорит своему собеседнику: «Искоренив невежество моей души, ты сотворишь мне гораздо большее благо, чем если бы ты излечил болезнь моего тела»². «Познай самого себя» и «Неизученная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать», — вот формулировка сократовских цен-

¹ Вторая часть *Недовольства цивилизацией* дает принципиально новую версию проблемы, включая скрытые действия вины.

² Цит. по: Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 168–169. (Примечание редакторов-составителей.)

ностей. Менее известно определение сократовской позиции, принадлежащее Ксенофону: «Сумасшествие он называл противоположностью свободы, хотя и не заходил столь далеко, чтобы отождествить невежество и сумасшествие. Несмотря на это, он действительно думал, что не знать себя и воображать, что ты знаешь вещи, о которых ты знаешь, что их не знаешь, — вещь, наиболее близкая к ярому сумасшествию» (*Memorabilia* III, ix, 6).

Переходя от диалога к диалогу, можно увидеть сдвиг от акцента Сократа на самопознании к акценту Платона на познании форм, абсолютной истины и добродетели. Но я считаю, что это всего лишь разница в акцентах. С обеих точек зрения, невежество вызывается, поддерживается и отождествляется с преходящим, иллюзорным и изменчивым, с одичавшими желаниями. Чрезмерные страсти, нарциссическая гордость, воля к власти — все это может помешать познанию (например, самопознанию) и представляет собой разновидности сумасшествия. Это понятие невежества — важный аналог видов «невежества» в отношении к своему Я, обсуждаемых Фрейдом (например, истерия — это незнание по причине нежелания знать). Важность этого сопоставления тем более замечательна, что теперь мы переходим к обсуждению лечения, необходимого для устранения невежества и замещения его знанием. Представление о том, сколь много усилий на это потребуется, и каково сопротивление со стороны человека, которому пытаются открыть глаза на мир, объединяет обоих мыслителей.

Итак, в своих рабочих установках Платон и Фрейд сходятся в вопросе о важности «невежества»: Фрейд — в аналитическом диалоге, а Платон — в философском. Но, по-видимому, это сходство становится неизбежным при расщеплении психики на части или при взгляде на человека как разделенного на части. Одна часть человека будет иметь дело с другой частью, используя все известные ей трюки, с тем, чтобы одержать верх — угрозы, убеждение, подкуп и, наконец, полный обман, являющийся в облике невежества.

Исцеление

В диалоге «*Федр*» Сократ вежливо выслушивает своего собеседника, рассуждающего о красоте местности, по которой они прогуливаются, и о деталях местной мифологии. Он дает натуралистические объяснения этих мифов, в надежде, что Сократ сочтет его стремление развенчать все это магическое и божественное надувательство стилем мысли, приличествующим рациональному человеку и философу. Сократ, однако, восклицает: «Если кто, не веря в них, со своей доморощенной мудростью приступит к правдоподобному объяснению каждого вида, ему понадобится много досуга. У меня же для этого досуга нет вовсе. А причина здесь, друг

мой, вот в чем: я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое. Поэтому, распростившись со всем этим и доверяя здесь общепринятому, я, как я только что и сказал, исследую не это, а самого себя: чудовище ли я, замысловатее и яростней Тифона, или же я существо более кроткое и простое, и хоть скромное, но по своей природе причастное какому-то божественному уделу?¹

Но как человек может познать самого себя или же сферу «идей» и «истинно сущего»? Метод познания, прежде всего, *диалогический*, но постепенно он превращается в *диалектический*. В этом переходе от диалога к диалектике, который может быть проиллюстрирован текстами Платона, мы снова находим существенные моменты для сравнения с тем типом диалога, который использует метод психоанализа. Общим же для них, кроме и за пределами поверхностного сравнения двух беседующих друг с другом людей, является тот тип *проблемы*, в рамках которой один человек пытается помочь другому понять нечто, что тот должен, но не может понять.

Для Платона диалог — это разговор или обмен мнениями между двумя (или несколькими) людьми. В самых ранних платоновских диалогах, где, вероятно, мы находим наиболее живой образ Сократа за работой, мы видим, как он приводит логические доказательства своих утверждений и пытается вести собеседника вслед за собой по пути к истине и пониманию. Столь же явно видно, как он очаровывает, уговаривает и обольщает собеседника, и как он высмеивает, ставит в тупик и заставляет своего оппонента (или друга!) чувствовать себя максимально неловко. «Чудесные чары» и «целебные травы» его слов льются согласно освященной веками традиции поэта, сказителя, чародея, шамана, исцеляющего сердце и несущего истину. Но при этом Сократ подобен оводу и электрическому угрю. Здесь мы находим *начало* общефилософского метода, и более того, описание «сократического вопрошания». Сам же метод может быть назван «человек-за-работой».

Если мы обратимся к более поздним диалогам, то сможем увидеть, как Платон разрабатывает и оттачивает общий метод задавания вопросов, т.е. диалектику. Диалектика включает диалог, но по сути, это метод задавания вопросов и ответов на них: разделение, определение, категоризация и абстрагирование. Похоже, что форму вопрошания определяют некоторые основные правила. Вопросы ставятся так, что позволяют, в лучшем случае, дать только два ответа — «да» или «нет». Часто в конце спора происходит *сведение к абсурду* (*reductio ad absurdum*), и один из участников спора уступает другому. Конечная цель спора состоит в том, чтобы добиться какой-то степени определенности и ясности, опреде-

¹ Цит. по: Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 137–138. (Примечание редакторов-составителей.)

лить разнообразные и изменчивые аспекты феноменального мира, мира «становления». Диалектика — это инструмент, посредством которого мы можем навести мосты между миром рождающегося и умирающего и миром истинно сущего, областью «того, что кажется» и «того, что истинно». Диалектика принципиально отличается от диалога тем, что последний во многом основан на различных «риторических эмоциях»: убеждении, обольщении, идентификации с говорящим и, в худшем случае, на обращении за помощью к иррациональным страхам. Цель диалектики заключается не в обмане, а в открытии и утверждении того, что является истинной. «Эристика», т.е. искусство ведения устного спора с целью победить (нечто вроде гимнастических состязаний, от которых греки были без ума), чужда духу диалектики. В двух словах можно сказать, что Платон попытался определить в общих чертах такой интерактивный метод поиска истины, который бы обошел и исключил все виды желаний, характерные для «вождедеющих» частей психики — желаний подавить, соблазнить или унижить человека.

Но если диалектика должна работать без этих обычных мотивов ведения спора, то спрашивается, — должна ли она работать вовсе без эмоций? Здесь мы возвращаемся к проблеме того, что же управляет высшими частями психики. Эмоции, вовлеченные в диалектический процесс, — это, к примеру, удивление, переживание по поводу трудности проблемы, стыд, связанный с незнанием, чувство тупика (*aporia*) и переживание дискомфорта, вызванное в результате обнаружения противоречий с личными убеждениями. Допустимой эмоцией будет и удовольствие от разрешения проблемы. Но не являются ли все эти «академические эмоции» несколько бледноватыми и чрезмерно рафинированными? Быть может и так, но что-то более сильное стало бы помехой, а что-то более слабое едва ли смогло бы произвести в душе возмущение, необходимое для того, чтобы побудить ее к поиску истины. Это не пассивный процесс, и он должен вызывать дискомфорт. Диалектика не успокаивает, подобно сладким песням поэта или речи одаренного оратора; она разрушает и раздражает. Платон считает, что когда люди действительно полностью вовлечены в диалектический процесс, «они становятся злее по отношению к себе и мягче по отношению к другим». Миф о пещере в диалоге *Государство* в наиболее явном виде очерчивает тот *идеал*, согласно которому открытие и видение истины столь же неприятны, как выход на яркий солнечный свет для жителя пещеры.

Диалектика не является ни ранней формой психоанализа, ни его предтечей. Об этом можно говорить только в предельно общем смысле, и по желанию мы можем обратить внимание, как на сходные черты, так и на очевидные различия между ними. Одно из важных различий заключается в том высоком значении, которое Платон придает одной из крайних позиций спектра различных смесей мышления и чувства, а именно, *эпистеме*, т.е. абстрактным, общим и диалектическим формам

мышления. Однако Платон, как и Фрейд, чувствует необходимость осмысления смеси интеллектуальных и эмоциональных сил, возбуждаемых в попытке «познать себя» посредством диалога. Общая проблема заключается в создании метода или инструмента, использование которого хотя и зависит от личности владельца, но которому в принципе можно было бы обучить и передать многим другим людям. Еще одна общая проблема состоит в том, чтобы направить в нужное русло эмоции и импульсы, необходимые для поиска и обретения чувства убежденности в истине. «В сердцах человеческих пишет только диалектика», — вот в чем заключается как идеал, так и проблема платонизма. И диалектика, и психоанализ должны соединить и привести к большей гармонии конфликтующие части человека.

Общая часть представлений как диалектики, так и анализа заключается в расщеплении между двумя членами диады. Любопытно, что это расщепление между терапевтом и пациентом или между учителем и учеником выстраивается по линии расщепления внутри души. Для Платона философ относится к остальному человечеству как рациональная часть души к вожделеющей. Подобно этому у Фрейда мы обнаруживаем тенденцию к отождествлению терапевта с *Я*, а пациента — с иррациональным, т.е. с *Оно*. Обсуждая перенос¹, Фрейд пишет: «Эта борьба между терапевтом и пациентом, между интеллектом и жизнью сообразно влечениям, между пониманием и стремлением действовать...»².

Отметим, что предполагаемое здесь отождествление означает, что отношение терапевта к пациенту подобно отношению интеллекта к влечению. Анализ и диалектика стремятся уменьшить этот разрыв, замостить пропасть. Ученику или пациенту необходимо в конце концов научиться делать самостоятельно то, что сначала он мог делать только с помощью учителя или терапевта.

Таким образом, опыт участников диалога тесно связан с теоретической структурой расщепления психики. Теоретическая модель психики — это модель психики людей, вступающих в диалог. Рабочая установка диалога дает наиболее жизненные и непосредственные примеры проблемы соотношения разума и эмоций, рационального и иррационального, мысли и действия. В процессе диалога возникают сопротивление и препятствия на пути поиска истины. Платон говорит об апории, безвыходном положении, участники платонического диалога смущаются, запутываются, даже приходят в отчаяние и краснеют от стыда. Хотя концептуализация и метод исследования этих форм [психики] у Фрейда совершенно иные, обнаружение их существования характерно для обоих

¹ Перенос (трансфер) — процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты; например это может быть перемещение на аналитика чувств, представлений и прочего, связанного с людьми из прошлого пациента.

² Freud S. The dynamics of transference // Standard Edition. 1912. XII. P. 108.

мыслителей. В человеке есть человек, цели которого противны самому человеку¹.

В целом я утверждаю, что сходство между моделями Платона и Фрейда включает в себя следующие взаимосвязи.

1. Каждый из авторов в качестве основной рабочей задачи стремится к изучению человека в состоянии конфликта, в особенности саморазрушительного конфликта. Когда человек находится в состоянии конфликта, две его части противостоят друг другу.

2. Природа рабочей ситуации, форма диалога, направленного на установление истины, сталкивает участников этого диалога с фактами конфликта человека с самим собой и с другими людьми.

3. Оба автора используют данные самонаблюдения и внутреннего диалога, которые, по-видимому, подтверждают существование внутри души конфликтующих частей.

4. В каждом из случаев теория развивается с точки зрения человека, играющего ведущую роль в диалоге, и выстраивает расщепление в диалоге по линии расщепления в психике.

5. Платоновская теория психики рассматривает психику как инструмент, который может быть использован диалектически. Фрейдовская теория рассматривает психику и пациента, и терапевта как вовлеченную в процесс психоанализа.

Оба мыслителя рассматривают мир с позиций вполне определенной схемы: они везде видят конфликт: в психике одного человека, между людьми, в политике и т.д. Кроме того, их схема включает в себя чувства высшего и низшего порядка, каждое из которых стремится взять верх над другим. Откуда следует начинать поиск «источника» подобных взглядов? Что является «моделью» для этой «модели»? Один из интересных возможных вариантов ответа, более явный для Платона, чем для Фрейда, заключается в том, что основу разделения психики задает доминирующая форма поли-

¹ Удачное совпадение состоит в том, что, по крайней мере, в некоторых диалогах, особенно в *Государстве*, структура диалога, т.е. роли, исполняемые несколькими его участниками, соответствует частям психики. Эта точка зрения, которую до недавнего времени отстаивал Алан Блум в своем переводе и комментариях к *Государству*, имеет свои преимущества, если не интерпретировать Платона на ее основе слишком буквально (См.: Bloom A. *The Republic of Plato* (translation with notes and Interpretative Essay). N. Y.: Basic Books, Inc., 1968.). Так, Тразимах, который утверждает, что справедливо то, что может безнаказанно сделать сильнейший, олицетворяет действия страждущей части души (или, лучше, является иллюстрацией таковых). Главкон «эротичен», или страстен; его, всегда энергичного и полного энтузиазма, следует мягко вести и поучать, а не подчинять и укрощать. Если рассмотреть диалог под таким углом зрения, можно увидеть изоморфизм между частями души, частями государства и участниками диалога. Однако подобное представление драматической структуры диалога оставляет без ответа другой вопрос: является ли она осознанной находкой Платона, или же в значительной степени неосознаваема? Последняя версия представляется мне более привлекательной, однако, обе возможны и согласуются с тем, что Платон в юности, до того, как попал под влияние Сократа, писал драмы.

тической организации. Следовательно, можно предположить, что источником модели психики является структура греческого общества, в частности, отношения между господином и рабом (или между социальными группами). Мне могут возразить, что в *Государстве* представлена в определенном смысле идеализированная картина социальной структуры греческого государства, в частности такого, как Спарта¹. Но где та политическая или социальная структура, которая очевидна для Фрейда? В действительности, у Фрейда она вездесуща и проявляется в самых разнообразных формах. В «Сопроотивлении психоанализу» Фрейд говорит: «Человеческая цивилизация зиждется на двух опорах: одна из них — это управление природными силами, а другая — ограничение наших инстинктов. Трон правителя покоится на закованных в цепи рабах. Среди инстинктивных компонентов, которые таким образом ставятся на службу, сексуальные инстинкты, в узком смысле этого слова, являются из-за своей силы и дикости наиболее бросающимися в глаза. Горе, если они высвободятся из своих цепей! Трон будет опрокинут и правитель растоптан»².

Этому пассажу предшествует параграф, в котором Фрейд не без одобрения сравнивает платоновский Эрос с понятием либидо. Даже *Толкование сновидений*, известное прежде всего механическими и физическими моделями процессов сновидения, переполнено политическими, социальными и экономическими аналогиями. Например, цензор сновидений действует подобно почтовому цензору³. Инстанция психики — это инстанция, подобная правительственному учреждению или бюро. Помимо этого, в течение всей своей карьеры Фрейд уделял много внимания вопросам взаимоотношений между психикой и человеческим сообществом, психикой и историей.

Ряд этих аргументов интересен и может потребовать дополнительного исследования, особенно в случае Фрейда. Однако было бы неверно представлять политическую структуру как базовую модель структуры психики, прежде всего потому, что она сама является продуктом психики, структурирующей и конструирующей факты социальной жизни в рамках определенной схемы.

Другой вероятный источник данной модели психики напрашивается сам собой — это отношения между ребенком и родителями. Родитель рационален, а ребенок подчиняется желаниям. Иногда они конфликтуют, иногда сотрудничают. Но и здесь очевидно, что это только один из вариантов детско-родительских отношений, причем вариант, несомненно, является отражением или продуктом определенного, хотя и широко распространенного в культуре, отношения к детям.

¹ См. *Enter Plato* Гулднера, где приводится сильное обоснование для подобного утверждения (Couldner A. *Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory*. N.Y.: Basic Books, Inc., 1965.).

² Freud S. The resistances to psycho-analysis // *Standard Edition*. 1925 [1924]. XIX. P. 219.

³ См.: Freud S. The Interpretation of dreams // *Standard Edition*. 1900–1901. IV/V. P. 142–143.

Нам могут вынести вердикт *non licet* (не подобает). Ибо все, что мы можем сказать – это то, что налицо сложное взаимодействие между тремя типами структур: а) структурой или моделью, которая существует в сознании создателя теории, и которую он накладывает на изучаемые феномены; б) структурами или моделями, которые являются распространенными и подкрепляются внутри культуры, и посредством которых культура интерпретирует и упорядочивает окружающий мир; в) структурами, которые, так или иначе, могут «действительно» существовать (т.е., не исключено, что какие-то модели феноменального мира и в самом деле соответствуют структурам, неотъемлемо присущим самим феноменам)¹.

Доминирующая, если не единственная точка зрения Фрейда, особенно в ранних его работах, заключается в том, что *структура* психики предзадана, а схемы выделения частей психики (а не только ее содержание) проецируются во внешний мир и отражаются в творениях человеческой культуры, например, в мифах, религии и философских системах. Эти представления обсуждались в работе Гроссмана и Саймона в связи с понятием Фрейда о *внутрипсихическом восприятии* (*endopsychic perception*)². В *Психопатологии обыденной жизни* Фрейд утверждает, что задача психологии заключается в преобразовании «метафизики в метапсихологию»³, т.е. в том, чтобы вывести из философии человеческой психики факты, говорящие о ее действительной структуре. Это утверждение может быть истинным, но главное возражение против него относится к способу его использования. Если, например, проследить эту идею в работах Фрейда вплоть до 1920 г., можно увидеть несколько разных вариантов «действительной структуры психики» и, соответственно, несколько разных вариантов схемы психики, которые мы должны искать в продуктах культуры (например, различие сознательного и бессознательного; разделение на Я, Оно и *Сверх-Я* и т.д.)⁴.

Схема конфликта заключена в психике мыслителя, и мы не можем дать исчерпывающего объяснения того, как эта схема там оказалась. Отклоняясь от темы, можно предположить, что в индивидуальной психологии людей, особенно чувствительных к конфликту и склонных видеть его повсюду, может быть что-то общее. Рискну выдвинуть довольно-таки

¹ Некоторое разъяснение и анализ этих проблем можно найти в *Структурализме* Пиаже, в особенности там, где он обсуждает работы Леви-Стросса (см.: *Piaget J. Structuralism*. N.Y.: Basic Books, Inc., 1970. P.106–119).

² *Grossman W., Simon B. Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child*. 1969. Vol. XXIV. P. 78–111.

³ *Freud S. The psychopathology of everyday life // Standard Edition*. 1901. VI. P. 258.

⁴ Недавно рассуждение, сходное с фрейдовским, было представлено в увлекательной работе Devereux (1970) *Структура трагедии и структура души в «Поэтике» Аристотеля*. Хотя его наблюдения довольно интересны и обоснованы, предлагаемая автором понятийная структура открыта для обсуждения.

умозрительную гипотезу, частично основанную на объяснении Фрейдом того, как он в своем самоанализе пришел к открытию значимости Эдипова комплекса¹.

Что касается Фрейда, важно, что его ситуация была необычна: два значительно превосходящих его по возрасту сводных брата, дети его отца от первого брака, и отец, по возрасту годившийся ему в деды. Что касается Платона, то мы не имеем достаточного количества надежных биографических и автобиографических данных, однако все сходится на том, что его отец умер, когда Платон был юношей, и мать снова вышла замуж (за брата своей матери), и от этого брака родился младший единоутробный брат, Антифон. У отца Платона, Пирилампа, был старший сын от предыдущего брака. У родных отца и матери Платона было еще трое детей: два сына, Главкон и Адимант, и дочь, порядок рождения которых неизвестен.

Платон, конечно же, в явной форме не знал и не описывал эдиповы конфликты, однако во всех его диалогах встречаются ссылки на отцеубийственные и кровосмесительные желания, как открыто заявленные, так и в скрытом виде (например, в мифе о Гиге в *Государстве*: Гиг становится невидимым, проникает в спальню царицы и совращает ее, убивает царя и захватывает царство)². Интересно и то, что, хотя сам Платон почти никогда не появляется в своих диалогах (его имя упоминается только дважды; один раз — чтобы объяснить, что он был болен и не мог присутствовать при смерти Сократа!), его *братья* выступают в качестве главных действующих лиц в *Государстве*, диалоге, в котором предлагается ликвидация семьи! Его родные братья и единоутробный брат снова появляются в *Пармениде* — диалоге, который посвящен, на уровне проблем логики, сложным отношениям между формами, включая вопросы сходства, родства и тождественности.

Я предполагаю, что в случае как Фрейда, так и Платона некоторые нетипичные черты структуры семьи, возможно, частично центрированные вокруг эдиповых конфликтов, выступили своего рода *катализаторами* осознания конфликтов желаний и страстей как вездесущей особенности человеческой жизни.

Другой особенностью стиля мышления и взгляда на мир, характеризующей обоих обсуждаемых авторов, является мышление в схемах, или поиск сходных схем в разнообразных явлениях. Это можно назвать рассуждением по аналогии, или стремлением к открытию по аналогии, как,

¹ Эдипов комплекс — совокупность любовных и враждебных желаний ребенка, направленных на родителей. (Примечание редакторов-составителей.)

² Сравните объяснение Платона с объяснением Геродота (Кн. I, 7), который красочно и с определенной психологической проницательностью, которую мог подхватить и Платон, рассказывает ту же историю. См. работу Розенбаума и Росси *Геродот: обозреватель сексуальной психопатологии* (Rosenbaum C.P., Rossi R. Herodotus: Observer of Sexual Psychopathology // Amer. Imago. 1971. Vol. XXVIII. P. 71–78.).

например, сравнение души с государством, или сравнение истории иудейского народа со стадиями развития человеческого ребенка, хотя само понятие «аналогия» здесь не вполне адекватно. Я прибегнул выше к понятию «изоморфизм», т.е. к предположению о существовании сходных конфигураций — по большей части в том смысле, как если бы речь шла о подобных треугольниках, которые необходимо сопоставить. У Фрейда, даже в большей степени, чем у Платона, мы находим представление о том, что современные паттерны жизни взрослого человека имеют историю, которая состоит из более ранних вариантов этих форм. Если у взрослого человека наблюдается непонятный паттерн поведения, то ищите инфантильную форму, которая прольет свет на взрослую, ищите эдипов треугольник, который прояснит нынешние треугольники взрослого, и т.д. Как для Фрейда, так и для Платона метод выведения структуры неизвестного из структуры известного с последующими перемещениями туда и обратно между ними является основным и наиболее перспективным. Существует ли имманентная связь между их готовностью повсюду видеть схему конфликта и готовностью разыскивать схемы? Усилил ли опыт необычной структуры семьи у каждого из них не только сознание конфликта, но и сознание структур? Единственное, что я могу предложить, это всего лишь намек или, возможно, неверный указатель.

Несколько замечаний относительно различий между Платоном и Фрейдом

До сих пор я подчеркивал, что обсуждаю суть общего у Платона и Фрейда: использование ими определенной модели психики с вспомогательным определением конфликта. В дальнейшем каждый из этих исследователей столкнулся с ядром сходных проблем, а именно, с вопросами, возникающими в связи с расколом между влечениями и разумом. Однако, несмотря на то, что они поднимают одни и те же проблемы, предлагаемые решения могут быть разными.

Во-первых, разрешите начать с очевидного. Фрейд — это, прежде всего, клиницист, и его наиболее оригинальный и устойчивый вклад в психологию не следует искать в его философских положениях или в его *Weltanschauung* [нем. Мировоззрение]. С этой точки зрения сравнивать и противопоставлять этих двух мыслителей не имеет смысла. В основе работ Фрейда лежит метод свободных ассоциаций и *интерпретации*. Понятия производности, превращений влечения, представления о защите, а также о важности интерпретации переноса (трансфера) далеко выходят за пределы того, что завещал любой из клинических, философских либо поэтических предшественников Фрейда. Тем не менее, учитывая значи-

тельную степень «соизмеримости» между этими двумя мыслителями, можно попытаться выделить некоторые глубокие различия.

Самое глубокое различие заключено в отношении каждого из них к конфликту. Как уже было сказано выше, оба мыслителя характеризуются необычной чувствительностью к конфликту, противоречию, парадоксу, иронии и т.д. Для Фрейда все это лежит в основе нашего существования; несмотря на то, что люди так или иначе справляются со своими конфликтами и склонны к утопическим решениям, сходство между ними заключается в том, что конфликты как определенная мера несчастья в их жизни неизбежны. Одно из ранних фрейдовских положений относительно «лечения» истерии состоит в том, что мы должны помочь нашим пациентам-невротикам принять свои экзотические страдания как повседневное несчастье жизни.

Платон признает вездесущность конфликта, однако не готов принять ее. У него есть не только потребность и сильное желание устранить конфликт, но и план такого устранения. Для Платона все решения множества различных видов проблем группируются вокруг идеи устранения противоречия, двусмысленности и конфликта. Справедливость заключается в том, что каждый человек делает что-то одно, а не несколько дел, и в том, что каждый класс горожан выполняет только одну функцию. Мифы, которые греки так горячо любили и рассказывали на ночь своим детям в качестве сказок, следовало устранить: они воспитывали противоречие и дисгармонию. Гармония у Платона иногда предполагает гармоничное расположение конфликтующих сил, но обычно ее смысл заключается в том, что каждый элемент удерживается отдельно и особо, и в таком случае они в некотором роде гармонизированы (напр., *Пир*, 187). В идеальном городе-государстве Платона, описанном в *Государстве*, соперничество, противоборство и все сопутствующие им эмоции должны быть минимизированы или вовсе устранены. Мужчины и женщины должны быть уравнены; роль биологических различий следует умалить. Наиболее далеко идущим предложением, касающимся реформирования города, является *устранение семьи*, хотя бы для класса стражей. Пусть люди не знают, кто их биологические отец и мать, брат и сестра; пусть определение этих родственных отношений будет бюрократизировано. *Город-государство* — вот откуда происходят дети. Хотя это явно и не прописано, для Платона, семья — это корень зла. Я не раз отмечал <...>, что у Платона можно найти образ агрессивной первосцены¹, и что именно этот образ сопровождает его определения зла и сумасшествия². Возникает

¹ Первосцена — сцена сексуальных отношений между родителями, наблюдаемая или воображаемая ребенком. (*Примечание редакторов-составителей.*)

² См. также: Bradley N. Primal scene experience in human evolution and its fantasy derivatives in art, proto-science and philosophy // *The Psychoanalytic Study of Society*. Vol. IV / W. Muensterberger, S. Axelrad (Eds.). N.Y.: International Universities Press, Inc., 1967. P. 34–79.

впечатление, что Платон как будто утверждает, что, если человек рожден в обстановке запутанного, агрессивного, темного сумасшествия, то можем ли мы ожидать от него чего-то лучшего? Поэтому мы находим у Платона попытку найти лучший способ рождения детей, чем посредством половых сношений.

Возражения Платона Гомеру и греческой трагедии вообще отчасти основаны на знании того, насколько великие поэты использовали и полагались на множественные идентификации, сдвиги и колебания в ролях исполнителей¹. В этом отношении и в своем противостоянии конфликту и двойственности Платон крайне неэллинистичен. Конфликт у Платона во многом связан с нуждами и требованиями тела, и его противостояние конфликту идет рука об руку с унижением телесного.

С точки зрения рассуждения о двух прямо противоположных позициях по отношению к конфликту можно попытаться взглянуть на то, что я считаю бросающимся в глаза пробелом у Платона. Я имею в виду представление о *Сверх-Я*, или совести, которая может находиться в конфликте с *Я*, а не только с *Оно*; идею относительно того, что человек может страдать от чувства вины, а нравственная сила в человеке может выступить в качестве пятой колонны, которая может разрушить личность. Платона не следует винить в том, что ему не удалось открыть и четко сформулировать подобное представление. Вероятно, он не смог бы принять столь легко эту идею, даже если бы прочел Фрейда. Тема страданий от иррационального чувства вины во многом «витала в воздухе» во времена Платона, особенно у Еврипида, но Платон был вынужден пренебречь ею.

Представление о неизбежности конфликта проистекает из идеи неразрушимости инфантильных желаний и объектов этих желаний. Это подразумевает идею интернализации объектов в том виде, в каком они были пережиты ребенком в процессе развития. Поскольку моральные, управляющие, фрустрирующие и поощряющие аспекты этих объектов представлены внутренне, на их репрезентации направлена смесь любви и ненависти, агрессии и либидо, и т.д., которые ребенок испытывает по отношению к родителям.

Платон, вероятно, заметил, что раннее моральное воспитание может быть насыщено всеми типами амбивалентности, однако этот факт приводит его в ужас и он испытывает сильнейшую потребность как-то обойти его или избежать его последствий. Фрейдовская идея *Сверх-Я* предполагает существование особой инстанции *внутри* психики, которая могла бы предоставить кров как любви, так и ненависти к человеку. Платон представляет предельный источник моральных ценностей как внешний по отношению к человеку: таковы Формы Истины, Добра и т.д. Они не мо-

¹ См.: Havelock E.A. Preface to Plato. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.

гут быть испорчены ненавистью и агрессией. Эти отрицательные влияния передаются телу и его потребностям — амбивалентность расщеплена.

В заключение следует отметить, что настоящую статью можно считать только началом сравнительного исследования творчества двух мыслителей. Мы в значительной степени упростили Платона, а в работах Фрейда многое следует рассматривать с точки зрения философских подходов, появившихся значительно позднее платонизма. В этом плане особенно продуктивной и поучительной является работа Поля Рикера (1970). Однако мы надеемся, что метод поиска сходных форм, довольно неуклюже использованный в данной работе, поможет другим исследователям на пути к более широкому и богатому пониманию, как Платона, так и Фрейда.

К. Юнг

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ¹

15. *Душа*. [Психическое, психика, личность, персона, анима.] В процессе моих исследований, посвященных структуре бессознательного, мне пришлось установить логическое различие между душой и психическим. Под психическим или психикой я понимаю целокупность всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных. Со своей стороны, под душой я мыслю определенный, обособленный функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как «личность». Для более ясного описания того, что я при этом имею в виду, я должен привлечь сюда еще некоторые точки зрения. Так, в частности, явление сомнамбулизма, раздвоенного сознания, расщепленной личности и т.д., в исследовании которых наибольшие заслуги принадлежат французским ученым, привели нас к той точке зрения, по которой в одном и том же индивиду может существовать множество личностей.

(Душа как функциональный комплекс или «личность»)

Ясно и без дальнейших объяснений, что у нормального индивиду никогда не обнаруживается такое умножение личностей; однако возможность диссоциации личности, подтвержденная этими случаями, могла бы существовать и в сфере нормальных явлений, хотя бы в виде намека. И, действительно, несколько более зоркому психологическому наблюдению удается без особых затруднений усмотреть наличность хотя бы зачаточных следов расщепления характера даже у нормальных индивидов. До-

¹ Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 496, 507–514, 582–583, 553–554.

статочно, например, внимательно понаблюдать за кем-нибудь при различных обстоятельствах, чтобы открыть, как резко меняется его личность при переходе из одной среды в другую, причем каждый раз выявляется резко очерченный и явно отличный от прежнего характер. Поговорка «со своими лается, а к чужим ласкается» (Gassenengel — Hausteufel) формулирует, отправляясь от повседневного опыта, именно явление такого расщепления личности. Определенная среда требует и определенной установки. Чем дольше и чем чаще требуется такая соответствующая среде установка, тем скорее она становится привычной. Очень многие люди из образованного класса по большей части вынуждены возвращаться в двух совершенно различных средах — в домашнем кругу, в семье и в деловой жизни. Эти две совершенно различные обстановки требуют и двух совершенно различных установок, которые, смотря по степени идентификации (см.) Эго с каждой данной установкой, обуславливают удвоение характера. В соответствии с социальными условиями и необходимостями социальный характер ориентируется, с одной стороны, на ожиданиях и требованиях деловой среды, с другой стороны — на социальных намерениях и стремлениях самого субъекта. Обыкновенно домашний характер складывается скорее согласно душевным запросам субъекта и его потребностям в удобстве, почему и бывает так, что люди, в общественной жизни чрезвычайно энергичные, смелые, упорные, упрямые и беззащитные, дома и в семье оказываются добродушными, мягкими, уступчивыми и слабыми. Который же характер есть истинный, где же настоящая личность? На этот вопрос часто невозможно бывает ответить.

Эти рассуждения показывают, что расщепление характера вполне возможно и у нормального индивида. Поэтому мы с полным правом можем обсуждать вопрос о диссоциации личности и как проблему нормальной психологии. По моему мнению, — если продолжать наше исследование, — на поставленный вопрос следует отвечать так, что у такого человека вообще нет настоящего характера, что он вообще не *индивидуален* <...>, а *коллективен* <...>, т.е. соответствует общим обстоятельствам, отвечает общим ожиданиям. Будь он индивидуален, он имел бы один и тот же характер при всем различии в установке. Он не был бы тождествен с каждой данной установкой и не мог бы, да и не хотел бы, препятствовать тому, чтобы его *индивидуальность* выражалась так, а не иначе как в одном, так и в другом состоянии. В действительности он индивидуален, как и всякое существо, но только бессознательно. Своей более или менее полной идентификацией с каждой данной установкой он обманывает по крайней мере других, а часто и самого себя, относительно того, каков его настоящий характер; он надевает *маску*, о которой он знает, что она соответствует, с одной стороны, его собственным намерениям, с другой — притязаниям и мнениям его среды, причем преобладает то один, то другой момент.

(Душа как персона)

Эту маску, т.е. принятую *ad hoc* установку, я назвал «персоной» — термин, которым обозначалась маска древнего актера. Человека, который отождествляется с такой маской, я называю «личным» в противоположность «индивидуальному».

Обе вышеупомянутые установки представляют две коллективные «личности», которые мы суммарно обозначим одним именем «персоны». Я уже указал выше, что настоящая индивидуальность отлична от них обеих. Итак, персона есть комплекс функций, создавшийся на основах приспособления или необходимого удобства, но отнюдь не тождественный с индивидуальностью. Комплекс функций, составляющий персону, относится исключительно к объектам. Следует достаточно четко отличать отношение индивида к объекту от его отношения к субъекту. Под «субъектом» я разумею прежде всего те неясные, темные побуждения чувства, мысли и ощущения, которые не притекают с наглядностью из непрерывного потока сознательных переживаний, связанных с объектом, но которые всплывают, чаще мешая и задерживая, но иногда и поощряя, из темных внутренних недр, из глубоких дальних областей, лежащих за порогом сознания, и в своей совокупности слагают наше восприятие жизни бессознательного. Бессознательное есть субъект, взятый в качестве «внутреннего» объекта. Подобно тому, как есть отношение к внешнему объекту, внешняя установка, так есть и отношение к внутреннему объекту, внутренняя установка. Понятно, что эта внутренняя установка вследствие ее чрезвычайно интимной и трудно доступной сущности является гораздо менее известным предметом, чем внешняя установка, которую каждый может видеть без всяких затруднений. Однако мне кажется, что получить понятие об этой внутренней установке вовсе не так трудно. Все эти так называемые случайные заторы, причуды, настроения, неясные чувства и отрывки фантазий, подчас нарушающие сосредоточенную работу, а иногда и отдых самого нормального человека, происхождение которых мы рационалистически сводим то к телесным причинам, то к другим поводам, основаны обыкновенно вовсе не на тех причинах, которым их приписывает сознание, а суть восприятия бессознательных процессов. К таким явлениям принадлежат, конечно, и сновидения, которые, как известно, часто сводятся к таким внешним и поверхностным причинам, как расстройство пищеварения, лежание на спине и т.п., хотя такое объяснение никогда не выдерживает более строгой критики. Установка отдельных людей по отношению к этим явлениям бывает самая различная. Один совсем не позволяет своим внутренним процессам влиять на себя, он может, так сказать, совершенно отрешаться от них, другой же в высокой степени подвержен их влиянию; еще при утреннем вставании какая-нибудь фантазия или какое-нибудь противное чувство портят такому человеку на весь день настроение; не-

ясное, неприятное ощущение внушает ему мысль о скрытой болезни, сновидение вызывает у него мрачное предчувствие, хотя он, в общем, вовсе не суеверен. Напротив, другие люди лишь эпизодически подвержены таким бессознательным побуждениям или же только известной их категории. У кого-то они, может быть, и вообще никогда не доходили до сознания в качестве чего-то, о чем можно было бы думать, для другого же они являются темой ежедневных размышлений. Один оценивает их физиологически или же приписывает их поведению своих близких, другой находит в них религиозное откровение.

Эти совершенно различные способы обращаться с побуждениями бессознательного столь же привычны для отдельных индивидов, как и установки по отношению к внешним объектам. Поэтому внутренняя установка соответствует столь же определенному комплексу функций, как и внешняя установка. В тех случаях, когда внутренние психические процессы, по-видимому, совершенно оставляются без внимания, типичная внутренняя установка отсутствует столь же мало, сколь мало отсутствует типичная внешняя установка в тех случаях, когда постоянно оставляется без внимания внешний объект, реальность фактов. В этих последних, далеко не редких случаях персона характеризуется недостатком соотнесенности, связанности, иногда даже слепой неосмотрительности, опрометчивости, склоняющейся лишь перед жестокими ударами судьбы. Нередко именно данные индивиды с ригидной персоной отличаются такой установкой к бессознательным процессам, которая крайне восприимчива к исходящим от них влияниям. Насколько они с внешней стороны неподатливы и недоступны для влияния, настолько же они мягки, вялы и податливы по отношению к их внутренним процессам. Поэтому в таких случаях внутренняя установка соответствует внутренней личности, диаметрально противоположной личности внешней. Я знаю, например, человека беспощадно и слепо разрушившего жизненное счастье своих близких, но прерывающего важную деловую поездку, чтобы насладиться красотой лесной опушки, замеченной им из вагона железной дороги. Такие же или похожие случаи известны, конечно, каждому, так что у меня нет надобности нагромождать примеры.

(Душа как анима)

Повседневный опыт дает нам такое же право говорить о внешней личности, какое он дает нам признавать существование личности внутренней. Внутренняя личность есть тот вид и способ отношения к внутренним психическим процессам, который присущ данному человеку; это есть та внутренняя установка, тот характер, которым он обращен к бессознательному. Внешнюю установку, внешний характер я называю *персоной*; внутреннюю установку, внутреннее лицо я обозначаю словом *анима* или душа.

В той мере, в какой установка привычна, она есть более или менее устойчивый комплекс функций, с которым это может более или менее отождествляться. Наш повседневный язык выражает это весьма наглядно: когда кто-нибудь имеет привычную установку на определенные ситуации, привычный способ действия, то обыкновенно говорят: «он совсем другой, когда делает то или это». Этим вскрывается самостоятельность функционального комплекса при привычной установке: дело обстоит так, как если бы другая личность овладевала индивидом, как если бы в него «вселялся иной дух». Внутренняя установка, душа, требует такой же самостоятельности, которая очень часто соответствует внешней установке. Это один из самых трудных фокусов воспитания — изменить персону, внешнюю установку. Но столь же трудно изменить и душу, потому что обыкновенно ее структура столь же крайне спаяна, как и структура персоны. Подобно тому как персона есть существо, составляющее нередко весь видимый характер человека и, в известных случаях, неизменно сопутствующее ему в течение всей его жизни, так и душа его есть определенно ограниченное существо, имеющее подчас неизменно устойчивый и самостоятельный характер. Поэтому нередко душа прекрасно поддается характеристике и описанию.

Что касается характера души, то, по моему опыту, можно установить общее основоположение, что она в общем и целом *дополняет* внешний характер персоны. Опыт показывает нам, что душа обыкновенно содержит все те общечеловеческие свойства, которых лишена сознательная установка. Тиран, преследуемый тяжелыми снами, мрачными предчувствиями и внутренними страхами, является типичной фигурой. С внешней стороны бесцеремонный, жесткий и недоступный, он внутренне поддается каждой тени, подвержен каждому капризу так, как если бы он был самым несамостоятельным, самым легко определяемым существом. Следовательно, его анима (душа) содержит те общечеловеческие свойства определяемости и слабости, которых совершенно лишена его внешняя установка, его «персона». Если «персона» интеллектуальна, то душа, наверно, сентиментальна. Характер души влияет также и на половой характер, в чем я не раз с несомненностью убеждался. Женщина, в высшей степени женственная, обладает мужественной душой; очень мужественный мужчина имеет женственную душу. Эта противоположность возникает вследствие того что, например, мужчина вовсе не вполне и не во всем мужественней, но обладает и некоторыми женственными чертами. Чем мужественнее его внешняя установка, тем больше из нее вытравлены все женственные черты; поэтому они появляются в его душе. Это обстоятельство объясняет, почему именно очень мужественные мужчины подвержены характерным слабостям: к побуждениям бессознательного они относятся женски податливо и мягко подчиняются их влияниям. И наоборот, именно самые женственные женщины часто оказываются в известных внутренних вопросах неисправимыми, настойчивыми и упрямыми, обнаруживая эти свойства в такой интенсивности, которая встречает-

ся только во внешней установке у мужчин. Эти мужские черты, будучи исключенными из внешней установки у женщины, стали свойствами ее души.

Поэтому, если мы говорим у мужчины об аниме, то у женщины мы, по справедливости, должны были бы говорить об анимусе, чтобы дать женской душе верное имя.

Что касается общечеловеческих свойств, то из характера «персоны» можно вывести характер души. Все, что в норме должно было бы встречаться во внешней установке, но что странным образом в ней отсутствует, находится, несомненно, во внутренней установке. Это основное правило, всегда подтверждающееся в моем опыте. Что же касается индивидуальных свойств, то в этом отношении нельзя делать никаких выводов. Если у мужчины в общем во внешней установке преобладает или, по крайней мере считается идеалом, логика и предметность, то у женщины — чувство. Но в душе оказывается обратное отношение: мужчина внутри чувствует, а женщина — рассуждает. Поэтому мужчина легче впадает в полное отчаяние, тогда как женщина все еще способна утешать и надеяться; поэтому мужчина чаще лишает себя жизни, чем женщина. Насколько легко женщина становится жертвой социальных условий, например в качестве проститутки, настолько мужчина поддается импульсам бессознательного, впадая в алкоголизм и другие пороки. Если кто-нибудь тождествен со своей персоной, то его индивидуальные свойства ассоциированы с душой. Из этой ассоциации возникает символ душевной беременности, часто встречающийся в сновидениях и опирающийся на изначальный образ рождения героя. Дитя, которое должно родиться, обозначает в этом случае индивидуальность, еще не присутствующую в сознании.

Тождество с «персоной» автоматически обуславливает бессознательное тождество с душой, ибо, если субъект, «я» не отличен от «персоны», то он не имеет сознательного отношения к процессам бессознательного. Поэтому он есть не что иное, как эти самые процессы, — он тождествен с ними. Кто сам безусловно сливается со своей внешней ролью, тот неизбежно подпадает под власть внутренних процессов, т.е. при известных обстоятельствах он неизбежно пойдет наперекор своей внешней роли или же доведет ее до абсурда. <...> Это конечно, исключает утверждение индивидуальной линии поведения, и жизнь протекает в неизбежных противоположностях. В этом случае душа всегда бывает проецирована в соответствующий реальный объект, к которому создается отношение почти безусловной зависимости. Все реакции, исходящие от этого объекта, действуют на субъекта непосредственно, изнутри захватывая его. Нередко это принимает форму трагических связей. <...>

63. Эго. Под Эго я понимаю комплекс идей, представлений, составляющий для меня центр поля моего сознания и который, как мне кажется,

обладает в высокой степени непрерывностью и тождественностью (идентичностью) с самим собой. Поэтому я говорю об *Эго-комплексе*¹. Этот комплекс есть настолько же содержание сознания, насколько и условие сознания <...>, ибо психический элемент осознан мной постольку, поскольку он отнесен к *Эго-комплексу*. Однако, поскольку *Эго* есть лишь центр моего поля сознания, оно не тождественно с моей психикой в целом, а является лишь комплексом среди других комплексов. Поэтому я различаю между *Эго* и *самостью* (см.), поскольку *Эго* есть лишь субъект моего сознания, самость же есть субъект всей моей психики, включающей также и ее бессознательное. В этом смысле самость была бы идеальной сущностью (величиной), включающей в себя *Эго*. В бессознательных *фантазиях* самость часто возникает в виде сверхординарной (необычной) или идеальной личности, вроде Фауста у Гете или Заратустры у Ницше. Именно для сохранения идеального образа архаические черты самости изображались иногда как отделенные от «высшей» самости, как, например, Мефистофель у Гете, Эпиметей у Шпиттелера, а в христианской психологии дьявол или Антихрист. У Ницше Заратустра открывает свою тень в «Безобразнейшем человеке». <...>

50. *Самость*². Как эмпирическое понятие, самость обозначает целостный спектр психических явлений у человека. Она выражает единство личности как целого. Но в той степени, в какой целостная личность по причине своей бессознательной составляющей может быть сознательной лишь отчасти, понятие самости является отчасти лишь *потенциально* эмпирическим и до этой степени *постулятивным*. Другими словами, оно включает в себя как «переживаемое» (experienceable), так и «непереживаемое» (inexperienceable) (или еще не пережитое). Эти качества присущи в равной мере многим другим научным понятиям, оказывающимся более именами, нежели идеями. В той степени, в какой психическая целостность, состоящая из сознательных и бессознательных содержаний, оказывается постулятивной, она представляет *трансцендентальное* понятие, поскольку оно предполагает существование бессознательных факторов на эмпирической основе и, таким образом, характеризует некое

¹ См.: Юнг К.Г. Психология dementia praecox (раннего слабоумия) // Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1939. Т. 1. С. 150.

² Данная дефиниция была написана Юнгом для немецкого издания Собрания сочинений и отсутствует в русском издании 1929 г. (Примечание редактора источника.) Любопытно отметить, что определение, данное самости, как «целостного спектра психических явлений у человека» почти идентично определению психического как «тотальности, целостности всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных» (см. *душа*). Здесь может подразумеваться, что каждый индивид посредством психического или благодаря ему в своей потенции представляет самость. Вопрос лишь в том, чтобы «реализовать» эту присущую ему в потенции самость. Но это уже вопрос самой жизни. (Примечание редактора англ. издания.)

бытие, которое может быть описано лишь частично, так как другая часть остается (в любое данное время) неузнанной и беспредельной.

Подобно тому как сознательные и бессознательные явления дают о себе знать практически, при встрече с ними, самость, как психическая целостность, также имеет сознательный и бессознательный аспекты. Эмпирически самость проявляется в сновидениях, мифах, сказках, являя персонажи «сверхординарной личности» (см. *Эго*), такие как король, герой, пророк, спаситель и т.д., или же в форме целостного символа, — круга, квадрата, креста, *квадратуры круга* (*quadratura circuli*) и т.д. Когда самость репрезентирует *complexio oppositorum*, единство противоположностей, она также выступает в виде объединенной дуальности, например в форме *дао*, как взаимодействия *инь* и *ян* или враждующих братьев, или героя и его противника (соперника) (заклятого врага, дракона), Фауста и Мефистофеля и т.д. Поэтому эмпирически самость представлена как игра света и тени, хотя и постигается как целостность и союз, единство, в котором противоположности соединены. Так как такое понятие непредставимо — *третьего не дано* — то самость оказывается трансцендентальной и в этом смысле. Рассуждая логически, здесь мы имели бы дело с пустой спекуляцией, если бы не то обстоятельство, что самость обозначает символы единства, которые оказываются обнаруживаемы эмпирически.

Самость не является философской идеей, поскольку она не утверждает своего собственного существования, т.е. она не гипостазировала самое себя. С интеллектуальной точки зрения это всего лишь рабочая гипотеза. Ее эмпирические символы, с другой стороны, очень часто обладают отчетливой *нуминозностью*, т.е. априорной эмоциональной ценностью, как в случае *мандалы*, пифагорейского *tetraktys*, кватерности и т.д. <...> Таким образом, самость утверждает себя как *архетипическую идею* <...>, отличающуюся от других идей подобного рода тем, что она занимает центральное место благодаря значительности своего содержания и своей нуминозностью.

К. Юнг

[СТРУКТУРА ДУШИ]¹

Для нас важно то, что сознание невозможно представить вне связи с *Эго*. Если нечто не имеет отношения к *Эго*, то оно не является сознательным. Следовательно, сознание можно определить как соотношение психических фактов и *Эго*. А что такое *Эго*? Это сложное образование, которое конституируется, во-первых, общим осознанием собственного тела, собственного существования и, во-вторых, данными памяти — у вас есть некоторое представление о том, что происходило в прошлом, долгая последовательность воспоминаний. Таковы две основные составляющие феномена, именуемого *Эго*. Таким образом, *Эго* можно назвать комплексом психических фактов. Этот комплекс обладает мощнейшим магнетизмом: он притягивает то, что содержится в бессознательном, в этом темном царстве, о котором мы ничего не знаем; он также притягивает впечатления извне, которые, соприкасаясь с *Эго*, становятся фактами сознания (только так: в противном случае их нельзя считать сознательными).

Мне представляется, что *Эго* есть своего рода комплекс, безусловно, самый близкий и дорогой нам. Он всегда в центре нашего внимания и всех наших помыслов; это центр сознания, без которого не обойтись. При разрушении *эго* (например, в случае шизофрении) у индивида исчезает система координат: центр распался, какие-то психические составляющие отныне относятся к одному фрагменту *Эго*, какие-то — к другому. Поэтому у шизофреника наблюдается быстрый переход как бы от одной личности к другой.

В сознании мы можем различить несколько функций. Благодаря им сознание может быть сориентировано либо на эктопсихические, либо на эндопсихические факты. Под эктопсихическим я понимаю отношение между содержаниями сознания и данными, поступающими извне. Это система ориентации, связывающая человека с данными ему посредством

¹ Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1998. С. 17–31, 45–59.

ощущений внешними фактами. С другой стороны, эндопсихика — это система отношений между содержаниями сознания и постулированными выше бессознательными процессами.

Сперва рассмотрим эктопсихические функции. Прежде всего это — *ощущения*¹, функция наших органов чувств (*sense function*). Под ощущением я понимаю то, что французские психологи называют «*la fonction du reel*»², которая составляет совокупность всего осознаваемого мною о внешних факторах, данных мне через функцию моих органов чувств. Ощущение говорит мне, что нечто *есть*, оно не говорит мне, *что* есть это нечто, оно вообще не говорит мне ничего об этом нечто, кроме как то, что оно есть.

Далее мы выделяем функцию *мышления*³. Если послушать философов, то окажется, что мышление — это что-то невообразимо сложное. А вообще-то лучше никогда не спрашивать об этом философа, ибо он единственный, кто не знает, что такое мышление. Всем остальным это хорошо известно. Если вы, например, обратитесь к простому человеку со словами: «Да ты подумай своей головой!» — он прекрасно поймет, чего вы от него хотите. Не поймет один лишь философ. Мышление в своей простейшей форме сообщает нам о том, *что* есть данная вещь. Оно дает имя вещи, прилагает понятие, поскольку мышление означает восприятие и суждение. В немецкой психологии это называется апперцепцией⁴.

Для обозначения третьей функции мы заимствуем из повседневного языка слово «чувство» (*feeling*). Когда я рассуждаю о чувстве, люди обычно приходят в замешательство — на их взгляд, я говорю нечто ужасное. Благодаря тональности чувства мы узнаем о *ценности* вещи. Например, чувство может показать, нравится ли вам данная вещь или нет. Иначе говоря, оно показывает, чего эта вещь для вас *стоит*. Без определенной чувственной реакции невозможно воспринять ни одного явления. У вас всегда есть определенный чувственный настрой, который можно даже обнаружить экспериментальным путем. А сейчас вы услышите о чувствах нечто «ужасное»: чувство, как и мышление, является рациональной функцией. Все мыслящие люди абсолютно убеждены в том, что чувство отнюдь не рациональная функция, но как раз напротив — самая иррациональная. Мой совет: не спешите с выводами — поймите, человек не может быть одинаково совершенным во всех отношениях. Если, например, у человека блестяще развито мышление, о его чувствах подобного не скажешь — невозможно делать два дела одновременно; одно мешает другому. Чувство и мышление мешают друг другу. Поэтому если вы намерены мыслить по-научному или по-философски бесстрастно, то придется отказаться от чувственной шкалы ценностей. Здесь вас не должны заботить

¹ См.: Юнг К.Г. Психологические типы. Опр. 47.

² Досл.: «функция реальности» (франц.). (Примечание редактора источника.)

³ См.: Юнг К.Г. Психологические типы. Опр. 53.

⁴ Ibid. Def. 5.

чувства, иначе вам чего доброго начнет казаться, что размышлять о свободе воли значительно важнее, нежели, к примеру, заниматься классификацией вещей. С точки зрения чувства объекты различаются не только *фактически*, но и *ценностно*. Ценности — неважная подпорка для интеллекта, но все же они существуют и более того — являются важной психологической функцией. Для того, чтобы получить целостную картину мира, необходимо учитывать ценностный аспект. В противном случае вы попадете в беду. Многим людям чувства кажутся иррациональными потому, что они отождествляют их с безрассудством. Поэтому каждый, особенно здесь, в Англии, убежден, что следует контролировать свои чувства. Я вполне допускаю, что это — полезная привычка, меня вообще восхищает эта способность англичан. Однако от чувств никуда не денешься: я, например, видел людей, превосходно контролировавших свои чувства, и тем не менее далеко не безмятежных.

И наконец, о четвертой функции. Ощущение говорит нам о том, что вещь *есть*; мышление — о том, *что* это за вещь, чувство — о том, какова *ценность* этой вещи для нас. Чего тут недостает? Можно было бы думать, что для создания целостной картины мира достаточно знать о том, что нечто *есть*, о том, *что* есть это нечто, и о том, чего оно *стоит*. Однако существует еще одна категория — время. Вещи имеют прошлое и будущее. Они откуда-то приходят и куда-то уходят, и вы не знаете, откуда и куда они идут, но у вас есть то, что американцы называют чутьем (*hunch*). Если, скажем, вы торгуете живописью и антиквариатом, чутье подсказывает вам, что перед вами шедевр, написанный превосходным мастером приблизительно в 1720 г. Или такой пример — вы не знаете, какова будет цена данных акций через некоторое время, но чувствуете, что она возрастет. Это называется *интуицией*: нечто вроде предвосхищения. Бывает так, что вы не знаете, что происходит с пациентом, но у вас, как мы говорим в таких случаях, «есть идея» или «есть ощущение» (повседневный язык пока не выработал достаточно подходящих терминов для этого). Правда, в английском языке все больше употребимо (причем весьма удачно) слово «интуиция», в то время как во многих других языках подобного слова пока нет. Немцы не могут даже лингвистически различить ощущение и чувство. Во французском же языке они различимы; по-французски вы, пожалуй, не сможете сказать, что у вас есть определенное «*sentiment dans l'estomac*»¹, а скажете: «*sensation*»².

В английском языке есть два разных слова для обозначения *ощущения* (*sensation*) и *чувства* (*feeling*), но зато вы легко можете перепутать чувство с *интуицией*. Вследствие этого проводимое мною различение может показаться вам натянутым, но, смею вас заверить, с точки зрения научной практики оно является чрезвычайно важным. Мы обязательно долж-

¹ Досл.: «чувство в животе». (Примечание редактора источника.)

² Досл.: «ощущение». (Примечание редактора источника.)

ны определять, что имеем в виду, когда употребляем тот или иной термин, иначе мы будем говорить на непонятном языке; и психология особенно страдает от этого. Когда в повседневной жизни человек говорит о «чувствах», возможно, порой он подразумевает нечто совсем иное, чем кто-то другой, говорящий о «чувствах». Некоторые психологи, пользующиеся понятием чувства, определяют его как расстройство мыслей. «Чувство есть не что иное, как незавершенная мысль», — таково определение, принадлежащее одному хорошо известному психологу. Однако чувство подлинно, реально, это некая функция, и посему ему соответствует определенное слово. Сознание всегда инстинктивно находит слова для обозначения реально существующих вещей. Лишь психологи изобретают наименования для несуществующих вещей.

Последняя функция — интуиция — представляется весьма таинственной. Про меня самого, как известно, говорят, что я «большой мистик». Да, из таких вещей и состоит мой мистицизм! Интуиция — это функция, с помощью которой можно видеть то, что происходит «за углом», что, собственно говоря, невозможно; но кто-то как будто делает это за вас, и вы ему доверяете. Если жить обычной жизнью в своих четырех стенах, делать рутинную повседневную работу, то интуиция может и не понадобиться. Но оказавшись на бирже или, скажем, где-нибудь в Центральной Африке, вы, наряду со всем другим, вынуждены полагаться на свое чутье. Вы, конечно же, будете не в силах точно рассчитать, кто вас там поджидает в зарослях, т.е. там «за углом», — тигр или носорог, — однако у вас возникает предчувствие, которое, быть может, спасет вам жизнь. Поэтому люди, живущие в естественных условиях, активно пользуются интуицией; точно так же интуиция необходима разного рода первопроходцам, с риском для жизни отправляющимся в неведомые дали. Не обойтись без нее изобретателям и судьям. И оказавшись в неожиданной ситуации, не имея устоявшихся понятий и ценностей, вы тоже будете вынуждены положиться на свой интуитивный дар.

Хоть я и старался как можно обстоятельнее описать эту функцию, мне это, кажется, не удалось. Итак, я утверждаю, что интуиция является особым типом восприятия, идущим не прямо от ощущения, а от бессознательного, — и дальше этого не иду, отдавая себе отчет в том, что «не знаю, как она работает». Мне не известно, что происходит, когда человек знает то, чего он, в принципе, знать не может. Мне не известно, как у него это получается, но факт остается фактом — он знает и может использовать это знание. Существуют пророческие сны, телепатические феномены и много других проявлений интуиции. Я был свидетелем многих явлений подобного рода и убежден в подлинности их существования. Они наблюдаются у примитивных народов. Обнаружить их можно где угодно, принимая во внимание подсознательное восприятие, например, когда ощущение столь слабо, что сознание просто не может его уловить. В случае криптомнезии, например, в один прекрасный момент из мрака бессознательного в сознание вне-

запно вторгается и не дает покоя какое-то слово. Немцы называют это *Einfall*, т.е. нечто такое, что свалилось на голову неведомо откуда. Порой это похоже на откровение. На самом деле интуиция вполне естественна, это совершенно нормальное явление. Она необходима для того, чтобы воссоздать ту реальность, которую мы не способны ни почувствовать, ни помыслить, ни ощутить. Относительно прошлого и будущего можно сказать, что первое уже не реально, а второе еще не реально. Поэтому мы должны быть благодарны небесам за то, что имеем такую функцию, которая проливает свет на то, что скрывается «за углом». Врачам, которых профессиональный долг нередко ставит перед совсем неожиданной ситуацией, тоже никак не обойтись без интуиции. Своим верным диагнозом мы нередко бываем обязаны этой «мистической» функции.

Обычно психологические функции контролируются волей, по крайней мере, нам хотелось бы, чтобы это было так, поскольку нас страшит все, что совершается произвольно. Если функции под контролем, их можно подавлять, подвергать отбору, усиливать, исходя из своих намерений или интенций, как это принято называть. Однако порой они все же выходят из-под контроля — думают за нас, чувствуют за нас, — да так, что чаще всего мы ничего не можем с этим поделать. Или же они вообще действуют на бессознательном уровне, а вы не подозреваете, что они натворили, хотя не исключено, что когда-нибудь вы еще столкнетесь с плодами этих бессознательных переживаний. Когда-нибудь вам скажут, что вы якобы были очень озлоблены или возмущены и потому, дескать, вели себя так-то и так. Вам, пожалуй, и невдомек, что вас обуревали все эти чувства, но тем не менее, скорее всего, так оно и было. Таким психологическим функциям, как чувство, присуща своя специфическая энергия. Вы не можете просто избавиться ни от чувства, ни от мысли, ни от какой бы то ни было другой из описанных функций. Никто не в состоянии сказать: «Я не буду думать», — ибо думать все равно придется. Точно так же никто не вправе сказать: «Я не буду испытывать чувства» — чувствовать так или иначе придется по той причине, что специфическая энергия, присущая в данном случае чувству, не может быть передана другой функции души.

Бесспорно, имеются приоритеты. Люди с развитым сознанием предпочитают думать, они приспособляются к реальности посредством мыслей. Другие — те, у кого лучше развита функция чувств, — весьма общительны и ценностно ориентированы; к тому же они подлинные артисты, создающие специфический чувственный настрой и в нем живущие. Люди с чутким восприятием внешней реальности опираются главным образом на свои ощущения. Под влиянием доминирующей функции складывается индивидуальный психологический тип. Если, например, человек пользуется преимущественно интеллектом, мы можем безошибочно судить о том, к какому типу он относится; отсюда же можно сделать вывод о состоянии его чувств. Когда мышление является высшей или доминирующей функцией,

чувство неизбежно играет подчиненную роль¹. Это правило верно и в отношении остальных трех функций. Чтобы вам стало все понятно, я приведу диаграмму.

Схематически это можно изобразить как своего рода скрещение функций (рис. 1). В центре находится *Эго* (Э) с присущей ему энергией, это — энергия воли. В случае мыслительного типа воля может быть направлена в сторону мышления (М). Подчиненную (или низшую) функцию — чувство (Ч) — мы помещаем строго под ним. Это проистекает из того факта, что, думая, мы должны исключить всякие чувства, и наоборот — чувства исключают мышление. Если вы думаете, забудьте о чувствах и ценностях, ибо больше всего наше мышление страдает от чувств. И наоборот, те, кто руководствуется чувствами, пренебрегают разумными доводами, что вполне понятно: эти функции противоречат друг другу. Порой люди уверяют меня, что у них одинаково развиты как мышление, так и чувство, но я не считаю это возможным: ни у одного человека противоположные функции не могут быть одинаково совершенными.

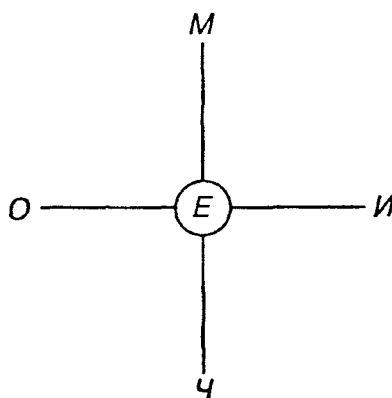

Рис. 1. Функции

То же самое происходит в случае с парой *ощущение* (О) — *интуиция* (И). Каково их взаимодействие? Невозможно воспринимать физические факты и одновременно «заглядывать за угол». Наблюдая за человеком в момент действия функции ощущения, вы можете увидеть, что зрачки его глаз сужены, взгляд сосредоточен на определенной точке. Наблюдая же за выражением лица и глазами человека интуитивного типа, вы обнаружите, что взгляд его, рассеянный подобно лучам света, скользит по поверхности вещей, ни на чем не сосредоточиваясь, чтоб охватить все вокруг в его полноте, и среди множества воспринимаемых вещей где-

¹ См.: Юнг К.Г. Психологические типы. Опр. 30.

то на периферии своего поля зрения человек замечает нечто; это и есть *чутье*. Часто уже по глазам можно определить, принадлежит человек к интуитивному типу или нет. Человек интуитивного склада обычно пренебрегает деталями. Он всегда пытается охватить ситуацию целиком, и тогда что-то неожиданно обнаруживает себя, вырываясь из этой целостности. Если же вы принадлежите к сенсорному типу, вы воспринимаете факты такими, каковы они есть, но при этом у вас уже нет никаких интуиций, хотя бы потому, что невозможно делать два дела одновременно. Действие одной функции исключает действие другой. Поэтому я расположил их друг напротив друга.

Благодаря этой простой схеме можно сделать множество важных заключений относительно структуры сознания конкретного индивида. Если, например, его мышление высоко дифференцировано, то чувства обязательно будут недифференцированными. Не означает ли это, что у людей такого типа вообще нет чувств? Напротив, они говорят, что их чувства очень сильны, что они буквально переполнены эмоциями. Действительно, эти люди находятся под влиянием собственных эмоций, чувства буквально захлестывают их. Весьма показательным с этой точки зрения было бы, например, изучение частной жизни какого-нибудь профессора. Если вы хотите узнать, как интеллектual ведет себя дома, спросите об этом его жену, и, уверяю вас, услышите пренеожиданнейший рассказ.

У человека с доминантой функции чувств все наоборот. В нормальном состоянии он не позволяет мыслям нарушать свой покой, но в случае каких-либо нарушений или невроза его начинают преследовать мысли; какая-то мысль становится навязчивой, и порой от нее уже невозможно избавиться. Обычно это — славный малый, но с нелепыми фантазиями и с невысоким уровнем мышления. Им овладевают мысли, опутывая его; он не в силах освободиться, поскольку рассуждения ему не даются в силу неповоротливости его ума. Но и какой-нибудь интеллектual, когда им владеют чувства, мог бы сказать: «С моими чувствами — то же самое», и против этого любые аргументы бессильны. Ему нет спасения, пока он, образно говоря, полностью не перекипит в своих эмоциях. Такого человека невозможно урезонить в его чувствах, а если б и можно было, для него это обернулось бы ущербностью.

Аналогично дело обстоит с сенсорным и интуитивным типами. Люди интуитивного склада всегда не в ладу с реальностью: реальные жизненные возможности всегда проходят мимо них. Это люди, которые едва засеяв одно поле и не дождавшись урожая, уже спешат засеять другое. Они все время пахут и пахут и никак не могут остановиться — на горизонте все время появляются новые возможности, ни одна из которых, в конечном счете, не реализуется. Напротив, сенсорный тип пребывает в согласии с вещами, он всегда остается в пределах налично данного. Для него истинны лишь реальные вещи. А что значит реальность для интуитивного типа? Это что-то неистинное; этого быть не должно —

должно быть нечто совсем иное. У сенсорного типа все по-другому: утрата ощущения реальности ввергает его в уныние; ему жизненно необходимо ощущение окружающих его четырех стен. Однако заприте в этих четырех стенах представителя интуитивного типа, и его единственным желанием будет поскорее вырваться оттуда, ибо для него конкретная ситуация — это самая настоящая темница, за стенами которой открывается мир новых возможностей.

Это различие играет огромную роль в практической психологии. Не думайте, однако, что я просто распределяю людей по рубрикам: это «интуитивный тип», а это — «мыслительный». Меня часто спрашивают: «Не является ли такой-то представителем мыслительного типа?» Я отвечаю, что никогда не думал об этом. Нет нужды раскладывать всех и вся по полочкам, навешивая соответствующие ярлыки. Но для классификации обильного эмпирического материала определенные критерии, которые приносят порядок, все же совершенно необходимы. Надеюсь, я не преувеличиваю их значение, но для меня это упорядочение опыта весьма важно, особенно если имеешь дело с человеком, обеспокоенным чем-то, расстроенным, или же когда необходимо объяснить его поведение кому-то другому. Так, например, чтоб объяснить поведение жены ее мужу (или наоборот), никак не обойтись без подобных объективных критериев, иначе все ваши разъяснения останутся на уровне «он сказал — она сказала».

Как правило, подчиненная функция не обладает теми качествами, которые присущи сознательной дифференцированной функции. Последняя обычно управляется интенцией и волей. Если вы действительно относитесь к мыслительному типу, то можете сознательно управлять своим мышлением. Вы контролируете ход мысли, думаете о чем вам угодно, и уж во всяком случае вы не являетесь рабом своих мыслей. Человеку этого типа легко сказать: «Я могу думать и по-другому, даже противоположным образом». Люди с доминирующей функцией чувств на это не способны — им не дано распоряжаться собственными мыслями. Мысли распоряжаются ими. Зачарованные мыслью, люди этого типа трепещут перед этой грозной силой. Мыслительный же тип опасается быть охваченным порывом чувств, ибо его чувства носят архаический характер. В области чувств он, подобно архаическому человеку, лишь беспомощная жертва собственных эмоций. Почему первобытный человек столь «вежлив» в общении со своими соплеменниками? Да потому, что ему хорошо известно, к каким непоправимым последствиям может привести пробуждение чувств. Этим объясняются и многие из наших обычаев. Например, в момент рукопожатия не принято держать руку в кармане или за спиной, чтоб было видно, что там не спрятано оружие. Восточное приветствие в виде поклона с протянутыми вперед ладонями означает: «В моих руках ничего нет». Кланяясь кому-то, вы опускаете голову к его ногам, и он видит, что вы абсолютно беззащитны и полностью ему доверяете. Изучая символику поведения примитивных наро-

дов, мы можем понять, что пугает человека в другом. Точно так же нас пугают наши собственные низшие функции. Если взять, к примеру, типичного интеллектуала, жутко боящегося влюбиться, его страх может показаться дурацким предрассудком. Но скорее всего он прав, поскольку, влюбившись, он непременно наделает массу глупостей. Для него это ловушка, ибо его чувства открыты только для женщин архаического типа — «опасных» женщин. Вот почему многие интеллектуалы склонны вступать в брак с женщинами, явно уступающими им в развитии. Обычно, вследствие рокового неведения относительно природы собственных чувств, они попадают во власть горничных и кухарок. Их страх и бездеятельность носят совершенно обоснованный характер: их интеллект неуязвим, но в области чувств они зависимы и управляемы. Их чувства легко обмануть, ими, в отличие от мыслей, можно манипулировать. И все это они сами прекрасно знают. Поэтому никогда не толкайте интеллектуала в омут чувств, ибо он должен держать эту опаснейшую для себя силу под неусыпным контролем.

Это правило распространяется на все функции. Подчиненная функция всегда соответствует архаической части нашей личности; в своей подчиненной функции мы всегда остаемся первобытными людьми. С другой стороны, мы цивилизованны в своей дифференцированной функции. В пределах последней мы обладаем свободой воли, а в рамках подчиненной функции ни о какой свободе не может быть и речи. Это наша открытая рана, или, по крайней мере, открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все что угодно.

Теперь переходим к эндопсихическим функциям сознания. Функции, о которых я уже рассказывал, способствуют сознательной ориентации во внешнем мире, однако они неприменимы в отношении вещей, которые скрывает под собой Эго. Эго — всего лишь тонкая пленка сознания на поверхности целого океана таинственных процессов, происходящих внутри. Там внутри — тот слой психических феноменов, которые формируют сознательное обрамление Эго. Я проиллюстрирую эту мысль диаграммой (рис. 2).

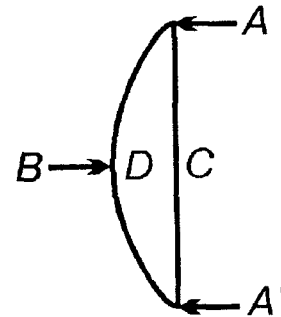

Рис. 2. Эго

Если предположить, что линия AA' является порогом сознания, тогда в зоне D мы имеем ту часть сознания, которая относится к эктопсихическому миру В — миру, управляемому рассмотренными выше функциями. Но по другую сторону — в зоне С — находится *теневого мир*. Здесь Эго окутано тьмой, мы не можем в него заглянуть и сами для себя остаемся загадкой. Мы знаем Эго лишь в зоне D, но совершенно не знаем, каково оно в зоне С. По этой причине мы постоянно узнаем о себе что-то новое. Год за годом нам открывается нечто такое, чего мы раньше не знали. Нам всякий раз кажется, что вот те-

перь-то нашим открытиям наступил конец, но этого никогда не будет. Мы продолжаем обнаруживать в себе то одно, то другое, порой переживая потрясения. Это говорит о том, что всегда остается часть нашей личности, которая по-прежнему бессознательна, которая по-прежнему находится в становлении. Мы не завершены; мы растем и изменяемся. Хотя та будущая личность, которой мы будем когда-то, уже присутствует в нас, просто она пока что скрывается в тени. *Эго* подобно бегущему кадру в фильме. Будущая личность еще не видна, но мы движемся вперед, где вот-вот начнут вырисовываться ее очертания. Таковы потенциалы темной стороны *Эго*. Мы знаем, какими мы были, но не знаем какими станем!

Таким образом, *первой* эндопсихической функцией будет *память*. Функция памяти (или репродукции) связывает нас с тем, что ушло из сознания, с подсознательным, с тем, что вытесняется либо подавляется. Такую способность воспроизводить бессознательные содержания мы называем памятью. Это первая функция, которую мы можем ясно различить во взаимодействии сознания с теми содержаниями, что в данный момент находятся вне поля зрения.

Со *второй* эндопсихической функцией дело обстоит сложнее. Здесь мы погружаемся в глубокий мрак. Сперва я дам название: *субъективные компоненты сознательных функций*. Сейчас, я надеюсь, вы все поймете. Например, встретив человека, которого вы никогда раньше не видели, вы, естественно, что-то о нем подумаете. Но вы не всегда рискнете высказать это; вполне возможно, что ваше мнение неверно и ничего общего не имеет с этим человеком. Это как раз и есть субъективная реакция. Подобную реакцию вызывает и та или иная вещь либо ситуация в целом. Независимо от объекта, сознательная функция всегда сопровождается более или менее неадекватной субъективной реакцией. Нам до боли знакомы эти явления, но никому не хочется признавать себя настолько субъективным. Мы предпочитаем не думать об этом: уж слишком хочется считать себя абсолютно безупречным, вполне откровенным, честным и прямодушным, ну разве что «слишком мягким» — да вы не хуже меня знаете все эти фразы. Однако на самом-то деле все не так. У каждого бывают какие-то субъективные реакции, просто в этом неловко признаться. Я называю эти реакции субъективными компонентами. Они составляют один из важнейших элементов наших взаимоотношений с собственным внутренним миром. Здесь мы становимся болезненно чувствительными. Мы боимся проникновения в этот теневой мир *Эго*. Нам неприятно видеть свою оборотную сторону, и в силу этого в нашем цивилизованном обществе можно встретить немало людей, начисто лишенных тени, навсегда утративших связь с нею. Это двухмерные люди, лишенные третьего измерения — телесности. Тело — наш самый ненадежный компаньон, постоянно преподносящий нам неприятные сюрпризы; о многих связанных с ним вещах не принято даже упоминать. Тело чаще всего выступает воплощением теневой стороны *Эго*. Порой это при-

нимает форму личной или же семейной тайны, от которой, естественно, всякий жаждет избавиться. Думаю, что теперь более или менее понятно, что я подразумеваю под субъективными компонентами. Это свойственная нам склонность реагировать определенным образом, причем далеко не всегда признаваемая.

Из этого правила есть одно исключение: люди, которые, в отличие от большинства из нас, живут «на оборотной стороне». У нас в Швейцарии таких людей называют «злосчастливыми птичками», *Pechvogel*¹. Вечно у них неприятности, во всем у них разлад. Причина всех их злосключений в том, что они живут *тенью*, поставив под сомнение самого себя. В очередной раз опоздав на концерт или на лекцию, такой человек, боясь кого-то побеспокоить, пытается бесшумно войти в зал хотя бы в самом конце, но обязательно задевает при этом стул, вызывая ужасный шум и, естественно, привлекая к себе всеобщее внимание. Таков уж он, этот *Pechvogel*.

Теперь займемся третьим эндопсихическим компонентом (функцией его не назовешь). В случае с памятью мы еще можем говорить о функции, хотя на самом деле и память лишь в известной степени является функцией, подвластной волевому или сознательному контролю. Часто она преподносит нам сюрпризы, подобно строптивому коню, которого нелегко оседлать. Нередко она отказывает самым нелепым образом. В еще большей мере сказанное относится к субъективным компонентам и реакциям. Но совсем неважно обстоит дело с *эмоциями* и *аффектами*. Это, очевидно, уже не функции, а события: при эмоциях нас буквально заносит, ваше послушное приличиям *Эго* устраняется, и ваше место занимает некто иной. В таких случаях мы говорим: «он вне себя», «беспутал» или «что на него нашло?», ибо такой человек выглядит одержимым. У примитивных народов нет таких выражений, как: «он безмерно зол»; вместо этого говорят, что в человека «вселился демон и все в нем перевернул». Нечто подобное происходит с эмоциями; человек становится одержимым, он уже сам не свой, контроль над собой снижается до нулевой отметки. Это состояние, при котором человеком овладевает то, что у него внутри, и он не в силах ему противостоять. Он может сжать кулаки, сцепить зубы, но тем не менее он уже не принадлежит себе.

Четвертый эндопсихический фактор я называю *инвазией* (*invasion*)². Здесь безраздельно господствует теневая, бессознательная сторона психики, способная влиять и на сознательные процессы. Сознательный контроль в этом случае достигает своего нижнего предела. Однако совершенно не обязательно относить такие состояния к разряду патологических. Они являются таковыми лишь в старом смысле слова, когда патологией³ называли науку о страстях. В этом смысле их действительно можно назвать

¹ Неудачник (нем. идиома). (Примечание редактора источника.)

² Вторжение, нашествие (англ.). (Примечание редактора источника.)

³ От греч. *pathos* – страсть. (Примечание редактора источника.)

патологическими, но по сути это просто экстраординарные состояния, в которых от охваченного бессознательным здорового человека можно ожидать чего угодно. Разум ведь можно терять и более или менее нормальным образом. Например, мы не в праве считать некоторые хорошо знакомые нашим предкам состояния патологическими по той причине, что они не устраивают нас. С их точки зрения, они были совершенно нормальными. Они думали, что в таких случаях в человека вселяется дьявол или злой дух, или же наоборот — из него уходит душа (точнее, одна из его душ, число которых может доходить до шести). Расставаясь с душой, человек становится совсем другим, он как бы теряет себя. Подобные вещи часто происходят с невротиками. Время от времени или в четко определенные дни их внезапно покидают силы, они просто не владеют собой, пребывая под необъяснимым воздействием. Сами по себе такие процессы не являются патологическими; они принадлежат к нормальной феноменологии человека, однако когда они приобретают привычный и повторяющийся характер, это вполне справедливо называется неврозом. Именно это ведет к неврозу; с нормальными же людьми такое бывает лишь в исключительных случаях. Быть охваченным эмоциями — еще не патология, а просто нежелательное состояние. Нет смысла называть патологией то, что по той или иной причине для нас нежелательно. На свете есть много всяких неприятных вещей — взять хотя бы налоги, — которые только за это еще нельзя считать патологией. <...>

Сегодня я намереваюсь завершить рассмотрение структуры человеческой души. Обсуждение данной проблемы было бы неполным без учета существования бессознательных процессов. Но сперва позвольте мне кратко повторить мои вчерашние рассуждения.

Нам не дано иметь дело с самими бессознательными процессами — они недостижимы. Их невозможно постичь непосредственно, ибо они являются нам лишь в своих продуктах; исходя из своеобразия последних, мы постулируем необходимость наличия чего-то такого, что стоит за ними и из чего они возникают. Эту темную сферу мы называем бессознательной *psyche*¹.

¹ С переводом термина «*psyche*» (в английском и немецком языках его написание идентично) в отечественном юнговедении царит путаница. Имеются следующие варианты его передачи на русском языке: *псюхе* (В.Бакусов), *психея* (С.Аверинцев), *психе* (Е.Мелетинский), *психика* (А.Руткевич). Ситуацию усложняет также и тот факт, что С.С.Аверинцев в одних местах переводит «*psyche*» как «*психею*», а в других — как «*душу*» (см. его перевод фрагмента из работы Юнга «К пониманию психологии архетипа младенца» в сб. «Самосознание европейской культуры XX века». М., 1991 С.119–124). Ему же принадлежит и попытка разобраться со значением данного понятия. ««Психея» (*Psyche*), — пишет он в примечаниях к упомянутой работе (*там же*, с. 126), — в словоупотреблении Юнга особый термин, не тождественный термину «душа», хотя этимологически он представляет собой латинское транскрибирование греческого *psukhe* — душа. По Юнгу, душа есть «ограниченный функциональный комплекс», строго организованный вокруг «я»; *психея* же вмещает в себя полноту всех психических процессов, регистрируемых при наблюдении данного индивида, включая проявления коллективного бессознательного и вообще все эти прорывы вневличной стихии в его личность. Поэтому душа — часть, *психея* —

Эктопсихические содержания сознания имеют, главным образом, происхождение во внешнем мире, они базируются на данных органов чувств. Однако некоторые содержания поступают также из иных источников: из памяти, из суждений. Тогда они относятся к эндопсихической сфере. Третьим источником содержаний сознания является темная сфера души — бессознательное. Мы соприкасаемся с ним благодаря специфическим особенностям эндопсихических функций — функций, которые не контролируются волей. Они служат проводниками, позволяющими бессознательным содержаниям достичь поверхности сознания.

Итак, бессознательные процессы недоступны непосредственному наблюдению; однако их продукты, пересекающие порог сознания, можно подразделить на два класса. К первому принадлежит осознаваемый материал, имеющий явно индивидуальное происхождение; содержания подобного рода являются индивидуальным достоянием или же продуктами инстинктивных процессов, конституирующих личность в целом. Кроме того, имеются забытые или вытесненные содержания, а также содержания творческого характера. В них нет ничего особенного. У иного человека они могут даже приобретать сознательный характер. Некоторые люди способны осознавать то, чего не осознают другие. Я называю этот класс содержаний подсознанием или *индивидуальным бессознательным*, ибо он, насколько мы можем судить, состоит исключительно из индивидуальных элементов — тех, которые конституируют человеческую личность в целом.

Существует также другой класс, к которому принадлежат содержания практически неизвестного происхождения; понятно лишь, что они ни в коем случае не могут быть занесены в разряд индивидуально приобретенного. У этих содержаний есть одна удивительная особенность — их мифологический характер. Они как бы принадлежат строю души, свойственному не какой-то отдельной личности, а *человечеству вообще*. Впервые столкнувшись с подобными содержаниями, я задумался о том, не могут ли они быть унаследованными, и предположил, что их можно объяснить расовой наследственностью. Для того чтобы во всем этом разобраться, я отправился в Соединенные Штаты, где, изучая сны чистокровных негров, имел возможность убедиться в том, что эти образы не имеют никакого отношения к так называемой кровной или расовой наследственности, равно как и не являются продуктами личного опыта

целое». Как ни привлекателен выход, предложенный С.С.Аверинцевым, воспользоваться им нам не представляется возможным: во-первых, контекст, в котором слово «psyche» появляется в «Тэвистокских лекциях», не так однозначен, а во-вторых, аверинцевский вариант перевода (психея) носит несколько искусственный характер. То же самое можно сказать о словах «псюхе» и «психе». С другой стороны, переводя «psyche» как «психику» или «душу», мы бы пошли наперекор самому Юнгу, видимо, не случайно использовавшему помимо привычных «mentality», «mind», «soul» еще и «psyche». См. также комментарий в кн.: Юнг К.Г. Психология и алхимия. К.; М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997. С. 476 (прим. 2). (Примечание редактора источника.)

индивида. Они принадлежат человечеству в целом и поэтому имеют *коллективную природу*.

Воспользовавшись выражением св.Августина, я назвал эти коллективные праформы архетипами¹. «Архетип» означает: *typos (отпечаток), определенное образование архаического характера, содержащее, как по форме, так и по смыслу, мифологические мотивы. В чистом виде последние присутствуют в сказках, мифах, легендах, в фольклоре. Вот некоторые из хорошо известных мотивов: образы Героя, Спасителя, Дракона (образ, всегда связанный с образом Героя, который призван победить Дракона), Кита или Чудовища, проглатывающего Героя*². Вариацией мотива Героя и Дракона является катабазис — спуск в пещеру (в Некию). Вы помните, как в «Одиссее» Улисс спускается *ad inferos*³, чтобы испросить совета у ясновидящего Тиресия. Мотив Некии постоянно встречается в древних культурах и распространен практически повсеместно. Он выражает психологический механизм интроверсии сознательной части души в более глубокие слои бессознательной *psyche*. Из этих слоев и возникают содержания, носящие надличностный, мифологический характер — другими словами, архетипы, которые вследствие этого я называю *внеличностными* или *коллективным бессознательным*.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что могу дать вам сейчас лишь самый приблизительный очерк проблемы коллективного бессознательного. Однако я приведу вам пример коллективно-бессознательного символизма и покажу, что я делаю для того, чтобы отличить его от индивидуального. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательное чернокожих, меня интересовала конкретная проблема: являются ли коллективные праобразы предметом расовой наследственности, или же это «априорные категории воображения», как их совершенно независимо от меня называли два француза — Юбер и Мосс⁴. Один чернокожий рассказал мне свой сон, в котором среди действующих лиц был человек, распятый на колесе⁵. Нет смысла пересказывать весь сон; конечно же, наряду с аллюзиями на внеличностные идеи, в нем содержались и сугубо личные значения; я остановлюсь лишь на одном моменте. Это был весьма малообразованный чернокожий с юга, без намеков на особый интеллект. Учитывая общеизвестную религиозность негров, можно было с наибольшей вероятностью предположить, что он увидит во сне человека, распятого на *кресте*. Крест был бы частью его личного опыта. И, наоборот, было совершенно невероятно, что ему приснится человек, распятый на *колесе*. Это — довольно необычный образ. Я, разумеется, не могу полно-

¹ См.: Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious// C.W. Vol.9 (1. Par. 5).

² См.: Jung C.G. Symbols of Transformation// C.W. Vol. 5 (ind).

³ Подземное царство (лат.). (Примечание редактора источника.)

⁴ См.: Hubert H., Mauss M. Melanges d'histoire des religions. P. XXIX.

⁵ См.: Jung C.G. Symbols of Transformation (Par. 154).

стью исключить возможности того, что по какому-то чудесному стечению обстоятельств, прежде чем ему это приснилось во сне, он мог где-то увидеть такую картинку или услышать о чем-то подобном; если же он не имел какой-либо наглядной модели для своего представления, то речь идет об *архетипическом образе*, ибо распятие на колесе является *мифологическим мотивом*. Это древнее Колесо-солнце, распятие на котором считалось жертвой, с помощью каковой предполагалось умиротворить солнечного бога, точно так же, как прежде принесение в жертву людей и животных должно было обеспечить плодородие земли. Идея Солнечного колеса крайне стара, быть может, это древнейшая из всех религиозных идей. Как свидетельствуют памятники, найденные в Родезии, мы можем проследить ее вплоть до мезолитической и палеолитической эпох. Следует учесть, что настоящее колесо было изобретено лишь в Бронзовом веке, а в эпоху палеолита такого инструмента у людей еще не было. Видимо, родезийское Солнечное колесо относится к тому же периоду истории, что и предельно натуралистические рисунки животных — такие шедевры наблюдательности, как, например, знаменитое изображение носорога с птицами-клещедами. Таким образом, Колесо-солнце, найденное в Родезии, было в свое время оригинальным прозрением, предположительно, архетипическим праобразом¹.

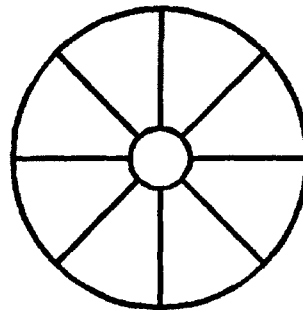

Рис. 3. Колесо-солнце

Образ колеса, однако, не натуралистичен: оно всегда строго разделено на восемь секторов (рис. 3). Такой символ — рассеченный круг — встречается на протяжении всей истории человечества, равно как и в снах современных людей. Можно предположить, что изобретение настоящего колеса началось с появления такого видения. Многие наши изобретения выросли из мифологического предвосхищения и первобытных образов. Например, из искусства алхимии родилась современная химия. Наш сознательный научный разум берет свое начало в матрице бессознательного.

Сон того чернокожего о человеке, распятом на колесе, представляет собой повторение греческого мифологического мотива Иксиона, в наказание за оскорбление богов и людей привязанного Зевсом к беспрерыв-

¹ См.: Jung C.G. Psychology and Literature // C.W. Vol. 25 (par. 150). Русск.перевод: Психология и поэтическое творчество // Собр.соч. М., 1992. Т. 15. С. 138; Jung C.G. Psychology and Religion (Par. 100); Jung C.G. Brother Klaus // C.W. Vol. 11 (Par. 484). Данные о родезийском Солнечном колесе не документированы, но подобные формы, высеченные на камне, были обнаружены в Анголе и в Южной Африке (Willcox. The Rock Art of South Africa. Fig. 23). Время их создания остается под вопросом. Что же касается «носорога с птицами-клещедами», это изображение происходит из Трансвааля и сейчас хранится в музее в Претории. Он был обнаружен в 1928 г., по этому поводу имеется множество публикаций.

но вертящемся колесу. Я привел вам этот пример с мифологическим мотивом в сновидении просто для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, безусловно, ничего не доказывает. Но вряд ли кто-то сможет предположить, что этот чернокожий изучал греческую мифологию, и весьма маловероятно, чтобы ему довелось видеть какие-либо изображения греческих мифологических сюжетов. Кроме того, изображения Иксиона достаточно редки.

Я мог бы привести детально разработанную и убедительную аргументацию в пользу существования в бессознательном этих мифологических праформ. Но чтобы предоставить вам имеющийся у меня материал, мне пришлось бы прочитать двухнедельный курс лекций. Сперва я должен был бы объяснить вам значение снов и их серий, затем привести соответствующие исторические параллели, полностью разъяснив всю важность последних, — поскольку символизм этих образов не изучается ни в школах, ни в университетах, и в этой области редко бывают осведомлены даже специалисты. Мне пришлось годами изучать все это, самостоятельно изыскивая материал, и я не могу рассчитывать на то, чтобы пусть даже самая высокообразованная аудитория была *au courant*¹ столь неясных материй. Когда мы подойдем к технике анализа сновидений, я вынужден буду хотя бы отчасти углубиться в этот мифологический материал, а вы сможете получить подлинное представление о подобной работе по отысканию параллелей тем или иным продуктам бессознательного. Пока что я просто вынужден ограничиться утверждением о том, что в этом слое бессознательного имеются мифологические праформы и что в нем продуцируются содержания, которые не могут быть приписаны деятельности индивида и даже порой находятся в прямом противоречии с индивидуальной психологией сновидца. Вы, например, будете сильно поражены, узнав, что совершенно не образованный человек пережил во сне то, что никак не могло бы с ним произойти наяву — настолько непостижимым может быть содержание его сна. Аналогично и детские сны; нередко они наводят на такие мысли, что без дополнительного выходного вам не оправиться от пережитого потрясения; их символика ошеломляюще глубока, что заставляет задуматься о том, как вообще возможно, чтобы дети видели подобные сны.

На самом же деле объясняется это довольно просто. Так же, как и тело, наша душа имеет собственную историю. Можно было бы, к примеру, с таким же основанием удивляться тому факту, что у человека есть аппендикс. Кто знает о том, что у него должен быть аппендикс? Человек просто рождается с ним. Миллионы людей не знают, что у них есть щитовидная железа, но тем не менее она у них есть. Они не знают, что некоторые части их анатомии соответствуют классу рыб, но это так. Так же, как и тело, наше бессознательное является хранилищем реликтовых

¹ В курсе (франц.). (Примечание редактора источника.)

остатков и воспоминаний о прошлом. Исследования структуры коллективного бессознательного ведут к таким же открытиям, что и занятия сравнительной анатомией. Не спешите думать, что тут пахнет мистикой. Почему-то стоит мне только заговорить о коллективном бессознательном, как меня тут же обвиняют в обскурантизме. В коллективном бессознательном нет ничего мистического. Это просто новая отрасль науки; допущение существования бессознательных коллективных процессов вполне согласуется с нормами здравого смысла. Дело в том, что хотя ребенок не рождается сознательным, его душа в то же время не является *tabula rasa*¹. Ребенок рождается с определенно устроенным мозгом и, например, мозг английского ребенка будет работать именно в том ключе, в котором необходимо работать мозгу современного англичанина, а не австралийского аборигена. Мозг новорожденного имеет завершенную структуру, ему предстоит работать в соответствии с требованиями современности. Однако мозг этот историчен. Он формировался на протяжении миллионов лет и отражает всю ту историю, результатом которой сам и является. Естественно, он несет на себе следы этой истории — точно так же, как и тело. Если мы нащупаем фундаментальную структуру души, то обязательно обнаружим в ней следы ее архаического устройства.

Идея коллективного бессознательного на самом деле очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде, но я занимаюсь вовсе не чудесами. Я просто следую данным опыта. Если бы я мог поделиться с вами своим опытом, вы пришли бы к тем же выводам относительно таких архаических мотивов. По счастливому стечению обстоятельств я был знаком с мифологией и, пожалуй, прочитал на эту тему книг больше, чем кто-либо из здесь присутствующих. Но я не всегда был специалистом по мифологии. В один прекрасный день, еще будучи в клинике, я услышал от одного пациента, страдавшего шизофренией, рассказ о посетившем его видении. Он хотел, чтобы я тоже увидел его, но я был лишен способности вообразить подобное. Я рассуждал следующим образом: «Этот человек сумасшедший, а я здоров, следовательно, его видение не должно беспокоить меня». И все же оно меня как-то заинтересовало. Я спросил себя: «Что оно означает?» Меня уже не могло удовлетворить стремление объяснять подобные явления исключительно фактом сумасшествия, и тут как раз мне попалась книга немецкого ученого Дитериха, в которой были опубликованы фрагменты магического папируса². Я читал ее с огромным интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего сумасшедшего, все совпадало буквально «слово в слово». Я был потрясен и сказал себе: «Как могло оказаться возможным, чтобы подобному человеку такое привиделось?» Речь не просто об отдельном образе, а о совпадении целой последовательности образов. Сей-

¹ Чистая доска (лат.). (Примечание редактора источника.)

² См.: Dieterich A. Eine Mithrasliturgie.

час я не хочу вдаваться в подробности, ибо это может увести нас слишком далеко. Но случай представлял большой интерес, и я специально писал о нем¹.

Это поразительное совпадение и послужило для меня импульсом. Вы, вероятно, не знакомы с книгой упомянутого профессора Дитериха. Однако случись вам читать те же книги, что и мне, и наблюдать те же случаи, вы и сами пришли бы к идее коллективного бессознательного.

Самая большая глубина, какой мы можем достичь в ходе исследования бессознательного, — это тот слой души, в котором человек перестает быть отдельным индивидом и его душа сливается с душой человечества — душой не сознательной, а бессознательной, где мы все одинаковы. Подобно тому как всем телам присуще анатомическое сходство — у всех людей есть пара глаз, пара ушей, сердце и т.д. лишь с незначительными индивидуальными отличиями, точно так же и души сходны в своей основе. На этом коллективном уровне мы уже не отдельные индивиды, тут мы все едины. Это можно понять, занимаясь психологией первобытных племен. У них отсутствует различие между индивидами, субъект и объект для них едины. Эту поразительную черту первобытной ментальности Леви-Брюль назвал «мистическим сопричастием»². Первобытное мышление является выражением фундаментальной структуры души, того психического слоя, который у нас представлен коллективным бессознательным — единой для всех подосновой. Поскольку фундаментальная структура души у всех одна и та же, опыт, возникающий на этом уровне, не позволяет сделать разграничения. Здесь невозможно сказать, идет ли речь о том, что происходило с вами или со мной. На этом залегающем в глубине коллективном уровне сохраняется нерасторжимая целостность. Если вы начнете видеть в сопричастности факт, означающий нашу фундаментальную идентичность во всем и вся, вы неизбежно придете к весьма своеобразным теоретическим выводам. Но развивать их дальше не стоит, это рискованно. Правда, некоторые из этих выводов все же следует рассмотреть, ибо они позволяют объяснить многие непонятные вещи, происходящие с людьми.

Теперь я бы суммировал вышесказанное; для этого я воспользуюсь диаграммой (рис. 4). Она кажется очень сложной, но на самом деле крайне проста. Представим себе ментальную сферу в виде светящегося шара. Поверхность, от которой исходит свет, — функция, играющая ведущую роль в процессе приспособления. Если вы адаптируетесь главным образом с помощью мышления, оно и образует такую поверхность: вы постигаете вещи своим мышлением, его же вы демонстрируете окру-

¹ См.: *Jung C.G. Symbols of Transformation* (Par. 151 ff); *Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious* (Par.105); *Jung C.G. The Structure and Dynamics of the Psyche* // C.W. Vol. 8 (Pars. 228, 318 f).

² См.: *Леви-Брюль. Первобытное мышление*. М., 1930.

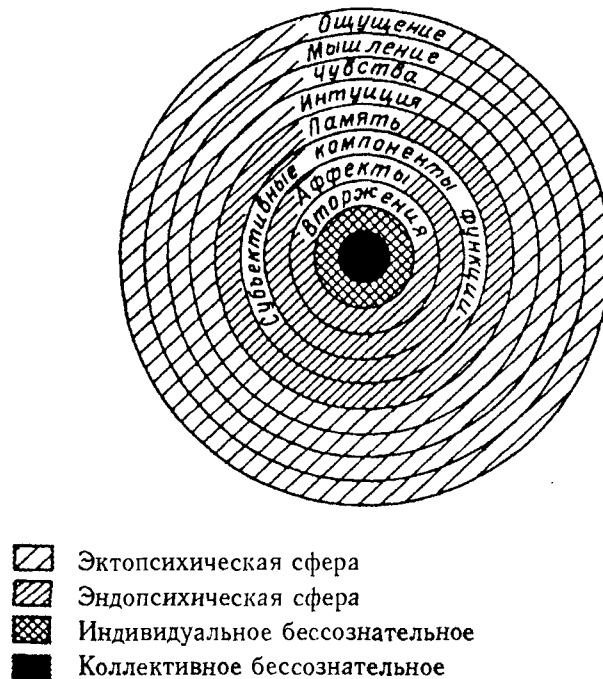

Рис. 4. Psyche

жающим. Если вы относитесь к иному типу, то соответственно на поверхность выходит иная функция¹.

На диаграмме роль периферийной функции отведена *ощущениям*. Благодаря им человек получает информацию о мире внешних объектов. Во втором круге находится *мышление*, с его помощью человек прислушивается к тому, что говорят ощущения, а затем дает вещам наименования. По поводу этих вещей возникают *чувства*; чувственный настрой сопровождает всякое человеческое наблюдение. И наконец, человек делает ряд предположений относительно того, откуда появляются эти вещи, куда они устремлены и каковы их возможности. Это *интуиция*, с помощью которой можно «заглянуть за угол». Эти четыре функции составляют эктопсихическую систему.

Следующая сфера, выделенная на диаграмме, представляет сознательный *Эго*-комплекс, с которым соотносятся все функции. В рамках эндопсихики мы, в первую очередь, отметим *память* — функцию, которая еще поддается контролю со стороны воли; она контролируема *Эго*-комп-

¹ Относительно общего определения типов и функций см.: Юнг К.Г. Психологические типы. Вып. 7. Гл. 10.

лексом. Затем мы встречаем *субъективные компоненты функций*. Ими уже невозможно управлять в полном смысле слова, но посредством волевого усилия их можно хотя бы подавить, вытеснить, или, наоборот, интенсифицировать. Они значительно слабее контролируются, нежели память, хотя и память, как известно, тоже крепкий орешек. После этого мы переходим к *аффектам* и *инвазиям*, которые контролируются только с помощью жесткого силового нажима. Единственное, что с ними можно сделать, это подавить. Они могут превосходить по мощи наш Эго-комплекс, и тогда остается лишь стиснуть зубы, чтоб не взорваться.

На самом деле система психики, конечно же, не может быть исчерпывающе выражена с помощью такой простой диаграммы. Последняя скорее может служить шкалой значений, демонстрирующей постепенное снижение энергии или интенсивности Эго-комплекса (проявляющейся в волевом усилии) по мере приближения к покрытым мраком глубинам этой целостной структуры — *бессознательному*. Первым идет индивидуальный подсознательный слой. Индивидуальное *бессознательное* — это та часть *psyche*, где находится материал, который с таким же успехом мог бы находиться и в сознании. Вы знаете, что множество явлений называют бессознательными, однако такие утверждения весьма относительны. Именно в этой сфере нет ничего такого, что непременно должно быть бессознательным для каждого. Есть такие люди, которые осознают практически все из того, что в принципе можно осознать. Далее, есть множество содержаний, которые в нашей цивилизации являются бессознательными, но если обратиться к другим расам, обнаружится, что, например, в Индии или в Китае люди отдают себе отчет в таких вещах, до которых в наших странах психоаналитикам приходится докапываться месяцами. Более того, простой человек, живущий в естественных условиях, нередко осознает то, о чем городской человек понятия не имеет, и даже во сне начинает видеть только под воздействием психоанализа. Я заметил это еще в школе. Живя в деревне, среди крестьян и животных, я прекрасно осознавал множество таких вещей, о которых городские мальчики даже не догадывались. Мне попросту повезло, и я был свободен от предубеждений. Анализируя сны, симптомы или фантазии как невротиков, так и нормальных людей, вы переступаете искусственный порог и начинаете постигать бессознательное. Индивидуальное бессознательное на самом деле весьма относительно, сфера его действия может быть ограничена, сужена практически до нуля. Вполне можно предположить, что человек в состоянии развить свое сознание до такой степени, что он сможет сказать: *Nihil humanum a me alienum puto*¹.

И наконец, мы подходим к самому ядру системы, к тому, что вообще не может быть осознано, — к сфере архетипического. Его предполага-

¹ *Homo sum; humani nil a me alienum puto.* — Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.). (*Terence. Neauton Timorumenos. 1.1.25.*)

емые содержания появляются в форме образов, которые можно понять, лишь сопоставляя их с историческими параллелями. Если у вас в распоряжении не будет параллелей, вы не сможете интегрировать эти содержания в сознание, и они останутся в состоянии проекции. Содержания коллективного бессознательного не могут быть объектом произвольного намерения, они не подвластны контролю со стороны воли. Ведут они себя так, словно находятся вовсе вне вас — вы замечаете их в ваших соседях, но только не в себе. Когда содержания коллективного бессознательного активизируются, мы начинаем обнаруживать нечто определенное в окружающих людях. К примеру, мы начинаем считать, что Италии угрожают злобные абиссинцы. Совсем как в известном рассказе Анатоля Франса. Два крестьянина вечно дрались друг с другом, и нашелся третий, которому захотелось узнать, в чем дело; одного из них он спросил: «Почему ты так ненавидишь своего соседа и вечно дерешься с ним?» — и тот ответил: «Mais il est l'autre cote de la riviere!»¹ Точь-в-точь как Франция и Германия. Мы, швейцарцы, во время Мировой войны, как вам известно, имели возможность читать газеты и наблюдать, как этот специфический механизм, подобно артиллерийским залпам, срабатывал то на одном, то на другом берегу Рейна. Было совершенно ясно, что люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают.

Как правило, результатом констелляции коллективного бессознательного в большой социальной группе является коллективное помешательство — духовная эпидемия, которая может привести к революции, войне или чему-то подобному. Такого рода движения исключительно разительны и практически непреодолимы, ибо в моменты активизации коллективного бессознательного вы больше не принадлежите себе. Вы не просто *участвуете в движении*, вы сами и *составляете это движение*. Если бы вы жили в Германии или оказались там на какое-то время, все ваши попытки защититься оказались бы тщетны. Эта инфекция проникает под кожу. Вы человек, и где бы вы ни были, оградить себя можно только ценой сужения своего сознания и как можно большего опустошения и бездушности. Но тогда вы теряете свою душу, превращаясь в сгусток сознания, скользящего по поверхности, не погружаясь в море жизни и не принимая в ней никакого участия. Оставаясь же самим собой, вы заметите, что коллективная атмосфера проникла к вам под кожу. Невозможно жить в Африке или любой другой экзотической стране и не проникнуться ее атмосферой. Если вы живете в окружении желтых людей, вы «пожелтеете» изнутри, из-под кожи. Это невозможно предотвратить, ведь в чем-то вы точно такие же человеческие существа, как негры, китайцы или кто-либо еще, в чьем окружении вы оказались. В коллективном бессознательном мы одинаковы с людьми иной расы, у вас и у

¹ «Да ведь он живет по другую сторону реки!» (франц.). (Примечание редактора источника.)

них имеются одинаковые архетипы — точно так же, как и у вас, и у них имеются глаза, сердце, печень и т.д. Неважно, что у них кожа черного цвета. Несомненно, в определенной мере это важно — по сравнению с вами у них, вероятно, отсутствует целый исторический слой. Истории рас соответствуют разные пласты психики.

Если вы станете изучать расы, как изучал их я, то сможете сделать очень интересные открытия. Вы сделаете их, например, изучая североамериканцев. Внутри каждого американца, поскольку он живет на этой девственной почве, скрывается краснокожий индеец. И пусть даже он никогда не встречал ни одного краснокожего, пусть чернокожие отовсюду изгнаны и даже места в трамваях предназначены только для белых, чернокожий и индеец оба сосуществуют внутри американца, который сам, в силу этого, оказывается представителем отчасти цветной нации¹. Подобные вещи совершенно бессознательны, и говорить о них можно лишь с наиболее просвещенными людьми. Это почти так же трудно, как рассказывать французам и немцам, почему они так враждебно настроены друг против друга.

Совсем недавно мне довелось провести замечательный вечер в Париже. Я был приглашен в круг весьма утонченных людей, и у нас состоялась очень оживленная беседа. Меня спросили о национальных различиях, и я, будучи уверен, что стою на надежной почве, сказал: «Вы цените *la clarte latine, la clarte de l'esprit latin*². Это от того, что мышление у вас является подчиненным. Латинский мыслитель в целом уступает немецкому». Тут все явно наостригли уши, а я продолжал: «Зато ваши чувства непревзойденны, они совершенно дифференцированы». — «Как это?» — спросили меня, и я ответил: «Ступайте в кафе, на водевиль, да куда угодно, где исполняются песни или пьесы — и вы столкнетесь с удивительным феноменом. Вначале вам предложат порцию гротескных или циничных пассажей, а затем внезапно произойдет что-то сентиментальное. Мать теряет ребенка, разбитая любовь или что-нибудь необыкновенно патристическое — и вот вы уже должны прослезиться. Для вас сладкое и соленое непременно должны идти вместе. Немец может целый вечер есть одни только сладости. Француз же обязательно добавит туда немного соли. Вы встречаете человека и говорите: «*Enchante de faire vorte eon-naissance*»³. Но вам не обязательно быть при этом «*enchante de faire sa connaissance*», на самом деле вы можете чувствовать нечто вроде: «А не пошел бы ты к дьяволу!» И это не беспокоит ни вас, ни его. Однако не вздумайте говорить «*Enchante de faire vorte connaissance*» немцу, ибо он запросто в это поверит. Немец продаст вам пару подвязок для носков и ждет, что вы за это не просто заплатите (это само собой разумеется); он ждет, что вы его за это полюбите».

¹ См.: *Jung C.G. Civilization in Transition // C.W. Vol. 10 (Pars. 94ff, 946ff).*

² «...латинскую ясность, ясность латинского духа» (франц.). (Примечание редактора источника.)

³ «Счастливы с вами познакомиться» (франц.). (Примечание редактора источника.)

Для немецкой нации характерно то, что функция чувства играет подчиненную роль, у немцев она недифференцирована. Если вы скажете это немцу в лицо, он обидится. Я тоже обижусь. Немец слишком привязан к тому, что он называет *Gemutlichkeit*¹. Полная дыма комната, в которой все друг друга любят, — это и есть *gemutlich*, и этого нельзя касаться. Здесь все должно оставаться совершенно ясным — одна нота, и ничего больше. Это и есть *la clarte germanique du sentiment*² — подчиненная функция. С другой стороны, какая-нибудь парадоксальная фраза французу может показаться обидной, поскольку в ней отсутствует ясность. Английский философ сказал:

«Высшему разуму всегда присуща некая неясность». Это вполне справедливо. Точно так же и высшее чувство никогда не бывает безоблачно ясным: искренне насладиться чувством высшего порядка можно лишь тогда, когда оно не совсем бесспорно. Так же и мысль, лишенная и тени противоречия, неубедительна.

¹ Добродушие (нем.). (Примечание редактора источника.)

² Немецкая ясность чувства (франц.). (Примечание редактора источника.)

Э. Берн

АНАЛИЗ ИГР¹

Структурный анализ

Наблюдения за спонтанной социальной деятельностью, которые лучше всего проводить в специальных психотерапевтических группах, обнаруживают, что время от времени разные аспекты поведения людей (позы, голос, точки зрения, разговорный словарь и т.п.) заметно меняются. Поведенческие изменения обычно сопровождаются эмоциональными. У каждого человека некий набор поведенческих схем соотносится с определенным состоянием его сознания. А с другим психическим состоянием, часто несовместимым с первым, бывает связан уже другой набор схем. Эти различия и изменения приводят нас к мысли о существовании различных состояний Я².

На языке психологии состояние Я можно описывать как систему чувств, определяя ее как набор согласованных поведенческих схем. По-видимому, каждый человек располагает определенным, чаще всего ограниченным репертуаром состояний своего Я, которые суть не роли, а психологическая реальность. Репертуар этих состояний мы попытались разбить на следующие категории: 1) состояния Я, сходные с образами родителей; 2) состояния Я, автономно направленные на объективную оценку реальности; 3) состояния Я, все еще действующие с момента их фиксации в раннем детстве и представляющие собой архаические пережитки. Неформально проявления этих состояний Я называются Родитель, Взрослый и Ребенок. В дальнейшем мы будем использовать именно эту терминологию.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988. С. 16–25, 37–46.

² В оригинале книги автор использует терминологию З. Фрейда, обозначая Я-концепцию – *Эго*. В советской психологии Я-концепция определяется как относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свои взаимодействия с другими людьми и относится к себе.

Мы считаем, что человек в социальной группе в каждый момент времени обнаруживает одно из состояний Я — Родителя, Взрослого или Ребенка. Люди с разной степенью готовности могут переходить из одного состояния в другое.

На основе этих наблюдений можно прийти к некоторым диагностическим выводам. Высказывание «Это ваш Родитель» означает: «Вы сейчас рассуждаете так же, как обычно рассуждал один из ваших родителей (или тот, кто его заменял). Вы реагируете так, как прореагировал бы он — теми же позами, жестами, словами, чувствами и т.д.». Слова «Это ваш Взрослый» означают: «Вы только что самостоятельно и объективно оценили ситуацию и теперь в непредвзятой манере излагаете ход ваших размышлений, формулируете свои проблемы и выводы, к которым Вы пришли». Выражение «Это ваш Ребенок» означает: «Вы реагируете так же и с той же целью, как это сделал бы маленький ребенок». Смысл этих высказываний можно пояснить подробнее.

1. У каждого человека были родители (или те, кто их заменял), и он хранит в себе набор состояний Я, повторяющих состояния Я его родителей (как он их воспринимал). Эти родительские состояния Я при некоторых обстоятельствах начинают активизироваться. Следовательно, упрощая это понятие, можно сказать: «Каждый носит в себе Родителя».

2. Все люди (не исключая детей) способны на объективную переработку информации при условии, что активизированы соответствующие состояния их Я. На быденном языке это звучит так: «В каждом человеке есть Взрослый».

3. Любой человек был раньше моложе, чем сейчас, поэтому он несет в себе впечатления прежних лет, которые при определенных условиях могут активизироваться. Можно сказать, что «каждый таит в себе маленького мальчика или девочку».

Здесь нам хотелось бы поместить структурную диаграмму (схема 1а), отражающую все компоненты личности, выявленные на данном этапе анализа. Диаграмма включает состояния Родителя, Взрослого и Ребенка. Они четко отделены друг от друга. Неопытный наблюдатель может и не заметить их отличий, но человеку, взявшему на себя труд изучения структурной диагностики, отличия вскоре покажутся весьма впечатляющими и содержательными.

Из соображений удобства мы будем впредь называть конкретных людей родителями, взрослыми или детьми (со строчной буквы). В тех же случаях, когда будем говорить о состояниях Я, то те же слова будут написаны с заглавной буквы: Родитель (Р), Взрослый (В), Ребенок (Ре). На схеме 1б дан упрощенный вид структурной диаграммы. Считаем необходимым упомянуть о некоторых особенностях используемой нами терминологии.

1. Мы никогда не употребляем слово «ребяческий», так как это понятие содержит негативный оттенок, поэтому от него следует избавляться.

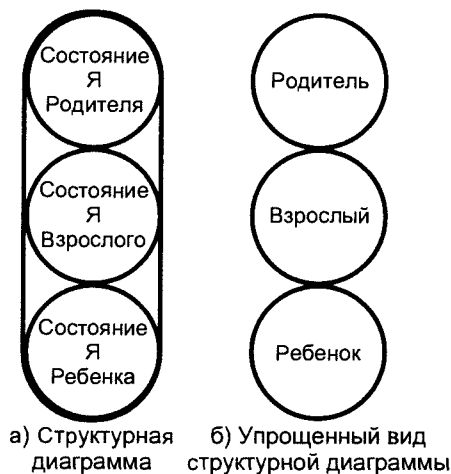

Схема 1. Структурная диаграмма

Описывая Ребенка, мы будем употреблять слово «детский». Оно звучит более объективно и может быть использовано в биологическом смысле. Во многих отношениях Ребенок — одна из наиболее ценных составляющих личности, так как вносит в жизнь человека то, что настоящий ребенок вносит в семейную жизнь: радость, творчество и очарование.

Если Ребенок нездоров и беспокоен, то последствия могут быть самыми неблагоприятными. Однако определенные меры для улучшения ситуации могут и должны быть приняты.

2. Все вышесказанное касается и слов «зрелый» и «незрелый». Мы не считаем, что существуют так называемые «незрелые личности». Есть люди, в которых Ребенок совершенно некстати и неумело берет на себя управление всей личностью, но в тоже время у них есть и хорошо структурированный Взрослый, которого нужно только обнаружить и привести в действие. У так называемых «зрелых людей», наоборот, контроль за поведением почти все время осуществляет Взрослый, но и у них, как и у всех остальных, Ребенок может прорваться к власти, и тогда появляются обескураживающие результаты.

3. Следует отметить, что Родитель может проявляться двояким образом — прямо или косвенно: как активное состояние Я или как влияние Родителя. В первом, активном, случае человек реагирует так, как реагировали в подобных случаях его отец или мать («Делай, как я»). Если же речь идет о косвенном влиянии, то обычно реакция человека бывает такой, какой от него ждали («Не делай, как я; делай то, что я говорю»). В первом случае он подражает одному из родителей, во втором — приспосабливается к их требованиям.

4. Ребенок тоже может проявлять себя двумя способами: как приспособившийся Ребенок и как естественный Ребенок. Приспособившийся Ре-

бенок изменяет свое поведение под влиянием Родителя. Он ведет себя так, как этого хотели бы отец или мать: например, очень зависимо от них или не по годам самостоятельно. Нытье или «уход в себя» — это тоже способы адаптации. Таким образом, влияние Родителя выступает как причина, а приспособившийся Ребенок — как следствие. В то же время естественный Ребенок проявляет себя в спонтанном поведении: например, в непослушании, бунте или в проявлении творческого порыва.

Состояния *Я* — это нормальные физиологические феномены. Человеческий мозг организует психическую жизнь, а продукты его деятельности упорядочиваются и хранятся в виде состояний *Я*. Некоторые работы американских ученых содержат конкретные факты, подтверждающие эту точку зрения. На разных уровнях существуют и другие упорядочивающие системы, такие, например, как память на факты. Однако естественным образом опыт запечатлевается в меняющихся состояниях сознания. Каждый тип состояний по-своему жизненно важен для человеческого организма.

Ребенок — это источник интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости.

Состояние «Взрослый» необходимо для жизни. Человек перерабатывает информацию и вычисляет вероятности, которые нужно знать, чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром. Ему знакомы собственные неудачи и удовольствия. Например, при переходе улицы с сильным движением необходимо произвести сложные оценки скоростей. Человек начинает действовать только тогда, когда оценит степень безопасности перехода улицы. Удовольствия, которые люди испытывают в результате такого рода успешных оценок, на наш взгляд, объясняют любовь к таким видам спорта, как горные лыжи, авиационный и парусный спорт.

Взрослый контролирует действия Родителя и Ребенка, является посредником между ними.

Родитель осуществляет две основные функции. Во-первых, благодаря этому состоянию человек может эффективно играть роль родителя своих детей, обеспечивая тем самым выживание человеческого рода. Важность этой функции подчеркивается тем фактом, что люди, оставшиеся сиротами в раннем детстве, испытывают гораздо большие трудности при воспитании собственных детей, чем те, которые росли в полных семьях вплоть до подросткового возраста. Во-вторых, благодаря Родителю многие наши реакции давно стали автоматическими, что помогает сберечь массу времени и энергии. Люди многое делают только потому, что «так принято делать». Это освобождает Взрослого от необходимости принимать множество тривиальных решений, благодаря чему человек может посвятить себя решению более важных жизненных проблем, оставляя обыденные вопросы на усмотрение Родителя.

Следовательно, все три аспекта личности чрезвычайно важны для функционирования и выживания. Их изменения необходимы только в том случае, если один из этих аспектов нарушает здоровое равновесие.

В обычной ситуации каждый из них — Родитель, Взрослый и Ребенок — заслуживает одинакового уважения, так как каждое состояние по-своему делает жизнь человека полноценной и плодотворной.

Трансакционный анализ

Мы называем *транзакцией* единицу общения. Люди, находясь вместе в одной группе, неизбежно заговорят друг с другом или иным путем покажут свою осведомленность о присутствии друг друга. Это мы называем *транзакционным стимулом*. Человек, к которому обращен транзакционный стимул, в ответ что-то скажет или сделает. Мы называем этот ответ *транзакционной реакцией*.

Цель простого транзакционного анализа — выяснить, какое именно состояние *Я* ответственно за транзакционный стимул и какое состояние человека осуществило транзакционную реакцию. В наиболее простых транзакциях и стимул, и реакция исходят от Взрослого. Например, хирург, оценив на основе имеющихся у него данных необходимость в скальпеле, протягивает руку медсестре. Правильно истолковав этот жест, оценив расстояние и мышечные усилия, она вкладывает скальпель в руку хирурга таким движением, какого от нее ждут. Несколько более сложными являются транзакции Ребенок — Родитель. Например, во время болезни ребенок с высокой температурой просит пить, и ухаживающая за ним мать приносит стакан воды.

Обе вышеописанные транзакции мы называем *дополнительными*. Иными словами, при нормальных человеческих отношениях стимул влечет за собой уместную, ожидаемую и естественную реакцию. Первый пример (его классифицируем как дополнительную транзакцию первого типа) представлен на схеме 2а. Второй (дополнительная транзакция вто-

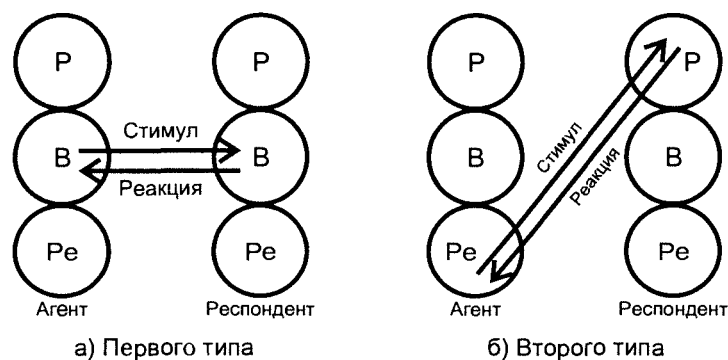

Схема 2. Дополнительные транзакции

рого типа) показан на схеме 26. Однако совершенно очевидно, что транзакция — это звенья одной цепочки: каждая реакция (Рк) в свою очередь становится стимулом (Ст).

Первым правилом коммуникации мы считаем следующее: пока транзакции дополнительные, процесс коммуникации будет протекать гладко. Следствие из этого правила: пока транзакции дополнительные, процесс коммуникации может продолжаться неопределенно долго. Эти правила не зависят ни от природы транзакций, ни от их содержания. Они целиком основаны на векторах общения. Пока транзакции сохраняют дополнительный характер, правило будет выполняться независимо от того, заняты ли ее участники, например, какими-то сплетнями (Родитель — Родитель), решают ли реальную проблему (Взрослый — Взрослый) или просто играют вместе (Ребенок — Ребенок или Родитель — Ребенок).

Обратное правило состоит в том, что процесс коммуникации прерывается, если происходит то, что мы называем *пересекающейся* транзакцией. На схеме 3а представлена наиболее обычная пересекающаяся транзакция, которая вызывает наибольшие трудности в процессе общения, какой бы стороны человеческих отношений она ни касалась: семейной жизни, любви, дружбы или работы (пересекающаяся транзакция первого типа). Именно этот тип транзакции доставляет наибольшие хлопоты психотерапевтам (в психоанализе он получил название классической реакции переноса). Стимул рассчитан на взаимоотношения Взрослый — Взрослый, например: «Давай попробуем понять, почему в последнее время ты стал много пить» или «Ты не знаешь, где мои записки?». Соответствующим транзакции Взрослый — Взрослый в первом случае может быть признан ответ: «Давай попробуем понять. Мне и самому этого хочется». А во втором: «Записки лежат на столе».

Однако собеседник может вдруг вспылить. Тогда ответы будут другие, например в первом случае: «Ты как мой отец — все время меня критикуешь», — а во втором: «Вечно я у тебя во всем виновата!» Оба последних ответа соответствуют схеме Ребенок — Родитель, и, как видно из схемы 3а, векторы транзакций пересекаются.

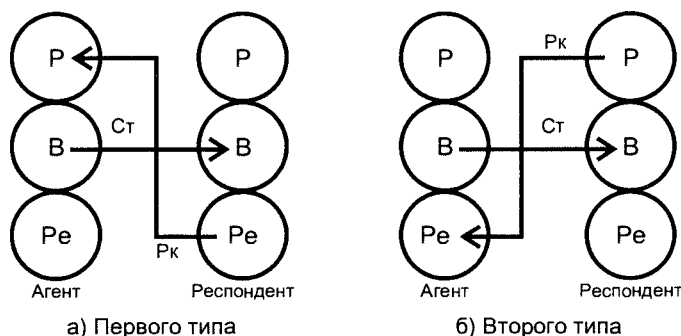

Схема 3. Пересекающиеся транзакции

При подобных обстоятельствах следует временно отложить решение проблемы алкоголя или запонок до тех пор, пока векторы не будут приведены в порядок. Это может продолжаться несколько месяцев в первом примере и несколько секунд во втором, причем либо игрок должен стать Родителем, дополняя неожиданно проснувшегося в собеседнике Ребенка, либо нужно активизировать в нем Взрослого. Если, например при обсуждении с хозяйкой качества мытья посуды, вдруг служанка вздумает взбунтоваться, то разговор на уровне Взрослый — Взрослый будет закончен. Возможным продолжением может стать коммуникация на уровне Ребенок — Родитель или обсуждение другой Взрослой проблемы: не следует ли хозяйке уволить служанку?

На схеме 36 показан случай, обратный пересекающейся транзакции первого типа. Он представляет собой реакцию контрпереноса, хорошо знакомую психотерапевтам: пациент делает объективное, Взрослое замечание, а врач перекрещивает векторы, отвечая как родитель ребенку. Это пересекающаяся транзакция второго типа. Например, на вопрос: «Не знаешь, где мои запонки?» — может последовать ответ: «Почему ты никогда сам не знаешь, где твои вещи? Ты ведь, кажется, уже не ребенок?»

Диаграмма взаимоотношений (схема 4), на которой изображены девять возможных векторов общения между спрашивающим и отвечающим, обладает некоторыми интересными свойствами.

Дополнительные транзакции между «равными психологическими состояниями» представлены линиями $(1-1)^2$, $(5-5)^2$ и $(9-9)^2$. Транзакции $(2-4)(4-2)$, $(3-7)(7-3)$ и $(6-8)(8-6)$ тоже дополнительные. Все остальные комбинации образуют пересекающиеся транзакции, и на диаграмме они тоже пересекаются: например, $(3-7)(3-7)$ — двое людей, лишившихся дара речи, свирепо уставились друг на друга. Если никто из них не уступит, коммуникация прекратится и они разойдутся в разные стороны. Обычно один отступает на $(7-3)$, что приводит к игре «Скан-

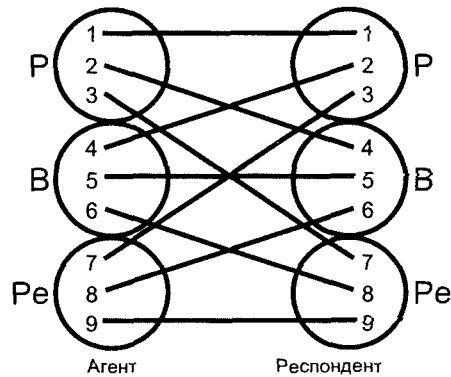

Схема 4. Диаграмма взаимоотношений

дал»; лучшим решением было бы $(5-5)^2$, при котором оба рассмеются или обменяются рукопожатием.

Простые дополнительные транзакции чаще всего встречаются при неглубоких производственных или общественных взаимоотношениях. Их легко нарушить простыми пересекающимися транзакциями. В сущности, поверхностные взаимоотношения можно определить как не выходящие за пределы простых дополнительных транзакций. Такого рода взаимоотношения возникают в совместной деятельности, ритуалах и времяпрепровождениях.

Более сложными являются *скрытые* транзакции, требующие одновременного участия более чем двух состояний Я. Именно эта категория служит основой для игр. Продавцы, например, весьма сведущи в так называемых «угловых транзакциях», в которых участвуют три состояния Я. Следующий обмен репликами является ярким, хотя и несколько грубоватым примером торговой игры.

Продавец: Эта модель получше, но она вам не по карману.

Покупательница: Вот ее-то я и возьму.

Эта транзакция проанализирована на схеме 5а. Продавец на уровне Взрослого констатирует два факта: «Эта модель лучше» и «Она вам не по карману». На социальном уровне слова продавца кажутся обращенными к Взрослому покупательницы, поэтому она должна была бы ответить: «Вы, безусловно, правы и в том, и в другом». Однако скрытый, психологический вектор был умело направлен опытным Взрослым продавцом к Ребенку покупательницы. Ответ, который дал Ребенок, показывает, что наш анализ правилен. Покупательница думает: «Несмотря на финансовые последствия, я покажу этому наглецу, что я ничуть не хуже других его покупателей». Эта транзакция дополнительна на обоих уровнях, поскольку продавец как бы принимает ответ покупательницы за чистую монету, т.е. как ответ Взрослого, решившего сделать покупку.

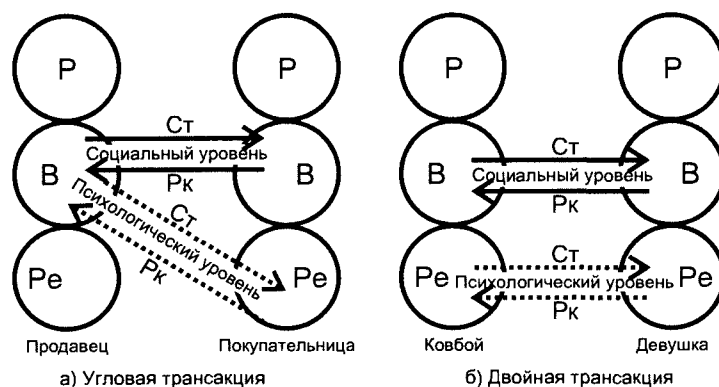

Схема 5. Скрытые транзакции

В двойной скрытой транзакции участвуют четыре состояния Я. Она часто присутствует при флирте.

Ковбой: Не хотите ли посмотреть конюшню?

Девушка: Ах, я с детства обожаю конюшни?

На схеме 5б видно, что на социальном уровне происходит разговор о конюшнях между Взрослыми, в то время как на психологическом уровне это разговор Ребенка с Ребенком и его содержание — сексуальные взаимоотношения (заигрывание). На поверхности инициатива принадлежит Взрослому, но исход большинства подобных игр на самом деле предопределяет Ребенок, так что участников игры может ждать сюрприз.

Таким образом, мы подразделяем транзакции на дополнительные и пересекающиеся, на простые и скрытые, а последние — на угловые и двойные. <...>

Игры

1. Определение

Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы — эффективными, а времяпрепровождение — выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда — драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом.

Нам необходимо разграничить игры с ранее не обсуждавшимся типом социального действия, а именно с операцией. Операцией мы называем простую транзакцию или набор транзакций, предпринятых с некоторой заранее сформулированной целью. Например, если человек честно просит, чтобы его утешили, и получает утешение, то это операция. Если кто-либо просит, чтобы его утешили, и, получив утешение, каким-то образом обращает его против утешителя, то это игра. Следовательно, внешне игра выглядит как набор операций. Если же в результате игры один из участников получает «вознаграждение», то становится ясно, что в ряде случаев операции следует считать маневрами, а просьбы — неискренними, так как они были лишь ходами в игре.

Например, в игре «Страхование», о чем бы страховой агент ни вел разговор, если он настоящий игрок, он ищет клиента или «обрабатывает» его. Единственная его цель — заполучить «добычу». То же самое относится к играм «Недвижимое имущество» и другим подобного типа. Поэтому когда коммерсант на званом вечере вместе с другими гостями участвует в тех или иных времяпрепровождениях, например в «Доходах и расходах», то за его дружеским поведением фактически может скрываться целый ряд умелых маневров, цель которых — добыть интересующую его информацию. В США существуют десятки профессиональных журналов, обучающих искусству коммерческих маневров. Они рассказывают о выдающихся играх и игроках (коммерсантах, заключивших исключительно удачные сделки). С точки зрения транзакционного анализа такие издания ничем не отличаются от известных спортивных журналов.

Однако предметом нашего исследования являются бессознательные игры, в которые играют неискушенные люди. Не отдавая себе в этом отчета, они порождают в процессе игры двойные транзакции. Именно такие игры во всем мире образуют важнейший аспект общественных взаимоотношений. Благодаря их динамической природе игры нетрудно отличить от статических установок, являющихся чаще всего результатом жизненной позиции.

Не следует заблуждаться относительно значения слова «игра». Как мы уже говорили, игра совсем не обязательно предполагает удовольствие или веселье. Например, коммивояжеры совсем не считают свою работу забавной, как это прекрасно показал Артур Миллер в пьесе «Смерть коммивояжера»¹. Многие игры весьма серьезны. Так же как сегодня спортсмены всерьез играют в футбол, так и большинство игроков нельзя обвинить в отсутствии серьезного отношения к играм.

То же самое относится и к словам «играть» и «игрок». Это могут подтвердить игроки в покер, а также те, кто долго играл на бирже. Этнографы, представители других наук знают о том, какой серьезный характер могут приобретать игры. Одна из самых сложных когда-либо существовавших игр — «Придворный», превосходно описана Стендалем в «Пармской обители». Эта игра отличалась убийственной серьезностью. Наиболее зловещей игрой является, конечно, война.

2. Типичная игра

Проиллюстрируем основные черты игр на примере одной игры, наиболее распространенной среди супругов, которую можно назвать «Если бы не ты».

¹ Миллер, Артур (р. 1915) — американский драматург. Трагедия «Смерть коммивояжера» (1949) о крахе успеха как мечты, веры и моральной нормы «маленького человека».

...Миссис Уайт жаловалась на то, что ее муж всегда очень строго ограничивал ее светскую жизнь, поэтому она так и не научилась танцевать. После того как она прошла курс лечения у психотерапевта, что повлияло на ее установку, ее муж стал чувствовать себя менее уверенно и стал больше ей разрешать. Миссис Уайт могла теперь расширить поле своей деятельности и записалась на уроки танцев. И вдруг она обнаружила, к своему ужасу, что смертельно боится танцевать на глазах у людей, и ей пришлось отказаться от своей затеи.

Это неприятное происшествие, так же как и целый ряд ему подобных, пролило свет на некоторые особенности брака миссис Уайт. Из всех своих поклонников она выбрала в мужа самого деспотичного претендента. Это в дальнейшем дало ей возможность сетовать на то, что она могла бы заниматься различными делами, «если бы не он». У многих ее подруг мужа тоже были деспотичными, так что, собираясь за чашечкой кофе, они подолгу играли в «Если бы не он».

Однако вопреки ее жалобам выяснилось, что на самом деле муж оказывал ей большую услугу, запрещая делать то, чего она сама очень боялась. Более того, он фактически даже не давал ей возможности догадаться о своем страхе. Это, наверное, и была одна из причин, по которой ее Ребенок весьма прозорливо выбрал такого мужа.

Но этим дело еще не исчерпывалось. Запреты мужа и жалобы жены были причиной частых ссор, что отрицательно сказывалось на их интимной жизни. Муж испытывал при этом чувство вины, поэтому постоянно дарил жене подарки. Он этого не делал бы, если бы все было в порядке. Когда же муж предоставил жене больше свободы, то его подарки стали и дешевле, и реже. Помимо дома и детей, супруги, по существу, имели мало общих интересов, поэтому на этом фоне ссоры были для них серьезным событием, во время которых разговоры супругов выходили за рамки обычного обмена репликами. В целом семейная жизнь миссис Уайт служила подтверждением мысли, которую она всегда высказывала: все мужчины — подлецы и тираны. Впоследствии оказалось, что подобная ее установка была связана с навязчивыми фантазиями многолетней давности, в которых она представляла себя изнасилованной.

Приведенную игру можно проанализировать с разных сторон. Очевидно, что она принадлежит к явлениям из области социальной динамики. Принципиальный факт состоит в том, что, поженившись, мистер и миссис Уайт получили возможность общаться, т.е. установили социальный контакт. Благодаря этому их семья стала социальной группой — в отличие, например, от вагона метро, где люди пространственно находятся в контакте, но редко пользуются возможностью социального контакта и поэтому образуют асоциальную группу. Взаимное влияние супругов Уайт на их поведение и реакции составляет социальное действие.

В рамках различных дисциплин социальное действие можно рассматривать со многих точек зрения. Поскольку наши интересы лежат в

области психодинамики личности, то наш подход относится к социальной психиатрии. Мы как бы в неявной форме выносим суждение о том, насколько данные игры отвечают понятию «душевное здоровье».

Такой подход несколько отличается от более нейтральных и менее пристрастных подходов социологии и социальной психологии. В отличие от других дисциплин психиатрия оставляет за собой право вмешаться и воскликнуть: «Погодите!» Трансакционный анализ является частью социальной психиатрии, а анализ игр — это специальный раздел трансакционного анализа.

Объект практического анализа игр составляют конкретные случаи, происходящие в конкретных ситуациях. В то же время теоретический анализ игр стремится выделить и обобщить характерные черты различных игр, с тем чтобы их всегда можно было узнать независимо от их ситуационного вербального наполнения и специфической культурной основы. Например, в теоретическом анализе игры «Если бы не ты» (супружеский вариант) должны быть перечислены ее характерные черты таким образом, чтобы эту игру можно было бы легко распознать как в новогвинейской деревне, так и в манхэттенском особняке. Причем сделать это можно независимо от того, связана ли игра с брачной церемонией или с тем, откуда взять деньги на удочки для внуков, а также вне зависимости от того, насколько грубо или тонко сделаны ходы в игре в соответствии с допустимым уровнем откровенности между мужем и женой.

Распространенность той или иной игры в данном обществе входит в компетенцию социологии и этнографии. А анализ игр в плане социальной психиатрии осуществляется путем описания игры как таковой независимо от того, насколько часто она встречается. Возможно, такое разграничение не является исчерпывающим. Оно аналогично различию между медицинской статистикой и терапией: первая интересуется тем, насколько широко распространена, например, малярия, а вторая имеет дело с реальными случаями малярии, где бы то ни было — в джунглях или в Манхэттене.

Ниже мы приводим схему, которая, на наш взгляд, оказалась наиболее полезной для теоретического анализа игр. Безусловно, по мере накопления новых знаний эта схема будет улучшаться. Прежде всего необходимо установить, что данная последовательность маневров отвечает критериям игры. Затем собирается как можно больше образчиков этой игры. В коллекции образцов выделяются существенные черты. Некоторые аспекты игры выделяются как особенно важные. Они классифицируются под соответствующими названиями; желательно, чтобы названия были максимально выразительными с точки зрения имеющихся знаний. Сам анализ проводится с позиции Водящего в игре. В нашем случае это миссис Уайт.

Тезис. Содержит общее описание игры, в том числе и фактическую последовательность событий (социальный уровень), а также информацию о

психологическом фоне, эволюции взаимоотношений, об их существенных чертах (психологический уровень). Мы уже дали такое описание для игры «Если бы не ты». В дальнейшем мы будем сокращенно называть ее ЕНТ.

Антитезис. Мы можем лишь предполагать, что некоторая последовательность транзакций является игрой, пока не убедимся в ее существенной значимости для игрока. Для доказательства значимости можно использовать отказ от игры или уменьшение «вознаграждения». В этом случае Водящий предпримет более энергичные попытки, чтобы продолжить игру. Но, столкнувшись с категорическим отказом играть или с ощутимым уменьшением «вознаграждения», он впадает в отчаяние — состояние, отчасти напоминающее депрессию, но отличающееся от нее некоторыми существенными чертами. Это состояние более острое и содержит элементы фрустрации и растерянности, что может выражаться, например, в приступе безутешных рыданий. При успешной терапии такая реакция вскоре может уступить место юмористическому подтруниванию над собой, предполагающему Взрослое понимание: «Ну вот, опять я за старое!»

Следовательно, состояние отчаяния находится в ведении Взрослого, в то время как при депрессии все полномочия принадлежат Ребенку. Состояние, противоположное депрессии, — надежда, воодушевление и живой интерес к окружающему. Состояние, противоположное отчаянию, — смех. Вот почему так приятен терапевтический эффект анализа игр.

Антитезисом ЕНТ является отсутствие запретов. Игра возможна лишь при условии, что муж продолжает что-то запрещать жене. Если вместо привычного «Не смей!» он вдруг ответит «Ради бога!», ее замаскированные страхи выйдут наружу, и жена не сможет больше обвинять во всем мужа, как мы уже наблюдали в случае с миссис Уайт. Чтобы лучше понимать природу игры, необходимо знать ее антитезис и продемонстрировать его эффективность на практике.

Цель. Здесь констатируются общие цели игры. Иногда они представляют собой несколько альтернатив. Например, цель ЕНТ можно сформулировать либо как придание себе уверенности («Не в том дело, что я боюсь, — просто он мне не позволяет»), либо как самооправдание («Дело не в том, что я не стараюсь, — просто он меня не пускает»). Первая функция (придание уверенности) более очевидна и в большей степени отвечает потребности в безопасности, которую испытывает жена. Поэтому наиболее распространена точка зрения, что цель ЕНТ состоит именно в придании себе уверенности.

Роли. Как мы уже говорили выше, состояние Я — это не роль, а феномен (психический). Поэтому мы должны формально разграничивать их. Игры подразделяются на требующие участия двух, трех и более игроков — в зависимости от того, на сколько ролей они рассчитаны. Состояние Я каждого игрока иногда соответствует его роли, а иногда нет.

ЕНТ рассчитана на двух участников, причем предполагает роли мужа-тирана и подавляемой им жены. Жена может играть свою роль либо

с позиции благоразумного Взрослого («Самое разумное, если я буду поступать, как он велит»), либо с позиции капризного Ребенка. Муж-тиран может действовать с позиции Взрослого («Самое разумное для тебя делать, как я говорю») или соскользнуть на позицию Родителя («Не вздумай меня не послушаться»).

Иллюстрации. Очень поучительно попутно изучить детские корни игры, ее прототипы, характерные для раннего возраста. Поэтому, предпринимая формальное описание игры, желательно найти ее детские параллели. Оказывается, дети играют в ЕНТ так же часто, как взрослые, и детский вариант очень похож на взрослый, с той только разницей, что место мужа-тирана занимает реальный родитель.

Трансакционная парадигма¹. Приводится трансакционный анализ типичной ситуации, описывающий социальный и психологический уровни той скрытой трансакции, которая обнажает суть игры. Наиболее драматический вид ЕНТ приобретает на социальном уровне с позиции Родитель — Ребенок.

М-р Уайт: Сиди дома и занимайся хозяйством.

М-с Уайт: Если бы не ты, я могла бы не сидеть дома, а развлекаться.

На психологическом уровне (скрытый семейный договор) игра ведется с позиции Ребенок — Ребенок и выглядит совсем по-другому.

М-р Уайт: Ты всегда должна быть дома, когда я прихожу. Я смертельно боюсь, что меня бросят.

М-с Уайт: Я так и буду вести себя, если ты поможешь мне избегать пугающих меня ситуаций.

Оба эти уровня проиллюстрированы на схеме 7.

Ходы в игре. Ход в игре, в общем, соответствует «поглаживанию» в ритуале. Как и в любой игре, по мере накопления опыта игроки становятся искуснее. Ходы, не ведущие к цели, отбрасываются, и каждый ход становится более концентрированным в смысле достижения цели. Многие случаи «идеальной дружбы» часто основаны на том, что игроки дополняют друг друга очень экономно и к большому взаимному удовле-

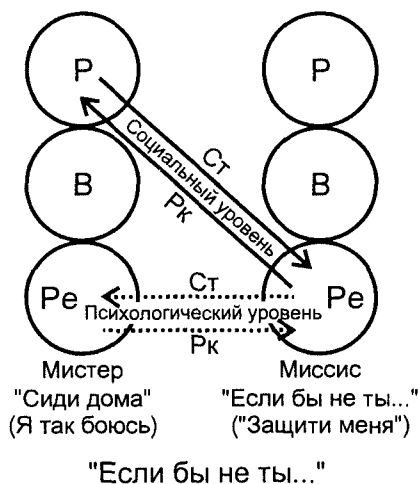

Схема 7. Игра

¹ Парадигма (гр. paradeigma — пример, образец) — система основных научных достижений (теорий, методов), по образцу которых организуется исследовательская практика ученых в данной области знаний в определенный исторический период. Здесь анализ коммуникации дан с точки зрения трансакционного анализа.

творению, так что их игры отличаются максимальным выигрышем при минимальной затрате сил. Некоторые промежуточные, предварительные и предупредительные ходы при этом можно опустить, что придает взаимоотношениям красоту и изящество. Усилия, сэкономленные на защитных маневрах, можно потратить на «украшения», к восторгу обоих участников, а часто и наблюдателей.

Для того чтобы игра состоялась, необходимо какое-то минимальное число ходов, и они могут быть зарегистрированы в протоколе. Конкретные игроки могут «расцветить» ходы или сильно увеличить их число в зависимости от своих нужд, способностей или желаний. Вот основная структура ЕНТ:

- 1) приказ — согласие. («Сиди дома» — «Хорошо»);
- 2) приказ — протест («Сегодня тоже сиди дома» — «Если бы не ты»).

«Вознаграждения», полученные в результате игры, в целом состоят в ее стабилизирующем (гомеостатическом) эффекте. Биологически гомеостаз обеспечивается «поглаживаниями», а укрепление жизненной позиции увеличивает психологическую стабильность. Мы уже говорили, что «поглаживание» на самом деле может принимать различные формы, поэтому биологическое «вознаграждение» можно описывать в терминах тактильного (осязательного) контакта. Например, роль мужа в ЕНТ напоминает шлепок тыльной стороной ладони (весьма отличный от шлепка ладонной стороной кисти, что унизительно), а реакция жены — нечто вроде капризного пинка по голени. Таким образом, биологический выигрыш при ЕНТ есть результат обмена воинственно-капризными транзакциями: это довольно мучительный способ поддержания здоровья, но тем не менее довольно эффективный.

Жизненная позиция жены («Все мужчины — тираны») является реакцией на типичную для состояний фобий потребность сдаться и обнажает четкую структуру игры. Если попытаться дать ее развернутое описание, то получится что-нибудь вроде: «Если я окажусь одна в толпе, соблазн сдаться будет слишком велик; дома же я не сдаюсь, это он меня заставляет, что доказывает: все мужчины — тираны». Поэтому обычно в такую игру играют женщины, для которых типично чувство отрыва от реальности. Это означает, что их Взрослый не в состоянии удерживать контроль над ситуацией при сильном соблазне. Более детальное исследование этого механизма относится уже к области психоанализа, а не анализа игр, для которого основной интерес состоит в конечном результате.

Внутреннее психологическое «вознаграждение» напрямую связано с экономией психической энергии (либидо¹). В игре ЕНТ социально допус-

¹ Либидо (лат. libido — стремление) — одно из центральных понятий фрейдизма, обозначающее глубинную, бессознательную психическую энергию индивида, корящуюся в сексуальном инстинкте.

тимое подчинение власти мужа защищает жену от приступов невротического страха. В то же время оно удовлетворяет ее мазохистские потребности, если таковые имеются (мы употребляем термин «мазохизм» не в смысле «самоотречения», а в классическом смысле, как состояние сексуального возбуждения, возникающее вследствие депривации, боли или унижения). Иными словами, ситуации депривации и подчинения приводят жену в состояние возбуждения.

Внешнее психологическое «вознаграждение» состоит в уклонении от опасных ситуаций посредством игры. Это особенно очевидно в ЕНТ, где имеется ярко выраженная мотивация: подчиняясь ограничениям со стороны мужа, жена избегает ситуаций, которые вызывают у нее страх.

Смысл внутреннего социального «вознаграждения» содержится в названии игры, под которым она известна в узком кругу. Подчиняясь мужу, жена получает право заявлять: «Если бы не ты». Это помогает ей структурировать время, которое она проводит с мужем. В случае с миссис Уайт потребность в структурировании времени была особенно велика, так как общих интересов у них с мужем не было, особенно в период до рождения детей и после того, как дети выросли. Пока дети росли, супруги играли в ЕНТ реже и менее интенсивно, поскольку дети выполняли свою обычную функцию структурирования родительского времени и, кроме того, обеспечивали семью еще более распространенным вариантом ЕНТ «Занятая домохозяйка».

Тот факт, что молодые американские матери действительно очень заняты, не влияет на анализ этого варианта игры. Анализ игр стремится лишь беспристрастно ответить на следующий вопрос: при условии, что женщина очень занята, каким образом она сумеет воспользоваться своей занятостью, чтобы получить хоть какую-то компенсацию?

Внешнее социальное «вознаграждение» определяется тем, как данная ситуация используется для внешних социальных контактов. Игра «Если бы не ты» (слова жены мужу) легко трансформируется во времяпрепровождение «Если бы не он», популярное при встречах с подругами за чашкой кофе. Игры влияют и на выбор социальных компаньонов. Когда новую соседку приглашают на чашку кофе, на самом деле ее приглашают поиграть в «Если бы не он». Если она будет хорошим партнером, то вскоре может стать для всех лучшей подругой. Если же она откажется играть и будет настойчиво говорить о своем муже в доброжелательном тоне, долго в компании она не продержится. С ней произойдет то же, что обычно происходит с человеком, который отказывается пить на вечеринках. Постепенно ее вообще перестанут приглашать в эту компанию.

Таким образом, мы подошли к концу анализа формальных характеристик ЕНТ.

А.Дж. Келли

[ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ
ЛИЧНОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ]¹

Конструктивный альтернативизм

А. Отправные точки

Перспективы человека

Эта теория личности фактически началась с объединения двух простых идей, а именно, что нам, возможно, удалось бы лучше понять человека, если бы мы смотрели на него в перспективе столетий, а не судили о нем в мерцающем свете мимолетных мгновений; и что каждому человеку присуща своя, личная манера созерцать и обдумывать течение событий, по которому, как обнаруживается, его так быстро несет. Быть может, в этом взаимодействии долговечного и преходящего мы откроем какие-то более обнадеживающие способы, которыми каждый отдельный человек способен перестроить свою жизнь. Эта мысль кажется заслуживающей дальнейшего развития. <...>

Выбор долговременной перспективы при рассмотрении человека заставляет нас переключить свое внимание с факторов, которые выдают его импульсы, на факторы, которые представляются нам объясняющими его прогресс. В большой степени — хотя и не полностью — план человеческого прогресса был маркирован ярлыком «наука». Тогда, вместо того чтобы заниматься «человеком — биологическим организмом» или «человеком — счастливчиком», давайте посмотрим на «человека — ученого».

В этом мы снова отступаем от привычной манеры смотреть на вещи. Когда мы говорим о «человеке — ученом», то имеем в виду всех людей, а не только их особый класс, представители которого публично достигли по-

¹ Келли А. Дж. Теория личности. СПб.: Речь, 2000. С. 11–14, 18–26, 139–140, 143, 145–147, 152, 65–71, 73, 76–84, 87–91, 93–94, 97, 104–111, 116, 119, 125–126.

ложения «ученых». Вместо того чтобы вести речь обо всех людях, взятых в совокупности их биологических или инстинктивных аспектов, мы говорим о тех же людях, но взятых в совокупности аспектов их возможного сходства с учеными. Более того, речь идет об аспектах человеческого рода, а не каких-либо скоплений людей. Таким образом, представление о «человеке—ученом» — это специфическая абстракция человеческого рода, а вовсе не конкретная классификация особого рода людей.

Такая абстракция сущности человека не является совершенно новым приемом. Реформация привлекла внимание к священству всех людей в противоположность конкретной классификации только определенных лиц как священников. Демократические изобретения в политической сфере XVIII и XIX столетий вращались вокруг идеи неотъемлемого права всех людей управлять государством в противоположность более древнему представлению о конкретном, ограниченном классе правителей. Сходным образом мы можем заменить конкретизирующее представление об ученых, отделяющее узкую группу лиц от остальных — не ученых, и подобно деятелям эпохи Реформации, утверждавшим, будто каждый человек сам себе священник, выдвинуть предположение, что каждый человек — по-своему — ученый.

Давайте посмотрим, что могло бы означать истолкование человека с точки зрения его сходства с ученым. Что, предположительно, характеризует мотивацию ученого? Обычно говорят так: *конечная цель ученого — предсказание и управление*. Это краткое утверждение часто любят цитировать психологи, характеризуя свои собственные устремления. Однако, как ни странно, психологи редко приписывают аналогичные устремления людям, занятым в их экспериментах в качестве испытуемых. Получается так, как если бы психолог говорил себе: «Я, будучи психологом и, следовательно, ученым, провожу этот эксперимент для того, чтобы улучшить предсказание определенного феномена и управление им; тогда как мой испытуемый, будучи всего лишь человеческим организмом, явно движим быющими внутри него ключом неодолимыми влечениями или же вечно занят поисками пропитания и крова».

Итак, что можно было бы ожидать, если бы мы заново поставили вопрос о человеческой мотивации и воспользовались взглядами на человека в долговременной перспективе, чтобы сделать вывод о том, чем именно задается направление его устремлений? Увидели бы мы его вековой прогресс в качестве функции от инстинктивных потребностей, биологических нужд или сексуальных побуждений? Или, быть может, в этой перспективе он обнаружит массовую тенденцию совершенно иного рода? Не окажется ли, что отдельная личность, каждая по-своему, присваивает себе скорее положение ученого, всегда стремящегося предсказывать ход событий, в которые она вовлечена, и управлять им? Не будет ли каждый человек иметь свои теории, проверять свои гипотезы и оценивать свои экспериментальные доказательства? И если это так, то не будут ли различия

между личными точками зрения разных людей соответствовать различиям между теоретическими позициями разных ученых?

В этом и состоит интригующая идея. <...>

Системы истолкования

Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности полезнее их полного отсутствия.

Будем называть эти шаблоны, примеряемые опытным путем к истинному положению вещей, *конструктами*. Конструкты суть способы истолкования мира. Это они дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию поведения — будь она точно сформулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной, согласующейся или расходящейся с другими линиями поведения, разумно аргументированной или почуствованной нутром.

Обычно люди стремятся совершенствовать свои конструкты, расширяя их набор, внося в них изменения для обеспечения лучшей пригонки и включая их в качестве видовых объектов в суперординатные конструкты или системы. Пытаясь усовершенствовать конструкты, человек неоднократно останавливается под влиянием мысли о вреде, который явно будет причинен системе вследствие изменения субординатного конструкта. Часто его [личностный] вклад в более широкую систему или его [личностная] зависимость от нее настолько велики, что он будет всячески воздерживаться от введения более точного конструкта в ее основание. Может потребоваться специальное психотерапевтическое воздействие или более богатый жизненный опыт, чтобы убедить человека вносить поправки в свою систему истолкования вплоть до того момента, когда можно будет включить в ее состав новый и более точный конструкт.

Те системы истолкования, которые могут передаваться от одного человека к другому, способны получить широкое распространение среди населения. Вторая половина столетия показала значительный прогресс в создании способов делать [личностные] конструкты и системы лучше поддающимися передаче. Мы разработали научный психологический словарь. Выражаясь иначе, наши публичные системы истолкования, служащие для понимания [личностных] конструктов других людей, становятся все более точными и исчерпывающими.

Некоторые широко разделяемые или публичные системы истолкования конструируются, главным образом, для того, чтобы приспособ-

ливаться к определенным сферам деятельности или областям фактов. Когда мы ограничиваем область фактов, можно развивать детальную систему, не беспокоясь о возможной несовместимости с ней каких-то второстепенных фактов. Мы ограничиваем *область* и пытаемся, хотя бы на некоторое время, игнорировать непримиримые факты за пределами заданной *области*. Например, давно стало привычным и удобным различать психические и физические факты. <...>

Еще никто не оказался настолько мудрым, чтобы предложить на рассмотрение универсальную систему конструктов. И можно с уверенностью предположить, что пройдет много времени, прежде чем будет предложена удовлетворительная единая система. Какое-то время нам придется довольствоваться группой миниатюрных систем, каждая из которых имеет свою собственную область или ограниченный диапазон пригодности. До тех пор пока мы продолжаем пользоваться таким разобщенным сочетанием миниатюрных систем, нужно быть очень осторожными и применять каждую систему абстрактно, а не конкретно. Например, вместо того, чтобы утверждать, будто некое событие является «психологическим» и, следовательно, «нефизиологическим», мы должны проявить осторожность и признать, что любое событие может рассматриваться с точки зрения как его психологических, так и его физиологических аспектов. Кроме того, мы должны неуклонно следовать еще одной руководящей идее: физиологически истолкованные факты, относящиеся к данному событию, являются продуктом определенной физиологической системы, в рамках которой они выявляются и имеют смысл, и в этом случае психологическая система вовсе не обязана их объяснять.

Не менее важно постоянно сознавать ограниченный диапазон пригодности наших миниатюрных систем. Ибо стоит только какой-то миниатюрной системе обнаружить свою полезность в ограниченном диапазоне пригодности, сразу возникает искушение попытаться расширить ее область применения. Так, в области психологии мы наблюдали, как созданная Халлом математико-дедуктивная теория механического запоминания распространялась на область решения задач и даже на сферу личности. Психоанализ Фрейда начинался как психотерапевтическая техника, но постепенно был расширен до теории личности, а некоторыми — и до религиозно-философской системы. Эта разновидность инфляции миниатюрной системы не обязательно указывает на скверное положение дел, но она действительно вызывает трудности, когда мы не в состоянии понять простую вещь: то, что достаточно верно в ограниченном диапазоне, вовсе не должно быть столь же верным за его пределами.

По-видимому, любая психологическая система имеет ограниченный диапазон пригодности. На поверку оказывается, что психологическим системам — пока не наступит их срок — приходится работать в более ограниченном диапазоне пригодности, чем хотелось бы психологам. Система, или теория, которую мы собираемся изложить и исследовать, име-

ет ограниченный диапазон пригодности; ее диапазон ограничивается, насколько можно судить в настоящий момент, человеческой личностью и, более конкретно, проблемами межличностных отношений.

Психологические, как, впрочем, и любые другие системы, обладают не только ограниченным диапазоном пригодности, но еще и фокусом пригодности. Внутри событийной области системы есть подобласть проблем, где эта система имеет тенденцию работать лучше всего. Обычно это именно те проблемы, которые автор имел в виду, когда придумывал свою систему. Например, мы считаем, что наша собственная теория тяготеет к тому, чтобы иметь фокус пригодности в зоне приспособления человека к стрессу. Поэтому она должна бы оказаться наиболее полезной психотерапевту, так как при ее формулировании мы думали, главным образом, о проблемах психотерапии.

В этом разделе мы надеялись разъяснить наше убеждение в том, что человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в котором он живет, а не находит их там готовыми, созданными для него обществом. Он строит конструкты и примеряет их к истинному положению вещей. Время от времени его конструкты организуются в системы — группы конструктов, объединяемые субординатными и суперординатными отношениями. Одни и те же события часто могут рассматриваться в свете двух или более систем. Однако сами события не принадлежат ни одной из этих систем. Более того, реальные системы человека имеют специфический фокус и ограниченный диапазон пригодности.

Конструкты как основание предсказаний

Мы начали с того, что в перспективе столетий человека можно было бы представить себе как начинающего ученого и что каждый отдельный человек по-своему формулирует конструкты, сквозь которые он взирает на мир событий. Как ученый, человек пытается предсказывать и тем самым контролировать ход событий. Из чего следует, что формулируемые им конструкты предназначаются для облегчения его пророческих достижений.

Мы пока не пытались совершенно точно сформулировать наше представление о том, что такое конструкт. Это дело откладывается до последней главы. Однако, уже достаточно сказано, чтобы дать понять: под конструктом мы подразумеваем репрезентацию мира, причем такую, которая создается живым существом и затем подвергается проверке в столкновении с реальностью этого мира. Так как мир — это, по существу, ход событий, то проверка конструкта — это его испытание последующими событиями. Другими словами, конструкт проверяется исходя из его предсказательной эффективности.

Впрочем, проверка конструкта с точки зрения его предсказательной эффективности может оказаться довольно бесполезным занятием. Кто-то истолковывает поведение соседа как враждебное. Под этим он подразу-

мекает, что сосед будет ему вредить при каждом удобном случае. Он проверяет свое истолкование отношения к нему соседа, бросаясь камнями в его собаку. Сосед отвечает сердитым упреком. И тогда этот человек может счесть, будто он подтвердил правильность своего истолкования соседа как враждебно настроенного лица.

«Подтвердить правильность» истолкования соседа как враждебного лица можно, по-видимому, с помощью еще одной разновидности ложного логического вывода. В этом случае человек рассуждает так: «Если мой сосед относится ко мне враждебно, он будет стремиться узнать, когда я попаду в затруднительное положение, заболелю или окажусь уязвимым в чем-то другом. Я прослежу за ним, чтобы убедиться, так ли это». Следующим утром он встречает соседа, и тот приветствует его традиционным «Как ваши дела?» Как тут сомневаться?! Сосед делает именно то, что предсказывалось в отношении враждебно настроенного человека.

Коль скоро конструкты используются для того, чтобы предвидеть события, то они также должны использоваться и для оценки точности предвидения после того, как события произошли. Человек безнадежно увяз бы в своих пристрастиях и предубеждениях, если бы не одно обстоятельство: обычно он способен оценить результаты своих предсказаний на уровне истолкования, отличном от того уровня, на котором он первоначально их делает. Кто-то ставит именно на эту лошадь в данном заезде, потому что она темной масти, а ему недавно повезло втемную в покере. Однако, когда заезд заканчивается, он, вероятно, истолковывает объявленное решение судей как более очевидное доказательство успеха лошади в этом заезде, чем ее масть.

Когда конструкты используются для предсказания ближайших событий, они легче поддаются замене или пересмотру. Подтверждающие или опровергающие данные быстро оказываются в распоряжении «предсказателя». Если конструкты используются исключительно для предсказания отдаленных событий, таких, например, как жизнь после смерти или конец света, то они вряд ли будут столь же открытыми для пересмотра. Кроме того, большинство людей вовсе не спешат собирать доказательные данные в таких вопросах.

Хороший ученый старается как можно скорее подвергнуть свои конструкты испытанию. Но первоначально он проверяет их в масштабе пробы. Если же риск велик, он сначала поищет косвенные доказательства предполагаемых результатов своих опытов. Эта прямая, честная проверка конструктов — одна из характерных черт экспериментального метода в современной науке. Подобная проверка характерна также для любого бдительного человека.

Но бывает и так, что человек не решается экспериментировать, потому что боится результата проверки. Он может опасаться, что вывод из эксперимента поставит его в неопределенное положение, находясь в котором он больше не сможет предсказывать и управлять. У него нет желания попадать в зависимость от своих же собственных конструктов.

Он может даже держать их в тайне от всех, чтобы не оказаться преждевременно втянутым в их проверку. Это нежелание выражать свои конструкты, равно как и проверять их, составляет одну из практических проблем, встающих перед психотерапевтом в процессе работы с клиентом. В дальнейшем у нас еще будет что сказать об этих проблемах.

Конструкты используются для предсказаний будущих событий, а мир неуклонно движется вперед и обнаруживает правильность или ошибочность таких предсказаний. Этот факт дает основание для пересмотра конструктов и, в конечном счете, систем истолкования в целом. Если бы мир, в котором мы живем, был статичным, наше представление о нем тоже могло бы быть статичным. Но непрерывно происходят новые события — и наши предсказания то сбываются, то не сбываются. Каждодневный опыт требует консолидации одних аспектов наших видов на будущее, пересмотра других и прямого отказа от третьих.

То, что было сказано об опыте отдельного человека, справедливо и для ученого. Ученый формулирует теорию — набор конструктов с фокусом и диапазоном пригодности. Если это хороший ученый, то он немедленно приступает к проверке своей теории. Как только он начинает проверять теорию, ему почти наверняка придется начать изменять ее в свете получаемых результатов. Любая теория в таком случае носит временный характер. И чем она практичнее и полезнее, тем уязвимее она для новых данных. Нашу собственную теорию, особенно если она найдет применение, также придется рассматривать как подлежащую изменениям в свете перспектив и открытий завтрашнего дня. В лучшем случае, это промежуточная теория.

Б. Философская позиция

Формулировка конструктивного альтернативизма

Уже достаточно сказано для разъяснения нашей позиции, согласно которой существуют разные способы истолкования мира. Одни из них бесспорно лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясным и точным предсказаниям в отношении большего числа событий. Еще никто не изобрел набор конструктов, позволяющий предсказать все, вплоть до последнего взмаха крыла колибри; мы полагаем, пройдет еще очень много времени, прежде чем кому-то удастся это сделать. Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему. В свою очередь, эти последовательные приближения могут проверяться по частям на предмет их предсказательной эффективности. По существу, это означает, что всем нашим интерпретациям мира можно постепенно дать научную оценку, если мы настойчивы и не перестаем учиться на своих ошибках.

Мы допускаем, что все наши теперешние толкования мира доступны для пересмотра или замены. Это и есть основная формулировка, имеющая отношение почти ко всему, о чем нам предстоит говорить в дальнейшем. Мы твердо стоим на том, что, когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора. Никто не должен загонять себя в угол, полностью уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии. Мы называем эту философскую позицию конструктивным *альтернативизмом*.

Когда уже столько сказано о проверке конструктов, самое время указать на одно обстоятельство: вовсе не безразлично, какой из альтернативных конструктов выбирается в качестве шаблона, с которым человек будет подходить к миру. Конструкты нельзя выбирать навскидку без того, чтобы не попасть в затруднительное положение. Хотя альтернативные истолкования всегда доступны, некоторые из них определенно являются плохими инструментами. Критерий, которым можно воспользоваться, — это ограниченная предсказательная эффективность каждого альтернативного конструкта и полная предсказательная эффективность той системы, частью которой такой конструкт стал бы, если бы был принят. <...>

Природа [личностных] конструктов

Итак, мы возвращаемся к описательному уточнению психологии [личностных] конструктов в стремлении придать больше осязаемости тому, о чем раньше говорили абстрактным языком.

А. [Личностное] употребление конструктов

Сущность конструкта

Конструкт — это отношение, в котором какие-то вещи истолковываются как сходные и, кроме того, отличные от других. Мы отступили от традиционной логики, предполагая, что конструкт в той же мере относится к некоторым из вещей, считаемых несходными, в какой он относится к вещам, которые видятся сходными. Например, допустим, что кто-то — пусть это будет мужчина — истолковывает свой мир на основе конструкта «*черный—белый*». Его жизненное пространство включает множество вещей. Некоторые из них, такие как его рубашка, ботинки, дом, писчая бумага, цвет кожи соседа и т.д., подчиняются конструкту «*черный—белый*». Данный конструкт может использоваться неправильно; мужчина, о котором идет речь, может считать свою рубашку «белой» тогда, когда его жена находит ее «черной»¹. Иногда конструкт оказывается неподходящим: истолковы-

¹ Разумеется, применительно к рубашке, определения white и black следовало бы перевести как «чистая» и «грязная». Однако, здесь и далее, в контексте анализа употребления конструктов, мы будем, дабы не запутать читателя, по возможности приводить прямые значения терминов, обозначающих полюса рассматриваемых контруктов. (Примечание переводчика источника.)

вать своего соседа только по цвету кожи как черного, вероятно, не самый просвещенный способ смотреть на своих соседей. Хотя, в общем, этот конструкт применим к тем вещам, которые для данного конкретного человека могут быть либо черными, либо белыми. Но в его жизни есть и другие вещи. Есть время суток, любовь к своим детям, расстояние до места службы и еще много других вещей, для которых конструкт черный—белый явно не подходит.

а. *Биполярный характер конструктов.* Те, кто стоит на позициях традиционной логики, сказали бы, что «черное» и «белое» следует трактовать как отдельные концепты, или понятия. Кроме того, они сказали бы, что противоположность «черному» можно сформулировать только как «нечерное», а противоположность «белому» — только как «небелое». Поэтому мужчина, о жизненном пространстве которого мы говорили выше, носил бы ботинки, которые были бы такими же *небелыми*, как и время суток, и писал бы на бумаге, такой же *нечерной*, как расстояние до места его службы. <...>

в. *[Личностный] диапазон пригодности.* С нашей точки зрения, каждый конструкт, используемый конкретным человеком, имеет ограниченный диапазон пригодности. За пределами этого диапазона он не считается данным человеком релевантным расположенным там объектам. Например, время суток является таким элементом, который большинство людей, вероятно, поместило бы вне диапазона пригодности их [личностного] конструкта «черный—белый». Однако внутри диапазона пригодности конструкта имеет место релевантное сходство и релевантное различие, вместе образующие сущность данного конструкта. Такое различие — это не просто внешняя граница релевантности конструкта, которая определяет предельный размер его диапазона пригодности. Скорее, такое различие существует в границах диапазона пригодности, и оно столь же важно для конструкта, как и сходство.

Говорят, что элементы, лежащие в диапазоне пригодности конструкта, составляют его контекст. У одного человека конструкт «черный—белый» может иметь несколько иной контекст, чем у другого. Например, один может классифицировать свои настроения как черные или белые, другой — свои выдумки, а третий — использовать этот конструкт для характеристики культур. Более того, тот, кто часто читает расписание поездов (напечатанное частично черным шрифтом на белом фоне и частично белым шрифтом на черном фоне¹), может начать даже время суток рассматривать в рамках диапазона пригодности своего конструкта «черный—белый». И наконец, один человек может классифицировать как белое то, что другой, — принадлежащий, скорее всего, к иной культурной группе, — классифицирует как черное. Например, в европейской культуре черный цвет — это цвет

¹ Соответственно двум половинам суток: после полудня (р. т.) и до полудня (а. т.).
(Примечание переводчика источника.)

траура, тогда как в некоторых странах Востока символом скорби обычно считается белый цвет. <...>

Что кроется за словами людей?

Никому не дано выразить словами все, что входит в собственную систему истолкования. Многие наши конструкты не имеют символов, используемых в качестве удобных «словесных ручек». Поэтому не только другим трудно «схватить» и категоризовать их внутри своих систем, но и самому обладателю таких конструктов тяжело манипулировать ими и относить их к определенным категориям внутри вербально помеченных частей собственной системы. То, что конструкты нелегко поддаются организации в рамках вербально помеченных частей системы, создает трудности для каждого, кто пытается четко сформулировать свои чувства и предсказать свое поведение в будущей ситуации, которая пока существует только в виде словесного описания. <...>

а. *Неполное выражение.* Часто люди выражают свои конструкты неполно. Не будем забывать, что конструкт — это отношение, в котором некоторые вещи сходны между собой и, кроме того, отличны от других. В своем минимальном контексте конструкт предполагает отношение, в котором две вещи похожи друг на друга и отличаются от третьей. Следует также иметь в виду, что *отношение*, в котором две вещи сходны между собой, должно быть тем же самым *отношением*, в котором они отличаются от третьей вещи. Мы не выражаем в явной форме весь конструкт, когда говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн». Если бы мы задались целью выразить подлинный конструкт, нам пришлось бы сказать: «У Мэри и Алисы мягкий характер, а у Джейн — нет», — или что-то вроде этого. Или мы могли бы сказать: «Джейн более привлекательна, чем Мэри или Алиса».

Когда же мы говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн», — то, возможно, подразумеваем два разных конструкта: *мягкость* (характера) и *привлекательность*. Выбор прилагательного для того, чтобы охарактеризовать двух или даже одного человека, обычно означает, что говорящий сформировал категорию, обладающую для него одновременными — включающим и исключающим — свойствами конструкта. Говорить, что у Мэри мягкий характер, — значит подразумевать существование по меньшей мере одного человека с мягким характером, помимо Мэри, и еще одного человека с жестким характером. Или данное выражение может предполагать, что по крайней мере эти два человека имеют жесткий характер.

Минимальный контекст конструкта составляют *три* вещи. Мы не способны выразить конструкт — хоть в явной, хоть в неявной форме, — не привлекая минимум двух вещей, обладающих сходством, и еще одной, отличающейся от них. Сказать, что у Мэри и Алисы «мягкий характер»

и не предположить, что в этом мире есть кто-то с «жестким характером», просто нелогично. Кроме того, это еще и не психологично. <...>

г. *Специальные проблемы интерпретации.* Поскольку конструкторы первоначально существуют в виде [личностных] конструкторов, не все из них оказываются легкодоступными для других. Своеобразный характер конструктора у конкретного лица или не общепринятое использование им терминологии могут вводить в заблуждение слушающих. Например, то, что один человек подразумевает под словом «мягкий» (gentle), может больше соответствовать тому, что другие назвали бы «зависимым» или «слабым характером». Однако сам он может держать в уме нечто вроде изысканности манер, социального положения или культурной группы, т.е. всего того, что кто-то мог бы иметь в виду, употребляя слово «джентльмен» (gentleman).

В таком случае нужно сознавать двухполюсный характер конструктора и возможность того, что у одного человека «мягкий» может иметь совершенно иной континуум, простирающийся вдали от континуума, свойственного «мягкому» другого человека. Ранее мы предположили, что говорящий, возможно, истолковывает события, исходя из континуума «мягкий—агрессивный». Но вполне вероятно, что противоположным концом данного конструктора является не «агрессивный», а «бестактный» или, скажем, «простодушный». И тогда утверждение этого человека могло бы означать что-то более близкое к «Все люди проявляют деликатность» или «Все люди коварны». <...>

Основная теория

В этой главе мы формулируем *основной постулат* нашей психологии [личностных] конструкторов. Затем посредством одиннадцати короллариев развивается основная теория.

А. Основной постулат

Формулировка основного постулата

Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события¹. <...>

Термины

Давайте внимательно посмотрим на слова, которые мы тщательно выбирали для нашего основного постулата.

¹ A person's processes are psychologically channelized by the ways in which he anticipates events. — Основной постулат и все одиннадцать короллариев приводятся в сносках на языке оригинала с целью помочь читателям в корректном истолковании довольно абстрактных формулировок Дж. Келли. (Примечание переводчика источника.)

а. *Конкретный человек* (a person). Этот термин употребляется для указания на субстанцию, с которой мы преимущественно имеем дело. Наша первостепенная забота — отдельный, неделимый человек, а не какая-то его часть или изолированный процесс в его поведении, равно как и не группа лиц.

б. *Процессы* (processes). Вместо постулирования инертной субстанции — шага, который неизбежно привел бы к необходимости формулирования, в виде короллария, утверждения о существовании чего-то вроде психической энергии, — в качестве предмета психологии с самого начала признается процесс. Это все равно что сказать: организм есть, по существу, некоторым образом *ведущий себя* организм, — положение, которое подчеркивалось и раньше рядом психологов. Но мы, пожалуй, придаем еще большее значение кинетической природе рассматриваемой нами субстанции. Для нас человек не просто объект, временно находящийся в подвижном состоянии, а форма движения.

в. *В психологическом плане* (psychologically). Этим мы указываем на тип той области, которой намерены заниматься. Наша теория относится к ограниченной области, не обязательно перекрываемой, даже частично, физиологией или социологией. Некоторые явления, которые физиологические или социологические системы стремятся объяснить, находятся вне сферы наших сегодняшних интересов, и мы не берем на себя обязательство объяснять их в рамках этой частной теоретической структуры.

Как уже указывалось ранее, мы не считаем, что субстанция психологии сама является психологической — либо физиологической, социологической или принадлежащей любой другой системе. Процессы конкретного человека есть то, что они есть; а психология, физиология или что-то там еще — это всего лишь системы, придуманные, чтобы попытаться их антиципировать. Таким образом, употребляя термин в «*психологическом плане*», мы имеем в виду, что концептуализируем процессы человека в установленной психологией форме, а вовсе не то, что эти процессы являются психологическими, и никакими другими. <...>

г. *Направляются* (is channelled). Мы представляем себе процессы конкретного человека текущими по сети путей или каналов, а не рыскающими в бескрайней пустоте. Эта сеть является гибкой и часто видоизменяется, но она обладает структурой и потому облегчает действия человека, хотя и ограничивает, по понятным причинам, их диапазон.

д. *По каналам* (by the ways). Эти каналы создаются как средства для достижения целей. Они прокладываются теми механизмами, которые конкретный человек изобретает для того, чтобы добиться желаемого результата. Психологически говоря, процессы человека переходят в привычки, формируемые техникой исполнения, которую он выбирает для осуществления своих стремлений.

е. *Он* (he). Мы придаем гораздо большее значение тому, каким образом конкретный человек решает действовать, чем тому, как данное действие можно было бы выполнить идеально. Каждый человек может созда-

вать и использовать различные пути, и именно тот путь, который он выбирает, направляет его процессы.

ж. *Антиципирует (anticipates)*. В этом месте мы встраиваем в нашу теорию ее прогностические и мотивационные элементы. Как и подобает прототипу ученого, каковым он является, человек стремится к предсказанию. Принадлежащая ему структурированная сеть путей ведет к будущему, с тем чтобы он мог антиципировать его. В этом и состоит ее назначение. Антиципация — это и «толчок», и «тяга» психологии [личностных] конструкторов.

з. *События (events)*. Человек в конечном счете стремится антиципировать реальные события. Вот где мы смотрим на психологические процессы как привязанные к действительности. Антиципация совершается не ради нее самой, а для того, чтобы можно было лучше представить будущую действительность. Именно будущее, а не прошлое, подвергает человека мукам Тантала. Он всегда стремится заглянуть в будущее через окно настоящего.

Итак, мы располагаем формулировкой основного постулата, на который возлагаем большие надежды. Возможно, из него прорастет теория личности — с движением как феноменом, а не эпифеноменом, и с психологическими процессами простого человека, имеющими тот же смысл, что и процессы ученого; динамическая психология без попоны анимизма; перцепционалистская психология без пассивности; бихевиоризм, в котором поступающему определенным образом человеку приписывается обладание здравым смыслом; теория научения, в которой научение считается настолько универсальным, что выступает как составная часть постулата, а не как особый класс феноменов; мотивационная теория, в которой человек не выглядит побуждаемым к действию острыми стимулами и не окрашивается в густые тона гедонизма; и, возможно, из нашего постулата разовьется взгляд на личность, позволяющий психотерапии выглядеть законной и состоятельной. Назовем эту теорию *психологией [личностных] конструкторов*.

Б. Королларий об истолковании

Формулировка короллария об истолковании

*Конкретный человек антиципирует события путем истолкования их повторении*¹.

¹ Construction Corollary: A person anticipates events by construing their replications. Некоторые из моих коллег отстаивают иную версию перевода этого короллария, именно: «конкретный человек антиципирует события путем конструирования их копий». И с ней вполне можно согласиться, тем более что за другими словами кроется тот же смысл. Однако, выбирая предлагаемый здесь вариант перевода, я хотел избавить читателей от соблазна представления себе «конструирования» и «конструкторов» как чего-то объектоподобного, вроде строительства железнодорожного моста через реку. По-моему, уж лучше «конструкт» интерпретировать как «толкование», чем «истолкование» называть «конструированием». Разумеется, проблема здесь скорее языковая, чем смысловая, и связана она с абстрактностью теоретического языка Дж. Келли. (Примечание переводчика источника.)

При построении системы, которую мы называем психологией [личностных] конструктов, мы решили опереться на один основной постулат и расширять систему посредством формулирования утверждений, отчасти вытекающих из нашего постулата и отчасти дополнительно развивающих его. Эти утверждения именуются *короллариями*, хотя логически они включают несколько больше того, что минимально подразумевается точной словесной формулировкой основного постулата. Наш первый королларий вводит понятия истолкования и повторения.

Термины

а. *Истолкование* (construing). Под истолкованием мы имеем в виду наложение интерпретации (placing an interpretation): человек накладывает интерпретацию на то, что истолковывается. Он создает структуру, в которой субстанция принимает определенную форму или обретает смысл. Не субстанция, которую он истолковывает, порождает структуру, но сам человек.

Создаваемая истолкованием структура является, по существу, абстрактной, хотя кто-то может быть настолько ограниченным в возможностях абстрагирования, что его истолкование в действительности оказывается сравнительно конкретным. В этой связи нам еще предстоит более обстоятельный разговор о формах истолкования. Однако, поскольку мы делаем лишь предварительный набросок психологии личных конструктов, вряд ли будет разумно углубляться в подробности на этом этапе.

При истолковании человек отмечает признаки, которые характерны для одних элементов множества и крайне не характерны для других. Тем самым он создает конструкты подобия и противоположности. И подобие, и противоположность присущи каждому конструкту. Конструкт, который предполагал бы подобие без противоположности, представлял бы по большей части беспорядочную недифференцированную гомогенность, тогда как конструкт, который предполагал бы противоположность без подобия, представлял бы хаотически раздробленную гетерогенность. Первый оставлял бы человека в положении моряка, затерявшегося в безбрежных водах без ориентиров, и потому неспособного уменьшить однообразие; последний ставил бы его перед бесконечной чередой калейдоскопических перемен, в которой ничто не появляется дважды.

Истолкование не следует смешивать со словесной формулировкой. Поведение человека может базироваться на множестве сцепленных друг с другом паттернов «сходства—различия», которые никогда не сообщаются символическим языком. <...>

б. *Повторения* (replications). Субстанция, которую некто истолковывает, сама по себе есть процесс, так же как живой человек есть процесс. Субстанция с самого начала представляется нескончаемым и неразличимым процессом. И лишь тогда, когда человек настраивает свое ухо на по-

вторяемые темы в этом однообразном потоке, мир начинает обретать для него смысл. Подобно музыканту, он должен фразировать свой опыт для того, чтобы извлечь из него смысл. Эти фразы различаются событиями. Разделение событий и есть то, что каждый человек производит для себя, когда решает поделить время на контролируемые отрезки. Внутри этих ограниченных сегментов, базирующихся на повторяемых темах, человек начинает открывать основания для установления сходств и различий.

Рассмотрим, к примеру, день. Говоря конкретно, сегодняшний день — это не вчерашний и не завтрашний. Время не идет по своим следам. Но за непрерывным ходом времени человек способен обнаружить повторяемую в его вечном потоке тему. Можно абстрагировать такую тему в виде восхода и захода солнца. Кроме того, эта же тема не повторяется, когда время сегментируется другими способами. Таким образом, концепт дня выстраивается вдоль непрерывного потока времени, — дня, в чем-то похожего на другие дни и тем не менее легко отличимого от мгновений и лет.

После того как событиям были положены начала и концы, а их сходства и различия истолкованы, появляется возможность попытаться предсказать их, так же как человек предсказывает, что завтра наступит следующий день. Ведь предсказывается совсем не то, что завтрашний день будет точной копией сегодняшнего, а то, что у данного события есть повторяемые аспекты, появления которых можно с уверенностью ожидать в будущем. Так человек антиципирует события, истолковывая их повторения. <...>

В. Королларий об индивидуальности

Формулировка короллария об индивидуальности

*Люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий*¹.

Так как наш основной постулат особо подчеркивает те каналы, в русле которых конкретный человек антиципирует события, он обеспечивает основания для построения психологии индивидуальных различий. На людей можно смотреть как на отличающихся друг от друга не только вследствие возможных различий в тех событиях, какие они пытались истолковать, но и вследствие разных подходов к антиципации одних и тех же событий. <...>

Означает ли это, что у людей не может быть никакого совместного опыта? Вовсе нет, ибо каждому дана возможность истолковывать сходства и различия между событиями, в которые он сам вовлечен, и событиями, в которые, как ему видится, вовлечен другой человек. Поэтому, хотя и существуют индивидуальные различия в истолковании событий, люди в состоянии найти общую основу благодаря истолкованию опыта своих соседей вместе со своим собственным. Впрочем, было бы неверно считать, что

¹ Individuality Corollary: Persons differ from each other in their construction of events.

они неминуемо должны натолкнуться на такую общую основу; фактически там, где имеют место различные культурные идентификации или где один человек отказался от поисков общего языка с соседями, отдельные люди могут прожить всю жизнь бок о бок друг с другом, но в совершенно разных субъективных мирах.

Г. Королларий об организации

Формулировка короллария об организации

*Каждый человек по-своему, сообразно преследуемым при антиципировании событий интересам, развивает систему истолкования, содержащую порядковые отношения между конструктами*¹.

Различные конструкты иногда приводят к несовместимым предсказаниям, что болезненно сознается всяким, кто пережил личный конфликт. Поэтому человек считает необходимым развивать способы антиципирования событий, позволяющие избегать противоречий. Люди различаются не только своими истолкованиями событий, но и тем, каким образом они организуют систему истолкования. Один может разрешать конфликты между своими антиципаниями при помощи этической системы, другой — исходя из принципа самосохранения. Один и тот же человек может разрешать эти конфликты одним способом в одно время и другим — в другое. Все зависит от того, насколько он отступает, чтобы получить достаточный обзор.

Термины

а. *По-своему (characteristically)*. Снова мы подчеркиваем персоналистический характер процесса, теперь уже по отношению к системе. [личностными] являются не только конструкты; [личностной] становится и та иерархическая система, в которую они организуются. Эта системная организация конструктов характеризует личность даже больше, чем различия между отдельными конструктами.

б. *Развивает (evolves)*. Система истолкований не находится в застывшем состоянии, хотя и более устойчива, чем отдельные конструкты, из которых она состоит. Эта система непрерывно принимает новые формы. Другими словами, личность конкретного человека непрерывно принимает новые формы. Глубинная психотерапия может помочь человеку в развитии системы истолкования и тем самым, возможно, совершить важные изменения в своем образе жизни.

в. *Система истолкования (construction system)*. Система предполагает такое группирование элементов, при котором минимизируются не-

¹ Organization Corollary: Each person characteristically evolves, for his convenience in anticipating events, a construction system embracing ordinal relationships between constructs.

совместимости и несообразности. Разумеется, они не исчезают полностью. Однако систематизация помогает человеку избегать противоречивых предсказаний.

г. *Порядковые отношения между конструктами* (ordinal relationships between constructs). Один конструкт может включить в себя другой в качестве одного из своих элементов. Есть два способа сделать это: конструкт может либо расширять расхождение полюсов, подразумеваемое другим конструктом, либо абстрагироваться по линии расхождения полюсов другого конструкта. Например, конструкт «хороший—плохой» может включить в себя в указанном порядке помимо прочего и два конца измерения «умный—глупый». В этом смысле «хороший» включал бы все «умное» плюс некоторые вещи, которые выходят за рамки диапазона пригодности конструкта «умный—глупый». Соответственно, «плохой» включал бы все «глупое» плюс кое-что другое, не являющееся ни «умным», ни «глупым». Как раз это мы и имеем в виду под расширением расхождения полюсов, подразумеваемого конструктом «умный—глупый».

Примером абстрагирования по линии расхождения полюсов конструкта «умный—глупый» мог бы быть конструкт «оценочный—описательный». В этом случае конструкт «умный—глупый» входил бы в него как измерение (dimension), идентифицировался бы как «оценочный» тип конструкта и противопоставлялся бы другим конструктам, вроде «светлый—темный», которые могли бы считаться исключительно описательными. Таким образом, и «хороший—плохой», и «оценочный—описательный» могут использоваться как подчиняющиеся конструкты, причем, как это назвали бы некоторые авторы, первый в «абсолютистском», а второй в «релятивистском» смысле.

Система истолкования может быть многоуровневой системой отношений порядка, где одни конструкты подчиняют себе другие, которые, в свою очередь, подчиняют себе еще какие-то, и т.д. Когда один конструкт включает в себя в качестве видового объекта другой конструкт, его порядковое отношение можно назвать *суперординатным*, а порядковое отношение другого становится, соответственно, *субординатным*. Кроме того, порядковое отношение между конструктами может время от времени меняться на противоположное. Например, «умный» оказывается включающим все «хорошее» вместе со всем «оценочным», а «глупый» становится термином для всего «плохого» и «описательного»; или, если имеет место соподчинение другого типа, «умный» оказывается включающим конструкт «оценочный—описательный», тогда как «глупый» становится термином для дихотомии «хороший—плохой». Таким образом, человек систематизирует свои конструкты, конкретно выстраивая их в иерархии и далее абстрагируя. Но сооружает ли он из своих представлений пирамиду или проникает в их суть благодаря озарениям, он строит эту связанную порядковыми отношениями систему конструктов исходя из своих личных интересов при антиципировании событий. <...>

Д. Королларий о дихотомии

Формулировка короллария о дихотомии

У каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструктов¹.

Мы уже говорили, что человек антиципирует события, отмечая для себя их повторяемые аспекты. Выбрав аспект, в котором два события являются копиями друг друга, мы обнаруживаем, что еще одно событие в том же аспекте не имеет никакого сходства с первыми двумя. Выбор человеком аспекта определяет как то, что будет считаться похожим, так и то, что будет считаться контрастирующим. И то, и другое определяется одним аспектом, или одной и той же абстракцией. Если мы выбираем аспект, в котором А и В похожи, но противоположны С, важно отметить, что именно один аспект всех трех элементов — А, В и С — образует основу данного конструкта. Иначе говоря, дело обстоит не так, будто есть один аспект А и В, который делает их похожими друг на друга, и есть другой аспект, который делает А и В контрастирующими с С. Тем самым мы хотим сказать, что существует некий аспект элементов А, В, и С, который можно, к примеру, назвать *z*. Относительно этого аспекта А и В подобны, а С противоположен им. Это важная мысль, ибо на ней строится значительная часть специальной методики, служащей отличительным признаком психологии [личностных] конструктов.

Продолжим обсуждение нашей модели. Предположим, что есть элемент О, в котором мы не способны истолковать аспект *z*. Тогда О выпадает из диапазона пригодности конструкта, основанного на *z*. Аспект *z* иррелевантен в той части области, которая занята элементом О. Однако в отношении элемента С все обстоит иначе. Аспект *z*, безусловно, релевантен для С. Ведь именно *z* дает нам возможность провести различие между С и двумя похожими элементами, А и В. Но аспект *z* бесполезен для нас, если мы хотим отличить элемент О от двух сходных элементов, А и В.

Предположим, например, что А и В — это мужчины, С — женщина, а О — время суток. Мы абстрагируем аспект элементов А, В и С, который можно назвать *пол*. Тогда пол и есть наше *z*. Признак пола не применим к О — времени суток; по крайней мере, большинство из нас не приняло бы такой абстракции. Время суток (О) не попадает в диапазон пригодности конструкта «пол» (*z*). Итак, что касается пола (*z*), двое мужчин, А и В, похожи и в тоже время противоположны женщине С. Кроме того, данный конструкт применим к женщине — С — не меньше, чем к двум мужчинам, А и В.

Но предположим, что теперь нашим конструктом будет не «пол» (*z*), а «маскулинность» (*y*). Тогда разве женщина (С) не столь же немас-

¹ Dichotomy Corollary: A person's construction system is composed of a finite number of dichotomous constructs.

кулинна, как и время суток (О)? Наш ответ: нет. Женщине гораздо больше подходит быть немаскулинной, чем времени суток. Понятие маскулинности имеет смысл только по отношению к парному понятию феминности, и потому именно вместе они составляют основу данного конструкта. Маскулинность не имела бы никакого значения, если бы его не было у феминности. Употребление термина *мужчина* в маскулинном смысле было бы лишено всякого смысла, если бы за этим не стояло понятие пола.

Мы предлагаем принять допущение, что все конструкты следуют этой основной дихотомической форме. В пределах своего индивидуального диапазона пригодности конструкт обозначает некий аспект всех заключенных в нем элементов. За пределами этого диапазона пригодности данный аспект не поддается распознаванию и не может быть признан. Более того, аспект, замеченный однажды, является значащим только потому, что образует основу сходства и контраста между элементами, среди которых он замечен. Формулируя это допущение, мы отступаем от позиции классической логики. Но нам почему-то кажется, что наша позиция ближе к представлению того способа, каким люди в действительности мыслят. В любом случае мы намерены заняться анализом следствий этого допущения и посмотреть, куда это нас приведет. <...>

Термины

а. *Состоит (is composed)*. Тем самым мы хотим сказать, что система состоит целиком из конструктов, и только из конструктов. Ее организационная структура основана на конструктах конструктов, конкретно располагаемых в виде пирамиды или абстрактно соотносимых друг с другом в сети порядковых отношений.

б. *Дихотомические конструкты (dichotomous constructs)*. Конструкт обозначает аспект элементов, лежащих в диапазоне пригодности, исходя из которого какие-то элементы имеют сходство с другими, а какие-то находятся в отношениях противоположения. В своем минимальном контексте конструкт есть не что иное, как отношение, в котором по меньшей мере два элемента подобны друг другу и противоположны третьему. Поэтому в таком контексте должно быть по крайней мере три элемента. Разумеется, их может быть много больше.

в. *Конечное число (finite number)*. Мышление человека — направленный, а не меняющийся спонтанно процесс. Если человек хочет о чем-то поразмышлять, он должен придерживаться сети каналов, которые сам для себя проложил, и только путем рекомбинации старых каналов он может создавать новые. Эти каналы структурируют его мышление, но и ограничивают доступ к идеям других людей. Мы представляем себе эти каналы существующими в виде конструктов.

Е. Королларий о выборе

Формулировка короллария о выборе

Человек выбирает для себя ту альтернативу в разделенном на два полюса конструкте, через которую он антиципирует большую возможность расширения и определения своей системы»¹.

Если процессы какого-то конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события, а сами каналы представляются в дихотомической форме, то из этого следует, что он должен выбирать между полюсами своих дихотомий в манере, предсказываемой его антиципациями. Поэтому мы полагаем, что всякий раз, когда человек ставится перед возможностью сделать выбор, он будет склоняться к выбору той альтернативы, которая, как ему кажется, обеспечивает наилучшую основу для антиципирования последующих событий.

Здесь-то и дает о себе знать душевное смятение. Что конкретный человек предпочтет — безопасность или риск? Решит ли он выбрать то, что ведет к немедленной определенности и уверенности, или предпочтет то, что может в конечном счете дать ему более широкое понимание происходящего? Человеку с ограниченной перспективой, мир которого начинает рушиться, может казаться, что только смерть даст ему ту незамедлительную уверенность, которой он добивается. Однако, как замечает Гамлет:

Но страх: что будет там? — там,
В той безвестной стороне, откуда
Нет пришельцев... Трепещет воля
И тяжко заставляет нас страдать,
Но не бежать к тому, что так безвестно»².

Мы же предполагаем, что человек, независимо от широты его точки зрения, делает выбор таким образом, чтобы увеличить свои антиципации. Если он сужает поле видения, он может направить внимание на ясное определение своей системы конструктов. Если же он готов изо дня в день терпеть неопределенность, то у него появляется возможность расширить свое поле видения и надеяться за счет этого увеличить диапазон предсказаний своей системы. Каким бы ни оказался его выбор, — в пользу ограниченной уверенности или в пользу более широкого понимания, — он по сути своей допускает последующее развитие. Человек делает то, что в дальнейшем мы будем называть *выбором, допускающим развитие (the elaborative choice)*.

¹ Choice Corollary: A person chooses for himself that alternative in a dichotomized construct through which he anticipates the greater possibility for extension and definition of his system.

² Пер. Н. Полевого. (Примечание переводчика источника.)

Термины

а. *Выбирает (chooses)*. Человек не просто располагает системой истолкования, составленной из дихотомических конструктов, но в рамках этой системы он строит свою жизнь на основе одной из альтернатив, представленных каждой из дихотомий. Другими словами, он наделяет относительной ценностью полюса своих дихотомий. Одни из ценностей явно преходящи и отражают лишь случайный интерес. Другие же, напротив, весьма устойчивы и представляют собой руководящие принципы. Но даже эти устойчивые ценности не обязательно полностью осмысливаются и могут выступать скорее в виде инстинктивных предпочтений.

б. *Для себя (for himself)*. Когда кто-то делает выбор, то включает сам себя в этот отбор. Даже если выбор — это всего лишь временная гипотеза, исследуемая в ходе решения математической задачи или при поисках затерявшейся отвертки, человек должен осознавать, что и сам он изменяется вследствие цепи событий, вытекающих из его выбора. Одни выборы кажутся прямо-таки поворотными моментами в его жизни; другие могут показаться лишь мимолетными импульсами, — вроде решения посмотреть налево, а не направо.

в. *Альтернатива (alternative)*. Если кто-то образует конструкт «черный—белый», то для него объект не может быть и черным, и белым. Конструкт будет навязывать ему какую-то одну из этих двух альтернатив. Будь это не так, данный конструкт не имел бы никакого значения.

А как же оттенки серого? Да, конструкт «черный—белый» состоит из взаимоисключающих альтернатив, но это не мешает использовать его в релятивистском смысле. Релятивизм — вовсе не то же самое, что двусмысленность, хотя некоторые и пытаются толковать его таким образом. Из двух объектов один может быть чернее другого; но не может быть так, чтобы один объект был чернее другого и в то же время светлее его. Как мы увидим впоследствии, дихотомические конструкты могут встраиваться в шкалы, которые представляют собой суперординатные конструкты, являющиеся дальнейшими абстракциями отдельных шкальных значений. Так, «большая серость—меньшая серость» есть не что иное, как дальнейшая абстракция конструкта «черный—белый».

г. *Через (through)*. Мы должны помнить, что конструкты имеют отношение к процессам, а не только к пространственной организации статичных объектов. Кроме того, использование конструктов само по себе является процессом. Таким образом, использование конструктов — это вопрос выбора «вестибюлей», через которые человек проходит в течение всей своей жизни.

д. *Антиципирует (anticipates)*. Поскольку мы предположили, что всякое человеческое движение основывается на антиципациях, выбор альтернативы движения сам зависит от того, что человек антиципирует.

е. *Большая возможность (greater possibility)*. Наш выбор не обязательно базируется на антиципации какого-то конкретного события, он может основываться и на антиципации ситуации в целом. Человеку вовсе не надо знать во всех подробностях то, что он предполагает, чтобы сделать свой, допускающий дальнейшее развитие, выбор. Он может отправиться на рыбалку, выбирая лишь богатую рыбой реку.

ж. *Расширение (extension)*. Вместо того чтобы утверждать, будто человек делает выбор в пользу альтернативы, которая, видимо, предлагает большую возможность для расширения и определения, мы могли бы сказать, что он делает выбор в пользу большей возможности дальнейшего развития своей системы. Но мы хотим пояснить, что развитие чьей-либо системы истолкования может происходить как в направлении расширения или определения, так и в обоих направлениях сразу. Расширение системы включает изменения, которые делают ее более объемлющей, раздвигают ее диапазон пригодности и увеличивают число значащих событий в жизни человека.

з. *Определение (definition)*. Принцип допускающего развитие выбора также включает склонность человека двигаться в направлении того, что вроде бы делает его систему более определенной и ясно очерченной. Как уже указывалось, это может восприниматься в некоторых случаях в форме требования сузить поле действия — вплоть до точки предельного сжатия, самоубийства. Внутренний конфликт, как в истории Гамлета, часто оказывается, по существу, стремлением уравновесить прочную определенность узко ограниченного мира с неопределенными возможностями полнокровной жизни. Человек может антиципировать события, пытаясь все больше определить в отношении все меньшего количества вещей или, наоборот, пытаясь хотя бы смутно сознавать все больше событий на своем туманном горизонте.

и. *Своя система (his system)*. Здесь мы подчеркиваем предположение о том, что хотя человек и стремится прежде всего антиципировать события, он делает свой допускающий развитие выбор для того, чтобы определить или расширить ту систему, которую он счел полезной при антиципировании интересующих его событий. Можно было бы назвать это «стремлением к самозащите», «действием в защиту своего Я» или «сохранением собственной целостности». И все-таки, гораздо важнее учитывать то, каково это Я, на что нацелено и какую интегральную функцию выполняет. Тогда мы надеемся, что всем будет ясна суть нашего предположения, а именно, что человек делает свой выбор в пользу дальнейшего развития системы, которая функционально интегральна относительно антиципации событий. Для нас кажется бессмысленным ссылаться на систему в качестве системы. Система должна быть системой *для чего-то*. С нашей точки зрения, присущая человеку система истолкования предназначена для антиципации событий. Если бы она служила для чего-то другого, то, вероятно, сложилась бы как-то иначе. <...>

Ж. Королларий о диапазоне

Формулировка короллария о диапазоне

*Конструкт пригоден для антиципации только ограниченного круга событий*¹.

Как система или теория имеет свои фокус и диапазон пригодности, так и [личностный] конструкт имеет фокус и диапазон пригодности. Найдется очень мало [личностных] конструктов, если они вообще есть, о которых можно сказать, что они релевантны всему. Даже такой конструкт, как «хороший—плохой» в его персонализированной форме вряд ли будет считаться пользователем применимым ко всему им воспринимаемому. Разумеется, одни применяют данный конструкт шире, чем другие; но даже в этом случае они склонны устанавливать границы пригодности, за которыми элементы нельзя назвать ни хорошими, ни плохими. Гораздо легче увидеть, что конструкт «высокий—невысокий» имеет ограниченный диапазон пригодности. В своих толкованиях мы можем противопоставлять высокие дома, высоких людей и высокие деревья невысоким домам, людям и деревьям соответственно. Однако никто не сочтет пригодным истолкование, в котором высокая погода противопоставляется невысокой погоде, высокий свет — невысокому свету, а высокий страх — невысокому страху. Погода, свет и страх, по крайней мере для большинства из нас, явно выходят за пределы диапазона пригодности конструкта «высокий—невысокий».

Иногда просто поражаешься, насколько узко некоторые люди применяют какие-то из своих конструктов. Например, один человек может использовать конструкт «уважение—неуважение», широко применяя его к самым различным видам отношений между людьми. Другой же может использовать его для применения лишь к очень узкому кругу событий, возможно только к выбору слов в жестко регламентированной ситуации, такой, как рассмотрение дела в суде.

Как мы уже указывали ранее, при обсуждении короллария о дихотомии, наша позиция в этом вопросе несколько отличается от позиции классической логики. Мы понимаем релевантное сходство и противоположность как существенные и комплементарные признаки одного и того же конструкта, причем находящиеся в диапазоне пригодности данного конструкта. А то, что находится вне диапазона пригодности конструкта, рассматривается не как часть контрастирующего фона, а как область иррелевантности. <...>

¹ Range Corollary: A construct is convenient for the anticipation of a finite range of events only.

3. Королларий об опыте

Формулировка короллария об опыте

У каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий¹.

Поскольку наш основной постулат устанавливает в качестве цели психологических процессов антиципацию событий, из этого следует, что последовательное развертывание событий побуждает человека к истолкованию их заново всякий раз, когда происходит что-то неожиданное. В противном случае наши антиципации с каждым разом становились бы все менее реалистичными. Последовательность событий во времени непрерывно подвергает систему истолкования процессу проверки на правильность. Истолкования, накладываемые человеком на события, представляют собой рабочие гипотезы, которым предстоит пройти испытание опытом. По мере того как его антиципации или гипотезы проверяются и пересматриваются друг за другом в свете развертывающейся последовательности событий, система истолкования претерпевает прогрессивное изменение. Человек перестраивается. Это и есть опыт. Пересмотр собственной жизни опирается именно на эту разновидность опыта. Мы попытались выразить этот подтекст нашего основного постулата в королларии об опыте. <...>

II. Королларий о модуляции

Формулировка короллария о модуляции

Изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты².

Если мы хотим считать психологические процессы человека подчиняющимися законам той системы, которую он создает, нам нужно также объяснить эволюцию самой этой системы в виде столь же закономерных изменений. Наш королларий об опыте гласит, что у человека система истолкования изменяется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий. В качестве следующего шага нам необходимо указать на то, что постепенное изменение должно происходить и в самой системе. Будь это не так, мы бы оказались в положении тех, кто заявляет, что незначительные повседневные процессы человека систематически регулируются, тогда как системообразующие процессы

¹ Experience Corollary: A person's construction system varies as he successively construes the replications of events.

² Modulation Corollary: The variation in a person's construction system is limited by the permeability of the constructs within whose range of convenience the variants lie.

не подчиняются никакой более крупной, объемлющей системе. Мы не в праве настаивать на личной законосообразности элементов человеческого поведения и в то же время допускать, что *паттерны* человеческого поведения лишены всякой законосообразности. Равно как было бы нелепо стоять на том, что эти элементы подчиняются личной системе, тогда как образованные ими паттерны поведения могут эволюционировать только в рамках надличной системы.

Данная проблема представляет собой особый случай проблемы соотношения детерминизма и свободы воли, которую мы обсуждали в предыдущих разделах. Нами было высказано предположение, что детерминизм и свобода воли — это два комплементарных аспекта структуры. Они так же не могут существовать друг без друга, как *верх* без *низа* или *правое* без *левого*. Ни свобода воли, ни детерминизм не бывают абсолютными. Любое существо свободно *относительно чего-то*; и оно же детерминировано *относительно чего-то другого*.

Решение, предложенное для проблемы соотношения детерминизма и свободы воли, дает нам образец для понимания того, как люди могут меняться и все же считаться закономерными явлениями природы. У человека система истолкования образована комплементарными суперординатными и субординатными отношениями. Субординатные системы детерминированы теми суперординатными системами, в ведении которых они находятся. Со своей стороны, суперординатные системы вольны вызывать реорганизацию среди подчиненных им систем.

Именно это и обеспечивает системе личных конструкторов свободу и детерминизм. Изменения, присходящие по мере того, как человек продвигается к созданию более подходящей для антиципирования событий системы, можно считать находящимися под контролем имеющейся у него системы более высокого ранга. В своей роли, отождествляющей его с собственной верховной системой, данный человек свободен относительно тех субординатных изменений, которые он пытается провести. В своей роли последователя собственных основополагающих принципов он считает свою жизнь детерминированной ими. Как в правительственных кругах инструкции могут изменяться только в рамках твердых директив, директивы — в рамках принятых парламентом непреложных законов, а законы — в рамках незыблемой конституции, так и наши личные конструкторы изменяются только в пределах подсистем конструкторов, а подсистемы — в пределах более объемлющих систем.

Наша позиция состоит в том, что даже те изменения, которые конкретный человек пытается совершить в себе самом, должны быть истолкованы им же. Новая перспектива, которую человек приобретает с опытом, сама является событием и, будучи событием в его жизни, требует своего истолкования, если, конечно, он хочет извлечь из нее хоть какой-то прок. На самом деле, человек даже не сможет достигнуть этой новой перспективы, если до этого у него не будет более широкого взгляда, в рамках ко-

того ее можно истолковать. Выражая ту же мысль иначе, мы могли бы сказать, что человек научается определенным вещам отнюдь не в силу природы направленных на него стимулов; он усваивает только то, что его предназначенная для этой цели структура позволяет увидеть в стимулах.

Термины

а. *Проницаемость (permeability)*. Здесь мы вводим в состав психологии [личностных] конструктов специальный конструкт, которым будем довольно часто пользоваться в последующих разделах этой книги. В частности, в разделе, посвященном психотерапии и способам содействия людям в выработке нового взгляда на свою жизнь, мы предполагаем призвать на службу идею *проницаемости суперординатных конструктов*.

Конструкт проницаем, если он впускает в свой диапазон пригодности новые элементы, еще не истолкованные в его рамках. Предельно конкретный конструкт, если бы таковой существовал, был бы совершенно непроницаемым, поскольку состоял бы из строго определенных элементов — только этих и никаких других. Такой конструкт просто должен быть непроницаемым. <...>

При нашем собственном употреблении этого термина конструкт, который мы называем проницаемым, не обязательно является неопределенным, непоследовательным, всеобъемлющим или просто слабым. Он может быть совершенно определенным, практически не иметь тенденции к изменению, включать элементы, похожие в других отношениях, и быть прочным. Когда мы говорим, что конструкт проницаем, мы указываем лишь на описанный нами особый вид пластичности — способность включать новые элементы.

Необходимо признать, что когда к контексту конструкта добавляются новые элементы, то у самого конструкта обнаруживается тенденция к незначительному изменению. Абстракция А и В относительно С, вероятно, изменится, когда будет учтено еще и D. По этой причине проницаемые конструкты могут время от времени обнаруживать тенденцию к незначительному изменению. Но этот сдвиг минимален, и совсем не изменение мы имеем в виду, когда говорим о проницаемости. <...>

Конструкт, или аспект человеческой системы истолкования, можно назвать проницаемым, если он так устроен, что позволяет разборчиво добавлять новый опыт и новые события к тем, которые он уже охватывает. Конструкт, «относящийся к жизни спокойно», и есть проницаемый конструкт. Именно под началом таких конструктов субординатные аспекты принадлежащей человеку системы истолкования могут систематически изменяться, не вызывая полного краха его психологического хозяйства. И все же иногда такого краха не избежать. Часто на базе клиники мы можем наблюдать так называемую «декомпенсацию», имеющую место у клиента на протяжении нескольких дней или недель. И мы имеем воз-

можность видеть, как хрупкость и непроницаемость его системы истолкования не позволяла поддерживать те перемены, которые клиент считал необходимым провести. <...>

б. *Варианты (variants)*. Замещающие друг друга конструкты можно рассматривать как варианты. Предположим, что кто-то начинает с конструкта «боязнь—господство» и меняет его на конструкт «уважение—презрение». Несмотря на то, что когда-то он делил своих знакомых на тех, кого боялся, и тех, над кем имел власть, этот человек может — по мере того как становится более зрелым — перейти к делению знакомых ему людей на тех, кого он уважает, и тех, к кому относится с презрением. Но чтобы произвести такую замену, ему нужен еще один конструкт, в диапазоне пригодности которого находится конструкт «боязнь—господство» и который к тому же достаточно проницаем, чтобы вместить новую идею «уважение—презрение». Эти два конструкта, старый и новый, и есть варианты.

Проницаемым конструктом, в диапазоне пригодности которого лежат эти варианты, может быть такая категория, как «зрелость—детскость». Тогда аттитюд «боязнь—господство» можно было бы истолковать как «детскую» позицию, а аттитюд «уважение—презрение» — счесть относительно «зрелым» взглядом. Или может оказаться так, что и старый, и новый конструкты видятся сходными относительно зрелости сравнительно с детскостью. В первом случае человек сочтет свой новый аттитюд контрастирующим старому в этом отношении; в последнем — он будет считать новый аттитюд, в сущности, подобным старому. <...>

К. Королларий о фрагментации

Формулировка короллария о фрагментации

Человек может последовательно пользоваться множеством подсистем истолкования, которые инференциально¹ несовместимы друг с другом².

У человека система истолкования находится в состоянии непрерывного изменения. Однако, даже если она флуктуирует в границах суперординатной системы, следующие друг за другом формулировки, создаваемые человеком, могут и не выводиться одна из другой. Возможно, то, что Вилли думает сегодня, нельзя прямо вывести из того, что он думал вчера. Тем не менее, его смещение, в свете нашего короллария о модуляции, согласуется с более устойчивыми аспектами его системы. Осторожность заставляет нас сказать уже сейчас, что новые конструкты —

¹ Т.е. не предполагают возможности перехода от одной подсистемы к другой логически непротиворечивым способом. (Примечание переводчика источника.)

² Fragmentation Corollary: A person may successively employ a variety of construction subsystems which are inferentially incompatible with each other.

это не обязательно прямые дериваты или особые случаи старых конструктов человека. Мы можем быть уверены только в том, что изменения, имеющие место при переходе от старых конструктов к новым, происходят в рамках более крупной системы.

Тогда эти более крупные системы, возможно, уже претерпели изменение (разумеется, в рамках еще большей системы) под воздействием старого конструкта. В таком случае и в таком смысле старый конструкт является законным предшественником нового конструкта. Однако если между ними существует родство, то не прямое, а по боковой линии. Старый и новый конструкты могут сами по себе оказаться инференциально несовместимыми друг с другом.

Это важный королларий. Он должен сделать еще яснее предполагаемую необходимость отыскания «правлящей» системы конструктов для того, чтобы объяснять поведение людей в противоположность стремлению просто объяснять каждый кусочек поведения как непосредственно вытекающий из предшествующего ему поведения. <...>

Королларий о фрагментации является отчасти производным от короллария о модуляции. В этом последнем говорилось, что изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты. Мы не предполагали, будто изменение истолкований у человека подчинено всем предыдущим (во времени) аспектам его системы. Наше предположение ограничивается тем, что согласованность служит законом только в контексте более проницаемых аспектов системы.

Теперь, когда мы предложили более операциональное определение согласованности, цель короллария о модуляции должна стать яснее. Королларий о фрагментации развивается в качестве эксплицитного утверждения о несогласованности того вида, какую королларий о модуляции допускает имплицитно. Королларий о модуляции допускает несогласованность между подсистемами. Точнее, он позволяет последовательное использование подсистем, которые сами по себе не аддитивны. <...>

Л. Королларий об общности

Формулировка короллария об общности

Психологические процессы одного человека сходны с психологическими процессами другого человека в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой¹.

¹ Commonality Corollary: To the extent that one person employs a construction of experience which is similar to that employed by another, his psychological processes are similar to those of the other person.

Теперь мы приступаем к обсуждению следствий нашего основного постулата в сфере межличностных отношений. Как мы уже указывали, для двух людей вполне возможно оказаться вовлеченными в одни и те же реальные события; но поскольку они истолковывают их по-разному, то и переживают эти события по-разному. Так как они истолковывают их по-своему, то антиципировать развитие событий они тоже будут по-своему и, вследствие своих антиципаций, будут по-разному вести себя. То, что такие различия должны существовать, логически следует из нашего основного постулата, и мы уже заявили об этом в королларии об индивидуальности. Но если у нас есть королларий об индивидуальности, у нас должен быть и королларий об общности. <...>

М. Королларий о социальности

Формулировка короллария о социальности

В той мере, в какой один человек истолковывает процессы истолкования другого, он может играть роль в социальном процессе, включающем этого другого человека¹.

Хотя общие или сходные культурные истоки склоняют людей к тому, чтобы воспринимать события одинаково и вести себя сходным образом, это не гарантирует не только культурного прогресса, но даже и социального согласия. Воины, выросшие из зубов дракона, посеянных Ясоном, имели много общего, однако из-за неверного взаимоистолкования мотивов не смогли объединиться в созидательном предприятии и вскоре истребили друг друга. Для того, чтобы играть конструктивную роль по отношению к другому человеку, нужно не только сходиться в известной мере с ним во взглядах, но хотя бы частично принимать его самого и его образ видения фактов. Мы можем выразить это иначе: человеку, желающему играть конструктивную роль в социальном процессе с другим человеком, нужно не столько истолковывать то, что другой человек делает, сколько эффективно истолковывать точку зрения этого другого.

Здесь мы имеем точку роста для социальной психологии. Пытаясь выдвинуть на передний план психологии понимание личных конструктов и признавая, — как королларий нашего основного постулата, — категоризацию совершаемых другими людьми попыток истолкования в качестве основы для социальной интеракции, мы тем самым сказали, что социальная психология должна быть психологией межличностного взаимопонимания, а не только психологией общего взаимопонимания.

Мы можем истолковывать то, что думают другие люди, на разных уровнях. Ведя машину по скоростному шоссе, например, мы рискуем сво-

¹ Sociality Corollary To the extent that one person construes the construction processes of another, he may play a role in a social process involving the other person.

ей жизнью по сто раз на дню, делая ставку на точность наших предсказаний поведения водителей встречных машин. Организованный, крайне сложный и точный рисунок дорожного движения — действительно поразительный пример людей, предсказывающих поведение друг друга посредством категоризации восприятия ситуации глазами разных водителей. Но фактически каждый из нас почти ничего не знает о высших мотивах и сложных стремлениях водителей встречных машин, от поведения которых зависят наши жизни. Достаточно, в целях избежания столкновений, чтобы мы понимали или категоризовали лишь некоторые специфические аспекты их систем истолкования. Если же мы хотим понять их на более высоких уровнях, то должны остановиться, выйти из машины и поговорить с ними.

Если мы в состоянии точно предсказать, как поведут себя другие, мы можем приспособиться к их поведению. А если и другие знают, как распознать то, что мы сделаем, они тоже способны приспособиться к нашему поведению и могут, например, уступить нам право проезда. Это взаимное приспособление к точкам зрения друг друга имеет место потому, что — исходя из теории [личностных] конструктов — наша система истолкования категоризирует принадлежащие другим системы истолкования в качестве своих объектов, а их системы истолкования частично делают то же самое с нашей системой. Понимание, хотим мы того или нет, не достигается усилиями одной стороны, оно может быть только обоюдным.

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ¹

Репертуарный тест ролевого конструкта

Келли разработал «Репертуарный тест ролевого конструкта» (сокращенно Реп-тест) для оценки важных конструктов, которые человек использует при интерпретации значимых людей в его жизни². Первоначально Реп-тест мыслился как диагностический инструмент для того, чтобы помочь психотерапевту понять систему личностных конструктов клиента и то, как он использует ее для оценки своего социального и материального окружения. К сожалению, характер Реп-теста не вписывается в традиционную систему психометрической оценки; нет данных о его надежности, валидности или стандартизации, которые позволяют потенциальному пользователю применять тест практически. Но в том, что делал Келли, вообще очень мало традиционного. Итак, хотя Реп-тест был разработан в рамках теории Келли, исследования, касающиеся его клинического и экспериментального применения не обязательно показывают валидность самой теории. Помня об этом предостережении, давайте рассмотрим, как используется этот оценочный инструмент для измерения конструктивной системы человека.

Существует много форм Реп-теста, индивидуальных и групповых, но одна методика является общей для всех. Испытуемому предлагается *список названий ролей* — от 20 до 30 различных обозначений ролей людей, которые предположительно важны или были важны для тестируемого

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер, 2000. С. 457–462.

² См.: Kelly G. The psychology of personal constructs. N. Y.: Norton, 1955. Vol. 1, 2.

(например, учитель, который ему нравился). Испытуемого просят написать для каждой роли имя лично знакомого ему человека, который больше всего подходит к этой роли. Некоторые из типичных ролей, встречающиеся в перечне названий ролей, приведены в табл. 1.

Люди, которых испытуемый внес в список, называются *фигурами*. После того, как перечень ролей заполнен, испытуемому предъявляют три имени фигур из перечня и просят установить «самое важное, что делает похожими две, но отличает их от третьей». Например, испытуемого могут попросить определить сходство и различие людей, которых он обозначил как сестру, брата и мать. Рассматривая эту триаду, испытуемый говорит, например, что брат и сестра похожи в том, что они «спокойные», в отличие от матери, которая «гиперактивна». В терминологии Келли, кон-

Таблица 1

Перечень определений названия ролей
для решетки Реп-теста

	Название роли	Определения
1	Я	Вы сами
2	Мать	Ваша мать или человек, выполняющий роль матери в вашей жизни
3	Отец	Ваш отец или человек, выполняющий роль отца в вашей жизни
4	Брат	Ваш брат, близкий вам по возрасту, или, если его нет, мальш приблизительно вашего возраста, который мог бы быть вам братом в раннем отрочестве
5	Сестра	Ваша сестра, близкая вам по возрасту, или, если у вас нет сестры, девочка приблизительно вашего возраста, которая могла бы быть вам сестрой в раннем отрочестве
6	Супруг(а)	Ваша жена (муж), или, если вы не состоите в браке, ваш теперешний друг противоположного пола
7	Принимаемый учитель	Учитель, сильнее всего повлиявший на вас, когда вы были подростком
8	Отвергаемый учитель	Учитель, чьи взгляды вызывали у вас наибольшие возражения, когда вы были подростком
9	Начальник	Работодатель, супервизор или служащий, которому вы подчинялись в период большого стресса
10	Доктор	Ваш врач
11	Человек, которого вы жалеете	Человек, которому вы больше всего хотели бы помочь или больше всего сочувствуете
12	Отвергающий человек	Человек, с которым вы были связаны и которому по каким-то неожиданным причинам вы не нравитесь
13	Счастливый человек	Счастливый человек, которого вы лично знаете
14	Этичный человек	Человек, отвечающий самым высоким этическим нормам, которого вы лично знаете
15	Умный человек	Самый умный человек, которого вы знаете лично

Источник: адаптировано из Kelly, 1955, p. 227.

структ, полученный таким «способом», это шкала «спокойный—гиперактивный». Данную процедуру повторяют с несколькими другими триадами (Келли рекомендует от 20 до 30 таких проб), для того чтобы определить, как испытуемый классифицирует и дифференцирует перечисленных им людей. Все роли используются в триадах приблизительно в равной степени, чтобы не оказывать выборочное давление на исследование основных конструктов испытуемого. Основываясь на вербальном содержании выведенных конструктов, психолог может сделать предположение о том, как испытуемый воспринимает значимых для него людей и общается с ними. Эта форма Реп-теста называется *формой перечня* и применяется индивидуально.

Келли также разработал *технику репертуарной решетки* (рис. 1). Метод применения этой версии Реп-теста состоит в том, что испытуемому

Я	Мать	Отец	Брат	Сестра	Супруг(а)	Принимаемый учитель	Отвергаемый учитель	Начальник	Доктор	Человек, которого вы жалесте	Отвергающий человек	Счастливый человек	Этичный человек	Умный человек	№ п. п.	Полюс конструкта	Противоположный полюс
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
							✓	⊗	⊗		o			✓	1	авторитетный	неавторитетный
o	o	o													2		
	o						o					o			3		
				o								o		o	4		
			o					o					o		5		
o					o	o				o					6		
	o	o													7		
o		o	o												8		
											o		o	o	9		
				o		o						o			10		
							o			o					11		
											o	o	o		12		
	o		o											o	13		
				o		o		o							14		
o		o								o					15		

Рис. 1. Репертуарная решетка Реп-теста
(Источник: адаптировано из Kelly, 1955, p. 270)

предъявляют специально подготовленную решетку, или матрицу, в которой на одной оси перечислены значимые фигуры его жизни, а на другой — различные разряды, к которым он их относит. Испытуемый заполняет форму, обозначая людей, которые подходят к ролям, указанным сверху на рис. 1 (т.е. после прочтения краткого определения роли каждого). Затем испытуемого просят заполнить первый ряд матрицы под колонками, обозначив трех людей кружками. Эти кружки обозначают три фигуры, которых испытуемый считает перворазрядными. На рис. 1, например, ряд 1 матрицы содержит кружки в клетках под колонками 9, 10 и 12 (т.е. «начальник», «доктор» и «отвергаемый человек»). Испытуемого просят подумать о важной характеристике, которая делает двух из этих трех людей похожими друг на друга и отличает их от третьего человека. Решив, чем эти две фигуры похожи, но отличаются от третьей, испытуемый перечеркивает два кружка, которые соответствуют двум похожим людям. Третий кружок остается неперечеркнутым. Затем испытуемый пишет слово или короткую фразу, которая показывает, чем эти две фигуры похожи, в колонке «полюс конструкта». В колонке «противоположный полюс» он пишет слово или короткую фразу, из которой ясно, чем третья фигура отличается от двух других. Как показано на рис. 1, начальник и доктор похожи, потому что они «начальство», а отвергаемый человек «не начальство». Наконец, испытуемый проверяет оставшиеся фигуры в первом ряду (не рассматривавшиеся в разряде, который выявлял величину конструкта) и делает пометку в клетке, если характеристику полюса конструкта можно использовать для интерпретации этой фигуры. Этот процесс продолжается до тех пор, пока испытуемый не заполнит все оставшиеся ряды. В результате получается решетка с фигурами сверху, различными конструктами в правых колонках и пустыми и помеченными клеточками внутри прямоугольника. Возможно, вам это покажется интересным и познавательным, и вы заполните решетку на рис. 1 своими собственными социальными конструктами.

Как интерпретировать результаты Реп-теста. Конечным результатом Реп-теста является модель конструктов, которые человек использует для интерпретирования своей социальной действительности. Данные формы перечня обычно подвергаются клиническому анализу, в котором исследователь рассматривает: 1) количество и разнообразие выявленных конструктов; 2) содержание и характер конструктов; 3) связь различных фигур с конструктами и между собой; 4) дополнительные характеристики конструктов испытуемого, такие как их проницаемость, открытость или закрытость и коммуникабельность. Это субъективная интерпретация результатов Реп-теста. Келли¹ разработал математическую схему анализа формы решетки, для того чтобы уменьшить вероятность интерпретационных ошибок или отклонений. При этой форме статистического ана-

¹ См.: Kelly G. A nonparametric method of factor analysis for dealing with theoretical issues. Unpublished manuscript. Mimeograph, Ohio State University, 1961.

Таблица 2

Шкала когнитивной сложности—прос тоты

Когнитивно сложный человек	Когнитивно простой человек
Имеет конструктивную систему, содержащую четко дифференцированные конструкты	Имеет конструктивную систему, в которой неясны различия между конструктами
Может четко отличать себя от других	Затрудняется отличать себя от других
Способен прогнозировать поведение других	Не способен прогнозировать поведение других
Рассматривает других по многим категориям	Рассматривает других по небольшому числу категорий

лиза решетка сокращается до нескольких основных конструктов, которые наиболее точно отражают систему взглядов испытуемого.

Другой способ анализа результатов Реп-теста был предложен Байери¹. Он предположил, что изучая пометки в различных рядах формы решетки, можно определить относительную когнитивную сложность—простоту конструктивной системы индивида. Одинаковые пометки обозначают малое количество конструктов и, следовательно, недифференцированное мнение о других (когнитивная простота). С другой стороны, неодинаковые пометки означают большое количество конструктов и, следовательно, высоко дифференцированную конструктивную систему (когнитивную сложность). По Байери, люди, характеризующиеся когнитивной простотой, вероятно, будут игнорировать информацию, которая противоречит их сложившемуся впечатлению о других. Они чрезмерно просты и не разнообразны в межличностном общении. Далее им трудно увидеть разницу между собой и другими (они стремятся предположить, что другие похожи на них).

И напротив, люди с когнитивной сложностью, вероятно, будут кодировать все нюансы и тонкости личности другого человека, включая неизбежные противоречия. Они также смогут прогнозировать поведение других лучше, чем те, кто отличается когнитивной простотой. В табл. 2 обобщаются ключевые характеристики людей, обладающих когнитивной простотой и когнитивной сложностью.

Допущения, лежащие в основе Реп-теста. Келли признавал, что и исследователи, и психотерапевты должны делать некоторые допущения, используя Реп-тест для измерения личностных конструктов². Одним из таких допущений является то, что конструкты, выявленные с помощью теста, не ограничиваются людьми, перечисленными в перечне названий ролей, они будут использовать новых людей в новых ситуациях. Если бы

¹ См.: Bieri J. Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. 51. P. 263–268; Bieri J. Complexity-simplicity as a personality variable in cognitive and preferential behavior // D. Fiske, S. Maddi (Eds.). Functions of varied experience. Home-wood, IL: Dorsey Press, 1961.

² См.: Kelly G. The psychology of personal constructs. N. Y.: Norton, 1955. Vol. 1, 2.

респондент использовал конструкты, выявленные с помощью теста, только по отношению к людям, упомянутым в перечне, это уменьшило бы ценность результатов для исследователя, пытающегося понять, как человек интерпретирует социальный мир в целом. В этой связи существует допущение, что люди, упомянутые в тесте, являются представителями тех, с кем, возможно, испытуемые общаются в повседневной жизни. Образцы конструктов, используемых только для отдельных людей, которых испытуемые редко встречают, не столь ценны для понимания того, как испытуемые интерпретируют большинство людей, с которыми они регулярно общаются.

Наиболее слабым местом в теории Келли является предположение, что люди могут точно описать (определить) конструкты, которые они используют, чтобы объяснить, в чем другие люди похожи друг на друга, а в чем различны. Однако ограничения, свойственные нашему языку, предполагают, что конструкты не могут всегда быть адекватно вербализованы. Келли признавал, что точные слова не всегда приходят на ум, когда людей просят описать их конструктивные системы. Фактически он полагал, что иногда люди формулируют «превербальные конструкты» еще до того, как они научатся говорить. Тем не менее, даже когда испытуемые находят слова, наиболее точно выражающие то, что они подразумевают, исследователи по-разному могут интерпретировать их. Слова, которые испытуемые выбирают для описания конструктов, могут быть интерпретированы исследователем так, что у него может сложиться неправильное впечатление о мировоззрении испытуемого.

Учитывая тот факт, что Реп-тест имеет существенные ограничения¹, вероятно, лучше всего рассматривать его только в качестве одного из нескольких источников информации о том, как люди интерпретируют свой мир (как и большинство методов самооценки). А именно, если исследователи и психотерапевты осведомлены о некоторых допущениях, лежащих в основе этого метода, то Реп-тест может быть полезным инструментом в изучении конструктивной системы испытуемых.

¹ См.: Bonarius J., Holland R., Rosenberg S. (Eds.) *Personal construct theory: Recent advances in theory and practice*. London: Macmillan, 1980.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты

В трех томах

Том 2

Субъект деятельности

Книга 2

Редактор М.И. Черкасская

Оформление обложки и верстка О.В. Кокоревой

УМК «Психология»

121069, г. Москва, Трубниковский пер., д. 22, стр.2.

Тел. (095)746-02-39, тел./факс (095)952-45-90.

E-mail: collect@mail.ru

Московский психолого-социальный институт.

113191, г. Москва, 4-й Рошинский проезд, д. 9А.

Тел. (095) 234-43-15, 958-17-74 доб. 111, 117.

E-mail: publish@edunet.ru

Подписано в печать 18.03.2004. Формат 70×100/16. Тираж 3000 экз.
Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook. Усл. печ. л. 42,56. Заказ № 1662

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32